ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

до середины XIX века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

до середины XIX века

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3(5)Г(2)
И90

Ответственные редакторы
Г. Ф. КИМ, П. М. ШАСТИТКО

Редакционная коллегия:
А. П. БАЗИЯНЦ, А. А. ВИГАСИН,
В. Г. ВОЛОВНИКОВ, А. Н. КОНОНОВ,
Н. Н. НАЗИРОВА (секретарь редколлегии),
В. Н. НИКИФОРОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

И90 **История** отечественного востоковедения до середины XIX века.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 435 с.
ISBN 5-02-016933-1

В книге показано развитие отечественной ориенталистики от первых сведений на Руси о Востоке до середины, точнее до 60-х годов, XIX века. На архивном и историографическом материале изложены предыстория и основные этапы становления российского востоковедения; показаны процессы накопления исследователями материала, начала изучения источников, организационного оформления отечественного востоковедения. Здесь приводятся творческие биографии российских востоковедов, характеризуются научные концепции и научные школы в рассматриваемый период.

И $\frac{0503010000\text{-}208}{013(02)\text{-}90}$ 27-90

ББК 63.3(5)Г(2)

ISBN 5-02-016933-1

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Научное востоковедение в Западной Европе зародилось в XVIII в. В XIX столетии оно получило интенсивное развитие. В первую очередь это касалось стран, обладавших колониями,— Англии, Франции, Голландии, а позднее Германии и Италии. В Испании и Португалии, хотя еще и сохранивших колонии, но уже утративших к этому времени роль первостепенных держав, востоковедные исследования, имевшие традиции в изучении религии, сократились. Развитие востоковедения отражало политические и социально-экономические реалии.

По мнению акад. Н. И. Конрада, «наряду с практическим востоковедением, как стали обозначать это направление в изучении Востока, развивалась и та отрасль востоковедной работы, которая получила наименование научного востоковедения. Толчком к его развитию послужил более глубокий интерес к Востоку» [1].

Научному востоковедению, как западноевропейскому, так и дореволюционному российскому, свойственны внутренние противоречия. Призванное к жизни внешнеполитическими, военными и экономическими целями государств-колонизаторов, оно интенсивно развивалось, исследуя язык, литературу, историю, памятники, культуру народов Востока. Добросовестный ученый-ориенталист вводил в научный оборот и делал достоянием читателя памятники древних культур, которые объективно разрушали миф об отсталости Востока и исключительности Запада. Востоковедение разрушало концепции европоцентризма, содействовало взаимовлиянию культур, давало неограниченный материал для сравнительно-исторического метода в науке.

На страницах книг ученых-востоковедов оживали погребенные под пластами веков цивилизации и умершие языки, начинали говорить с современником древние манускрипты. Не само изучение стран Востока добросовестными учеными служило целям колониальной политики, а использование этих знаний колонизаторами в целях политических спекуляций. Лучшие представители научного востоковедения Запада преданно служили науке, питали глубокий и бескорыстный интерес к достижениям восточных цивилизаций и много сделали для ознакомления народов своих стран с культурой и историей Азии.

Главными дисциплинами научного востоковедения стали филология (с уклоном в изучение древних языков), текстология, древняя и средневековая история, философия, религия. Ученые занимались переводом и исследованиями памятников историче-

ских, философских, религиозных, правовых, литературных, поэтому ориенталистика оставалась комплексной наукой, включающей ряд гуманитарных наук. Но в основе ее лежало знание языка источника. Н. И. Конрад в статье «Старое востоковедение и его новые задачи» отмечал, что научное исследование в востоковедении предполагало филологическое изучение источника и исторического контекста эпохи, в которой он создавался. «Содержание первого,— писал он,— состоит в изучении памятников письменности, как явлений духовной культуры данного периода; содержание второго — в изучении не памятников такой культуры, а отдельных сфер исторической, культурной жизни народов, отраженных в памятниках. А обе эти отрасли научного востоковедения выполняют, каждая со своей стороны, общую задачу: описание и объяснение картины исторической и культурной жизни народов Востока...» [2].

Хотя между практическим и научным востоковедением не было «китайской стены», оба эти направления развивались с относительной автономностью. Востоковеды-практики широко использовали в своей работе труды востоковедов-ученых, которые отправлялись на Восток для проведения исследований часто на средства колониальной администрации и богатых меценатов. Практические востоковеды порой занимались научными исследованиями и преуспевали в них. Наконец, ученые преподавали востоковедные дисциплины в университетах студентам, большинство которых готовило себя к деятельности колониальных чиновников.

Что касается ориенталистики в России, то истории о далеком, окутанном таинственной экзотикой Востоке, жизни его народов, религии и государственном устройстве издавна интересовали русских. Развитие востоковедения обусловливалось внешней политикой Русского государства, расположенного на стыке Востока и Запада.

Российское практическое востоковедение берет начало с общения, в основном торгового, княжеств Руси с сопредельными восточными государственными образованиями. Огромное значение для познания русскими Востока имело принятие Русью в 988 г. христианства. Через паломников, служителей церкви и церковные книги они получают сведения о странах и народах Ближнего Востока и Южной Азии. Усиливаются связи Руси с Византией. Магистральный путь связи русских княжеств с Востоком шел по Днепру через Киев.

С XIII в. начались контакты Руси с государствами Средней и Центральной Азии: русские купцы совершали поездки в Хорезм, а служилые люди — в Монголию. Известно, что русские послы в XV в. посещали Герат, а гератские — Москву. В 1469—1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин побывал в Индии, а несколько позднее — Федот Котов в Иране.

Новый этап в отношениях России с Востоком приходится на конец XV в., когда под властью Москвы образуется объединен-

ное Русское, или Московское, государство. С конца XV в. установились дипломатические отношения Московского государства с Османской империей. В 1497 г. султан Баязид принял первого русского посла — Михаила Плещеева. Позднее, в 1532 г., двор Василия III посетило посольство основателя империи Великих Моголов в Индии — Бабура. Участились поездки дипломатических представителей других стран.

Иван Грозный не только завершил объединение русских земель, но и начал активную завоевательную политику на Востоке. Осенью 1552 г. русское войско захватило Казань — столицу Казанского ханства, центр транзитной торговли с Востоком и одновременно главное препятствие на пути сношений России с государствами Средней Азии. В 1556 г. было покорено Астраханское ханство, что дало возможность установить торговлю с Ираном.

Таким образом, к середине XVI в. Россия, объединив большую часть народов Поволжья, получила возможность открыть свою торговлю со Средней Азией, Ираном и Кавказом и частично контролировать транзитную торговлю Западной Европы с этими регионами, а также установить дипломатические отношения с Востоком. Основным, магистральным путем стала Волга. А центр связей Руси с Азией переместился в Москву. В 1559 г. сюда прибыло первое посольство из Средней Азии. Русская внешняя торговля заметно окрепла, и в середине XVI в. современник свидетельствовал, что в Москву стекались «купцы иноземные — турцы и армены и немцы и литва» [3]. В 1549 г. Иван Грозный утвердил Посольский приказ — первое внешнеполитическое ведомство России, куда стекались сведения о многих государствах Востока.

Иван IV не остановился на подчинении народностей по берегам Волги. При нем началось присоединение и заселение Сибири. В 1574 г. государь жаловал купцам Строгановым право строить города на Тоболе, Иртыше и Оби. Русские отправились на Восток, сделав ряд выдающихся открытий, имевших не меньшее значение, чем великие плавания западноевропейцев. В 1639 г. отряды томских казаков вышли на побережье Ламского (Охотского) моря. Позднее, в 1648 г., Семен Дежнев открыл «край и конец Сибирской земли». Экспедиция Федота Алексеева (Попова) достигла Колымы. Затем русские проникли в Даурию (Забайкалье и Приамурье) и вышли к берегам Тихого океана. Открытия Пояркова и Хабарова стали выдающимися событиями в географии Дальнего Востока. Так возникли условия для связи с Монголией и Китаем. В 1697 г. казак Владимир Атласов с небольшим отрядом достиг Камчатки и получил первые сведения о далеком полуострове. Основанный еще в 1601 г., укрепленный пункт Мангазея стал важным центром торговли с народами Дальнего Востока.

Таким образом, российские путешественники внесли огромный вклад в изучение Азии. Но это были прежде всего геогра-

фические и этнографические исследования. Востоковедение как отрасль науки еще не оформилось.

К концу XVII столетия самодержавная власть на Руси укрепляется настолько, что в ней обнаруживается стремление к абсолютизму. Московское царство было подготовлено к тому, чтобы стать Российской империей. В 1721 г. Петр I был провозглашен императором. Новый самодержец не только «прорубил окно в Европу», но и проводил активную восточную политику. Одна из острых проблем, унаследованных Петром от своих предшественников,— турецкая. Царь предпринял несчастный Прутский поход, который эту проблему не разрешил. Более удачным для России был Персидский поход Петра. Россия прочно утвердилась на Каспийском море, в результате чего открылись надежные торговые пути в страны Среднего Востока. Петр настойчиво искал возможности установления связей с Индией. Он направил в далекую страну два корабля; в инструкциях капитанам говорилось: «Когда с помощью божиею в показанное место в Ост-Индию прибудете, тогда явитесь там к Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтобы с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть, и как можно трудитесь, чтобы между обеих сторон произвести к пользе благополучную коммерцию» [4].

Петр осуществил радикальные преобразования в области науки и культуры. В 1713 г. была открыта Кунсткамера для сбора «диковинных» вещей, в том числе с Востока, и основана библиотека, где сосредоточились многие редкие книги на разных языках.

В 1724 г. император, как писал Пушкин в «Истории Петра», «занялся планом Академии Наук и списывался о том с Лейбницем, Вольфом, Фонтанелем и аббатом Биньоном». Однако он скончался, не издав указ.

Академия наук в Петербурге была открыта в 1725 г. Ей были переданы библиотека и Кунсткамера. Через короткое время, как писал И. Бакмейстер, историк Кунсткамеры, она располагала «таким количеством изысканных по разным азиатским странам и народам редкостей, что таковым множеством ни один в Европе кабинет хвалиться не мог» [5]. Российская академия была чужда национальной замкнутости. Уже в проекте указа об ее создании говорилось: «Каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать. И также ему лехко будет экстракт из оных сочинять» [6]. В русле европейской ориенталистики развивалась и отечественная наука. Взаимовлияние научных школ обогащало востоковедение. В 1730 г., например, был издан обзор европейских трудов по синологии. В эти годы продолжается изучение Северной Азии. В 1750 г. акад. Г.-Ф. Миллер опубликовал капитальный труд «История Сибири».

Российское научное востоковедение имело три основных источника формирования:

1) практическое востоковедение, обслуживавшее нужды в первую очередь внешней политики и торговли. Его составной частью была деятельность миссионеров в странах Азии;

2) традиционные школы восточных народов (вошедших в состав Российской империи), и в их числе феодально-религиозные учебные заведения, где изучались история и культура как своя собственная, так и сопредельных стран;

3) западное востоковедение, т. е. приглашение европейских ученых-востоковедов для работы в России и перевод на русский язык трудов, изданных в европейских центрах ориенталистики.

В первый период развития российское востоковедение достигло значительных успехов; оно окончательно формируется как отрасль гуманитарных наук. Образуются три его центра: петербургский, московский и казанский. В конце XVIII — первой четверти XIX в. в ориенталистике обозначается просветительское течение, связанное с именами А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, затем А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова и других прогрессивных деятелей эпохи, в том числе декабристов. Важно подчеркнуть, что востоковедение развивалось на ярком фоне мощного расцвета российской науки, культуры, литературы и искусства первой половины XIX столетия. Две даты — 1812 и 1825 гг. — украсили историю России этого периода. В это же время появляется «История государства Российского» Н. М. Карамзина, кстати, автора перевода индийской драмы «Шакунтала». Один за другим возникают университеты: в Москве (1755), Дерпте (1802), Вильно (1803), Казани (1804), Харькове (1805), Петербурге (1819), Киеве (1834). В Москве основывается Лазаревский институт восточных языков (1815).

Первую половину XIX столетия можно назвать периодом собирания сил и организационного укрепления российского востоковедения. Основная черта этого этапа — разделение на два направления: 1) практическое (официальное), 2) академическое и университетское.

Крупнейшие ученые нашего Отечества внесли свой вклад в изучение истории ориенталистики. Достаточно отметить такие основополагающие работы, как «История изучения Востока в Европе и России» акад. В. В. Бартольда, «Запад и Восток» акад. Н. И. Конрада, а также назвать имена академиков С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского, В. М. Алексеева, А. Н. Кононова, П. Е. Скачкова и др. В послевоенные годы в Институте востоковедения благодаря стараниям Н. П. Шастиной вышло шесть сборников по истории востоковедения; в 80-е годы это издание было возобновлено.

Авторы настоящей книги ставили своей целью показать обобщенный процесс истории отечественной ориенталистики с первых сведений на Руси о Востоке до середины XIX в., иногда затраги-

вая и начало 60-х годов этого столетия. Главное внимание обращалось на развитие знаний о Востоке, становление востоковедной мысли, формирование концепций и образование научных школ, получивших признание.

Комплексный характер востоковедения побудил авторский коллектив принять принцип изложения, в котором в дореволюционный период проблемы изучения истории, литературы, языка, религии отдельных регионов Востока даются совокупно. Это наиболее полно отражает характер науки того времени. Следует отметить, что приоритетное внимание в данной монографии уделено истории народов Востока, а не другим отраслям ориенталистики. Этот труд написан историками и предназначен прежде всего для историков.

Во главу угла данного исследования положена академическая и университетская ориенталистика, но авторы считали также необходимым показать основные вехи в развитии практического востоковедения, связанного с деятельностью внешнеполитического и военного ведомств России.

Авторы отдельных глав настоящей монографии: Введение — П. М. Шаститко; глава 1 — А. А. Вигасин; глава 2 — А. М. Куликова, Е. И. Кычанов; глава 3 — А. П. Базиняц, Ю. Е. Борщевский, Н. А. Мазитова, Р. П. Неймантес, П. П. Нурмекунд, Н. К. Чарыева, И. Д. Черников; глава 4 — В. Г. Воловников, М. Р. Рыженков, А. Н. Хохлов; глава 5 — О. Д. Берлев, З. И. Ворожейкина, А. И. Колесников, Н. Л. Лужецкая, Е. И. Петросян, Э. Х. Панеш, В. В. Полосин, Т. И. Султанов, Н. Н. Туманович, И. Ш. Шифман; глава 6 — Е. И. Кычанов, В. Н. Никифоров, А. Г. Сазыкин, Т. А. Пак, А. Н. Хохлов; глава 7 — М. И. Воробьева-Десятовская; глава 8 — Д. И. Белкин; Заключение — В. Н. Никифоров, П. М. Шаститко.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕР СВЕДЕНИЙ О ВОСТОКЕ В ДРЕВНЕЙ И ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ

Российское государство своим географическим положением — на стыке Европы и Азии — определило появление разносторонних и долговременных связей русского и восточных народов. Наличие этих взаимоотношений в течение ряда веков вызывало в России практический интерес к Востоку и способствовало накоплению знаний о нем.

Археологические источники и литературная традиция показывают, что через земли восточных славян (а впоследствии Киевскую Русь) проходили пути, соединявшие Византию и Багдадский халифат с народами Северной Европы. Военные походы, так же как и торговля Руси, были первоначально ориентированы прежде всего в сторону Византии и арабского мира. На территории Восточной Европы найдено множество крупных кладов серебряных арабских дирхемов, главным образом VIII—IX вв. Характерно, что старинные арабские географы, почти не упоминающие страны Западной Европы, нередко говорят о Руси. Бо́льшая часть их сведений относится к периоду становления древнерусской государственности. Сообщения о славянах встречаются также у византийских, армянских, сирийских писателей. Ибн Хордадбех (вторая половина IX в.) рассказывает о торговом пути из русских земель по Волге до столицы Хазарского каганата Итиля и далее по Джурджанскому (Каспийскому) морю — в Балх, Мавераннахр, Багдад. В VI—IX вв. у восточных славян начинают складываться феодальные отношения, и в IX в. возникает государство со столицей в Киеве.

Важне́йшую роль в торговле и международных отношениях с Востоком играла столица Древнерусского государства Киев. Киевские князья со своими дружинами в X в. предпринимали походы в Южное Прикаспье, сражались под Бердаа и Дербентом. Власть их распространялась на область Тмутаракани. У северо-западных отрогов Ясских гор (Кавказа) соседями их были косоги (черкесы) и ясы (осетины), нередко упоминаемые в летописях (последние — порой и среди приближенных русских князей). Киевская Русь имела тесные связи с Византией. Главной водной артерией, по которой эти связи осуществлялись, был Днепр.

Хорошо известны походы на Царьград и военные действия на южном побережье Черного моря, в Малой Азии. Договоры князей с византийскими императорами свидетельствуют о том,

что уже в X в. по крайней мере в Константинополе находилась русская торговая колония. С византийскими войсками русские проникали далеко на Восток. Попадали они в дальние страны и иными путями, ибо восточные купцы вывозили из славянских земель не только меха и мед, но и невольников.

В течение веков торговые пути шли и через Волжскую Болгарию. Русская колония соседствовала здесь с армянской, персидской и хорезмийской; путешествовавший по этим местам в X в. араб Ибн Фадлан сообщает и о встреченном им торговце из далекой Индии. О волжско-каспийском пути в Хорезм (Хвалисы) на Руси знали с давних пор. Характерно, что Каспийское море продолжало именоваться Хвалисским и в то время, когда бо́льшая часть географических названий была заимствована у греков.

Немаловажную роль в судьбах Древней Руси сыграли и тюркоязычные кочевые народы — печенеги и половцы. Отношения с Полем Половецким не сводились лишь к военным столкновениям, о которых часто рассказывают летописцы. Мирные договоры русских князей и половецких ханов нередко скреплялись брачными узами: на знатных половчанках были женаты, например, сыновья Владимира Мономаха, а наследником половецкого хана Кончака был Юрий — христианин и, вероятно, сын русской. Старинное общение с миром степей отражается и в литературе — то тюркской лексикой «Слова о полку Игореве», то половецкой легендой о евшан-траве в Галицко-Волынской летописи.

По словам В. В. Бартольда, «самый ранний, дохристианский период» истории России был «периодом наиболее тесной культурной связи» ее с Востоком [1]. Если мы, восстанавливая историю этих связей, вынуждены обращаться преимущественно к материалам археологии и сочинениям арабских географов, виной тому сам характер письменного наследия Древней Руси.

Киевский князь Владимир Святославич, приняв христианство в 988 г., решил сделать его государственной религией.

Вскоре после крещения на Русь хлынул поток греческих и южнославянских книг. Через Византию стало возможным приобщение русских к более древним культурным традициям Востока. Ветхозаветные предания воспроизводили эпизоды древневосточной истории и мифологии. Благодаря переводу «Иудейской войны» Иосифа Флавия события, происходившие в древней Палестине, стали знакомы и близки древнерусским читателям. Сочинения отцов церкви, жития христианских подвижников (многие из которых были уроженцами Египта, Сирии или Малой Азии) содержали многочисленные реминисценции из античной традиции о Востоке и отголоски событий древней истории Ближнего Востока. Важным источником информации для древнерусского книжника стали универсальные труды Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Василия Великого и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Обширную панораму всех стран Востока, вплоть до Индии, представлял роман об Александре («Александрия»),

переведенный на Руси в домонгольский период. О диковинных животных и птицах Востока говорилось в «Физиологе», популярном среди христиан и имевшем множество версий — греческую, сирийскую, коптскую, эфиопскую, армянскую и др.

Некоторые сюжеты христианских легенд восходили к восточным источникам. В особенности показателен пример известного повествования о Варлааме и Иоасафе. Выяснено, что в основе легенды лежит жизнеописание Будды и само имя Иоасаф происходит от наименования буддийских святых — бодхисаттв (через пехлевийскую форму — Будасф). По всей видимости, санскритский текст был переведен манихеями и получил распространение в Центральной Азии уже в первые столетия нашей эры, а затем благодаря армянскому и грузинскому (возможно, также сирийскому) переводам попал в Византию. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в течение нескольких веков считалась одним из наиболее читаемых на Руси произведений [2]. Варлаам-пустынник и индийский царевич Иоасаф были даже причислены к лику святых христианской церковью.

«Христианская топография» Космы Индикоплова давала описание всего известного тогда мира — вплоть до Индии и Цейлона — частично по личным впечатлениям автора (VI в.), много странствовавшего, например по Абиссинии, но в большей мере на основе устных рассказов и сочинений предшественников. Если Косма в своей книге решал задачу охватить все пространство мироздания (космос), то его современник антиохиец Иоанн Малала пытался представить общий ход истории во времени, дать ее хронологическую последовательность. Еще более важное значение для древнерусской литературы имел труд Георгия Амартола (IX в.). Его обзор всемирной истории «от Адама» был использован при построении летописной истории Руси. Благодаря византийской литературе неизмеримо расширялись горизонты древнерусской культуры, и самосознание ее оформлялось в рамках уже сложившегося христианского мировоззрения.

Обилие переводной литературы и сложность восприятия иных культурных традиций привели к появлению справочной литературы типа азбуковников [3]. Последние содержали разъяснение, в частности, отдельных восточных имен из библейской литературы. Произведения, посвященные истолкованию ветхозаветных преданий (прежде всего «Палея Толковая»), порой использовали разнообразные апокрифические тексты, нередко отражавшие дохристианские или нехристианские (часто восточные по происхождению) легенды.

Решение вопроса о знакомстве на Руси с теми или иными сочинениями затруднено по ряду обстоятельств. Рукописи большинства переводов относятся к значительно более позднему времени. Не всегда можно с достоверностью определить, когда те или иные тексты стали известны. Считается, что хроника Георгия Амартола была переведена в XI в., при Ярославе Мудром. На повесть о Варлааме и Иоасафе ссылается как на нечто изве-

стное уже Кирилл Туровский (XII в.), перевод «Христианской топографии» Космы Индикоплова использовался при составлении «Палеи Толковой» (начало XIII в.). Можно думать, что основные переводы византийской литературы были выполнены на Руси еще в домонгольский период.

Первоисточниками сведений о Востоке, проникших в составе византийских сочинений на Русь, с одной стороны, были ветхозаветные предания, в которых излагалась история древнего Востока (хотя и односторонне, скупо и путано); с другой стороны, сохранялись сообщения античных географов и историков, связанные с греко-персидскими войнами и походами Александра Македонского. Порой византийские хронисты затрагивали и более близкие события на Востоке, например появление ислама и византийско-арабские отношения.

Сведения античных авторов и информация, получаемая от современников, в византийской литературе преображались в соответствии с общим богословским мировоззрением. О природе, например, говорилось подробно лишь в том случае, если можно было дать фактам мистическое истолкование; сама природа поэтому приобретала совершенно фантастический вид. Характерны в этом отношении сообщения «Физиолога» и «Христианской топографии» о животном мире Востока: звере Индрике-единороге, птице Страфил-страусе и о Фениксе-самосожигателе близ Солнечна града — Илиополя. Последний толкуется в «Физиологе» как символ Христа, жертвующего собой [4].

Весь свод географической информации, накопленный в предшествующие века, служит в «Христианской топографии» для обоснования истинности библейских представлений. Кругозор византийских писателей (в том числе хорошо известных на Руси) огромен, но страны Востока, как и весь мир, предстают в своеобразном освещении. Индии — земле, расположенной на краю света, «возле рая»,— уделяется едва ли не больше внимания, чем ближневосточным, лучше известным странам. События, случившиеся тысячелетия назад, оказываются более значимыми, чем те, что происходят ныне. Книжная традиция — и византийская и русская — снова и снова обращается к Вавилону, будто вовсе не зная Багдадского халифата.

«Повесть временных лет» излагает всемирную географию и хронологию вслед за византийской традицией. Так появляются в ее тексте четыре великие восточные реки. Три из них — Нил, Евфрат и Тигр — были известны по священной истории, четвертую — полумифический Фисон на краю земли — можно соотнести с Гангом. Но летописец счел необходимым к этому списку добавить и пятую — Волгу, таким образом внеся в предание элемент известного ему реального мира. Точно так же, перечисляя народы, разошедшиеся по земле после потопа, летописец добавляет славян к традиционному списку и сообщает, что они произошли от библейского Яфета. Страны Востока указаны в «Повести» в соответствии с византийскими образцами, и невозможно

из самих этих перечней делать выводы о географическом кругозоре автора. Но и здесь, говоря о землях, где живут потомки Сима, он не упускает случая сообщить, что туда идет путь по Волге из Булгарии и таким образом можно пройти в Хвалисы (Хорезм) и далее в «жребий Симов» [5]. Это замечание основывается уже не на византийских источниках, а на непосредственном знании торговых путей, связывавших русское государство с Востоком.

События древнерусской истории в «Повести временных лет» вызывают в памяти ассоциации с историей священной. Ольга уподобляется царице эфиопской, прибывшей к Соломону; отношения между русскими и хазарами сравниваются с исходом Моисея из Египта и т. д. Не только славянам, но и другим известным летописцу народам приписывается происхождение от ветхозаветных персонажей. Печенеги и «торкмены», например, объявляются сынами библейского Измаила. В повествованиях о далеких восточных странах появляются легендарные известия о «заклепанных» Александром Македонским народах. «Откровение» Мефодия Патарского дает возможность упомянуть блаженных рахманов, которые живут на острове в Бактрии. Рассказ о рахманах, конечно, воспроизводит сообщения античных авторов об индийских философах-брахманах, но историческая действительность настолько мало интересует средневекового писателя, что рахманы-бактриане резко противопоставляются индийцам. Мир воспринимается сквозь призму книжной традиции, при этом традиции, очень сложной по составу и остающейся чуждой для Руси по происхождению [6].

Цели авторов переводных и оригинальных произведений древнерусской литературы были далеки от задач изучения Востока, и даже описания, основанные на достоверной информации, приобретали характер, весьма далекий от реальности. Имена и характеристики переходили из книги в книгу; как правило, читатели и писатели мало были обеспокоены проблемой сверки их с действительностью. Но практическое знание стран Востока было неизмеримо больше, чем это представляется на основе только книжной традиции.

Даже случайно сохранившиеся упоминания в источниках о военных походах русских, например против ширваншаха в XII в., или о русском купце, встреченном тогда же в Александрии знаменитым путешественником Вениамином из Туделы, свидетельствуют об их активных связях с восточным миром. Вероятно, не редкостью было и появление восточных гостей в княжествах Древней Руси.

Изредка в древнерусскую литературу проникали произведения, переведенные с восточных языков. Считается, что «Повесть об Акире Премудром» была переведена в XI—XII вв. с сирийского (а сирийская версия, в свою очередь, воспроизводит источник, происходящий из древней Месопотамии). Не позднее XII в. непосредственно с древнееврейского была переведена книга «Эс-

фирь». Известная на Руси апокрифическая «Книга Еноха» сохранила отголоски литературы Кумрана [7].

Крещение позволило установить прочные связи с христианским миром Востока. Среди церковных деятелей первых веков христианства на Руси было множество греков. Стали регулярными и частыми поездки из Руси в Византию. Из Южной Европы и Западной Азии с духовными лицами приезжали и светские. В Киеве, например, в начале XII в. жил искусный «лечец» Петр, родом из Сирии; в «Киево-Печерском патерике» говорится не только об армянине, лечившем Владимира Мономаха, но и о целой армянской колонии [8]. Афон, где русский Пантелеймонов монастырь соседствовал со знаменитым Иверским, был местом тесного общения русских с грузинами [9]. Церковные и династические связи, очевидно, приводили к более тесному культурному общению. Некоторые исследователи, например, считают возможным участие мастеров из Закавказья в создании памятников владимиро-суздальского зодчества; восточные мотивы широко представлены в древнерусском искусстве [10].

Характерным для XI—XII вв. явлением было широкое развитие паломничества. Еще в начале XI в. Феодосий Печерский под Курском встречал странников, вернувшихся из Палестины. Наиболее известное сочинение о путешествии к святым местам было составлено игуменом Даниилом. В 1104—1106 гг. он странствовал по Палестине, долго жил в Иерусалиме, сопровождая Балдуина, короля Иерусалимского. Характерно, что в Палестине он не был единственным русским странником, встретив у Гроба Господня «новгородцев и киян». В «Хожении Даниила» обстоятельно описаны местные святыни, приводятся легенды и рассказы о чудесах. Для последующих поколений это сочинение стало не только излюбленным текстом для чтения, но и образцом для подражания.

Естественно, что особенно часто русские посещали Царьград, центр восточной христианской церкви. В книге «Паломник» новгородца Добрыни Ядрейковича, странствовавшего в 1200—1204 гг., довольно подробно говорится о памятниках, более всего поразивших путешественника: храме Софии, ипподроме и патриарховой бане, в которой горячая вода поднимается по трубам.

«Хожения» паломников составлялись по общим канонам средневековой религиозной литературы. Странник не стремился узнать нечто новое, напротив, он посещал именно те места, о которых раньше знал из книг. Он не ставил перед собой задачу исправления устаревших сведений. Он был настроен увидеть чудо, и даже естественные явления природы — климат, животные — им воспринимались мистически (так, Даниил рассказывает о необычайном плодородии каменистой почвы Палестины) [11]. Книги паломников предназначались для благочестивого чтения, а не для расширения суетных мирских познаний. Тот же Даниил, проживший 16 месяцев в Иерусалиме, должен был превос-

ходно знать топографию города, его политическую и хозяйственную жизнь, но эти знания не считались достойными войти в его «Хожение».

В XII — начале XIII в. Русь переживала период феодальной раздробленности и усиления княжеских междоусобиц. Расчлененная на мелкие княжества, она не смогла противостоять внешнему врагу. Татаро-монгольское нашествие разорило Восточную Европу и надолго ослабило или вовсе прервало традиционные международные связи. В то же время оно положило начало новому периоду отношений Руси с Востоком. Татары в течение столетий оказывали значительное влияние на быт и культуру русского народа [12]. Русские князья со свитой регулярно приезжали в Орду и порой вынуждены были оставаться там годами. Православное население татарских городов было столь значительным, что уже в 1261 г. в Старом Сарае возникла отдельная епископия. Судя по летописным упоминаниям событий в золотоордынской столице, на Руси хорошо знали ее топографию [13]. Если нет специальных описаний географии Орды, двора и обычаев золотоордынцев, то причина этого, конечно, не в отсутствии практических сведений, а в исключительно религиозном характере самой литературы.

Иногда русским приходилось совершать путешествия и в более отдаленные области. Так, в середине XIII в. рязанский князь Олег Ингваревич был послан к великому каану в Монголию. Согласно летописи, суздальский князь Семен Дмитриевич служил Темир-Аксаку, видимо, в Средней Азии [14]. Множество русских невольников попадало в различные страны Востока. Китайские источники сообщают, что русские («олосы») служили в ханской гвардии. Им даны были земли к северу от Пекина. Численность русского поселения была, видимо, довольно значительна — не менее нескольких тысяч человек [15]. В «Туглак-наме» говорится о том, что русские были ядром армии Гази Малика, занявшего Дели и под именем Гийяс-уд-дин Туглака основавшего новую индийскую династию [16]. Конечно, далеко не всегда мы можем быть уверены в том, что кому-то из русских удавалось вернуться на родину и рассказать о далеких странах: почти никаких сведений об этом в нашей письменности нет.

Восточная торговля Руси возобновилась уже в конце XIII в. В XIV в. в связи с оживлением старинного волжского пути важнейшими торговыми центрами стали обе ордынские столицы: Сарай-Бату и Сарай-Берке. О широкой торговле Орды — вплоть до Индии — сообщает знаменитый путешественник Ибн Баттута, побывавший на Волге в 30-е годы XIV столетия. По его словам, торговому обмену особо покровительствовал Мухаммад Туглак, тесно связанный с Джучидами. Подтверждением этому служат находки золотых индийских монет XIV в. в Поволжье.

Приезжали восточные купцы и на Русь. Рассказывая о знаменитом восстании в Твери против чиновников, посланных ханом Узбеком, летопись сообщает, что вместе с ордынцами были

убиты и «хопыльские гости». Возможно, речь идет о купцах из Кабула, бывшего тогда крупнейшим центром караванной торговли.

Сохранялось и южное направление связей — через Причерноморье. Даже в XIII в. продолжалось паломничество в Святую землю (например, в летописи говорится о столкновении паломников с татарскими баскаками примерно в 1283 г.). Сурож (Судак) на какое-то время стал главной гаванью Крыма, откуда отправлялись суда в Константинополь и далее в Египет. Торговлю между русскими землями и странами Ближнего Востока вели купцы разных народностей — греки и армяне, итальянцы и половцы. Участвовали в ней и русские. Так, в начале XIV в. в Кафе (Феодосии) была русская колония [17].

Особенно важное значение имели церковные связи с Востоком. В греческих монастырях жили русские люди, занимавшиеся перепиской священных книг. Стефан Новгородец, прибывший в середине XIV в. в Константинополь, встретил там земляков. Примерно к 1370 г. относится «хожение» Агрефения, архимандрита смоленского, в Константинополь, Каир, Дамаск, Иерусалим, Антиохию. Решение важнейших церковных проблем делало необходимыми поездки в столицу Византии. В знаменитом «Пименовом хожении» 1389 г. Игнатий Смолянин пишет, что прибывших в Царьград церковных иерархов встречали русские люди (видимо, долгое время здесь прожившие своей колонией).

К середине 80-х годов XIV в. Москва объединила под своей властью Северо-Восточную Русь.

Становление Московского государства совпадает по времени с крупными переменами на Ближнем Востоке. Османская держава уже в конце XIV в. завоевывает христианские государства на Балканах — Сербию, Боснию. На Руси появляется множество выходцев из Византии и южнославянских стран. Некоторые из них — Феофан Грек, Пахомий Серб (Логофет), митрополит Киприан, Епифаний — сыграли важную роль в развитии русской культуры. Растет и число книг, поступающих в московские и подмосковные монастыри из Афона и Царьграда (часть их — с иллюстрациями, изображающими иногда те памятники Константинополя, которые прежде были известны русским читателям по «хождениям»).

Незадолго до падения Константинополя устанавливаются династические связи с последними византийскими императорами. Анна, дочь великого князя Василия Дмитриевича, была выдана замуж за Иоанна Палеолога. В сопровождавшей ее свите находился инок Троице-Сергиева монастыря Зосима. Оставленное им сочинение «Ксенос» содержит подробное описание Афона и о-ва Хиос, Иерусалима и самого Константинополя накануне захвата его турками. В известной мере Зосима следует за своими предшественниками — игуменом Даниилом и Стефаном Новгородцем, изредка вставляя, впрочем, живые сценки повседневной жизни городов, которые посетил.

Принципиальных изменений в составе того круга литературы, который был известен на Руси, видимо, не происходило, но появились новые переводы и с греческого, и с латинского. Популярностью пользовалось, например, «Сказание об Индейском царстве», сыгравшее немалую роль в формировании средневековых представлений об Индии и в Западной Европе, и на Руси. «Сказание» вобрало в себя легенды о далекой, поразительно богатой стране, где живет птица, вьющая гнездо на пятнадцати дубах, где есть «звирь слонове, индры и туры златорогие, и велбуды, и всякие звери лютые», где живут люди рогатые, с песьими головами и вовсе без голов, с глазами на груди, крылатые и о шести руках, где текут реки из самого рая и «рождается перь» (перец), где есть «камение драгое именем акинф (яхонт.— *А. В.*) и смарагд», дворец по образцу дворца, построенного апостолом Фомою для царя Гундофара, где «всякого обилия много» и «нет ни татя, ни разбойника, ни завистливого человека» [18]. В описаниях фантастических животных довольно легко обнаруживается связь с повествованиями «физиологической» литературы и с рассказами античных авторов (от Ктесия Книдского до Псевдо-Каллисфена) о чудесах Индии и других восточных стран. Сказочное повествование, однако, несет и религиозную мораль, ибо царь богатой Индии Иван оказывается христианином и даже православным. «Индийская» тема (преимущественно связанная с землей у самого рая, где живут праведники) звучит и в других переводных сочинениях — житии Макария Римского, «Хожении Зосимы к рахманам». Праведники-рахманы появляются затем и в устной словесности.

Русский былинный эпос, слагавшийся веками, вбирает в себя образы книжной традиции, в частности связанной с Востоком. «Индия богатая» стала устойчивым образом русских былин. Богатырь Дюк Степанович похваляется перед киевским князем Владимиром и его окружением богатствами своей родины Индии так же, как это делает индийский царь Иван перед греческим царем Мануилом в «Сказании об Индейском царстве». Об Индии идет речь в архаичной былине о Волхе Всеславьевиче. Туда же отправляется торговать и новгородский Садко. Чурило Пленкович именуется «сурожениным», т. е. купцом Сурожа — города, который вел активную торговлю с Востоком. В былинах о Василии Буслаеве говорится о «хитрости Царяграда», «мудрости Иерусалима», появляются мотивы паломнических хождений, дабы «ко Христову Гробу приложитися, во Ердань-реке окупатися».

Из книжной (часто апокрифической) литературы в устную словесность впоследствии перешли стихи о Ясахвии Прекрасном (из «Повести о Варлааме и Иоасафе») и так называемая «Голубиная (или Глубинная) книга», воспроизводящая в некоторых своих вариантах восточные мифологические мотивы. Нельзя совершенно отвергнуть и возможность прямого влияния восточных сказаний на русское устное народное творчество.

Достоверных свидетельств литературного общения Руси с мусульманским миром почти нет, хотя проблема таких контактов кажется вполне правомерной. Известные произведения арабской литературы проникали на Русь через греческие переводы. Так, к арабской книге «Калила и Димна» (а в конечном счете к индийской «Панчатантре») восходит греческая «Стефанит и Ихнилат», переведенная и хорошо известная на Руси к XV в. Исследователи предполагают арабский оригинал в основе «Сказания о двенадцати снах Шахаиши» и других сочинений, происхождение которых и пути на Русь еще не вполне ясны.

Само общение со странами Востока требовало известных практических знаний, значительно отличающихся от книжных свидетельств. В литературе лишь случайно встречаются намеки на практическое знание восточных языков. Так, вероятно, к XIII—XIV вв. относится небольшой половецкий словарик, сохранившийся в собрании Четьи-Минеи XVI в. Возможно, с посещениями Орды связана и словарная статья «Се татарский язык», в которой приведены названия татарских чинов, сословий и термины родства [19].

* * *

XV — начало XVI века — время становления и упрочения единого Русского государства, освобождения его от татарского ига, подъема национального самосознания. Центр связей Руси с Востоком переместился в Московское княжество. В Москве собирались сведения о странах и народах Азии. Развитие экономики и социальных отношений способствовало расширению торговых связей: в русских городах появлялись товары как из стран Ближнего Востока, так и из Средней Азии, Ирана и даже Китая.

При Иване III Москва не только освободилась от татарского ига, но и постепенно стала подчинять себе бывшие области самой Золотой Орды. Татарским царевичам приходилось поступать на русскую службу [20]. Переговоры с азиатскими правителями велись обычно через татарских толмачей. В Москву, ставшую столицей обширной державы, прибывали многочисленные торговцы из Крыма: татары, армяне (а потом и «турецкие гости»). В Кафе Иван III имел постоянных агентов — «Хозя-Асана» (закупавшего для него драгоценные камни) и «Кокоса-жидовина». Русские, приезжавшие в Кафу, останавливались не в караван-сарае, а у своих постоянных контрагентов из местных купцов. Активные связи поддерживались между Москвой и находившимся в Южном Крыму христианским Мангупским княжеством («господа Феодоро», как называли его генуэзские источники). Еще в конце XIV — начале XV в. виднейшие представители местной аристократии выезжали на Русь, пополняя ряды московского боярства. В середине 70-х годов предполагалось даже заключение династического брака между сыном Ивана III и

дочерью мангупского князя Исаака. В «господах Феодоро» Москва могла быть заинтересована не только благодаря положению княжества в Крыму, но и вследствие давних и прочных связей его с византийским и трапезундским дворами [21].

Иван III стремился поддерживать дружеские отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем, посылая ему «поминки» (подарки). Через Крым и Аккерман (Белгород) шли торговые пути в Османскую империю и другие области Средиземноморья. Теми же путями отправлялись посланники к константинопольскому патриарху и паломники в Святую землю. Варсонофий, например, в 50—60-е годы XV в. дважды побывал в Малой Азии, Сирии и Палестине. Он был первым, кто описал путешествие на Синай. Казначей великого князя Михаил Григорьев в 1493 г. посетил Египет. К 90-м же годам относится и обмен официальными посольствами между Москвой и Стамбулом. Стольник Михаил Андреевич Плещеев был послан «к турецкому салтану Магмет Салтану» с грамотой о дружбе. В Европе даже распространялись слухи, что «московит» с турками в союзе [22]. Турецкий вопрос занимал тогда важное место в европейской дипломатии.

Не менее интенсивные контакты поддерживались и со странами, расположенными к востоку и юго-востоку от Московского княжества. Русские вели активную торговлю в Казани (например, в грамоте казанскому хану в 1461 г. митрополит Иона просил оказать покровительство его людям, прибывшим «с рухлядью»). Из Казани шли дороги к Уралу и Западной Сибири, в Бухару и Ургенч. Караваны судов отправлялись по Волге к Астрахани, откуда шли пути в Закавказье и Иран. Летопись сообщает о приходе посольства в Тверь «от Шаврукова царства», т. е. от гератского правителя, сына Тимура — Шахруха. В Герате, по свидетельству Абд ар-Раззака Самарканди, первое русское посольство появилось в 1464/65 г. [23]. Несколькими годами позже в Москву прибыло посольство от ширваншаха Фаррух-Ясара, а при возвращении в Шемаху его сопровождал Василий Папин «с товарищи». Итальянец Амброджо Контарини говорит о встрече в Тебризе с русским послом Марком, который был отправлен к персидскому шаху Узун-Хасану (правителю государства Ак-Коюнлу). Летописец отмечает прибытие в Москву посольства из Хорасана от Хусейна Урус-богатыря с предложением «дружбы и любви».

Напряженная ситуация складывалась на Кавказе в связи с соперничеством в этом районе Ирана и Османской империи. Грузинские князья начинают обращать взоры на Север. К 80-м или 90-м годам XV в. относится посольство иверского князя Александра в Москву с просьбой о покровительстве.

Несомненно, лишь отрывочность сохранившихся источников не позволяет представить широту связей Московского государства с государствами Востока уже в конце XV столетия. Оно находилось в системе международных отношений и вело достаточно успешную дипломатию не только в Европе, но и на Во-

стоке. Такая внешняя политика была бы невозможна без серьезного практического знания Востока, политической и военной обстановки, межгосударственных отношений и т. д. Знания эти в письменной форме отражались и накапливались не в литературе, а прежде всего в статейных списках посольств.

Освобождение от татарского ига и создание крупного государства способствовало расширению кругозора русского человека. В летописях находят отражение события всемирной истории, происходящие далеко от Руси. В Никоновской летописи, например, отмечается разгром турок под Анкарой, отсрочивший гибель Византии. Возможно, с использованием устных сведений была составлена «Повесть о Темир-Аксаке».

Интерес к личности Тамерлана, очевидно, объясняется внезапным и угрожающим появлением его державы на границах русских земель. Сведения о Тимуре даются довольно достоверные, несмотря на полусказочную форму изложения: «Пришел некий царь Темир-Аксак из восточной страны, из Синей Орды, из Самаркандской земли, большую он войну затеял... по ремеслу он кузнец был черный, по нраву и повадке безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель»[24]. Перечисляются страны, будто бы завоеванные Тамерланом: Чагатай, Хорасан, Голустан и др. Упоминаются и названия, вызывающие библейские ассоциации,— Ассирия и Вавилонское царство, где был Навуходоносор, пленивший Иерусалим, и т. д. Завершается повесть рассказом о чудотворной иконе богородицы, спасшей Москву от нашествия «железного хромца».

Падение Константинополя, столицы восточнохристианского мира, произвело огромное впечатление. Свидетельством этого служит известная «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера[25]. Автор рассказывает о себе, что был он «измлада пленен и обрезан» и во время взятия Константинополя будто бы находился среди осаждавших. Повесть рассматривается как важный исторический источник, хотя для нее характерны все черты средневекового литературного повествования. Автор проявляет большую начитанность, ссылаясь, например, на Троянское сказание, сбывшееся будто бы предсказание Мефодия Патарского и на предзнаменования о гибели Константинополя, бывшие еще при основании города.

Наиболее замечательным описанием стран Востока в древнерусской литературе является знаменитое «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Путешествие в Индию не входило в первоначальные планы тверского купца. Вместе с товарищами он направлялся в Шемаху,— видимо, самый заманчивый для русских людей крупный торговый город Востока. В целях безопасности купцы предполагали присоединиться к Василию Папину, посланному туда с дипломатической миссией, но задержались и не смогли исполнить своего намерения. Под Астраханью они были ограблены и разбрелись в разные стороны. Афанасий, видимо не имевший на родине больших капиталов и набравший

товаров в долг, не мог вернуться в Тверь. К тому же и по характеру был он человеком любознательным, которого влекли далекие страны.

Русские торговцы вряд ли прежде бывали в Индии (во всяком случае, сам Афанасий о предшественниках не упоминает). Но мусульманские купцы издавна освоили путь между Северной Индией и Поволжьем. Автор «Хожения», по всей вероятности, вел постоянную торговлю в прикаспийских областях, был связан с хорасанцами (называл он себя в Индии «по-бусурмански Исуф Хорасани»). Знал он и восточные языки. В «Хожении» есть ряд авторских вставок на языке, представляющем собой некую смесь восточных слов и, очевидно, распространенном среди купцов в Прикаспийских областях и Средней Азии. Купцы-мусульмане, знавшие русские и индийские рынки, рассказали тверитянину о заморских товарах. Согласно современным исследованиям, Афанасий Никитин прибыл в Индию в 1471 г. [26] и странствовал здесь, в государстве Бахманидов (Декан), около трех лет, побывав в Чауле, Бидаре, Гулбарге, Каллуре, Парвате и других индийских городах.

Сколько-нибудь регулярных сношений этой части Индии не только с Россией, но и с другими европейскими государствами еще не было. За Афанасием Никитиным ходили толпы, дивясь на белого человека. В чисто коммерческом плане путешествие не было удачным. Купец был разочарован: «Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска... А пошлина большая» [27]. Однако он внимательно примечал и, очевидно, записывал, что́ где родится и сколько стоит. Разузнавал купец также о богатствах и ценах в тех частях Индии и сопредельных территорий, в которых сам не мог побывать. Пишет он, к примеру, о стране Хатай, славящейся фарфором, и о стране Чина (Южный Китай). Несмотря на разочарование и трудности, пережитые им, он, вероятно, считал важными свои сведения об индийских товарах и торговлю между двумя странами возможной.

«Хожение за три моря» — бесценный источник не только для истории русских путешествий на Восток. Оно содержит яркие картины быта, даже детали политической истории средневековых государств Центральной Индии. Вряд ли можно считать, что автор ставил перед собой только практические цели, пренебрегая литературными. Он был, безусловно, человеком начитанным, брал с собой в путешествие «книги» (пропавшие во время разбойного нападения). Сравнение фигуры индийского Бута с Юстиниановым столпом в Царьграде могло быть навеяно не только чтением литературы «хожений» (столп описывался, например, у Стефана Новгородца). Возможно, он видел какую-либо лицевую (иллюстрированную) рукопись. Известно, что в Твери находилось изображение этого памятника, выполненное по просьбе Епифания самим Феофаном Греком [28].

Тон «Хожения за три моря» порой поучителен, напоминая другие произведения древнерусской литературы. Отличие от иных «хожений» состоит прежде всего в том, что вместо паломничества в Святую землю здесь перед нами предстает «грешное хожение» — посещение стран, где нет православных, а лишь язычники и бусурмане. В «грешном хожении» необходимым является конечное возвращение и очищение. В этом смысле кажется допустимым сопоставление данного сочинения с «Повестью» Нестора Искандера, автор которой говорит о своем возвращении к истинной религии.

В то же время образованный тверской купец не был книжником. Язык и стиль его индивидуальны, редки и литературные реминисценции. Повествование об Индии остается совершенно реалистическим, и даже пересказы индийских легенд об обезьяньем войске и таинственной птице гукук являются лишь незначительными исключениями. В изложении преобладают мирские интересы, а постоянно проявляющаяся религиозная тема об истинной вере тесно связывается с мотивом тоски по родине.

Судя по тому, что сохранилось несколько списков «Хожения» Афанасия Никитина, оно также получило известное распространение. Включение в Софийскую летопись придавало ему даже государственное значение. Однако повествование очевидца, жившего в Индии несколько лет, практически не повлияло на представления об этой стране на Руси. Рядом с сообщениями тверского купца оставался книжный образ Индии, уже сложившийся прежде на основе переводных сочинений: «Физиолога», «Александрии», «Христианской топографии».

В середине XV в. стали появляться хронографы — жанр исторической литературы, освещающей на своем уровне всемирную историю. В «Хронографе» 1512 г. история излагается от «сотворения мира», описываются Ассирийское и Персидское царства, походы Александра Македонского и т. д. Специальная глава посвящена «началу царства христианских царей». Заканчивается «Хронограф» повестью о взятии Царьграда.

* * *

Укрепление единства и расширение территории Русского государства в середине XVI в., связанные с деятельностью Ивана IV Грозного, способствовали развитию как торговых, так и дипломатических связей с Востоком. Особенно широкие возможности для восточной торговли через Поволжье появились после того, как в 50-е годы были присоединены Казань и Астрахань. Традиционные связи старинных торговых центров Поволжья обеспечили непосредственное общение со странами Средней Азии и Ирана. Уже вскоре после занятия Астрахани купцы из Бухары, Балха и Ургенча просили московское правительство о разрешении по-прежнему приезжать им в этот город для торговли. Русские купцы стали появляться в Хорезме и других об-

ластях Средней Азии. Таким образом, открылось и упрочилось новое направление связей Руси с Востоком. Сохраняли свое значение также торговые пути, соединявшие Россию через Причерноморье с Ближним Востоком. Несмотря на внешнеполитические осложнения, через Путивль в Москву регулярно приезжали греческие, армянские и турецкие торговцы. Началось продвижение русских в Сибирь. К этому периоду совершенствования государственного устройства и составление карты Руси.

Эпоха Великих географических открытий на Востоке вызвала острое соперничество европейских держав. Португальцы монополизировали морской путь в Индию. Взоры многих европейских государств обратились к России, через территорию которой казалось возможным проникновение в Индию и Китай по суше или по морю. Уже в 20-х годах XVI в. грандиозные проекты восточной торговли через Россию обсуждались русским дипломатом Дмитрием Герасимовым и итальянцем Паоло Чентурионе. В середине века анонимное «Донесение о Московии» сообщало о том, что будто бы сам Иван Грозный заинтересован в поисках северного пути в Китай и Восточную Индию. Планы такой экспедиции строил шведский король Густав Ваза [29]. Англичане, завязавшие особенно тесные связи с Москвой, добились разрешения на организацию нескольких экспедиций по Волге в Иран и Среднюю Азию. Экспедиция А. Дженкинсона способствовала активизации торговых контактов между Москвой и государствами Средней Азии.

Укрепление единства страны и расширение ее международных связей способствовали организации дипломатической службы в рамках Посольского приказа (учрежден в 1549 г.).

Отношения с Крымским ханством были напряженными, в особенности после взятия Казани. В то же время овладение Волжским путем давало выход к Кавказу. Северокавказские правители Кабарды и Черкесии уже в 50-е годы обращались к московскому царю с просьбой о подданстве и защите их от шамхала (Дагестан) и султана (Османская империя) [30]. В 1561 г. Иван IV взял в жены дочь одного из черкесских князей. Через своего тестя он налаживал отношения и с другими кавказскими государствами. Прежде всего установились связи с Кахети. Посольство царя Александра в Москву привело в 1587 г. к официальному покровительству русского царя над Кахети. Развиваются и церковные контакты: в Грузию прибывают московские иконописцы [31]. Построенный еще в начале века казаками Терский городок становится важным опорным пунктом в борьбе против турецкого султана и шамхала. В конце XVI в. в Москву почти ежегодно приезжают посольства с Кавказа [32]. Борис Годунов пытается укрепить династические связи с местными правителями. Посольству Татищева в 1604/05 г. было подписано подыскать для царских детей жениха и невесту в Картлийских землях.

Овладение Волжским торговым путем и дальнейшее усиление влияния России на Кавказе, центре ирано-турецких про-

тиворечий, стимулировали активность русско-иранских отношений. Время от времени стороны обменивались посланниками и в начале и в середине XVI в., но с 80-х годов дипломатические связи становятся особенно интенсивными. Посольство Мухаммеда Анди-бека в 1587 г. имело целью привлечь Москву к антитурецкому союзу. Важную роль играла ответная миссия Григория Васильчикова, прибывшего в Исфахан в следующем году. Очевидно, в связи с ней была составлена и «Роспись о дороге, куда ходят государевы послы из Астрахани в Кизылбаши». В 1590 г. иранские послы несколько месяцев жили в Москве. В 1591 и 1592 гг. русские дипломаты вели переговоры в Иране. Хорошая осведомленность московского правительства относительно политической ситуации в самом Иране ясно проявилась в том, как осторожно были приняты гонцы от мятежного гилянского правителя Ахмед-хана в 1591 г.[33].

В XVI в. русско-турецкие отношения складывались противоречиво. Василий III в 1512 г. воспользовался восшествием на престол нового султана для установления дружественных отношений с Османской империей. В Стамбул был послан Василий Андреевич Коробов, чтобы договориться о взаимной торговле и уладить крымскую проблему. В 1569 г. ввиду похода турецких войск на Астрахань ситуация резко обострилась, но уже в 1570 г. Иван Грозный отправил Новосильцева послом «к брату своему Селим-салтану», чтобы восстановить мирные отношения. Обмен посольствами продолжался и в начале 90-х годов.

После присоединения к Московскому государству Астрахани установились непосредственные контакты со Средней Азией, и время от времени источники сообщают о прибытии в Москву посланников из Самарканда и Бухары, Ургенча и Ташкента. В то же время русские посланцы бывали при дворах местных правителей (иногда вместе с ними возвращались на родину отпущенные на волю или выкупленные «полоняники»).

Сведения о землях более далеких, чем Средняя Азия, были не вполне отчетливы и доходили с большим опозданием. Никоновская летопись сообщает, что «в лето 7041 (1532) года... к великому князю Василию Ивановичу всея Руси на Москву [прибыл] Индейской земли гость Хозяусейн (Ходжа Хусейн)... а привез грамоту от Бабур-падши, Ындейской земли государя». Бабур писал, «чтобы великий государь Василей с ним был в дружбе и в братстве и люди бы промеж их ходили на обе стороны». Великий князь ответил согласием, чтобы «люди промеж их ездили. А о братстве к нему не приказывал: неведомо, как он на Индейском государстве, государь ли, или урядник»[34].

Посольские документы не сохранились, и в современной историографии встречаются различные суждения об этом посольстве. Есть мнение, что Ходжа Хусейн был просто торговцем, имевшим обычную охранную грамоту от Бабура. Но высказывалось предположение, что, будучи выходцем из Средней Азии, Бабур действительно проявил интерес к далекому северному государству.

Как бы то ни было, в Москве отсутствовала информация о великом завоевателе Индии и, стало быть, интерес к дипломатическим связям с этой страной. Показательно, что посольство находилось в пути не менее двух лет, ибо Бабур скончался еще в 1530 г.

Лишь во второй половине XVI в. — в значительной мере под влиянием итальянцев и англичан — вынашиваются проекты русско-индийской торговли через Иран и среднеазиатские ханства. Хотя Россия договаривалась с Ираном о торговле через его территорию с Индией, реальных результатов достигнуто не было. Лишь отдельные упоминания встречаются в источниках о появлении в Индии русских купцов (например, в 90-е годы в Бухаре и Индии девять лет «жил для торговли» Леонтий Юдин).

Во второй половине этого столетия начинается освоение Западной Сибири. В 1587 г. был основан Тобольск. Отсюда открывались пути на Дальний Восток. Русские землепроходцы, казаки и служилые люди приблизились к монголо-ойратским владениям и границам Китая. Появилось еще одно направление связей России с Востоком.

Международное положение и политика Русского государства требовали получения сведений о различных восточных странах. Информация, сосредоточивавшаяся в Посольском приказе, черпалась из различных источников, главным образом устных. В Посольском приказе приезжавших торговцев расспрашивали и про товары и цены, и про общую обстановку в тех государствах, где они побывали. Некоторых из иноземцев принимали на службу в качестве толмачей, или переводчиков [35]. Иногда можно было получать сведения от лиц, постоянно проживавших в других странах. В Крыму, например, были официальные «амняты» (приятели) Москвы — князья Сулешовы. Из Азова информация поступала не только от «Гришки белого дьяка», но и от азовского кади и местного паши, которые за «подарки» сообщали о действиях крымского хана и султана. О закулисной стороне событий и военных планах Крыма говорилось в «отписках» Афанасия Нагого, жившего в Крыму в 1563—1573 гг. [36].

Для послов, которых отправляли в дальние путешествия, разрабатывались инструкции — «наказы». В них подробно излагались задачи посольства и протокольная процедура, включавшая, в частности, порядок подношения подарков. Члены посольства должны были вести записи: «А как посольство учнет приходить к доброму делу, и им по зговору записи велят писать по указу...» Царь и его окружение подробно информировались о деятельности того или иного посольства: «А как послы или полковые воеводы приедут к Москве, и царь велит им быть к себе... и они бывают у руки и подносят посольств своих грамоты и записи и статейные списки, как что делалось». Во времена Алексея Михайловича Посольский приказ уже имеет свои протокольные правила относительно обращения к восточным государям. Так, к турецкому султану письма писались на особой александрийской

бумаге со специальным орнаментом, «Турского салтана титлы пишутся золотом все; а дело пишется с половины листа. И таким же обычаем посылаются грамоты к Индейскому шаху» [37].

Частично сохранившиеся дипломатические документы свидетельствуют о весьма сложных и многосторонних международных связях России в XVI столетии.

В упоминавшихся наказах посланникам давалось задание собирать сведения о дорогах и военных силах государств. Так, в наказе В. А. Коробову говорилось прямо: «Да что Василий уведает там про тамошнее дело, и ему о том о всем описывати к великому князю имянно» [38]. Важнейшим источником являлись статейные списки посольств, часто содержавшие подробное описание виденного и слышанного. Статейные списки собирались в «дела» — крымские, турецкие и т. д. Некоторые из них служат важным источником по истории государств Азии. Большой интерес они представляют и с точки зрения восприятия русскими людьми стран Востока. Возможности путешествовать по стране, видеть ее собственными глазами были ограничены, послов нередко месяцами держали буквально взаперти. Кроме того, сами авторы статейных списков основное внимание уделяли церемониалу приема и его формальностям, чтобы показать, что они ни в чем не уронили государевой чести. Но и случая получить устную информацию послы старались не упускать. Беседы не ограничивались, конечно, только положением в данной стране, охватывая различные вопросы межгосударственных отношений. Григорий Васильчиков, например, подробно пересказывает то, что сообщил ему Ахмед-хан, гилянский правитель, об отношениях шаха с турками и Средней Азией и о ситуации в прилегающих к Ирану областях. Нащокин, бывший в Стамбуле в 1592 г., обращает внимание на внутреннее положение страны, описывает происшедший в это время бунт.

Некоторые сведения Посольскому приказу удавалось получить и от западных дипломатов. Сигизмунд Герберштейн, прибывший из Вены в Москву в 1517 г., вел переговоры с великим князем о совместных действиях против турок и много рассказывал о турецких завоеваниях и политике (в свою очередь, сам он получал информацию в Москве о татарских ханствах) [39]. Турецкая проблема специально рассматривалась в послании английской королевы Елизаветы Борису Годунову, обсуждалась она и с послом в Англии Г. И. Микулиным. О голландско-турецких отношениях рассказывал в Москве голландский купец Исаак Масса.

После падения Константинополя и осложнения русско-турецких отношений уменьшилось количество паломников в Святую землю. Многие из них теперь имели официальные царские поручения. В их числе следует упомянуть Василия Познякова, отправившегося в Стамбул (с архидьяконом Геннадием) и далее в Египет и Иерусалим (1558—1561). Описание этого путешествия было приписано Трифону Коробейникову и под этим именем

приобрело широчайшую популярность. Автор был человеком начитанным, и в его сочинении есть заимствования из греческого проскинетария «Поклонение святому граду Иерусалиму», а также элементы, типичные для всех «хожений»: топография святынь Иерусалима, пересказ легенд о рыбах с человеческими головами, о магнитах в море. В то же время Василий Позняков отмечает детали быта и хозяйственной жизни, говорит о системе водоснабжения в Иерусалиме, приходе в Египет кораблей из Индии. Надо сказать, что некоторые сочинения этого времени (например, Михаила Огаркова) содержат уже больше военно-топографических деталей, чем описаний святых мест.

Важнейшее значение продолжали сохранять религиозные связи. До 1589 г. Россия оставалась лишь частью Константинопольской патриархии. Посольства в Османскую империю привозили с собой богатую милостыню монастырям и всегда были в тесном контакте с местным духовенством. Послам иногда давался наказ обсудить с патриархом («как бы нечаянно поговорить») и политическую ситуацию. Отношение Руси к Константинополю постепенно менялось: Москва начинала осознавать себя «третьим Римом», и греки вынуждены были искать ее покровительства. Ежегодно множество духовных лиц приезжало в Москву за милостыней из всех областей восточнохристианского мира. Беседы с приезжими, конечно, не ограничивались только благочестивыми сюжетами. При Борисе Годунове решились ограничить количество приезжающих и пускать их из Путивля в Москву только в том случае, если они могли сообщить известия государственной важности [40].

Существенную информацию можно было получить и от тех пленников, которых выкупали и возвращали на родину послы, торговцы или приехавшие за милостыней греки. Например, Ивану Грозному докладывали о турецком походе на Астрахань со слов одного из таких пленников.

Уже с середины XVI в. под властью царя оказалось много мусульман. Некоторые из них находились на царской службе («служилые татары»). В Посольском приказе обычно расспрашивали тех, кто ходил на поклонение мусульманским святыням, с тем чтобы иметь достоверные сведения о политическом и экономическом положении в дальних странах.

Наконец, в XVI в. устанавливаются тесные связи между русской и кавказской аристократией (вплоть до династических). Черкесские князья и другие владетели Кавказа могли дать полную и вполне достоверную информацию о положении дел в ближайшем к Закавказью регионе. Однако бóльшая часть этих знаний в письменной форме не фиксировалась.

Развитие отношений России с Востоком способствовало появлению интереса к западным сочинениям, и прежде всего об Османской империи, которые обычно переводились в Посольском приказе. К ним относятся, например, «Сказание о брани венециян против Турского царя» или послание султана Сулеймана к

правительству Венецианской республики о взятии Родоса. Такого рода переводные тексты вызывали вопросы практической дипломатии. Русскому посольству в Стамбуле было поручено узнать о положении на Родосе («да пытать: ино таки ли салтан Родос взял?»).

Максим Грек (как и некоторые другие его образованные соотечественники) занимался переводами греческих и латинских сочинений, в которых так или иначе затрагивались восточные темы. То это были отрывки из рассказа Суды о рахманах и проскинетарий «Поклонение святому граду Иерусалиму», то повествование о взятии Царьграда и письмо Максимилиана Трансильвана, которое рассказывало о путешествиях Магеллана и далеких землях Индонезии и Океании [41]. Некоторые переводные и собственные сочинения Максима Грека являлись полемическими антимусульманскими трактатами (например, «Прение христианина с сарацином», «Слово обличительное на агарянскую прелесть и умыслившего ее скверного пса Моамеда») [42].

Вместе с религиозной литературой начинают появляться и переводные светские сочинения (типа повести о Мелюзине), действие которых происходит в восточных странах — Египте и Сирии.

Непосредственное знакомство с восточной литературой обнаружить трудно. В одном из документов середины XVI в. упоминается хранящаяся у великого князя арабская книга, написанная «персидским письмом»,— «Всего мира мудрость» [43]. Видимо, речь идет об известной космографии ал-Казвини. Скорее всего это сочинение оказалось в Москве чисто случайно. Можно констатировать появление переводов некоторых арабских сочинений на русский через посредство еврейского языка (речь идет прежде всего о трактате по логике ал-Газали и о сочинениях по астрологии и биологии, возникших под влиянием еврейско-арабской традиции: «Шестокрыл», «Тайна тайных»). Анализ языка переводов показывает, что на Русь они проникли не с Востока, а с Запада, вероятно из Литвы. Их связывают обыкновенно с так называемой «ересью жидовствующих».

Русская повесть об иверской царице Динаре, датируемая концом XV или началом XVI в., возможно, восходит к грузинским легендам о Тамаре (хотя и здесь предполагается греческий оригинал русского текста).

Непосредственное влияние восточной литературы может проявиться скорее в устной словесности. Так, к началу XVII в. в казачьей среде складываются сказания об Уруслане Залазаровиче, в которых легко угадываются черты тюркского эпоса, восходящего порой к иранской традиции о Рустаме [44].

«Турецкая» тема не только становится предметом политических переговоров, но и входит в литературу. Можно отметить сочинение Ивана Пересветова о Магмет-салтане, в котором турецкий правитель рисуется почти как идеальный монарх и философ (до полного совершенства ему не хватает лишь обращения

в христианство). Хотя книга имела прежде всего публицистическую направленность, в ней проявляется известная осведомленность автора о турецких порядках. Иван Пересветов приехал в Москву из Литвы, а в молодости служил у волошского воеводы (молдавского господаря) — вассала султана. Обращался автор и к другим сочинениям на «турецкую» тему (например, к «Повести» Нестора Искандера). Подтверждением интереса к данным сюжетам служит то, что повествование о Магмет-салтане было включено в хронографы и Никоновскую летопись.

К концу XVI в. чувствуется потребность в обобщающих энциклопедических трудах. Этот интерес уже не удовлетворяется старинным «Луцидариусом» с его фантастической географией Азии. В 1584 г. в Посольском приказе была переведена «Всемирная хроника» Марцина Бельского, содержавшая космографию и описания всего того, что знали в Западной Европе о странах Востока в начале XVI в. Сохранилось несколько копий «Всемирной хроники». Это свидетельствует о том, что она не только использовалась для практических потребностей администрации, но и вошла в круг чтения образованных людей.

Под влиянием новых потребностей меняются и старинные азбуковники, все более приобретающие характер энциклопедических пособий[45]. Наконец, государственные задачи требуют создания карт. Судя по «Книге Большому Чертежу»[46], уже в XVI в. создавались карты стратегических дорог между Москвой и Крымом, торговых путей в юго-восточном направлении не только в границах самого Русского государства, но и за его пределами.

* * *

После Смутного времени отношения с государствами Востока становятся все более устойчивыми и масштабными. Складывается новая политическая ситуация на границах с Османской империей, усиливается русское влияние на Кавказе, делаются упорные попытки через Иран и Среднюю Азию вести торговлю с Индией; наконец, на Дальнем Востоке присоединение Сибири делает возможными непосредственные контакты с Монголией и Китаем.

Важнейшее место в международной политике Русского государства занимали отношения с Османской империей. Практически в течение всего XVII столетия они оставались напряженными; в 30—40-е годы велись войны. Москва и Стамбул часто обменивались посольствами, начиная с Соловьева-Протасьева, известившего турецкого султана об избрании на царство Михаила Романова, и до последней в XVII в. миссии Украинцева.

В периоды между военными действиями Ближний Восток могли посещать паломники. В 1634—1637 гг., незадолго до первой русско-турецкой войны, по Ближнему Востоку путешествовал казанский купец Василий Гагара, проехавший через Кавказ в

Малую Азию, посетивший Сирию и святые места Палестины, а также Каир и Александрию и вернувшийся на родину через Валахию, Молдавию и Польшу. Видимо, он привез «важные вести о положении восточных дел, за что был пожалован званием московского гостя» [47]. Уже после войны, в 1649 г., из Москвы выехал Арсений Суханов, один из наиболее образованных людей своего времени, впоследствии ведавший Печатным двором. Имея специальное задание изучить устройство и службу греческой церкви, он попутно вел и дипломатические переговоры, о которых представил отчет в Посольский приказ. Маршрут Арсения Суханова пролегал через Стамбул, Крит, Иерусалим и Египет, включая также посещение Грузии. Его «Проскинетарий» показывает любознательного и наблюдательного путешественника. Автор много пишет о климате стран, где он жил, дает описание городов и дорог, наиболее интересных памятников (например, рассказывает о пирамидах и знаменитом египетском обелиске, на котором «письмена вырезаны кругом») [48].

Вскоре после возвращения Арсения Суханова на родину в Москву приехал (возможно, по его приглашению) антиохийский патриарх Макарий, по происхождению сирийский араб. Сопровождавший его архидьякон Павел Алеппский в описании этого путешествия сообщает об одной примечательной встрече на русской земле с соотечественником, уроженцем Дамаска. Последний был вывезен пашой в Алеппо (Халеб), служил султану в Стамбуле, попал в плен в Персию и бежал, затем стал правителем турецких округов в Сирии и Палестине. Во время похода Османа II на Польшу этот человек вновь попал в плен и вновь бежал. Оказавшись в Московском государстве, он принял православие и, поступив на русскую службу, был воеводой Каширы, Коломны и Серпухова. По отзыву Павла, он был знатоком арабского языка [49].

Судьба этого человека кажется исключительной, но само появление в Московском государстве выходцев с Востока вовсе не было редкостью. Однако лишь случайно об этом может сохраниться упоминание в источниках. Например, среди живописцев Оружейной палаты встречается Савка Яковлев, «арап новокрещеный». Что еще более важно, уроженцы Востока широко использовались на дипломатической службе. Так, отправленный в Бухару с посольством в 1675 г. стольник Василий Александрович Даудов родом был из Казвина, а по происхождению, видимо, армянин [50]. Слабое знание русскими восточных языков, о котором часто писали иностранные путешественники, не в последнюю очередь объясняется практикой широкого использования в сношениях России с азиатскими странами лиц иных народностей.

Как уже говорилось, иногда на родину удавалось возвратиться тем, кто пребывал в рабстве на чужбине. Особенно большое количество пленных было в Османской империи: «...русских людей невольных в неволе на земле их и на море на

каторгах зело много множество, без числа»[51]. Известно, например, что в 1643 г. 280 русских «полоняников» подняли восстание на одном из турецких кораблей и через Рим, Венецию и Варшаву вернулись в Россию. Некоторые бывшие пленники, овладевшие восточными языками, служили толмачами в Посольском приказе[52]. Один из таких людей составил в конце XVII в. этнографическое и военное «описание Турецкой империи». Оно охватывало огромную территорию от Месопотамии до Туниса, от Иерусалима до Будапешта. Очевидно, никто из европейцев в XVII в. не странствовал так много по Османской империи, как безвестный русский пленник.

Сведения об этой стране получали от пашей Азова и Кафы, от «языков», присылаемых в Москву казаками, от греческого духовенства (например, от митрополита Досифея). В середине XVII в. константинопольский патриарх Парфений был публично повешен турками как агент русского правительства.

Любознательность не удовлетворялась только свидетельствами соотечественников, донесениями агентов и переписанными сочинениями прошлого века о «приходе турецких и татарских войск под Астрахань». Все чаще делались новые переводы западной литературы, в основном с польского. Во второй половине XVII в. «Двор турецкого султана» ксендза Старовольского переводили не менее пяти раз[53]. В библиотеке Посольского приказа хранились иностранные книги о Турции. «Повесть о турках» содержала описание обычаев, религии и положения невольников. Встречались и апокрифические тексты типа писем турецкого султана. Антитурецкая тема явственно звучит в литературе того времени, в особенности в произведениях, созданных на Украине.

В XVII в. поддерживались прочные русско-грузинские связи (прежде всего с Кахети). Важное значение имели официальные поездки в Кахети духовных лиц, а также церковных мастеров. В середине столетия Россия была способна проводить политику в общекавказском масштабе. В 1657 г. Имерети прибегает к покровительству русского царя. Сохранившиеся статейные списки некоторых посольств служат важным источником для истории самой Грузии[54]. В качестве примера можно привести дела о посольстве в Дадианскую землю дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в 1639—1640 гг. Им поручалось узнать полный титул местного князя, «веры их рассмотреть»[55], каковы города — каменного или деревянного строения, чем страна богата и каковы ее военные силы и укрепленные пункты[56].

Во второй половине XVII в. грузинские правители (кахетинский царь Теймураз, имеретинский царь Арчил с сыновьями) подолгу жили в Москве, и, конечно, от них можно было получить информацию не только о делах на Кавказе, но и по более общим вопросам международных отношений[57].

Посольство Тиханова (Тихонова) и Бухарова в Иран было отправлено сразу после восшествия на престол Михаила Романова. Складывались мирные отношения с шахом. Развивалась

активная русско-иранская торговля. Адам Олеарий отмечал, что московский государь почти каждый год отправлял к шаху посланников или малых послов, которые при своих зачастую неважных поручениях занимались и торговлей. Можно назвать и дальнее путешествие — «хожение» московского купца Федота Котова в 1623—1624 гг., совершенное по царскому указу и описанное им в известном сочинении «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию, и в Урмыз, где корабли приходят» [58].

Торговля с Ираном и перспектива выйти через его территорию к более отдаленным восточным странам манила предприимчивых дельцов из Западной Европы. Прибывший из Англии Джон Уильям Меррик (Иван Ульянов, как называют его русские источники) настойчиво добивался у русского правительства разрешения на торговлю с дальними странами вплоть до Индии. Пытались выйти к восточным рынкам Голландия, Дания и Голштиния. Московское правительство, как правило, ограничивалось уклончивыми ответами или давало вежливый отказ. В то же время оно всячески поощряло иранских, армянских и индийских торговцев, астраханские колонии которых быстро росли. В конце концов даже русское купечество стало роптать на засилье в торговле иранцев и других иноземцев.

Развитие торговли в районе Каспийского моря способствовало географическому изучению этого региона, и европейским картографам нередко приходилось пользоваться материалами, полученными ими у русских.

Постепенно расширяются связи Москвы с государствами Средней Азии. Известно несколько важных посольств в Хиву и Бухару, начиная с Ивана Хохлова (1619—1620). Одна из задач Анисима Грибова, прибывшего в Бухару в 1646—1647 гг., заключалась в выяснении торговых путей из Средней Азии в Индию. Послы собирали сведения об отношениях среднеазиатских правителей между собой, а также между ними и Ираном, Индией, Османской империей. К 60—70-м годам относится посольство братьев Пазухиных в Хиву и Бухару (они посетили Чарджоу, Мерв, Мешхед и на обратном пути — Астрахань, Шемаху и Баку). Их толмач Никита Медведев добрался до Балха и разузнал о дальнейшем пути в Индию [59].

Из Средней Азии в Россию прибывали не только послы. Иван Данилович Хохлов убедил поступить на царскую службу «юргенчского царевича», младшего брата известного хивинского историка Абу-л-Гази [60]. Каждое из посольств привозило несколько десятков пленников из среднеазиатских ханств. Количество пребывавших там в рабстве русских людей сами послы определяли в несколько сот.

Бухарские купцы широко торговали во многих городах Европейской России, а также Сибири (было даже официальное товарищество «тобольских бухарцев»). На основе расспросов различных лиц в приказе тайных дел составлялись описания дорог

(например, «куды путь от Каменного города до Индейской земли»). Эти сведения оформлялись и как картографический материал (в виде дополнений к «Книге Большому Чертежу»).

С середины XVII в. делается несколько попыток наладить непосредственные связи с Индией — либо через Иран, либо через Среднюю Азию. В 1646 г. с казанским купцом Никитой Сыроежиным и астраханским жителем Василием Тушкановым была отправлена грамота к Шах-Джахану на русском и «татарском» языках. В 1651 г. два приказчика московского гостя Василия Шорина (Родион Пушников и Иван Деревенский) также запаслись грамотой к правителю империи Великих Моголов, где было выражено желание русского царя «с великим вашим с шахджагановым величеством быти в крепкой дружбе и в приятной любви и в ссылке».

В 1668—1669 гг. в Тобольске стольник и воевода Петр Иванович Годунов «с товарыщи» по сведениям индийцев, бухарцев, служилых татар и «всяких чинов людей» составил «Ведомость о Китайской земле и глубокой Индии». «Ведомость» содержала не только сведения о путях в далекие страны, но и некоторую информацию о характере местных властей и религии (например: индийцы «молятся болванам и веруют в корову»). Чуть позже в Москве расспрашивали бухарского купца Муллофара о пути в Индию из Бухары. Об этом беседовал с бухарскими послами руководитель Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев.

В 1675 г. казанский татарин Мехмет Юсуф («Махмет Исуп» в документах) Касимов был отправлен вместе с посольством В. А. Даудова в Бухару, чтобы далее проехать к Великому Моголу. Подробный наказ содержал инструкцию о поведении его при дворе правителя Индии и предложение мер по развитию русско-индийской торговли. Посол должен был собрать максимальную информацию о стране, дорогах и товарах (а также об «Иосафе-царевиче — где мощи его лежат»). Предписывалось ему и привезти «семена огородные или зверей небольших и птиц, от которых в России чаяти быти приплоду» [61]. Дипломатическая миссия Касимова окончилась неудачно, ибо ему пришлось из Кабула вернуться, но информацию об обстановке в этом регионе Азии он мог дать.

Новое посольство к шаху и правителю Могольской империи Аурангзебу снарядили через 20 лет. Семен Маленький побывал в Исфахане и Тегеране, затем добрался до Индии, посетив Сурат, Агру и Дели. Но и это посольство не привело к существенным результатам.

Путешествия русских людей по Ближнему Востоку, несмотря на всю их важность, все же не сопровождались открытиями совершенно неизвестных земель. Значительно больший интерес для европейской науки представляли описания Дальнего Востока. Как раз к началу XVII в., продвигаясь на юг Сибири, казаки подошли к бурятским и монгольским землям. Еще Василий

Шуйский в 1608 г. пытался установить отношения с правителем западной части Монголии Алтын-ханом. В 1616 г. в ставке монгольского феодала побывал Василий Тюменец, оставивший описание своих переговоров и устроенного ему торжественного приема. В ближайшие годы происходил интенсивный обмен посольствами [62]. Сведения о прибытии послов к Михаилу Федоровичу от «Золотого царя» дошли до Европы (с известными преувеличениями) через того же Дж.-У. Меррика. Шведские дипломаты расспрашивали об этом событии у князя Барятинского [63]. Англичане стали вести переговоры с царем о специальной экспедиции в Китай.

Отношение Боярской думы было, как обычно в таких случаях, весьма сдержанным [64]. К тому же отсутствовало реальное представление о Китае. Сведения о том, что все государство окружено кирпичной стеной, давали повод думать, что и территория его невелика. Тем не менее томский казак Иван Петлин был направлен к Алтын-хану и далее в Китай. Практических результатов эта дипломатическая миссия не достигла, но она имела важное значение для изучения стран Дальнего Востока. Составленные И. Петлиным «Роспись Китайскому государству...» и «Чертеж Китайского государства» содержали важные сведения географического, этнографического и политического характера. При этом использовались не только собственные наблюдения, но и устные сведения, полученные от бурят («брацкого татарина»), русских пленников и т. д.

Сообщения Петлина вызвали живой интерес в Европе и уже в 1625 г. были переведены на английский, а затем на немецкий, латинский, французский, шведский, датский и голландский языки. Знаменитый английский поэт Джон Мильтон использовал эти сведения в своем творчестве. Между тем в самой России «Роспись» оставалась секретным произведением; она распространялась лишь в списках, а затем и вовсе была забыта [65]. Этому способствовало и то, что после отказа Алтын-хана признать над собою власть русского царя московское правительство потеряло интерес к монголам, решив, что «прибыли от них не чаяти». Сибирским воеводам предписывалось не поддерживать с ними официальных отношений.

Эти связи восстановились в 1630-е годы, когда русскому посольству Якова Тухачевского удалось добиться клятвы на верность от Алтын-хана. Последний обещал «быть в прямом холопстве» (характерно, что при этом его «дань» была меньше, чем ответное ему «жалование» — пожалования, подарки). В Тобольск, Томск и Иркутск все чаще приезжают как торговцы, так и представители монгольской знати. Появляются монгольские посланцы и в Москве.

В 1654 г., после посещения Москвы монгольским послом, из Тобольска в Пекин был направлен боярский сын Федор Исакович Байков. Он получил подробный наказ собирать сведения о дорогах, о возможностях торговли. Русский посол шел в

Пекин через владения Аблай-тайши у оз. Зайсан. Очевидно, это был тот путь, по которому и прежде ходили бухарские и другие торговцы. Лишь через четыре года вернулся Байков в Москву. Официальное поручение — установить с Пекином «приятную дружбу без урыву» — выполнено не было. Принят он был холодно, а китайские хроники отметили его появление как принесение дани от русского государя («белого царя»). Отказ выполнить унизительный придворный этикет и незнание языков существенно осложнили ведение переговоров.

Тем не менее миссия Ф. Байкова имела важное научное значение. Его статейный список с подробным описанием пути в Китай, товаров и цен, китайских обычаев и нравов вызвал живой интерес. Копия списка попала к иностранным дипломатам в Москве и скоро стала известна в Европе во французском, латинском, немецком, английском и голландском переводах [66].

Незнание языков вызывало значительные сложности. Приказным дьякам приходилось показывать грамоты Алтын-хана, например, следующему монгольскому посольству и спрашивать, «чье те руки и хто их прикладывал и что написано» [67]. Установление постоянных сношений с монголами потребовало появления соответствующего переводчика в Посольском приказе. В Тобольске пытались организовать обучение русских (казачьих детей) «тангуцкому» (тибетскому) и монгольскому языкам.

Новые осложнения в отношениях с Китаем, вызванные переселением в Россию эвенкского князька Гантимура, потребовали снаряжения в 1675 г. особого посольства, во главе которого был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Спафарий. Данный ему наказ во многом совпадал с наказом уже упоминавшемуся Касимову. Руководитель русской дипломатии боярин Артамон Сергеевич Матвеев придал посольству характер научной экспедиции. В огромной свите Спафария находились образованные люди (главным образом греки) для отыскания лекарств, «для знатья каменного» и т. п. Были взяты с собой все необходимые инструменты. Поездка была тщательно подготовлена: сделаны выписки из западной литературы о Китае, выверены чертежи, взята в путешествие «книга из Оптеки». В Тобольске Спафарий беседовал со ссыльным хорватом Юрием Крижаничем, который передал ему свои записи о китайских делах и «письмецо о китайском торгу» [68].

Спафарий, получивший прекрасное образование в Стамбуле и служивший в качестве дипломата в странах Западной Европы, мог вести переговоры в Пекине через живших там иезуитов. От них же он сумел получить много ценной информации о Китае. Сведения иезуитов подвергались проверке посредством опроса русских казаков, приезжавших в пограничные китайские города и близко общавшихся с гиляками (нивхами). Спафарий оставил обширную книгу с подробным описанием областей Китая, которые он смог посетить. По литературе и со слов иезуитов рассказывал он и о южной части Китая, о Японии, Корее [69].

По богатству содержания книга Спафария не имела себе равных в мировой науке того времени. Правда, следует признать, что ученейший автор иногда включал в свое повествование чисто книжные географические наименования (Рифейские горы) и легендарные известия. По самостоятельности и точности описание Китая у Спафария уступает чисто документальному изложению Ф. Байкова.

И на этот раз дипломатические цели посольства выполнены не были. Спафарий, несмотря на аудиенцию у самого императора Канси, не получил от него даже ответной грамоты. Однако его труд «Описание первой части Вселенной... в ней же стоит Китайское государство...» вскоре стал широко известным в Европе и внес важный вклад в исследование Дальнего Востока. Путешественники и географы (например, французский миссионер Филипп Авриль) пользовались также устной информацией о Китае, полученной от самого Спафария [70].

Во второй половине XVII в., как утверждал шведский посланник в Москве Кильбургер, «Россия имеет... свою торговлю и обмен с азиатскими народами, калмыками, бухарцами, монголами, китайцами, индийцами, персами, дагестанцами, черкесами, крымцами, турками, греками, армянами...» [71].

К концу столетия установились постоянные дипломатические отношения с Ираном и Османской империей. В 1689 г. в Нерчинске был подписан первый договор с Китаем. Расширение связей с Востоком и развитие светской культуры вызывали оживление интереса к далеким странам. Многократно переписывались такие старинные сочинения, как «Александрия» и «Христианская топография», а также труды античных географов (например, Помпония Мелы). Но их уже было недостаточно для удовлетворения новых потребностей.

В библиотеке Посольского приказа хранилась разнообразная литература с описанием различных стран, в том числе на восточных языках. На русский язык переводились объемные западные космографии Джованни Ботеро и Герарда Меркатора и более краткие произведения подобного жанра [72]. Создается обширный компилятивный свод «Космография 1670 года». В ней проявляется стремление к согласованию разновременных и разноречивых источников. Ссылки на древние авторитеты, «Плиниуса» и «Диодоруса», соседствуют с информацией о португальском городе в Индии «Калехуте». Изредка встречаются в тексте древние легенды, например о живущем в Ганге чудовище, которое хватает слонов. Однако в целом стремление к достоверности заставляет автора отказаться от пересказа «баснословий» [73]. Следует отметить, что «Космография» вошла в широкий круг чтения: ее переписывали даже в далеких Холмогорах.

Стольник Андрей Иванович Лызлов «прилежными трудами сложил и написал лета 1692» «Скифскую историю», в которой была описана борьба русских и других славян с «Золотой, Казанской и Крымской ордами», с Османской империей в XIII—

XVI вв. Материал для этой книги был собран «из разных иностранных историков, паче же из российских верных историй и повестей»[74]. Сочинение это позднее, в XVIII в., еще в списках получило широкое распространение среди читающей публики.

Некоторые статейные списки о далеких путешествиях, которые должны были оставаться только дипломатическими документами, не подлежащими оглашению, тем не менее переписывались и распространялись как увлекательное чтение[75]. Географические труды объединялись в сборники, включавшие «Проскинетарий» Арсения Суханова, «Хожение Трифона Коробейникова» и «Книгу Большому Чертежу»[76]. В литературе становится особенно популярен жанр путешествий и приключений, где описание дальних стран служит фоном для проявления отваги и предприимчивости героев.

По расспросным сведениям составляются важные географические труды типа «Ведомостей» Петра Годунова, делаются попытки начать изучение восточных языков. На рубеже XVII—XVIII столетий создаются общие труды, посвященные монголо-татарам и туркам («Скифская история» Андрея Лызлова), карты Азии («Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова). В царствование Алексея Михайловича явно чувствовались приметы совершенно новой эпохи, и страстный пропагандист изучения Востока в России Юрий Крижанич имел основания считать, что скоро русские смогут «стереть плесень древней дикости и научиться наукам»[77].

* * *

Как видим, было бы несправедливо считать, что в древней и феодальной Руси отсутствовал интерес к странам Востока и знания о них ограничивались литературными произведениями типа «Александрии». Государственные интересы, самые тесные связи со странами и народами Азии обусловливали необходимость ориентироваться в международной ситуации. Русское правительство имело многообразные возможности для получения своевременной и довольно полной информации. Планомерного изучения восточных языков не было, но сами носители их нередко жили в России и могли быть использованы в качестве переводчиков. Не было недостатка в предприимчивых торговцах и любознательных путешественниках и среди русских людей. Скудость данных о восточных странах в нашей старинной литературе объясняется тем, что в традиционные, большей частью религиозные, сочинения редко попадали устные и документальные сведения, имевшие преимущественно практический характер, а науки в подлинном смысле слова в древней и феодальной Руси не сложилось. Неудовлетворительность прежних представлений, недостаточность самих способов получения информации явно ощущались уже в XVII столетии, но лишь развитие светской культуры в России, и главным образом после петровских реформ, сделало возможным новое отношение к государствам и культуре Востока.

Глава 2

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ В XVIII СТОЛЕТИИ

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Начало качественно нового этапа изучения Востока в России — зарождение востоковедения как науки — связано с радикальными преобразованиями во всех сферах общественной жизни страны и ее внешней политики, последовательно проводимыми Петром I. Естественно, что в своей реформаторской деятельности он опирался на уже достигнутый опыт своих предшественников.

Петр I, гибко используя сложившуюся международную обстановку, начал активно и целенаправленно действовать и на Западе, и на Востоке.

В этот период Россия интенсивно осваивала районы, населенные восточными народами (Кавказ, Поволжье, окраины Сибири, Камчатку), стремилась закрепиться в прикаспийских областях, настойчиво добивалась урегулирования пограничных разногласий, а также правил торговли с Ираном, Османской империей, Крымским ханством, Монголией, Китаем, неоднократно пыталась наладить дипломатические отношения с Киргиз-кайсацкой ордой, Хивинским и Бухарским ханствами, Японией и Индией. Все это требовало всестороннего изучения Востока, а последнее было возможно только при новом подходе к решению этой задачи.

В петровское время в России не было специально подготовленных востоковедов. Процесс изучения Востока в этот период связан с деятельностью лиц, которые, по долгу службы соприкасаясь с восточными народами, накапливали сведения о них и по собственной инициативе или опять же потому, что это входило в круг их обязанностей, подготавливали отдельные работы: описательные, картографические, оригинальные.

В 1695 г. 23-летний Петр посылает купца гостиной сотни Семена Маленького со своими грамотами к персидскому шаху и Великому Моголу (об этом посольстве уже упоминалось). Испытав в пути множество приключений, он выполнил поручение царя. К сожалению, уже на обратном пути, в Астрахани (по другим свидетельствам, в Шемахе), после пятилетних странствий он умер. Его спутник Андрей Семенов в 1716 г. рассказал в канцелярии Сената подробности этого путешествия. Они касаются большей частью вопросов торговли, но содержат и сведе-

ния по географии, быте и нравах населения тех стран, в которых побывали русские путешественники.

Это была одна из первых во времена Петра I миссий на Восток, и в ней уже обозначилась масштабность восточной политики молодого российского царя.

В 1696 г. был издан указ «О снятии чертежа Сибири на холсте с показанием в оном городов, селений, народов и расстояний между урочищами» [1]. Вначале в сибирских городах подготовили чертежи (карты) «всех русских и ясачных волостей». На основании этих материалов Семен Емельянович (Ульянович) Ремезов (1642—1720) составил атлас Сибири («Чертежная книга Сибири...»), которым пользовались при составлении карт другие географы XVIII в. Помимо этого атласа на основании свидетельств и рассказов сибирских первопроходцев и местных жителей, а также географических данных С. Е. Ремезов написал первую историческую работу о Сибири [2].

Казак Владимир Атласов на рубеже XVII—XVIII вв. первым описал Камчатку: жителей, их образ жизни, природу и животный мир. Свои «скаски» он привез в Москву. В Сибири он познакомился с Денбеем (см. ниже), вероятно, рассказал о нем в столице и тем привлек к нему внимание Петра I [3].

Голштинец на русской службе Эверт Идес Избрант (Избрантес, Исбрантсон) в 1692—1965 гг. возглавлял русское посольство в Китай. Одним из результатов этой поездки было издание в 1704 г. на голландском языке в Амстердаме описания его путешествия из Москвы в Китай [4].

Среди мероприятий, связанных с исследованием и освоением Сибири, можно выделить экспедиции подполковника И. Д. Бухгольца с отрядом на Иртыш к Ямышеву озеру в 1714—1716 гг., И. М. Лихарева к оз. Зайсан в 1719 г., поездку по Иртышу Ивана Унковского в 1722—1724 гг. и посольство плац-майора Угримова в Джунгарию в 1732—1733 гг. Во время этих экспедиций по малоизученным в то время районам Сибири проводилось описание путей следования, составлялись карты, делались заметки этнографического плана.

На рубеже XVII—XVIII вв. во главе миссии в Османской империи побывал Емельян Игнатьевич Украинцев, донесения которого информировали Петра I о политической обстановке в этой стране. Он также описал проделанный им путь через Черное море, Крым и Стамбул [5].

В 1702—1714 гг. в качестве русского посла в Османской империи находился умный, образованный, талантливый дипломат Петр Андреевич Толстой. Отправляясь на столь ответственный пост, он получил задание описать «тамошнего народа состояние», «какое там управление» и «которые государства из приграничных соседей в первом почтении [турки] у себя имеют», «с кем хотят мир держать и войну вести и для каких причин». П. А. Толстой подготовил подробное описание страны и в мае 1703 г. отправил его Петру I. В нем содержались сведения о

государственно-административном устройстве, финансах, торговле Османской империи, о положении стран Ближнего Востока и Северной Африки, данные о религии и общественной мысли[6].

Находясь в Стамбуле, П. А. Толстой принял к себе в качестве переводчика рагузинца Флорио Беневени, владевшего турецким, персидским и итальянским языками. Ф. Беневени «служил переводчиком языков ориентальных и в тамошних делах посольских верно» и в 1714 г. вместе с послом после долгих злоключений прибыл в Россию, где поступил на русскую дипломатическую службу в Ориентальную экспедицию Коллегии иностранных дел. В 1718 г. ему поручили возглавить важную дипломатическую миссию в Персию и Бухару. С 1718 по 1725 г. Ф. Беневени находился в длительном и опасном путешествии. Он собрал многочисленные сведения по географии, истории, политике тех стран, в которых ему пришлось побывать, а также вел дневник, сохранивший интереснейшие подробности его поездки[7]. Более ста лет назад обратившийся к его запискам востоковед Н. И. Веселовский отметил: «Из его донесений и дневника мы ясно видим тогдашнее положение описываемых им стран»[8].

Во время упоминавшегося выше посольства в Китай Избранта помимо коммерческих дел посол должен был обсудить вопрос о постройке в Пекине на средства русского правительства православной церкви. Какого-либо решения об этом тогда принято не было, но вопрос о духовной миссии более широко был поставлен в указе Петра I от 18 июня 1700 г., в котором, в частности, говорилось, что киевский митрополит должен подобрать кандидатуру на пост митрополита в Тобольске и послать с ним «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языкам и грамоте научитись и, их суеверие познав», могли привести китайцев, монголов и народы Сибири в «веру христианскую» и способствовать таким образом политическим и торговым интересам России[9].

Первая попытка ознакомления русских с «ламайским верованием» и монгольским языком связана с духовной миссией архимандрита Илариона Лежайского в Монголию в 1707 г. Вместе с ним отправились два «школьных ученика» для изучения монгольского языка. Но миссия не имела успеха и вскоре вернулась в Тобольск[10].

В 1714 г. И. Лежайский был направлен во главе духовной миссии в Китай. В 1716 г. он прибыл в Пекин, а в следующем году на обратном пути в Россию умер. Однако его ученики не покинули Китай. Таким образом, фактически было положено начало духовной миссии (см. ниже). В это время русское правительство еще не имело намерения возлагать на нее какие-либо дипломатические функции, поскольку в Пекине предполагалось иметь специального политического агента не из духовных, а из светских лиц.

Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, посланный в 1725 г.

во главе очередного русского посольства в Китай (ранее, в 1720—1721 гг., там побывало посольство Льва Измайлова), заключил от имени Российской империи в 1727 г. Буринский трактат с Китаем, подтвержденный Кяхтинским договором 1728 г. По одному из пунктов договора Россия получала право иметь в Пекине духовную миссию, на которую возлагалось и дипломатическое представительство. Россия сделалась единственной страной, имевшей с Китаем постоянные торговые отношения и свое постоянное представительство в Пекине. «Существование „российской духовной миссии в Пекине" создало,— подчеркивал акад. В. В. Бартольд,— исключительно благоприятные условия для русских научных работ в Китае, особенно после эдиктов против иезуитов». К миссии могли быть прикомандированы и светские лица для научных работ (в том числе для изучения языков и литературы).

К сожалению, на начальном этапе существования миссии не были в полной мере использованы предоставившиеся ученым возможности (что было достигнуто во второй половине XVIII в. и в XIX в.). Члены миссии в первые годы чаще являлись лишь переводчиками китайских сочинений, но не исследователями языка, литературы и истории страны. Несмотря на это, создание миссии сыграло очень большую роль для науки. После учреждения Академии наук в 1724 г. в ней уже работали переводчиками с китайского и маньчжурского языков люди, жившие и работавшие ранее при миссии в Пекине.

В 1715—1735 гг. участником шести российских дипломатических миссий в Китай был швед на русской службе, первый российский «резидент» (консул) в Пекине Лоренц Ланг. Во время поездок он покупал книги, вел подробные дневники, содержащие такие факты, которые со временем стали источниками для изучения истории, этнографии, археологии Сибири, Китая и Монголии. Публикация дневников Л. Ланга в Германии вызвала большой интерес европейских ученых (о его трудах подробно см. ниже). В России этими материалами пользовался П.-С. Паллас [12].

В начале XVIII в. пешком от Москвы до Ясс и Стамбула дошел священник Иоанн Лукьянов, подробно описавший Палестину, а также Османскую империю, в частности каторгу с русскими невольниками [13].

Шотландец Джон Белл (в 1714—1747 гг. находился на русской службе) в составе российских посольств посетил Персию (1715), Китай (1719) и Османскую империю (1737). По пути в эти страны он побывал в Прикаспийской области, Поволжье, Сибири. В обширном описании своих путешествий он упоминал татар, чувашей, черемис, армян, персов, калмыков, китайцев, приводил перечни некоторых китайских, маньчжурских, монгольских, «тангутских, индостанских» слов. Труд этот был издан в 1763 г. в Глазго, а затем переведен на французский язык. В 1776 г. Михаил Попов перевел его с французского на русский и издал в трех частях в Петербурге под названием «Белевы пу-

тешествия чрез Россию в разныя Асиятския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь».

В 1715—1718 гг. с целью заключения торгового договора в Персию была направлена миссия во главе с Артемием Петровичем Волынским. Ему также поручалось узнать, «каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить и нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию» [13а].

В 1719—1720 гг. путешествие в Стамбул и Иерусалим совершил посадский человек Матвей Гаврилович Нечаев. В своих записках помимо впечатлений о названных городах он, так же как и Иоанн Лукьянов, рассказал о положении русских пленников в Турции [14].

Наиболее остро в конце XVII — начале XVIII в. стояла проблема подготовки практических востоковедных кадров. Знание восточных языков требовалось в таких отраслях государственной службы, как дипломатия, торговля, военное и духовное ведомства, местное управление, судебное производство. Эта задача решалась тремя путями: 1) использование лиц, по личной инициативе в какой-то мере овладевших восточными языками; 2) приглашение специалистов из Западной Европы; 3) подготовка собственных переводчиков.

Однако как использование на государственной службе имевшихся знатоков восточных языков, так и приглашение иностранцев следует считать лишь полумерами. Только целенаправленная подготовка отечественных востоковедных кадров могла обеспечить постоянный приток требуемых специалистов.

О стремлении к этому свидетельствует упоминавшийся выше указ Петра I от 18 июня 1700 г.

В конце XVII в. в Россию в результате кораблекрушения попал первый японец, по имени Денбей; он был доставлен в Москву. 16 апреля 1702 г. Петр I приказал отослать его в школу при Артиллерийском приказе для овладения русским языком, с тем чтобы впоследствии он стал «учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти» [15].

Указы от 18 июня 1700 г. и 16 апреля 1702 г. вошли в историю как первые правительственные распоряжения об обучении русских восточным языкам. То, что внимание Петра I прежде других было обращено на языки Дальнего Востока и Сибири, связано с политической обстановкой начала XVIII в., когда освоение сибирских земель и Камчатки и налаживание отношений с Китаем, Японией, Монголией были для России первостепенными историческими задачами.

Еще несколько раз на камчатском берегу оказывались потерпевшие кораблекрушение японцы и были сделаны попытки использовать их для обучения русских японскому языку (1710, 1729, 1745 и другие годы). А в 1736 г. при Академии наук для изучения японского языка была учреждена школа, просуществовавшая сначала в Петербурге, а затем и в Иркутске до 1816 г.

Когда монгольские племена, переселившиеся в Россию и по-

лучившие название калмыков, в начале XVIII в. частично переходили в христианство, монах Киево-Печерской лавры Никодим Линкевич (род. 1673) выучился у крещеных калмыков их языку и письменности. По указу Петра I от 19 апреля 1724 г. он в начале следующего года был направлен в Ставропольский край, где жил на поселении хан Петр Тайшин со своими подданными [16]. Н. Линкевич пробыл здесь несколько лет, переводил на калмыцкий язык духовную литературу, обучал детей русскому языку. Ему помогали три выпускника московской Славяно-греко-латинской академии (Андрей Чубовский, Яков Безстужев, Иван Ляхов), которые в то время осваивали калмыцкий язык [17].

В состав упоминавшейся выше миссии А. П. Волынского в Персию в 1715—1718 гг. Петр I велел включить пятерых учеников для изучения на месте персидского, арабского и турецкого языков [18]. 18 января 1716 г. последовало распоряжение о выборе в Славяно-греко-латинской академии «молодых пяти человек, таких, которые б по меньшей мере грамматику [этих языков] выучили» [19]. Данных о том, кто именно поехал с А. П. Волынским в качестве учеников, не имеется.

И впоследствии обучение русских восточным языкам продолжалось при российских резиденциях и консульствах на Востоке. Известно, что некоторые дипломаты, служившие в Персии и прикаспийских областях в 1720—1725 гг. (С. Аврамов, Колушкин и др.), знали персидский и турецкий языки.

С начала XVIII в. Россия имела постоянное дипломатическое представительство в Османской империи. В 1724 г. его главой был назначен Александр Иванович Румянцев, посещавший эту страну и ранее. По просьбе Коллегии иностранных дел и на основании «высочайшего указа Правительствующий Сенат» распорядился с А. И. Румянцевым «в Царьгород послать ради обучения турецкого языка» четырех учеников Славяно-греко-латинской академии в возрасте 13—14 лет [20].

В 1702 г. по приглашению Петра I в Москву приехал пастор Эрнст Глюк (1652—1705), владевший восточными языками. Он предложил открыть первую в России начальную гимназию для разночинцев, в программу которой наряду с прочими предметами вошло бы изучение еврейского, сирийского, халдейского (арамейского) языков. Преподавались ли эти языки в действительности, сведений в литературе не сохранилось [21].

Среди перечисленных языков, преподавание которых пытались наладить в петровской России, отсутствует татарский, казалось бы столь необходимый для российской дипломатии и внутренних государственных ведомств. Это объясняется тем, что среди населения страны имелось достаточное число носителей этого языка. Лица татарского происхождения в XVII—XVIII вв. составляли кадры переводчиков, использовавшихся в процессе сношений России с рядом государств Азии. Начало изучения русскими татарского языка относится ко второй половине XVIII в.

Заметным событием в деле оживления взаимоотношений со странами Средней Азии в Петровскую эпоху (кроме отмеченного выше посольства Флорио Беневени в Бухару), событием, имевшим определенные научные результаты, была организация двух экспедиций в Хиву князя А Бековича-Черкасского. По указу от 20 мая 1714 г. ему предписывалось обследовать район восточного побережья Каспийского моря, выяснить, какие реки в него впадают и можно ли по ним продвигаться дальше на юг и восток [22]. Во время этой экспедиции (1714—1715) А. Бекович-Черкасский составил карту Каспийского моря, установил местоположение старого, пересохшего устья Амударьи (некогда впадавшей в Каспийское море) и посчитал возможным сделать его вновь полноводным и судоходным, направив в него воды Амударьи, ныне отведенной в 4 верстах от Хивы в Аральское море, и восстановить таким образом тот водный путь между Каспием и Индией, о котором сообщали еще античные авторы.

В феврале 1716 г. А. Бекович-Черкасский возглавил новую экспедицию. На этот раз предписывалось достигнуть Хивинского ханства для заключения с ним союза, более конкретно разведать о возможности возвращения течения Амударьи в Каспий и отправить по реке «под видом купчины» морского поручика А. Кожина, чтобы плыл по Амударье — сколько «время допустит» — в Индию, для чего была составлена особая инструкция [23]. Но этот поход А. Бековича-Черкасского закончился полным крахом: в 1717 г. сам он и почти весь его отряд были перебиты в Хиве. Поручик А. Кожин, который остался жив, так и не смог двинуться в плавание по Амударье и вернулся в Россию. В 1718 г. он вновь был послан вместе с другим поручиком флота, князем В. Урусовым, к восточным берегам Каспия.

Географические изыскания и картографирование Каспийского моря и прикаспийских областей проводились и позже, во время Персидского похода русских войск и флота в 1722—1723 гг. Участники этого похода офицеры Перри и Вартис в 1723 г. издали в Нюрнберге работу, в которой отразили свои впечатления о Поволжье, Прикаспии и Закавказье [24].

Восточная политика России велась активно и широкомасштабно. Новые задачи, вставшие перед российской дипломатией, требовали не только большого числа «знающих» людей, но и вообще реорганизации внешнеполитического ведомства. Старый неповоротливый Посольский приказ не удовлетворял энергичного царя. При Петре I создается сначала «походная Посольская канцелярия», а в 1718 г. учреждается Коллегия иностранных дел (Иностранная коллегия) во главе с канцлером Г. И. Головкиным и подканцлером П. П. Шафировым. В обязанности Коллегии входило «сочинять грамоты к чужестранным государям, рескрипты к министрам, резолюции, декларации и прочие бумаги великой важности и тайны» [25]. В ряде государств появляются постоянные посольства и консульства России, которые присылают регулярные донесения о положении в данных странах.

Посольские донесения, как и донесения и дневники руководителей тех или иных миссий, как правило, отличались значительной достоверностью, поскольку основывались на личных наблюдениях авторов этих документов, их беседах с официальными лицами и информации, полученной от местных жителей. Они стали важным источником для изучения русскими Востока.

Подчеркнем, что обучение восточным языкам при Петре I носило практический характер. Его целью прежде всего была подготовка дипломатов, миссионеров, толмачей.

Таким образом, в начале XVIII в. в России складывается практическое востоковедение. В то же время начинается и научное изучение Востока. Публикуются исследования о народах Азии, как переводные (западноевропейских авторов), так и отечественные.

Петр Васильевич Постников, сын дьяка Посольского приказа, получивший европейское образование, дипломат, знаток французского и итальянского языков, первым из русских был удостоен докторской степени: 19 августа 1694 г. он стал доктором философии и медицины Падуанского университета [26]. По приказу Петра I он впервые перевел на русский язык с французского перевода (выполненного в 1647 г. А. Дю Риером) «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Перевод этот был издан в Петербурге в 1716 г. без указания имени переводчика [27].

В 1716—1719 гг. «повелением царского величества» были переведены с немецкого и латинского языков и изданы в Москве три географических сочинения, содержащих, в частности, сведения востоковедного характера. В «Географии или кратком земнаго круги описании» приведены данные о политическом устройстве, религии, связях с другими странами Османской империи, Ирана, Китая и Индии. Автор выделил разделы о «татарах крымских», «о народах степных» (калмыках, киргизах и др.) [28]. Другой труд, «География генеральная», содержал, в частности, перечень названий восточных городов и стран: «Александрия египетская», «Аден аравский», «Багдет, иже Вавилон халдейский», «Бенгалы индийския», «Гоа индийская», «Зейлон остров», «Дамаск, Иерусалим» и др. [29]. Этот перечень примечателен тем, что отражает географический кругозор того времени. Третье географическое сочинение, «Земноводнаго круга краткое описание», интересно для нас тем же, что и предыдущее, сохранив понятия и названия географических областей тех лет: «турская область Азии», «Аравия», «Георгия», «Туркомания», «Хинское государство», «Великая Тартария» и др. [30].

Василий Никитич Татищев (1686—1750), известный государственный деятель и ученый, активный участник и продолжатель петровских начинаний, проявлял большой интерес к знанию восточных языков, считая их ступенью к изучению истории их носителей. Сам он знал татарский, был знаком с еврейским, а также калмыцким, финским и другими языками. Им был подготовлен «Лексикон Российский исторический, географический,

политический и гражданский», представляющий собой толковый словарь ориентализмов русского языка, опубликованный в Петербурге в 1793 г.

В Самаре В. Н. Татищевым была организована татаро-калмыцкая школа, при которой проводилась работа по сбору лингвистических материалов, по переводу восточных сочинений, по составлению русско-татарско-калмыцкого словаря. Восточные языки в этой школе в 1737—1739 гг. преподавал Махмуд Абдрахманов.

В 1745 г. В. Н. Татищев вышел в отставку и полностью посвятил себя подготовке знаменитой «Истории Российской с самых древнейших времен», работу над которой он закончил в конце 1740-х годов и в которой определенное место заняли вопросы, связанные с Востоком.

Особенно заметный след в истории востоковедения петровского времени оставила деятельность Кантемира. Дмитрий Константинович Кантемир (1673—1723) — молдавский князь, выпускник греческой Академии в Стамбуле, знаток арабского, персидского, турецкого языков и турецких рукописей — в 1711 г. переехал в Россию [31]. С 1714 г. он состоял при Петре I советником по вопросам Востока; 20 февраля 1721 г. стал сенатором [32].

Во время Персидского похода 1722 г. Д. Кантемир ведал походной канцелярией и организовал при ней первую в России типографию с арабским наборным шрифтом [33]. В ней был отпечатан манифест Петра I к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках [34].

Весьма интересуясь «восточными древностями», Кантемир собирал сведения о них в самых необычных условиях. Военные действия в районе Дербента позволили ему лишь один день находиться около Кавказской стены, и все же он успел осмотреть этот археологический памятник и описать его. После смерти Кантемира эти материалы были переданы в Академию наук, где Г. З. Байер подготовил по ним статью [35].

При участии Кантемира, а возможно по его инициативе, в период Персидского похода были приняты меры по сохранению другой достопримечательности — развалин древнего города Булгара. Посетив это место, Петр I 2 июля 1722 г. дал распоряжение казанскому губернатору прислать каменщиков «с их инструментами и несколько бочек извести», поскольку «у старинного булгарского строения башни или колокольни фундамент испортился и оный надлежит подделать вновь» [36]. Кроме того, император приказал «списать» находившиеся там «гробные надписи, коим полезным трудом история оного старого города несколько разъяснена». 50 арабских, татарских и армянских надгробных надписей были скопированы [37] и переведены на русский язык носителями восточных языков из отряда Петра I ахуном Кадырмаметом (Кадыр-Махмедом) Сюнгалеевым, слободским переводчиком Юсуном Ижбулатовым и армянином Иваном Васильевым [38]. Выполненная ими работа позднее была названа «едва ли

не первым трудом в России, вызванным не практическою нуждою, а ученою любознательностию»[39]. Русский перевод этих надписей опубликовал в 1770-х годах И. И. Лепехин. Позднее эти материалы привлекали внимание Г.-Ю. Клапрота, И. Н. Березина и других ученых.

Возвращаясь к деятельности Кантемира, остановимся на двух его основных работах по востоковедению. Первая из них, «Возвышение и падение дома Османов», была написана по-латыни в 1714—1716 гг. По распоряжению Петра I в 1725 г. был сделан ее русский перевод. В 1734—1745 гг. она была переведена на английский, французский и немецкий языки. В книге, построенной на восточных источниках, дано систематическое изложение политической истории Османской империи.

Вторая работа Кантемира, «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии», была написана в 1719 г. также по-латыни и переведена на русский язык И. Ю. Ильинским. Книга знакомила читателя с учением ислама, которое рассматривалось автором как политическая система, влияющая на жизнь и историю общества. Святейший Синод препятствовал изданию этого сочинения, и потребовались два петровских указа, чтобы ускорить дело[40]. Работа была напечатана в декабре 1722 г. и быстро разошлась, так как пользовалась большим спросом у читающей публики[41].

Лица как русского, так и западноевропейского происхождения, так или иначе причастные к востоковедению, по роду своих прямых обязанностей были государственными деятелями, дипломатами, чиновниками, офицерами, купцами, паломниками. Все они по долгу службы либо по собственному почину общались с восточными людьми, изучали восточные языки, наконец, бывали в странах Востока и своими работами вносили вклад в развитие востоковедческой науки.

Федор Иванович Соймонов (1692—1780) — известный государственный деятель и ученый — в течение всей своей жизни интересовался Востоком[42]. На основании дневниковых записей, относящихся к его поездке в 1719—1720 гг., он подготовил работу, состоящую из географического и политического описания Каспийского моря и обзора мероприятий Петра I, связанных с этим районом[43]. Это был основной труд его жизни. В 1754 г. Ф. И. Соймонов основал в Нерчинске Навигацкую школу, а в 1758 г. в Тобольске — Геодезическую. В 1720—1731 гг. им были составлены первая русская печатная карта, атлас и лоция Каспийского моря. В 1757—1763 гг., в бытность его сибирским губернатором, он занимался экономикой этого перспективного края. Им же был подготовлен трактат «Обстоятельства между дворами Всероссийским и Китайским», касающийся таких вопросов, как урегулирование пограничных отношений, смена подданства, выдача перебежчиков[44].

2 января 1719 г. Петр I составил инструкцию геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину. Они отправлялись в экспе-

дицию «для описания мест около Камчатки и для разрешения вопроса: соединяется ли северо-восточная Азия с Америкой»[45]. В 1720 г. они выехали из Петербурга в Тобольск, а оттуда — на побережье Тихого океана. Ими была составлена карта Курильских островов; в числе материалов, которые собирал И. Евреинов, содержались сведения о Японских островах. Все материалы были доставлены Петру I[46].

Даниил Готлиб Мессершмидт (1685—1735), медик по образованию и ученый широкого профиля по своим интересам, был приглашен в Россию для участия в научной командировке по всестороннему изучению Сибири. Указ об этой экспедиции Петр I подписал 15 ноября 1718 г. Продолжалась она семь лет — с 1720 по 1727 г. Был проделан огромный объем работ. Д.-Г. Мессершмидт, изъездив Западную Сибирь, Даурию и Монголию, собрал материалы по истории, географии и этнографии живущих здесь народов, в том числе и восточных, а также описал археологические памятники. Он выучил за эти годы монгольский и «тангутский» языки, собрал лингвистические образцы 20 «сибирских» наречий, в том числе маньчжурского, монгольского, тибетского и др.[47]. По его просьбе ему доставляли восточные рукописи[48]. Возвратившись из Сибири, Мессершмидт привез в Петербург дневники, рукописные сочинения, коллекции предметов из захоронений в сибирских курганах. В 1747 г. эти богатые материалы пострадали во время пожара в здании Академии наук.

В Сибири Д.-Г. Мессершмидт познакомился с Ф.-И. Страленбергом, который стал его ценным помощником. Швед Филипп Иоганн Страленберг (Табберт; ум. 1747), участник Полтавской битвы, в 1709 г. был взят в плен и до 1721 г. жил в Тобольске. В течение 13 лет он изучал местную историю, а также составил две карты Сибири. В 1721—1722 гг. он принял участие в экспедиции Д.-Г. Мессершмидта. Ему удалось впервые достать «у бухарцев» в Тобольске рукопись «Родословная тюрок» («Родословное древо тюрков») Абу-л-Гази и организовать ее перевод с татарского на русский и с русского на немецкий язык. Страленберг нашел камни с древнетюркскими надписями, зеркало с арабской вязью, восточные монеты и другие интересные памятники. Он же составил словарик из 60 русских слов, переведенных с помощью носителей на 30 восточных языков, и одним из первых занялся сопоставительным языкознанием, выделив ориентализмы в русском и немецком языках. После возвращения на родину в 1730 г. Страленберг издал в Стокгольме карту Сибири и работу, посвященную «северным и восточным частям Европы и Азии»[49].

Участник Персидского похода (1722) Иоганн Густав Гербер после завершения операции был оставлен Петром I в Прикаспии для его обследования в военном отношении. Он пробыл здесь до 1729 г., собрал материалы и на их основании составил карту края и подготовил работу о татарах, черкесах и других народах, живших в 1728 г. «между Астраханью и рекою Курою»[50].

За месяц до своей смерти Петр I организовал экспедицию с целью ответить на не решенный в 1719 г. И. Евреиновым и Ф. Лужиным вопрос «об открытии соединения Азии с Америкою» [51]. Это было крайне важно, поскольку речь шла о путях в Восточную Азию и Америку. Экспедицию возглавил Витус Беринг, с 1704 г. служивший в русском флоте. Его отчет был опубликован в 1735 г. в Париже по-французски, став частью четырехтомной работы о Китае иезуита Жана Батиста Дюгальда [52].

В проектах российской системы образования, которые по просьбе Петра I разрабатывал немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), не было забыто и востоковедение. Лейбниц интересовался изучением Востока в России: в письмах Петру I он просил сообщить ему о судьбе первого японца, попавшего на Камчатку, о русских экспедициях на окраины, а также прислать ему перечни слов сибирских и кавказских языков. Предложив основать в Петербурге академию, он рассматривал ее прежде всего как высшее учебное заведение, причем в понятие высшего образования включал для определенных специальностей и восточные языки. Особое внимание Лейбниц обращал на приобретение восточных книг и рукописей [53].

Прежде чем принять окончательное решение о цели и структуре академии, Петр I широко обсуждал этот вопрос лично и в переписке помимо Г.-В. Лейбница со многими другими европейскими учеными. Идея создания в России академии очень увлекла Петра I (сам он считался в Европе одним из образованнейших людей), он лично составил проект устава, устанавливал штат, изыскал источники финансирования Академии, при нем и частично из его собрания книг была скомплектована академическая библиотека. 28 января 1724 г. последовал указ об учреждении в Сант-Петербурге Академии как высшего научного учреждения с университетом и гимназией при ней [54].

Эту дату принято считать датой основания Академии, но практически она начала действовать уже после смерти Петра I, в декабре 1725 г. Университет и гимназия не были связаны с востоковедением, но Академия сыграла в его развитии важнейшую роль.

В 1714 г. в Петербурге был основан первый в России общедоступный музей антропологии и этнографии, назначением которого было способствовать распространению просвещения в стране. Организованный на базе личных собраний Петра I, он получил наименование Кунсткамеры. Интерес к музею с первых же лет его существования был весьма значительным; об этом, в частности, свидетельствует собирательная практика того времени. Коллекции поступали из самых различных источников. В губернские канцелярии рассылались специальные указы (1717—1721) «пересылать в музей... кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи... старые подписи на каменьях, железе или меди или какое старое и необыкновенное оружие, посуду и прочее,

что зело старо и необыкновенно». Приказывалось изготовлять копии рукописей, издавать, составлять описания археологических и эпиграфических памятников [55]. Все представляющее научный интерес со всех сторон доставлялось в Петербург. Не были забыты и предметы современного быта малоизвестных народов. Этот раздел особенно привлекал внимание участников академических экспедиций XVIII в., обследовавших культуру и быт ряда неизученных и даже неизвестных по названию народов. С момента создания Кунсткамеры и библиотеки при ней там хранились японские, тибетские, монгольские, тангутские рукописи, разнообразные материалы о восточных окраинах России, монеты и другие предметы восточного происхождения. Частные коллекции со смертью их владельцев также пополняли государственное собрание. В сборе коллекций принимали участие крупнейшие ученые и путешественники, например С. П. Крашенинников, С.-Г. Гмелин, П.-С. Паллас, Г.-Ф. Крафт, Г.-Ф. Миллер, М. В. Ломоносов.

С момента основания Академии наук Кунсткамера и библиотека были переданы ей.

В ведении Святейшего Синода, образованного волей Петра I в 1721 г. в качестве высшего духовного учреждения России, были семинарии и академии, в которых преподавались восточные языки.

Мероприятия Петра I в области востоковедения позволяют считать первую четверть XVIII в. началом качественно нового этапа в истории этой отрасли науки. Сделав востоковедение частью государственной политики, Петр I тем самым превратил изучение Востока в России из совокупности случайных фактов в целенаправленный процесс овладения определенным объемом знаний, предусматривающий систему школ, университет, Академию наук. Попытки плановой подготовки знатоков восточных языков, организация специальных экспедиций с заранее поставленными задачами, создание государственного собрания восточных рукописей и книг, появление новой проблематики (эпиграфика, палеография, топонимика и т. д.) и первых исследований — все это было вызвано практическими задачами и одновременно означало переход к научному освоению Востока [56].

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Создание Академии наук в Петербурге [57], любимого детища Петра I, было высшим достижением его реформаторской деятельности в области духовного развития страны. В этом основном научном учреждении России с самого начала достойное место заняло востоковедение. Кунсткамера и библиотека (в том числе и их востоковедные фонды), как было сказано выше, перешли в академическое ведомство. Созданная в конце 1720-х годов

академическая типография выпустила ряд изданий по изучению Востока. Экспедиции, проведенные по инициативе и под руководством Академии наук, внесли огромный вклад в исследование Сибири, Поволжья, Кавказа и других районов России. Значительная по объему работа по описанию восточных областей была проделана в географическом департаменте Академии наук (1739), где сосредоточивался разнообразный материал, собранный на местах, составлялись карты, атласы, специальные обзоры. При Академии наук в XVIII в. существовали две школы с преподаванием восточных языков.

Регламент от 24 июля 1747 г. исключил гуманитарные дисциплины из академической программы и передал их университету [58]. Одним из первых за возвращение отдела «гуманиора» в Академию наук высказался М. В. Ломоносов. Интересуясь самыми различными аспектами жизни восточных регионов России, он глубоко осознавал необходимость учреждения в Петербурге особой, «ориентальной», кафедры или отдельной академии [59].

Независимо от официальных программ на протяжении всего XVIII столетия в Академии наук постоянно работали специалисты, своей деятельностью способствовавшие развитию научного и практического востоковедения. Когда в 1759 г. было введено звание члена-корреспондента, первым ученым, получившим его, был сподвижник М. В. Ломоносова по изучению Сибири П. И. Рычков.

Особое место среди специалистов Академии наук, причастных к истории востоковедения, принадлежит единственному за весь XVIII век академику-ориенталисту Байеру.

Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер (1694—1738) [60], уроженец Кенигсберга, образование получил в Берлине и Лейпциге. В 1717 г. ему была присвоена магистерская степень. С 1718 г. он служил в библиотеке Кенигсбергского университета и еще до приезда в Россию приобрел известность в Европе как автор ряда исторических работ, как собиратель рукописей и других «древностей», как знаток ряда языков. Байер в совершенстве знал латинский и греческий, китайский, древнееврейский, арабский, сирийский, коптский, армянский и другие языки.

В ноябре 1725 г. он предложил свои услуги Академии наук в Петербурге. Предложение было принято. 3 декабря с ним был заключен контракт о предоставлении ему должности профессора греческих и римских древностей [61]. 22 ноября 1734 г. академическая конференция присвоила ему звание «профессора восточных древностей» [62].

12-летний петербургский период жизни Байера (с февраля 1726 г. по февраль 1738 г.) был заполнен изучением русской истории и восточных языков и рукописей. В Петербурге он дополнительно начал заниматься маньчжурским, монгольским (калмыцким) и «тангутским» (тибетским) языками. Воспользовавшись пребыванием в русской столице индийца по имени Сонхбара, он стал обучаться у него «браминскому» (санскритскому)

языку. В Петербурге им было подготовлено около 40 сочинений, и почти все они были опубликованы. Он оставил заметный след в ряде отраслей научного востоковедения.

Наиболее значительными были результаты исследований Г.-З. Байера в области китаеведения. Его знакомство с китайским языком началось в 1713 г. До приезда в Россию он собирал материалы из китайских сочинений и рукописей, хранившихся в Королевской библиотеке в Берлине. В 1718 г. в Кенигсберге вышли две его работы по Китаю.

После переезда в Россию дополнительные сведения о Китае Байер получил от упоминавшегося выше шведа Лоренца Ланга, участника русских миссий в Китае, и из книг, собранных А. И. Остерманом. В Петербурге он издал первую в Европе «Хинейскую грамматику», специально для которой были выгравированы китайские иероглифы [63], занимался составлением многотомного китайско-латинского словаря, оставшегося в рукописи [64].

Главный труд Г.-З. Байера «Китайский Музеум» («Museum Sinicum») был опубликован на латинском языке в Петербурге в 1730—1731 гг. Он посвящен знатоку языков, истории и философии Феофану Прокоповичу (1681—1736), оказавшему автору помощь в подготовке названного сочинения.

В 1731—1740 гг. несколько работ Байера по китаеведению появилось в научных журналах Петербурга и Берлина. С сообщениями о Китае он выступал на заседаниях академической конференции. В 1731 г. Ф. Прокопович посоветовал ему начать переписку с европейскими миссионерами Индии и Китая. В этой переписке 1731—1738 гг. также участвовали Ж.-Н. Делиль, С. П. Крашенинников, Г.-Ф. Миллер и другие члены петербургской Академии наук. Первое письмо миссионерам и их ответ доставил Лоренц Ланг. В письмах речь шла об обмене литературой и текстами рукописей, об оценке трудов Байера. В одном из писем сообщалось о приезде в Россию китайского посла [65].

6 июня 1732 г. китайское посольство, находившееся в Петербурге, посетило Академию наук. Гости осмотрели коллекции, типографию. Им преподнесли академические издания, в том числе работу Байера «Китайский Музеум». Члены посольства оставили благодарственную грамоту, которая была отпечатана в типографии Академии наук на языке оригинала, а также по-русски и по-латыни. Байер имел с ними беседу, которую вел на китайском языке. Визит этот усилил интерес к Китаю у ряда российских ученых [66].

Впервые в России Байер обратился к изучению индийской литературы, опубликовав в академических «Комментариях» две работы, содержащие образцы санскритской азбуки и краткие сведения о некоторых новоиндийских языках [67]. Необходимые материалы он получал из западноевропейской литературы и непосредственно от уже упоминавшегося индуса Сонхбара, по каким-то причинам находившегося в Петербурге. Названные рабо-

ты помимо «браминской» касались монгольской и «тангутской» литератур.

Отдав дань занятиям тюркологией, Г.-З. Байер перевел на латинский язык главу «Родословной тюрок» Абу-л-Гази, а также познакомил европейских ученых с некоторыми материалами по грамматике тюркских языков.

В 1737 г. в связи с русско-турецкой войной Г.-З. Байер издал «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу», представляющее собой обзор названной темы с использованием литературы от античных авторов до современных, таких, например, как Кантемир. И. К. Тауберт перевел эту работу с немецкого языка на русский, и в 1738 г. этот перевод был издан в Петербурге с приложением текстов русско-турецких договоров при перемирии 1698 г.

Байер интересовался древними народами, историей Кавказа и Прикаспия. В различных своих публикациях он касался вопросов восточной нумизматики. Одним из первых ученый отметил значение восточных источников для изучения исторического прошлого России.

Наряду с разработкой научных тем Байер проводил большую организационную работу, связанную с изданием трудов других авторов (например, Кантемира), с изготовлением восточных шрифтов, сбором рукописей, налаживанием связей с зарубежными учеными [68]. К 1737 г. он получил официальное разрешение на отъезд на родину. В Кенигсберг уже были отправлены его библиотека и часть рукописей, но сам он выехать не успел: умер 10 февраля 1738 г. в Петербурге.

Рукописное наследие Г.-З. Байера оказалось разделенным на части, которые хранятся в настоящее время в ЛО ААН, в Отделе рукописей ГБЛ, в ЦГАДА и других архивах. Рукописи ученого, в частности его обширная переписка, исследованы далеко не полностью и до сих пор представляют научный интерес для специалистов.

В 1733 г. по распоряжению сенатора М. Г. Головкина в Петербург доставили двух японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушения и живших в Сибири с 1729 г. Это были купец Соза (после крещения — Козьма Шульц) и сын штурмана Гонза (после крещения — Демьян Поморцев). По предложению того же М. Г. Головкина их пребывание в столице было использовано для организации обучения русских японскому языку.

Учениками японцев стали Андрей Фенев и Петр Шенанын — оба из петербургской гарнизонной школы. Двое учителей и двое учеников были отданы «для содержания» Андрею Ивановичу Богданову, служившему помощником библиотекаря Академии наук [69]. Он должен был обеспечить такие условия, при которых японцы хорошо овладели бы «русской грамотой и письмом», а их ученики научились бы японскому языку. А. И. Богданов и Гонза за три года совместной работы (1736—1739) составили

несколько пособий по изучению японского языка. Школа работала до 1740 г. 19 марта 1740 г. А. Фенев и П. Шенаныкин получили чин переводчиков по ведомству Адмиралтейств-коллегии и назначение в экспедицию М. Шпанберга [70].

В 1740-х годах в Петербург привезли еще пятерых японцев для возобновления работы японской школы. В 1754 г. она была официально переведена в Иркутск, а в 1761 г. к ней присоединили другую японскую школу, с 1754 г. существовавшую в Якутске. В 1805 г. школа была преобразована в класс японского языка при иркутской гимназии.

В 1741—1751 гг. в Петербурге работала школа китайского и маньчжурского языков, руководимая И. К. Россохиным (подробно о нем см. ниже).

После смерти Г.-З. Байера (1738) до XIX в. в Академии наук не было восточной кафедры. Однако здесь продолжали работать ученые, а также переводчики и преподаватели, деятельность которых была связана и с востоковедением. Помимо И. К. Россохина, А. И. Богданова и Гонзы-Поморцева следует упомянуть «смотрителя над Кунсткамерой» Иоганна Фалльрата Бакмейстера (ум. 1788), знавшего арабский язык и подготовившего первый каталог коллекций монет и рукописей [71]; профессора искусствоведения Якова (Якоба) Яковлевича Штелина (1709—1785), издавшего в «Календаре... географическом» статьи по этнографии восточных народов [72]; лингвиста и историка Федора (Фридриха) Павловича Аделунга (1768—1843), проявлявшего интерес к санскритскому языку. Среди членов Академии наук (1747) был миссионер Антоний Гобиль, проживший 36 лет в Пекине. В академическом штате числился некий студент, посланный в Сибирь для изучения монгольского языка [73].

Особенно обширен был вклад в востоковедение членов ряда планомерно подготовленных Академией наук экспедиций на окраины России. Первая экспедиционная волна пришлась на 1732—1743 гг. и захватила территорию Сибири, Курильских островов, побережий Японии и Америки. Комплекс этих поездок стал известен под общим названием Великой Северной, или Второй Камчатской, экспедиции [74]. Академия наук осуществляла общее научное руководство и организацию мероприятий, связанных со сбором сведений по «гражданской и естественной истории»; в поездках активное участие принимали такие сотрудники Академии наук, как историк Миллер.

Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705—1783) [75] приехал в Россию в ноябре 1725 г. в качестве «адъюнкта исторического класса Академии наук». С 1730 г. он занимал должность профессора истории.

В состав экспедиции он был включен как историограф и археограф, в обязанности которого входил сбор материалов по истории России. В Сибири Г.-Ф. Миллер находился десять лет; за это время он собрал огромный материал.

Несмотря на то что Миллер состоял членом ряда западно-

европейских обществ и академий, большинство своих работ он опубликовал в Петербурге. Некоторые из них представляют несомненный интерес и для востоковедения. Это прежде всего его главный труд, основанный на летописях и других первоисточниках сибирских архивов и опубликованный на русском и немецком языках: «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена» (СПб., 1750) [76]. В этом сочинении изложение событий доведено до 1660-х годов. Здесь следует отметить два аспекта: с одной стороны, в этом труде описаны восточные народы Сибири, с другой — автор использовал в нем восточные источники, переведенные другими специалистами. В их числе — китайские и маньчжурские переводы И. К. Россохина, тибетские и монгольские материалы, русско-восточные словарики.

В других многочисленных сочинениях Г.-Ф. Миллера сохранились данные о путешествиях русских в Китай и вопросах, связанных с изучением Востока, об обнаруженных в Сибири «тангутских письменах». Поскольку в этих работах подробно описаны маршруты поездок по суше и по морю в 1733—1743 гг., их автора следует считать первым историографом Второй Камчатской экспедиции.

Собранная в Сибири и других местах коллекция источников — так называемые «Портфелли Миллера» — хранится ныне в ЦГАДА. Ее материалы до настоящего времени изучаются и вводятся в научный оборот представителями различных специальностей, в том числе и востоковедами. Коллекцией пользуются исследователи Сибири, Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Дальнего Востока. Знакомство с ней дает убедительное представление об эрудиции, таланте и широчайшем кругозоре этого ученого [77].

Иоганн Эбергард Фишер (1697—1771) [78] приехал в Россию в 1730 г. Службу в Академии наук начал адъюнктом, а в 1747 г. получил должность профессора истории и древностей.

В 1739 г. Фишер был направлен в распоряжение Беринга и провел в составе экспедиции восемь лет. В Сибири он собирал материалы по истории, этнографии и географии края. Особенно большое внимание он, филолог по образованию, уделял накоплению лексических образцов и других сведений о языках татар, монголов и других восточных народов. Рукопись подготовленного им лексического словаря попала в Геттингенский университет. Главным трудом Фишера следует признать многотомную «Сибирскую историю с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» [79] — этнографическое исследование, основанное на источниках, в частности найденных Г.-Ф. Миллером в местных архивах.

В 1743 г., как уже упоминалось, завершилась Вторая Камчатская экспедиция, точнее, комплекс командировок, известных под этим названием.

Вторая волна академических экспедиций охватывает период 1768—1774 гг. Предметом исследования на этот раз стали районы Урала, Поволжья, Сибири, Персии и Китая. Руководителем этого мероприятия стал известный ученый Паллас. В поездках кроме их руководителя Палласа участвовали С.-Г. Гмелин, И. Иериг, И.-А. Гюльденштедт, И. Георги, И. И. Лепехин, Н. Рычков, В. Зуев и др. Остановимся на характеристике того вклада, который участники экспедиций второй половины XVIII в. внесли в развитие востоковедения.

Петр Симон Паллас (1741—1811), доктор медицины, в 1767 г. приехал в Петербург и 43 года (вплоть до своей кончины) прожил в России. Естествоиспытатель, он оставил заметный след и в истории гуманитарных дисциплин, в том числе востоковедения.

Особенно важна его заслуга в организации комплексных экспедиций. Как член Академии наук он не только разработал план командировок, но и сам принимал в них активное участие. В 1768—1773 гг. он побывал в Сибири, Поволжье и на Кавказе, в 1793—1794 гг. — в Крыму.

Его основной труд — это путевой дневник, насыщенный подробными записями обо всем, что входило в круг интересов автора, в частности о восточных народах: китайцах, монголах, татарах, киргизах, башкирах и др. Этнографические характеристики дополнялись рисунками с изображениями носителей языков в национальных костюмах [80].

На основании русских и калмыцких источников Паллас подготовил и издал «Собрание исторических сведений о монгольских народах» [81].

Отчет о его последней поездке в Крым был издан в 1799—1801 гг. в Лейпциге [82].

Иоганн Иериг (ум. 1795), в Академию наук (1779) и в состав экспедиции рекомендованный Палласом, был едва ли не единственным участником поездок по Сибири (состоявшихся во второй половине XVIII столетия), который владел калмыцким (монгольским) языком и обратился к изучению подлинных источников литературы монголов. Особенно ценной была его деятельность по сбору монгольских рукописей и ксилографов. Интересовался он и тибетскими документами и сочинениями, готовил их перевод на русский язык [83]. Материалы и переводы Иерига использовал Паллас при подготовке своих сочинений.

Самуил Готлиб Гмелин (1745—1774), профессор ботаники, в 1768—1774 гг. совершил путешествие по Прикаспию, Ирану и Кавказу. В экспедиции, руководимой им, участвовали Н. Крашенников, И. Михайлов, А. Соколов, Я. Ключарев. Их работа проходила в сложных условиях. Сам Гмелин погиб в тюрьме в Иране.

Описание его поездки содержало разносторонние наблюдения, дающие представление не только о флоре и фауне названных областей, но и об обычаях, религии, законах, внешнем виде

городов персов, турок, армян и других народов [84]. В третьей части его работы был помещен русско-турецко-персидско-гилянский глоссарий из 196 слов и другие лингвистические образцы [85].

Иоганн Антон Гюльденштедт (Гильденштедт) (1745—1781), вначале адъюнкт (1768), а затем профессор естественной истории (1771), возглавлял академическую экспедицию в районы Поволжья, Кавказа, в том числе в Грузию. Накопленные сведения позволили ему создать первую в истории науки классификацию языков Северного Кавказа [86]. После его кончины остались дневники и черновые наброски, по которым Паллас составил отчет о поездке Гюльденштедта и издал его в 1787—1791 гг. Работа до сих пор сохраняет значение для специалистов, изучающих Кавказ второй половины XVIII в. [87].

Иван Иванович Лепехин (1740—1802), адъюнкт Академии наук (1768), а затем профессор естественной истории (1771), в конце 60-х годов объездил Поволжье, Заволжье и северную часть России [88]. В истории востоковедения известен как первый переводчик и издатель восточных надписей, обнаруженных, как отмечалось выше, в 1772 г. Петром I среди развалин г. Булгара.

Некоторые участники экспедиций XVIII в., находясь на восточных окраинах России и выполняя плановые задания Академии наук, в какой-то мере знакомились с местными языками. Кроме того, они широко пользовались услугами толмачей и просто жителей восточных районов, говоривших и по-русски. С их помощью Г.-Ф. Миллер, И.-Э.Фишер, И. Иериг, П.-С. Паллас, И.-Г. Гмелин, И.-А. Гюльденштедт, И. И. Лепехин и другие ученые собрали огромный по объему и ценный по новизне лексический материал.

С одной стороны, это послужило толчком к первым попыткам исследования отдельных восточных языков. Так, в последней четверти XVIII в. появилось определенное количество рукописных и печатных грамматик, словарей, букварей, азбук, «разговоров». С другой стороны, обилие лексических данных сделало возможным возникновение своеобразного направления — «сопоставительного языковедения» (термин А. Н. Кононова). Представители этого направления при сравнении слов разных языков вопрос о сходстве решали только на основании их звукового состава. На этом уровне появилась идея создания «всеобщего сравнительного словаря». В конце XVIII в. были подготовлены три таких словаря. При составлении каждого из них работа велась в направлении систематизации данных, отложившихся в Архиве Академии наук, и целенаправленного сбора на местах [89].

Составителем первого сравнительного словаря был Гартвиг Людвиг Христиан Бакмейстер (1730—1806). В его распоряжение, в частности, поступили материалы, хранившиеся у Екатерины II, которая в свое время отдала дань сбору и подготовительной работе по этой теме.

Словарь Бакмейстера не был завершен. Рукопись его пере-

дали Палласу, который и довел дело до конца. В 1787—1789 гг. его стараниями были изданы «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы», первый том которых «содержал в себе европейские и азиатские языки». В лексиконе было представлено 149 восточных языков [90].

Через несколько лет Федор Иванович (Теодор) Янкович де Мириево (1741—1814), действительный член Российской академии, подготовил и осуществил дополненное и переработанное по новому плану издание лексикона — «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» [91]. В новом словаре был представлен 171 «азиатский» язык.

С развитием науки сопоставительное языкознание зашло в тупик и прекратило свое существование. Однако обилие нового лексического материала, сведения о многих неизвестных ранее языках, содержащиеся во «всеобщих» сравнительных словарях, вызывали интерес к ним не только российских, но и европейских ученых того времени.

Планомерно организованные Академией наук экспедиции, проведенные в течение XVIII в. в разных областях России, отличались невиданным для того времени масштабом и широтой поставленных задач. В составе этих экспедиций не было людей со специальным востоковедным образованием. Однако приведенные выше факты говорят о том вкладе, который их участники внесли и в историю изучения Востока.

При Академии наук работали Кунсткамера, библиотека и типография, деятельность которых была неразрывно связана с развитием академического востоковедения.

В коллекциях Кунсткамеры [92] интерес для изучения Востока представляли: отдельные предметы («блюдо с татарским письмом», японское зеркало, индийские драгоценности и др.); археологические экспонаты (культовые принадлежности, утварь, украшения и др.); богатая экспозиция этнографического характера, посвященная практически всем восточным народам и по обширности и разнообразию представленного материала не имеющая аналогий в зарубежных музеях XVIII в.; ценное нумизматическое собрание, насчитывающее тысячи экземпляров.

Первое описание восточных монет было выполнено Г.-Я. Кером, который в основу положил хронологический порядок и сопроводил каждое описание аннотацией [93] (подробнее о его деятельности см. ниже).

В декабре 1747 г. в Кунсткамере произошел пожар, уничтоживший часть коллекций. Однако экспедиции второй половины XVIII в. восполнили этот пробел и даже приумножили собрание этого ведущего научно-просветительного учреждения страны.

Особое место в истории востоковедения занимает Библиотека Академии наук, поскольку с ней связано создание первого в стране хранилища восточных книг и рукописей. Ее фонды возникли из слияния государственной библиотеки (1714), книжных

собраний, привезенных из Москвы и Риги, личной библиотеки Петра I, присоединенной в 1727 г. К моменту основания академической Библиотеки (1724) ее собрание включало «тангутские» и монгольские рукописи, а также восточные «редкости» [94].

В последующие годы литература и источники по Востоку поступали в Библиотеку самыми различными путями. Их покупали у частных лиц, получали по книгообмену из-за рубежа, в качестве дара от коллекционеров и от дипломатов. Особенно следует отметить планомерный поиск книг и рукописей по заранее составленным спискам и закупку их учеными в странах Востока и на окраинах России (В. Н. Татищев, Лоренц Ланг, Ф.-Л. Елачич, Г.-З. Байер, Г.-Ф. Миллер, И.-Г. Фишер, Д.-Г. Мессершмидт, И.-А. Гюльденштедт и др.).

Иногда Библиотека пополнялась благодаря частным собраниям и коллекциям. Например, от И.Иерига поступили монгольские материалы, китайские ксилографы и разные восточные рукописи. Библиотека И. К. Россохина была передана в Академию наук двумя частями: в 1741 г. он отдал 52 китайские и маньчжурские книги пекинского издания, а в 1761 г. его вдова продала 55 оставшихся книг.

Изданный в 1776 г. каталог собраний Библиотеки и Кунсткамеры называл большое число памятников Востока, и среди них словари, грамматики, грузинские, монгольские и тибетские рукописи и ксилографы [95].

Большинство материалов сотрудников Академии наук, причастных к востоковедению, тоже хранилось в академической Библиотеке. Это прежде всего работы по Востоку, как изданные, так и оставшиеся в рукописях, а также подготовительные заготовки к ним, личные бумаги ученых, их переписка, дневники, отчеты, официальные документы.

К концу XVIII в. академическое собрание книг и рукописей по Востоку, отличавшееся весьма значительным объемом и разнообразным составом, было одним из крупнейших в Европе.

Типография Академии наук была организована в 1727 г. [96]. С самого начала в ней печатались восточные тексты. В 1729—1730 гг. здесь была издана «Хинейская грамматика» Г.-З. Байера, для которой впервые в России, как отмечалось выше, выгравировали китайские иероглифы. В 1732 г. в честь китайского посольства, прибывшего в Петербург, выпустили плакат с автографами на китайском, маньчжурском, русском и латинском языках. В декабре 1736 г. здесь же было напечатано приветствие шаху Ирана арабской графикой, в 1737 г. были отлиты грузинские литеры, с 1744 г. имелся древнетурецкий шрифт [97]. Наличие необходимой техники давало возможность печатать русские книги, включая в них куски текста на восточных языках.

Из всей литературы, издававшейся в академической типографии на русском, восточных и западноевропейских языках, для востоковедения представлял интерес следующий круг публикаций: 1) работы, подготовленные отдельными авторами (ориги-

нальные труды, описания, дневники, словари, грамматики и т. д.); 2) переводы с западноевропейских языков сочинений, касавшихся Востока и выполненных специальной группой переводчиков; 3) переводы с восточных языков и публикации восточных текстов; 4) газета «С.-Петербургские ведомости» (выходила на немецком и русском языках), публиковавшая сообщения зарубежных и собственных корреспондентов о положении на современном Востоке и о русско-восточных отношениях; 5) научно-популярные журналы, содержащие среди прочего статьи о Востоке и рассчитанные на широкую читательскую среду: «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в „Ведомостях“» (выходили в 1728—1742 гг.), «Календари, или Месяцесловы» (с 1728 г.), «Краткое описание комментариев Академии наук» (выходило только в 1728 г.), «Содержание ученых рассуждений» (1748—1754), «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764; выходил под разными названиями), «Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796); 6) первый научный журнал «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», в котором издавались труды действительных членов Академии наук, в том числе и по востоковедной тематике.

Столь обширная печатная продукция академической типографии требовала организации ее планомерного сбыта. В связи с этим при петербургской Академии наук была открыта первая в России книжная лавка.

Вклад Академии наук в создание источниковой и научно-организационной базы востоковедения был столь значителен в XVIII столетии, что уже в 1818 г. стало возможным учреждение Азиатского музея — специального востоковедного центра по собиранию, хранению, систематизации и изучению восточных источников, в ведение которого перешли и библиотечные фонды по Востоку.

ПОПЫТКИ НАЛАДИТЬ РЕГУЛЯРНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Датой основания Московского университета и двух гимназий при нем (раздельно для дворян и разночинцев) следует считать 24 января 1755 г. — день, когда был «высочайше» утвержден соответствующий указ [98].

В параграфе 45 проекта указа отмечалось: «...ориентальские языки могут також быть учтены со времянем, когда будут довольны университетские доходы и сысканы достойные к тому учители» [99].

К 70-м годам относится попытка введения в университетскую программу восточных языков. В 1765 г. по распоряжению Екатерины II в Голландию и Англию отправились десять выпускников духовных семинарий (В. Никитин, Д. Семенов, Д. Новиков

и др.) для усовершенствования в науках, и в частности в древнееврейском, сирийском, халдейском (арамейском) языках. После возвращения из-за границы их экзаменовала в 1775 г. особая комиссия из академиков, признавшая, что «все они во всех генерально языках и науках довольное знание показали». Эта же комиссия представила на рассмотрение проект при Московском университете специального богословского факультета с использованием в качестве преподавателей завершивших свое образование востоковедов. Проект не был утвержден, поскольку изучение богословия в России всегда было предметом занятий только духовных учебных заведений. Названные лица поступили на службу по ведомству Святейшего Синода [100].

В 1773 г. профессор истории и статистики Московского университета Иоганн Готфрид Рейхель (1727—1778) подготовил «Краткую историю о японском государстве, из достоверных известий собранную»; она была основана на «Истории Японии» Кемпфера, изданной в Лейпциге в 1727 г. [101].

В 1777 г. студент университета Рейнгольд Габлицль издал перевод с французского языка «Турецкой грамматики» И.-Б. Гольдермана. Это было первое крупное произведение в России, при издании которого был использован арабский наборный шрифт [102].

Названные работы были подготовлены по инициативе самих авторов, поскольку в программе Московского университета восточные дисциплины официально появились лишь в 1811 г.

Во второй половине XVIII в. было несколько попыток ввести восточные языки в программу первых в России средних общеобразовательных школ, открытых при Московском университете. В 1756 г. на должность ректора этих гимназий был приглашен выпускник Тюбингенского университета, доктор философии Иоганн Матиас Шаден (1731—1797). Он вел курсы греческого и латинского языков и предлагал также «есть ли найдутся которые восточным языкам, еврейскому и халдейскому, учиться и оных древности рассмотреть пожелают, то он им не только в филологию руководство тех восточных языков, но и особенно наставление в языках еврейском и халдейском преподаст» [103]. Осуществилось ли это намерение И.-М. Шадена, неизвестно. В протоколе университетской конференции от 1 июля 1758 г. говорилось об определении суммы «вознаграждения за обучение учеников греческой и еврейской грамоте и письму» младшему преподавателю Рехту [104].

В 1770-е годы в гимназиях при Московском университете существовал курс татарского языка, который вели учителя Илья Арсланов и Петр Алкеев [105].

По сенатскому указу от 21 июля 1758 г. были открыты две гимназии в Казани: одна — для дворян, другая — для разночинцев [106].

Первый их директор, Михаил Иванович Веревкин (1732—1795), будущий академик (1785) и переводчик с западноевро-

пейских языков литературы по Востоку, 18 сентября 1759 г. представил проект введения в программу гимназий татарского языка. При этом он учитывал географическое положение Казани и наличие здесь татарских «манускриптов».

Идея М. И. Веревкина, который занимал пост директора до 1761 г., осуществилась лишь через десять лет. 12 мая 1769 г. вышел указ Екатерины II на имя казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина о том, чтобы «учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того (татарского.— *Авт.*) языка и определить учителем онаго... толмача Сагита Хальфина, котораго пожаловав в переводчики»[107]. Занятия в названном «классе» начались в 1769 г. и ограничивались освоением кратких грамматических правил, «разговорами» и переводами нетрудных текстов. С. Хальфин (1732—1785) преподавал до 1773 г. Он был автором первого учебного пособия по татарском языку[108] и двухтомного «Русско-татарского словаря», оставшегося в рукописи[109].

После смерти С. Хальфина его заменили на преподавательском поприще вначале его сын Исхак Хальфин (с перерывами в 1773—1800 гг.), а затем внук Ибрагим Хальфин (1800—1828).

В 1788—1798 гг. Казанские гимназии были закрыты из-за отсутствия средств на их содержание. Вновь они открылись лишь по указу Павла I от 29 мая 1798 г. Одновременно в них был восстановлен и класс татарского языка[110].

С 1800 г. при Казанских гимназиях стала работать «азиатская типография». Гимназии внесли большой вклад в создание восточной кафедры открытого в 1807 г. в Казани университета.

На окраинах России постоянно ощущалась необходимость иметь практических знатоков Востока: толмачей, учителей, таможенников, судей, военных и других представителей государственной власти. При этом в зависимости от политических изменений менялась и потребность в знатоках тех или иных восточных языков. Поэтому правительство, решая вопросы внутреннего управления, неоднократно издавало указы о создании на местах школ, учащиеся которых обучались одновременно русскому и восточным языкам. Чтобы привлечь в них детей из местного населения, выделяли специальные пособия или освобождали родителей от некоторых государственных платежей.

В 1724 г. архимандрит Вознесенского монастыря в Иркутске Антоний Платковский предложил организовать «мунгальскую школу», которая готовила бы переводчиков. Школа открылась в 1726 г. В 1727 г. А. Платковского назначили начальником миссии в Китай. Для продолжения занятий языками в Пекине с ним уехало трое учеников, в том числе И. К. Россохин. После отъезда А. Платковского школа перешла в ведение иркутского епископа И. Кульчицкого. Просуществовала она до 1739 гг.[111].

В феврале 1732 г. при Ивановском монастыре в Астрахани было учреждено училище для обучения детей русской и калмыцкой грамоте. Учащимся было определено жалованье, а тем

из них, «кои будут в науке выходить к совершенному знанию, читать и переводить» с обоих языков, обещана была «прибавка» [112].

По сенатскому указу от 26 февраля 1735 г. в Казанской губернии открылись четыре школы для детей вотяков, мордвы, чувашей и других народов Поволжья. Они начали работать в селе Елабуге (в Федоровском монастыре), в городах Цывильске и Царевококшайске. В 1742 г. новым распоряжением им выделили средства на книги и лекарей [113].

В бытность управляющим Оренбургским краем В. Н. Татищев, как говорилось выше, основал в Самаре татаро-калмыцкую школу (1737—1739), в которой преподавал уже упоминавшийся ученый ахун Махмуд Абдрахманов, знавший арабский и татарский языки и переведший в 1740 г. с первого через посредство второго на русский «Книжицу о бывших и в прешедших летах царях, ханах и салтанах» [114].

В 1740 г. в Ставропольской крепости, выделенной правительством для жительства крещеным калмыкам, «завели школу», учителя которой протопоп Чубовский, И. Ляхов, Я. Бестужев обучали детей «говорить и писать» по-калмыцки и по-русски [115].

В 1764 г. Екатерина II учредила окраинные школы на Северном Кавказе, в Астрахани и на Камчатке. Первая из них — «для осетинских и ингушских и прочих горских народов детей» — была основана в поселении при урочище Моздок в 1764 г. [116]. В том же, 1764 г. в Астрахани была организована школа для детей солдат и разночинцев, в штате которой числилось более 500 учащихся и в программу которой наряду с «общими науками», русским и немецким языками и специальными предметами (фортификацией, навигацией) входили четыре «азиатских» языка [117]. На Камчатке открылись три школы, выпускники которых предназначались «в казачью службу или в церковный чин». Обучение здесь вели студенты Славяно-греко-латинской академии [118].

В 1770—1773 гг. Правительствующий Сенат подготовил ряд утвержденных Екатериной II докладов, в соответствии с которыми вводилась новая мера, позволившая готовить переводчиков восточных языков не из местного населения, а из русских. Новшество заключалось в том, что при губернских канцеляриях, где особенно ощущалась нехватка кадров, были организованы специальные школы. В этих школах штатные чиновники преподавали: в Оренбурге — калмыцкий и татарский, в Ставрополе — калмыцкий, в Иркутске — китайский, монгольский, бурятский и тунгусский языки [119].

В 1789 г. «для приготовления переводчиков по пограничному управлению Сибирской линии» в Омске учредили школу с преподаванием татарского, монгольского и маньчжурского языков. В 1836 г. ее закрыли, а учеников перевели в Омское казачье училище, готовившее военных переводчиков [120].

До начала 1780-х годов гимназии в Москве, Петербурге и

Казани оставались единственными светскими учебными заведениями в России, выпускники которых получали среднее образование. Однако поступательное развитие общества требовало выделения народного просвещения в самостоятельную отрасль государственного управления и создания единой учебной системы по всей стране.

Для претворения в жизнь этой идеи Екатерина II в 1782 г. пригласила в Россию уже упоминавшегося здесь Ф. И. Янковича де Мириево — выпускника Венского университета, имевшего опыт организации школ в австрийских провинциях со славянским населением. Он предложил проект системы народных училищ [121] в крупных городах страны, подготовил устав (1786), программы, список необходимых пособий [122].

При создании новых учебных заведений на окраинах России не были забыты и восточные языки. Так, «в губерниях, лежащих к стороне татарской, персидской, и бухарской», в программу вводился арабский, а в Иркутской губернии и Колыванской области — китайский язык [123]. В 1780—1790-х годах в народных училищах Казани и Тобольска предусматривалось преподавание татарского; Омска — татарского, маньчжурского, калмыцкого; Иркутска — монгольского, китайского, маньчжурского и японского; Астрахани — татарского, турецкого, арабского, персидского, армянского и калмыцкого языков [124].

Не ограничиваясь указанными мерами, Янкович де Мириево составил «план... о заведении училища восточных языков». В училище по штату полагалось 7 учителей и 84 ученика. В программу включались турецкий, арабский, персидский, татарский, «бухарский», киргизский, «хивинский», «трухменский», «имеретинский, картлинский», армянский, калмыцкий, монгольский, маньчжурский, китайский и «сибирские» языки. Автор этого проекта одним из первых высказал мысль о необходимости изучения восточных языков как обязательной ступени для перехода к исследованию истории, нравов и обычаев народов восточных стран [125].

Проект Янковича де Мириево о создании специального востоковедного училища не был осуществлен. Между тем вопрос о подготовке знатоков восточных языков не сходил с повестки дня в течение всего XVIII века. Особенно нуждались в таких кадрах и поэтому по собственному почину пытались решить этот вопрос такие высшие государственные органы, как Правительствующий Сенат (об этом говорилось выше), а также Святейший Синод и Коллегия иностранных дел.

ВКЛАД В ВОСТОКОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО ВЕДОМСТВ

13 февраля 1720 г. Петр I подписал «Закон. Определение Коллегии иностранных дел», согласно которому в штат этого ор-

гана вводилась «экспедиция турецкого и других восточных языков» [126]. Названная коллегия просуществовала до начала XIX в., когда она была преобразована в Министерство иностранных дел.

Подготовка переводчиков языков Дальнего и Ближнего Востока, оригинальные труды Кера, переводы с восточных языков А. Л. Леонтьева, А. С. Агафонова, А. Г. Владыкина, описательные работы Ф. А. Эмина, П. А. Левашова, В. М. Бакунина, учебные пособия, сбор книг, рукописей, документов и других восточных источников — таков вклад чиновников Коллегии иностранных дел в практическое и научное изучение Востока. Среди них первым по времени и крупнейшим по значимости следует признать Кера.

Георг Якоб (Яков) Кер (1692—1740) [127], магистр Лейпцигского университета, один из первых специалистов по восточной нумизматике в Европе, был вызван в Россию в 1731 г. для разбора академического собрания «ориентальных» монет и медалей. Эту работу он выполнил, но в штат Академии наук его не зачислили.

С марта 1732 г. он занял должность переводчика арабского, персидского и турецкого языков в Коллегии иностранных дел с обязательством заниматься и преподавательской работой. В его распоряжение были выделены шесть учащихся Славяно-греколатинской академии (см. примеч. 151): С. Яковлев, П. Воронин, В. Братищев, Ф. Черницын, П. Чекалевский, П. Щукин. Занятия начались в июне 1732 г. и закончились в 1737 г. Обучение включало освоение грамматики, чтение и заучивание текстов, упражнения в каллиграфии, переводы и сочинения на восточных языках [128]. Названные ученики впоследствии стали переводчиками в Иране и Османской империи.

Используя опыт научной и преподавательской работы, Г.-Я. Кер пришел к выводу о необходимости создания в России специальной «академии восточных наук и языков». Проект такой академии он составил в 1733 г. [129]. Исходная позиция автора этого документа заключалась в том, что Россия, имевшая политические связи с Османской империей, Ираном, Кавказом, Средней Азией, Восточной Индией и Монголией, постоянно испытывала потребность в специалистах, знавших Восток и восточные языки. Чтобы должным образом наладить подготовку таких специалистов, по мнению Кера, следовало организовать учреждение (академию или общество), которое сосредоточило бы все имеющиеся востоковедные кадры и источниковедческую базу. Понимая тесную связь научного и практического направлений в российском востоковедении, он и в своем проекте не разделял этих двух понятий и предлагал меры, которые способствовали бы их дальнейшему совместному развитию.

Заслуга Кера состояла в том, что он впервые высказал мысль об учреждении ведущего востоковедного центра — мысль, которая впоследствии не раз появлялась в других проектах и

планах. Этот документ можно также считать первой работой по истории востоковедения, в которой подведены итоги определенного этапа этой отрасли знания в России.

Выполняя работу переводчика и преподавателя, Кер не оставлял в Петербурге и научных занятий. Поскольку он был знаком с целым рядом восточных языков, тематика его исследований была весьма разносторонней. В своих трудах он касался тангутского письма и описания калмыков, эфиопского алфавита и творчества персидских поэтов и ученых, индийского происхождения арабских цифр и ориентализмов в русском языке, этимологии восточных терминов и правил восточной каллиграфии. В историю тюркологии он вошел как переводчик с чагатайского языка на немецкий сочинения Абу-л-Гази «Родословное древо тюрок» (XVII в.). На конференции Академии наук 25 июля 1739 г. им был прочитан собственный перевод с персидского на латинский язык астрономических таблиц Улугбека. Известен он и как составитель географических карт Кавказа и Закавказья.

Однако наиболее знаменательна роль Г.-Я. Кера в качестве основоположника восточной нумизматики в России. Две его работы по этой теме были изданы еще в Лейпциге в 1724—1725 гг.[130]. Там же он на основании дешифровки надписей на 18 монетах впервые установил, что так называемый куфический шрифт является разновидностью обычного арабского письма. Его занятия нумизматикой, как отмечалось выше, послужили непосредственной причиной его приглашения в Петербург, поскольку к этому времени в Кунсткамере накопилось значительное количество монет из кладов на территории России. К работе в Кунсткамере Кер приступил в 1735 г. Он разобрал, определил и систематизировал 4 тыс. «куфических и джучидских» монет и составил их двухтомный каталог, который считается первым и единственным за все XVIII столетие серьезным трудом в этой области.

За свою жизнь Кер собрал выдающуюся по тем временам библиотеку, состоявшую из 100 книг об Османской империи, Иране, арабских странах, а также коллекцию рукописных источников, монет и медалей.

Все работы Г.-Я. Кера остались в рукописях, многие из них в настоящее время хранятся в ЦГАДА, в его личном фонде[131].

Обзоры положения в восточных странах в определенные периоды, а также дневники, переводы документов, учебная литература, переписка — все эти материалы сотрудников Коллегии иностранных дел, служивших в Петербурге, на окраинах России и за рубежом, представляют несомненный интерес для изучения Востока.

Василий Михайлович Бакунин (ум. 1766), секретарь, а затем член Коллегии иностранных дел, был знаком с китайским, маньчжурским и калмыцким языками. На основе калмыцких первоисточников и собственных наблюдений в начале 1770-х годов он подготовил «Описание калмыцких народов, особливо из них тор-

гоутского, и поступок их ханов и владельцов»[132]. В ноябре 1743 г. он же сделал «Записи показаний находившихся в С.-Петербурге кабардинских владельцев Магомета Атажукина и Алдигирея Гиляксанова и кумыкского владельца Алиша Хамзина», содержащие сведения о кавказских народах, их хозяйстве, религии, обычаях, образе жизни, вооружении[133].

Характер русско-турецких отношений в XVIII в. обусловил тот факт, что наши дипломаты должны были периодически составлять обзоры политического положения в Османской империи. Так, Федор Сенюков, служивший в Стамбуле подьячим, в 1726 г. перевел с турецкого языка «Краткое описание Турецкого государства». Николай Буйдин во время службы в составе российской миссии в Стамбуле в 1752 г. подготовил «Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты», подчеркнув тиранство турецких властей и бедственное положение народных масс. Переводчик Коллегии иностранных дел Федор Александрович Эмин, объездивший Ближний Восток и Кавказ, опубликовал в 1769 г. в Петербурге «Краткое описание древнейшаго и новейшаго состояния Оттоманской Порты».

В связи с началом русско-турецкой войны (1768—1774) русские дипломаты, находившиеся в Стамбуле, были арестованы и посажены в тюрьму. Один из них, Павел Артемьевич Левашов, вел здесь «Поденные записки некоторых произношений», в которых, в частности, сохранились свидетельства о «плене и страданиях россиян и турков». Эти данные он позднее использовал в своих работах. Составленная им в 1776 г. по материалам русских летописей «Картина, или краткое известие о российских с татарами войнах и делах» содержала сведения о сношениях Руси с половцами и татарами, о борьбе славян против иноземного ига, о постоянной угрозе со стороны крымского хана, вследствие чего автор высказывал мысль о необходимости присоединения Крыма к России.

До конца XVIII в. в Коллегии иностранных дел не было отдела, занимавшегося исключительно восточными проблемами. Между тем к этому времени появились предпосылки для выделения такой структурной части.

На рубеже XVIII—XIX вв. Восток занимал едва ли не центральное место во внешней политике России. Восточные народы населяли огромные пространства на окраинах страны. Все это заставляло не только увеличивать число требуемых специалистов, но и совершенствовать качество их подготовки.

В библиотеке Коллегии иностранных дел накопилось значительное количество восточной литературы. Например, из личных книг А. Остермана сюда попало 68 сочинений на арабском и несколько на турецком языках. В 1749 г. были приобретены книги на арабском, персидском и турецком языках, принадлежавшие ранее Г.-Я. Керу. Здесь имелись издания Корана, исторические хроники, стихотворные сборники, религиозная и учебная литература. С 1783 г. в библиотеку стали поступать издания

типографии, основанной при Московском архиве Коллегии иностранных дел «для печатания трактатов и других публичных актов, заключаемых между Россиею и другими державами» [134].

Особую ценность представляли собой собрание рукописей, а также коллекция медалей и монет по Востоку. В архиве хранились фонды многих бывших сотрудников, в том числе рукописи Д. К. Кантемира, Г.-Ф. Миллера, Г.-Я. Кера и др. Сюда же поступала и со временем приобретала характер исторического источника такая документация, как донесения, переписка, инструкции, записки, реляции и т. п. В 1792—1803 гг. управляющий Московским архивом Николай Николаевич Бантыш-Каменский на основании материалов вверенного ему хранилища подготовил «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год». Эта работа была издана почти через 100 лет, в 1882 г., в Казани.

26 февраля 1797 г. был издан указ об учреждении в составе Коллегии иностранных дел «особого Департамента для отправления дел, касающихся до азиатских народов» [135]. В следующем году здесь открылась школа переводчиков китайского, маньчжурского, персидского, турецкого и татарского языков [136]. Однако вопрос о специальной подготовке кадров для дипломатического ведомства был решен окончательно только в XIX в. (см. гл. 4).

Среди офицеров, служивших на окраинах России или принимавших участие в военных походах за рубежом, было немало любознательных людей, которые стремились сохранить новые для себя впечатления в виде дневников и других записей.

Сложность обстановки на Кавказе в XVIII в., постоянное пребывание здесь русских воинских частей были причинами того, что наибольшее число описаний, составленных офицерами, связано именно с кавказским и закавказским районами.

Военный врач Иоганн Якоб (Иван Яковлевич) Лерхе совершил два путешествия на Восток: в 1733—1735 гг. он побывал в Астрахани и на Кавказе, в 1745—1747 гг. в составе посольства под руководством кн. Голицына он посетил Персию. Описания обеих его поездок были опубликованы на немецком и русском языках. Автор наряду с собственными наблюдениями использовал рукописные материалы других очевидцев [137].

Майор Татаров, находясь в 1761 г. в Кабарде, вел дневник с записями об образе жизни местного населения, который появился в печати почти через 100 лет, в 1856 г., в «Ставропольских губернских ведомостях».

Офицер Леонтий Леонтьевич Штедер в 1781 г. совершил путешествие из пограничной крепости Моздок «во внутренние местности Кавказа». Дневник этой поездки, содержащий сведения об экономике, ремеслах, социальных отношениях и других сторонах жизни края, был издан в Германии в 1796 г. [138].

Полковник С. Бурнашев составил «Картину Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахе-

тинского», затронув и экономические вопросы. Первое издание этой работы было осуществлено в 1793 г. в Курске, второе — в 1896 г. в Тифлисе.

Генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин тоже в Курске в 1794 г. издал «Краткое описание о кабардинских народах».

Военный врач Якоб Райнегс, посредник в переговорах Ираклия II с российским правительством, был автором «общего историко-топографического описания Кавказа» конца XVIII в., в котором сохранились данные об абазинах, адыгах, чеченцах, осетинах и других северокавказских народах [139].

Капитан Николай Петрович Рычков, в 1769—1772 гг. объездивший Поволжье и «киргис-кайсацкие степи», оставил «дневные записи путешествия», включающие подробные описания татар, черемис, вотяков, киргизов, калмыков, башкир, а также исторические сведения о происхождении некоторых из этих народов, об их образе жизни, религии, обычаях, отношениях с Россией и, кроме того, о древних памятниках, сохранившихся в этих районах [140].

В период войны с Османской империей 1768—1774 гг. русские военные эскадры плавали в Средиземном море. Два морских офицера С. Плещеев и М. Г. Коковцов в этот период посетили восточные страны на Средиземноморских берегах и оставили их описания.

Сергей Плещеев побывал в Сирии и Палестине. Учитывая боевую обстановку, в своем описании он уделил большое внимание отношениям Турции с другими государствами и ее военным силам. Работа была опубликована анонимно в 1773 г. [141].

Матвей Григорьевич Коковцов первым из русских посетил Алжир (1776) и Тунис (1777). Во время поездок он вел дневник, в котором был приведен обширный материал об этих странах: их политическом и административном устройстве, занятиях и быте населения, торговле, религии, военном деле, а также о местных древних исторических памятниках. И. Ю. Крачковский отмечал у автора «некоторое знакомство с арабским языком» [142]. Описания поездок Коковцова были опубликованы в 1786—1787 гг. при содействии члена-корреспондента Академии наук Ф. О. Туманского [143].

В конце XVIII в. офицеры русского флота во время плаваний побывали в Индии, Китае, Юго-Восточной Азии. Интересный факт в истории востоковедения связан с именем Ивана Федоровича Крузенштерна. В 1798 г. будущий адмирал посетил Малакку, жил здесь некоторое время, заказал местному переписчику список с рукописи «История малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами», написанной на малайском языке арабской графикой, привез ее в Петербург и через акад. Ф.-И. Шуберта передал в Библиотеку Академии наук [144].

Можно сказать, особняком стоит единственное из известных описание, составленное не офицером, а солдатом — Филиппом

Сергеевичем Ефремовым. Судьба его удивительна. В 1774 г., участвуя в подавлении восстания Е. И. Пугачева, он попал в плен к восставшим, бежал оттуда, в степи был схвачен калмыками и продан в рабство в Хиву, затем скитался по многим странам Востока и наконец возвратился в Россию. В этих сложных условиях он сохранил описание своих странствований, в конце XVIII — начале XIX в. выдержавшее несколько изданий [145].

ВКЛАД УЧРЕЖДЕНИЙ СИНОДАЛЬНОГО ВЕДОМСТВА: ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ В ПРОГРАММАХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Святейший Синод в своей деятельности постоянно соприкасался с практическим востоковедением. Изучение богословия приводило к необходимости знакомства с языками и религиями Востока.

Ректор Киево-Могилянской академии Иоанникий Галятовский еще в конце XVII в. выпустил на польском языке «Алкоран Магомета, изничтоженный Кохелетом (Христом)»; почти сразу он был переведен С. Гадзаловским на русский язык [146].

Вице-президент Святейшего Синода Феофилакт (Федор Леонтьевич) Лопатинский (род. 1680) помимо классических и западноевропейских знал еврейский, халдейский, сирийский и арабский языки и имел в своей библиотеке литературу на этих языках [147].

В программы духовных академий и семинарий для студентов отделений богословия и риторики неоднократно вводился еврейский язык, хотя непрерывность его преподавания удалось установить только во второй половине XVIII в.

В Киевской академии первым учителем этого предмета в 1738 г. стал Симеон (Симон) Тодорский (1701—1754), знавший и другие восточные языки [148]. Его преемниками были В. Лящевский и Г. Конисский. В 1763 г. здесь организовали специальный «еврейский класс», в котором обучались 20 человек [149].

В семинарии при Троице-Сергиевой лавре еврейский язык в качестве необязательного предмета в разные годы читали ректор Мефодий, игумен Варлаам (1769), Я. Д. Никольский (1792), Я. Матвеев и др. В 1800 г. здесь открыли низший и высший классы этого языка [150].

Начало преподавания еврейского языка в Славяно-греко-латинской академии [151] относится к 1743 г. Этот курс вел иеромонах И. Блоницкий, а позднее — В. Никитин и И. Наумов [152].

В 1797 г. в дополнение к уже имевшимся в Киеве и Москве были открыты новые духовные академии — в Казани и Петербурге. Указом от 18 декабря 1797 г. во всех названных академиях вводилось обязательное преподавание еврейского и греческого языков [153]. Первыми преподавателями еврейского языка в

последних двух академиях были: в Казани — Я. Капонеров, в Петербурге — А. Донатский и П. Гуриновский.

Процесс обучения еврейскому языку состоял из чтения, перевода и толкования библейских текстов. Преподавателями часто были люди с недостаточной подготовкой. Чтобы исправить это положение, в 1760-х годах десять способных семинаристов были отправлены за государственный счет для изучения еврейского, сирийского и халдейского языков в Оксфорд и Кембридж. Вернувшись в Россию, они должны были стать преподавателями предполагавшегося при Московском университете факультета богословия. Проект о создании этого факультета, как говорилось выше, осуществлен не был. Студенты, обучавшиеся за границей, заняли разные должности. Иван Наумов был учителем еврейского и греческого языков в Славяно-греко-латинской академии. Д. С. Руднев, ставший под именем Дамаскина нижегородским епископом, продолжал заниматься восточными языками. Под его руководством был подготовлен «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих»: татар, чувашей, мордвы, черемис и др.

Русские паломники, побывавшие в XVIII в. в Египте, Палестине и Османской империи, сохранили в описаниях своих поездок сведения, заслуживающие внимание ученых. Особенно выделялся Василий Григорьевич Григорович (Барский-Плака-Альбов; 1701—1747), в 1723—1747 гг. посетивший многие восточные страны, где изучил арабский язык и где вел дневник, сохранивший яркие впечатления и зарисовки обо всем им виденном (о нем см. также в гл. 3). Этот дневник, распространяемый вначале в списках, в 1778 г. был впервые опубликован, а затем в течение нескольких десятилетий неоднократно переиздавался [154].

Для ведения служб и перевода церковной литературы в районах с восточным населением христианского вероисповедания нужны были священники, знавшие одновременно русский и местные языки. При решении этого вопроса использовались различные пути. К «церковным причетникам» прикреплялись толмачи. Священники самостоятельно при общении с носителями овладевали восточными языками. Из русских поповских и купеческих семей, живших на окраинах, набирали грамотных юношей, знающих «иноверческие» языки, и посылали их в духовные учебные заведения [155]. Выпускники Славяно-греко-латинской академии для обучения «ориентальным диалектам» направлялись в школы с преподаванием восточных языков.

Но наиболее действенной мерой оказалось включение в 1770—1780-е годы восточных дисциплин в программы духовных семинарий: в Нижнем Новгороде — татарского, мордовского, чувашского, черемисского языков; в Казани, Тобольске и Астрахани — татарского языка; в Иркутске — монгольского. В процессе обучения составлялись необходимые пособия по названным языкам: «вокабулы», грамматики, словари и др.

Среди преподавателей были талантливые ученые. Так, Алек-

сандр Васильевич Игумнов (1761—1834), служивший учителем в иркутской семинарии, собирал монгольские рукописи и ксилографы, изучал этнографию и религию местных жителей. В 1787 г. он начал составлять монголо-русский словарь. Игумнов по праву считается одним из первых монголистов в России [156].

В Казанской духовной академии было разрешено начать преподавание одного из местных языков. В 1800 г. здесь учредили курс татарского языка, который вел А. А. Троянский (1779—1824). Он же составил необходимые учебные пособия [157]. Кроме того, в общий «философский» курс Казанской академии входили сведения о религиях и мировоззрениях арабов, персов, индийцев, евреев и других восточных народов [158].

В библиотеках духовных учебных заведений накапливались материалы о Востоке: учебная литература, работы учащихся и преподавателей, восточные книги и рукописи.

В миссионерских целях Святейший Синод способствовал переводам на восточные языки богослужебной литературы и изданию этих переводов. 23 октября 1737 г. последовал указ «о напечатании церковных книг на грузинском языке и о содержании при Синоде людей, знающих грузинский и калмыцкий языки» [159]. В претворении в жизнь этого указа принимали участие Бакар, сын царя Вахтанга VI, архиепископ И. Самебели, игумен Х. Гурамишвили. Их деятельность продолжалась до 1745 г. [160]. В 1796—1801 гг. в Моздоке действовала грузинская типография, основанная по инициативе местного епископа и просветителя Гайоза. В ней печатались переводы на грузинский язык как религиозной, так и светской литературы.

25 марта 1798 г. последовало распоряжение «об отдаче состоящей в Астрахани армянской типографии в управление армянскому архиепископу» Иосифу, который назначался «цензором» и который вместе с «помощником» (вероятно, с переводчиком) должен был заниматься «рассмотрением российских переводов с армянского языка» [161].

ПЕРЕВОДЫ КНИГ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Контакты русских с восточными народами способствовали развитию интереса российской общественности к публикациям, связанным с этой тематикой: оригинальным работам, периодике, описаниям. Большим спросом у читающей публики пользовались переводные труды по Востоку с западноевропейских языков. Эти переводы — хотя они выполнялись не востоковедами и не с подлинных текстов — знакомили читателей с уровнем и проблемами востоковедной науки в Европе, с известными именами и источниками и вместе с тем побуждали отечественных специалистов к новым научным поискам.

Во второй половине XVIII в. при петербургской Академии наук и при Московском университете сложились группы опытных переводчиков, среди которых были М. И. Веревкин, Н. И. Новиков, В. Ф. Зуев, В. К. Тредиаковский, И. Алексеев, Б. Волков, Щеглов и др. Все они прекрасно владели западноевропейскими языками и время от времени по разным причинам обращались к востоковедной тематике.

Русско-турецкие противоречия в XVIII в. обусловили большой интерес к истории стран Ближнего Востока и истории «магометанства». Среди литературы по турецкой тематике преобладали работы политического характера: о «военном состоянии Оттоманской порты», о ее завоеваниях, о ее отношениях с Египтом, Сирией, Палестиной, о «монархии» и «возмущениях» против нее [162].

Характерно, что одна из первых турецких грамматик на русском языке являлась переводом с французского, выполненным в 1776 г. при Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе [163]. Повторное, московское издание относится, как отмечалось выше, к 1777 г.

В течение XVIII столетия в России вышло несколько изданий Корана. Первый его перевод был осуществлен при Петре I, в 1716 г., П. Постниковым, второй — в 1790 г. М. И. Веревкиным. В основе обоих переводов лежал французский текст Корана, принадлежащий перу Дю Риера. В 1792 г. А. Колмаков перевел Коран с английского языка. В качестве приложения к этому переводу было издано, также на русском языке, «Обстоятельное и подробное описание жизни лжепророка Магомета», переведенное с французского П. С. Андреевым.

В 1787 г. по указу Екатерины II был издан подлинный текст Корана. Это роскошное издание предназначалось для подношения знатным европейским особам и с 1787 по 1798 г. было повторено шесть раз. 21 декабря 1797 г. Павел I распорядился рассылать «напечатанный на арабском языке Алкоран для продажи в те губернии, где населены народы магометанского исповедания» [164].

Для истории арабистики также представляли интерес несколько публикаций переводов с французского языка сказок «Тысячи и одной ночи».

Выше говорилось о переводе Г.-Я. Кером с чагатайского языка на немецкий сочинения Абу-л-Гази о происхождении тюркских народов. Независимо от него был сделан другой перевод этого сочинения. Вначале «бухарский ахунд» перевел его устно на русский язык. Запись была сделана русским писцом. С этого текста, позднее утерянного, швед Шенстрем сделал перевод на немецкий язык и издал его в 1780 г. Текст Шенстрема был, в свою очередь, переведен на французский язык [165]. С этого последнего варианта В. К. Тредиаковский осуществил перевод опять на русский язык [166].

Переводов литературы по Ирану было немного. Тем интерес-

нее отметить выполненный учителем Сухопутного шляхетского кадетского корпуса Иваном Алексеевым и изданный в 1781 г. в типографии Н. И. Новикова при Московском университете перевод работы французского ученого XVI в. Варнавы Бриссония (ум. 1591) «О Перском царстве». В ней были приведены многочисленные сведения греческих и римских авторов об устройстве, этикете, обычаях иранского двора, о религии древних иранцев, об их военном строе и законодательстве.

История Китая была представлена переводами работ таких французских авторов, как, например, Жан Батист Дюгальд, Рейналь, Воже де Брюн. Труд Дюгальда основывался на данных публикаций и рукописей миссионеров и был переведен на русский язык Игнатием де Тейльсом [167]. Работа де Брюна содержала выдержки из «Китайской канонической истории» (об истории завоевания Китая маньчжурами), предварительно переведенной на французский язык «езуитом» О. Малья [168].

Географические и исторические сведения о Японии содержались в переводах нескольких описаний этой страны, сделанных Тунбергом, Г. Гагенаром и др. [169].

Поскольку Россия в XVIII в. не имела непосредственных контактов с Индией (Г. С. Лебедев вернулся на родину в 1801), знакомство русских с этой древней страной происходило в основном через западноевропейских авторов.

Первой переводной работой, в которой содержались сведения об Индии, вероятно, следует считать «Краткое и общее объяснение и разсуждение о нравах, обыкновениях, языке, вере и философии индейцов». Подлинник сочинения персоязычный. Автор его — Магомет Казим Ферист. Известны переводы на английский и французский языки. С одного из них был сделан русский перевод, опубликованный в Петербурге в 1759 г.

Успехом у читателей пользовались переводы философско-этических индийских сочинений [170], а также описания путешествий по Индии [171] и художественная литература этой страны [172].

Внимание известного историка М. Н. Карамзина и прогрессивного журналиста Н. И. Новикова привлекали «Махабхарата», философская поэма «Бхагавадгита», драма Калидасы «Шакунтала» и другие произведения древнеиндийской литературы, отрывки из которых в переводах с западноевропейских языков появлялись на страницах русских периодических изданий [173].

В отличие от ряда востоковедных дисциплин, возникших в России по причине необходимости решения практических проблем государственной жизни, интерес к Древнему Востоку был чисто научным.

Одна из первых работ по этой теме, ставшая известной русским,— это «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках», принадлежащая перу ректора Парижского университета Шарля Роллана, на русский переведенная В. К. Тредиаковским и в двух томах изданная в Петербурге в 1751 г. Книга бы-

ла построена на свидетельствах «древних писателей» и включала в себя краткое географическое описание Азии и историю названных народов.

Трижды переводилась и издавалась в России работа Карла Фридриха Кеппена «Крата Реоа, или посвящения в древнее тайное общество египетских жрецов» [174]. В ней автор описывает ритуал обряда посвящения в жрецы и необходимые для этого подготовительные условия: поручительство члена общества, изучение нравственных правил, прохождение периода затворничества и ограничения в еде. Во время подготовки будущий жрец был обязан также обучиться «символическому языку и обыкновенному иероглифическому письму».

Наконец, следует упомянуть о двух работах И. И. Коха, изданных на латинском языке с параллельным русским переводом, выполненным Е. Сырейщиковым: 1) «Опыт истолкования иероглифов и надписей, находящихся на некоторых древних монетах» [175] и 2) «Опыт изъяснения сфингов» [176]. Иван Иванович Кох (ум. 1799) приехал в Россию при Екатерине II, состоял здесь на дипломатической службе, был членом Комиссии народных училищ и директором Учительской семинарии [177]. Будучи знаком с древнееврейским, а возможно и с другими восточными языками, он заинтересовался египетским письмом. Свои выводы он изложил в названных выше работах. Однако, пытаясь объяснить происхождение надписей на монетах, автор приводил ненаучные этимологии [178]. По мнению советского египтолога М. Г. Лившица, «заслуживающей внимания в этом исследовании является лишь самая мысль о звуковом алфавитном характере египетских иероглифов, обычно рассматривавшихся как символические знаки» [179].

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ. И. РОССОХИН, А. ЛЕОНТЬЕВ, А. АГАФОНОВ

Исключительное значение в истории востоковедения приобрела основанная в XVIII столетии в Пекине Российская духовная миссия, существовавшая до середины XIX в.

Отправляя в конце XVII столетия посольство в Китай, правительство Петра I в числе других пунктов предлагало ему добиваться, «чтоб хан указал в Китайском государстве дать под церковь место». Предполагалось, что православная церковь в Пекине должна обслуживать нужды пленных албазинских казаков, которые на основании Нерчинского договора 1689 г. оставались в Китае.

Церковь была построена в 1698 г. в пределах города, у восточной стены Пекина.

Как отмечалось выше, в 1714 г. в Пекин был послан архимандрит Иларион Лежайский со свитой. Члены духовной миссии были зачислены на цинскую государственную службу, полу-

чили от китайского правительства казенные квартиры и содержание. Объясняется это тем, что русские православные священники обслуживали нужды гвардейской роты солдат цинских знаменных войск, составленной из пленных албазинцев и прочих русских, оказавшихся в Китае. Инкорпорируя роты из чужеземцев в свои войска, роты, часто пользовавшиеся особым доверием, маньчжуры продолжали традицию, принятую за 400 лет до этого монгольскими императорами династии Юань, при дворе которых также состояло воинское подразделение, сформированное из русских.

Миссия вскоре дала результаты. Дьячок Осип Дьяконов (Давыдов) изучил маньчжурский язык и использовался цинскими властями для перевода поступающих из России документов с русского на маньчжурский, а цинских документов, направляемых в Россию, с маньчжурского на русский [180]. Есть мнение, что именно Осип Дьяконов начал и преподавание русского языка в Китае в Русской канцелярии министерства цинского двора, открытой в 1725 г. [181]. Вместе с Осипом Дьяконовым работал некий переводчик, сын пленных албазинцев, «который от российских родителей в Пекине родился». Д. Белл, сопровождавший русское посольство Измайлова в Пекин, писал: «Потомки сих пленников очень полезны россиянам и употребляются у них толмачами» [182].

Вскоре стала очевидной возможность подготовки непосредственно в Китае на базе миссии (из числа молодых людей) лиц, знающих китайский и маньчжурский языки, с последующим использованием их для государственных нужд, что и было закреплено особой статьей Кяхтинского договора 1727 г.: «Дом, который ныне для российских в Пекине обретается, будет для россиян и впредь приезжающих... Четыре мальчика учеников и два побольше возраста, которые порусски и полатыне знают и которых посол российский... хощет в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дается им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмутся назад» [183]. Уже из числа первых студентов миссии выдвинулась такая фигура, как И. К. Россохин, деятельность которого явилась вехой в отечественном китаеведении.

Илларион (Ларион) Калинович Россохин родился в 1717 г. в селе Хилок близ г. Селенгинска, в семье священника. Окружающая среда, возможное с детства знакомство с бурятским языком определили его судьбу. Мальчиком в 1726 г. он попал в монгольскую школу при Вознесенском монастыре в Иркутске, готовившую переводчиков с монгольского языка. Из этой школы в 1729 г. он поехал в Китай, что совпало с прибытием туда II духовной миссии. Россохин пробыл в Китае 12 лет и возвратился на родину в 1741 г. Знакомство с монгольским языком помогло ему сравнительно быстро овладеть маньчжурским и затем с помощью маньчжурского — китайским языком. Об его успехах свидетельствует то, что 18-летним юношей, т. е. в 1735 г.,

он был взят на службу в Лифаньюань — Управление (Палата) внешних сношений — в качестве переводчика и учителя русского языка. По сведениям самого Россохина, у него в Китае было 24 ученика [184].

Для обучения юношей — маньчжуров и китайцев — русскому языку Россохин перевел на маньчжурский язык в качестве учебного пособия «Грамматику русского языка» Смотрицкого — «Орос ламэ убалямбуха ононго бабэ тучибухэ нони битхэ (Олосы фаньи цзияо цюаньшу)» [185]. Обучая и учась, И. К. Россохин был вынужден создать первые транскрипции китайского и маньчжурского языков средствами русского алфавита. Его пионерский труд «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами для их подлинного произношения» остался неопубликованным и уже 250 лет пылится в Архиве АН СССР [186].

Своей деятельностью И. К. Россохин открывает период переводов в истории отечественного китаеведения. Первым научным трудом его, видимо, был перевод названий с китайской карты Цинской империи — «Сыскание географической ландкарты всего Китайского государства и подписание оныя российским языком» [187]. 5 января 1741 г. Россохин прибыл в Петербург, где был определен на службу в Академию наук «для перевода и обучения китайскому и маньчжурскому языкам». В качестве преподавателя этих языков он должен был сменить Федора Джогу (он же Федор Петров, Чжугэ, Чжоу Гэ).

Джога был послан цинским правительством к ойратам для сбора там разведывательной информации. Разоблаченный и плененный калмыками, он был передан последними в 1733 г. русскому офицеру, плац-майору Угримову. Русские власти, не желая отпускать цинского соглядатая домой, приказали в апреле 1734 г. привезти его из Тобольска в Москву. В 1736 г. Джога попал в Петербург, где в 1737 г. был крещен и поименован Федором Петровым. Первым учеником Джоги в Петербурге был некий И. И. Борисов, судьба и труды которого неизвестны. В конце 1738 г. Джога был отправлен обратно в Москву для обучения китайскому и маньчжурскому языкам двух новых учеников — Андрея Канаева и Алексея Леонтьева (в будущем одного из самых видных русских профессиональных китаеведов XVIII в.). Ученики оказались способными, сам Джога признавал, что «Андрей, как я, по манзурски, Алексей лутче в письме манзурском и меня» [188]. Джога просил направить своих способных учеников для продолжения образования в Китай, что и было осуществлено в 1743 г. Последние годы жизни Джога служил в чине прапорщика в Архангельске, где и скончался в 1751 г.

С 1741 по 1751 г. в Петербурге работала школа китайского и маньчжурского языков, которой руководил И. К. Россохин. Если школа Джоги административно подчинялась Коллегии иностранных дел, то школа Россохина существовала при Академии наук. Из учеников Россохина выделялся Яков Волков, который под руководством своего учителя переводил древние китайские

сочинения, объединенные в группу «Четверокнижие». Помимо преподавания Россохин активно занимался переводами. Именно начиная с этого времени наметилась та трагическая особенность в истории русского китаеведения, которая состояла в том, что многое переводилось, но мало что печаталось. Сам Россохин при жизни не увидел ни одного своего перевода опубликованным.

Невозможно перечислить в кратком изложении все переводы И. К. Россохина. Они могут быть сгруппированы по следующим темам [189]:

1. История Китая с древнейших времен до воцарения династии Цин, традиционная китайская хронология. (Россохин положил начало столь характерному для русского китаеведения стремлению в первую очередь усвоить и изложить географию расселения и историю народов, населявших северные и западные районы Цинской империи, а также области, лежавшие за пределами собственно Китая, за Великой стеной, пограничные с югом Сибири.)

2. Географические сочинения.

3. То, что можно назвать господствующей китайской идеологией, Конфуций, его сочинения, сборники нравоучительных изречений.

4. Учебные пособия.

5. Материалы о состоянии и дислокации цинских войск, войны цинского Китая с ойратами.

Еще в Китае Россохин начал переводить «Юань ши» (историю монгольской династии в Китае) — «половину истории мугальской, когда они владели Китаем и с указы» [190]. Однако он достаточно быстро осознал, что перевод династийных историй для познания истории Китая является работой хотя и чрезвычайно полезной, но трудновыполнимой из-за непомерного по европейским меркам объема этих историй. Поэтому одновременно с французским китаеведом де Майя Россохин обратил внимание на сокращенный сводный труд по китайской истории «Цзы чжи тун цзянь ганму» («Всепроникающее зерцало, управлению помогающее»). Россохин перевел из него разделы с древнейших времен до 1225 г. и назвал эту работу «Дзы джи тун гянь ган му цянь бянь, то есть сокращение китайской истории, называемой Всеобщее зерцало, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующее» [191]. Если труд де Майя был издан и составил славу французской синологии, то труд И. К. Россохина так и остался в рукописи; перевод «Цзы чжи тун цзянь» на русский язык так и не выполнен до сих пор.

Остался в рукописи и другой практически важный для того времени перевод И. К. Россохина — «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах» (1750) [192]. Это — перевод «Циньчжэн Шамо фанлюе» («Стратегия и тактика возглавлявшегося лично императором похода для покорения

Шамо»), официально изданного в Китае в 1708 г. документального отчета о войнах Канси с ойратским ханом Галданом, приведших к подчинению Цинами Халхи. Н. П. Шастина в свое время отметила «доброкачественность перевода Иллариона Россохина» [193]. Ее правоту на практике доказал И. Я. Златкин, труд которого «История Джунгарского ханства» зиждется на самом широком использовании перевода Россохина [194]. Этот перевод был привлечен и младшим коллегой Россохина — Алексеем Леонтьевым при написании им книги о войнах Канси с Галданом [195].

В 1739 г. в Китае был опубликован труд «Ба ци тун чжи чу цзи» («Первоначальное издание всеобщего описания восьми знамен»). Этот источник содержит важнейшие сведения о военной организации маньчжуров. В 1756 г. Правительствующий Сенат отдал распоряжение — «велеть при Академии знающих тамошних языков людьми со всех томов учинить на российский диалект перевод» [196]. Работа по переводу была поручена И. К. Россохину. Ввиду ее большого объема он попросил дать ему в помощники переводчика из Коллегии иностранных дел Алексея Леонтьева. Из шестнадцати «томов» сочинения Россохин перевел шесть. 10 февраля 1761 г. он скончался, не успев довести до конца начатое дело. Работа была завершена А. Л. Леонтьевым и опубликована в 1784 г. под названием «Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего. Иждивением Императорской Академии Наук в 16 томах» (СПб., 1784). Рукопись перевода хранится в ЛО ААН [197].

Особо следует отметить «Примечания на все манджурские и китайские слова, имена, звания, титулы», составленные И. К. Россохиным к «Обстоятельному описанию». Они не утратили своего значения в качестве справочного пособия и в настоящее время и являются в полном смысле этого слова научным трудом. Например, объясняя «Айжинь Гиоро», Россохин писал: «Первое слово значит *золото*, а другое что знаменует неизвестно. Сим из двух слов сложенным имянем Манджурские ханы называют собственную свою фамилию, и по знаменованию первого слова, то есть *золота*, выводят род свой от поколения Айжиньского, или по китайски Дайгинских ханов... А хотя оные ханы и произошли из тех же стран, коих и манджуры, и слыли под именем *золотого царства*, однако же *золото*... на их собственном языке называется *Аньчуху*, а не *Айжинь*, да и собственная их фамилия на их собственном же языке имяновалась Вань Янь, которые слова значат *белое*» [198].

Здесь все верно: и неясность термина «гиоро»; и то, что, взяв прозвание Айжинь Гиоро, первые маньчжурские ханы действительно хотели заявить о своей претензии на происхождение от чжурчжэньских императоров династии Цзинь; и сомнение в основательности этих претензий. Еще пример: «Уджень Чоуха по китайски Хань-Гюнь, то есть оное из природных китайцев со-

стоящее войско, которое, изменив природным своим государям, покорилось манджурам при владении первых их ханов» [199].

Короче, справочник полезен при переводе маньчжурских, а также монгольских и китайских текстов династии Цин, хотя, к сожалению, он фактически забыт. «Обстоятельное описание» — ценнейший источник по истории маньчжуров и народов Маньчжурии в XVI—XVII вв. [200], и жаль, что до сих пор в силе остается замечание А. В. Стрелиной: «...странно, что ни один из китаеведов и маньчжуроведов XIX и XX вв. эту работу не использовал» [201]. Лишь в последние годы этот труд был привлечен при работе с текстом оригинала [202].

Наконец, И. К. Россохин был первым, кто ознакомил Россию с достижениями китайской пиротехники и устройством фейерверков. Им было подготовлено специальное руководство «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках» [203], опубликованное в 1961 г. В. С. Стариковым [204].

Деятельность Россохина поставила проблему, не решенную окончательно и поныне. Положив начало делу переводов, он невольно своей деятельностью поставил вопрос о рациональности полной публикации (или публикации вообще) объемистых китайских сочинений. В силу вступили материальный фактор и неумение принять переведенное полностью китайское (или маньчжурское) сочинение, т. е. принять его таковым, каково оно есть, с его структурой распределения материала и компоновкой текста.

Тауберт, возражая против полного опубликования «Обстоятельного описания происхождения и состояния Манджурского народа и войска...», мотивировал свои возражения так: «только бы напрасно потерян был превеликий кошт и время», в книге «весьма много излишнего», «к тому же самый стиль китайский не такой, чтоб мог быть вразумителен и приятен читателю». И предлагал «искусному в исторических сочинениях ученому человеку сделать из нее экстракт» [205]. С чисто научной точки зрения здесь нет проблемы, и прав был М. В. Ломоносов, заявивший, что доводы Тауберта «есть пустая ж отговорка» [206]. Однако эти доводы имели и имеют большую практическую силу: архивы и поныне заполнены неизданными переводами XVIII и XIX вв., и посейчас эти доводы используются издательствами, и в наши дни опубликовать полный перевод объемистого восточного текста столь же трудно, как и во времена И. К. Россохина. Другими словами, поставленная в середине XVIII в. самой жизнью проблема — что лучше: полный перевод или экстракт — жива и сегодня.

Через три года после смерти И. К. Россохина в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» был опубликован его первый перевод «Описания путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у Калмыцкого хана Аюка на Волге — о проезде цинского посольства через Россию в 1712—1715 гг.». Два перевода

Россохина, выполненные им в 1759 г.,— описание Алтайских гор из «Дай Цин и тун чжи» и «Китайский атлас» — были опубликованы также после его смерти (на немецком языке) [207]. Переводил Россохин на русский язык и первоначальные китайские пособия для изучения родного языка — «Цянь цзы вэнь» и «Сань цзы цзин» [208].

Следует сказать, что перед поступлением И. К. Россохина на службу в Академию наук здесь трудился над проблемами китайского языка Г.-З. Байер. Выше уже говорилось, что в 1713 г., 19 лет от роду, он начал составлять по имеющимся под рукой материалам словарь и грамматику китайского языка[209]. В 1728 г. в докладе на конференции Академии наук Байер сообщил о подготовке им к печати грамматики китайского языка [210]. Общим итогом трудов Байера над китайским языком было уже упоминавшееся издание «Китайского Музеума», в котором объясняются особенности китайского языка и литературы.

Эта двухтомная работа основывалась на западноевропейской литературе по Китаю, а также на публикациях самого Байера. В предисловии приводится историографический очерк накопленных в Европе сведений о языке, письменности и литературе Китая. В первом томе излагаются основы грамматики разговорного и литературного китайского языка, описываются способы письма, книгопечатания, красноречие китайцев. Второй том содержит перевод китайских иероглифов на латинский язык, китайский словарь на 44 таблицах, данные об учении Конфуция, о китайском летосчислении, весах и мерах и об образе жизни китайцев.

Книга Байера, несмотря на ее несовершенство, признаваемое и самим автором, была важна как первая в Европе публикация по теоретическому изучению китайского языка, как необходимая ступень в исследовании этой проблемы.

В 1732 г. три экземпляра этого сочинения Байера были подарены членам цинского посольства, посетившим с ознакомительной целью Академию наук [211]. Книга была разослана в страны Западной Европы иезуитам, долгое время жившим в Китае и хорошо владевшим китайским языком. Иезуиты от оценки труда Байера воздержались, мотивируя это тем, что «не считают возможным подвергать критике сочинение по китаеведению, написанное ученым, который никогда не бывал в Китае и изучал китайский язык самостоятельно» [212].

Сочинение Байера было целиком трудом компилятивным, вряд ли он хоть сколько-нибудь владел китайским языком, хотя и пытался вступить в какой-то разговор с членами китайского посольства. Важно, что это был научный труд, отражавший уровень знания китайской грамматики в Европе тех лет. Это был не слепой труд. Можно было сетовать на неудовлетворительное качество иероглифики, но она в книге присутствует. Эта работа отражала не только европейскую осведомленность автора в китайском языке, но и общий уровень лингвистики первой трети

XVIII в. и подход этой науки к описанию малознакомых языков. Очевидно, справедливой оценкой труда Г.-З. Байера является замечание о его грамматике Н. Я. Бичурина: «К чести Байера должно сказать, что он получил хотя очень неполное, но довольно правильное понятие о механизме языка» [213].

Публикация «Китайского Музеума» и посылка этого сочинения в Пекин иезуитам позволили Академии наук начать обмен книгами. Очевидно, первые китайские книги попали в Библиотеку Академии наук от Д.-Г. Мессершмидта [214]. В 1730 г. в Академию наук передал китайские книги уже неоднократно упоминавшийся Лоренц Ланг.

В своих же работах о Китае Ланг продолжал традицию описаний XVII в., и итогом его первой поездки стало «Описание государства Китайского». В этом труде Ланга интересно сообщение о процедуре поздравления чиновниками императора с Новым годом. Он сообщает, как различать, например, по платью гражданских и военных лиц (и те и другие имели на груди небольшой квадратный знак; если на нем были вышиты звери, то это были военные, а если птицы — гражданские чиновники) [215].

Ланг писал о диалектах китайского языка. Так, на севере и юге Китая говорят по-разному, но диалекты объединяет единая иероглифическая письменность. Китайский язык — тональный, в нем три тона: высокий, низкий и средний; в зависимости от тона меняется и смысл слова. Грамотный человек должен знать около 3 тыс. иероглифов, всего же их — 30 тыс.

По данным Ланга, население Пекина в первой четверти XVIII в. составляло 2 млн. В администрации Китая принято правило, согласно которому каждый чиновник не может служить в одной должности более трех лет, а уроженец данной местности не может быть назначен ее губернатором. Все мужчины в возрасте от 20 до 65 лет платят налоги; налог — натуральный. Ланг дает идеализированную характеристику правящего императора Канси.

Из верований китайцев он наиболее полно характеризует культ предков. По его заключению, наличие в Китае различных религий и верований является препятствием к обращению китайцев в христианство. Ланг формулирует некоторые из правил господствующей китайской морали, указывая на «шесть обязанностей», которые должны соблюдаться детьми по отношению к родителям, учениками — к наставникам, подданными — к императору, супругами — по отношению друг к другу и т. п.

Автор «Описания» высоко оценил китайские ремесла и науки. По его мнению, науки в Китае начались раньше, чем в Европе, но в данный момент Китай от Европы уже отстал. В «Описании» есть значительные элементы идеализации европейцами китайских социальных порядков, есть и прямые ошибки. Так, европейское название Китая «Сина» он производит от китайского слова «цин» — «пожалуйста» [216].

Из своей последней поездки в Китай Лоренц Ланг привез

для Библиотеки Академии наук три ящика китайских и маньчжурских сочинений. В 1741 г. в Библиотеку были переданы 20 книг, привезенных из Китая Россохиным. Среди книг, полученных от Россохина, были общее географическое описание Китая «Юй чжи Тянься и тун чжи», уложение династии Цин «Да Цин люй ли», китайские романы «Цзинь пин мэй» и «Шуй ху чжуань». В 1742 г. Россохин отобрал китайские и маньчжурские книги из библиотеки попавшего в опалу графа Остермана. Россохин был консультантом по приобретению Академией китайских книг и ведал их каталогизацией. В 1761 г. в Библиотеку Академии наук вдовой И. К. Россохина, как уже упоминалось, были проданы и его личные китайские и маньчжурские книги. К середине XVIII в. Библиотека располагала несколькими сотнями книг на китайском и маньчжурском языках, часть которых переводилась или использовалась в качестве учебных пособий, т. е. не лежала втуне.

Одновременно Кунсткамера усердно пополнялась различными китайскими вещами, хотя систематического подбора китайской коллекции еще не производилось. В середине декабря 1747 г. здание академической Библиотеки и Кунсткамеры сильно пострадало от пожара. Несмотря на то что «успели еще выкинуть книги из окон», Академия лишилась «немалого числа книг», в том числе и китайских, а собрание китайских вещей в Кунсткамере сгорело практически полностью [217]. Здание — ныне в нем располагается Ленинградская часть Института этнографии АН СССР — было восстановлено после пожара лишь в 1766 г. Надо думать, что книги Л. Ланга, И. К. Россохина и другие, поступившие до 1747 г., почти не сохранились или сохранились лишь частично в собрании китайских ксилографов ЛО ИВ, ибо еще современники отмечали, что размеры причиненного пожаром ущерба сознательно скрывались руководством Академии наук.

Чтобы завершить «период описаний», следует еще упомянуть об описаниях Китая, сделанных Д. Беллом, И. Унферцагтом, Степаном Писаревым, С. Л. Владиславичем-Рагузинским и в разное время вошедших в актив синологической науки.

Упоминавшийся выше Д. Белл ездил в Китай с посольством Л. Измайлова в качестве врача. Его записки были опубликованы в 1763 г. на английском языке, а в 1776 г. — на русском [218].

Художник И. Унферцагт побывал в Китае также с посольством Л. Измайлова. Его «Записки» вышли на немецком языке в 1725 г. [219].

Развитие китаеведения в России до середины XVIII в. во многом определялось, как говорилось, практическими интересами государства — необходимостью поддерживать дипломатические и торговые отношения с Китаем. Что касается первых, то следовало ввести эти отношения в систему международных договоров (Кяхтинский договор 1727 г.). А русско-китайские торговые отношения нужно было строить на основе общепринятых

международных норм, ибо Китай торговал с Россией как с «вассалом», как с монголами и иными соседями, устанавливая число допускаемых в страну торговых караванов и число прибывавших с караванами людей. Для решения всех этих проблем требовались более детальная осведомленность о стране и переводчики. И. К. Россохин стал пионером нового направления в развитии отечественного китаеведения, сделав переводы оригинальных китайских и маньчжурских сочинений. Байером же были сделаны первые в России попытки изучения не практического, а чисто научного китайского языка.

Бесспорной вершиной достижений русского китаеведения в XVIII в. была научная и переводческая деятельность Алексея Леонтьева. И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев были первыми русскими учеными-китаеведами в современном понимании этих двух слов.

Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716—1786) был ровесником И. К. Россохина. Из студентов Славяно-греко-латинской академии в возрасте 22 лет он был в 1738 г. направлен к Джоге изучать китайский язык. В 1741 г. Леонтьев добровольно, по собственному прошению, продолжил образование в Китае, куда он был послан. Сменив И. К. Россохина, он стал переводчиком цинского Управления внешних сношений и преподавателем русского языка маньчжурам и китайцам. Летом 1755 г. Леонтьев выехал из Пекина в Россию и в 1756 г. был зачислен переводчиком в Коллегию иностранных дел. В 1757 г. ему вместе с Россохиным было поручено сделать перевод «Обстоятельного описания положения и состояния Манджурского народа и войска...». С 1763 г. при Коллегии иностранных дел работала школа маньчжурского и китайского языков, в которой преподавал Леонтьев и вывезенный из Ставрополя от калмыков китаец, крещенный как Артемий Васильев.

А. Л. Леонтьеву принадлежит неоспоримая заслуга ознакомления русской науки и российской общественности с китайскими классическими книгами. В 1782 г. он в качестве приложения к переводу китайского уложения публикует отрывок из «И цзин»— «О двойственных действиях духа Инь и Янъ из китайской книги, „И гин“ называемой» [220]. Кроме того, было опубликовано два перевода: «Да сюе» [221] и «Чжун юн» [222].

Надо сказать, что в течение примерно двух тысяч лет китайские классические сочинения были идеологическим источником обоснования самых различных видов государственной и общественно-политической деятельности в Китае. По этим книгам китайцы, желавшие стать образованными людьми, начинали свое обучение, в них они искали духовную опору на все случаи жизни. Это был как раз тот самый кладезь китайской премудрости, который не исчерпан и поныне. А. Л. Леонтьев переводил китайские классические сочинения не просто с китайского, а с китайского и маньчжурского языков. Наличие маньчжурского перевода в значительной степени облегчало работу, но оно привносило

в русский перевод ту трактовку, которую вкладывали в китайский текст переводчики на маньчжурский, а значит, и власти предержащие. Толкование классических книг в Китае никогда не было безразлично государству.

Давая пояснение к своей попытке сделать переводы из «И цзин», А. Л. Леонтьев писал: «Книга сия у китайцев важная и первая из всех древних книг их. Они почитают ее основанием для всех в свете наук. Ученые люди весьма желают видеть ее на европейских языках. Я... покусился для оказания ученым людям услуги переводить оную книгу на Российский язык, но перевел по возможности моей только то, как начинается, а далее за многими в ней начертаниями и терминами переводить не могу» [223]. Комментируя сущность учения о стихиях Инь и Ян, Леонтьев пишет: «...всякая вещь и всякое, можно говорить, дело имеет Инь Янъ, Инь Янъ ни от чего отлучены, ни в чем разлучены быть не могут. Инь и Янъ вина рождениям и совершениям всех вещей» [224].

Как бы сейчас ни оценивать перевод Леонтьева, он первый ознакомил российскую общественность со своеобразным китайским учением о диалектическом взаимодействии мужского и женского начал природы.

Перевод «Да сюе» появился после того, как в мае 1779 г. он уже был опубликован в издании Академии наук в переводе с французского. Леонтьев считал свою работу более совершенной и смело призывал «любопытного читателя» к сличению переводов. Идеи, заложенные в «Да сюе», были созвучны духовным исканиям российской действительности второй половины XVIII в. — вере в «обновление просвещением простых людей» [225], пропаганде возможности создания идеальных обществ посредством совершенствования самого себя, затем своей семьи и тем самым государства: «...возмогши исправить самого себя, можно устроить дом свой, возмогши устроить дом свой, можно исправить область свою, а возмогши исправить область свою, можно уже привести в исправность все государство» [226].

Идеи «Чжун юн» в переложении Леонтьева призывали ценить «средоточие» — природные качества и духовную сущность, стойкость просвещенной личности, умение высшие чины «принимать... равнодушно», будучи в низших чинах, не иметь склонности «к домогательствам степеней высших»; «просвещенный человек подобен поступкам своим стрельцу, который вину неутрафления в цель ищет не в луке, стреле и месте, но в себе самом» [227]. Просвещенный государь также стремится к самоусовершенствованию и тем привлекает к себе достойных чиновников, и государство его процветает. «Государь, будучи для достойных людей образцом и зерцалом, непременно должен сам себя исправить прежде... на что благородные и добродетельные мужи взирая... будут стекаться к нему без призывания... достойных людей получением восходит у него правление государственное на вышнюю ступень благополучия» [228].

Предлагаемые «Чжун юн» девять правил управления государством были созвучны идеям просвещенной абсолютистской власти: «Государю для правления государственного вечно служат 9 правил сих: исправлять самого себя, почитать мужей просвещенных, быть к родственникам прямо родственным, иметь к верховным вельможам почтение, судить о начальниках по человечеству милостиво, представлять себе народ детьми своими, открывать пути и выходы мастерам и художникам, ласково принимать людей иностранных, под присмотром держать князей иностранных» [229].

Именно поэтому переводы Леонтьева были приняты благосклонно и не раз переиздавались. Для истории китаеведения важно то, что это были первые русские полные и опубликованные переводы двух китайских классических книг — «Да сюе» и «Чжун юн». Переводы эти, естественно, устарели и по терминологии, и по языку, наконец, просто потому, что в такие емкие по содержанию сочинения (и соответственно и в их переводы), как китайские классические книги, каждая эпоха вкладывает свой смысл. Кроме того, они сделаны в первую очередь с маньчжурского перевода при сличении текста с китайским оригиналом, и это тоже надо иметь в виду. Но и по сей день эти переводы для не знающих китайский язык могут служить источником первого общего ознакомления с этими книгами, а для обращающихся к китайскому тексту — пособием для его понимания.

Переводы Леонтьева породили интерес к китайской философии, о чем свидетельствует опубликование в 1790 г. компилятивного сочинения «Житие Кунг-Тсеза или Конфуциуса, как именуют его европейцы, наиславнейшего философа китайского, восстановителя древней учености, из записок, надлежащих до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и прочия китайцев, сочиненных проповедниками веры Христианской в Пекине. На российский язык переложенное в 1789 году Губернии Московской, Клинской округи в сельце Михалеве». Нельзя не отдать должное таким трудам Леонтьева, как «Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурского народа и войска...», где ему принадлежит большая часть перевода; изложение содержания материалов «Цинь чжэн пин дин Шамо фан люе» в книге «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами» (СПб., 1777); перевод «Китайского уложения», о котором будет сказано ниже. Однако переводы классических книг «Да сюе» и «Чжун юн», несомненно, стали вершиной всей деятельности Леонтьева-переводчика.

Перевод классических книг был подготовлен переводами многих других текстов из сочинений китайской традиционной идеологии. Леонтьев перевел одно из первоначальных китайских учебных пособий — «Сань цзы цзин» [230]. Текст, лишенный иероглифики, не мог восприниматься российским читателем как учебник письма, одновременно излагающий в популярной форме основы традиционного китайского взгляда на мир и общество, но в

ту эпоху российской действительности он звучал гимном учению, необходимости быть трудолюбивым и добродетельным [231]:

...без учения
Человеком быть не можно...
Во младости нужны человеку добрые науки,
По возрасте нужны человеку добрые поступки.

Многообразие «китайской мудрости» было таково, что каждый находил в ней свое: одни — стремление к учению и добродетели, другие — наставления «иметь верность и усердие к государю», поддерживать «различие старшего и младшего» и почитать «справедливостью» для раба его верность господину [232].

К этой же группе сочинений относятся и выпущенные в 1778 г. «Китайские поучения, изданные от хана Юнджена...». Книга наставлений императора Юн-чжэна воинам и народу призывала почитать родителей и старших, соблюдать клановую солидарность и взаимопомощь, «вспомогать немощному, строить ли дома, общие храмы... учреждать спасительные пашни и воспомоществовать обнищавшим и обедневшим» [233]. Согласие и взаимопомощь между родственниками, происходящими от одного предка, ведут к согласию и спокойствию в семьях, благодаря чему народ успешно выполняет «самонужние работы — и пашенныя и шелковичныя». Умеренная жизнь, стремление к учению, знание законов, которое удерживает от преступлений, воспитание детей своих в этих правилах — вот основа благополучия народа и государства.

К этой группе переводов примыкает и перевод компилятивного сочинения «Депей китаец» — рассуждений китайского начетчика на материалах классических книг, и прежде всего «Мэн цзы» [234]. Это один из ранних переводов Леонтьева, возможно неудачный по выбору, так как ознакомление с трудом «Депей китаец» требовало подготовленного, осведомленного в началах конфуцианской философии читателя. В библиотеке ЛО ИВ есть экземпляр этой книги, принадлежавшей В. И. Каменскому («Из книг переводчика Каменского, 1809 год»). В конце книги, похоже его рукой, записано: «Трудно понять по трем причинам: 1^{е} по неосновательности китайской учености, 2^{е} по тесности и краткости... штиля, а 3^{е} по несходствию с философиею — вот что значит не иметь там (очевидно, в Пекине, при Духовной миссии.— *Авт.*) Российской библиотеки». Мы приводим эту запись как свидетельство, повторяем, неудачного выбора Леонтьевым сочинения для ознакомления русского читателя с китайской премудростью. Сам Леонтьев понимал сочинение Депея как «филозовское рассуждение о бессмертии человеческой души» [235], явно пытаясь найти возможность малейшего контакта между христианским вероучением и китайской философией.

В сборнике переводов Леонтьева «Китайские мысли» любопытны поучения Юн-чжэна о «равном употреблении на службе у императора Цин» как маньчжуров, так и китайцев. Примерно сто лет, прошедшие со времени завоевания Китая маньчжурами,

сделали строгий маньчжурский контроль менее необходимым, а широкое привлечение китайцев на службу цинской династии — все более необходимым. Поэтому Юн-чжэн в своем поучении настаивает на естественном равенстве маньчжуров и китайцев: «...все люди от Неба созданы, Небо создало маньчжура, Небо ж создало и китайца, и перед Небом маньчжур и китаец в одном достоинстве, и не имеет один перед другим преимущества. Маньчжур человек, и китаец тот же человек... Я маньчжуров и китайцев не разделяю на две стороны, равно добрым правленье дел поверяю, а злых... от дел отстраняю» [236].

Сборник «Китайские мысли» содержит перевод целой серии рассуждений китайских императоров и сановников разных династий (Хань, Тан, Сун и др.) об управлении государством. Переводы вошедших в сборник произведений, по нашему мнению, не утратили своего значения и по сей день, они информативны, а для китаеведов служат указателем к поиску соответствующих текстов и докладов и облегчают пользование оригиналом.

В этой же книге опубликованы первые переводы на русский язык «Рассуждений учителя Сунзыя о войне» — отрывков из военного трактата «Сунь цзы» [237].

А. Л. Леонтьев был первым русским синологом, который достаточно широко ознакомил российскую общественность с философией и политической идеологией Китая. Достоинство его метода, метода переводов, заключалось в том, что читатель получал сведения по подлиннику, а не в переложении. Недостаток же заключался в отсутствии толкования, исследования, которое помогло бы читателю разобраться в переведенном источнике. Леонтьев, будучи вместе с Россохиным основоположником русского китаеведения и сыграв огромную роль в ознакомлении России с Китаем, вместе с тем не оставил в своем наследии того, что являлось бы научным исследованием. Его труды, хотя и частично забытые, не только вошли в историю становления отечественного китаеведения, они в части своей определенно не утратили своего значения и по сей день. Последнее в полной мере относится к трем его работам: это — «Кратчайшее описание... Китайского государства», перевод действующего цинского свода законов «Тайцин гурунь...» и «Китайское уложение».

Опубликованное в 1778 г. «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы, выбранное из Китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянъ Луне» представляет собой выборку сведений из изданного в 1744 г. всеобщего географического описания Цинской империи «Дай Цин и тун чжи». Описание вслед за первоисточником составлено по провинциям (их было 18); сообщаются размеры провинции (протяженность с востока на запад и с юга на север), количество городов в ней, численность населения и суммы взимаемого с него серебром и зерном налога, численность гар-

низона, сведения о полезных ископаемых и местных ремеслах. При характеристике больших городов даются сведения о местной администрации, школах и храмах. Так, при описании Пекина упомянуты православные церкви; Леонтьев сопровождает это сообщение следующим комментарием: «Одна в посольском дворе, где приезжающие российские люди становятся [238] и живут, другая, где русская слобода, в которой живут такие люди, коеи произошли от русских, живших в Албазине городе, оставленных в китайской стороне послом Федором Алексеевичем Головиным в 1689 году и переселенных китайцами в Пекин, из них тогда же составлена в гвардии их основная рота и названа Орос ниру, т. е. Русская рота, как называется и ныне, церковь оная состоит на тамошнем казенном окладе и получает с приписанных к ней земель доходы» [239]. «Орос ниру» квартировала у Восточных ворот Пекина.

«Всего в Китайском государстве городов больших и малых 1572, положенных в пашенный оклад крестьян 25 212 514. С них на пашни казна получает в год хлеба 6 425 388 дань, серебра 28 400 873 ланы. Училищ 2338» [240]. «Дай Цин и тун чжи» интересно тем, что в описание иноземных владений был включен ряд европейских стран. «Голландия. Царство сие близко Франции. У голландцев глаза впалые, носы долгие, волосы рыжие, ноги долгие, собою бодры» [241]. «Московия» и Россия имеют разные описания. Русские, по мнению составителей этого сочинения, произошли от динлинов: «тогдашние динлины, а нынешние русские один народ» [242].

Данная книга Леонтьева целиком сохранила значение первоисточника, в особенности при сверке ее с оригиналом.

Абсолютно то же самое можно сказать и о выполненных А. Л. Леонтьевым переводах памятников цинского законодательства. В 1778—1779 гг. вышли в свет две части сокращенного перевода с маньчжурского «Китайского уложения». Екатерину II и двор сокращенный перевод не удовлетворил, и А. Л. Леонтьеву было приказано выполнить полный перевод цинского уложения, что он и сделал. Полный текст уложения «Тайцин гурунь...» (см. примеч. 220) был опубликован в трех томах в 1781, 1782 и 1783 гг. Этот комплексный памятник, составленный в соответствии с духом и буквой традиционного китайского права, содержит уголовные законы, регламентации социальных статусов, описание административного аппарата, его основных функций и штата, гражданских законов, основ военного законодательства. Перевод Леонтьева не утратил своего значения и по сей день хотя бы в качестве легкодоступного ориентира в многотомном кодексе Цин.

И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев были выдающимися отечественными синологами и маньчжуроведами XVIII в. Оба по праву могут и должны считаться основоположниками отечественного китаеведения. Ранняя смерть Россохина (а он был даже на год моложе А. Л. Леонтьева) не позволила ему увидеть издан-

ными труды свои. Однако почти все, что делал Леонтьев, выходило и переиздавалось, иногда многократно. Его переводили за рубежом, его «Китайские мысли», весьма квалифицированные по подбору памятников, были переведены на немецкий и французский языки [243]. Труды Леонтьева внесли значительный вклад в идеологическую жизнь российского общества второй половины XVIII в. Мы целиком разделяем оценку, данную советским историком отечественного китаеведения П. Е. Скачковым: «Об А. Л. Леонтьеве по праву можно говорить как о ведущем китаеведе XVIII в.» [244]. Эта оценка справедлива и в масштабах истории европейского китаеведения, частью которого является китаеведение российское. Однако случилось так, что через полвека после смерти Леонтьева его фигура в отечественном китаеведении была заслонена такими корифеями отечественной синологии, как И. Я. Бичурин, В. Л. Васильев и П. Кафаров, и его труды все меньше и меньше стали использоваться в обиходе науки.

И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев составили в 1741 г. первый каталог китайских книг [245] (позднее, как мы уже упоминали, частью сгоревших), который в 1796 г. был опубликован И. Г. Буссе на немецком языке [246].

Для возмещения потерь от пожара 1747 г. в Китай в 1753 г. с караваном был послан Франц Лука Елачич, уроженец Вены, хорват, врач. Командировка Елачича, пробывшего в Китае с 1753 по 1756 г., явилась «первой поездкой [в Китай], организованной Академией наук с научными целями» [247]. Решением Академии наук от 29 марта 1753 г. Елачичу предписывалось «купить философские и исторические книги, которых в библиотеке нет и о коих китайского языка переводчик известие подать может» [248]. Список нужных книг подготовлен И. К. Россохиным. Помимо книг Елачичу предписывалось привезти для Кунсткамеры китайские монеты, тушь, бумагу, игры, кукол в костюмах гражданских, военных и духовных особ. Елачич привез из Китая 42 книги и большое количество китайских вещей [249].

Восстановить китайские названия привезенных книг трудно, но общие сведения о них дает «Реестр китайским и маньчжурским книгам, которые куплены в Китае лекарем Елачичем»: это «лексикон краткий старинным китайским характером, лексикон о произношении литер. Географические книги: Краткая география всего Китайского государства, сочиненная при маньчжурском хане Кан-хи, генеральный регламент, сочиненный при китайских царях фамилии Дай-мин. Исторические книги: древняя политическая история, прибавления к генеральной китайской истории, простое изъяснение на генеральную китайскую историю... история о китайских царях по фамилии Хань, история о северных народах, история о южных владениях» [250].

Можно, конечно, попытаться отождествить с оригинальными названиями некоторые книги из реестра: краткую географию, сочиненную при Канси,— «Гуан юй цзи» (1686), генеральный регламент при династии Мин — «Да Мин и тун чжи» (?), древ-

нюю политическую историю — «Ши цзи»» (?), а также общие истории: «Цзы чжи тун цзянь», «Цзы чжи тун цзянь ганму», историю китайских императоров Хань — «Хань шу», истории о северных народах и южных владениях — «Бэй ши» и «Нань ши». Может быть, эти отождествления и неточны, но, во всяком случае, китайская часть академической Библиотеки, вероятно, восполнила свои потери, причиненные пожаром. Были восстановлены и этнографические коллекции, ибо, как официально отмечалось, привезенные Елачичем «вещи не только что числом, но и куриозностью прежние, в пожар утраченные, гораздо превосходят». Часть вещей, привезенных Елачичем, до сих пор хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра I при Ленинградской части Института этнографии АН СССР [251].

По каталогу 1798 г., составленному Иваном Буссе по образцу «Каталога китайским и маньчжурским книгам» А. Л. Леонтьева, в Библиотеке Академии наук насчитывалось 238 названий китайских книг [252]. Книги были классифицированы по рубрикам: 1) философские, гражданские, военные; 2) исторические и географические; 3) астрономические и географические; 4) медицинские; 5) учебные; 6) о разных материях, неполные, передранные и ветхие. В предисловии к каталогу сказано: «При составлении Каталога китайским и маньчжурским книгам взят был в образец сделанный в 1766 году каталог известным переводчиком сих языков г. Леонтьевым, по которому пришедшие от того времени в беспорядок книги сколько токмо можно по незнанию сего языка были сделаны по нумерам, величине книг и китайским знакам и опять приведены в надлежащий порядок» [253].

Книги имели наряду с кратким заглавием аннотацию, а многие из них — и транскрипцию китайских наименований. Приведем примеры из сочинений разных видов [254]:

классические книги: «Моральные и политические законы, называемые Шу-дзин», «Стихи из моральных и политических законов, называемые Ши-дзин», «Чертежи, через кои означается основание наукам, называемые И-дзин», «Политические обряды, называемые Ли-дзи», «Рассуждения о разных материях философа Лоу-дзыя»;

книги по истории: «Зерцало древних воевавших правительств с Ландкартами и таблицами, называемое Чунь-цю», «История древняя, называемая Ши дзи», «История о ханах древней фамилии Хань», «История обстоятельная Дайминского правления, называемая Мин ши»;

памятник права: «Регламент, сочиненный при нынешних манджурских ханах, называемый Дай-цин люй-ли»;

географическое сочинение «География государственная новая с Ландкартами, называемая Дай Цин и тун джи, сочиненная при нынешнем хане Цянь-луне»;

романы (были записаны в раздел истории): «История о невоздержанном богаче, называемая Дзин-пин-мэй», «История о славных сунских разбойниках, называемая Шуй-ху»;

словари: «Лексикон китайский, называемый Кан-си дзы дянь»;

учебные пособия: «Стихи из тысячи китайских литер, называемые Цянь дзы вынь».

Этому каталогу нельзя отказать в наглядности и краткой, но четкой характеристике содержания книг.

Прямым продолжателем переводческой деятельности А. Л. Леонтьева был Алексей Агафонов. В возрасте 21 года он, ученик Тобольской семинарии, был включен также учеником в состав VI духовной миссии в Пекине. В 1782 г., после возвращения на родину, Агафонова зачислили переводчиком в Коллегию иностранных дел. Он служил в Иркутске при губернаторе. Через пять лет Агафонов был переведен из Иркутска в Петербург, где занял должность покойного А. Л. Леонтьева. В течение года после смерти Леонтьева эту должность занимал соученик А. Агафонова по миссии Ф. Бакшеев, скончавшийся в 1787 г. Ф. Бакшеев — составитель первого маньчжурско-русского словаря, содержавшего более 10 тыс. слов и выражений (1776). Рукопись словаря хранится в Отделе рукописей ГПБ.

В 1788 г. Агафонов издал серию своих переводов. Еще будучи в Иркутске, он в 1784 г. представил «генерал-губернатору Иркутскому и Колыванскому» И. В. Якоби свою работу «Джунгин, или книга о верности» — перевод трактата «Чжун цзин» Ма Жуна, автора династии Хань. Тем самым он желал выразить свою «преданность» губернатору и «давно воспламенную к Отечеству верность и усердие». Это сочинение, подражавшее «Сяо цзин» (канон о почитании родителей и старших) и, как «Сяо цзин», имевшее 18 глав, утверждало, что «корень правления государственного всегда происходит от верности», что «министр в служении Государю Верность поставляет основанием», что чиновники — «руки и ноги» государя и их долг состоит в том, «чтоб государя так почитать великим, как небо и землю, так почитать светлым, как солнце и луну». Люди же, «со благоволением покоряяся государевым узаконениям, в доме к родителям и старшим имея почтение и стараяся о хлебопашестве, ежели государю дань платить не ленятся, то сие есть всех людей самая Верность» [255].

Как и памятники китайской политической идеологии, переведенные А. Л. Леонтьевым, это сочинение и другие переводы Алексея Агафонова (Манчжурского и китайского Шунь-Джи хана книга *Полезный и нужный образ к правлению.* СПб., 1788; Государь друг своих подданных, или придворныя, политическия поучения и нравоучительные разсуждения Манжурского и Китайского хана Канъ-Сия, собранныя сыном его ханом Юнь-джином. СПб., 1795) не столько воспринимались современниками как трактаты, содержащие сведения о политической идеологии Китая, важной для его познания и учета этой идеологии при сношениях с Китаем, сколько примерялись к российской действительности екатерининского времени. Это облегчалось не только характером памятников, их содержанием, но и тем, что А. Ага-

фонов полностью следовал традиции А. Леонтьева, представляя читателю лишь перевод, не только не исследуя, но даже и не комментируя его. Переводы А. Агафонова и сейчас могут быть полезны для работы с оригиналом.

А. Агафонову принадлежит также издание хронологических таблиц китайской истории «Краткое хронологическое расписание китайских ханов», составленных им в Иркутске в 1786 г. и изданное в Москве в 1788 г. В «Предуведомлении к читателю», естественно полагая библейский мир центром мировой истории, Агафонов высказывает мысль, что китайцы, «вероятно, кажется быть от Ассирийского рода, ибо в сем языке находятся некие речи, от Ассирийскаго происшедшие, и что по времени оказуется начало оной Империи с Ассирийского согласно» [256]. Таблицы содержат наименования династий, перечни имен императоров, девизов лет царствования, иногда указания на важнейшие события царствования.

Агафонов, безусловно, был квалифицированным переводчиком. Как и Леонтьев, он был удачлив в том смысле, что сумел опубликовать свои переводы. Его книги — бесспорный вклад в отечественное китаеведение. Они во многом способствовали формированию представлений о Китае в русском обществе второй половины XVIII столетия. Еще в Пекине Алексей Агафонов, Федор Бакшеев и Алексей Парышев вели записи, оформленные ими в «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцынском государстве в 1772—1782 гг.». Здесь мы находим сведения о войнах цинских войск с мяо, о восстании в Шаньдуне в 1777 г., о визите панчен-ламы в Китай в 1780 г., о торговле в Кяхте, изложение бесед с китайцами, маньчжурами, перебежчиками из России, калмыками, ушедшими в Китай с Убаши-ханом, русскими соотечественниками. «С крайним сожалением,— писали авторы,— говаривали природные китайцы, что де не дождаться нам того, чтоб были наши природные государи» [257].

В 1798 г. при Коллегии иностранных дел была открыта школа переводчиков, готовившая знатоков китайского и маньчжурского языков. Албазинская неудача, цинская экспансия в Халху и Джунгарию вплоть до засылки своих агентов к поволжским калмыкам обусловили главное направление переводов, содержащих сведения о пограничной зоне между Россией и Китаем, об истории и характере иноземного господства в Китае (монголы, маньчжуры), о происхождении и воцарении династии Цин, об организации восьмизнаменных войск, о географии страны. Это направление успешно развивалось и в последующие периоды. В русских историко-географических изысканиях собственно Китай («застенный Китай») еще долго будет занимать второстепенное место, а югом Китая в России вообще будут мало интересоваться.

Переводы А. Леонтьева и А. Агафонова составляют особую ступень в развитии русского китаеведения. Их внимание к тра-

диционной идеологии Китая, опубликование почти всех работ этих авторов свидетельствуют о том, что в России к этим сюжетам был в то время повышенный интерес. Это направление почти сто лет после конца XVIII в. не развивалось или развивалось слабо. В итоге советское китаеведение до сих пор не располагает публикациями многих переводов китайских классических книг.

Была проведена огромная работа по составлению словарей. Гигантские по объемам рукописи, результат этой работы, пылятся на архивных полках, но было бы напрасно считать эти труды пропащими. Время уже позволило сделать переоценку этих ценностей — огромных словарей, которые все больше и больше приобретают характер первоисточников, особенно для изучения китайского и маньчжурского разговорного языков.

Наконец, в XVIII — первой четверти XIX в. был заложен основной фонд собрания китайских ксилографов в Библиотеке Академии наук.

В основных своих достижениях российское китаеведение XVII—XVIII вв. не отставало от западного китаеведения; часть его успехов и в то время стала достоянием европейского китаеведения. Сыграло свою роль и то, что европейские страны больше интересовались побережьем, центральными и южными районами Китая, тогда как Россия — Китаем северным. И в описанный период, и позднее русское и европейское китаеведение в указанном смысле дополняли друг друга.

Русским китаеведам в целом было чуждо как умиление Китаем, так и высокомерно-пренебрежительное отношение к нему.

* * *

Возрастание в XVIII столетии интереса русских к Востоку обусловливалось рядом событий российской истории. В это время к России были присоединены территории Северного Кавказа, Причерноморья, Крыма, был получен выход к Черному морю. Такое положение не хотели признать ни Османская империя, ни Иран. Возникший в связи с этим в конце XVIII в. так называемый восточный вопрос, который периодически обострялся, и был основной причиной постоянного внимания России к названному региону. Соседство с Китаем, Монголией и Японией также требовало урегулирования отношений с этими странами. В составе самой Российской империи в это время находились многочисленные восточные народы.

Расширение политических, торговых и других контактов с Востоком постоянно питало интерес к нему в самых разных слоях русского общества. Дипломаты, военные, купцы, чиновники, священнослужители по роду своих занятий приобретали опыт общения с восточными народами и накапливали определенные практические знания о них. Писатели, поэты, журналисты в своей деятельности откликались на события, связанные с Востоком.

В периодике XVIII в. была широко представлена восточная тематика. В частности, издавалось много работ по востоковедению, переведенных с западноевропейских языков. Не остался в стороне от интереса к культуре Востока и царский двор: в 1755 г. здесь была поставлена опера под названием «Александр в Индии» (музыка Арария, либретто аббата Метастасия); в 1793 г. в честь Екатерины II восточный поэт читал свое произведение.

В течение XVIII столетия в России изучались все распространенные восточные языки. К концу века появились в печати многочисленные грамматики, азбуки, словари и другая учебная литература по этим языкам. Преподавание носило практический характер. Предпочтение отдавалось тем языкам, знание которых было важно для дипломатических, торговых и административных целей.

Особенно важное приобретение этого столетия — создание в России богатых восточных собраний, состоящих из рукописей, книг, учебных пособий, записей образцов лексики и фольклора, нумизматических коллекций, эпиграфики, дипломатических бумаг, описаний поездок, переписки и других материалов.

Практическое знакомство с Востоком, изучение его языков и сбор источников способствовали зарождению и развитию научного востоковедения. Единственное научное учреждение России в первой половине XVIII в. — Академия наук (1725) — с первых шагов уделяло внимание и востоковедной отрасли знания. С ней была тесно связана деятельность, например, Г.-З. Байера, А.Л. Леонтьева, И. Иерига, Г.-Я. Кера — авторов первых оригинальных работ в России по востоковедению.

По политическим причинам, названным выше, ученые прежде всего изучали народы Сибири, Кавказа, Поволжья, Монголии, Дальнего и Ближнего Востока. Следствием этого явился высокий уровень отечественной науки в таких востоковедных отраслях, как монголоведение, маньчжуристика, тюркология, кавказоведение и др.

Дальнейшее развитие научного востоковедения тормозилось из-за отсутствия достаточного количества специалистов, преемственности в разработке тем, а главное, из-за существующей системы преподавания восточных языков, когда преследовались исключительно практические цели. Чтобы ликвидировать этот пробел, требовалось наладить систематическую подготовку востоковедных кадров в высшем учебном заведении, что и было осуществлено с введением восточных дисциплин в университетах России в начале XIX в.

В целом XVIII столетие в истории отечественного востоковедения было этапом создания источниковедческой базы, накопления опыта научно-организационной исследовательской и преподавательской работы. Без этого невозможен был бы тот высокий уровень, которого эта наука достигла в России в первой половине XIX в.

Глава 3

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Начало XIX столетия в истории отечественного востоковедения занимает особое место. Именно в первой четверти прошлого века были созданы востоковедные подразделения в университетах, кафедры восточных языков, Азиатский музей Академии наук, Лазаревский институт восточных языков, Учебное отделение Азиатского департамента МИД России. Можно сказать, создавалась определенная система, предусматривавшая подготовку кадров различной научной востоковедной специализации, учреждались востоковедные учебные и научные центры. Это был качественно новый период в истории отечественного востоковедения, предопределивший появление нового востоковедного центра в мировой ориенталистике — российского.

В рассматриваемое время в Москве, Дерпте, Вильно, Харькове, Казани и Одессе организуются востоковедные учебные и академические учреждения, где началось систематическое изучение языков, истории и культуры народов Востока. Неоднократно предпринимаемые до Петра и особенно при нем попытки создать школы переводчиков по различных языкам Востока, проекты Азиатской Академии и другие начинания не дали ощутимых результатов, и только в первые десятилетия XIX в. картина изменилась.

Антифеодальные и национально-освободительные восстания, вызванные Французской революцией, победа конституционного порядка и парламентских форм правления в ряде стран Европы в той или иной степени повлияли не только на страны Западной, но и Восточной Европы. В известной мере были восприняты в России и взгляды французских энциклопедистов и европейских утопистов. Освободительное движение в России выдвинуло замечательных мыслителей: Новикова, Радищева, а позже Белинского и Герцена.

Активная колониальная политика России, территориальные захваты на Востоке остро поставили проблему не только управления новыми колониями, но и освоения их в экономическом и военно-стратегическом отношении.

Интересно отметить такую особенность в истории войн России в этот период. Если на европейском театре военных действий политика русского царизма имела как успехи, так и поражения, то на Востоке с начала и до конца XIX столетия русское оружие не знало поражений. Даже в неудачную Крымскую (Восточную)

войну русская армия одерживала победы и далеко продвинулась вперед, за русско-турецкую границу. Назовем еще одну особенность. Фактически после наполеоновских войн и до первой мировой войны основным театром военных действий России был Восток. Балканские войны, которые страна вела в XIX столетии, были направлены против Османской империи, бо́льшая часть территории которой размещалась вне границ Европы.

Разложение помещичье-крепостнического строя, вызревание буржуазных отношений, хозяйственные требования, рост международных связей, активная политика на Востоке, задачи колониальной политики — все это вызвало необходимость реорганизации Академии наук и всей системы образования в стране.

В условиях феодального и к тому же самодержавного государства приход к власти нового правителя сопровождался, как правило, теми или иными изменениями в политике, сменой отдельных фаворитов, а также круга лиц в придворном окружении. Само насильственное устранение от власти Павла I в 1801 г. отражало недовольство дворянства внешней политикой царя, офицерства — реакционными реформами в армии, а в целом — недовольство и тех и других чрезмерной централизацией сложной и недостаточно эффективной государственно-бюрократической машины. Смена монарха повлекла за собой ряд законодательных преобразований, коснувшихся, в частности, всей системы народного образования, а также высшей школы и научных учреждений.

Царским манифестом 1802 г. в России по примеру европейских государств учреждаются министерства, в том числе народного просвещения, иностранных дел, внутренних дел. (Здесь перечислены только те министерства, деятельность которых непосредственно связана с интересующей нас тематикой.)

Создание такого востоковедного учреждения, как Азиатский музей Академии наук, а также создание кафедр восточных языков в университетах, введение преподавания восточных языков в некоторых институтах и лицеях — все это совпало с периодом расширения и изменения системы образования в России. В начале века правительство утвердило новое положение об устройстве учебных заведений. Теперь вся страна делилась на определенное количество учебных округов, в каждом из которых учебные заведения были разбиты на разряды — от приходских школ до университетов. Университеты мыслились как центры образования и руководства учебным делом соответствующего учебного округа.

«5 ноября 1804 г. был издан первый общий устав русских университетов, именно преобразованного Московского и вновь учрежденных Харьковского и Казанского»[1]. К этому времени в России существовали университеты: Московский, основанный в 1755 г., Дерптский[2] (1802) и Виленский[3] (1803). Предполагалось создать университеты также в Петербурге, Казани и Харькове.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В МОСКВЕ. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Именно в старейшем русском университете страны — Московском — еще в 50-х годах XVIII в. было положено начало преподаванию восточных языков. В 1756 г. сюда был приглашен уроженец Венгрии, воспитанник, а затем доктор философии Тюбингенского университета Йоганн Маттиас Шаден. Более 40 лет имя Шадена связано с Московским университетом и университетской гимназией, но о деятельности его как востоковеда говорится в исследованиях предположительно. Вероятно, он преподавал еврейский язык.

«По-видимому,— пишет А. А. Стариков,— Шаден был хорошим лектором и организатором, оставившим добрую память среди своих многочисленных учеников, в числе которых мы видим Карамзина, Фонвизина, Муравьева (будущего куратора Московского университета). Для нас сейчас интересны в первую очередь востоковедческие познания Шадена и его педагогическая работа в этой области. К сожалению, о последней мы не имеем почти никаких сведений» [4].

Теми же словами можно сказать и о востоковедческой деятельности Ивана Рехта и М. Г. Гаврилова [5], преподававших в Московском университете.

Исследователи истории науки связывают становление востоковедения в Московском университете с именем А. В. Болдырева, начало преподавательской деятельности которого приходится на осень 1811 г.

А. В. Болдырев по окончании университетской гимназии продолжал образование в Московском университете, сначала на юридическом, а затем на философском факультете. Успехи молодого «кандидата новейшей литературы», а годом позже (1806) «магистра философии и свободных наук» способствовали тому, что его посылают для изучения восточных языков за границу за счет университета. Болдырев учится в Германии (Гёттинген), а затем во Франции. «Особенно ценным было его пребывание в Париже, в школе крупнейшего арабиста и ираниста Сильвестра де Саси» [6].

В 1811 г. Болдырев — адъюнкт кафедры восточных языков, через четыре года — экстраординарный профессор, еще через три года — ординарный профессор и, наконец, в 1832 г. — декан словесного отделения, а с 9 июня 1833 г. — ректор Московского университета.

Болдырев был не только прекрасным преподавателем, но и автором ряда учебных пособий и переводов. По справедливому определению видного советского исследователя истории отечественного востоковедения Бориса Моисеевича Данцига, он был одним «из основателей школы русских востоковедов» [7].

А. В. Болдырев оставил после себя ряд учеников: Л. З. Будагова, Н. Г. Коноплева, М. А. Коркунова [8], П. Я. Петрова (см.

ниже); подготовил несколько учебных пособий, которые намного пережили их автора. И. Ю. Крачковский дает самую лестную оценку арабской хрестоматии Болдырева. Он писал, что это «пособие считалось достижением науки того времени и в двух изданиях разошлось, без преувеличения, по всей России»[9].

Помимо арабской Болдырев выпускает «Персидскую хрестоматию» в двух частях, которой пользовались во всех учебных заведениях страны при изучении персидского языка. Автор подготовил новое, второе издание той же хрестоматии, увидевшее свет в 1833—1834 гг. Эта хрестоматия была единственным пособием вплоть до публикации «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гаффарова, т. е. до начала XX столетия. А. В. Болдырев принимал участие в создании в университетской библиотеке фонда восточных книг.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность видного ученого внезапно прервалась в 1836 г., после появления в печати «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Болдырев был арестован (как ректор университета он являлся членом Московского цензурного комитета и цензором периодических изданий университетского округа); после годичного тюремного заключения его исключили из числа преподавателей Московского университета и с «волчьим билетом» уволили в отставку без пенсии.

Судьба А. В. Болдырева отрицательно сказалась и на развитии востоковедения в Московском университете. Многие годы после Болдырева кафедра восточных языков остается вакантной, а позже университетское востоковедение покоится на прокрустовом ложе внештатного регламента, необязательного для студентов расписания занятий.

Центр московского востоковедения при сложившихся в университете неблагоприятных условиях перемещается в основанный в 1815 г. ЛИВЯ. Но это ни в коем случае не означает, что Московский университет полностью утратил свое значение в развитии востоковедения.

С 1852 по 1857 г. в Московском университете ведет занятия Павел Яковлевич Петров (1814—1875), интересный человек, друг В. Г. Белинского, знаток большого числа языков, профессор, чьи потенциальные возможности как ученого не были полностью реализованы. Правы те деятели отечественной науки, которые воздают должное Петрову, отмечая его роль в образовании и формировании таких ученых, как Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, Ф. Ф. Фортунатов. Несомненно, что в становление московской школы языкознания Петров внес определенный вклад как преподаватель санскрита, арабского, еврейского и персидского языков.

Начиная со второй половины XIX в. наибольшие успехи московской школы отечественного востоковедения связаны с ЛИВЯ; институт возник как частное учебное заведение, программа которого не укладывалась в рамки обычных гимназий своего времени.

В связи с тем что становление Лазаревского института как специального высшего востоковедного учебного заведения относится к более позднему периоду (с конца 40-х годов), его история излагается во втором томе данного исследования.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ДЕРПТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Дерптский университет был открыт в апреле 1802 г. и предназначался для подготовки духовных лиц евангелического вероисповедания. В нем был учрежден богословский факультет с четырьмя кафедрами.

На одной из них, кафедре экзегетического богословия, преподавались восточные языки. Таким образом, профессор экзегетики был в то же время и профессором еврейского, сирийского и халдейского языков [10]. Эти языки не составляли самостоятельного предмета, и преподавались как дополнение при изучении богословия.

Изучение восточных языков в Дерптском университете протекало при благоприятных условиях, так как на кафедру экзегетики приглашались крупные ученые, которые в основном оказывались больше ориенталистами, чем богословами.

Вскоре в круг восточных языков был введен арабский [11].

Кафедру экзегетики со времени открытия университета и по 1820 г. возглавлял известный немецкий ориенталист Вильгельм Фридрих Гецель (1754—1824), ранее преподававший в Гессене. Гецель на своих занятиях отдавал предпочтение не богословским наукам, а языкам народов Востока — арабскому, еврейскому, сирийскому. Вскоре, в 1813 г., его вообще отстранили от преподавания богословия, ибо «его мысли в области экзегетики были признаны вольнодумными» [12]. Гецель-лингвист известен как автор работ по грамматике языков восточных (арабского, еврейского, сирийского) и классических. Помимо этого его перу принадлежат работы по нумизматике и арабской поэзии.

С выходом Гецеля в отставку в 1820 г. преподавателем восточных языков стал Самуил Готлиб Генци (Гензиус; 1794—1829). Генци, человек разносторонних научных интересов, занимался философией, богословием, историей и восточными языками — арабским, персидским, санскритом. Свои знания в арабистике он совершенствовал под руководством уже упоминавшегося Сильвестра де Саси, а в санскрите — Шези. Как и его предшественник, Генци был, по признанию исследователей, больше ориенталистом, чем богословом. Темой его докторской диссертации (Геттинген, 1820) была арабистика. В Дерптском университете С.-Г. Генци вел занятия по арабскому и другим традиционным для экзегетики восточным языкам. Среди его востоковедных публикаций обращает на себя внимание арабская хрестоматия (1828), материалом для которой послужили извлечения из арабских рукописей парижских хранилищ.

В 1829 г. на вакантную кафедру был приглашен из Берлина Адольф Фридрих Клейнерт (1802—1834). Он также преподавал арабский, еврейский, сирийский и халдейский языки. Его пятилетнее пребывание в Дерпте отмечено важным фактом: впервые в истории кафедры экзегетики здесь помимо семитских языков и санскрита начали преподавать персидский.

После смерти А.-Ф. Клейнерта в 1834 г. кафедра оставалась вакантной в течение нескольких лет, и только в 1838 г. ее занял воспитанник Дерптского и Берлинского университетов Карл Фридрих Кейль. В течение 20 лет (по 1858 г.) проф. К.-Ф. Кейль вел курс по экзегетике, а также преподавал арабский, сирийский, халдейский языки и санскрит.

Из числа востоковедов — выпускников Дерптского университета — обращает на себя внимание Роберт Христианович Ленц (1808—1836). По окончании университета Р. Х. Ленц в течение нескольких лет (1830—1833) изучал санскритский язык и литературу в Берлине и знакомился с рукописями по этой тематике в хранилищах Лондона, Оксфорда и Парижа. Многообещающий ученый, Ленц в марте 1836 г. начал курс санскритского языка и сравнительной филологии в Петербургском университете, но через несколько месяцев, в июле того же года, он скончался.

С Дерптским университетом связана жизнь нескольких поколений армянских студентов. Среди них «наиболее интересным является первое — сороковых-пятидесятых годов — поколение Абовяна, Назаряна, Р. Патканяна, Додохяна, К. Патканяна. Это была поистине плеяда молодых армянских просветителей и романтиков, переживавших эпоху „Sturm und Drang" в политическом и моральном пробуждении армянского народа» [13]. О педагогической и научной деятельности доктора армяно-персидско-турецкой словесности Степана Исаевича Назарянца и члена-корреспондента по разряду восточной словесности Керопе Петровича Патканова будет говориться в последующих главах.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

24 января 1803 г. был учрежден университет в Вильно — городе с многовековыми традициями преподавания восточных языков первоначально в католических учебных заведениях ордена иезуитов, а несколько позже — в Главной школе Великого княжества литовского.

Новый университет, основанный в западных областях империи, рассматривался правительством как центр просвещения огромного региона, включавшего восемь губерний (Виленскую, Минскую, Гродненскую, Могилевскую, Витебскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую) с населением почти 9 млн. Последующими правительственными актами определялись задачи университета, его структура, штаты. Университет состоял из четырех отделов-факультетов: физико-математического, медицинского,

моральных и политических наук, литературы и свободных (изящных) искусств. Пятым факультетом можно считать основанную в том же, 1803 г. при университете Главную духовную семинарию для подготовки католических и униатских священнослужителей (семинаристы слушали часть лекций в университете, сдавали зачеты и экзамены у университетских профессоров).

Непосредственно учебным процессом занимались кафедры, которых в начале XIX в. в Виленском университете было более 30. Часть из них имела прямое отношение к востоковедению. Прежде всего следует назвать кафедру Святого писания на факультете моральных и политических наук, где преподавались не только история церкви, комментарии к Библии, но и древнееврейский язык.

В 1803—1832 гг. древнееврейский вели С. Ф. Жуковский, В. Мюних, И. К. Гинтила. Особенно выделялся С. Ф. Жуковский (1782—1834). Он был большим знатоком гебраистики, а также греческого языка; хорошо знаком с литературой и историей античной Греции, Рима и Востока. С. Ф. Жуковский — автор учебников древнееврейского языка, изданных в Вильно в начале прошлого века [14]. Профессор И. К. Гинтила составил словарь древнееврейско-польского языка, который остался в рукописи.

По инициативе С. Ф. Жуковского и И. К. Гинтилы были введены арабский (с 1822 г.) и персидский (с 1826 г.) языки. На занятия по этим предметам допускались и семинаристы, и студенты других факультетов (в первую очередь факультета литературы и свободных искусств), желавшие глубже познать богатое наследие мира ислама.

Таким образом, в Виленском университете благодаря научной и педагогической деятельности ряда ученых, и особенно усилиям ученика С. Ф. Жуковского проф. М. К. Бобровского (1784—1848; преподавал в 1815—1817 и 1821—1824 гг. не только основы Святого писания, но и арабский язык и библейскую археологию), стал формироваться центр по изучению восточных языков и Востока вообще. Святое писание Бобровский рассматривал и как литературный, исторический и археологический источник, а не только как религиозно-догматический. И это понятно, ведь Бобровский — известный археолог, член Римской академии древностей, научных обществ Парижа, Лондона, Московского общества исследователей старины и др. — не раз совершал путешествия за границу, поддерживал личные контакты с такими видными учеными-филологами, как ориенталист Хаммер-Пургшталь, слависты И. Копитар, И. Добровский и др. [15].

Успехи в преподавании восточных языков и изучении памятников культуры Востока создавали условия для превращения Виленского университета в один из центров востоковедения России. Поэтому неудивительно, что в 1810 г. здесь планировалось открытие специальной кафедры восточных языков [16]. Позже возник еще один проект. В 1822 г. помощник библиотекаря и адъюнкт Виленского университета К. Контримас (1777—1836) вру-

чил куратору этого учебного заведения кн. А. Е. Чарторыскому меморандум, в котором предлагал в рамках университета создать специальный институт, где преподавались бы турецкий, персидский, армянский, татарский, монгольский и арабский языки [17]. Этот проект не возник на пустом месте. В университете уже преподавались древнееврейский, арабский и персидский языки; много места Востоку отводилось и в курсах других дисциплин; в первую очередь это относится к курсу всемирной истории.

Преподавание истории Востока связано с именем проф. Т. Хусажевского (1732—1807), который со времени основания университета и вплоть до 1805 г. руководил кафедрой всемирной истории. Хотя в то время, когда он преподавал, еще не были расшифрованы иероглифы Египта, клинопись Месопотамии и хеттов (историки располагали только археологическими памятниками греко-римского мира), его лекции о Птолемейском Египте, Селевкидской Сирии, Ассирии, Персии, Финикии были достаточно близки нашему пониманию истории. Об этом можно судить по отчету о работе Хусажевского в 1802/03 учебном году [18] и свидетельству его ученика, историка И. Лелевеля [19]. Хусажевский понимал историю как возможность «человеку познать жизнь прошлых поколений, способ очищения от ошибок прошлого, зла». История, по его словам, «должна служить миру». Преподавателям этого предмета следует помнить, что история есть отражение единого процесса совершенствования человеческого рода. История дает возможность познать обычаи, право, науку, ремесла, сельское хозяйство, торговлю и все другие достижения со времени основания первых государств Древнего Востока [20].

Самой крупной фигурой среди историков — преподавателей университета в начале XIX в. был Иоахим Лелевель (1786—1861), выпускник этого учебного заведения. В 1815—1817 и в 1822—1824 гг. он читал курс всемирной истории, в которой значительное место отводил Востоку, и объяснял прошлое человечества с научной точки зрения, о чем говорил уже в своей первой, вводной лекции: «Курс всемирной истории буду читать четыре раза в неделю с шести до семи после обеда. Буду говорить о исторической критике, которая указывает и объясняет способы, как из исторических источников можно познать историческую правду; об исторической этиологии, т. е. исследованиях и разъяснениях причин и следствий исторических событий; о историографии, которая указывает методы написания истории. После этого по своей рукописи буду преподавать всемирную историю, разъясняя обстоятельства и события, имеющие теснейшие отношение с состоянием народов в области гражданственности и политики, с всеобщим процессом прогресса...» [21]. Эти концепции отражены и в сохранившихся конспектах его лекций, а также в его учебниках истории, в которых обширно представлена история народов Египта, Леванта, Малой Азии, Индии, Китая и

других регионов Востока [22]. Историю Индии с древнейших времен он изложил в специальной монографии [23].

Начиная с 1825 г. и до закрытия университета всемирную историю преподавал П. Кукольник (1795--1884), но это был уже шаг назад по сравнению с преподаванием И. Лелевеля, не признававшего библейские легенды за неопровержимый источник истории.

Курс географии также предусматривал изучение старого и нового Востока.

В Виленском университете не было отдельной кафедры географии. Некоторые ее разделы преподавались вместе с физикой, другие — как часть курса истории. Окончательно закрепилось физико-математическое направление, основателем которого стал астроном, математик и философ Я. Снядецкий. В своем труде он дал оригинальный математический анализ земного шара, морей и атмосферы [24]. В трудах Лелевеля по географии много места отведено физической, экономической и политической географии Востока [25]; они не потеряли своего значения и до наших дней.

Сведения о материальной и духовной культуре Востока включались и в преподавание курсов архитектуры, рисования и живописи, музыки, танца.

Проект К. Контримаса организовать при университете специальный институт востоковедения был обоснован не только стремлением к познанию культурного наследия Востока, особенно в области архитектуры, но и тем, что в данном учебном заведении имелась довольно хорошая база. В виленской книжной коллекции (начала создаваться еще в 1570 г.) к 1800 г. имелось почти 9 тыс. книг; в 1831 г., после покупки частных книжных коллекций, эта цифра выросла до 60 тыс., причем теологическая литература составляла 20%, медицинская и по естествознанию — 15, труды по общественным наукам — столько же, художественная литература — 50% [26]. Среди всех этих книг было много редких (инкунабул, эльзевиров), в том числе непосредственно относящихся к востоковедению. Речь идет об учебниках, словарях, отчетах путешественников, трудах по истории и географии [27].

Некоторые из них были изданы в типографии Виленского университета, которую в конце XVI в. кн. М. Радзивилл подарил учебному заведению г. Вильно. В XVIII в. типография выросла в крупное предприятие, в одну из самых больших типографий в объединенном польско-литовском государстве. Она издавала и книги, относящиеся к Востоку (путевые заметки, учебники и др.), годичные календари, выпускала «Газету Виленьска» [28]. Как в календарях, так и в газете печаталось много информации о важных событиях в мире, в том числе и на Востоке, часто дополненной широкими историко-географическими и социально-политическими экскурсами.

Книги, как правило, издавались на латинском, польском, поз-

же — литовском и русском языках. Кроме того, обнаружены труды на арабском, татарском, персидском и других восточных языках. Это свидетельствует о том, что в Литве в XIX в. были люди, владевшие этими языками. То же можно сказать относительно XIII—XIV и особенно начала XV в., когда в канцелярии великих князей работали писари, умевшие составлять и читать документы, написанные на арабском, персидском и других восточных языках [29].

Рассматривая значение Виленского университета как одного из центров востоковедения Российской империи, следует обратить внимание на его связи с другими научными учреждениями.

Формы этих связей были различными. Прежде всего надо сказать об обмене преподавательского состава (в начале XIX в. в университете работали профессора из Рима, Вены, Геттингена, Пизы, Дармштадта и др.) и о научных командировках. В университетском статуте 1803 г. на эти цели предусматривалось ежегодно 30 тыс. руб. Так, для совершенствования своих знаний в области эстетики и восточных языков в 1817 г. в Вену ездил магистр М. Бобровский, а магистр философии К. Подчашинский отправился в Италию с целью ознакомиться с сокровищами «старого и нового мира». Всего в 1803—1832 гг. за границу выезжало более 50 человек.

Другой формой связи являлся обмен научными изданиями, программами и текстами лекций. Только в 1822 г. университет получил 40 иностранных периодических изданий, в том числе немецкие, французские и английские, где публиковались востоковедческие статьи, в частности по новейшим открытиям в дешифровке египетских и месопотамских памятников. Особенно успешно такой обмен велся с Московским, Харьковским, Дерптским и Казанским университетами.

Специальных научных и общественных организаций востоковедческого характера в университете не было, однако нет сомнений, что некоторые идеи восточной философии и атрибутики не были чужды масонам, которые в 1812 г. в Вильно открыли свою ложу. Такой вывод можно сделать на основании того, что масонам вообще близки мистические идеи, а в Виленскую ложу входили такие известные знатоки Востока, как профессора С. Жуковский, И. Рустем, Г. Гродек и др. Имеется предположение, что идея К. Контримаса, тоже члена масонской ложи, о создании специального института востоковедения принадлежала не только ему одному, но и другим масонам.

Из студенческих организаций Востоком интересовались члены созданного в 1817 г. под руководством И. Лелевеля общества «Филоматов» (*филоматы* — любящие знание), среди организаторов которого были поэт А. Мицкевич, Т. Зан, востоковед О. Петрашкевич и др. Идеей нового общества была проблема самовоспитания, морального совершенствования, самообразования. Но вскоре главной целью деятельности «Филоматов» стала задача подготовки себя к служению обществу, стремление к

«общественному благу». Идеи просветительства тесно переплетались у них с национально-освободительными устремлениями. Общество установило контакты с русскими дворянскими революционерами; в частности, М. Руткевич был одним из организаторов декабристского Союза военных друзей в Литовском корпусе.

Несколько позже, в 1820 г., в Виленском университете возникает еще одна тайная организация студентов — общество «Филаретов» (*филарет* — любящий добродетель). Президентом этого общества был филомат Т. Зан. «Филареты» были сравнительно широкой организацией, исповедовавшей идеи самосовершенствования и взаимной помощи. Программа «Филаретов» имела отчетливую национально-освободительную направленность.

В 1823—1824 гг. состоялся самый крупный в Европе политический студенческий процесс, после чего часть преподавателей и студентов понесли тяжелые наказания, многие из них были отправлены в ссылку. Обе тайные организации студентов были разгромлены.

За нелояльность к существующему строю, участие преподавателей и студентов в польском восстании 1830—1831 гг. Виленский университет в 1832 г. был закрыт. Это событие нанесло большой урон развитию общественной и научной мысли на территории Польши и Литвы и приостановило процесс становления востоковедения в этом регионе. Но полностью этот процесс остановить было невозможно: он продолжал развиваться в постуниверситетский период (1832—1844).

Традиции Виленского университета продолжали Медицинско-хирургическая академия (1832—1841) и Духовная академия (1833—1844), созданные на базе университета. Для темы нашего труда определенный интерес представляет деятельность Духовной академии, в составе которой действовал отдел подготовки священнослужителей для армянской колонии, католической по вероисповеданию. Среди десяти кафедр имелась кафедра Святого писания, где преподавался древнееврейский язык, читался курс библейской археологии и др.

Безусловно, о серьезной востоковедческой работе в постуниверситетский период говорить не приходится. Тем более что вместе с университетом были закрыты некоторые гимназии, где преподавались ориентальные дисциплины (часть всемирной истории и географии, древнееврейский, татарский и другие языки), и более 400 католических монастырей, где с конца XIV в. имелись школы для подготовки монахов-миссионеров, в том числе и для работы среди мусульманского населения; в этих последних изучались восточные языки. В другие университеты было вывезено большинство книг по Востоку из университетской, монастырских и других библиотек.

Закрытие Виленского университета лишило страну перспективного востоковедного центра. Университет в Вильно просуще-

ствовал недолго, но оставил заметный след в истории отечественного востоковедения благодаря высокой педагогической и научной деятельности его профессуры; отметим, выпускниками университета были Сенковский, О. М. Ковалевский, Мухлинский и др.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ НА УКРАИНЕ

Востоковедение на Украине всегда развивалось как составная и неотъемлемая часть российского востоковедения. Это целиком и полностью относится и к тому периоду, когда изучение ряда стран Азии и Африки ограничивалось знакомством с культурой и языками их народов, когда, говоря словами И. Ю. Крачковского, об этих народах «шло накопление некоторых обыкновенных практических сведений» [30].

Географические особенности и историческое развитие Киева, равно как и всей правобережной Украины, способствовали установлению в XVI—XVII вв. оживленных связей с народами и странами Востока. Это были дипломатические контакты и контакты по церковной линии. Так, в 1654 г. через территорию Украины пролегал путь в Москву антиохийского, сирийского, православного патриарха Макария; это путешествие описано его сыном Павлом Алеппским [31].

Росла торговля со странами Востока. В Киеве, несмотря на порой неблагоприятную международную обстановку, доставлялись разнообразные товары: оливковое масло, миндаль, рис, изюм, табак, шафран, пряности, сафьян, персидские ткани, лошади восточной породы, оружие из Стамбула, керамические и фаянсовые изделия из турецкого города Изника, парча из Бурсы, шерстяные ткани — «кастаманка» (из Кастоману) и «анбурская» («ангорская»), ковры из Ушака [32].

Через Киев, Фастов и Немиров шли к святым местам Палестины монахи Макарий и Селивестр, а из Нежина — черниговский иеромонах Ипполит Вышенский [33].

Наиболее поздним по времени да и, пожалуй, наиболее плодотворным по своим результатам явилось путешествие уроженца Печерской слободы г. Киева Василия Григорьевича Григоровича (Барского, Плаки, Альбова; 1701—1747) по дорогам Европы, Азии, Северной Африки, зачастую еще не изведанным. Проведя почти четверть столетия — более половины своей жизни — в дальних странствиях, Барский оставил потомкам четыре тома своих дорожных записок. По свидетельству современников, с детских лет он был «любопытен ко всяким наукам и художествам и имел охоту видеть чужие страны» [34].

20 июля 1723 г. Барский отправился из Киева во Львов для лечения. Впоследствии, преодолев пешком обширные расстояния и миновав территории Словакии, Венгрии, Австрии, он вышел к Италии, где посетил множество городов на севере и юге страны. Затем маршрут его путешествий в Палестину, Египет,

Сирию, Ливан и Турцию пролегал через острова Корфу, Хиос, Родос, Патмос, Крит, Кипр и ряд греческих городов (в некоторых местах он бывал не один раз). Палестину он обошел, что называется, вдоль и поперек. Более восьми месяцев находился в Каире, будучи гостем александрийского патриарха. Посетил Синайский полуостров. В течение пяти лет преподавал в православном училище г. Триполи в Ливане. В Антиохии постригся в монахи. В результате всех этих поездок в совершенстве изучил греческий язык, мог свободно изъясняться по-арабски, понимал по-турецки.

В 1735—1739 гг. (в это время шла война Османской империи с Россией и Австрией) Барский, находясь на о-ве Патмос, встречался с настоятелем церкви при русском посольстве в Стамбуле, своим земляком иеромонахом Константином, служившим ранее в Киево-Софийском монастыре. В Стамбуле Барского принимал русский резидент (посол) А. А. Вешняков, снабдивший его паспортом и специальным султанским фирманом, который предоставлял возможность беспрепятственно передвигаться по территории Османской империи.

За время своего почти полугодового пребывания в турецкой столице Барский знакомился с городом. Его интересовали и древние здания, и обычаи народа. Из Стамбула он отправился в малоазийский город Эфес на побережье Эгейского моря «созерцания ради знаменитых зданий ветхих». Не раз Барский посещал Афон и подробно изучал богатейшие исторические источники его библиотек. На о-ве Хиос он встретился с находившимися там в заключении русскими невольниками и пообещал сделать все от него зависящее для их освобождения [35].

В 1747 г. Барский, вновь находясь в Стамбуле, был вынужден, однако, покинуть его из-за возникших разногласий с новым русским резидентом А. И. Неплюевым. Через Болгарию, Румынию и Польшу он возвратился в Киев 5 сентября 1747 г. Будучи в Бухаресте, он получил письмо от руководства киевско-подольских школ с приглашением возглавить кафедру греческого языка. Однако его надеждам не суждено было сбыться: через месяц после своего возвращения, 7 октября, он скончался [36].

Характеризуя дорожные записки В. Г. Григоровича-Барского, следует сказать, что скрупулезное, обстоятельное изложение его личных наблюдений сделало это произведение в свое время ценным источником изучения истории, этнографии, природы и экономики средиземноморских, ближневосточных и балканских стран. Автор, например, описывает Дамаск («во всей вселенной есть знаменит, велик — и многолюден, садов имеет бесчисленное множество»), его роскошные храмы, многие из которых, построенные как христианские церкви, были обращены завоевателями в мечети. Он отмечает завидное долголетие ливанского кедра, возраст которого исчисляется столетиями, а порой даже тысячелетиями. Указывая на оживленный характер торговли по Нилу и способствующее этому обилие плодов вечнозеленых субтропи-

ческих культур, путешественник писал при этом о нехватке отопительных средств. Его интересовало многое: и особенности жилищ местных жителей (главным образом арабов), и потребляемая ими пища, их одежда, обычаи. Естественно, он обратил внимание на то, что подавляющее большинство жителей «скитаются в худых и изодранных одеяниях, живут в нищете, а улицы городов Востока отличаются скученностью и полны нечистот» [37].

Киево-могилянская академия

Немаловажную роль в деле более или менее систематического изучения народов зарубежных, в том числе и восточных, стран сыграл основанный в 30-х годах XVII в. Киевский коллегиум, преобразованный впоследствии в высшее учебное заведение — Киевскую академию. Его плодотворная деятельность, связанная с именами таких крупных представителей общественно-политической и философской мысли того времени, как Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский, Феодосий Сафонович, Стефан Яворский и др., в значительной степени способствовала мобилизации общественного мнения на борьбу против непрекращавшихся захватов со стороны султанской Турции и Крымского ханства. В связи с этим следует отметить полемические трактаты ректора коллегиума в 1657—1665 гг. И. Галятовского «Лебедь» и «Алькоран магометанский» (изд. соответственно: Новгород-Северский, 1679; Чернигов, 1683), в которых острой критике подвергались основные догматы ислама, освящавшие и кровопролитные войны, и насильственное обращение в чужую веру, и жестокое обращение с женщиной [38].

Наряду с преподаванием латинского, греческого, польского и старославянского языков в 1738 г. в Киевской академии вводится изучение древнееврейского. Его преподавателем стал воспитанник академии, впоследствии видный ученый-лингвист Симон Тодорский (1700—1754), который обучался восточным языкам, в том числе и арабскому, у известного немецкого ориенталиста-семитолога проф. Генриха Михаэлиса. По свидетельству современников, в наследии Тодорского сохранилась весьма любопытная рукопись Корана, распространенная в конце XVII в. среди литовских татар и содержавшая тексты перевода его отдельных частей на белорусский язык. Преемником Тодоровского в академии были Константин Крыжановский и Варлаам Лашевский [39].

Факты свидетельствуют о том, что еще в середине XVII в. велась переписка между профессором тогда еще Киевского коллегиума Стефаном Почаским и ученым константинопольским Ф. Коридалом. Последний присылал свои научные труды на рецензирование в Киев [40].

Из выпускников академии, проявивших особый интерес к

изучению Востока, следует назвать знаменитого философа Г. С. Сковороду, упомянутого В. Григоровича-Барского, уроженца о-ва Крит иеромонаха Константина, ставшего впоследствии константинопольским патриархом, и др. В академии обучались также выходцы из балканских стран (Болгарии, Греции, Сербии, Хорватии, Черногории, Далмации, Валахии) и некоторых арабских стран, входивших в состав Османской империи. В октябре—декабре 1734 г. здесь прослушал академический курс философии М. В. Ломоносов.

В той или иной степени к Востоку имели отношение такие воспитанники академии, как Максим Берлинский, который читал там же курс всеобщей истории, и доктор медицины, почетный член 12 зарубежных академий Данило Самойлович, один из основоположников отечественной эпидемиологии, много сделавший для борьбы с чумой, в частности, в ряде восточных стран. Необходимо упомянуть также А. Я. Италинского. По профессии врач, он служил на дипломатическом поприще. Проведя продолжительное время в Стамбуле и изучив турецкий и арабский языки, он уделял большое внимание собиранию уникальных восточных рукописей, коллекция которых была передана впоследствии в Азиатский департамент МИД. Италинский известен и как исследователь восточных терминов и наименований в «Слове о полку Игореве». В типографии Киево-Печерской лавры выходили в свет книги, авторами которых были профессора и выпускники академии, например: «Таврия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма», «Краткое историческое известие о Киеве» [41]. Издания получили широкое распространение в ряде балканских стран.

Киевский университет

Университет в Киеве был основан в 1834 г., через два года после закрытия Виленского, и должен был заменить последний как университетский центр огромного по территории и большого по численности населения учебного округа западных губерний страны. Новый университет унаследовал от Киевской академии (которая просуществовала до 1817 г.) востоковедные традиции. Среди 44,5 тыс. книг, которыми вначале располагала университетская библиотека, было немало трудов на восточных языках. Нумизматический кабинет насчитывал множество старинных монет государств Востока.

Под руководством первого ректора университета, проф. М. А. Максимовича, была учреждена Временная комиссия для разбора древних актов, в состав которой вошли историки Н. И. Костомаров, В. Ф. Цых, поэт и художник Т. Г. Шевченко, назначенный в феврале 1847 г. преподавателем рисования Киевского университета. В течение 1845—1859 гг. комиссией было подготовлено и выпущено в свет четыре тома «Памятников» —

документального издания, включавшего сведения об основных исторических событиях в жизни украинского народа в XVI—XVIII вв., отразившего различные стороны его историко-культурных связей с народами зарубежных стран, в том числе и со странами Востока. Профессор всемирной истории Киевского университета А. И. Ставровский возглавлял одно время нумизматический кабинет. Уже тогда появились первые научные работы, относящиеся к восточной тематике: «О сравнительном изучении языков в разные эпохи», «Бедственное состояние христианства на Востоке», «О древних христианских жителях Египта», «О колониях и торговле финикиян», «Последствия покорения Византийской империи турками для Европы в политическом отношении», «История торговли неграми» и др. [42].

Созданная впоследствии, в начале 60-х годов XIX в., на историко-филологическом факультете кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков продолжила востоковедные традиции, возникшие еще в начальный период деятельности университета [43].

Особый интерес представляет собой обращение Т. Г. Шевченко к теме Востока, занявшей заметное место как в его поэтических сочинениях, так и в произведениях живописи. В них нашли отражение не только определенные исторические периоды борьбы с чужеземными завоевателями, покушавшимися на российские и украинские земли, но и мотивы солидарности с борьбой народов Востока за свое социальное и национальное освобождение [44]. Находясь в ссылке, Т. Г. Шевченко в 1848—1849 гг. участвовал в двух научных гидрографических экспедициях по Аральскому морю на шхуне «Константин» под началом капитан-лейтенанта А. И. Бутакова (впоследствии контр-адмирала, известного ученого-гидрографа). К этому времени относятся его известные зарисовки: «На берегу Аральского моря», «Заливы Аральского моря», «Шхуны около форта Кос-Арал», «Пристань на реке Сыр-Дарья», «Экспедиционный лагерь», «Караван в степи», «Казахская стоянка на Кос-Арале», «Казахи возле огня», «Казах на коне», «Казашка-ткачиха», «Казахский мальчик» и др. [45].

Харьковский университет

Научное изучение Востока в Харькове, этом крупном экономическом и культурном центре Украины, следует связывать с основанным в 1722 г. местным коллегиумом. Вполне допустимо, что в его создании немаловажную роль сыграл живший в Харькове в 1711—1713 гг. Дмитрий Кантемир, молдавский господарь, сподвижник Петра I, известный просветитель, автор большого научного труда «Возвышение и падение дома Османов». Харьковский коллегиум располагал определенным количеством книг по ориенталистике, среди которых следует назвать: перевод тек-

ста «Отче наш» на 100 языков и более, в том числе на армянский, грузинский, арабский, халдейский, древнееврейский, эфиопский, персидский, татарский, турецкий, китайский, японский; турецко-арабско-персидский словарь в двух томах (Вена, 1675); словарь семи языков в двух томах, составленный Эдмундом Кастелло (Лондон, 1660—1669); латино-турецко-арабско-персидский словарь; грамматика турецкого языка (Вена, 1680); географический атлас всех частей света (Берлин, 1753); «Обзор событий восточной истории от сотворения мира» (Франкфурт-на-Майне, 1587); «Восточная хроника» (Париж, 1651); книги по философии Индии и Китая [46].

Почти десятилетие (1759—1769), но с перерывами в коллегиуме работал в должности преподавателя латинского и классического греческого языков и этики известный философ и просветитель Г. С. Сковорода (1722—1794). Феноменальная эрудиция позволила ему получить достаточно ясное представление о целом ряде стран древнего Востока (Египте, Вавилоне, Палестине, Китае, Индии). Он изучал древнееврейский язык, писал философские трактаты, используя библейские сюжеты, поддерживал контакты с руководителем русской духовной миссии в Китае епископом Гервасием Линцевским [47]. Для большей образности он порой употреблял восточные географические названия. Например: «И нет смертоноснее для общества язвы, как суеверие... оно загладило (?) Иерусалим, разорило Царьград...» или «От лести мое сердце не менее далеко, чем Китай от Португалии» [48].

Подвижническая деятельность Григория Сковороды сыграла существенную роль в развитии отечественного востоковедения. Примечательно, что в дар вновь созданному университету известный русский адмирал П. В. Чичагов преподнес огромную нумизматическую коллекцию, содержавшую большое количество восточных монет [49].

По первому общему уставу русских университетов, принятому 5 ноября 1804 г., в этих высших учебных заведениях предусматривалось создание четырех отделений: 1) нравственных и политических наук; 2) физических и математических наук; 3) медицинских наук; 4) словесных наук с кафедрами: а) красноречия, стихотворства и языка российского; б) греческого языка и словесности греческой, в) древностей и языка латинского, г) всемирной истории, статистики и географии, д) истории, статистики и географии Российского государства, е) восточных языков [50].

Первым высшим учебным заведением, где уже в 1805 г. была открыта кафедра восточных языков, стал Харьковский университет. Здесь в течение года (1805/06) местный пастор И.-Г. Баренд «читал в звании адъюнкта на латинском языке начала еврейского языка и филологию восточных языков».

И вот этот факт преподавания восточных языков в течение короткого срока, совершенно недостаточного для изучения «еврейского языка и филологии восточных языков», послужил для

В. В. Бартольда основанием признать Барендта «первым в России университетским профессором востоковедения» [51]. Добавим: формально и без достаточно серьезных оснований.

После Барендта кафедра восточных языков более 20 лет оставалась вакантной, хотя и предпринимались отдельные меры для оживления научной и издательской востоковедческой деятельности в университете. К их числу следует отнести решение руководства университета от 1811 г. о необходимости преподавания на словесном факультете китайского (маньчжурского) языка, что было связано с той «большой пользой», как отмечалось в постановлении Совета словесного факультета, которую может принести изучение этого языка для политических и торговых связей России с восточными народами.

В 1816 г. в университетской типографии была издана книга заведующего кафедрой всемирной истории проф. А. А. Дегурова, содержащая интересный фактический материал о жизни ногайских татар, а в следующем, 1817 г. вышел в свет словарь иностранных слов с включенными в него широко распространенными словами из некоторых восточных языков. В 1824 г. появилась статья известного украинского писателя П. П. Гулак-Артемовского «О поэзии и красноречии на Востоке». Для нас он интересен и как переводчик с польского языка работы «Периоды или вехи мира по исчислению известнейших священных книг индийских». Открывая курс польского языка в университете в 1819 г., П. П. Гулак-Артемовский заметил, что необходимым в наших учебных заведениях считается изучение даже «некоторых мертвых восточных языков». Еще в 1812—1814 гг. университетом был приобретен «татарский шрифт с соответствующими украшениями, ударениями и цифрами» [52].

Колоритнейшей фигурой в истории востоковедения в Харьковском университете был Бернгард (или Борис Андреевич) Дорн (1805—1881), впоследствии академик Петербургской Академии наук. Выпускник Лейпцигского университета и способный ориенталист (уже в молодые годы он опубликовал ряд работ, посвященных Саади, арабскому куфическому письму, осуществил перевод с персидского на английский первой части «Истории афганцев» придворного историка Великих Моголов — Нийаметуллага), он по рекомендации известного петербургского арабиста директора Азиатского музея Х. Д. Френа в 1829 г. возглавил кафедру восточных языков в Харьковском университете.

В 1829—1833 гг. Дорн вел курсы арабского и персидского языков, причем чтение восточных текстов проводилось по арабской и персидской хрестоматиям известного ориенталиста, профессора Московского университета А. В. Болдырева (см. выше). Дорн преподавал также санскрит, древнееврейский и — впервые в России — эфиопский.

В Харькове Дорн завершил перевод «Истории афганцев» и опубликовал статью с текстами и переводами популярного афганского поэта XVII в. Абдуррахмана. В 1833 г. в Харькове уви-

дела свет его большая работа «О родственности языков славянских и санскритских». Кроме того, он осуществлял руководство нумизматическим кабинетом [53].

Тем не менее, по свидетельству историка и писателя Н. И. Костомарова, обучавшегося в 1833—1836 гг. в Харьковском университете, «Дорн при всех своих способностях едва ли мог вообще иметь большое влияние на студентов, читая по-латыни восточные языки» [54]. Все биографы Дорна отмечают, что ко времени отъезда его из Харькова он свободно владел русским языком. Об этом приходится говорить потому, что языковой барьер, несомненно, отрицательно сказывался на преподавательской деятельности иностранцев и соответственно на успехах их учеников.

В 1835 г. Дорн был переведен в Петербург для преподавания в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД. Тем самым кафедра восточных языков в Харьковском университете прекратила свое существование.

Свой вклад в востоковедную науку внес и известный этнограф и языковед-славист, профессор университета И. И. Срезневский (1812—1880), занимавшийся изучением древней Персии и Индии и опубликовавший труды: «Общие основания Зенд-Авесты» (1835) и «Сближение религии персидской с египетской» (1839).

Плодотворной была и деятельность (правда, недолгая) профессора университета историка М. М. Лунина (1807—1844). Не будучи востоковедом по специальности, он благодаря своей исключительно широкой эрудиции новаторски выступал при рассмотрении ряда вопросов, относящихся к истории Индии (ст. «Индия. Взгляд на жизнь индостанского народа»). Так, вопреки сложившемуся в тогдашней западноевропейской историографии мнению о «чистоте» арийской расы в Индии ученый аргументированно показал, что ни о какой чистоте не может быть и речи и что, наоборот, смешение рас является положительным фактором в историческом развитии этой великой азиатской страны. Крайне отрицательно относился Лунин и к сложившейся кастовой системе, к засилью жрецов и т. д. Он высказал оригинальные мысли относительно самобытности культуры народов Китая, Индии, Ирана (работа «Взгляд на историографию древнейших народов Востока»). Лекции М. М. Лунина пользовались большим успехом у студентов, а известный историк В. П. Бузескул впоследствии назвал его «харьковским Грановским».

Преемником Лунина на кафедре всемирной истории был его ученик А. П. Рославский-Петровский (1816—1870). В 1834 г. он окончил Нежинский лицей, а затем учился в Харьковском университете. Передовые взгляды на исторический процесс развития народов Востока нашли выражение в «Истории азиатских и африканских народов», «Очерках древней Индии» и в других его трудах.

Автор признавал приоритет экономического фактора, не-

избежность социальной дифференциации общества, необходимость для историка придерживаться определенной системы при рассмотрении множества событий, фактов и т. д. [55].

Ришельевский лицей в Одессе

Перспективным центром отечественного востоковедения стал район Северного Причерноморья, а именно возникшие здесь в конце XVIII в. города Одесса, Херсон, Николаев.

Географическая близость к региону Ближнего и Среднего Востока, исторически объяснимое расселение в Северном Причерноморье представителей народов этого региона, предметы материальной культуры — все это, естественно, содействовало развитию здесь интереса к ориенталистике. Существенная роль принадлежала и внешнеторговым связям. Заключенный 21 июня 1783 г. в Стамбуле первый в истории русско-турецкий торговый договор предусматривал разрешение российским подданным «совершенно свободно навигацию и торги свои осуществлять» во всех областях Османской империи «как сухопутным путем, так и в морях, водах и рекою Дунай» [56]. Хлеб, сахар, мед, уголь, нефть, различные ткани, предназначенные для многих стран Европы, Азии и Африки, экспортировались из черноморских портов России. В то же время предметами импорта из восточных стран были хлопок, шерсть, шелк, табак, рис, цитрусовые, фрукты [57]. Одесса получила статус порто-франко, т. е. города, имеющего право беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

7 января 1818 г. в Одессе был открыт Ришельевский лицей — учебное заведение, состоявшее из гимназии, педагогического института и пансиона. Согласно уставу 1837 г., лицей был приравнен к высшим учебным заведениям и в его состав вошли физико-математическое и юридическое отделения, а также Институт восточных языков (ИВЯ), который просуществовал до 1854 г. Учебной программой ИВЯ предусматривалось усвоение следующих предметов: истории (темы: азиатские народы, ассирийцы, Вавилонское царство, государства в Малой Азии, Персия, Палестина, монголы и турки, африканские народы: Египет, Карфаген); всеобщей географии (Азиатская Турция, Персия, Китай, Япония, Аравийский полуостров, Индия, Африка); истории коммерции (торговля и мореплавание греков, римлян, египтян, финикийцев, карфагенян, арабов, индийцев) [58].

При ИВЯ была создана библиотека, которая время от времени пополнялась. Среди книг библиотеки следует назвать арабскую и персидскую хрестоматии А. В. Болдырева, арабскую и персидскую грамматики, «Историю арабов», «Бахтияр-наме», латино-арабский словарь, книгу по истории монголо-тюрок и истории военных действий в Азиатской Турции (1828—1829) и др. Казанский университет прислал сюда редкие манускрипты на персидском и турецком языках [59].

В 1839 г. заведующий библиотекой проф. В. В. Григорьев был направлен по распоряжению попечителя Одесского учебного округа в командировку в Турцию на шесть недель для практического обучения турецкому языку в течение «летних вакаций». Однако главной целью поездки была покупка необходимых восточных книг на выделенную сумму — 500 руб, На 487 р. 85 к. в Турции для библиотеки ИВЯ были приобретены: летописи Наим-эфенди, Субхи, Иззета и Васифи, исторические сочинения Джевдет ал-Абрара и Джихана Нюма, книги «Гюлистан», «Маариф», «Меджнун ве Лейла», логика аль-Бургана, грамматика Кяфие и др.[60]. В. В. Григорьев до Ришельевского лицея работал в Петербургском университете, который он окончил, преподавателем персидского языка и одновременно состоял на службе Учебного отделения восточных языков при МИД. За отличный перевод с персидского языка на русский «Истории монголов» царь наградил его золотыми часами. Вместе с Григорьевым в ИВЯ, в том числе и в библиотеке, работали преподаватели восточных языков А. Шутов, Г. Кузьмин, Г. Кнорре[61].

Среди научных командировок, планировавшихся руководством Ришельевского лицея в те годы, следует назвать путешествие профессора натуральной истории Нордмана по восточному побережью Черного моря и южным отрогам Кавказского хребта с целью сбора редких минералов[62].

Благородством и самопожертвованием отмечена подвижническая деятельность на Востоке преподавателя арабского языка Ришельевского лицея, врача А. А. Рафаловича (1816—1856). Находясь в составе экспедиции в Турцию, Египет, Сирию, Палестину, Алжир и Тунис (1845—1848), посланной для изучения чумы и холеры, он много сделал для борьбы с этими особо опасными эпидемическими заболеваниями. Вместе с тем, обучившись арабскому и турецкому языкам, он собрал ценный материал, относящийся к этнографии, экономике, социальным условиям жизни народов Ближнего Востока и Северной Африки. Во время пребывания в Стамбуле и Измире Рафалович ознакомился с состоянием санитарно-врачебного дела, подготовил доклад о деятельности Стамбульской медико-хирургической школы[63].

Вот отрывки из его описаний местных жителей: «Египтяне — все почти весьма худощавы, худосочны и одержимы многими болезнями: лихорадками, дизентерией, воспалением глаз, накожными сыпями... Женщины и дети летом и зимою носят одну и ту же рубашку, которую переменяют только тогда, когда она совершенно обратилась в рубище. Печален вид деревень и большей части Дельты но еще несравненно печальнее состояние городов во всем Нижнем Египте...». А вот, что написано им о Палестине: «...население тощее, бледное, оборванное, состоящее... только из нищих, если судить по жадности, с которою они просят бакшиша и требуют милостыни. Бедность жителей действительно крайняя...»[64].

Наблюдения Рафаловича, нашедшие отражение в серии статей, опубликованных в «Журнале Министерства внутренних дел» (СПб., 1847), а также книга «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты А. Рафаловича» (СПб., 1850) получили высокую оценку в кругах научной общественности. И. Ю. Крачковский характеризовал книгу, которая «представляет во всей нашей литературе того времени явление исключительное», как ценнейший источник «для понимания многих сторон социально-экономической жизни Египта в ту эпоху» [65].

Что касается вопроса об укомплектовании ИВЯ, то, как свидетельствуют документы, число желающих изучать восточные языки намного превышало возможности самого Ришельевского лицея [66].

Значительное количество материалов востоковедческого характера находилось в те годы в ведении Одесского общества истории и древностей, основанного в 1839 г. Своей задачей Общество ставило изучение истории и археологии Северного Причерноморья и Приазовья, оно располагало богатейшей нумизматической коллекцией, музеями в Одессе и Феодосии, Чесменским курганом, крепостями в Аккермане и Судаке, архивом редких арабских рукописей, издавало свои «Записки» [67]. К числу указанных востоковедных материалов Общества следует отнести: «Журнал путешествия по Грузии и Армении (1816 г.)», «Краткую записку об археологической поездке на Кавказ (1848—1849 гг.), «Армянские надписи на древних памятниках, собранные Н. Мурзокевичем и К. де Вильневым и снабженные переводами Г. Айвазовского. Зарисовки тушью и карандашом», «Армянские надписи, находящиеся в Елисаветградском уезде в с. Каменоватом», «Дневник русской миссии, посланной в Бухару, со дня ее отъезда из Оренбурга 10 октября 1820 г.», статью «О некоторых особенностях египетского письма», «Грамоту турецкого султана Мустафы константинопольскому патриарху Серафиму (1757 г.)», «Описание пяти документов на турецком языке, принадлежащих Одесскому обществу истории и древностей» и др. [68].

Эти документы на турецком языке содержат, например, переписку сераскера (турецкого военного губернатора) Силистрии Селим-паши с наместником Бессарабского края генералом И. Н. Инзовым о принятии совместных мер против угрозы распространения чумы, благодарственное письмо турецкого торговца Салиха за полученное разрешение о перевозке через русскую границу двух пудов соли и т. п. [69].

Ознакомлению с народами и странами зарубежного Востока, несомненно, способствовало и учреждение в конце XVIII — начале XIX в. училища торгового мореплавания в Херсоне, а в Николаеве — штурманского училища и Черноморского гидрографического депо, в типографии которого изготовлялись карты морских акваторий, издавались описания берегов, проливов, бухт [70].

КАЗАНСКИЙ ЦЕНТР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Выбор Казани как центра учебного округа большого региона империи, включавшего несколько губерний, был достаточно обоснован. Казань к началу XIX в. являлась крупным экономическим центром, через который в больших масштабах осуществлялась транзитная торговля с восточными и юго-восточными окраинами России и пограничными с ними странами. Выгодное географическое положение города, расположенного на границе Европы и Азии, содействовало превращению Казани в центр, который «производит важный торг не только с Сибирью, Бухарой и Китаем». Более того, «даже некоторые купцы участвуют в „Американской компании", не говоря уже о ежедневно приходящих и отходящих из оного многочисленных обозах с разными товарами, идущих в Петербург, Астрахань, города сибирские и другие места» [71].

По университетскому уставу 1804 г. в Казанском университете предусматривалась кафедра восточных языков со штатом, включавшим профессора восточных языков и лектора (или учителя) татарского языка. Преподавание татарского языка в Казани имеет свою историю, традиции, особенности, и нам представляется необходимым напомнить читателю историю учебного заведения, в котором обучение татарскому языку началось еще в 1769 г.

Указом Екатерины II «от 1769 г. май 12 дня» казанскому губернатору предписывалось «учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того языка и определить учителем оного Старой и Новой в Казани татарских слобод депутата и тамошней Адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, которого пожаловав в переводчики с чином и жалованием против губернского переводчика, как его самого, так и детей его, исключа из податного оклада, дабы со своей стороны к обоим ему порученным должностям прилежание [имел] и дети его к изучению себя впредь годными к службе надежное ободрение иметь могли» [72].

Итак, как уже говорилось в предыдущей главе, первым средним (светским) учебным заведением России, в котором началось преподавание восточных языков (а именно татарского), была 1-я Казанская гимназия, а первым официально назначенным преподавателем татарского языка для русских стал переводчик Адмиралтейской конторы Сагит Хальфин (1732—1785) [73].

Хальфин был преподавателем татарского языка с 1769 по 1785 г. Преемниками его были сыновья Исхак и Исмаил, а затем внук Ибрагим (работал на этом поприще с 1800 по 1829 г.).

Для истории востоковедения представители этой фамилии интересны не только как преподаватели одного из восточных языков. Сагит Хальфин в 1785 г. закончил рукописный двухтомный «Русско-татарский словарь» на 25 тыс. слов. Татарские слова здесь написаны русскими и арабскими буквами. Как считает

известный советский турколог акад. А. Н. Кононов, «Русско-татарский словарь» Хальфина «является ценным памятником тюркской лексикографии в России» [74]. Внук Сагита Хальфина — Ибрагим помимо преподавательской деятельности известен и как автор «Азбуки и грамматики татарского языка с правилами арабского чтения» (Казань, 1809) и хрестоматии «Жизнь Чингизхана и Ансак Тимура» на татарском языке (Казань, 1822). По этим учебным пособиям татарскому языку обучались слушатели 1-й Казанской гимназии, учащиеся гимназий других городов России и студенты Казанского университета.

Класс татарского языка, основанный в 1-й Казанской гимназии в 1769 г., явился основой становления востоковедения в Казанском университете. Немалую роль сыграла и типография, основанная в 1800 г. при гимназии, где можно было печатать литературу на татарском, персидском и арабском языках.

Открытие кафедры восточных языков в Казанском университете состоялось в 1807 г., когда в Казань переехал рекомендованный О.-Г. Тихсеном его ученик Христиан Мартин (Христиан Данилович) Френ (1782—1851).

Х. Д. Френ получил востоковедное образование в университете родного города Ростока у крупного ориенталиста и нумизмата проф. О.-Г. Тихсена (1734—1815). Френ помимо Ростокского университета (1800—1803) слушал лекции в Геттингене и Тюбингене. Из Тюбингена он отправился в Бургдорф (Швейцария), где преподавал латинский язык в педагогическом институте Иоганна Генриха Песталоцци. Через два года Френ возвратился в Росток, где давал частные уроки. В эти же годы началась его научная деятельность (его первая работа вышла в 1804 г.), и вскоре он получил степень доктора богословия и философии. С большой охотой молодой ученый в 1807 г. согласился переехать в Казань, где был сразу же утвержден ординарным профессором Казанского университета по кафедре восточных языков.

В первой четверти XIX в. обучение в университете носило произвольный характер, поскольку разработанных учебных программ и планов по большинству предметов не было. Содержание курса в основном определяли сами профессора. 23 октября 1807 г. Френ представил в Совет университета проект преподавания, который должен был включать этимологию слов арабского языка и «объяснение арабских авторов» [75]. Это был первый план преподавания арабского языка. С тех пор в практику вошел порядок представления в Совет ежегодных планов учебных дисциплин.

Педагогической деятельности и воспитанию научных кадров Френ уделял недостаточно внимания. Метод его преподавания также не способствовал успешному изучению арабского языка [76]. После десятилетнего пребывания в Казани (1807—1817) он рекомендовал на свое место земляка из Германии Эрдмана.

Вместе с тем исторические условия местного края и богатст-

во источников оказались благоприятными для собственной научной деятельности Френа. Он серьезно занимался сбором материалов для своей дальнейшей работы. В 1811 г. он публикует объявление о приобретении древних рукописей на арабском языке, стихов и старых восточных монет [77].

Френ общался с казанскими учеными, особенно с Ибрагимом Хальфиным. Совершенствовал свои знания в арабском языке, изучал другие восточные языки. По определению И. Ю. Крачковского, здесь он превратился из «обычного на Западе семитолога-экзегета, каким приехал из Германии, в первоклассного арабиста» [78].

В Казани Френ начал составление полного словаря арабского языка, куда вписывал встреченные им в рукописях неизвестные арабские слова и обороты речи. Работа осталась неоконченной.

Научные работы Френа были посвящены главным образом золотоордынской и арабской нумизматике. В 1816 г. он подготовил монографию о монетах ханов Джучидов (или Золотой Орды), изданную затем в Петербурге в 1831 г.

Френ превратил любительское собирательство монет в науку, открыл для русской истории новый источник, при помощи которого впервые дал научную трактовку Золотой Орды и древнего Булгарского царства. На основании кропотливого изучения монет ученому удалось определить места чеканки, объяснить имена и титулы ханов, хронологическую последовательность династий. Работы Френа заложили основы восточной нумизматики в России.

Профессор Ф.-И. Эрдман (1793—1863), так же как и Френ, вел занятия на латинском и немецком языках. Он работал в университете в 1818—1845 гг. Как и у Френа, у Эрдмана не было достаточного числа слушателей. В отличие от Френа он больше внимания уделял персидскому языку, чем арабскому. Он вел курс лекций по истории иранского государства с древнейших времен до начала XIX в. Исследовательские работы Эрдмана были слабыми и поэтому постоянно подвергались критике со стороны как Совета университета, так и Академии наук. Он не был также сильным педагогом, особенно в области методики.

В 1845 г. Эрдман был вынужден оставить университет и перейти на административную работу. Ни Френ, ни Эрдман не были подготовлены к занятию кафедры восточных языков в Казанском университете. Об этом говорил и попечитель Казанского учебного округа. В его письме от 16 марта 1825 г. к министру народного просвещения читаем: «Мы, имея в своем распоряжении природных учителей для восточной словесности, особенно в Казани и Астрахани, и все возможные способы к приобретению неизвестных Европе рукописей, выписываем за дорогую цену учеников Саси из Парижа и делаем их профессорами той самой словесности, которой бы они у нас учиться долженствовали... Иностранцы, выучившиеся восточным языкам по книгам, не

только говорить или основательно учить — разбирать даже рукописи не могут» [79].

Проработав вместе более 35 лет в Казанском университете, ни Френ, ни Эрдман не оставили преемников.

Бросается в глаза разница в работе Френа до и после его переезда в 1818 г. в Петербург. Пройдя хорошую подготовку в Казани и приняв, видимо, в это время окончательное решение навсегда связать свою судьбу с Россией, он в петербургский период своей деятельности сыграл выдающуюся роль в российской науке.

После отъезда из Казани Френ интересовался учебной и научной деятельностью университета, через попечителя Казанского учебного округа получал ежегодные отчеты восточного отделения, каталоги, даже тексты лекций, читаемых на восточных кафедрах, планы путешествий. В свою очередь, академик (с 1817 г.) Френ снабжал университет новейшей литературой на восточных и западноевропейских языках, присылал казанским ученым необходимые рукописи из библиотек Петербурга, выделял для университетского Минц-кабинета часть экспонатов из Азиатского музея, основателем и директором которого являлся. Переписка Френа с казанскими востоковедами, его доброжелательные советы и наставления начинающим ученым свидетельствуют о его роли в тот период в подготовке кадров для Казанского университета.

В 1822 г. Совет университета нашел нужным ввести в Казанской гимназии преподавание арабского и персидского языков (напомним, татарский язык преподавался с 1769 г.), чтобы улучшить их изучение в университете, «которое,— как считал Н. И. Веселовский,— начало падать вследствие занятий кафедр этих языков иностранцами» [80].

В 1833 г. попечитель Казанского учебного округа, ввиду того что «выпускники должны быть определяемы при миссиях и консульствах наших, на Востоке находящихся, при начальниках губерний, заключающих в себе народы азиатские, при таможнях, лежащих по протяжении границ восточных и юго-восточных» [81], предписывал Совету университета «усилить изучение восточных языков» [82].

Новым университетским уставом 1835 г. было разрешено содержать 14 казеннокоштных студентов исключительно для обучения восточным языкам и ежегодно отпускать на содержание каждого 2 тыс. руб. серебром; кроме того, по окончании курса они обязаны были отслужить в течение шести лет в учреждениях «по усмотрению начальства». До устава 1835 г. профессора и преподаватели университета работали в 1-й Казанской гимназии без жалованья. Теперь они получили полное жалованье и «по гимназии» [83].

В 1840 г. Советом университета было составлено новое, «Особое положение» относительно преподавания восточных языков в 1-й Казанской гимназии: практическое изучение восточных

языков теперь полностью должно было происходить в гимназии, а более глубокое, теоретическое,— продолжаться в университете. Одновременно подчеркивалось, что при поступлении на восточный разряд университета преимущество отдавалось выпускникам 1-й Казанской гимназии, показавшим большие способности и желание в изучении восточных языков [84].

Утверждая «Особое положение», правительство прежде всего было заинтересовано в подготовке квалифицированных чиновников для соответствующих ведомств (т. е. преследовало практические цели изучения восточных языков). Одновременно начиная с 30-х годов XIX в. развивается и научное направление. 1-я Казанская гимназия становится базой для подготовки будущих студентов-востоковедов для университета. Изучение востоковедных дисциплин в университете и гимназии находилось в тесной связи между собой [85].

Только с 1800 по 1841 г. в 1-й Казанской гимназии обучалось восточным языкам, включая татарский, 296 человек [86].

В 1840 г. попечителем Казанского учебного округа сделано распоряжение, чтобы «воспитанники восточного разряда по выходе из университета, впредь до помещения их на должности, практически упражнялись в изученных языках — под наблюдением профессоров — с надзирателями 1-й Казанской гимназии, состоящими по большей части из «природных азиатцев»[87]. (Одиозное слово «надзиратель» в учебных заведениях означало «дежурный преподаватель во время внеклассных занятий».)

Министр народного просвещения 14 сентября 1835 г. утвердил положение, по которому «действительные студенты и кандидаты оставались в числе положенных по штату для усовершенствования в восточных языках по окончании академического курса еще на два года» [88].

Следует отметить увеличение количества студентов на восточном разряде. Если в 1827 и 1828 гг. был только 1 студент, а в 1830—1839 гг. число студентов колебалось от 7 до 18, то в 1840 г. их насчитывалось 22, в 1841 г. — 25, в 1842 г. — 24 человека [89].

И все же, хотя с 30-х годов и наблюдается рост студентов на восточном разряде, общее число их было невелико, если еще учесть, что по различным причинам далеко не все из них заканчивали полный курс обучения. Так, с 1842 по 1852 г. по разряду восточной словесности всего окончило университет 75 человек, т. е. в среднем 6—7 человек в год, а в 1849 г. — вообще лишь 1 студент [90].

В ректорство Н. И. Лобачевского (1827—1846) в университете предоставлялось право учиться «не только природным русским, но и инородцам, как-то: татарам, бурятам и другим» [91]. Сюда прибыл из Забайкалья бурят Дорджи Банзаров; сначала он окончил 1-ю Казанскую гимназию, а с 1842 по 1846 г. учился в университете. Банзаров показал незаурядные способности в науке. Вскоре после окончания университета он стал крупным

ученым-монголоведом. Его диссертация «О черной вере, или о шаманстве у монголов» и по настоящее время не потеряла своего научного значения.

За время своего существования, особенно после 30-х годов, восточный разряд подготовил немало ориенталистов и преподавателей восточной словесности. Его выпускниками являлись такие ученые-востоковеды, как монголоведы О. М. Ковалевский, В. И. Попов, Д. Банзаров, китаевед В. П. Васильев, тюрколог И. Н. Березин. Университетские преподаватели восточных языков сами в разное время окончили восточный разряд. Так, на преподавательской работе в университете были: Иван Жуков (с 1843 по 1847 г. преподавал арабский язык); Иван Иванов (преподавал арабско-персидскую словесность с 1845 по 1850 г.); Михаил Навроцкий (в 1847 г. преподаватель арабского языка); Григорий Гладышев (с 1849 по 1851 г. вел курс армянской словесности); Александр Смирнов (преподаватель арабско-персидской словесности).

Уставом 1835 г. вместо четырех отделений в Казанском университете были образованы три факультета: философский, юридический и врачебный. Философский факультет имел два отделения: словесное и физико-математическое. Словесное отделение, в свою очередь, состояло из двух разрядов: словесности общей и словесности восточной.

В 1839/40 учебном году в университете было всего 225 студентов, а на разряде восточной словесности — 23; из них на отделении арабско-персидских языков училось 12 человек, турецкого — 3, монгольского — 4, на отделении китайского — 4 студента [92].

11 мая 1837 г. в Казанском университете была открыта первая в России кафедра китайского языка и китайской словесности, преобразованная в 1844 г. в китайско-маньчжурскую [93]. Ординарным профессором на кафедру был определен архимандрит Даниил (Сивиллов, 1788—?), только что вернувшийся из Китая. Он хорошо знал китайский язык и имел богатое собрание китайских летописей. Он был первым в России профессором китайского языка и словесности. В университете Сивиллов читал лекции по китайским древностям, истории Китая (составленные по собственным записям и китайским пособиям), вел китайский язык и литературу [94]. Китайский язык преподавал по собственному методу, изложенному им в специальном «Конспекте для преподавания китайского языка» [95]. В 1840 г. Сивиллов представил Совету университета составленную им «Китайскую хрестоматию», которая университетом была отправлена на отзыв Н. Я. Бичурину. Эта первая в России хрестоматия по китайскому языку и китайской словесности получила высокую оценку.

Преемник Сивиллова — Осип Павлович Войцеховский (1793—1850) также составил несколько учебных пособий по китайскому и маньчжурскому языкам: «Учебные статьи для учащихся и начинающих учиться китайскому и маньчжурскому

языкам»; «Литературные статьи и выписки из лучших книг для практического упражнения в языках» и «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем еще не изложенные» [96].

Главной заслугой Войцеховского перед российским востоковедением является введение им преподавания в Казанском университете маньчжурского языка и словесности. Он был первым в России профессором-маньчжуристом. Политическую историю и литературу Китая и Маньчжурии Войцеховский излагал в основном «по собственному конспекту», утвержденному в сентябре 1844 г. Советом университета [97]. Кроме того, в Казани Войцеховский закончил составление трехъязычного «Китайско-маньчжурско-русского словаря» [98].

Так было положено начало китаистике и маньчжуристике в Казанском университете. Сивиллов и Войцеховский, прожившие по десять лет в Китае, превосходно знали китайский язык (разговорный и литературный), письменность и литературу. Их научная работа была направлена прежде всего на создание учебных пособий и словарей (оставшихся, к сожалению, в рукописях из-за отсутствия в России китайского шрифта). Одновременно они занимались переводческой деятельностью.

В 1842 г. открылась кафедра армянского языка. Руководил ею Назарянц Степан Исаевич (1814—1879). Он работал над историей армянской словесности [99]. Этой же проблеме была посвящена его магистерская диссертация «Обозрение истории Гайканской письменности в новейшия времена» [100] (в 1847 г. он был утвержден магистром). Одновременно Назарянц занимался персидской литературой и 1 мая 1849 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Рудаки, Дакики и Фирдауси» [101]. Назарянц подготовил к печати два учебника армянского разговорного языка: «Армянскую хрестоматию» и «Армянскую грамматику».

9 октября 1849 г. Назарянц был переведен в ЛИВЯ на должность профессора арабской и персидской словесности. Преподавание вместо него было возложено на старшего учителя 1-й Казанской гимназии Г. Гладышева (см. выше).

Большую роль сыграл тот факт, что почти 20 лет Казанский университет находился под управлением Н. И. Лобачевского, превратившего его в крупнейшее научно-учебное заведение.

Гордостью Казанского университета стала кафедра санскрита, учрежденная в августе 1842 г. [102]. Еще 30 октября 1841 г. Павел Яковлевич Петров (1814—1875) был назначен преподавателем санскритского языка в Казанском университете. Вначале из-за отсутствия кафедры он преподавал санскритский язык студентам монголо-татарской и китайской кафедр. Затем адъюнкт П. Я. Петров десять лет руководил кафедрой санскрита, единственной в то время в России.

В 1828 г. была реорганизована кафедра восточных языков. По распоряжению ректора Н. И. Лобачевского создаются две кафедры: арабско-персидская (Эрдман) и турецко-татарская

(Казем-Бек). В 1833 г. была учреждена кафедра монгольского языка (во главе с проф. О. Ковалевским), в 1837 г. — китайского языка (архимандрит Даниил), в 1842 г. — пятая — армянского языка (С. Назарянц) и шестая — кафедра санскрита (П. Петров).

Число студентов, обучавшихся на восточном разряде, колебалось, однако на долю двух первых кафедр — так называемых мусульманских языков — приходилось наибольшее количество слушателей.

Н. И. Лобачевский и профессорско-преподавательский состав восточного разряда прилагали немало усилий к тому, чтобы Казанский университет стал подлинным научным центром востоковедения. Кроме укрепления восточного разряда они неоднократно высказывали мысль о необходимости создания при университете института восточных языков, который явился бы научным центром для подготовки высококвалифицированных специалистов в области восточных языков.

В то время как в начале 30-х годов XIX в. преподавание восточных языков в Московском и Харьковском университетах прекратилось, Казанский университет оставался востоковедным центром (хотя здесь тоже время от времени ставился вопрос о свертывании востоковедения).

С 20-х годов XIX в. Совет университета для более глубокого изучения восточных языков, а также всестороннего знакомства с историей, культурой, бытом и нравами восточных народов организует научные путешествия по местному краю и в страны зарубежного Востока. Большими сторонниками научных командировок были ректор университета Н. И. Лобачевский и попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин. Такие командировки рассматривались ими как основа для подготовки научных кадров востоковедения из воспитанников университета.

25 мая 1828 г. два выпускника тогда еще единственной восточной арабско-персидской кафедры университета, О. Ковалевский и А. Попов, «по случаю предполагавшегося умножения кафедр восточных языков в Казанском университете» были направлены в Иркутск, к служащему там переводчиком монгольского языка статскому советнику А. В. Игумнову [103]. Длительная, четырехлетняя научная командировка предусматривала изучение языка у Игумнова и — в качестве практики — непосредственное общение с монгольским населением. После теоретических занятий с Игумновым Ковалевский и Попов начали посещать кочевья бурят, вступали в контакт с бурятскими ламами, совершенствуя свои знания в ходе личных встреч «с природными знатоками монгольского языка» [104].

В начале 1829 г. Ковалевский побывал в Урге — столице Монголии. После возвращения из Урги он представил в Совет университета «Путевые записки о своих впечатлениях и занятиях за границей». Решением отделения словесных наук «Записки» были напечатаны в «Казанском вестнике» [105]. Они были так-

же переведены на французский и немецкий языки и опубликованы в иностранных журналах.

В марте—июле 1829 г. Ковалевский и Попов совершили поездку в Забайкалье [106]. Важным событием для них была встреча с главой ламаистской церкви Восточной Сибири хамбо-ламой Данцзан Гаваном. Хамбо-лама предложил путешественникам поселиться в его монастыре и разрешил им присутствовать на богослужениях, беседовать с другими ламами, осмотреть остальные монастыри и их библиотеки, снять копии с нужных рукописей и ксилографов.

Результаты поездки в Ургу побудили Мусина-Пушкина и Лобачевского ходатайствовать о командировании Ковалевского в Пекин, куда он и был отправлен 30 августа 1830 г. вместе с XI духовной миссией. Попову было разрешено проводить миссию до Урги. Ковалевский прожил в Китае семь месяцев — зиму и весну 1830/31 г.

Главной целью поездок О. Ковалевского и А. Попова было изучение монгольского языка; кроме теории большое внимание рекомендовалось обратить на «настоящий выговор слов и отступления, которым подвергается разговорный язык». Поскольку оба путешественника получили в университете классическое образование по другим языкам, то они, предполагалось, сами в состоянии будут определить, «на что именно при изучении сих для них еще новых языков им надобно будет обратить особое внимание» [107].

Совет университета внимательно следил за деятельностью своих выпускников и регулярно получал отчеты Ковалевского [108], давая им новые указания и наставления.

В феврале 1829 г. проф. В. Л. Булыгин по поручению Совета университета составил дополнительное наставление (инструкцию) путешественникам по вопросам истории, географии и статистики. Перед Ковалевским и Поповым была поставлена задача всестороннего изучения Сибири и сопряженных с нею стран Азии. В другой инструкции, от 29 мая 1829 г., составленной проф. В. Бажановым для О. Ковалевского, отправляющегося в Пекин, содержались наказы по сбору исторических сведений, статистических данных, географии Китая, Монголии и Тибета, обращалось внимание на изучение вопросов, связанных с учебными заведениями и способами обучения китайцев. Предлагалось по возможности приобрести подлинные сочинения известных ученых о Монголии, Китае и Тибете, относящиеся к истории и литературе. Совет университета в сопроводительном письме к инструкции Бажанова разъяснял О. Ковалевскому, «что главнейшая цель, для которой Вы будете в качестве письмоводителя сопровождать пристава Пекинской духовной миссии, предполагается, чтобы Вы усовершенствовали себя в монгольском языке и приобрели основательные сведения о языке маньчжурском» [109], т. е. прочими, изложенными в инструкции вопросами он должен был заниматься только при наличии свободного времени.

Выполняя инструкцию, Ковалевский вел подробный дневник своих занятий и вносил в него свои наблюдения и замечания [110].

Обширное знакомство и дружеское общение с лицами разных сословий дали возможность Ковалевскому кроме усовершенствования в монгольском языке и приобретения «основательных сведений о маньчжурском» ознакомиться с государственным строем Китая, с историей и литературой китайцев, маньчжуров и монголов, собрать данные об их религии, нравах и обычаях, а также ценные печатные книги, рукописи и произведения искусства. Он приобрел большую коллекцию картин, китайские костюмы, предметы домашнего обихода, аксессуары культа, медные монеты, отчеканенные при разных династиях, образцы тканей, бумаги, туши, прописи [111].

Ковалевский занимался также изучением тибетского языка. «Все, что только возможно было приобрести в Пекине для истории монголов, Китая и Тибета, находится в моих руках. Буддизм, столь обширный, важный и достойный внимания ученых предмет, получил много новых объяснений из моих же материалов»,— писал Ковалевский в Совет университета [112].

Для университетской библиотеки он приобрел в Монголии и Китае 189 сочинений в 1433 томах, из них 48 — в рукописи [113]. В этом собрании находились книги (на монгольском, тибетском, маньчжурском и китайском языках) по вопросам религии, философии, истории, права. Главная ценность этой богатой коллекции — словари Ганчжур и Данчжур.

Университет приобрел новый кабинет редкостей, собранных в Китае, Монголии и Забайкальском крае.

Когда оба исследователя находились за Байкалом, близ Кяхты, в Иркутске они встретились с Н. Я. Бичуриным, основоположником русской китаистики. Бичурин одобрил их работу над монгольской грамматикой и словарями, посоветовал Ковалевскому составить «сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показания сродства их по происхождению и языку» [114].

В начале 1833 г. оба путешественника, успешно выполнив возложенные на них задания, возвратились в Казань и были вызваны в Петербург для проверки приобретенных ими познаний и представления отчетов в Академию наук. Результаты испытаний подтвердили богатые и разнообразные знания и обширный кругозор обоих исследователей. Они были назначены адъюнктами кафедры монгольской словесности и преподавали монгольский язык: Ковалевский — в Казанском университете, Попов — в 1-й Казанской гимназии.

25 июня 1833 г. в Казанском университете была учреждена первая в Европе кафедра монгольского языка. Заведующим кафедрой был назначен ординарный профессор О. М. Ковалевский, бессменно руководивший кафедрой до перевода в 1854 г. восточного разряда в Петербургский университет.

С 1835 г. монгольский язык на младших курсах университета

стал вести Попов, утвержденный экстраординарным профессором. Ковалевский занимался со студентами старших курсов, преподавал монгольский язык, читал «историю монголов по своим записям» и историю монгольской литературы.

О. М. Ковалевский и А. В. Попов были первыми профессорами из воспитанников восточного разряда Казанского университета.

В 1838 г. экстраординарный профессор монгольской словесности Попов в течение четырех месяцев находился в командировке в населенных калмыками местах — «в Астраханской, Саратовской губерниях и Кавказской области» — с целью изучения их образа жизни и сбора языкового материала. По возвращении он представил в Совет университета подробный отчет [115]. В результате этой поездки А. В. Поповым были составлены грамматика монголо-калмыцкого языка и толковый словарь.

Кафедра монгольского языка — третья восточная кафедра (после открытия в 1828 г. двух кафедр: арабско-персидского и турецко-татарского языков). Приходилось начинать почти на пустом месте: не было нужной учебной литературы, пособий, словарей. Это определило направление научной деятельности Ковалевского и Попова, равно как и всех востоковедов восточного разряда Казанского университета. Так, Ковалевский в 1835 г. издает «Краткую грамматику монгольского книжного языка» (работа над созданием этой грамматики началась еще во время научной поездки в Монголию и Пекин). Вторым учебным пособием, составленным Ковалевским, была знаменитая двухтомная «Монгольская хрестоматия», опубликованная в Казани в 1836—1837 гг. Издание «Хрестоматии» принадлежит университету. За этот труд автор был награжден Российской Академией наук полной Демидовской премией. «Хрестоматия» представляла собой ценность не только для учебных, но и для научных целей. Большое место в ней, особенно во втором томе, уделено истории ламаизма, сути догматики этой религии (материалы, как правило, были извлечены из новых ксилографов и рукописей, подборкой которых О. М. Ковалевский занимался в Забайкалье). Примечания автора к монгольским текстам — это целые статьи по различным вопросам, в том числе и по буддизму.

Ковалевский подготовил также третий и четвертый тома хрестоматии, но они не были изданы.

В основу его работы «Буддийская космогония» (Казань, 1837) положена ценная рукопись «Сущность всего необходимого». Опираясь на тибетские и монгольские источники, Ковалевский излагал суть представлений буддистов о космосе, земле, солнце, звездах, воде, воздухе, а также борьбе между духом и материей.

Одновременно с Ковалевским закончил работу над монгольской хрестоматией и Попов. Его работа, изданная в 1836 г. в типографии Казанского университета, называлась «Монгольская

хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку» и предназначалась для воспитанников 1-й Казанской гимназии.

Грамматика и хрестоматии Ковалевского и Попова быстро стали известны за пределами России. Французские ориенталисты Бюрнуф и Жюльен просили Казанский университет выслать им труды Ковалевского и вступили с ним в «постоянную ученую переписку» [116].

В 1839 г. О. М. Ковалевский был избран почетным членом Азиатского общества в Париже, а затем он получил от этого общества приглашение «заняться изданием монгольских текстов во Франции» [117]. Немецкие востоковеды приобрели 50 экземпляров учебников О. М. Ковалевского.

И монголо-русско-французский словарь О. М. Ковалевского, изданный в 1844 г. также в Казани, был отмечен Российской Академией наук полной Демидовской премией. Изучая монгольскую культуру, автор уделил большое внимание грамматическому строю монгольского языка. Во введении он писал о крупных изменениях в монгольском языке, происшедших после принятия буддизма, когда возникла потребность переводить священные буддийские книги на природный язык и выражения номада приспособлять к отвлеченным понятиям, известным до сего времени. Особо Ковалевский отмечал ценность тибетских словарей, тибетской литературы по буддизму — Ганчжур и Данчжур и их каталогов.

В 1847 г. Ковалевский сообщал Лобачевскому: в Берлинском университете «монгольский язык преподается по моим учебникам, в чем удостоверяют печатные каталоги лекций» [118].

Активно продолжал работать в области монголоведения и А. В. Попов. В 1847 г. он издал «Грамматику калмыкского языка» (Казань, 1847), в предисловии к которой не только писал об особенностях языкового строя калмыцкого языка, но касался также истории и религии калмыков.

Таким образом, благодаря научной и преподавательской деятельности этих профессоров Казанского университета в России была заложена основа научного монголоведения.

Министерство народного просвещения готовило проект трехгодичного путешествия по Востоку с целью «приготовления к занятию со временем в университете кафедр языков: арабского, персидского и турецко-татарского». Поездке предшествовала тщательная подготовка. В организации ее непосредственное участие приняли ректор университета Лобачевский, попечитель Казанского учебного округа Мусин-Пушкин, университетские преподаватели Казем-Бек, Эрдман, Ковалевский и Френ (теперь уже бывший профессор Казанского университета). Необходимо было наметить страны, определить цели и задачи путешествия. Еще в 1840 г. Мусин-Пушкин поручил Казем-Беку составить план путешествия по Востоку. 2 мая 1841 г. он был рассмотрен и одобрен на заседании первого отделения философского факультета [119]. Одновременно было принято решение, чтобы «маги-

стры» Диттель и Березин немедленно занялись «приготовлением себя к столь продолжительному путешествию». С июня того же года они должны были заниматься изучением сочинений по Востоку [120]. Попечитель просил Казем-Бека, как крупного специалиста по странам Востока, и Ковалевского оказать Диттелю и Березину всяческое содействие в подготовке к намечавшейся поездке.

Путешественникам предписывалось составить подробный путевой дневник «своих занятий и наблюдений». План путешествия предусматривал место и время пребывания магистров и задачи их научной деятельности. Оно начиналось в Астрахани. Два с половиной года из трех лет они должны были провести за границей: посетить Иран, Сирию, Палестину, Египет и, наконец, Турцию. Такая последовательность посещения стран Ближнего Востока диктовалась необходимостью предварительного усовершенствования знаний по персидскому и арабскому языкам. Путешественникам предписывалось обратить внимание и на исторические памятники — развалины Вавилона, Ктесифона, Пальмиры, Персеполиса (Истахра), египетские пирамиды и места, связанные с походами Александра Македонского.

Поскольку магистры уже приобрели в университете достаточный запас знаний восточных языков, им оставалось «только дополнить и обогатить его практическими занятиями, как-то: разговором, чтением трудных авторов и сочинений» [121].

Путешественники обязывались обозревать медресе и академии, посещать публичные и частные библиотеки, составлять аннотированные каталоги имеющейся там литературы, из наиболее ценных книг делать выписки, по возможности снимать копии, производить тщательные лингвистические розыски. При изучении литературы необходимо было особо остановиться на сочинениях, имеющих отношение к истории, географии и этнографии России; заниматься изучением религии, «обращать внимание на различные секты, поныне господствующие в разных местах между народами Востока» [122].

Березину и Диттелю рекомендовалось посещать во всех странах при удобных случаях лекции видных мюдеррисов в школах и академиях, знакомиться со студентами этих заведений, вступать с ними в беседы на научные темы, не затрагивая вопросов религии и политики. Такие встречи со студентами и посещение лекций, по мнению Казем-Бека, должны были помочь лучшему освоению языка, познакомить с новыми методами преподавания и ведения занятий на Востоке.

Им предписывалось также «приобретение важных рукописей, книг, монет и других редкостей, могущих иметь какое-либо отношение к археологии, истории, статистике и нумизматике Востока, снятие копий или оттисков с надгробных камней знаменитых лиц для проверки темных фактов хронологии; также собирание семян растений, особенно свойственных разным климатам и полосам Азии» [123].

Так определялись обязанности путешественников по плану, составленному Казем-Беком.

Для руководства по приобретению редких восточных рукописей и книг Березин и Диттель были снабжены печатным хронологическим списком 100 восточных рукописей, составленным акад. Френом и напечатанным в типографии Казанского университета в 1841 г. на русском и латинском языках. Кроме того, они дополнительно получили с той же целью 15 экземпляров списка для передачи работникам посольств, консульств и местным ученым.

Среди указанных сочинений были работы по истории и географии арабских стран, Ирана, Кашгарии, Индии, Китая и др. Автор списка особо отметил произведения восточных авторов, в которых освещается история Булгарского царства, Средней Азии и монголов (России), армянские источники, относящиеся к IV—XVII столетиям, и перечень работ по истории Кавказа, составленный Казем-Беком [124].

Профессор Фойгт составил записку, в которой привел способы снятия оттисков с надгробных камней арабских, персидских, турецких, татарских и армянских захоронений.

Профессор ботаники и профессор зоологии составили инструкции о сборе различных предметов для ботанического сада и зоологического музея Казанского университета.

Таким образом, путешествие Березина и Диттеля готовилось как научная командировка, имеющая целью изучение не только языков, но и истории, литературы, культуры, быта, нравов, архитектурных памятников и природы Востока.

Березин и Диттель за годы путешествия (1842—1845) посетили Кавказ, Ирак, Иран, Сирию, Палестину, Египет и Турцию.

В Казань они представляли полугодовые и годовые отчеты, присылали подробные письма, вели дневники [125].

Годичный отчет Березина из Бейрута, датированный 9 декабря 1843 г., поступил на рассмотрение к профессорам Казем-Беку и Эрдману. Бóльшая часть отчета была опубликована в «Ученых записках Казанского университета» за 1844 г. Полугодовой отчет с о-ва Сир (от 8 июня 1844 г.) был рассмотрен Казем-Беком и с некоторыми сокращениями напечатан в ЖМНП за 1846 г.

1 мая 1845 г. первое отделение философского факультета получило на рассмотрение от ректора университета присланные из Стамбула Диттелем «Краткий очерк путешествия по Сирии, Палестине и Египту» и Березиным — «Полугодичное донесение о путешествии» и «Сочинения на арабском и турецком языках» [126].

Рассмотрев их, Казем-Бек отметил: а) «сочинения... на турецком языке очень удовлетворительные»; б) краткие отчеты обоих путешественников с пользою могут быть помещены в «Ученых записках Казанского университета» [127].

В течение этих трех лет Диттель и Березин занимались также изучением различных диалектов персидского языка, поскольку знания востоковедов в этой области были весьма ограничен-

ны. В Египте, Сирии и Турции они упражнялись в разговорном арабском и турецком языках.

27 августа 1845 г. путешественники прибыли в Петербург. «Отчет о приобретенных ими сведениях и наблюдениях», представленный в Академию наук, получил одобрение ученых [128].

В Академии наук Березин и Диттель экзаменовались на право занятия академической кафедры турецко-татарского языка. Диттель представил сочинение: «О курдских диалектах» [129], а Березин — «О турецких наречиях». Академики, экзаменовавшие магистров, в своем донесении в историко-филологическое отделение Академии отмечали, что оба сочинения свидетельствуют о прекрасных приобретениях в восточных языках и доказывают способность авторов занять академические кафедры. «Труд Березина о наречиях турецко-татарского языка, без сомнения, выполнен более в духе науки, чем предыдущий, и знакомит нас в авторе с скромным даровитым молодым человеком, от которого наука еще может ожидать многое» [130].

Мусин-Пушкин, в это время уже попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, в письме кн. А. Ширинскому-Шахматову просил Министерство народного просвещения определить одного из них (Диттеля) на должность экстраординарного профессора турецко-татарского языка в Петербургский университет (вместо уволенного проф. Мухлинского), а другого (Березина) на должность экстраординарного профессора тех же языков в Казанский университет (вместо Казем-Бека, перешедшего на арабо-персидскую кафедру вместо проф. Эрдмана).

Декан О. М. Ковалевский докладывал Совету Казанского университета, что проф. Казем-Бек согласен занять кафедру арабо-персидской словесности, а кафедру турецко-татарского языка «полагает заместить магистром Березиным, о чем и просит Совет... ходатайствовать перед... начальством» [131].

Востоковеды Казанского университета продолжали изучать материалы путешествий Березина и Диттеля. В марте 1847 г. первое отделение философского факультета подвело итоги путешествия. Рассмотрев дневник Березина, отделение «нашло в нем богатый источник драгоценных материалов для составления путешествия по Востоку». Ученые положительно отозвались о научной деятельности Березина. В протоколе их заседания записано: «И. Березин на своем пути по огромному пространству, по которому странствовал ученый три года, не пропустил ни одного предмета любопытного, исследовал с ученой точки зрения языки, наречия, историю, обычаи, нравы стран, примечательных городов и селений, через которые проезжал. Древние памятники, надписи на них, произведения архитектуры, древней и новой, состояние наук, земледелие, садоводство, ботаника — одним словом, все, что можно сделать для ученого... замечено и описано Березиным» [132].

Путешественники также выполнили предписание университета о приобретении письменных и вещественных материалов для

кабинетов и библиотеки. Березин, в частности, привез богатые материалы по истории и географии Востока, снял копии множества древних надписей. Главную задачу командировки — изучать арабский, турецкий и персидский языки как с точки зрения научной, так и практической — он выполнил успешно. Свои впечатления о странах Востока Березин подробно описал в «Путешествии по Востоку» (первый том посвящен поездкам по Дагестану и Закавказью, второй — по Северному Ирану) [133], а также в многочисленных очерках.

«Путешествие по Востоку» и очерки дают наглядное представление о жизни в ряде стран Ближнего и Среднего Востока в 40-х годах XIX в. Березин сумел прекрасно использовать собранный им материал. Другой же путешественник, Диттель, рано умер (22 июля 1848 г. от холеры), и его материалы остались необработанными, за исключением «Очерков путешествия по Востоку с 1842 по 1845 год», напечатанных в «Библиотеке для чтения» (1849, кн. 5). С 19 марта 1846 г. вплоть до своей смерти Диттель преподавал турецкий язык как экстраординарный профессор Петербургского университета.

Подготовка кадров в Казанском университете была бы невозможна без постоянной работы преподавательского состава над учебными пособиями по Востоку.

В 1835 г. Казанский университет предложил адъюнкту восточной словесности Казем-Беку заняться составлением грамматики, хрестоматии и краткого словаря турецкого языка, преподавание которого затруднялось из-за отсутствия учебных пособий. Создание учебных пособий имело большое значение не только для кафедры турецко-татарского языка Казанского университета, но и для других учебных заведений России, в которых преподавали этот предмет. Казем-Бек, ведя курс этого языка в университете и 1-й Казанской гимназии, приобрел достаточный опыт. Он знал потребности студентов, был знаком с достижениями европейской науки в этой области [134].

Первый и главный раздел учебного пособия вышел из печати в 1839 г. [135]. Работа была удостоена половинной Демидовской премии.

Через шесть лет турецко-татарская грамматика Казем-Бека издается вторично под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка». Во введении ко второму изданию своей книги Казем-Бек писал: «Я трудился почти столь же, сколько нужно было для составления нового сочинения».

«Общая грамматика турецко-татарского языка» была удостоена Императорской Академией наук полной Демидовской премии и стала для своего времени незаменимым учебным пособием. Вскоре после появления второго издания эта грамматика, переведенная на немецкий язык Ценкером, завоевала почетное место и в Европе.

В течение нескольких десятилетий студенты немецких и многих европейских университетов изучали турецкий и татарский

языки по учебному пособию Казем-Бека. И. Н. Березин в рецензии на страницах ЖМНП за 1846 г. признал работу Казем-Бека «лучшим руководством к глубокому изучению тюркских диалектов» [136]. «Мы получили грамматику, которой, не колеблясь, даем преимущество перед всеми, до тех пор изданными грамматиками»,— писал акад. Дорн, рецензируя работу для представления ее к Демидовской премии [137]. «Общая грамматика турецко-татарского языка» является грамматикой «тюркского языка» [138]. В ней в сравнительном аспекте на базе татарского и турецкого языков автор говорит о многих других различных языках и наречиях тюркской группы. В работе собран большой материал и по сравнительной филологии.

Ученик Казем-Бека И. Н. Березин издает «Дополнение к тюркской грамматике А. Казем-Бека». Казем-Бек, ознакомившись с этой работой, нашел в ней около восьми пунктов, которые с удовольствием присоединил бы к своему труду. Признавая ценность сочинения Березина, попечитель Казанского учебного округа в 1847 г. распорядился принять это «Дополнение» университетом и гимназией в качестве пособия при изучении грамматики турецкого языка. Работа Березина была переведена Ценкером на немецкий язык [139].

В 1849 г. Казем-Бека переводят в Петербургский университет, где он стал заведовать арабо-персидской кафедрой. С 1854 г. он был назначен деканом восточного факультета. Казем-Бек продолжал заниматься составлением хрестоматии. Он накапливал материал из разных восточных рукописей, исследовал рукописи, имеющиеся в его личной библиотеке и в библиотеке Казанского университета, выписывал рукописи из Азиатского музея Академии наук и Румянцевского музея [140].

Хрестоматия и словарь турецко-татарского языка не были напечатаны и остались в рукописи. В таком виде ею пользовались студенты Казанского и Петербургского университетов.

Казанский университет, в частности благодаря Казем-Беку [141], сыграл крупнейшую роль в развитии востоковедения в России. Более того, он стал одним из центров мирового востоковедения: «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями... но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы „Лондонского Азиатского журнала", там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока» [142].

В первой половине XIX в. (20—40-е годы) в Казанском университете была создана прочная научная база для дальнейшего успешного развития отечественного востоковедения.

Попечитель Казанского учебного округа в 1841 г. писал в

Министерство народного просвещения, что восточные языки преподаются в Казанском университете «в такой обширности и разнообразии, каких не представляет, кажется, ни одно из подобных заведений в Европе» [143].

На восточном разряде университета значительное внимание уделялось изучению истории, литературы и быта народов, населяющих местный край. Так, Березин интересовался литературой, собирал, изучал и пропагандировал устное народное творчество татарского народа. Многие его работы по татарской филологии были напечатаны в различных петербургских журналах. Он исследовал историю татарской литературы, древнейшие татарские памятники, составил и издал хрестоматию, рецензировал книги по татарской филологии, изданные в Казани. Его интересовали также вопросы развития татарской литературы, о чем красноречиво свидетельствует изучение им татарских, турецких и арабских рукописей, хранящихся в библиотеках Петербурга. В 1846 г. вышли четыре его статьи, объединенные под общим названием «Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С. Петербурга» [143а].

Березин издал трехтомную «Турецкую хрестоматию», которая «по первоначальному плану должна была включать в себя образцы всех турецко-татарских наречий». Работа была опубликована после перевода восточного разряда в Петербург [144].

В 1842 г. первое отделение философского факультета пересмотрело расписание и учебный план восточного разряда. В объяснительной записке в Министерство народного просвещения попечитель Казанского учебного округа писал, что отделение восточной словесности Казанского университета можно рассматривать как совершенно отдельный институт и распределение предметов не нужно подчинять правилам, действующим для других факультетов. Главным предметом здесь определялись восточные языки, остальные дисциплины следовало рассматривать как вспомогательные. Была введена специализация и определены главные и вспомогательные предметы для студентов всех четырех курсов восточного разряда (с 1837 г. курс обучения был продлен до четырех лет). По новому проекту студент восточного разряда при поступлении в университет выбирал один восточный язык, подробно изучал историю и литературу соответствующей страны и занимался только теми из вспомогательных предметов, которые имели ближайшее отношение к выбранному им основному [145]. Кроме языка по специальности и европейских языков (последние входили в группу вспомогательных предметов) студент дополнительно изучал восточные языки, называвшиеся произвольными предметами. Российская история, всеобщая история и литература, история философских систем, богословие и церковная история относились к вспомогательным предметам [146].

Профессора и адъюнкты, преподававшие языки по специальности, составляли развернутые программы обучения, которые

утверждались Советом университета. Сохранились следующие программы преподавания тех или иных языков: татарского, составленная в 1824—1825 гг. Ибрагимом Хальфиным [147], персидского, арабского и турецко-татарского (1836) — А. К. Казембеком [148], китайского (1837) — Сивилловым [149], санскрита (1841) — Петровым [150], армянского (1842) — Назарянцем [151], китайского и маньчжурского (1851—1852) — В. П. Васильевым [152], турецко-татарского (1851) — И. Н. Березиным [153], арабско-персидского (1851) — И. Готвальдом [154].

Помимо этого каждый преподаватель перед началом учебного года представлял краткий план работы на год, а в конце года — отчет о своих учебных и научных занятиях; на основании этих отчетов составлялся общеуниверситетский отчет.

Кроме профессоров и адъюнктов имелся штат лекторов и преподавателей, которые вели практические занятия по языку и читали отдельные лекции. Он формировался из воспитанников университета, хорошо владеющих восточными языками, и представителей народов Востока.

Ректор университета проф. Н. И. Лобачевский постоянно интересовался выполнением плана на разряде восточной словесности, всегда «находил основательными» те предложения, которые были направлены на улучшение качества подготовки молодых специалистов [155].

Основной формой занятий в 30—50-х годах была лекция. Большое внимание уделялось и практическим занятиям, самостоятельной работе студентов и разговорной практике с наставниками (надзирателями) и местным населением. Высокий уровень теоретической и практической подготовки студентов был отличительной чертой восточного разряда, давая возможность способной части студентов окончить университет со степенью действительного студента и студента — кандидата восточной словесности [156].

Для быстрого и успешного развития восточного разряда необходимо было пополнять библиотеку различными пособиями. Руководство Казанского университета во главе с Н. И. Лобачевским не жалело средств для приобретения восточных книг и рукописей. Комплектование библиотеки шло различными путями, но главным образом через приобретение их у частных лиц и за границей во время научных командировок выпускников университета в страны Востока. В итоге уже к 30-м годам XIX в. библиотека Казанского университета стала обладательницей «таких истинно редких произведений и собраний, которым по справедливости могло бы позавидовать любое книгохранилище в Европе» [157]. Незадолго до закрытия в Казанском университете восточного разряда в университетской библиотеке восточное отделение занимало первое место. Здесь хранились многочисленные сочинения (как печатные, так и рукописные) на арабском, персидском, турецком и татарском языках, а также богатые собрания монгольской, тибетской, маньчжурской и китайской литера-

туры. К 1851 г. библиотека насчитывала до 50 тыс. томов на 35 языках [158].

Большую помощь в изучении Востока оказывала созданная усилиями Х. Френа, А. Фукса, А. Казем-Бека и И. Березина богатая коллекция Минц-кабинета, в 1847 г. насчитывавшая 10 798 монет, 781 медаль и 5157 слепков с них.

Стараниями ученых университета создавался также кабинет редкостей, основную часть коллекций которого составляли предметы, приобретенные во время путешествий. Кабинет обогащался также покупками и подношениями частных лиц. Исследованием и изучением этих материалов занимались не только преподаватели и профессора университетов, но и студенты.

В создании в университете восточного отдела библиотеки, кабинетов редкостей и нумизматического помогли также многочисленные корреспонденты, находящиеся в восточных районах России и за рубежом.

Восток в университете изучали не только по древним письменным памятникам. Библиотека выписывала периодическую печать и новейшую научную литературу из Каира, Тегерана, Стамбула и других городов восточных стран.

Плодотворная научная работа профессоров и преподавателей восточного разряда была бы невозможна без хорошо налаженного издательского дела. Казанский университет имел свою типографию с большим набором восточных шрифтов — арабского, монгольского, калмыцкого, санскрита, тибетского и армянского.

Научно-исследовательская работа на восточном разряде Казанского университета имела несколько направлений:

1) создание первых учебных пособий по восточным языкам, учебных планов, программ, методических разработок, учебников, словарей и хрестоматий;

2) публикация литературных и исторических памятников народов Востока, среди которых прежде всего следует отметить материалы по истории монголо-татарских племен, Золотой Орды, крымских ханов, а также по истории религий;

3) исследования в области филологии, истории, географии и религии стран Востока;

4) организация научных путешествий выпускников восточного разряда в страны Востока.

В 30—50-х годах XIX в. восточный разряд университета стал основным центром по подготовке кадров востоковедения. Значительную роль в этом сыграла организация учебного процесса. Востоковеды университета установили контакты и вели постоянную переписку со многими отечественными и зарубежными учеными и учреждениями. Проблема развития востоковедения в Казанском университете вызывала широкий интерес. Вот почему О. Ковалевский и К. Фойгт составили обозрения хода и успехов преподавания восточных языков в Казанском университете. Первая работа доведена до 1842 г., вторая — до 1852 г. [159]. «В научные и учебные центры России и Европы направлялись каталоги

лекций, программы, обозрения, учебные пособия и научная литература. Университет обменивался трудами своих ученых-востоковедов с 37 университетами Европы» [159а].

Итак, в первой половине XIX в. Казанский университет являлся основным научным востоковедным центром в России. Знаменитый востоковед М.-А. Кастрен, посетивший в 40-х годах XIX в. Казань, писал: «Едва ли есть в целом мире хотя один такой университет, где бы так ревностно изучали восточную литературу, как в Казани... Казанский университет считает в числе своих ориенталистов мужей европейской известности» [160].

Всемирную известность приобрели труды востоковедов Казанского университета Х. Д. Френа, А. К. Казем-Бека, И. Н. Березина, О. М. Ковалевского, В. П. Васильева и основоположника научного изучения татарского языка и литературы Ибрагима Хальфина.

Восточный разряд Казанского университета существовал недолго — менее полувека. Как уже говорилось, 22 октября 1854 г. последовал царский указ Правительствующему Сенату об учреждении при Петербургском университете факультета восточных языков. В остальных учебных заведениях Министерства народного просвещения преподавание восточных языков прекращалось, а профессора, преподаватели и библиотеки передавались Петербургскому университету [161].

В ноябре 1854 г. Казанский университет получил предписание министра народного просвещения Норова: «Преподавание восточных языков в Казанском университете и 1-й Казанской гимназии прекратить, оставив в последней по уважению местных обстоятельств края преподавание татарского языка и для обучения семи—четырех воспитанников» [162]. Профессора и преподаватели восточного разряда университета и 1-й Казанской гимназии И. Н. Березин, В. П. Васильев, Н. Д. Сонин (только университетский преподаватель), М. Т. Навроцкий, К. Ф. Голстунский, Г. Гомбоев, И. Абделькаримов, Ахмет Ибн Хусейн, И. А. Падухин (из гимназии) и 18 студентов-восточников были переведены в Петербургский университет [163]. О. М. Ковалевский и И.-Ф. Готвальд были оставлены в Казани. Первый в то время был ректором университета, а другой — библиотекарем университетской библиотеки. Одновременно в столичный университет были переданы почти все рукописи и редкие восточные книги библиотек Казанского университета и гимназии, восточный отдел нумизматического кабинета, а из типографии вывезены в Петербург санскритский, тибетский и монгольский шрифты [164]. Восточный разряд философского факультета (впоследствии — исторического), детище передовых ученых Казанского университета и гордость русской науки, прекратил свое существование в 1855 г.

Чем объясняется закрытие восточного разряда и перемещение его в Петербургский университет?

Развитие востоковедения настоятельно требовало объединения востоковедных сил России и создания более благоприятных

условий для их научной и педагогической деятельности. За такое объединение не раз выступали казанские востоковеды.

В 50-х годах XIX столетия А. К. Казем-Бек и О. М. Ковалевский принимали участие в разработке «Проекта устава и штата Имп. С.-Петербургского Азиатского института», положив в основу план создания Азиатского института в Казани [165], а В. П. Васильев составил «Краткую записку об учреждении в С.-Петербурге центрального учебного заведения восточных языков» [166]. Но их проекты и предложения не предусматривали полного уничтожения восточного разряда в Казанском университете, который и при создании нового востоковедного центра в Петербурге мог бы принести большую пользу по развитию национальных культур и народов Востока. Еще в 1848 г. попечитель Петербургского учебного округа в отчете за 1847 г. писал: «Отделение восточных языков совершенно бесполезно, оставаясь в настоящем его положении. Оно должно быть или развито, или вовсе упразднено и сосредоточено при Казанском университете» [167].

В результате реформы восточного образования восточный разряд Казанского университета был переведен в Петербург. В отчете за 1854/55 учебный год, посвященном полувековому существованию Казанского университета, читаем: «С перемещением его (восточного разряда.— *Авт.*) в С.-Петербург наш университет утратил характеристическую особенность, отличавшую его посреди прочих высших рассадников образования в империи» [168].

Таким образом, Казанский университет занимает особое место в истории отечественного востоковедения. В 30—50-х годах XIX столетия восточный разряд университета стал крупнейшим в стране центром по подготовке кадров востоковедения. Он готовил профессоров и преподавателей как для Казанского университета, так и для Петербургского университета, Ришельевского лицея и Казанской духовной академии. Под руководством восточного разряда развивалось изучение восточных языков в 1-й Казанской гимназии, где оно расширялось по мере роста числа восточных кафедр в самом университете [169].

На долю профессоров и преподавателей Казанского университета выпала честь организации первых полноценных университетских кафедр по востоковедению, создания первых учебных пособий по восточным языкам; они положили начало разработке учебных планов и программ, организации научных путешествий востоковедов — выпускников университета в страны Востока.

Многие начинания профессоров и преподавателей Казанского университета были впоследствии развиты ориенталистами России. Инициативы ученых Казанского университета по изучению восточных языков (татарского, арабского, персидского, монгольского, китайского, маньчжурского и калмыцкого), восточных источников по истории России, исследование ими ряда проблем истории и религии стран Востока заслуживают высокой оценки.

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Первое специальное востоковедное учреждение в системе петербургской Академии наук было создано в 1818 г. Но мы вправе рассматривать его историю с самого начала прошлого века, с принятия 25 июля 1803 г. нового устава («Регламента») Академии наук, разрешавшего «ей принять в число ординарных членов какого-либо известного ученого, упражняющегося в науке, в §3 не означенной, есть ли найдет она выгодным присоединение сей науки к предметам обыкновенных ее занятий»[170]. Это позволило создать в Академии наук кафедру по восточным языкам и словесности, на которую в 1804 г. был избран адъюнктом Г.-Ю. Клапрот.

Генрих Юлий Клапрот (с 1807 г. академик) много путешествовал по Сибири, Кавказу и собрал богатейший материал, но «сколько-нибудь заметного влияния на развитие востоковедения во время своего пребывания в России он не оказал, так как его труды были обработаны и изданы гораздо позднее, в 1823—1829 гг., за границей»[171].

Неудачный опыт с Клапротом не опровергает утверждения о значимости приведенного выше параграфа устава 1803 г. Именно с 1803 г. и до принятия нового устава в 1836 г. в состав действительных членов Академии наук были избраны Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, Ф. Ф. Шармуа, Г.-Л. Флейшер, М. И. Броссе.

Самостоятельный научный востоковедческий центр в Академии появился в ноябре 1818 г., когда был учрежден Восточный кабинет, вскоре получивший по предложению Френа название Азиатского музея.

Создание Азиатского музея непосредственно связано с двумя именами: президента Академии наук, автора грандиозного, но так и не осуществленного «Проекта Азиатской академии» (о нем будет сказано в гл. 4) — С. С. Уварова[172] и приглашенного из Казанского университета арабиста, тюрколога и нумизмата Френа.

Со времени организации Азиатского музея — первого востоковедного учреждения в системе Академии наук — начинается новый период в истории научного востоковедения.

Коллекции Азиатского музея состояли из восточных рукописей, книг по Востоку на европейских языках, археологических памятников, предметов этнографии[173], восточных редкостей и монет, переданных из Кунсткамеры, библиотеки и Архива Академии наук.

На 1818 г., год основания Азиатского музея, в его фондах хранилось: книг по Востоку на европейских языках — 1120 единиц; арабских, персидских и тюркских рукописей — 818; китайских и маньчжурских печатных сочинений (в том числе и несколько рукописей) — 279; японских книг и рукописных сочинений — 27; книг на тибетском и монгольском языках — 180.

Количество монет в Азиатском музее составляло внушительную цифру — около 20 тыс. Но среди них было много малоценных, стертых, а также дублетов. После отбора монет Френом в нумизматическое собрание Азиатского музея вошло 4395 монет.

Академик Френ еще в Казани, занимаясь восточной нумизматикой, мечтал создать капитальный многотомный труд, в котором предполагал описать все восточные монеты хранилищ Петербурга. В 1826 г. ему удалось осуществить часть задуманного издания. Несмотря на то что опубликованный первый том так и остался единственным, само исследование получило признание и высокую оценку специалистов.

Азиатский музей включал: хранилище восточных рукописей и ксилографов, восточных и востоковедных книг, которые описывали, каталогизировали, а также коллекций восточных монет (где их каталогизировали, изучали и где издавали нумизматические исследования); музей с экспозицией для обозрения посетителями; библиотеку, где ученые исследовали памятники культуры.

В течение первых нескольких лет единственным хранителем Азиатского музея оставался Френ; только в 1823 г. ему в помощь был назначен кандидат Петербургского университета М. Г. Волков. Кроме того, время от времени приглашались ученые, которые вели исследовательскую работу.

Конечно, ни колоссальных знаний Френа, ни самоотверженного труда Волкова было недостаточно для обработки многочисленных материалов Азиатского музея. Оба они в основном систематизировали коллекции памятников на переднеазиатских языках. Что касается памятников на дальневосточных языках, то ими занимались только от случая к случаю, когда удавалось приглашать специалистов. Большую коллекцию китайских, монгольских и других рукописей и ксилографов коллекции описал Н. Я. Бичурин. К аналогичной работе привлекался и другой крупный востоковед — Дорджи Банзаров. Велика роль акад. М. И. Броссе в собирании и составлении рукописной и печатной коллекции на кавказских, особенно грузинском, языках, а чл.-корр. К. П. Патканов, профессора Петербургского университета Д. И. Чубинов и А. А. Цагарели внесли значительную лепту в составление и описание кавказского фонда.

В 1842 г. на посту директора Азиатского музея Френа сменил акад. Б. А. Дорн (об этом подробно см. в гл. 5), который отдал своей новой работе много сил и труда. Однако при нем музей перестал играть роль организующего центра; таковым стал только после Октябрьской революции [174].

Развивавшийся в России капитализм втягивал в свою орбиту все новые и новые провинции и завоеванные территории, большинство которых составляли восточные земли. Натолкнувшись на значительное сопротивление на Западе, царское правительство все больше внимания уделяло восточной политике. Это, в частности, касалось подготовки чиновников, переводчиков для цар-

ской администрации на Кавказе, в Крыму, Сибири и для различных миссий в зарубежных странах Востока. Правительство в конце 40-х годов проводит реорганизацию в Москве Лазаревского института восточных языков, пытаясь подчинить его деятельность задачам Кавказского комитета, а в Петербургском университете в 1855 г. создает восточный факультет, закрыв таковой в Казанском университете.

Таким образом, это организационное разделение предрешило научные направления востоковедных учреждений столиц. Азиатскому музею как бы предопределено было оставаться хранилищем восточных рукописей, книг, монет, местом коллекционирования, каталогизации, систематизации, изучения материалов на восточных языках и о Востоке древнем, средневековом, о памятниках культуры — т. е. всем тем, что закрепило за ним термин «академическое востоковедение». Так возникло превратное мнение, что дореволюционная академическая наука недооценивала, попросту говоря, чуралась изучения современных языков, новой литературы, современного Востока. Правда, в академических и университетских кругах проявлялось некоторое обособление от официальной «восточной» политики царского правительства, что можно истолковать как желание — под благовидным предлогом служения «чистой науке» — быть подальше от политики.

Возвращаясь к роли академических учреждений, в частности Азиатского музея, в науке на протяжении XIX столетия, мы должны отметить, что научное востоковедение тех лет определялось не штатным расписанием того или иного центра. Строгая регламентация тематики, штатная «прописка» ученых носили подчас номинальный характер. Фактически Азиатский музей, став крупнейшим собранием манускриптов и одной из самых значительных библиотек, наряду с восточным факультетом Петербургского университета оставался научным центром востоковедных исследований, привлекая к себе не только петербургских и московских ориенталистов, но и зарубежных.

Азиатский архив

Среди первых архивных поступлений Азиатского музея мы находим материалы, отложившиеся еще задолго до его образования и хранившиеся в архиве Конференции и в Библиотеке Академии наук. К ним относятся: рукописные труды, оставшиеся после работавшего в Академии наук немецкого арабиста Г.-Я. Кера (ныне: АВ, ф. 26), вошедшего в историю отечественного востоковедения как автор первого проекта (от 1733 г.) по учреждению в России Восточной академии; рукописи действительного члена Академии наук, профессора греческих и римских древностей и восточных языков Г.-З. Байера (ныне: ЛО ААН, ф. 784), оставившего в числе своих трудов громоздкие тома китайско-латинского словаря и переписку с современными ему за-

падноевропейскими учеными и проживавшими в Пекине католическими миссионерами; рукописное наследие Д. К. Кантемира (АВ, ф. 25), бывшего молдавского господаря, советника Петра I по турецким делам, автора истории образования и падения Османской империи, известного, кроме того, созданием первой в России типографии с арабским шрифтом.

В 1819 г. первый директор Азиатского музея акад. Х. Д. Френ с дозволения Академии наук отбирал из ее архива и Библиотеки бумаги, относящиеся к познанию языков, стран и народов Азии. Кроме названных выше личных, как мы их теперь называем, фондов Френ отобрал часть материалов, доставленных экспедициями Академии наук, работавшими в XVIII в. в районах обитания калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. «Физические», как их тогда называли, экспедиции, имея, как правило, широкий круг исследований, включали в свою программу наряду с естественноисторическими и физико-географическими наблюдениями также сбор материалов исторического и этнолингвистического характера. Так, в архив Азиатского музея попала часть материалов экспедиции Д.-Г. Мессершмидта, путешествовавшего по Сибири в 1720—1727 гг., а также материалы и рукописи Г.-Ф. Миллера, который в 1735 и 1741 гг. посетил селенгинских бурят, где ознакомился с сибирскими архивами, хранившими документы, а также различные сведения о русско-монгольских отношениях.

В Азиатский музей были переданы материалы П.-С. Палласа побывавшего у селенгинских бурят позднее, в 70-х годах XVIII в. Поступили сюда также рукописи переводчика его экспедиции Иоганна Иерига (ныне: АВ, ф. 21), оставившего нам краткий очерк грамматики тибетского языка и переводные материалы по языку, литературе и быту монголов и тибетцев. Среди материалов самого Палласа были сведения о географии, языке и религии Тибета, которые он собрал у проживавших среди бурят и калмыков тибетских лам.

Из отдельных, разрозненных поступлений в первый год существования Азиатского музая следует назвать: русско-японский словарь, составленный Андреем Татариновым в 1782 г.; два списка русско-японского словаря, составленного Николаем Резановым, начальником экспедиции и главой миссии, плававшей в 1803—1805 гг. на корабле «Надежда» в Японию; маньчжурско-китайско-русский словарь, очевидно, тот, составление которого в 1808 г. было завершено Антоном Владыкиным, членом IX Российской духовной миссии в Пекине; китайский рукописный словарь Франциска Диеза, купленный в 1807 г. у Владыкина; большой китайско-маньчжурский словарь в 15 томах с русским переводом, привезенный Клапротом из Сибири.

В дополнение к названным выше поступлениям акад. Френ в своем первом отчете о работе Азиатского музея называет «переводы Турецкого родословного дерева Абдул-газия и Бабур-Наме», «Российско-татарский лексикон» Саада Хальфина, «Исто-

рию малайцев» на малайском языке, привезенную и подаренную Академии наук И. Ф. Крузенштерном.

В дальнейшем комплектование архива Азиатского музея было связано с деятельностью востоковедов, работавших как в самом музее, так и вне стен Академии наук — в Петербургском университете, учреждениях Коллегии иностранных дел и других заведениях. Далеко не все научные результаты востоковедов, так или иначе связанных с Азиатским музеем, были реализованы при жизни. Многое либо оставалось в рукописях, либо было незавершено, либо собиралось как материал для будущих описаний, исследований. Например, Френ «в толстых томах своих оставшихся (ЛО ААН, ф. 778) в рукописи трудов подготовил материалы для описания всех арабских, персидских и турецких манускриптов, при его жизни поступивших в Азиатский музей». Дорн (ЛО ААН, ф. 776), уделявший (наряду с непосредственным изучением восточных источников) большое внимание истории Азиатского музея, оставил большой информационный материал по истории комплектования фондов восточных рукописей.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Как ни покажется странным, но в крупнейшем городе страны, в ее столице, при наличии Академии наук, академической Библиотеки, музеев университет возник много позже, чем в Москве, Дерпте, Вильно, Харькове, Казани. Основная причина — малочисленность национальных кадров и преподавателей из иностранцев, владеющих русским языком. Именно это обстоятельство объясняет, почему организации высшей школы предшествует воссоздание в Петербурге в 1803 г. Учительской гимназии (берет начало от учрежденной еще в 1782 г. Учительской семинарии), преобразованной уже в следующем году (16 апреля 1804 г.) в Педагогический институт (последний рассматривался как отделение будущего университета). Для ускорения подготовки национальных кадров здесь применялся оправдавший себя метод, широко использовавшийся во времена Петра I,— отправка на учебу молодых людей за границу. Так, группа слушателей Педагогического института в 12 человек была направлена в 1808 г. за рубеж на три года. В связи с войной 1812 г. Педагогический институт был, используя современную терминологию, эвакуирован в Петрозаводск, откуда его штат во главе с директором Егором Антоновичем Энгельгардом (1775—1862) вернулся 3 февраля 1813 г. [175].

23 декабря 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт со статусом университета, т. е. на это учебное заведение распространялись положения университетского устава 1804 г. Отсутствие национальных кадров востоковедов привело к тому, что открытие кафедр восточных языков на историко-филологическом факультете Главного

педагогического института состоялось только в марте 1818 г. и заняли их рекомендованные известным французским ориенталистом С. де Саси его ученики: Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789—1839) и Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793—1868). От Педагогического института университет унаследовал право иметь две восточные кафедры (по уставу 1804 г. предусматривалась только одна кафедра).

Забота Сильвестра де Саси о молодых ученых простиралась до того, что он «снабдил их наставлением, каким образом должно учредить в Институте курс восточных языков» [176]. Условия для работы французских ориенталистов были весьма благоприятные: оба были зачислены ординарными профессорами. Деманж возглавил кафедру арабской словесности, Шармуа — персидской. Автор исследования «Становление университетского востоковедения в Петербурге» А. М. Куликова допускает, ссылаясь на документы, что Деманж помимо арабского вел какое-то время и занятия по армянскому языку, а Шармуа помимо персидского преподавал и турецкий язык.

Третьим преподавателем восточных языков стал с января 1819 г. Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869) [177]. Он был принят на должность преподавателя персидского языка, но фактически мог вести (что и будет иметь место позже) практические занятия по турецкому и арабскому языкам.

Занятия в Петербургском университете начались 1 ноября 1819 г.; «восточников» в этом году числилось 13 человек. В 1819 г. основывается восточное отделение университетской библиотеки. В 1820 г. историко-филологический факультет с целью объединить однородные научные дисциплины был разделен на четыре разряда: классическая словесность, восточная словесность, словесность российская, исторические науки. В разряде восточной словесности преподавались следующие дисциплины: восточные языки (арабский и персидский), латинский язык, французский язык, российская словесность, история, закон божий [178].

Несмотря на то что усердие профессоров Деманжа и Шармуа, а также преподавателя Топчибашева признавалось выше всяких похвал, количество студентов восточного разряда год от года сокращалось. Основная причина заключалась в трудной учебной программе. Из 18 студентов, обучавшихся в 1818 г., осталось к 1821 г. всего 7 человек.

Налаживанию учебного процесса в новом университете и нормальному его ходу в 1821 г. был нанесен удар, тяжело сказавшийся и на восточном разряде и судьбах Шармуа и Деманжа. Инцидент в одном из классов университетского пансиона в январе 1821 г. послужил предлогом для исполняющего должность попечителя Петербургского учебного округа Д. П. Рунича, желавшего расправиться с некоторыми «неблагонадежными» профессорами. Шармуа и Деманж, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности,

что привело к тому, что с осени 1821 г. преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет.

В тот же день, 25 июля, ординарным профессором Петербургского университета был зачислен молодой О. И. Сенковский, один из немногих востоковедов того времени, который теоретическое университетское образование дополнил практикой пребывания на Востоке. Сенковский преподавал арабский и турецкий языки, а Топчибашев продолжал вести занятия по персидскому. Мирза Джафар Топчибашев благодаря прекрасному знанию персидского языка и успехам своих студентов в марте 1823 г. получил в виде исключения звание адъюнкт-профессора.

Современному человеку трудно представить себе, что на всем разряде восточной словесности Петербургского университета числилось всего несколько студентов (иногда только пятеро) и что, например, турецкий язык изучал у Сенковского в 1823 г. лишь один М. Г. Волков.

С 1824 г. турецкий язык преподавался уже систематически студентам III курса. И хотя эти занятия носили факультативный, необязательный характер, они посещались студентами хорошо.

Следует отметить такую весьма примечательную инициативу проф. О. И. Сенковского, как основание им литографии (на дотацию, полученную от университета) для издания учебных пособий по изучению восточных языков.

Благодаря преподаванию таких мусульманских языков, как арабский, персидский и турецкий, восточный разряд начал приобретать характер классических учебных заведений, свойственный в то время европейским университетам.

Несомненно, прав Андрей Николаевич Кононов, считавший, что «политическая обстановка на Ближнем Востоке в конце 20-х годов прошлого столетия явилась побуждающим стимулом к созданию практического пособия для изучения турецкого языка. За составление такого пособия взялся О. И. Сенковский... и в течение 1828—29 гг. издал два небольших пособия: „Карманная книга для русских воинов в турецких походах“ и „Основные правила турецкого разговорного языка“. Так в годы Русско-турецкой войны 1828—29 гг. О. И. Сенковским были изданы первый русско-турецкий словарь (около 4000 слов) и первая грамматика турецкого языка, написанные в России» [170].

Первые успехи университетского преподавания показали одновременно и серьезные пробелы. По-прежнему ощущалась резкая нехватка преподавателей высокой квалификации, не была решена проблема подготовки научных кадров по многим дисциплинам, в том числе и по востоковедным. Отправка за границу могла решить эту проблему лишь отчасти. Крупная европейско-азиатская империя не располагала продуманной системой подготовки специалистов высшей квалификации.

Эту задачу должен был выполнить так называемый Профес-

сорский институт, который возник в Дерпте в 1828 г., а его, по выражению А. М. Куликовой, восточный филиал — в Петербурге [180]. Еще в 1827 г. было принято предложение профессора Дерптского университета акад. Жоржа Фридриха Парро [181], который рекомендовал лучших студентов российских университетов, русских по происхождению, направлять на несколько лет сначала в Дерптский университет, а затем на два года за границу.

Надо сказать, что Профессорский институт сыграл положительную роль в подготовке преподавателей-востоковедов для высших учебных заведений. Этот своеобразный институт воспитал целую группу ученых-востоковедов, таких, как Антон Осипович Мухлинский, Степан Исаевич Назарянц, Павел Яковлевич Петров, Василий Васильевич Григорьев. В разное время занимались изучением восточных языков в Профессорском институте Игнатий Балтазарович Петрашевский, Николай Гаврилович Коноплев, Александр Николаевич Гусев.

Этот институт просуществовал десять лет.

В 1835 г. принимается новый «Общий устав Императорских Российских университетов». Он предусматривал четырехгодичный курс обучения (фактически был введен позже) и структурные изменения. На историко-филологическом отделении Петербургского университета предусматривалось преподавание «восточной словесности», что подразумевало занятия по изучению арабского, персидского, турецкого, монгольского и татарского языков [182]. Преподавание монгольского и татарского языков в этом университете осуществить не удалось.

В Петербургском университете после 1835 г. продолжают преподавать два профессора восточных языков: О. И. Сенковский и М.-Д. Топчибашев (Шармуа вернулся в университет в 1831 г., а в 1835 г. вышел в отставку и покинул Россию). В декабре 1839 г. в университете учреждается еще одна кафедра — турецкого языка, на которую был приглашен на правах экстраординарного профессора А. О. Мухлинский (1808—1877). Выпускник Виленского университета Мухлинский был прикомандирован для дальнейшего совершенствования своих знаний к Петербургскому университету и одновременно прослушал курс Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД (см. гл. 4). Теоретический курс Мухлинский закрепил и усовершенствовал длительным пребыванием в научной командировке в Османской империи (Турция, Египет). По возвращении он был зачислен в число адъюнктов Петербургского университета, где в 1836—1839 гг. преподавал арабский язык, помогая вместе с М. Г. Волковым проф. О. И. Сенковскому.

Переход А. О. Мухлинского на турецкую кафедру повлек за собой некоторые изменения и на арабской кафедре. Преподавание арабского на первых двух курсах закрепилось за М. Г. Волковым, а О. И. Сенковский вел занятия на старших — III и IV — курсах.

Изменения произошли и на кафедре персидского языка. В 1838 г. В. В. Григорьев переезжает в Одессу, где занимает должность профессора восточных языков в Ришельевском лицее. В Петербургском университете единственным преподавателем персидской словесности остается экстраординарный профессор М.-Д. Топчибашев. Он ведет занятия и по теоретическому, и по практическому курсу.

Здесь, вероятно, уместно сказать, что историки востоковедной науки оставили без серьезного теоретического осмысления целое научное направление. Пример Казем-Бека, Топчибашева и многих других профессоров и преподавателей, сыгравших значительную роль в востоковедной науке и педагогической практике, показывает, что вне поля исследований оказались научные дисциплины, целые направления, а именно изучение теории, практики, методики, особенностей и вклада в ориенталистику учебных заведений (условно назовем их восточными) и ученых, сформировавшихся вне европейской школы востоковедения.

Счастливым исключением является, вероятно, Пекинская духовная миссия, история которой и вклад ее в науку отмечен в ряде научных публикаций. Возможно, это связано с тем, что Пекинская духовная миссия была наделена светскими — дипломатическими — функциями и фактически являлась посольством России в Китае. Немалую роль сыграла, надо полагать и блестящая научная деятельность некоторых ее представителей, особенно отца Иакинфа (Никиты Яковлевича Бичурина).

Но вернемся к истории Петербургского университета. В 1836 г. здесь была сделана попытка открыть курс лекций по санскриту и сравнительной грамматике. Молодой и подававший большие надежды ученый, выпускник Дерптского университета Роберт Христианович Ленц (1808—1836) в марте 1836 г. начал читать курс лекций, в которых он развивал идею «о сродстве языков и роли, которую должно занимать между ними древнее наречие Брахманов» [183]. Но через несколько месяцев, в июле того же, 1836 г., Р. Х. Ленц скончался.

Еще одну попытку расширить программу преподавания восточных языков предпринимает Марий Иванович Броссе. Он предложил и взял на себя (без оплаты) чтение курса грузинского языка в университете. Но это продолжалось недолго — с конца 1840 и по 1841 г. «Официально закавказские языки были введены в круг университетского преподавания только в 1844 г.» [184], когда последовал указ «Об учреждении при восточном отделении С.-Петербургского университета преподавания грузинского, армянского и татарского языков».

С декабря 1844 г. кафедру грузинского языка занимал Д. И. Чубинов (Чубинашвили). Он читал курс грузинского языка, истории его наречий, истории литературы.

Одновременно с грузинской была открыта и кафедра армянского языка, на которую был приглашен Н. Л. Бероев. На ка-

федру татарского (азербайджанского) языка лектором был зачислен Л. З. Будагов.

Большие изменения произошли на восточном отделении Петербургского университета во второй половине 40-х годов. В 1846 г. умирает экстраординарный профессор М. Г. Волков. В 1847 г. уходит в отставку, не оставив преемника (замечание В. В. Бартольда), О. И. Сенковский; на его место приглашается арабский шейх Мухаммед Тантави. На кафедру персидского языка после ухода Топчибашева был переведен из Казани в 1849 г. Казем-Бек. В 1845 г. вышли в отставку А. О. Мухлинский и его помощник по арабской кафедре И. В. Петрашевский. Кафедру занял в 1846 г. Диттель, но он вскоре, в 1848 г., как уже говорилось, умер от холеры. В 1849 г. на арабскую кафедру вновь был приглашен А. О. Мухлинский.

Таким образом, к началу 50-х годов на восточном отделении Петербургского университета функционировало шесть специальных кафедр: арабская, персидская, турецкая, азербайджанская, армянская и грузинская.

Глава 4

ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА ДЕПАРТАМЕНТОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО, ВОЕННОГО И ФИНАНСОВОГО ВЕДОМСТВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В силу исторически сложившихся обстоятельств и географического положения России страны Востока всегда занимали в делах российских официальных правительственных ведомств очень большое, иногда чуть ли не основное место.

В России в первой половине XIX в. к Востоку стал проявляться больший интерес, чем в предшествующие столетия, что было связано с более широкой вовлеченностью империи в систему международных отношений.

Победа России в Отечественной войне 1812 г. и сокрушение такой крупной европейской державы, как наполеоновская Франция, изменили соотношение сил на международной арене. Период от образования Священного союза в 1815 г. до Крымской войны и Парижского мира 1856 г. внес существенные изменения в русскую внешнюю политику, когда правительство неизменно занимало самые реакционные позиции и страна превращалась в «жандарма Европы».

В это же время на первый план в России выдвинулся Восточный вопрос — борьба европейских держав за преобладающее влияние в Османской империи, особенно на Балканах. Необходимость обеспечить безопасность своих южных границ и экономические интересы побуждали царизм к активности, радикальным действиям, которые способствовали бы решению Восточного вопроса исключительно в интересах Российской империи [1].

Эта же политика России послужила одной из причин распада Священного союза и обострения ее отношений с Австрией, Францией и Англией (последняя превращалась в основного колониального соперника Российской империи).

Широкое участие страны в международных делах на Востоке требовало от официальных ведомств, в первую очередь дипломатического и военного, серьезного изучения проблем, связанных с Востоком.

АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

По существу, более или менее систематическое изучение официальными кругами положения в странах Азии началось с указа Павла I от 26 февраля 1797 г. Коллегии иностранных дел «об

учреждении при оной... особого Департамента для отправления дел, касающихся до азиатских народов»[2]. Особый департамент (или экспедиция) был организован в составе Коллегии иностранных дел во главе с действительным статским советником С. Л. Лашкаревым (он был и одним из инициаторов создания этого департамента)[3] и статским советником Константиновым. Императорский указ знаменовал собой лишь более определенное, чем раньше, сосредоточение азиатских дел в «особой экспедиции», т. е. отделе Коллегии. Однако подлинную активность и результативность в исследовании Востока это ведомство начало проявлять лишь после указа 19 апреля 1819 г., который, собственно, и положил начало Азиатскому департаменту.

Ранее, по манифесту от 8 сентября 1802 г., правительственные учреждения России — коллегии — были преобразованы в министерства. Существо такого преобразования заключалось в объединении различных коллегий, контор и экспедиций, связанных по роду дел, под началом министров, а также в более систематическом разделении высшего управления на восемь частей, составивших восемь министерств. Было создано и Министерство иностранных дел во главе с министром и государственным канцлером А. Р. Воронцовым, но Коллегия иностранных дел после ряда частичных преобразований, существенно изменивших ее устройство и значение, все же продолжала существовать и окончательно прекратила свою деятельность лишь в 1832 г. По указу об учреждении министерств предписывалось образовать при каждом из них свои канцелярии. Канцелярия при МИД была составлена из чиновников Коллегии. Она делилась на четыре экспедиции, первая из которых занималась азиатскими делами.

В предписании, данном Азиатскому департаменту 22 апреля 1819 г. (т. е. сразу же после его организации), статс-секретарем Министерства иностранных дел К. В. Нессельроде было определено, что этот департамент «имеет главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых и других каких-либо отношениях»[4].

Департамент состоял из двух отделений, разделяющихся, в свою очередь, каждое на два стола. Первое отделение вело: а) дела турецкие и б) дела персидские, грузинские и горских народов. Второе отделение рассматривало: а) дела кочевых народов Кавказской, Астраханской и частью Саратовской губернии, а также дела киргиз-кайсаков, т. е. казахских племен; б) дела всех других азиатских народов и дела, касающиеся личного состава департамента.

Директором Азиатского департамента назначался действительный статский советник К. К. Родофиникин (до 1837 г.)[5]; личный состав департамента в первое время после его учреждения был весьма немногочисленным: оба отделения управлялись Е. Ф. Тимковским, которому подчинялись два «канцеляр-

ских чиновника». Кроме этих трех чиновников в состав департамента вошло восемь переводчиков персидского, грузинского, китайского, греческого, молдавского, татарского и калмыцкого языков. Все эти люди осуществляли лишь организационные функции, а непосредственно в деятельность Азиатского департамента были вовлечены многие и многие чиновники, дипломаты, губернаторы и вообще все те, кому по роду их службы приходилось иметь дело с государствами Азии.

На Дальнем Востоке Азиатскому департаменту была подведомственна Пекинская духовная миссия (об учреждении ее еще Петром I говорилось выше). Насчитывая десять человек, она включала от четырех до шести светских сотрудников. Им поручалось изучение китайского, маньчжурского, тибетского и монгольского языков для дальнейшего (после возвращения в Россию) исполнения обязанностей драгоманов департамента. Значение Пекинской духовной миссии заключалось еще и в том, что она фактически, как упоминалось в гл. 3, играла роль дипломатического представительства России в Китае (попытка отправить в эту страну в 1806 г. посольство во главе с графом Ю. А. Головкиным окончилась неудачей). Сотрудники миссии фактически пребывали в соседнем государстве до десяти лет и имели возможность разносторонне его изучить. Отправлявшуюся в Пекин новую миссию на смену старой сопровождал полномочный представитель МИД — пристав, имевший право официально обсуждать пограничные проблемы, вопросы торговых взаимоотношений и т. п.

С деятельностью членов Пекинской духовной миссии и некоторых ее приставов связаны большие успехи в отечественном китаеведении. Здесь вновь следует прежде всего отметить заслуги Н. Я. Бичурина. Как начальник миссии, он провел в Китае 14 лет и вернулся на родину с огромным количеством ценнейших китайских книг и рукописей. Его перу принадлежит множество оригинальных трудов, а также немало переводов книг по древней и современной истории Китая, Тибета и Монголии [6].

Упоминавшийся выше Е. Ф. Тимковский, в 1820—1821 гг. пристав миссии, по возвращении опубликовал содержательное трехтомное исследование «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824), знакомившее читателей с различными сторонами жизни монголов и китайцев. Его труд был высоко оценен специалистами и, так же как и многие работы Н. Я. Бичурина, переведен на основные европейские языки.

Следует отметить также двухтомную работу «Путешествие в Китай» (СПб., 1853) пристава XIII духовной миссии в Пекине Е. П. Ковалевского, писателя и ученого, дипломата и общественного деятеля. Свои многочисленные путешествия с научными и дипломатическими целями он великолепно описал в различных статьях и книгах [7]. Он побывал в Бухаре и Хиве, Афганистане, Китае, Кашмире, Монголии, Египте, Эфиопии и многих других странах. В 1856—1861 гг. был директором Азиатского департа-

мента, возглавив его в важную для российской дипломатии эпоху.

В связи с активизацией взаимоотношений России с Казахстаном (или, как тогда его называли, киргиз-кайсацкими ордами) и среднеазиатскими государствами одновременно с учреждением Азиатского департамента был образован так называемый Азиатский комитет. Решение о его создании последовало после внесения Нессельроде на рассмотрение комитета министров представления оренбургского военного губернатора «о замыслах хивинского хана и о разграблении каравана в Киргизской степи», когда было признано необходимым передать обсуждение этих дел особому комитету. На основании утвержденных журналов комитета министров от 20 мая и 8 июля 1819 г. был образован комитет, в состав которого вошли военный министр, министр финансов и министр иностранных дел. Комитету поручалось рассмотреть положение дел на границах Оренбургского края и представить мнение о тех или иных мерах, направленных на улучшение торговли России с «Верхнею и Среднею» Азией и на охрану караванов, следующих в эти области.

Некоторое время спустя указом от 26 января 1820 г. был образован новый Азиатский комитет, обязанный заниматься делами не только оренбургских границ, но и Азии в целом. В него вошли статс-секретарь МИД К. В. Нессельроде, министр финансов Д. А. Гурьев, министр внутренних дел В. П. Кочубей, начальник главного штаба П. М. Волконский и — с 16 июля 1821 г. — член государственного совета М. М. Сперанский. Управление делами комитета было поручене директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину. В работе комитета принимали участие оренбургские военные губернаторы. Он собирался по мере необходимости от пяти до восьми раз в год. Главным его вопросом оставались дела киргиз-кайсаков, калмыков, взаимоотношения с Бухарским и Хивинским ханствами, Китаем, а также отчасти Персией (речь идет о проблемах, связанных с пограничными районами). С августа 1827 г. в связи с важностью назревших вопросов комитет стал считаться не временным, а постоянно действующим органом.

С 1847 г. заседания Азиатского комитета прекратились. Теперь более важными оказались дальневосточные проблемы, в связи с чем и возникли Сибирский и Амурский комитеты. После присоединения к России Амурского края в 1858 г. комитеты, занимавшиеся обсуждением политических вопросов, касавшихся Китая, Японии, Средней Азии, назывались особыми комитетами и собирались в присутствии императора; их делопроизводство оставалось в Азиатском департаменте.

Учреждение министерской канцелярии (с особой специальной азиатской экспедицией), а затем Азиатского департамента и Азиатского комитета были главными шагами на пути постепенного преобразования центрального управления Министерства иностранных дел и выделения внутри его специальных подразделений, занимавшихся исключительно проблемами восточных стран.

Осуществляя важные государственные функции — руководство внешней политикой, Коллегия (а позже министерство) иностранных дел стремилась к тому, чтобы не было недостатка в профессионально подготовленных, знающих местные языки и историю сотрудниках российских посольств, миссий и консульств, и прежде всего в странах Востока. Тем не менее такой недостаток ощущался. К началу XIX в. в России не было еще учебного заведения, которое на должном уровне готовило бы кадры востоковедов. С этим связаны проекты учреждения классов восточных языков при некоторых гимназиях, «восточных училищ», институтов и академий [8]. Вот некоторые из них.

Во-первых, назовем два проекта, представленных дипломатами: относящаяся к 1802 г. «Записка об образовании Азиатской академии» Яна Потоцкого (1761—1815), известного писателя-историка, археолога, этнографа и географа, в то время тайного советника, сотрудника Азиатского департамента [9], и представленный в 1810 г. «Проект Азиатской академии» С. С. Уварова (1786—1855), в будущем президента Академии наук, инициатора создания Азиатского музея и министра народного просвещения, а тогда секретаря российского посольства в Париже [10]. Отметим также никогда ранее не упоминавшийся в востоковедной литературе «Проект» 1802—1806 гг. министра народного просвещения графа П. В. Завадовского (1739—1812) [11].

Авторы проектов подчеркивали необходимость создать в стране специальное учебное заведение для изучения Востока, его языков и сетовали, что Россия, имея все основания (протяженные общие границы, коммерческие связи и т. п.) для исследования Азии, и даже большие, чем любая другая европейская страна, сильно отстает от последних из-за отсутствия «соответствующих заведений». «В ведомстве департамента Азиатских дел,— подчеркивал Завадовский в своем проекте,— из 16-ти переводчиков, по штату положенных, состоит 8 ваканций. Из всех переводчиков, на лицо состоящих при министерстве [иностранных дел], двое только могут прямо с своего языка переводить и писать по русски... Министерство, имея нужду в драгоманах восточных языков, неоднократно помышляло о учреждении школы для обучения арабскому, персидскому, турецкому и татарскому языкам...» [12].

Однако в силу различных причин все эти проекты не были реализованы. А введение преподавания персидского, арабского и турецкого языков в Казанском университете в 1806 г. и учреждение курсов восточных языков в Петербурге в 1818 г. было только началом изучения востоковедных предметов в высших учебных заведениях России. И в первые два десятилетия XIX в. в дипломатическом ведомстве, которое внимательно следило за развитием дел, связанных с этим вопросом, удерживалось мнение, что уровень университетского преподавания на существующих трех восточных кафедрах (на них обучались буквально единицы) недостаточен для специальных целей МИД.

30 июня 1821 г. С. С. Уваров, тогда попечитель Петербургского учебного округа, отвечая на запрос статс-секретаря МИД И. Каподистрии, писал, что успехи лиц, занимающихся восточными языками, к сожалению, не столь удовлетворительны, и просил принять для разъяснения в особой аудиенции приехавших еще в 1817 г. в Россию французских востоковедов профессоров Ж.-Ф. Деманжа и Ф.-Б. Шармуа (с ними читатель уже познакомился в предыдущей главе). Они представили на рассмотрение Каподистрии свой «План организации школы восточных языков при МИД», к которому в министерстве отнеслись очень внимательно. Главная цель устройства этого учебного заведения состояла в необходимости практического усовершенствования студентами знания разговорного и письменного восточных языков под руководством специалистов, долгое время проживших и прослуживших в странах Азии. Согласно «Плану», предполагалось изучение персидского, арабского, турецкого, армянского, новогреческого, а также итальянского и английского языков и мусульманского права [13].

Дальнейшая разработка вопроса об этой школе была поручена сотруднику МИД, бывшему первому драгоману при российской миссии в Стамбуле А. А. Фонтону, который 10 мая 1823 г. подал свою записку с планом ее организации [14]. Материалами при составлении этой записки служили не только «План» Деманжа и Шармуа, но и проекты Потоцкого и Завадовского, о которых вспомнили спустя несколько лет и сделали с них новые копии (ныне вместе с запиской А. А. Фонтона они хранятся в архиве в одной папке).

29 мая 1823 г. Александр I подписал указ о создании при Азиатском департаменте Учебного отделения восточных языков [15], занявшего со временем важное место в истории отечественного востоковедения. Определение Коллегии иностранных дел относительно учреждения этого отделения было вынесено две с небольшим недели спустя после царского указа—15 июня 1823 г.[16].

Согласно этим документам, новое учебное заведение должно было готовить молодых людей из числа выпускников восточных факультетов высших учебных заведений для дальнейшей дипломатической службы в «Леванте». Предполагалось, что будущие дипломаты будут иметь возможность постигнуть все необходимые для их службы практические сведения в дополнение к теоретическим, полученным в университете знаниям под руководством опытнейших востоковедов-преподавателей.

Для обучения на двухгодичном курсе Учебного отделения восточных языков по указу от 29 мая 1823 г. назначалось шесть студентов. На нужды отделения отпускалось ежегодно 20 тыс. руб. ассигнациями; из них жалованье профессорам составляло 3 тыс. руб., стипендия студентам — по 1 тыс., наем и содержание дома — 7 тыс., покупка книг и рукописей — 1 тыс. руб.

Первым управляющим (начальником, директором) Учебного отделения (до августа 1825 г.) был назначен Г. М. Влангали

(1781—1834), специалист по турецкому и персидскому языкам, дипломат, служивший ранее (с 1820 г.) первым переводчиком восточных языков при главнокомандующем в Грузии А. П. Ермолове. «Ваши глубокие познания в восточной словесности и Ваша опытность,— писал Влангали Нессельроде,— служат министерству верною порукою, что участие Ваше в деле сем произведет для оного самые выгодные последствия...» [17]. Влангали кроме исполнения обязанностей управляющего в Учебном отделении был также профессором турецкого языка. В 1826 г. он составил и издал в Петербурге в качестве учебного пособия французско-турецкий словарь. В дальнейшем Влангали был откомандирован в штаб главнокомандующего русской армией и принимал участие в русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войнах, участвовал в переговорах о заключении Туркманчайского и Андрианопольского мирных договоров.

На время отпуска Влангали его замещал Ф. П. Аделунг (1768—1842), член-корреспондент, ориенталист-историк, археолог, лингвист и библиограф, ставший позже почетным членом Академии наук. После ухода Влангали 7 сентября 1825 г. он возглавил отделение и оставался на этом посту 18 лет, до своей смерти.

Кроме директора Учебного отделения, согласно «Регламенту», или «Правилам», от 1 октября 1824 г., в состав его в первое время входили: секретарь (положенную по штату должность секретаря как для официальной переписки отделения, так и для ведения каталогов библиотеки и нумизматического кабинета исполнял один из помощников столоначальника Азиатского департамента с назначением ему небольшой прибавки из сумм Учебного отделения); два ординарных профессора (для теоретического изучения восточных языков); два профессора (или репетитора) для практического изучения восточных языков; преподаватель французского языка [18]. На следующий год было введено преподавание истории и географии стран Азии, что отразилось в новых, более систематизированных и подробных «Правилах» от 14 октября 1829 г., составленных, как и первые, Ф.-Б. Шармуа. Они включали 5 разделов и имели 49 параграфов, определяющих цели Учебного отделения, его структуру, права и обязанности директора, преподавателей и студентов [19].

В Учебное отделение принимали молодых людей (не моложе 18 лет) из православных дворян, окончивших университет, гимназию или лицей. При этом знание восточных языков было не обязательным (как это планировалось поначалу), а желательным. Поступающие обязаны были представить только диплом об окончании того или иного учебного заведения, который должен был свидетельствовать об успешных знаниях выпускника истории, географии, статистики, русской, латинской и французской литературы. Хорошее знание французского языка было непременным условием для поступающих. Для тех, кто не знал восточных языков и начинал занятия «с азбуки», предполагался не

двухлетний, а четырехлетний курс обучения. Вообще этот срок не был строго определен и на практике для студентов был разным: для одних — год-полтора, другие задерживались в Учебном отделении пять лет. В 1830-х годах принимали даже не только лиц, кончивших разные высшие учебные заведения, но и тех, «кои получали первоначальное образование дома или в частных училищах». Естественно, эти студенты дольше учились в отделении. Однако такая практика продолжалась недолго, и уже в 40-х годах вернулись к прежним условиям приема.

Время обучения в этом заведении засчитывалось выпускникам в срок действительной гражданской службы. Если они ранее не имели чина, то по окончании Учебного отделения получали самый младший гражданский чин XIV класса — коллежских регистраторов. Все студенты были обязаны посещать все занятия; пропуски могли объясняться лишь болезнью с предъявлением заверенной личной печатью врача справки (интересно, что они сохранились в личных делах студентов). Занятия начинались в 8 утра; студенты оставались в стенах здания отделения (где, кстати, они не только учились, но и жили) до 7 часов вечера (готовили задания, обедали, ужинали и т. п.) и только потом у них было свободное время, но лишь до 11 часов. Они носили форму сотрудников Министерства иностранных дел.

Учебное отделение восточных языков размещалось в специально нанятом для него министерством доме на Большой Морской улице (ныне ул. Герцена), в «официальной» части города. Кроме шести основных студентов могли зачисляться и желающие прослушать курс — экстраординарные студенты.

К июлю 1823 г. были набраны шесть воспитанников (кандидатуры их обсуждались на довольно высоком уровне), которые и составили самый первый курс Учебного отделения. Но уже в ходе обучения некоторые из них по тем или иным причинам отсеялись, и на их место были приняты новые слушатели. В результате вся шестерка была разбита на три класса в зависимости от времени их поступления и, следовательно, уровня их знаний. Студентами первого класса были Н. Бероев, И. Ботьянов и Л. Шпицнагель, второго — С. Богданов, третьего — А. Жаба, П. Титов, а также принятый почти перед самым уже выпуском первого класса А. Ходзько. Каждый класс имел собственную программу занятий, даже второй, в котором был только один студент; с ним одним, как увидим ниже, занимались лучшие профессора-востоковеды Европы. Это свидетельствует о том большом значении, которое придавали в Министерстве иностранных дел России обучению будущих работников посольств и консульств на Востоке.

Для студентов двухгодичного курса, т. е. уже имеющих знания восточных языков, в первый год обучения преподавались только арабский и французский языки, во второй — персидский, а спустя полгода после начала его изучения — еще и турецкий. Как видим, в Учебном отделении поначалу были введены только

эти четыре языка (в отличие от семи, предусмотренных «Планом» 1821 г. Деманжа и Шармуа).

Почти за столетнее существование Учебного отделения (до 1918 г.) из его стен вышло немало замечательных востоковедов. Что касается профессорского состава, то первыми профессорами восточных языков в отделении (кроме Влангали) были назначены, как мы уже знаем по предыдущей главе, приехавшие еще в сентябре 1817 г. для преподавания в Главном педагогическом институте (преобразованном с 8 февраля 1819 г. в Петербургский университет) по рекомендации патриарха востоковедов Сильвестра де Саси его молодые ученики Жан Франсуа Деманж и Франсуа Бернар Шармуа (первый — специалист по арабскому языку, второй — по персидскому и турецкому). Шармуа в декабре 1817 г., а Деманж в 1820 г. были причислены к государственной Коллегии иностранных дел.

Таким образом, с самого начала в Учебном отделении преподавание поручалось не только востоковедам-практикам (как это и предусматривалось), таким, например, как Г. М. Влангали или, позднее, П. И. Демезон, но и ориенталистам-теоретикам, не имеющим очень большого опыта службы непосредственно в странах Востока (так, Деманж и Шармуа лишь короткое время находились с поручениями в Иране при главнокомандующем И. Ф. Паскевиче во время русско-иранской войны 1826—1828 гг., т. е. уже тогда, когда служили в Учебном отделении, а не ранее).

Иногда те же преподаватели занимали кафедры и в Петербургском университете. Шармуа в 1831 г. вернулся в университет (откуда он вместе с Деманжем ушел в 1822 г.), продолжая преподавать и в Учебном отделении. С 1823 по 1867 г. практические занятия по персидскому и турецкому языкам здесь вел Мирза Джафар Топчибашев (о нем говорилось выше, в гл. 3), которого позже заменил Казем-бек. Топчибашев в 20—40-х годах преподавал одновременно в Петербургском университете. В 1839 г. для ведения курса арабского языка в Учебное отделение был приглашен египетский шейх Мухаммед Аяд Тантави, профессор при Эльазгарской мечети в Каире (ныне университет Аль-Азхар), прославивший свое имя в европейской науке, а с 1848 г. он начал преподавать и на кафедре арабского языка в Петербургском университете [20].

Среди преподавателей-«практиков» Учебного отделения следует назвать П. И. Демезона (1807—1873), назначенного 18 апреля 1836 г. профессором персидского и турецкого языков.

Выпускник Казанского университета, позже ученик Г. М. Влангали, он с 1829 г. служил в Казанском университете, затем преподавал персидский и арабский языки в Неплюевском военном училище в Оренбурге, одновременно исполняя обязанности переводчика в оренбургской пограничной комиссии. В 1833—1834 гг. Демезон выполнял важное поручение МИД (дипломатическую поездку в Бухарское ханство) и составил для

Азиатского департамента два очень интересных и важных в научном плане отчета об этой миссии [21]. Это свое путешествие Демезон совершил инкогнито, переодевшись татарским муллой. Совершенное владение персидским, арабским и татарским языками, безупречные знания восточных обычаев, этикета, религии и литературы позволили ему долгое время прожить в мусульманской стране, встречаться с высшими представителями власти и духовенства, посещать свободно мечети и диспуты в медресе и все время оставаться неузнанным.

Он не оставил дипломатическое поприще и после назначения на службу в Учебное отделение восточных языков. Так, около года (1840—1841) он провел в Тегеране в составе русской миссии, был драгоманом пятого (высшего) класса при Азиатском департаменте. В начале 1843 г., по смерти Ф. П. Аделунга, он занял место начальника Учебного отделения (до 1872 г.).

Следовательно, можно говорить не только об «академичности» преподавания в отделении, но и о близости и взаимном проникновении науки и дипломатии в этом учебном заведении, что, естественно, приносило лишь пользу, так как одна важная сторона обучения дополняла и обогащала другую. И в этом также была одна из особенностей Учебного отделения восточных языков.

Репетиторами турецкого языка были выходцы из Стамбула: К. Чорбаджи-оглу (с 1823 по 1844 г.), сменивший его Оханнес Амиди (до 1849 г.), затем Вехби-эфенди (с 1852 по 1856 г.).

Овладение восточными языками являлось главной целью обучения, и здесь большое внимание, повторяем, уделялось именно практическим занятиям: чтению и переводу, устной речи, каллиграфии и умению составлять деловые документы. Вот, например, программа практических занятий Топчибашева [22]:

1) устный перевод. «Старался приучить студентов к чистоте выговора и легкости изъяснения мыслей, показывая им при этом красоты аллегорий и метафор персидского языка»;

2) перевод на русский язык 20 од Хафиза;

3) перевод на персидский сочинений Карамзина, Жуковского, Крылова;

4) изучение персидской каллиграфии;

5) «Приучал студентов к дипломатическому слогу персидского языка», переводил шахские ферманы;

6) переводил турецкие книги и ферманы.

А это записка одного из студентов (И. Ботьянова или Л. Шпицнагеля) от 1825 г.: «В продолжение моих лекций я занимался: 1-е. Толкованием и переводом „Гюлистана“ Сади и поэм Хафиза. 2-е. Переводами с российского на персидский язык. 3-е. Дипломатическими сочинениями. 4-е. Каллиграфиею. 5-е. Разговорами. 6-е. Сверх того занимался чтением всяких сочинений на персидском, равно и на турецком языках, читанных другими профессорами. Но главное мое занятие в продолжение одного года и 5 месяцев состояло в практических заняти-

ях и переводах с российского на персидский язык, в чем и успех их наиболее вознаградил мое старание»[23]. (Письменные переводы, выполненные студентами в ходе занятий или специально для экзаменов, сохранились в их личных делах.)

Кроме переводов с русского языка и на русский студенты делали и переводы восточных текстов на французский язык и с французского — на восточные. Изучению очень важного, дипломатического языка XIX в. — французского, как мы уже говорили, уделялось большое внимание. Студенты должны были овладеть легкостью и изяществом чтения, перевода и составления дипломатических документов. В первой половине XIX в. французский язык преподавали французы Рифе (1825—1829), Матье (1829—1850) и Тами (с 1850 г.).

Позже курс в Учебном отделении был дополнен изучением и других языков: итальянского (его с самого начала, т. е. с 1835 и по 1850 г., вел Манзини), новогреческого (с 1851 г.) и татарского (с 1888 г.). С 1825 г. были введены история и география стран Азии (с перерывом, до 1843 г.). Первыми преподавателями этих предметов были Арберг (1825) и Синнер (1825—1827). Б. А. Дорн, бывший профессор Харьковского университета, зачисленный в штат Учебного отделения в сентябре 1834 г. вел в 1834—1843 гг. историю, географию и нумизматику Востока[24]. Уже во второй половине века началось изучение международного и мусульманского права. Так постепенно, с течением времени, в отделении стали преподаваться все те предметы, какие предлагались еще по «Плану» французских профессоров в 1821 г.

Пособиями для занятий служили не только книги и хрестоматии, но и подлинные дипломатические документы, «кои могли бы служить образцами для господ студентов, обучающихся в Учебном отделении восточных языков», и которые были присланы специально из архивов МИД по запросу Азиатского департамента уже в августе 1823 г.[25].

Еще по указу об организации Учебного отделения предписывалось создание библиотеки, а на покупку книг и рукописей, как упоминалось выше, отпускалась ежегодно тысяча рублей. Комплектованием библиотеки занимался лично директор Ф. П. Аделунг. Причем покупались не только современные издания, но и уникальные манускрипты из лучших коллекций Европы. Так, в 1828 г. русский посланник в Риме Г. Г. Гагарин специально для Учебного отделения прислал очень большое количество восточных рукописей и миниатюр, составлявших, в частности, собрание покойного А. Я. Италинского (бывшего посланника в Неаполе и Риме, а ранее — в Стамбуле, члена Российской Академии наук, страстного собирателя древностей). Этот факт лишний раз свидетельствует о том внимании, которое уделялось данному учебному заведению. Книги и рукописи не просто стояли на библиотечных полках — по ним учились. Но в этой библиотеке находились не только печатные и рукописные издания

на языках, изучаемых в Учебном отделении, но и, например, на китайском, маньчжурском, монгольском, японском, а также языках Индии. Это были поэзия, проза, сочинения историков и богословов, философов и монахов.

За первый год, с мая 1823 по май 1824 г., были куплены 63 рукописные и печатные книги (42 названия) на 1943 руб. Так как выделенной тысячи рублей в год не хватило, то по указу от 30 января 1825 г. на ежегодные нужды Учебного отделения (в том числе и на покупку книг) было добавлено еще 5 тыс. руб.

Согласно «Правилам», книги и рукописи, находившиеся в библиотеке отделения, не только хранились и выдавались для занятий студентам и преподавателям, но и специально описывались. Это было очень важно. Библиотека (поступившая в 1921 г. в Азиатский музей Академии наук) долгое время оставалась единственной в России, которая осуществила подробное описание своего фонда. В. В. Бартольд в 1925 г. подчеркивал, что вообще число восточных рукописей, находящихся в Ленинграде, настолько значительно, что «Ленинграду в этом отношении принадлежит одно из первых, если не первое место среди европейских городов» [26].

Учебное отделение располагало и уникальной коллекцией восточных монет и медалей. Они приобретались регулярно. Уже за первые 15 лет было собрано около 4200 редких экземпляров, и нумизматическое собрание со временем также стало одним из крупных в Европе.

6 мая 1826 г. в здании гостиницы МИД на Садовой улице состоялись публичные выпускные экзамены Учебного отделения восточных языков. Их сдавали три человека: Н. Бероев, И. Ботьянов и Л. Шпицнагель. На экзаменах присутствовали все преподаватели, студенты, а также гости. Среди этих 34 приглашенных лиц были министры, члены Государственного совета, дипломаты, ученые, деятели просвещения, писатели и поэты, в частности члены Азиатского комитета в полном составе (т. е. главнейшие министры России), а также Г. М. Влангали, Ю. А. Головкин, П. Г. Дивов, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, К. А. Ливен, А. Ф. Негри, А. Н. Оленин, А. И. Рибопьер, О. И. Сенковский, Г. А. Строганов, С. С. Уваров, А. А. Фонтон и др.

Экзамены открывались речью Шармуа, в которой он высоким слогом говорил об Учебном отделении восточных языков. Затем начались непосредственно экзамены по арабскому, персидскому и турецкому языкам. Выпускники проводили грамматический разбор текстов, перевод, беседовали на восточных языках с преподавателями. Известный дипломат, знаток Ирана А. Ф. Негри и проф. О. И. Сенковский задавали им вопросы. Каждый из студентов выступил со «свободной речью»: Н. Бероев — по-турецки, И. Ботьянов и Л. Шпицнагель — по-персидски.

Экзамен прошел весьма успешно и стал заметным событием для современников. Отчет о нем поместила петербургская

«Journal de St. Pétersbourg. Politique et littéraire» от 8/20 мая 1826 г. Газета подчеркнула, что студенты показали отличные знания. Большая информация об Учебном отделении и об экзаменах 6 мая была напечатана в январских номерах (№ 18 и 19) за 1827 г. немецкой газеты «Leipziger Literatur-Zeitung».

Царским указом от 26 мая 1826 г., по представлению К. В. Нессельроде, все преподаватели были награждены орденами и денежной премией; награды получили и выпускники.

Надо сказать, что не только самый первый экзамен привлек к себе такое большое внимание. И в последующие годы оно не ослабевало. Так, на втором публичном экзамене второго выпуска (16 марта 1828 г.) присутствовали 40 высоких гостей (среди новых имен — Х. Д. Френ и А. С. Грибоедов); на четвертом экзамене (23 марта 1833 г.) — 60 лиц (в их числе И. Ф. Крузенштерн и И. Ф. Паскевич-Эриванский). Награды после этих экзаменов были даже более щедрыми, чем за первый экзамен [27].

Выпускники Учебного отделения направлялись, согласно «Правилам», драгоманами и секретарями русских консульств и миссий в страны Ближнего Востока. Всего в первой половине XIX в. было выпущено 45 специалистов. Их можно было встретить в Александрии, Адрианополе, Анкаре, Астрабаде, Бейруте, Гиляне, Каире, Константинополе (Стамбуле), Салониках, Тавризе (Тебризе), Тегеране, Трапезунде, Эрзеруме и других восточных городах. Многие из выпускников отделения стали позже советниками посольств, консулами и генеральными консулами, дипломатическими чиновниками при главнокомандующих и наместниках, сотрудниками Азиатского департамента в Петербурге.

Знания, приобретенные в Учебном отделении восточных языков, высоко ценились. Так, в июле и октябре 1828 г. новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов дважды обращался к К. В. Нессельроде с просьбой прислать для открывающегося при одесской гимназии «восточного института» преподавателя турецкого языка из числа выпускников Учебного отделения [28]. Он получил отказ, в котором сообщалось, что подобные специалисты нужны самому МИД, а кроме того, они обучались на казенный кошт и обязаны отслужить положенный срок в государственных учреждениях [29].

В МИД считали, что десять лет спустя после открытия Учебного отделения нехватка в сотрудниках, обладающих востоковедными знаниями, будет ликвидирована. Уже в «Правилах» 1824 г. говорилось, что через десять лет никто другой, кроме выпускника Учебного отделения восточных языков (т. е. никакое лицо, получившее образование в другом заведении), не сможет занять место драгомана или секретаря русского посольства на Востоке. Так оно и было на самом деле.

За 95 лет существования Учебного отделения его закончили (вместе с обучавшимися здесь в 1883—1910 гг. военными) немногим более 250 человек. На первый взгляд — мало. Но это

были специалисты самого высокого класса. Не случайно, многие из выпускников по окончании дипломатической службы стали учеными. В первой половине XIX в. это: В. В. Григорьев, А. О. Мухлинский — будущие профессора Петербургского университета, адъюнкт университета Н. Л. Бероев, И. В. Петрашевский, П. С. Савельев, М. А. Гамазов и др.

В. В. Григорьев (1816—1881), выпускник Петербургского университета, по окончании Учебного отделения восточных языков (1836) был причислен к названному университету для «приготовления» к профессорскому званию, но затем, получив приглашение из Одессы, занял место профессора восточных языков в Ришельевском лицее (1838—1844). Позже он поступил в Министерство внутренних дел, в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. Кроме того, Григорьев служил в Оренбурге (с 1851 г.), принимал участие в походе на Ак-Мечеть, заведуя походной канцелярией, а в 1854—1862 гг. состоял управляющим областью оренбургских казахов. С 1863 г. он преподавал на факультете восточных языков в Петербургском университете и в 1873—1878 гг. был его деканом (о нем см. ниже).

И. В. Петрашевский (1796—1869), выпускник Виленского университета, несколько лет спустя после окончания Учебного отделения служил в МИД (1833—1840) — сначала драгоманом, позднее секретарем русского посольства в Стамбуле, затем консулом в Смирне, Яффе, Александрии и Салониках. С 1845 г. он — доктор в университете в Галле, с 1847 по 1869 г. — лектор восточных языков на философском факультете Берлинского университета. Ранее, в 1842—1844 гг., Петрашевский был помощником А. О. Мухлинского, читавшего курс турецкого языка в Петербургском университете и руководившего кафедрой.

Об А. О. Мухлинском подробно говорилось в гл. 3, в параграфе «Петербургский университет». Напомним, что по окончании Виленского университета в 1828 г. он был прикомандирован к Петербургскому университету; одновременно он прослушал курс Учебного отделения восточных языков. В 1832—1835 гг. состоял на дипломатической службе в Османской империи, по возвращении откуда был зачислен адъюнктом Петербургского университета, где в 1836—1839 гг. преподавал арабский язык, в 1839—1845, 1849—1853 гг. был экстраординарным профессором кафедры турецкого языка, с 1853 по 1866 г. — ординарным профессором. В 1859—1866 гг. Мухлинский был деканом факультета восточных языков.

М. А. Гамазов (1812—1893) сначала находился на военной службе, затем, в 1835 г., стал актуариусом в Санкт-Петербургском Главном архиве МИД и с того же года — студентом Учебного отделения восточных языков. По окончании его в 1839 г. его назначили на должность драгомана в Стамбуле, в 1842 г. — драгомана в Александрии, в 1848 г. — секретаря и переводчика при комиссии по демаркации ирано-турецкой границы, в 1854 г. — на должность генерального консула в Гиляне. В 1872 г.

признанный специалист в восточной словесности и опытнейший дипломат Гамазов был назначен директором Учебного отделения. Под его руководством и по его инициативе была издана серия каталогов восточных рукописей, хранящихся в библиотеке Учебного отделения. Он был составителем и первого в России специального «Краткого военно-технического русско-французско-турецко-персидского словаря с русскою транскрипциею восточных слов» (СПб., 1887).

Многие преподаватели Учебного отделения были собирателями восточных рукописей и монет, авторами критических публикаций текстов и переводов и, что очень важно, авторами учебных пособий и словарей.

Тот факт, что Учебное отделение подготавливало столь небольшое число специалистов, начиная с середины XIX в. вызывал неоднократные споры между МИД, Министерством народного просвещения и Петербургским университетом о правильности его статуса как самостоятельного учебного заведения. В конце 40-х — начале 50-х годов рассматривался проект о централизации преподавания восточных языков (о создании специального Азиатского института) и упразднении соответствующих курсов во всех прочих высших учебных заведениях [30]. Учебное отделение восточных языков должно было влиться в новый институт, став его частью и утратив самостоятельность.

Отметим, что подобный план возник в середине века, т. е. в тот период, когда востоковедные дисциплины в высших учебных заведениях заняли прочное место среди других гуманитарных предметов и даже получили заметное развитие. Следует добавить, что Учебное отделение, имея сильную материальную основу и отличных преподавателей, оказывало влияние на развитие изучения востоковедных предметов в других учебных заведениях России.

Упомянутый проект не был осуществлен в свое время. Но споры по поводу этого проекта продолжались и позже. Забегая вперед, скажем, что в январе 1864 г. профессор Петербургского университета А. К. Казем-Бек, отвечая в своей записке [31] на вопросы Министерства народного просвещения, высказался следующим образом: «...при существовании нашего университетского учреждения восточных языков, в котором объем преподавания их во всех отношениях гораздо обширнее и несравненно полнее, Учебное отделение тех языков при Азиатском департаменте непременно должно упразднится» [32]. (Подобное мнение, однако, не помешало Казем-Беку в 1867 г. самому стать профессором персидского языка в Учебном отделении.)

Декан факультета восточных языков А. О. Мухлинский, сам в прошлом выпускник Учебного отделения, подал в Министерство народного просвещения составленную им записку от имени факультета, в которой подчеркивал, что у факультета более обширные цели в подготовке востоковедов, тогда как Учебное отделение имеет строго определенные, конкретные цели — подго-

товку востоковедов-практиков для дипломатической службы. И в этом его особенность. В университете преподаются 14 восточных языков, в Учебном отделении — только 3, но изучение их более углубленное, причем большое внимание при этом отводится именно практическим занятиям. Он напомнил, что Учебное отделение возникло тогда, когда университетское преподавание восточных языков в России делало еще первые шаги и находилось в стадии становления, что у отделения — добрая репутация, что «библиотека его и нумизматический кабинет пользуются большой известностью по богатству своему в рукописях и редких монетах. В какой мере заведение это в продолжение 40-летнего существования его исполняло свое назначение и соответствует ему ныне, судить о том факультет не считает приличным». Относительно объединения нескольких учебных заведений в одно А. О. Мухлинский сказал: «...факультет восточных языков, пользуясь настоящим случаем, считает долгом заявить, что нисколько не разделяет мысли о пользе присоединения к нему института восточных языков при Азиатском департаменте с образованием из обоих учреждения особого, целого, отдельного от университета,— мысли, которая родилась было в Министерстве народного просвещения... но, благодаря Богу, не осуществилась» [33].

«Институт (т. е. Учебное отделение.— *Авт.*) обвиняют в том, что он выпускает из стен своих на службу слишком малое число студентов в соразмерности с суммами, которые отпускаются на его содержание,— писал в январе 1886 г. директор Учебного отделения М. А. Гамазов,— и что поэтому приготовление драгоманов обходится государству чрезвычайно дорого. Обстоятельство это, по справедливости, не может быть поставлено в вину Учебному отделению». Далее он напомнил, что, например, обучение студентов в специальных классах Лазаревского института «обходится казне несравненно дороже наших», но эти затраты вполне оправданны [34].

Будучи подведомственным такому весьма солидному и важному государственному учреждению, как МИД, Учебное отделение всегда находилось в сфере его внимания и опеки, имело солидную материальную основу: лучших преподавателей, высокие стипендии студентам, возможность приобретать все необходимые учебные пособия, книги, рукописи и т. п. Безусловно, такая стабильность всегда важна для хорошей, результативной работы учебного заведения. И, несмотря на относительно небольшое число выпускников, существование Учебного отделения всегда оправдывало себя, и не только в материальном отношении, но, главное, в научном и научно-практическом. Учебное отделение восточных языков находилось в системе всех других востоковедных учреждений России, не претендуя на главенствующую роль, являлось составным звеном этой системы, дополняя и обогащая ее важным опытом учебной и исследовательской деятельности. Указом от 29 ноября 1835 г. оно было зачислено в первый раз-

ряд (т. е. в разряд высших) учебных заведений России, куда были отнесены университеты и лицеи [35].

26 апреля 1828 г. при Учебном отделении восточных языков по решению Азиатского комитета, утвержденного Николаем I, был организован годичный класс калмыцкого языка для десяти учеников из числа воспитанников Приказов общественного призрения с целью подготовки переводчиков для дальнейшей службы в пограничных областях России. Класс помещался в отдельном здании, имел своих преподавателей и своего заведующего (им был назначен сотрудник МИД, титулярный советник Г. Шмидт) [36].

Иногда при изучении архива МИД встречаются материалы, отпечатанные литографским способом. Первая в России литография возникла в 1816 г. именно в МИД. Устроителем и директором ее стал дипломат и ученый Павел Львович Шиллинг фон Канштадт (1786—1837). Служа в МИД с 1803 г. переводчиком, он был причислен к посольству в Мюнхене. С началом в Европе войн он вернулся в Россию, но в 1813—1814 гг. вновь оказался за границей вместе с русской армией. Приехав в Петербург, продолжил службу в МИД, но уже в Азиатском департаменте.

Шиллинг был талантливым человеком и разносторонним ученым, занимаясь, казалось бы, совершенно непохожими науками: физикой (электрическим током, телеграфом) и криптографией, лингвистикой, китайским языком, собиранием и изучением дальневосточных рукописей. В Германии и Франции он близко познакомился с физиками Зёммерингом, Ампером, Якоби, востоковедом Г.-Ю. Клапротом. В России его другом и учителем был Н. Я. Бичурин. Вместе с ним и с А. С. Пушкиным он намеревался в 1829 г. отправиться в Китай (в чем, к сожалению, правительство им отказало). Но в 1830—1832 гг. Шиллинг почти два года провел в Восточной Сибири, собрав во время своих путешествий (или, скорее, пополнив уже имевшуюся у него коллекцию) чрезвычайно ценные тибетские, монгольские, китайские и японские рукописи, костюмы, предметы культа. Эта коллекция была выставлена в его петербургской квартире на Марсовом поле для обозрения (после его смерти собрание было передано в Азиатский музей). Этот «китайский музеум» привлекал большое число посетителей.

Организовав в Петербурге при МИД «литографическое заведение», Павел Львович издавал памятники китайской письменности по собственному, изобретенному им самим способу. Современник-журналист Н. И. Греч писал, что Шиллинг «вздумал воспроизводить китайские письмена посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках... никто в целой Европе не мог догадаться, как это делается... знатоки китайской грамоты дивились чистоте и верности этих оттисков и не верили, что они были исполнены вне Китая» [37]. В конце 1820-х годов он издал литографским спо-

собой труды Н. Я. Бичурина, который в предисловии к одной из книг отметил, что буквы китайского текста «вылитографированы столь чисто, столь правильно, что нимало не уступают стереотипу пекинской дворцовой типографии».

В 1828 г. П. Л. Шиллинг стал членом-корреспондентом Академии наук. Он получил признание и известность у востоковедов не только России, но и различных стран Европы.

В 1833—1835 гг. в Петербурге находился Джордж Борро — английский ученый-лингвист, писатель и переводчик (ему, кстати, принадлежат первые переводы с русского на английский поэзии Пушкина). Он прибыл по заданию Британского Библейского общества, чтобы осуществить в литографии МИД издание Евангелия на маньчжурском языке (официальном в ту эпоху языке пекинского двора и администрации). Ранее по заказу этого же общества данный перевод был выполнен членом-корреспондентом Академии наук, сотрудником Азиатского департамента С. В. Липовцовым (1772—1841). 20 лет он прожил в Китае при русской духовной миссии и превосходно знал китайский и маньчжурский языки. В коллекции Шиллинга находилась рукопись еще одного маньчжурского перевода, выполненного французским иезуитом Пьеро. Сведение двух этих переводов в один и их издание и осуществили Д. Борро и С. В. Липовцов (почти весь тираж — 200 экземпляров — был отправлен затем в Англию, еще 7 книг остались в России) [38].

С. В. Липовцов был автором «Маньчжурского словаря» (СПб., 1838), составил «Каталог китайским и японским книгам, в библиотеке Императорской Академии наук хранящимся» (СПб., 1818), перевел и издал еще несколько китайских и маньчжурских рукописей.

Из сказанного выше видно, что по характеру своей деятельности Азиатский департамент МИД привлекал в свой состав востоковедов разных специальностей и очень высокой квалификации. Отметим, что в 10—20-х годах к департаменту были причислены: А. М. Худобашев (впоследствии автор армяно-русского словаря и учебной книги армянского языка), входивший в состав миссии А. П. Ермолова в Иран в 1817 г.; знаменитые китаисты Н. Я. Бичурин, З. Ф. Леонтьевский, П. И. Каменский; Я. О. Ярцов, бывший также в канцелярии посольства А. П. Ермолова, затем, с 1818 г., драгоман Азиатского департамента, а с 1819 г. — адъюнкт Академии наук.

Таким образом, Азиатский департамент, как и его Учебное отделение, располагали отличными востоковедными кадрами, которые своей научной и дипломатической деятельностью способствовали дальнейшему прогрессу как науки, так и дипломатии и практического востоковедения.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ВОСТОКЕ

Разумеется, чрезвычайно существенное значение для исследования обстановки на Востоке и выработки правительством

соответствующей политики имели дипломатические представительства России. В первой половине века их было немного: миссии в Стамбуле («при оттоманском дворе») и Тегеране («при шахском дворе»), находившиеся там еще с XVIII в.; в 1843 г. к ним прибавилось генеральное консульство в Бейруте (его полномочия распространялись на Сирию и Палестину); в 1847 г. — в Адрианополе (Эдирне), ведавшее консульскими делами в европейской части Османской империи.

Депеши и другие документы, поступавшие в Петербург из этих «установлений», обусловливали выработку у правящих кругов Российской империи необходимых представлений о восточных соседях, тем более что этими дипломатическими учреждениями руководили, как правило, люди с большим опытом и широким политическим кругозором. Достаточно назвать, к примеру, находившегося в Тегеране с августа 1828 г. в ранге полномочного министра А. С. Грибоедова. На службу в Министерство иностранных дел он поступил в 1817 г. Был секретарем русской миссии в Тебризе, состоял в штате наместника Грузии А. П. Ермолова. В 1827 г. ему было предписано ведать дипломатическими сношениями с Ираном и Османской империей. В 1828 г. он принимал участие в подготовке и заключении Туркманчайского мирного договора с Ираном [39].

С 1832 по 1838 г. на том же посту «российского императорского полномочного министра в Персии» оказался «полковник и кавалер» граф Симонич; кроме чисто дипломатических документов он оставил МИД после себя объемистую рукопись мемуаров о положении в Иране в годы его пребывания там [40].

Важнейшие данные об Афганистане, с которым Россия не имела непосредственных отношений, во второй половине 1830-х годов поступали от добравшегося до Кабула с дипломатическим поручением прапорщика И. В. Виткевича, побывавшего ранее в Бухарском ханстве [41]. К сожалению, этот талантливый молодой человек по возвращении из Афганистана в Петербург в мае 1839 г. при загадочных обстоятельствах погиб (покончил с собой или был убит), а привезенные им материалы об Афганистане бесследно исчезли (возможно, были похищены или же уничтожены им самим) [42].

Много полезных сведений об Османской империи, особенно о находившихся под ее владычеством арабских областях, собрал К. М. Базили. Сотрудник Азиатского департамента МИД с 1833 г., он в 1839—1844 гг. был консулом, а в 1844—1853 гг.— генеральным консулом в Сирии и Палестине [43].

Весьма ценной была информация, полученная во время официальных дипломатических миссий и просто поездок российских дипломатов (или лиц, выполнявших дипломатические поручения) в страны Востока. Из первых можно выделить, например, уже упоминавшуюся выше миссию во главе с А. П. Ермоловым в Иран в 1817 г. В состав ее входили люди разного рода деятельности (дипломаты, военные, ученые, один художник), но

объединенные общим заданием. Каждый из них по-своему отразил то, что видел и делал во время поездки в Иран и пребывания там. Архивные материалы, связанные с этой миссией, представляют собой огромную научную ценность. Многое уже было опубликовано [44], но многое еще ждет своего часа (например, дневник, который вел на французском языке член миссии, замечательный дипломат А. Ф. Негри). Позже, в 1820 г., Негри сам возглавил «императорскую миссию» в Бухарское ханство; в результате и этой поездки осталось множество очень интересных материалов о разных аспектах жизни этого восточного соседа России.

В 1841 г., во время англо-афганской войны, когда позиции англичан вплотную приблизились к бухарским границам, из России по приглашению эмира Бухары в ханство была отправлена политико-научная миссия в составе горного инженера подполковника К. Ф. Бутенева (глава миссии), ориенталиста Н. В. Ханыкова, натуралиста А. И. Лемана и др. В политическом отношении эта поездка не вполне себя оправдала, но зато было издано много ценных исторических и естественнонаучных трудов о соседнем ханстве [45].

Отдельные поездки русских представителей по заданиям Министерства иностранных дел в страны Востока в силу их отдаленности, труднодоступности для европейцев, опасности пути совершались не очень часто. И поистине бесценными были сведения, собранные дипломатическими агентами МИД. Они содержали важные подробности о политике, экономике, природе, культуре, быте и нравах населения тех или иных стран. Здесь в качестве примера можно еще раз упомянуть поездки в Бухару П. И. Демезона и И. В. Виткевича; поездки в Синьцзян, Афганистан и Индию в 1810-е годы российских купцов М. Рафаилова [46] и Р. Данибегова (Данибегашвили) [47], выполнявших кроме своих коммерческих дел также задания МИД.

ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО

Не менее важным и активным было изучение стран Востока и восточных языков и в военном ведомстве.

Военное востоковедение в России, зародившееся, как и вообще военно-научная деятельность, в XVIII в., в первой половине XIX столетия получило свое дальнейшее развитие. Ближайшей практической задачей оставалось изучение тех областей Азии и Европейской Турции, которые могли стать вероятным театром военных действий. Однако опыт ясно показывал, что в отличие от обычной военной разведки объектом военного востоковедения должно было стать изучение не только вооруженных сил азиатских государств, но и их география, экономика и политика, этнический состав населения, его нравы, обычаи, религия и т. п. Одной из важнейших проблем было овладение восточными язы-

ками. Столь широкий круг вопросов способствовал формированию востоковедения как отдельной отрасли в военно-научной работе. Постепенно складывалась группа офицеров, специализировавшихся на изучении Востока. В основном это были офицеры генерального штаба [48], на которых в мирное время возлагалось выявление вероятных театров военных действий. Тем не менее в военном ведомстве в начале XIX в. не существовало учреждения, которое занималось бы вопросами востоковедения.

Особенно остро возникала необходимость в получении достоверной информации, когда на восточных рубежах Российской империи назревал военный конфликт. Так, уже в начале 1801 г. в связи с обострением русско-английских отношений Павел I отдал приказ атаману Войска Донского В. П. Орлову предпринять поход в Индию с целью ликвидации там английских колониальных владений [49]. В рескрипте на имя В. П. Орлова от 12 января 1801 г. говорилось: «От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию Вам и войску Вашему, Василий Петрович. Соберитесь Вы со оным и выступите в поход к Оренбургу, откуда любою из трех дорог или и всеми пойдите и с артиллериею прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие» [50].

Очевидно, что сроки движения казачьего войска, указанные в рескрипте, были более чем сомнительными, не учитывающими реальной обстановки. Тем более что первый этап похода, до Оренбурга, приходился на зимние и весенние месяцы, когда казачьи лошади жестоко страдали от бескормицы, а переход по степям Средней Азии должен был проходить в наиболее жаркое летнее время года. Сроки, определенные для похода, а также версия о трех дорогах в Индию были, по всей видимости, почерпнуты из доклада генерал-прокурора Сената П. Х. Обольянинова Павлу I относительно развития торговых связей России с Индией и среднеазиатскими ханствами, составленного в декабре 1800 г. [51]. Нельзя не согласиться с утверждением составителей сборника документов «Русско-индийские отношения в XVIII в.» о том, что «если в России после Петра I были более осведомлены о природных условиях самой Индии, то о сухопутном пути в Индию, географических и политических трудностях, связанных с ним, в России не имели почти никакого представления. С 40-х годов XVII в. и вплоть до самого конца XVIII в. русским казалось, до Индии рукой подать» [52].

Павловский рескрипт как нельзя лучше подтверждает сказанное. Путаницы и ошибок здесь сколько угодно: в указании маршрута Хива названа после Бухары, «английские заведения» предполагаются на Инде, где их еще не было в начале XIX в., а в постскриптуме Павел I писал: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурдарьи реки, а далее ваше уже дело достать сведений до заведений английских и до народов индейских, им подвластных» [53]. Правда, уже на следующий день, 13 января

1801 г., В. П. Орлову был послан еще один рескрипт, в котором сообщалось об отправке ему «подробной и новой карты всей Индии», а также предписывалось искать англичан на Ганге [54]. Однако это не означало, что в Петербурге осознали всю сложность задуманного предприятия.

Возникла необходимость в составлении военно-статистического описания тех областей, через которые должен был пролегать маршрут похода. Эта работа была возложена на двух казачьих офицеров — есаула Денежникова и хорунжего Долгопятова, которым предписывалось в феврале выехать в Оренбург, а уже в апреле представить законченное описание маршрута [55]. Задача совершенно непосильная. В письме Павлу I от 15 февраля 1801 г. В. П. Орлов поднимал вопрос о переводчиках: «Осмеливаюсь Ваше Императорское Величество всеподданнейше просить, не благоугодно ли будет всемилостивейше повелеть прикомандировать ко мне знающих национальные тех мест переводы, буде таковые найдиться могут. Я потому, всемилостивейший государь, считаю нужным иметь оных, что можно обнадежиться на их верность, нежели на приисканного в местах, обязанного по жительству» [56].

Действительно, проблема подготовки военных переводчиков восточных языков по мере активизации русской внешней политики в Азии становилась все более актуальной. Из-за отсутствия специального военно-учебного заведения переводчиками при войсках становились либо местные жители, либо представители торгового мира, на надежность которых, как справедливо отмечал В. П. Орлов, нельзя было полностью положиться.

Поход в Индию против англичан в 1801 г. был прекращен после дворцового переворота 11 марта. Но в любом случае это предприятие было обречено на неудачу вследствие отсутствия необходимой информации, а также недостатка сил и средств. Не раз затем на протяжении XIX в. при очередном обострении русско-английских противоречий возникали проекты нанесения удара по английским колониальным владениям в Индии. Авторами этих проектов были порой люди, хорошо знакомые с Востоком (Пл. А. Чихачев, Л. Н. Соболев и др.), но русское правительство, исходя уже из реальной международной обстановки и собственных возможностей, никогда больше не делало попыток к осуществлению подобных мероприятий.

Гроза наполеоновских войн в Европе эхом отозвалась на Востоке. После провала планов совместного похода в Индию русских и французских войск Наполеон I не оставил надежд на захват крупнейшей английской колонии в Азии. В связи с этим особую остроту приобрел «персидский вопрос», который заключался в соперничестве европейских держав за преобладающее влияние в Иране. В этой борьбе за дальние подступы к Индии оба противника — Англия и Франция — стремились одновременно подорвать позиции России в Закавказье.

В мае 1804 г. началась объявленная шахским правительством

русско-иранская война. Царское правительство перед лицом надвигавшейся наполеоновской агрессии в Европе не было заинтересовано в расширении военных действий в Закавказье. О нежелательности перенесения войны во внутренние области Ирана свидетельствует письмо военного министра М. Б. Барклая-де-Толли главнокомандующему на Кавказе, генералу А. П. Тормасову от 12 апреля 1811 г.[57]. В то же время французская, а затем и английская военные миссии в Тегеране развивали бурную деятельность по изучению закавказского региона[58].

Ход войны показал, что, несмотря на многовековой опыт дипломатических и торговых отношений с Ираном, эта страна была для русских военачальников в известной степени terra incognita. Боевые столкновения, имевшие место в Закавказье в XVIII в., давали некоторое представление об иранской армии, но описаний маршрутов, пригодных для движения войск, не говоря уже о военно-статистических описаниях Ирана, не существовало. О том, что попытки дать описание страны предпринимались уже во время войны, свидетельствует записка упомянутого генерала А. П. Тормасова, в которой было кратко охарактеризовано административно-территориальное деление Персии[59].

Очевидно, это был черновой набросок для более обширного и подробного описания. Трудно сказать, какими материалами располагал главнокомандующий, но не подлежит сомнению, что сбор сведений об Иране проводился. Описание не было продолжено, поскольку летом 1811 г. Тормасов был переведен на Украину, где возглавил 3-ю армию накануне Отечественной войны 1812 г.

Одновременно с русско-иранской войной происходили события первой в XIX в. русско-турецкой войны (1806—1812). Сведения об Османской империи, которыми к началу войны располагало русское командование, были ненамного подробнее, чем информация об Иране. Здесь также сказался низкий уровень востоковедных знаний, характерный для русского военного ведомства в самом начале XIX в.

Отставной полковник генерального штаба И. П. Липранди, составлявший в 30—40-х годах обзор театра военных действий периода 1806—1812 гг., писал: «Война с турками во всех отношениях представляет разительную противоположность с войной европейской. Здесь ученые условия военного искусства без особенного применения и навыка столь же бесполезны, как все выступы человека, искусно владеющего оружием и обдумывающего удары, против соперника, нападающего исступленно и без всяких правил. Неосновательные знания театра войны в Турции и недостаток точных описаний происходивших там военных действий увеличивают еще более все затруднения, представляемые физическим положением края, климатом, фанатизмом, воинственностью жителей и множеством других обстоятельств. Странно, казалось бы, что Оттоманская империя, давно уже об-

ращающая на себя внимание ученой Европы, до сих пор еще так мало известна... Изучения, большей частью поверхностные, производимые не на месте, основанные не на опыте, а на одних только предположениях, руководимые пристрастием и своего рода фанатизмом, представляли призрак, принимаемый за существенность и вводивший целую Европу в заблуждение относительно положительного (реального.— *Авт.*) состояния империи Османа» [60].

Тот же автор, подчеркивая совершенную недостаточность точной информации о противнике, имевшейся в распоряжении русского командования к 1806 г., указывал тем самым и на главную задачу военных востоковедов: «Последующая война всегда начиналась с прежнею неопытностью, снова наука турецкой войны покупалась дорогой ценой. Нет сомнения, что главные причины ошибок и сопряженных с ними утрат происходили от того, что правительства не озабочивались собирать заблаговременно верные и точные сведения о стране, в которую вносили свое оружие, или, лучше сказать, от того, что для собрания этих сведений не были употреблены люди способные. Те же, на которых большей частью возлагались подобные поручения, были руководимы вкоренившимся презрением к туркам и не вникали беспристрастно во все, до них относящееся, не изучали ни свойств, ни быта, ни права, ни обычая, но, движимые народным самолюбием, а может быть, и религиозным предубеждением, изображали империю Османлиев слабой и без средств, приводя в пример многие, часто созданные одним воображением события и случаи и таким образом усыпляя внимание своих правительств» [61].

Потребность в точной информации о происходящих военных действиях и о стране противника стала очевидной в ходе русско-турецкой войны, точно так же как и русско-иранской. В 1810 г. предпринимаются шаги в направлении решения этой задачи. В Петербурге начинает выходить «Военный журнал» — первое в России военно-научное периодическое издание. Сначала его редактировал отставной майор квартирмейстерской службы П. А. Рахманов, а в 1811 г. к нему присоединился штабс-капитан лейб-гвардии Артиллерийской бригады А. Вельяминов. Журнал печатался в типографии Ученого комитета по артиллерийской части. Уже в первой книжке «Военного журнала» за 1810 г. была помещена статья отставного майора-квартирмейстера Чуйкевича о сражении при Облиешти, происшедшем 2 июня 1807 г. между русскими и турецкими войсками. В статье среди прочего давалась краткая характеристика турецкой армии, проводился разбор действий турецких военачальников. В дальнейшем в течение 1810 г. почти в каждой книжке журнала помещались материалы о русско-турецкой войне.

Таким образом, военный (и не только военный) читатель России мог получать информацию о тактике и стратегии турецкого войска, его боевых качествах.

Другим мероприятием, способствовавшим развитию военно-научной деятельности и военного востоковедения в том числе, было создание 26 ноября 1810 г. нового учреждения — Канцелярии управляющего квартирмейстерской частью свиты е. и. в. Канцелярия состояла из четырех отделений, но собственно военно-научной работой ведали 2-е Топографическое и 3-е Маршрутное.

Вообще, офицеры квартирмейстерской части (генерального штаба) с самого начала XIX в. играли наиболее активную роль в становлении военного востоковедения. Еще с 1801 г., с назначения генерал-квартирмейстером П. К. Сухтелена (человека широко образованного, талантливого военного инженера), в постоянную практику входит командирование офицеров-квартирмейстеров на Кавказскую линию и в Закавказье. Они же занимаются в 1803—1804 гг. описанием Казахской, или Киргизской, степи (Казахстана), участвуют в 1803—1806 гг. в плавании И. Ф. Крузенштерна к берегам Японии, сопровождают в 1805—1807 гг. посольство Ю. А. Головкина в Китай, занимаясь по пути глазомерной съемкой. Как видно из доклада Сухтелена в инспекторскую экспедицию Военной коллегии, на 1 июля 1805 г. из 175 чинов квартирмейстерской части в Закавказье, Оренбургском крае и на Дальнем Востоке постоянно находилось 19 офицеров [62].

Вновь созданное учреждение было призвано координировать деятельность квартирмейстерских офицеров, нацеливая ее прежде всего на топографическое изучение сопредельных государств. До 1814 г. работой Канцелярии непосредственно руководил управляющий квартирмейстерской частью генерал-адъютант П. М. Волконский. В 1815 г. высшим органом военного управления в России стал Главный штаб е. и. в., начальнику которого перешел в подчинение и военный министр [63].

9 декабря 1815 г. приказом № 191 по квартирмейстерской части второе и третье отделения Канцелярии управляющего квартирмейстерской частью были преобразованы в Канцелярию генерал-квартирмейстера Главного штаба е. и. в. В функции нового учреждения входило «собирание всех сведений о земле, где война происходит». Среди прочего предусматривалось составление карт и военно-топографических описаний, табелей о «способах и богатстве» края, количестве населения, исторических записок о бывших в данной области войнах и т. д.

Период после окончания упомянутых русско-иранской и русско-турецкой войн и до начала новых войн с Ираном (1826—1828) и Османской империей (1828—1829) был знаменательным в истории военного востоковедения в России. За это время в области знаний о Востоке военным ведомством был достигнут прогресс, пожалуй, даже больший, чем за все предыдущее столетие. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, был накоплен опыт военных действий на Азиатском театре, который, собственно, и вызвал к жизни военное востоковедение.

Во-вторых, значительно активизировалась внешняя политика России на Востоке, а следовательно, возросла потребность в точной информации о соседних восточных государствах. В-третьих, усовершенствовалась сама система военного ведомства, упорядочилось управление квартирмейстерской частью, на которую и была возложена военно-научная функция. Следует также отметить возросший образовательный уровень русского офицерства после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Ведь это было время формирования движения декабристов, большинство которых были офицерами гвардии и армии.

В результате обработки сведений, полученных в ходе военных действий против Ирана и Османской империи, начиная с 1816 г. в Военно-топографическое депо Военного министерства начинают поступать новые материалы. Так, появляются «Топографические маршруты от крепости Эривана до Новой Султании» (летнего местопребывания шаха), снятые глазомерно капитаном Ренненкампфом в 1817 г.[64]. Примерно к тому же времени относится «Военно-топографическое описание дороги от реки Аракса, за Кавказом, до города Тегерана в Персии», составленное капитаном Цикыревым[65]. Видимо, оба офицера находились в составе миссии А. П. Ермолова в Иран в 1817 г.

То же можно сказать и об Османской империи. Назовем, например, два анонимных описания: «Военное обозрение дороги, пробегающей берегом Черного моря, от Босфорского пролива до крепостей Тульчи и Исакчи на Дунае (ноябрь 1819 г.)» (на франц. яз.)[66] и «Военно-статистические сведения о Турецкой империи»[67]. Приведем топографические и военно-статистические материалы, которые с целью более широкого распространения были напечатаны в типографии генерального штаба: «Описание пути от Константинополя до Очакова» (СПб., 1821); «Маршруты по главным направлениям в Бессарабии, Молдавии и Валахии» (СПб., 1822). У последнего издания в подзаголовке прямо указывалось: «Из сведений, собранных офицерами квартирмейстерской части в последнюю турецкую войну с 1806 по 1812 год».

Помимо чисто топографических сведений в некоторых из указанных выше описаний кратко приводился этнографический материал, пояснялись особенности восточной топонимики.

Разумеется, не только топография была объектом изучения военных востоковедов. Так, после миссии Ермолова появился ряд очерков, посвященных вооруженным силам Ирана. Если в очерке «Нравы и войска персиян» неизвестного автора о нравах говорится в основном применительно к шахскому двору и персидской знати, то вооруженные силы рассматриваются более серьезно и подробно[68].

Еще более детально состояние иранской армии анализируется в работе «Краткое начертание Персии в военном ее отношении», написанной в 1817 г. поручиком квартирмейстерской части Г. Энегольмом. В предисловии обращенном к генерал-адъютан-

ту П. М. Волконскому, автор писал: «В полной мере чувствуя пользу военных описаний, кои, вспомоществуя генералам к скорейшему познанию неприятеля своего, сохраняют драгоценное время, я во время пребывания моего в Персии между прочими занятиями старался исследовать и военные силы сего государства, дабы тем самым исполнить, хотя в мале, неограниченные обязанности чиновника, имеющего счастье служить в столь знаменитом корпусе, как часть квартирмейстерская» [69]. Обзор был разделен Г. Энегольмом на три части. В первой делался краткий экскурс в историю страны с древнейших времен. Во второй содержалось собственно статистическое и военное описание, причем давался анализ политического устройства государства. В третьей части разбирались стратегия и тактика иранских войск, предлагались наиболее эффективные меры противодействия.

Одновременно с этим очерком были написаны еще два: «О персидском иррегулярном войске» штабс-капитана лейб-гвардии Семеновского полка В. Бебутова и «О заведении регулярных войск в Персии. О регулярной пехоте, кавалерии и артиллерии, называемой зембураки» капитана того же полка П. Ермолова [70]. Здесь анализировалась военная политика шахского правительства и затрагивался вопрос о деятельности в Иране французской и английской военных миссий. Авторы стремились не только дать описания, но и пытались вскрыть причины тех или иных явлений в политической жизни восточного государства. Ни в XVIII в., ни в первые годы XIX в. подобных попыток не предпринималось.

Появление всех перечисленных выше трудов свидетельствует, безусловно, о значительно возросшем уровне востоковедных знаний среди определенной части русского офицерства.

Интенсивному изучению Османской империи в 20-х годах XIX в. способствовало то, что 6 марта 1818 г. последовало предписание П. М. Волконского генерал-квартирмейстеру Главного штаба К. Ф. Толю организовать составление общего свода всех описаний, касающихся вооруженных сил ряда иностранных государств, среди которых фигурировала и Турция [71]. В 1819—1825 гг. были разработаны подробные инструкции для офицеров, находящихся за границей при русских посольствах. В инструкциях оговаривался круг вопросов, интересующих Главный штаб, куда входили сведения о численности, организации и дислокации войск, о тыловом обеспечении и системе комплектования иностранных армий, об основных оборонительных сооружениях и путях сообщения [72]. Этим было положено начало регулярной деятельности русских военных агентов (атташе) за границей [73].

Для сбора военно-статистических сведений об Османской империи в Стамбул в 1824 г. была направлена русская военная миссия в составе четырех офицеров [74]. В 1826 г. с той же целью был командирован полковник квартирмейстерской части Ф. Ф. Берг, руководивший в 1823 и 1825 гг. экспедициями для

изучения киргиз-кайсацких степей (Казахстана). Согласно инструкции, ему поручалось «исполнение столь важного по нынешним обстоятельствам дела, обозрения Турецкой империи, во всех отношениях могущего принести пользу и иметь влияние на военные действия в случае не желаемого, но возможного, однако же, разрыва» [75]. Кроме материалов чисто военного характера инструкция имела конкретное предписание — собрать «сведения о влиянии, какое имело в провинциях Турции истребление янычарского войска... стараться узнать, до какой степени можно ожидать противного нам усердия и действия турецкого народа в случае войны с Россией равно и о расположении и способах (экономическом состоянии.— *Авт.*) рассеянных по северной части Турции жителей веры христианской» [76]. Донесения Берга из Турции и другие собранные им материалы были сосредоточены в Военно-топографическом депо, что имело немаловажное значение накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг. [77].

Большой вклад в изучение сопредельных восточных государств в 20-х годах XIX столетия внесли офицеры Корпуса военных топографов, созданного в 1822 г. Примером того, что топографы помимо съемок маршрутов и прочих специальных исследований занимались и более многоплановым изучением страны, в которой им приходилось работать, являются «Записка о политическом и военном положении Персии», составленная поручиком Корпуса военных топографов И. Ф. Носковым, и его рапорт и отчет генерал-лейтенанту П. П. Сухтелену [78]. Носков 22 февраля 1826 г. был прикомандирован к миссии А. С. Меншикова, направлявшейся в Тегеран для переговоров. Он выехал из Ирана в тот момент, когда войска Аббаса Мирзы уже начали военные действия в Закавказье, что было началом русско-иранской войны 1826—1828 гг. За свою работу Носков был награжден орденом Владимира 4-й степени и переведен в гвардейский генеральный штаб [79].

В середине 20-х годов военное востоковедение развивалось в плане не только страноведческом, но и изучения восточных языков. 9 февраля 1824 г. последовал указ [80] Александра I об учреждении в Оренбурге Неплюевского военного училища (с 1844 г. — кадетский корпус). В преамбуле указа говорилось о том, что впервые вопрос об учреждении в Оренбурге военного училища был поднят в Сенате военным министром А. И. Татищевым еще в 1817 г., затем, после долгих обсуждений, было выработано «Постановление о Неплюевском военном училище» и определен его штат, что получило наконец «высочайшее» утверждение.

«Постановление» (§ 4) гласило, что «Неплюевское училище учреждается: 1-е, для детей, коих отцы служат или служили в иррегулярных войсках отдельного Оренбургского корпуса; 2-е, для детей азиатцев, не состоящих в прочном подданстве; 3-е, для детей всякого свободного состояния людей» [81]. Общее количество учащихся не должно было превышать 80 человек, причем

половину из них предполагалось содержать за счет казны, а остальные были «своекоштными». Директор училища, а также все служащие и преподаватели назначались оренбургским военным губернатором по согласованию с Советом о военных училищах. Но главная особенность Неплюевского военного училища состояла в том, что это было одно из первых в России военно-учебных заведений, программа которого предусматривала изучение восточных языков [82].

В § 20 «Постановления» среди прочих предметов были названы арабский, татарский и персидский языки [83]. Кроме того, поскольку учащиеся набирались как из христиан, так и из мусульман, для последних в качестве учебного предмета было введено изучение Корана и правил мусульманского вероисповедания. Религия определяла и некоторые различия в быту воспитанников училища, но они были незначительными. Что же касается самих дисциплин, включая восточные языки, то обучение христиан и мусульман было единым [84].

Перед новым военно-учебным заведением были поставлены две главные задачи: подготовка квалифицированных переводчиков восточных языков для русской армии и привлечение на русскую службу возможно большего количества представителей азиатских народов, населявших восточные окраины империи. Именно последним обстоятельством объясняется столь лояльное отношение в стенах училища к исламу. В § 13 «Постановления» прямо указывалось: «Оренбургский военный губернатор имеет обязанность поощрять и убеждать азиатцев и жителей вверенной ему губернии, чтобы они отдавали детей своих в Неплюевское училище. Вследствие сего: 1-е, киргизец, представивший в училище сына с обязательством не брать оного до окончания курса наук, получит из Оренбургской пограничной комиссии, по приказанию военного губернатора, похвальный лист; 2-е, казак, башкирец, мещеряк, разного звания татарин и азиатец, представивший в училище сына с таким же обязательством, получит похвальный лист от оренбургского военного губернатора; 3-е, дети дворян, чиновников, купцов и других людей свободного состояния, кончившие курс наук в Неплюевском училище, определяемы будут военным губернатором в службу по их желанию или к какому-либо выгодному законному промыслу к упражнению преимущественно перед теми, кои не были в сем училище; а потом военный губернатор будет ходатайствовать о повышении их в чины и звания по мере заслуги и способности каждого» [85].

Учащиеся разделялись на три класса: нижний, средний и верхний, а пребывание в каждом из них продолжалось два года; таким образом, полный курс составлял шесть лет. В нижнем классе предусматривалось изучение грамматики [86] русского и восточных языков (татарского, арабского, персидского); в среднем — «синтаксиса означенных языков, присовокупляя к тому собственные сочинения воспитанников по правилам граммати-

ки»; в верхнем классе обучали риторике, классической восточной литературе и также писались сочинения, но на литературные темы. Согласно ведомости учебных предметов, утвержденной 15 ноября 1824 г. оренбургским военным губернатором, генералом от инфантерии П. К. Эссеном, на изучение восточных языков учебное время распределялось следующим образом: в нижнем классе на татарский язык отводилось шесть часов, на арабский и персидский — по три часа в неделю; в среднем классе — на каждый из трех языков по три часа; в верхнем классе — на татарский язык по два часа, на арабский и персидский — по три часа в неделю [87].

Первым директором Неплюевского военного училища в сентябре 1824 г. был назначен начальник инженеров Оренбургского отдельного корпуса, инженер-подполковник Г. Ф. Генс. Вся подготовительная работа, предшествовавшая открытию училища, проводилась под его руководством. Прежде всего необходимо было решить проблему преподавательского состава.

Учителя татарского языка удалось найти довольно быстро. На эту должность был назначен сотник 9-го Башкирского кантона Хусейн Абдусалямов. В рапорте на имя военного губернатора Генс сообщал, что на предварительном испытании Абдусалямов «оказал порядочное познание» и «способен к сей должности, в которой находился и прежде», т. е. он уже занимался преподавательской деятельностью [88].

Сложнее дело обстояло с обучением арабскому и персидскому языкам. Преподавать оба этих языка вызвался «находящийся при мечети местного двора имам» Абдул-Гассан Сардаков. Хотя директор училища писал в рапорте, что Сардаков «оказал порядочное познание в сих языках», военный губернатор разрешил допустить его к преподаванию, но утвердить в должности учителя только после квалифицированной проверки знаний [89]. С этой целью испытуемому было предложено в присутствии членов комитета училища сделать письменный перевод с русского на арабский и персидский языки § 1 «Постановления о Неплюевском военном училище». Затем переводы были направлены на рассмотрение в Казанский университет ординарному профессору восточной словесности Францу Эрдману. В ответе профессор указал на ошибки в переводе, вызванные, по его мнению, недостаточным знанием русского языка. Так, переводчик неверно понял некоторые словосочетания. Тем не менее Ф. Эрдман счел возможным допустить Абдул-Гассана Сардакова к преподаванию восточных языков, находя его знания достаточными. Очевидно, что на такое решение повлияло и отсутствие другой кандидатуры [90]. Наконец после длительной подготовки 2 января 1825 г. состоялось торжественное открытие Неплюевского военного училища.

В сентябре 1831 г. оренбургским военным губернатором П. П. Сухтеленом был возбужден вопрос об изменении положения и штата училища. Проект нового положения после беско-

нечного обсуждения в различных инстанциях, длившегося девять лет, был «высочайше» утвержден 6 декабря 1840 г. [91]. Согласно новому положению, Неплюевское военное училище было разделено на два отделения — восточных и европейских языков. На первом преподавались те же восточные языки, что и ранее, но количество учебного времени, отпущенное на их изучение, увеличилось. В нижнем классе на татарский язык теперь отводилось двенадцать часов в неделю, на персидский и арабский — по пять часов; в среднем классе на татарский язык — восемь часов, на два других — по пять часов; верхнем классе на татарский язык — десять часов, на арабский и персидский — по пять часов в неделю. На отделении европейских языков преподавались только французский и немецкий. Русский язык изучался в обоих отделениях, причем в первом, восточном, отделении на него отводилось в два раза больше учебного времени, чем в европейском. В восточном отделении были изъяты из преподавания такие предметы, как фортификация и артиллерия. В остальном учебный план не претерпел существенных изменений и оставался таким на протяжении всей первой половины XIX в.

Даже преобразование Неплюевского военного училища в 1844 г. в Неплюевский кадетский корпус не внесло больших перемен. Только в 1848 г. начал разрабатываться проект нового положения о кадетском корпусе, что продолжалось до 1854 г. [92]. По новому положению, кроме трех ранее существовавших классов вводился еще один — приготовительный, также с двухгодичным обучением. Таким образом, срок пребывания в училище увеличивался до восьми лет. Во втором отделении вместо французского и немецкого языков вводилось преподавание татарского, арабского и персидского. Увеличивалось число преподавателей восточных языков.

Уже через несколько лет после открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища была предпринята попытка активизировать изучение восточных языков в Сибири. 4 октября 1828 г. приказом командира Отдельного Сибирского корпуса, генерала И. А. Вельяминова Омская азиатская школа (см. примеч. 82) была передана в ведение директора Училища Сибирского линейного казачьего войска [93]. В предписании директору Училища эта мера объяснялась стремлением «вывести названную школу из ничтожного состояния, в котором она до того находилась».

Что же касается военно-учебного заведения в Омске, то оно было открыто 1 мая 1813 г. и до 1826 г. существовало под названием Войскового казачьего училища. Из иностранных языков в этот период преподавались только французский и немецкий, о восточных языках речи не было. Это положение сохранялось и после 1826 г., когда заведение получило новый штат и стало называться Училищем Сибирского линейного казачьего войска.

Переход в подчинение директору Училища Омской азиатской школы также не внес перемен в учебную программу. Только в

1835 г. был утвержден новый учебный план, согласно которому французский язык преподавался только для воспитанников-дворян, а для выходцев из казаков он был заменен татарским [94]. Через год, в 1836-м, последовал приказ генерал-губернатора Сибири П. Д. Горчакова о полном присоединении Омской азиатской школы к военному училищу, в котором создавался особый класс восточных языков [95]. Учащиеся этого класса в течение девяти лет наряду с другими предметами изучали татарский язык, а во время каникул их посылали за счет Училища в степные аулы для разговорной практики.

В 1845 г. Училище Сибирского линейного казачьего войска было преобразовано в Сибирский кадетский корпус (положение введено 5 января 1846 г.). К этому времени число воспитанников достигло 238; из них в классе восточных языков обучалось 22 человека. Эти последние 17 января 1847 г. были переведены в специально учрежденное отделение восточных языков при Омском батальоне военных кантонистов (впоследствии, в 60-х годах XIX в., Омская военная прогимназия) [96]. Но и после упразднения класса восточных языков в Сибирском кадетском корпусе продолжалось преподавание татарского языка для выходцев из казачьего сословия.

В 1853 г. новое положение о корпусе получило «высочайшее» утверждение. По этому положению курс обучения становился семилетним: приготовительный класс, пять общих классов и специальный класс. В приготовительном классе изучение татарского языка включало чтение печатных и письменных текстов, заучивание наиболее употребительных слов и выражений. В общих классах предусматривалась следующая программа обучения: в 1-м — начала грамматики, составление фраз из выученных слов; во 2-м — то же; в 3-м — переводы с татарского, выучивание идиоматических выражений, ведение элементарного разговора; в 4-м — окончание грамматики; в 5-м — упражнения в разговоре, письменные сочинения несложного содержания. Наконец, в специальном классе обучали применению разговорного татарского языка к «киргизскому наречию» (т. е. к казахскому языку) [97].

Вообще следует отметить, что изучение татарского языка давало выпускникам Сибирского кадетского корпуса ключ к пониманию многих тюркских языков, распространенных как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Не случайно среди выпускников Сибирского кадетского корпуса, обучавшихся в 40-х — начале 50-х годов, встречаются имена таких выдающихся ученых-востоковедов, как Григорий Николаевич Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, Николай Михайлович Ядринцев.

Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге и Сибирский кадетский корпус в Омске были только средними военно-учебными заведениями. Высшее военное образование в России в 20—30-х годах XIX в. находилось в зачаточном состоянии. В 1832 г. было открыто первое высшее военно-учебное заведение — Импе-

раторская Военная академия [98]. Цель, которая ставилась перед академией,— подготовить офицеров для службы в Генеральном штабе, службы, требовавшей значительно более высокого образовательного уровня, чем тот, который давали средние военные училища и кадетские корпуса.

Восточные языки не входили в программу Военной академии, но тот факт, что ее слушатели проявляли живой интерес к восточному языкознанию, явствует из воспоминаний Д. А. Милютина, военного министра в 60—80-х годах, обучавшегося в Военной академии в 1835—1836 гг.: «Мы были так обременены занятиями по главным предметам курса, что занятиям по иностранным языкам вовсе не придавали значения. Однако ж некоторые из моих товарищей находили время брать на дому еще уроки восточных языков» [99]. В 1849 г. профессор арабской кафедры Петербургского университета О. И. Сенковский предложил проект о введении преподавания восточных языков в Военной академии, но этот проект не был осуществлен [100].

Значительный импульс развитию страноведческого направления военного востоковедения дали события русско-иранской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн.

С самого начала русско-иранской войны, согласно приказу начальника Главного штаба е. и. в., в штабах частей и отрядов велись журналы военных действий. Приказ обязывал вносить в них все сведения о передвижениях войск, как своих, так и неприятельских, давать обзор местности, занятой войсками, обращая внимание на характер населения и его основные занятия [101]. Естественно, что для выполнения этих и других работ в армии сразу возникла потребность в людях, владеющих персидским языком. О необходимости иметь при каждом крупном отряде переводчиков писал 5 января 1827 г. главнокомандующий в Грузии А. П. Ермолов начальнику Главного штаба е. и. в. И. И. Дибичу [102]. Из-за отсутствия постоянного штата военных переводчиков (первый выпуск из Неплюевского военного училища был только в 1831 г.) Дибич был вынужден обращаться к К. В. Нессельроде с просьбой о командировании на Кавказ переводчиков из Азиатского департамента МИД. Большую помощь русским офицерам в деле сбора сведений о противнике оказывало население Восточной Армении, занятой иранскими войсками. С начала 1827 г. в Главном штабе е. и. в. составлялись специальные подборки документов, которые назывались «Сведения, армянами доставляемые» [103]. Так возникали подробные обзоры всех сколько-нибудь значительных политических и военных событий, происходивших в Иране и Азиатской Турции. Это позволяло русскому командованию правильно ориентироваться как в период военных действий, так и во время мирных переговоров с шахским правительством.

Собранные материалы имели не только сиюминутное значение — они позволяли существенно расширить круг востоковедных знаний, способствовали дальнейшему развитию военно-на-

учной деятельности. Военно-статистические описания Ирана, составленные во время войны и сразу после ее окончания, в отличие от предыдущих работ подобного характера содержали больше подробностей и имели более высокий научный уровень. Самым тщательным образом были изучены те провинции, которые во время войны оказались занятыми русскими войсками.

В Военно-топографическое депо поступили: «Записка о народах и способах провинции Ардебильской» [104], составленная при штабе ардебильского отряда в 1828 г. неизвестным автором; «Военно-статистическое описание Мишкинской области 1828 года» [105] полковника генерального штаба Г. Энегольма. Как видно из аннотированной описи дел секретного Архива генерального штаба, там находилось еще несколько подобных сочинений, в том числе проекты П. П. Сухтелена, содержащие сведения об Астрабадской провинции и туркменских племенах, населявших юго-восточное побережье Каспийского моря [106]. Большой и разнообразный материал дали проводившееся офицерами генерального штаба русско-турецкое разграничение в Закавказье после Адрианопольского мира и участие русских офицеров генерального штаба в турецко-иранском разграничении.

В 1832 г. был упразднен Главный штаб е. и. в. Высшее военное управление вновь перешло к Военному министерству. Для руководства общим размещением, передвижением войск, службой генерального штаба, военно-статистическими и топографическими работами и Военной академией 1 мая 1832 г. был создан Департамент генерального штаба (окончательно штат нового учреждения был утвержден в 1836 г.) [107]. В функции 2-го отделения Департамента входило собирание и рассмотрение военно-исторических, военно-топографических и военно-статистических обзоров о России и иностранных государствах, разработка планов по обороне границ, снаряжение военно-научных экспедиций, перевод и издание иностранной военной литературы, составление карт и планов.

Создание нового учреждения способствовало активизации военно-научной, в частности военно-востоковедной, деятельности в 30—40-х годах. На основании накопленных в период войн в Азии материалов были написаны обобщающие работы.

Полковнику Н. И. Ушакову принадлежит двухтомная «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах». Книга выдержала два издания. Уделяя главное внимание боевым операциям, автор тем не менее указывал: «С другой стороны, описание кампаний противу азиатских наших соседей требует хотя краткого начертания тех стран, где происходили военные действия; ибо без этого изображения нельзя в точности постигнуть и оценить как самые усилия и труды войск, так равно и важность распоряжений главнокомандующего. Здесь опять недостаток не только исторических и статистических, но даже и географических материалов может надолго остановить трудящегося потому, что большая часть нынешних читателей в справед-

ливом любопытстве о землях малознакомых ожидает в подобных военных записках изображения не одних походов и сражений, но общей картины местности со всеми ее оттенками, сколько в описании природы, столько же и в начертании политического и нравственного быта народонаселения» [108].

За сочинением Ушакова последовал выход в свет книги гвардии капитана Лукьяновича «Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов» (тоже в двух томах). В предисловии автор прямо указывал на использованные им источники, хранящиеся в Военно-топографическом депо генерального штаба: «Журнал занятий и похода войск Гвардейского корпуса в 1828 году»; «Журнал военных действий отряда, находившегося под начальством генерал-адъютанта Головина на южной стороне Варны»; «Описание осады Варны» полковника Менда; «Журнал осады Варны в 1828 г.»; «Журнал действий Праводского отряда» генерал-лейтенанта Куприянова и др. [109].

Одновременно с появлением указанных работ возрос интерес к истории предшествовавших войн России и Османской империи. В 1843 г. был завершен труд известного военного историка, участника наполеоновских войн А. И. Михайловского-Данилевского, посвященный событиям русско-турецкой войны 1806—1812 гг. [110]. Книга была написана в результате тщательного изучения архивных материалов, хранившихся в Военно-топографическом депо и Департаменте генерального штаба. Отдельно вышедшим приложением к исследованию Михайловского-Данилевского служило уже упоминавшееся сочинение бывшего полковника генерального штаба И. П. Липранди.

В ноябре 1832 г., когда египетские войска, заняв Сирию, вторглись в Анатолию, Николай I вмешался в конфликт в качестве посредника между султаном и Мухаммедом Али. В Египет был направлен генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский) в качестве полномочного представителя русского правительства. В начале 1833 г. Муравьев переезжает в Турцию, где становится начальником русского экспедиционного корпуса, высадившегося на азиатском берегу Босфора. Пребывание в Турции и Египте позволило Муравьеву обобщить свои наблюдения в таких работах, как «Русские на Босфоре в 1833 г.» и «Турция и Египет в 1832 и 1833 годах» (оба труда были опубликованы после смерти автора, в 1869 г.).

Следует отметить, что Муравьев в 30-х годах был уже не новичок в деле военного востоковедения. Еще в 1819 г., будучи капитаном гвардейского генерального штаба, он посетил с дипломатическим поручением Хивинское ханство, причем ему впервые после экспедиции А. А. Бековича-Черкасского (1716) удалось достигнуть Хивы с восточного побережья Каспийского моря. Описание и карта Хивинского ханства, составленные в результате этой поездки, были изданы в Москве в 1822 г. Много позже Муравьев занимался обобщением опыта боевых действий в Закавказье в период Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг.

Поскольку вероятным театром военных действий могла стать Восточная Анатолия и Сирия, в 1834 г. в этот регион для изучения местных условий в различных аспектах был командирован подполковник генерального штаба П. П. Львов [111]. После возвращения из командировки в 1835 г. он представил в Департамент генерального штаба описание Сирии с приложением подробных карт Анатолии и Сирии [112]. В своем очерке автор рассматривал географические и природные условия страны, сообщал сведения об основных этнических группах с их бытовыми и религиозными особенностями, характеризовал важнейшие населенные пункты Сирии и Палестины как в экономическом, так и военно-политическом аспектах.

Через несколько лет, в 1837—1838 гг., в Сирии и Палестине с той же целью побывал капитан генерального штаба И. Ф. Дайнези, отчет которого (на франц. яз.) позволил дополнить уже имевшуюся информацию [113].

Как уже отмечалось, расширение сферы военного востоковедения прежде всего зависело от активизации внешней политики России в том или ином регионе Азии. Так, во второй половине 1830-х годов в связи с усилением русско-английского соперничества в Средней Азии объектом изучения становится Афганистан. В 1836 г. находившийся в Бухаре прапорщик И. В. Виткевич встретил там посла эмира Афганистана Дост Мухаммед-хана и вместе с ним прибыл в Петербург, а затем сопровождал его в Кабул, получив задание установить политические контакты с правительством Афганистана. Успешно начавшиеся переговоры в Кабуле в результате сложившейся в это время международной обстановки были прерваны, а И. В. Виткевич отозван в Петербург, где, как упоминалось выше, он трагически погиб, а все привезенные им из командировки материалы исчезли [114].

Тем не менее после посещения Петербурга афганским посольством относительно подробные сведения о стране и народе Афганистана начинают собираться в Департаменте генерального штаба [115]. Пополнение этих материалов связано с именем И. Ф. Бларамберга, человека, посвятившего свою жизнь военному востоковедению [116].

Находясь в 1837—1840 гг. в Тегеране в распоряжении посла России И. О. Симонича в должности адъютанта (фактически военного советника), капитан Бларамберг интенсивно занимался сбором сведений как об Иране, так и о соседнем с ним Афганистане. Эти сведения в виде пространных донесений и докладных записок поступали в Департамент генерального штаба. В феврале 1839 г. Бларамберг написал доклад «Взгляд на современные события в Афганистане» (на франц. яз.) [117]. Автор анализировал англо-афганские отношения накануне первой англо-афганской войны (1838—1842), а также представил краткое военно-статистическое описание Сеистана, Белуджистана и Афганистана. Он дал сведения о народах, населяющих Афганистан, а также о крупнейших городах страны.

В России в это время пристально следили за событиями англо-афганской войны, от исхода которой во многом зависели политические и экономические позиции на Среднем Востоке европейских держав. Военные топографы составляли карты театра войны [118].

Из всего сказанного выше видно, что начиная с 30-х годов востоковедение сделало значительный шаг вперед. Его дальнейшее развитие было тесно связано с политической ситуацией, складывавшейся вокруг так называемого Восточного вопроса. Особо отметим Крымскую войну, которая во многом определила направление востоковедения (как в языковедческом, так и в страноведческом аспектах) во второй половине XIX столетия.

КЯХТИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Мы довольно коротко изложили материалы, связанные со становлением и развитием востоковедных исследований, чему в той или иной степени способствовали дипломатические или военные ведомства, а также рассказали об учебных заведениях, находившихся в их подчинении и сыгравших значительную роль в становлении преподавания востоковедных предметов в России. Все это может убедительно свидетельствовать о важном вкладе этих ведомств в практическую (а в определенной степени — в научную) разработку востоковедения в России.

Последний параграф данной главы посвящен Кяхтинскому училищу, предназначенному для подготовки специалистов, обслуживающих торговые и таможенные операции, которые производились в Кяхте — основном центре торговли России с Китаем.

Попытки организовать преподавание китайского языка предпринимались с XVIII в. и в Сибири, что вызывалось потребностями непосредственных сношений сибирской администрации с представителями цинского Китая.

При всей настойчивости усилий русской администрации в центре и на местах наладить подготовку специалистов по китайскому языку, который преподавался, как правило, наряду с монгольским и маньчжурским, языковые группы (создаваемые чаще всего для удовлетворения насущных практических нужд) из-за недостатка денежных средств действовали нерегулярно, а их состав был ограничен чрезвычайно узким кругом слушателей (чаще всего не более двух-трех человек). В положении учеников часто оказывались лица далеко не юношеского возраста, что немало препятствовало успешному усвоению «китайской грамоты». Преподавание носило сугубо утилитарный характер, имея целью научить слушателей только читать и писать по-китайски, без объяснения им особенностей фонетики и грамматического строя этого языка, о чем первые русские учителя китайского языка имели довольно смутное представление.

Расширяющиеся торговые контакты (особенно после подписания Международного акта в феврале 1792 г.) между Россией и цинским Китаем, которые преимущественно осуществлялись через Кяхту (торговую слободу на границе с Монголией, включенной в 1691 г. в состав Цинской империи), все более настоятельно требовали устранения языкового барьера между обеими сторонами посредством подготовки переводчиков. Необходимость последних была особенно ощутимой в условиях сложившейся в то время практики торговли путем обмена товара на товар, без использования денег либо других средств платежа.

Потребности развивавшейся кяхтинской торговли, в расширении которой была более заинтересована русская сторона, неизбежно укрепляли в русском купечестве мысль о необходимости подготовки собственных кадров переводчиков, знакомых с условиями и ассортиментом кяхтинского торга. Подобная мысль в виде пожеланий не раз высказывалась купцами, особенно жителями Кяхты, выступавшими чаще всего в роли комиссионеров крупнейших торговых домов Москвы и Петербурга. Эта идея была знакома и русским китаеведам, останавливавшимся в Кяхте при следовании в Пекин и возвращении на родину после десятилетнего пребывания на чужбине.

Когда в начале 1830 г. русское правительство, желая лучше ознакомиться с ходом кяхтинской торговли, решило направить в Восточную Сибирь П. Л. Шиллинга, известный тогда «хинезист» Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) охотно согласился принять участие в этой поездке, полагая, что она позволит ему полнее реализовать свои научные планы. В записке, составленной перед отправлением в Восточную Сибирь, он следующим образом мотивировал причины, побуждающие его отправиться в Кяхту:

«1. Нужно составить пространную грамматику языка китайского, что удобнее могу сделать в Кяхте, получая нужные по сему предмету сведения от китайцев лично.

2. Китайский словарь, переведенный мною на язык российский и расположенный по тонам, нужно для удобнейшего употребления привести в новый порядок по ключам, а для обширной сей переписки набело требуется употребить китайцев.

3. Для предполагаемого мною сочинения пространного описания китайской империи нужно получить от китайцев дальнейшие сведения по разным предметам, входящим в состав сего описания.

4. Для сей же причины границу Восточной Сибири, определенную мирным договором 1727 г., нужно поверить на месте по картам российским и китайским.

5. В продолжение сих занятий постараюсь приобрести практические сведения в языке монгольском...

6. По желанию кяхтинских комиссионеров намереваюсь заняться преподаванием сочиненных мною основных правил китайской грамматики, чрез что мало по малу устранятся затруднения, которые препятствовали им до сего времени приступить к

изучению китайского языка, столь нужного для ежедневных торговых сношений с китайцами» [119].

Как видно из записки Бичурина, ее первый, второй и особенно шестой пункты самым тесным образом связаны с проблемой подготовки китаистов.

Особую заинтересованность в решении этой проблемы проявляло и русское правительство, принявшее в 20-х годах XIX в. ряд протекционистских мер по стимулированию отечественной промышленности и торговли. Не случайно в инструкции, данной П. Л. Шиллингу при отправлении его в Восточную Сибирь, особо подчеркивалось, что «весьма полезно было бы также для пограничных сношений наших с китайцами учредить на Кяхте училище китайского языка, где бы могли обучаться оному молодые люди из купеческого звания и других свободных состояний... Вы сообразите на месте,— указывалось далее в этой инструкции,— возможность и способы такового учреждения» [120].

Получив 15 февраля * 1830 г. подорожную, Бичурин отправился из Петербурга в Москву и 26 марта уже был в Иркутске.

По приезде в Кяхту Бичурин, выполняя различные поручения Шиллинга, прибывшего туда 7 августа 1830 г., организовал из детей местных купцов и мещан небольшую группу для занятий китайским языком. На первом уроке, состоявшемся 10 января 1831 г., присутствовало не более десяти учеников. Сообщая о своей жизни в Кяхте и научных занятиях, Бичурин 18 марта 1830 г. писал Н. А. Полевому: «Обучаю детей китайскому языку, переделал китайскую грамматику, написал разговоры на китайском языке для детей и привожу к окончанию перевод монгольского словаря (Саньхэ бянь-лань.— *Авт.*) с китайского на русский. Монгольскую грамматику для себя составил еще в прошлом году — выбором правил нескольких грамматик — и нынешним летом думаю заняться сим языком» [121].

Хотя круг научных занятий Бичурина в Кяхте был достаточно широк и многообразен, преподавательская работа захватила его чуть ли не целиком. Настойчивость и терпение еще неопытного педагога, впервые обучавшего китайскому языку детей, а не взрослых, как это было прежде, не могли не вознаградить его усилий, о чем свидетельствовали явные успехи учеников. Сообщая в Министерство финансов о том, что некоторые из учеников о. Иакинфа «успевают весьма хорошо», кяхтинский купец Н. М. Игумнов, сделавший немало для развития своего края, в письме на имя директора Департамента внешней торговли Д. Г. Бибикова от 17 марта 1831 г. предложил учредить в Кяхте училище китайского языка. «Сие училище, по моему соображению,— писал Игумнов,— должно быть основано в кяхтинской торговой слободе, как месте выгоднейшем для сей цели по многим отношениям, и существовать на следующих положениях:

1) Училищу сему находиться в непосредственном ведении Министерства [финансов].

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

2) Правительство определяет учителя, хорошо знающего китайский и российский, с пристойным жалованьем от казны...

3) Обучать в сем училище языкам китайскому и вместе российскому... Для поощрения же учащихся нужно облагородить сие учебное заведение какими-либо правами.

4) Принимать в сие училище детей из купеческого и других сословий...

5) Дети, имеющие [право] поступать в сие училище, должны предварительно кончить учение в уездном или по крайней мере в приходском училище, почему и принимать их не иначе, как по испытании в нужных предметах.

6) Для обучения китайскому языку положить трехлетний срок...

7) В продолжении главного торга с китайцами в течение генваря, февраля и марта училище закрывается, а воспитанников в сие время должно исподволь приобучать к практическому производству менового торга здешнего...

8) Кяхтинское торговое общество из признательности к благотворительному вниманию правительства сверх жалованья, производимого учителю, должно еще ему же на стол, отопку, освещение и внутреннюю поправку в комнатах ежегодно отпускать из суммы общественной, называемой акциденцией, по 1500 руб. ассигн., что и поставить обществу в обязанность» [122].

Пока велась межведомственная переписка по поводу проекта Игумнова, занятия в школе, созданной Бичуриным в Кяхте, продолжались. На публичных экзаменах, устроенных 13 сентября 1831 г. в присутствии возвратившихся из Пекина членов Российской духовной миссии во главе с П. И. Каменским, ученики школы продемонстрировали отличные знания как в чтении китайских текстов, предназначенных для переговоров во время кяхтинского торга, так и в написании китайских иероглифов, обозначающих те или иные виды товаров.

29 октября 1832 г. на заседании Азиатского комитета, образованного из компетентных лиц соответствующих ведомств, проект Н. М. Игумнова с небольшими поправками был принят. В решении комитета, в частности, говорилось:

«4. Училищу сему находиться в ведении Министерства финансов, по Департаменту внешней торговли, под непосредственным ведением кяхтинского таможенного начальства.

5. Принимать в оное детей всякого состояния (сословия.— *Авт.*), но только греко-российского исповедания, умеющих читать и писать по-русски и знающих первые правила арифметики.

6. Ученики не будут пользоваться от казны никакими пособиями, кроме безденежного преподавания им китайского языка.

7. Срок учения не определяется, ибо по мере усовершенствования, наипаче в разговоре на китайском языке, получают в том аттестат от учителя и, буде желают, делаются свободными от дальнейшего учения.

8. Для вящего поощрения к изучению китайского языка тем

из учеников, которые при выпуске... окажутся достаточно знающими язык сей и, поступив на поприще торговли, в течение 3-х лет... принесут знанием китайского языка пользу — по свидетельству торгового там общества, предоставить некоторые преимущества, а именно: освободить их лично на всю жизнь от рекрутской повинности и от общественных выборов» [123].

После того как протокол заседания Азиатского комитета, представленный вице-канцлером К. В. Нессельроде Николаю I, был одобрен, 19 ноября 1832 г. последовал указ об учреждении в Кяхте училища китайского языка [124]. Хотя новое учебное заведение, несмотря на свою специфику, наделялось лишь правами обычного уездного училища, это был важный практический шаг в деле подготовки переводчиков-китаистов, потребность в которых все более ощущалась в ходе торговли с цинским Китаем.

В январе 1834 г. в Петербурге были получены сведения, что здание для училища китайского языка в Кяхте построено.

16 мая 1835 г. здесь состоялось торжественное открытие первого в России специального учебного заведения, программой которого предусматривалось обучение современному китайскому языку. На торжественной церемонии Бичурин выступил с речью, в которой дружески напутствовал юношей, изъявивших желание стать китаистами, и рассказал о порядке занятий в училище. Кроме того, он отметил, что «свободное изъяснение с китайцами на их отечественном языке» позволит со временем теснее сблизиться с ними «в дружеских сношениях». И далее: «Китайский язык не столь труден, как доселе думали о нем. Минувший опыт кратковременного упражнения в оном, увенчанный счастливым успехом, ясно доказал это» [125].

Известие об открытии в Кяхте училища китайского языка было с интересом встречено в Петербурге. Пространная информация об этом событии появилась на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

В момент открытия кяхтинского училища на занятиях присутствовало 22 ученика, из них 4 обучались у о. Иакинфа еще в 1831 г. К 1835 г. они «изящностью в китайском письме» превзошли все ожидания своего учителя, а наиболее способный из них — Петр Пономарев, по свидетельству Н. Я. Бичурина, «после годичного упражнения в китайском языке начал изрядно и говорить и переводить с оного» [126]. Из поступивших в училище лишь трое были в возрасте от 7 до 10 лет, а остальные — от 14 до 21 года. Обучением их китайскому языку непосредственно занимался К. Г. Крымский по программе, составленной Н. Я. Бичуриным [127]. Она была рассчитана на четырехлетний срок и предусматривала преподавание как книжного, так и разговорного языка.

Еще до открытия кяхтинского училища Н. М. Игумнов 9 мая 1835 г. передал этому учебному заведению значительную коллекцию различных книг на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках (25 названий). Среди них: многотом-

ное собрание законов Цинской империи — «Да Цин хуэйдянь» («Свод узаконений великой династии Цин»), «Лифаньюань цзэли» («Уложение Палаты внешних сношений»), трех- и четырехязычные китайские словари [128]. Этот дар явился основой библиотеки училища. В ноябре 1835 г. она пополнилась книгами, пожертвованными Н. Я. Бичуриным, который передал К. Г. Крымскому комплект своих сочинений о Китае и Центральной Азии, а также «Словарь Российской Академии в 6-ти томах, писанный во многих местах по-маньчжурски и по-китайски» [129]. После отъезда в декабре 1837 г. из Кяхты Бичурин прислал Крымскому из Петербурга пять экземпляров «Китайской грамматики», опубликованной им в 1938 г. и ставшей основным пособием для обучающихся китайскому языку [130].

В июле 1850 г. библиотека училища обогатилась новым собранием китайских книг (13 названий), пожертвованных ей членом Российской духовной миссии в Пекине Иннокентием Немировым [131]. Китайские книги для кяхтинского училища приобретались и на средства купцов. Так, в ноябре 1845 г. К. Г. Крымский сообщал в кяхтинскую таможню о получении двух ящиков с книгами, купленными в Пекине в 1841 г. на деньги кяхтинских купцов [132]. На их же средства была приобретена и доставлена в Кяхту в 1859 г. богатая коллекция китайских и маньчжурских книг скончавшегося в 1853 г. в Пекине Н. И. Нечаева, занимавшегося китайским языком у К. Г. Крымского перед своим отъездом в Китай [133].

Согласно положению, в кяхтинское училище китайского языка принимали преимущественно подростков всякого сословия, но обязательно греко-российского исповедания, умеющих читать и писать по-русски, знающих начальные правила арифметики. Возраст учащихся колебался в основном в пределах 10—20 лет и более. В первую очередь принимали детей купцов (нередко великовозрастных), затем следовали дети мещан, находившиеся в услужении в купеческих домах и, следовательно, подготовленные к торговым делам. Впоследствии наметилась тенденция к увеличению приема учащихся из других сословий (мещан и даже крестьян).

Преподавание китайского языка велось на двух отделениях — «среднем» и «высшем». Между учениками были некоторые различия. Лица, определяемые на учебу правлением таможни на основе разбора прошений, назывались учениками, а те, кого принимали в училище по словесному ходатайству учителя и с разрешения начальника таможни,— вольнослушателями. По мере овладения навыками в чтении и написании иероглифов ученика переводили с одного отделения на другое и по завершении учебного курса подвергали экзаменам. В случае успешной сдачи экзаменов он получал аттестат. Окончивший училище с аттестатом должен был «в течение 3-х лет, при хорошем поведении, принести пользу знаниями китайского языка торгующему на Кяхте обществу».

Стесненное материальное положение некоторых учеников, особенно из мещан и крестьян, а также многообразные обязанности по хозяйству тех из них, кто работал или служил у владельцев лавок, были наиболее частыми причинами пропусков занятий и даже ухода из училища.

В связи с возраставшей загруженностью Крымского переводами официальных бумаг, приходивших из Урги и Пекина, в июне 1853 г. в помощь ему для преподавания русского языка был приглашен отставной титулярный советник Александр Устюжанинов [134]. После смерти последнего его заменил Грейсон. Уроки закона божьего вел протоиерей Яков Горяев [135]. С 1851 г. учащимся стали преподавать историю и географию (Асламов). Для занятий по арифметике в помощь Крымскому был приглашен Луговской. Расширение преподавательского состава должно было способствовать повышению общеобразовательного уровня учеников.

После перехода в июне 1858 г. училища в ведение кяхтинского градоначальства, учрежденного в 1851 г., наблюдение за ходом обучения было возложено на пограничного комиссара А. И. Деспот-Зеновича (ставшего в 1858 г. кяхтинским градоначальником). Он эпизодически преподавал в училище историю и географию, а впоследствии — даже основы бухгалтерского учета. К этому времени кяхтинское училище по уровню профессиональной подготовки приближалось к разряду средних специальных заведений царской России, готовивших специалистов довольно узкого профиля. Из-за приема в училище детей солдат, мещан и крестьян заметно снизилась доля детей купцов (до 30%), что не могло не вызвать обеспокоенность у русского купечества.

В протоколе общего собрания торгующего на Кяхте купечества от 16 мая 1858 г., направленном и. о. градоначальника В. М. Федоровичу, в частности, указывалось: «Отпуская ежегодно на поддержание училища 1500 руб. в год, купечество не знает ничего о состоянии училища, не знает также, сколько и какого звания обучается теперь учеников». Судя по характеру и содержанию протокола, купцы жаловались также на то, что выпускники училища испытывали серьезные затруднения в ведении переговоров с китайцами, так как последние чаще изъяснялись не на пекинском диалекте, которому обучали в кяхтинском училище. В связи с этим купечество наряду с требованием ограничить прием в училище детей других сословий предлагало как-то наладить обучение тем диалектам, на которых говорили китайцы, участвовавшие в кяхтинском торге.

На запрос Федоровича К. Г. Крымский 3 июня 1858 г. сообщил ему, что приезжающие в Кяхту китайские торговцы почти исключительно шаньсийцы, которые говорят на особом наречии, и что этому наречию в училище действительно не учат и, «кажется, нет для сего соответствующего лексикона». Вместе с тем он указал на причины, обусловившие снижение численности учеников в училище: «Цель учреждения сего училища заключа-

лась, кажется, в том, чтобы дать средства к изучению китайского яз. служащим в купеческих домах мальчикам и детям купцов, чтобы они, приготовляясь, на поприще торговли могли принести более существенную пользу; но теперь, как заметно, едва ли находится в классе учащихся до 7 мальчиков из этого разряда... может быть, потому, что дети купцов занимаются науками в домах, а служащие не отдаются домохозяевами потому, чтобы избежать существовавшего прежде нарекания, что ученики сего училища употребляются купцами как прислуга в домах».

Далее читаем в том же письме Крымского Федоровичу: «Необходимо, чтобы ученики прежде уроков китайского яз. хорошо ознакомились с грамматикой русского яз., и из учеников надобно делать строгий выбор, допускать к изучению китайского яз. только тех из них, кои при охоте говорить по-китайски имеют хорошие к тому способности. Сверх того, в помощь преподавателю... для вящего успеха нелишне приглашать китайца в качестве собеседника... Здесь практика гораздо важнее, нежели при изучении всякого другого языка» [136].

Подписание в ноябре 1860 г. русско-китайского договора в Пекине открыло новые возможности для подготовки переводчиков китайского языка. 20 февраля 1861 г. кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович поручил Крымскому отобрать из учащихся наиболее способных с целью посылки их в цинскую столицу, где они могли бы усовершенствоваться в разговорном китайском языке [137]. 11 марта четверо учеников (Михаил Шевелев, Петр Шеркунов, Феодосий Черепанов и Михаил Андронов) отправились из Кяхты в Пекин с караваном русских купцов во главе с И. А. Нерпиным [138]. Проводив своих питомцев, Крымский, невзирая на возраст, продолжал преподавание в кяхтинском училище, одновременно выполняя поручения по переводу официальных бумаг, приходивших из Пекина.

11 октября 1861 г. К. Г. Крымский умер, и с его смертью кяхтинское училище было временно закрыто. Окончательное решение о его закрытии последовало в марте 1867 г.

Благодаря усилиям К. Г. Крымского, следовавшего указаниям Н. Я. Бичурина, из стен кяхтинского училища вышло немало квалифицированных для того времени переводчиков китайского языка. Среди них— Н. И. Нечаев, В. И. Матренинский, М. Г. Шевелев, братья Иван и Иннокентий Дияновы, Я. П. Шишмарев, М. О. Осокин, А. И. Журавлев и др. Разумеется, в подготовке выпускников были и существенные недостатки, обусловленные общим состоянием системы образования в России до отмены крепостного права в 1861 г. Некоторые из них приводятся в письме А. И. Деспот-Зеновича, который 2 октября 1861 г. писал М. С. Корсакову: «Несмотря ни на обширные познания г. Крымского, ни на его полное усердие к исполнению обязанностей, все его двадцати-пятилетние труды *по преподиванию здесь китайского языка* не принесли и не могли принести той пользы, какую ожидало правительство при учреждении училища в Кяхте.

В училище поступали люди без всякого элементарного образования, так что нужно было, по крайней мере, два года для предварительной подготовки их к изучению языка, но кроме этого главный недостаток заключался в том, что все образование ограничивалось одним *теоретическим* изучением языка, и притом изучением поверхностным, неполным... Совсем другие результаты представляет *практическое* изучение языка...» [139].

При всей суровости приговора, вынесенного кяхтинскому училищу Деспотом-Зеновичем, хорошо понимавшим важность новых, складывавшихся в тот период русско-китайских отношений, нельзя не видеть ту позитивную роль, которую сыграло это училище в подготовке переводчиков китайского языка.

За 25 лет своего существования кяхтинское училище благодаря усилиям Н. Я. Бичурина и К. Г. Крымского подготовило немало знающих специалистов. Продолжая лучшие традиции И. К. Россохина, А. Л. Леонтьева и А. Г. Владыкина, кяхтинское учебное заведение смогло поставить подготовку переводчиков на достаточно высокую ступень, чему в немалой степени способствовало наличие учебных пособий, особенно «Грамматики китайского языка» Н. Я. Бичурина. Организация обучения китайскому языку в Кяхте, главном центре русско-китайской торговли, на который приходилось более 90% ее объема, способствовала не только закреплению книжных знаний по методике, разработанной Н. Я. Бичуриным, но и выработке навыков устной речи путем непосредственного общения с носителями языка. Благодаря полученным знаниям выпускники училища могли не только беседовать с китайскими купцами, но и участвовать в дипломатических переговорах с представителями цинского Китая.

Вместе с Казанским университетом, где в 1837 г. открылась кафедра китайского языка, и Петербургским университетом, куда в 1855 г. переместилось преподавание языков дальневосточного региона, кяхтинское училище внесло свою весомую лепту в подготовку русских китаистов [140].

Глава 5

ИЗУЧЕНИЕ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Изучение стран зарубежного Ближнего и Среднего Востока в России неразрывно связано с проблемой ее восточных окраин. Народы Кавказа и Средней Азии, в большинстве своем вошедшие в состав Российского государства до середины XIX в., стали объектом научного исследования; ими занимались иногда специалисты по зарубежному Ближнему Востоку: тюркологи, ирановеды, арабисты.

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

О состоянии изучения Кавказа к началу XIX в. можно судить по изданному в 1801—1809 гг. семитомному географическому словарю Российского государства, составленному Львом Максимовичем Максимовичем и Афанасием Щекатовым, содержащему, в частности, общий обзор народностей и племен Кавказа [1]. К этому времени кавказоведческие работы, несмотря на значительные успехи в этой области знаний, были во многом случайны и фрагментарны. Так, присоединение в 1801 г. к России Грузии существенно повлияло на интенсивность сбора материалов по всем районам Кавказа.

Появилось значительное число работ в основном географического, военно-топографического, статистического и этнографического характера, основанных на самых разнообразных источниках и получивших широкую известность. Среди авторов этих трудов назовем Семена Михайловича Броневского (1763—1830) [2] и Иосифа Львовича Дебу (1774—1842) [3]. Выделяется географическо-статистическое описание адыгов Георгия Васильевича Новицкого (1800—1877) [4]. Его целью было исследование Закубанья, Большой и Малой Кабарды, восточной части Черноморского побережья (между Гагрой и Анапой). Новицкий дал обстоятельную характеристику отдельных адыгских племен, их сословной структуры, религиозных представлений, хозяйства, общественных институтов.

Служебные записки, составленные Федором Александровичем Бековичем-Черкасским (1791—1832) [5], адъютантом Ермолова, а также Егором Гавриловичем Чиляевым (Чиладзе; 1790—

1838) [6] и другими должностными лицами, содержат материалы о горских народах Северного Кавказа.

В 1834 г. капитан генерального штаба Иван Иванович Норденштамм (1802—1882) составил краткое военно-статистическое описание Чечни — первое специальное сочинение, посвященное этому району [7]. Автор, в частности, остановился на вопросе о происхождении чеченцев.

В первой половине XIX в. русское кавказоведение приобрело значительное число добровольных корреспондентов. Среди них — ботаник и художник, литератор и этнограф Илья Тимофеевич Радожицкий (1788—1861), которому принадлежит оригинальный очерк по этнографии кабардинцев [8]. Он, в частности, затронул вопросы обычного права, сословной характеристики, быта, а также привел статистические данные, без которых практически не обходилось ни одно описание того времени. Радожицкому, кроме того, принадлежат записка об исследовании Аварского ханства, а также многочисленные статьи и заметки о народах Северного Кавказа.

Выдающуюся роль в развитии российского кавказоведения сыграло появление в 20—30-х годах XIX в. на Кавказе русской периодической печати. В 1828 г. при непосредственном участии А. С. Грибоедова впервые вышли в свет «Тифлисские ведомости». Трудно переоценить то значение, которое газета сыграла в популяризации и пропаганде историко-этнографических знаний о народах Кавказа. С 1846 г. начинает выходить газета «Кавказ», просуществовавшая до 1917 г. В этих газетах в ряде случаев впервые публиковались статьи по истории, этнографии и археологии как профессиональных исследователей, так и любителей.

Примечательно, что эти статьи нередко перепечатывались в русской прессе.

Не вдаваясь в подробный анализ кавказоведческих материалов, накопившихся к 30-м годам XIX в., следует отметить, что они в основном представляли собой серию универсальных сведений — результат главным образом официальных мероприятий царской России по изучению народов Северного Кавказа. В 1838 г. после многолетней работы было издано четырехтомное «Обозрение», в котором приняли участие П. Вышеславцев, Г. Гордеев, В. Григорьев, Д. Зубарев, В. Легкобытов, Н. Флоровский и А. Яновский [9].

Заметным явлением в отечественном кавказоведении, в частности осетиноведении, по праву считается деятельность одного из участников «Обозрения» — Григория Сергеевича Гордеева (1791—1838) [10]. Сначала на военной службе в Тифлисском гарнизоне, затем гражданский чиновник, участник экспедиции Ренненкампфа [11], наконец, редактор «Тифлисских ведомостей» — Г. С. Гордеев всю свою жизнь кропотливо занимался сбором полевого материала, и главным образом по Южной Осетии. Его работы, универсальные по богатству содержащихся в них сведе-

ний и к тому же ярко эмоциональные по форме, уникальны для своего времени, в частности, по осетинскому адату.

Особую ценность для отечественного кавказоведения имеют труды представителей кавказских этносов, отличающиеся разнообразием, детальной характеристикой собранных сведений и, что особенно важно, взглядом на исследуемые проблемы как бы изнутри. Прежде всего следует назвать имена таких исследователей, как лезгин Айгони, тушины В. и И. Цискаровы, кумык Шихалиев и др. Особенно значительный вклад в изучение народов Кавказа внесли адыги Хан-Гирей и Ногмов.

Султан Хан-Гирей (ум. 1846), будучи представителем высших сословий адыгского общества, воспитывался в Петербурге, окончил кадетский корпус. После Адрианопольского мира (1829), определившего на международно-правовой основе присоединение Черкесии к России, в правительстве встал вопрос о необходимости всестороннего, в первую очередь политического, исследования положения на Кавказе. По заданию графа А. Х. Бенкендорфа Хан-Гирей должен был составить для Николая I «записку» о горских племенах. Этот труд, начатый автором гораздо раньше по собственной инициативе, получил позже название «Записок о Черкессии» [12] и явился первым всесторонним историко-этнографическим описанием одной из значительных этнических групп Кавказа — адыгов.

Несмотря на то что Хан-Гирей был выходцем из черкесской феодальной верхушки, он точно понял классовую структуру адыгского общества. Его критика социальной иерархии носила позитивный характер, а этнографическое описание было далеко от идеализации черкесской жизни. Более того, некоторые стороны быта он подверг резкой критике. Показав специфику социальной структуры у адыгов, Хан-Гирей одним из первых вскрыл социальные корни Бзиюкской битвы 1796 г. и сущность этого переворота.

Весьма ценными в его труде являются исторические экскурсы, а также нетрадиционный подход к различным проблемам истории и этнографии адыгов. Образцом для его работы послужило «Описание Киргиз-казачьих, или Киргиз-кайсацких, орд и степей» А. И. Лёвшина [13]. Определенное влияние на Хан-Гирея оказали упоминавшиеся выше труды С. М. Броневского и И. Л. Дебу. Однако большинство сведений, приводимых автором «Записок», оригинальны, основаны на собственном материале, разносторонни и систематичны. Заслуга Хан-Гирея состоит в том, что он практически создал «энциклопедию адыгской жизни» первой половины XIX века. Круг вопросов, затронутых им в различных работах,— а его литературное наследие довольно обширно [14] — выходит за рамки традиционных для того времени исследований. Он касается таких конкретных тем, как расселение адыгов, их религия, хозяйство, материальная культура, обряды, медицина, астрономия, язык и история, судопроизводство и классовая структура, поэзия и музыка, спортивные упражне-

ния и многие другие стороны жизни адыгских племен. Нужно также отметить, что Хан-Гирей первым поднял вопрос о фольклоре, в частности о нартском эпосе, и сыграл заметную роль в развитии адыгской литературы на русском языке.

Владение русской культурой, в значительной степени сформировавшей Хан-Гирея как исследователя, прекрасное знание предмета и блестящие способности позволили ему создать работу, значение которой трудно переоценить и которая занимает видное место в истории отечественного кавказоведения.

Другой выдающийся адыгский просветитель, кабардинский поэт Шора Бекмурзин Ногмов (1796—1844), находясь в тесном контакте с передовой русской интеллигенцией, также вписал яркую страницу в историю изучения горских народов Кавказа. Общение с декабристами и другими лучшими представителями России приблизило Ногмова к русской культуре и помогло ему вплотную подойти к благородной цели просвещения своего народа. Академик Шегран дал высокую оценку работам Ногмова. «История адыгейского народа» [15], первая грамматика кабардинского языка и другие работы Ногмова, серьезного исследователя и горячего поборника дружбы Кабарды с Россией, и сегодня остаются ценным источником по истории, этнографии, археологии и фольклору Кавказа.

В основу «Истории» Ногмова легли собранные им предания, исторические песни и другие фольклорные материалы, которые записывались с помощью изобретенной им азбуки. Исторический эпос сопоставлялся Ногмовым с широким кругом источников и литературных сведений — сначала с историческими сочинениями на арабском и турецком языках, а затем на русском, и прежде всего с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина.

Взяв за основу фольклорный материал и сопоставив его с письменными источниками, Ногмов-исследователь пытался вывести исторические закономерности и выявить глубокую связь фольклора с реальными историческими событиями. Проведя сквозной анализ, он не только восстанавливает картину историко-политической жизни адыгов, но и во многом реконструирует социальную структуру общества, подчеркивает, что раздробленность и межплеменные столкновения значительно ослабляли адыгов в борьбе с внешними врагами. По-новому Ногмов интерпретировал и вопросы, связанные с духовной жизнью адыгов, их религиозными представлениями.

Особое значение он придавал присоединению Кабарды к России. Собранные им предания, относящиеся к этому событию, отражая положительное отношение кабардинцев к деятельности князя Темрюка, стремившегося к союзу с русскими, одновременно показали личное отношение автора — горячего сторонника русско-кабардинских связей — к этому событию в жизни народов Северного Кавказа.

Известного внимания заслуживают работы об адыгах Николая Петровича Колюбакина [16] и Иоанна Хозрова [17]. Наряду с

интересными данными о формах правления в «демократических» и «аристократических» племенах, о социальном взаимодействии, о религиозном состоянии, поверьях и быте адыгов, эти труды привлекают прежде всего своей общей направленностью — глубокой симпатией к изучаемым народам.

В 40-х годах XIX в. кавказоведение обогатилось материалами по Чечне и Дагестану. Проживший 25 лет на Кавказе Мелетий Яковлевич Ольшевский (1816—1895) составил сравнительно небольшой очерк о чеченцах, ставший основой для дальнейших исследований. Изучение народов Дагестана в этот период носило глубоко исторический характер. Такие ученые, как Казимир Игнатьевич Прушановский (ум. 1845), Александр Андреевич Неверовский (1818—1864), Илья Николаевич Березин (1818—1895), Михаил Борисович Лобанов-Ростовский (1819—1858), Девлет-Мирза Магомет Шихалиев (1811—1880) и др., значительно углубили представления об историко-этнографическом развитии лезгин, кумыков и других народов этого района Кавказа, собрав бесценные этнографические материалы и оставив интересные историко-культурные исследования [18].

Лобанову-Ростовскому, например, принадлежит заслуга написания первой специальной работы о кумыках, напечатанной в 1846 г. в газете «Кавказ». Будучи адъютантом Воронцова и прослужив на Кавказе долгое время, он был неплохо знаком с некоторыми кавказскими языками, что, безусловно, очень помогло ему при изучении вопросов о происхождении кумыков, их классовом делении, сословной структуре, судопроизводстве, нравах и обычаях.

К этому же периоду относится компилятивно-обзорная работа Н. Данилевского по истории, религии, общественному строю, материальной и духовной культуре горцев Кавказа. Ее нельзя не упомянуть — так обширна исследуемая автором территория: от северо-западной и центральной части Кавказа до Дагестана [18а].

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

«В деле изучения новой истории мусульманской Средней Азии, как и в деле изучения географии тех же областей,— отмечал В. В. Бартольд,— русская наука уже в первой половине XIX в. была впереди западноевропейской; этой исторической дисциплине было положено начало в 1824 г. трудом Сенковского» [19]. «Тарих-и Муким-хани» [20], изданная и переведенная на французский язык О. И. Сенковским, долгое время оставалась для европейцев единственным источником для изучения истории Бухарского ханства [21].

Направление, заданное О. И. Сенковским, было поддержано и успешно продолжено другими востоковедами. В 1825 г. Х. Д. Френ с помощью Ибрагима Хальфина, адъюнкта восточ-

ной словесности Казанского университета [22], осуществил издание текста рукописи «Родословная тюрок» Абу-л-Гази. В последующие годы были изданы «Шейбани-наме» анонимного автора XVI в. (1849), сочинение Кадыралибека, условно названное издателем «Сборник летописей» (1854), «Бубур-наме» (1857), «Сборник летописей» Рашид ад-дина (1858) и др. Были опубликованы также переводы из ряда ценных восточных источников [23]. Появились исследовательские работы по истории народов Средней Азии и сопредельных территорий с широким привлечением восточных письменных источников. Первых успехов достигла среднеазиатская нумизматика.

Все эти достижения в рассматриваемый период отечественного востоковедения и отечественной тюркологии в частности были так или иначе связаны с именами и деятельностью первого директора Азиатского музея акад. Х. Д. Френа (1782—1851) и его учеников.

Одним из главных направлений многогранной научной деятельности Френа была нумизматика, которой он начал заниматься еще в Казани (1807—1817) и с успехом занимался всю жизнь (см. гл. 3 и ниже). Исследования Френа, посвященные коллекциям восточных монет Азиатского музея, явились для тогдашнего востоковедения «экциклопедией нумизматических данных, важных для истории, географии, хронологии и генеалогии» мусульманских государств и династий [24]. Френ положил начало описанию и изучению арабских, персидских и тюркских рукописей Азиатского музея. Ему принадлежит заслуга открытия и введения в научный обиход ряда ценных источников. Он одним из первых обратил внимание на важность изучения восточных письменных источников для истории России и народов, входивших в нее, и блестяще доказал это своим трудом об Ибн Фадлане [25].

Френ оставил немало последователей и продолжателей. Его учениками были такие известные востоковеды XIX в., как П. С. Савельев и Я. О. Ярцов, В. В. Григорьев и В. Г. Тизенгаузен.

Вероятно, не без влияния Х. Д. Френа начал свои работы в области истории монголов и тюркских племен И. Н. Березин (1818—1896) — ученый широкого профиля, талантливый популяризатор научного востоковедения [26]. Он прожил долгую жизнь, но период деятельной и плодотворной научной работы падает на 40—60-е годы. И. Н. Березин — автор многих трудов по истории, филологии, языкознанию и археологии Востока. Был издателем очень полезной серии «Библиотека Восточных историков...» (1849—1854), куда вошли издания и переводы нескольких ценных сочинений восточных авторов о монголах и тюркских племенах. Им же осуществлено издание и перевод «Сборника летописей» Рашид ад-дина — важнейшего источника по истории тюркских и монгольских племен и династий. В. В. Бартольд главную заслугу Березина перед исторической наукой видит

именно в издании и переводе им восточных письменных памятников [27].

Большое оживление в области ориентальной науки, которым ознаменовались первые десятилетия XIX в., привело к созданию в 1825 г. первого в России научно-популярного журнала по востоковедению — «Азиатского вестника», публиковавшего на своих страницах «избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные невейшие сведения» [28].

Инициатором и издателем «Азиатского вестника» был Г. И. Спасский (1783—1864), горный инженер по специальности, историк и археолог по призванию. Человек одаренный и трудолюбивый, больших организаторских способностей, он с 1818 по 1824 г. издавал в Петербурге «Сибирский вестник», в котором помещались материалы и статьи по истории, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Казахской степи, частью собранные и написанные им самим, а частью принадлежавшие русским путешественникам [29]. В историю отечественной тюркологии Спасский вошел также своим трудом «Древности Сибири», сыгравшим известную роль в собирании и систематизации тюркских рунических надписей.

Одним из главных источников осведомления русского общества о Средней Азии и Казахстане, как и прежде, продолжали служить донесения глав и участников посольств и экспедиций, записки чиновников и путешественников в Туркестан и Казахскую степь [30]. В исследуемый период результаты этих посольств, экспедиций и путешествий «могли быть использованы для науки в большей степени, чем прежде, отчасти благодаря деятельности профессоров-ориенталистов, представителей учрежденных в начале XIX в. университетских кафедр восточных языков» [31].

Представителями практического направления была создана серия работ, многие из которых не потеряли научного значения и поныне [32]. Здесь следует особо отметить книгу «ориенталиста-автодидакта» Н. В. Ханыкова и трехтомный труд русского чиновника и ученого, одного из основателей ИРГО — А. И. Лёвшина.

Николай Владимирович Ханыков (1819—1878) — путешественник, а впоследствии крупный ученый [33] — получил образование в Царскосельском лицее, а восточные языки изучил самостоятельно. В 1841 г. он был прикомандирован к посольству К. Ф. Бутенева в Бухару. Главным результатом путешествия в Среднюю Азию явилась книга Н. В. Ханыкова «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1843), в которой содержатся подробные сведения о стране, населении, административном устройстве ханства и т. п. Показательно, что в своей книге Ханыков использовал не только материалы собственных наблюдений, но также литературные источники и известия о прошлом страны, извлеченные из вновь открытых восточных источников. В Средней Азии он приобрел значительное количество рукописей, впослед-

ствии переданных в Императорскую Публичную библиотеку (ныне — ГПБ).

«Описание» Н. В. Ханыкова явилось первым обобщающим, наиболее полным и лучшим трудом о Бухарском ханстве на русском языке, да и вообще на европейских языках. Оно и сейчас полезно любому автору, занимающемуся историей и этнографией Средней Азии.

Серьезные успехи русской науки в области историко-этнографического изучения казахского народа связаны с именем Алексея Ираклиевича Лёвшина (1799—1879). Выпускник Харьковского университета, он в 1820—1822 гг. по поручению Азиатского департамента МИД ездил в Казахские степи. В течение этих лет он вел подробные записи, ознакомился с делами Оренбургской пограничной комиссии и собрал огромный научный материал. Изучив все доступные литературные источники о казахах, Лёвшин в 1832 г. издал обширный труд [34].

Таким образом, в первой половине XIX в. изучение казахских и среднеазиатских ханств в России достигло известных успехов. Более того, именно в этот период в отечественном востоковедении стали создаваться определенные научные традиции (в частности, изучение истории Средней Азии по письменным источникам), получившие дальнейшее развитие в последующие десятилетия.

Активность российской науки начала XIX в. в изучении Кавказа, Средней Азии и Казахстана неотделима от ее первых успехов в исследовании зарубежного мусульманского Востока — Османской империи, Ирана, Афганистана, арабских стран.

ОСМАНИСТИКА

Исторически сложилось так, что одним из первых регионов Востока, которым стала заниматься создававшаяся российская ориенталистика, стала Османская империя, с которой у России были, с одной стороны, устойчивые традиционные торговые связи, с другой — военное и политическое соперничество. Эти факторы обусловили необходимость изучения жизни, культуры и истории этого южного соседа России.

Одним из первых российских ученых, занимавшихся научным изучением Османской империи, был Осип (Юлиан) Иванович Сенковский. Выходец из старинной польской дворянской семьи, он окончил Виленский университет, где его научные интересы формировались под влиянием трех видных ученых: Г. Гроддека, И. Лелевеля и Я. Снядецкого, затрагивавших в своих лекциях вопросы развития восточных литератур. В Виленском университете Сенковского готовили, как это видно из его ранних публикаций, к изучению восточных, и прежде всего турецких, источ-

ников по истории Польши. Уже в 1819 г. Сенковский опубликовал обширную статью с обозрением труда Мураджи д'Оссона, посвященного описанию религии и внутренней организации турецкого государства [35]. Эта публикация позволила впоследствии биографу Сенковского П. С. Савельеву заметить, что с появлением ее родился османист Сенковский [36].

В том же, 1819 г. Сенковский был отправлен на средства Виленского университета на Восток для углубления своих познаний в восточных языках и приобретения рукописей с последующим переводом тех турецких и арабских сочинений, которые содержали сведения о Польше [37]. Встреча в Стамбуле с русским посланником в Османской империи Г. А. Строгановым изменила предначертанную университетским начальством научную карьеру Сенковского. В 1820 г. по представлению Г. А. Строганова Сенковский был причислен к штату русской константинопольской миссии. По возвращении с Востока приехавший в Петербург молодой ученый был назначен переводчиком Коллегии иностранных дел [38]. Экзамен на звание переводчика Коллегии принимал у него Френ, который имел возможность убедиться в великолепном знании Сенковским восточных языков [39].

Во время своего путешествия Сенковский помимо Стамбула побывал в Ливане, Дамаске, Александрии, Каире и все это время усиленно занимался арабским языком. Овладев впоследствии с помощью Мирзы Джафара Топчибашева (см. гл. 3) и турецким языком, Сенковский мог говорить и писать на арабском и турецком в совершенстве [40].

В 1822 г. по рекомендации акад. Френа, в то время директора Азиатского музея, Сенковский был зачислен ординарным профессором Петербургского университета [41]. Поступив на работу в университет с высоким отзывом Френа о его познаниях в арабском языке, Сенковский оказался первым из университетских профессоров, лично побывавшим на Арабском Востоке и свободно владевшим разговорным арабским языком. На протяжении своего 25-летнего пребывания в должности профессора Сенковский читал лекции по истории арабского языка и литературы, иногда преподавая и турецкий язык [42]. Постоянный курс турецкого языка по предложению Сенковского был утвержден лишь уставом 1835 г.

Блестящий преподаватель, лекции которого входили за рамки специального курса и в то же время являлись истинной научной школой для слушателей, Сенковский в своей работе был далек от учебной рутины. Он рассказывал своим ученикам о странах Востока, в которых побывал, иногда читал не входившие в курс лекции по турецкому языку. В то же время, желая совершенствовать свои познания в этом языке, он часто беседовал по-турецки с преподавателем персидского языка, только что упоминавшимся Топчибашевым, которому, по словам самого Топчибашева, он писал записки, «как настоящий османлы» [43].

Превосходное знание турецкого языка позволило О. И. Сен-

ковскому стать автором двухтомного «Сборника из турецких историков касательно польской истории» [44], источниками для создания которого послужили турецкие исторические хроники Саад ад-дина (XVI в.), Наимы (начало XVIII в.), Рашид-эфенди (XVIII в.) и Васыф-эфенди (конец XVIII — начало XIX в.). В качестве приложения к этому труду Сенковский издал перевод также на польский язык двух турецких сочинений, посвященных описанию посольств Османской империи в Пруссию и Россию и извлеченных из хроники Васыф-эфенди [45].

Впоследствии, в 1842 г., Сенковский опубликовал уже в русском переводе работу турецкого государственного деятеля второй половины XVIII в. Ресми Ахмед-эфенди, посвященную описанию русско-турецкой войны 1768—1774 гг. [46]. Перевод был сделан на основе двух списков этого сочинения, хранившихся в библиотеке Петербургского университета [47]. Перевод, выполненный Сенковским, и сам оригинал обладали столь явными литературными достоинствами, и вообще стиль сочинения был так не похож на традиционный стиль восточных писателей, что многие усомнились в подлинности самого произведения. Тем более что Сенковский был склонен к различным научным и литературным мистификациям.

«Сок достопримечательного» некоторые считали мастерски выполненной стилизацией восточного текста [48]. Однако тюрколог В. В. Григорьев, выполнивший перевод другого сочинения того же автора позднее Сенковского, писал, что полностью прочитал обе турецкие рукописи «Сока достопримечательного», которыми пользовался О. И. Сенковский, и должен отметить исключительную точность и художественные достоинства перевода своего учителя [49].

Сам Сенковский отметил самобытность произведения Ахмед-эфенди, назвав его «единственным в своем роде» [50]. Он подчеркивал, что «Сок достопримечательного» дает историку великолепный материал для выводов относительно правительственных мер и деятелей турецкого государства, раскрывает «тайный механизм причин, побуждений и расчетов» турецкой стороны в войне 1768—1774 гг. [51].

Эта первая в России чисто научная османистическая работа определила направление целой серии трудов по османистике в XIX в., представлявших собой переводы различных турецких исторических сочинений [52]. Следует отметить также, что в этой работе Сенковский сформулировал важные с методической точки зрения принципы перевода восточных литературных сочинений. Прежде всего, по его мнению, необходима максимально точная передача мыслей автора. Далее, нужно учитывать «всю разницу, которая по-необходимости существует между остроумием двух народов, совершенно различных образованностью, верою, нравами и понятиями», а также стремиться к сохранению «тона и колорита» подлинника, «сущности его выражений», того «отпечатка оригинальности, который составляет главную красо-

ту текста»[53]. Этими принципами руководствовались и последующие османисты, переводившие с турецкого языка.

Как востоковед-османист О. И. Сенковский известен еще одним трудом — «Карманной книгой для русских воинов в турецких походах»[54]. Первая ее часть включает два раздела: «Разговоры российско-турецкие» и «Словарь российско-турецких употребительнейших слов». Этот словарь — первый в России печатный русско-турецкий словарь, содержащий около 4 тыс. слов. Вторая часть «Карманной книги» представляет собой грамматику турецкого языка (также первую в России), которую В. В. Григорьев оценивал чрезвычайно высоко, хотя и признавал зависимость этой работы Сенковского от турецкой грамматики француза Вигье, появившейся в 1790 г.[55].

Литературная деятельность Сенковского, начавшаяся еще в 20-х годах XIX в., и преподавание в Петербургском университете в качестве профессора восточных языков (1822—1847), видимо, помешали создать этому образованнейшему востоковеду своего времени капитальные научные труды, в том числе и в области османистики. Однако дарование Сенковского как ученого-ориенталиста в полной мере проявилось в критике современных ему востоковедных работ других авторов. Именно в его критических работах сформулированы главные принципы, которые, по его мнению, должны лежать в основе изучения стран Востока. Иногда изложение этих принципов давалось им в далеких от востоковедения работах. Так, в рецензии на драму Н. В. Кукольника «Роксолана», увидевшую свет в 1835 г., Сенковский писал: «Первое средство узнать Восток — путешествовать по нем довольно долго: путешествие доставляет более или менее точный обзор наружных форм его — что уже очень важно. Второе средство — читать его книги на собственных языках: тогда проникаете вы во внутренность его понятий, логики, духа, страстей, характера и образа действования... Третье, последнее и лучшее средство — путешествовать и читать его книги: тут вы видите и лицевую и изнанковую его сторону, Восток вещественный и Восток нравственный»[56].

Вместе с тем Сенковский часто критиковал сочинения, вышедшие из-под пера авторов, посетивших восточные страны: «Окончив путешествие на скорую руку, поверхностно взглянув на страну и ее обитателей, собрав скудный запас сведений, они тотчас произносят решительный приговор обо всех частях предмета...»[57]. Такая характеристика могла быть отнесена ко многим работам русских авторов, путешествовавших в XIX в. по Востоку, и в частности по Османской империи.

Сенковский, чрезвычайно внимательно относившийся к событиям на современном Востоке (достаточно сказать, что он регулярно читал издававшуюся с 1831 по 1841 г. в Османской империи первую турецкую правительственную газету, «Moniteur Ottoman»[58]), писал, что «не было эпохи более сложной, более заслуживающей быть рассматриваемой тщательно, искусно и

философически, как настоящая эпоха великих перемен и преобразований на Востоке»[59]. Критикуя, в частности, взгляды тех, кто, посетив Турцию, замечал в ней лишь злоупотребления и беспорядки, Сенковский отмечал, что, если бы авторы книг, описывающие эти беспорядки, взяли бы на себя «труд проникнуть до источников злоупотребления, тогда... они б имели более уважения к нынешним временам в Турции»[60].

Эти слова были написаны в 1835 г. человеком, лишь очень короткое время проведшим непосредственно в самой Турции, но пристально следившим за всем, что происходило в ней. Можно отметить проницательность этого ученого-ориенталиста: ведь до провозглашения в Османской империи Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., отметившего собой начало целого ряда важных реформ в стране, оставалось четыре года.

В своих работах Сенковский постоянно подчеркивал, что изучение истории народов Востока требует от европейца освобождения «от огромной тяжести своих предрассудков», проистекающих из больших различий «нравов, понятий и языка»[61]. Он писал: «Оценивая восточное общество... надобно сродниться с народными привычками и обычаями; надобно проникнуть в общество, которое описывали вам люди, никогда его не видевшие, изучать его историю, приобрести знание нескольких языков, на которых они написаны»[62]. В частности, указывая на особенности изучения Османской империи, Сенковский отмечал необходимость учитывать многообразие форм управления в различных частях этого многонационального государства: «Система ее (Османской империи.— *Авт.*) правительства не везде одинакова... но разнообразна и приспособлена к местным потребностям областей и округов. В ней множество вероисповеданий, множество поколений, множество стран, и обозрение целого может быть сделано только после совершенного знания всех частей»[63].

Будучи прекрасным знатоком истории Османской империи, в частности ее исторических хроник, широко пользуясь в своих работах сочинениями названных выше турецких средневековых авторов, Сенковский в то же время, повторяем, оставался самым внимательным наблюдателем современных ему событий на Востоке. Не всегда взгляды его на политическую ситуацию в этом регионе могут быть признаны верными: было в них много субъективного, шедшего от известной консервативности его политических воззрений, от конъюнктурных соображений, связанных с политическими интересами царской России на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в. Например, Сенковский дал ироническую оценку преобразовательской деятельности египетского паши Мухаммеда Али, не оценив в ней объективно прогрессивного момента и увидев лишь смешную сторону личной деятельности египетского реформатора, что шло, несомненно, от официальной точки зрения и от особенностей характера самого Сенковского[64].

В лице Сенковского мы видим первого подлинного ученого-

османиста, знатока турецкой истории и турецкого языка, заложившего основы преподавания этих предметов в рамках университетского образования, что позволило приступить к подготовке будущих востоковедов-османистов.

Несмотря на преподавание турецкого языка на разряде восточной словесности историко-филологического отделения философского факультета в 30—40-х годах XIX в.[65], среди выпускников университета в этот период не было тюркологов, чьи интересы были бы сосредоточены главным образом на изучении истории, языка и литературы османской Турции. Тем не менее в 50-х годах появилось несколько соответствующих работ, авторами которых были лица, связанные с Петербургским университетом. Имеются в виду перевод турецкого исторического сочинения, выполненный В. В. Григорьевым[66], и учебные пособия по турецкому языку А. О. Мухлинского[67]. Последнему принадлежат большие заслуги в деле преподавания турецкого языка и истории османской литературы в Петербургском университете, где он возглавлял турецкую кафедру в 1839—1845 и 1849—1866 гг. Мухлинский читал также курс истории Османской империи (от образования государства до правления султана Абдул Маджида)[68].

В 30—40-х годах турецкий язык преподавался также в Казанском университете, где этот курс с 1826 по 1849 г. вел Казем-Бек. Он — автор грамматики турецко-татарского языка, изданной в Казани в 1839 г. и переизданной в 1846 г. В части турецкого языка грамматика Казем-Бека имела заимствования из грамматики француза А.-П. Жобера (перевод ее осуществил ученик Казем-Бека И. Н. Березин)[69]. С 1845 г. Березин возглавлял кафедру турецкого языка в Казанском университете. На своих занятиях он переводил со студентами отрывки из популярных турецких литературных произведений, образцы османских государственных актов и очень интересовавший европейских ориенталистов труд Махмуда Асада «Ус-ю зафер», посвященный уничтожению янычарского корпуса[70]. Как уже говорилось в гл. 3, в 1854 г. указом Сената преподавание восточных языков в Казанском университете было прекращено под предлогом необходимости сосредоточить его в Петербургском университете[71].

В Московском университете, где с 1811 г. работала кафедра восточных языков, турецкий язык не преподавался.

Курс турецкого языка начиная с 20-х годов XIX в. велся в московском Лазаревском училище (или Лазаревской гимназии), однако он был факультативным[72].

В гл. 4 говорилось о причинах создания и программах Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, где готовили квалифицированных государственных чиновников дипломатического ведомства. Это учебное заведение России сыграло существенную роль в деле распространения знаний об этой соседней восточной державе.

Научное востоковедение в рамках Академии наук и университетов не выдвинуло в первой половине XIX в. крупных ученых, чьи интересы были бы сосредоточены главным образом на изучении турецкого языка и турецкой истории. Тем не менее тот же период оказался необычайно богат специальной литературой, посвященной географическому, этнографическому, экономическому и военному описанию Османской империи. Авторами этих трудов являлись не ученые-востоковеды, а представители самых разных профессий, так или иначе познакомившиеся с организацией и жизнью Османской державы. Труды эти смогли появиться во многом в результате активизировавшейся деятельности русского Генерального штаба в первой четверти XIX в., когда перед входившим в его состав отделением была поставлена задача «собирания всех сведений о театре войны»[73]. Самым крупным научным вкладом военного ведомства в дело изучения Османской империи явилась работа офицера Генерального штаба, выпускника Дерптского университета М. П. Вронченко — известного переводчика Байрона, Мицкевича, Гёте, Шекспира, к тому же замечательного геодезиста.

После подписания в июле 1833 г. между Россией и Османской империей Ункяр-Искелесийского договора, которому предшествовали победа греческого антитурецкого восстания и победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., заключение Петербургской конвенции 1830 г. и турецко-египетский конфликт, приведший к поражению турецкой армии под Коньей в декабре 1832 г., создались особо благоприятные условия для возможности изучения Малой Азии. В октябре 1833 г. М. П. Вронченко, назначенному секретарем русского генерального консульства в Смирне, было поручено провести «обозрение Малой Азии». В 1834—1836 гг. он совершил несколько поездок по Азиатской Турции, результаты которых были описаны им в книге «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии»[74]. Практически в книге нашли отражение все стороны хозяйственной жизни этой части османского государства, были приведены данные о численности населения, сделаны наблюдения относительно уровня торговли, приведено описание важнейших известных памятников древности на территории Малой Азии.

Труд Вронченко вписал важнейшую страницу в историю российской османистики, послужил для последующих поколений исследователей первоклассным источником для изучения социально-экономического развития малоазийской части Османской империи в XIX в.

Столь же значительны по глубине и охвату работы другого русского исследователя — П. А. Чихачева, который в 1830 г. благодаря хорошему знанию иностранных языков был направлен на работу в Азиатский департамент МИД, а в 1833 г. — на службу в русское посольство в Стамбуле. Здесь у него пробудился интерес к истории и этнографии (по долгу службы он часто выезжал в различные страны). Здесь же, в Стамбуле, он

познакомился с М. П. Вронченко. Этот блестяще и разносторонне образованный путешественник, географ и естествоиспытатель, совершивший с научными целями несколько поездок по Малой Азии, Армении и Курдистану, оставил после себя географические, естественнонаучные и историко-этнографические описания земель Малой Азии, которые являют собой великолепные образцы отечественной научной литературы [75].

ИРАНИСТИКА

Научный интерес к Ирану (Персии) в русском обществе первой половины XIX в., естественно, проистекал из практических интересов России к странам Востока вообще и к своему южному соседу в частности, которые применительно к Ирану выражались в попытках стабилизации политических отношений, в обеспечении безопасности стран, добровольно принявших подданство российской короны, в расширении международной торговли [76]. Материальной базой для научного изучения истории и культуры Ирана служили частные и государственные собрания восточных древностей (рукописей, предметов материальной культуры, монет и печатей), формируемые начиная с XVIII в. и пополнявшиеся русскими дипломатами и путешественниками по Востоку. Теоретической основой для реализации научных интересов явилось учреждение в первой четверти XIX в. востоковедных кафедр («разрядов восточной словесности») при университетах России, благодаря чему слушатели обрели возможность получить высшее востоковедное образование [77].

Преподаватели, стоявшие у истоков университетского востоковедения в России (Френ, Шармуа, А. В. Болдырев, О. И. Сенковский, Казем-Бек, Дорн) [78], в числе других восточных языков читали курсы классического персидского и арабского, столь необходимые для изучения средневековой истории и культуры Ирана. Все они относились к лучшим представителям науки своего времени. Френ был учеником известного ориенталиста из Ростока О.-Г. Тихсена, Болдырев и Шармуа прошли школу знаменитого Сильвестра де Саси, Сенковский своими успехами был обязан природной одаренности и двухлетнему пребыванию в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Казем-Беке органично сочетались блестящее знание восточных и европейских языков с талантом лектора и исследователя Востока, Дорн свободно владел классическими и древними восточными языками.

В пробуждении интереса широкого читателя к Востоку вообще и к Ирану в частности немаловажную роль сыграли выпуски упоминавшегося выше научно-популярного журнала «Азиатский вестник», издававшегося в 1825—1827 гг. Г. И. Спасским и продолжавшего «Сибирский вестник». Пространный титул издания [79] дает лишь приблизительное представление о разнообразии

его тематики. В «Вестнике» помещались отчеты о деятельности и публикациях Лондонского, Парижского и Бенгальского (Калькуттского) азиатских обществ. Персидские сюжеты включали как прозаические переводы творений известных иранских поэтов, так и путевые заметки по стране, аннотации европейских исследований по истории и культуре Ирана, хронику выдающихся событий в Иране первой трети XIX в. и пр. Весь публикуемый материал разделялся на тематические рубрики.

В первом выпуске «Азиатского вестника» за 1825 г. под рубрикой «Путешествия» было напечатано «Странствование Габайдулла Амирова по Азии», составленное из записок и устных рассказов пленного перса о его путешествии из Бухары в Восточный Иран, Афганистан и Индию. Весь этот материал, переданный в «Вестник» издателем «Отечественных записок» П. П. Свиньиным, был стилистически обработан Г. И. Спасским и дополнен его примечаниями. Бóльшая часть повествования включала описание городов, населения, торговли и промышленности стран Среднего Востока.

Под той же рубрикой в «Вестнике» за 1827 г. (кн. 2) было помещено «Странствование московского купчины Семена Маленького по Персии и Индии» — краткое изложение официальной торговой поездки, предпринятой московским купцом и его помощником в 1695 г. и продолжавшейся около пяти лет. Описание, составленное, очевидно, Спасским (подпись в конце статьи — С.), представляет собой интерес для истории торговли петровской России с Ираном и Индией. В нем заслуживают внимания сведения о названиях товаров и их стоимости, обстоятельствах торговых поездок в разные районы Ирана и Индии, об отношении местных властей к посланцам Русского государства.

Иранская тема была представлена статьями, помещенными под рубрикой «Азиатские новости», о сильном землетрясении в Ширазе летом 1824 г. и отрывками из путешествия М. Е. Коцебу в Персию в 1817 г., в которых дано описание шахского двора, столицы и шахского войска (Азиатский вестник. 1825, кн. 1).

К публикациям «Вестника» теоретического плана следует отнести статью «Рассмотрение историков азиатских» (1825, кн. 1), которая, в сущности, представляет собой перевод части из книги «Записки, относящиеся к Азии» (1824), принадлежащей известному ориенталисту, одному из авторов российского «Проекта Азиатской Академии» — Г.-Ю. Клапроту. Переводчик, обозначенный инициалами А. Р., перевел то место книги Клапрота, в котором автор пытается критически подойти к периодизации восточной истории.

Историю народов Клапрот делил на три отрасли, или три составные части: мифологию, историю сомнительную и историю достоверную, всегда отдавая предпочтение последней. Поскольку, считал он, степень достоверности информации (фактов) определяется надежностью хронологии, то и достоверная история у разных народов начинается в разное время. В конце перевода

помещена таблица «Начало достоверной истории», отсчет которой для народов Востока находится в определенных Клапротом хронологических рамках — с I по XIV в. включительно. Согласно этой таблице, достоверная история персов начинается после III в., арабов — после V в. В известном смысле выводы Клапрота отражали уровень исторических знаний о Востоке в европейской науке первой четверти XIX в. Его периодизация иранской истории по степени достоверности была справедлива для начала 20-х годов, когда иранскую древность реконструировали по противоречивым рассказам Геродота о Персии и эпосу «Шах-наме». Открытие клинописных надписей ахеменидских царей, позволившее по-новому взглянуть на древнюю историю Ирана, имело место лишь четверть века спустя.

С января по июль 1826 г. в журнале, в разделе «Азиатские новости и смесь», где среди разных сообщений помещались библиографические справки о трудах стечественных и зарубежных ориенталистов, были напечатаны аннотации на выпущенное казанским профессором Ф. Эрдманом описание восточных монет Казанского университета и извещение И.-Г.-Л. Козегартена, издателя «Хроники» ат-Табари, о предстоящем выходе первого тома этого издания и необходимости организовать на него подписку. В Петербурге одним из двух уполномоченных по подписке на издание был акад. Френ (Азиатский вестник. 1827, кн. 2, с. 118—120).

Иранская тема постепенно утверждается и на страницах других общественных журналов России, ей посвящается ряд научно-популярных книг, в которых ведущим является не исследование, а популяризация материала. Переводные и оригинальные публикации того времени, не претендуя на исчерпывающую информацию о стране, сообщали образованному читателю массу любопытных сведений о географии, населении, религии, обычаях, истории персов.

Показательна в этом отношении переводная статья шведского майора Гейденштамма «Картина западной Персии», опубликованная в 1826 г.[80]. Большинство сообщаемых в ней сведений — результат личных наблюдений автора, изложенных по тематическому принципу. Наиболее достоверными в этой статье оказались сведения об иранской армии (в частности, это касается описания военных крепостей) и политическом устройстве Ирана. Таблица численности разных конфессиональных групп населения свидетельствует об использовании автором статистических данных. В конце статьи приводятся инициалы переводчика — Н. Р., за которыми скрывается, вероятно, член Азиатского общества в Париже Н. П. Румянцев. Пояснительные комментарии переводчика к статье обнаруживают его знакомство с европейской востоковедной литературой своего времени (указания на труды Хаммера, Фрейганга, Гасселя, Валя, Жобера).

Статья В. Созоновича в «Сыне Отечества» за 1826 г.[81] посвящена вопросам организации иранской армии в первой четверти

XIX в., ирано-русских отношений, а также характеристике наследного принца Аббаса Мирзы. Суждения Созоновича о предмете в значительной степени находились под влиянием упомянутой ранее статьи Гейденштамма и записок бывшего секретаря английского посольства в Иране в 1808—1809 гг. Морриера: обоих авторов он часто цитирует. Созоновичу, как и другим востоковедам, присущ европоцентристский подход ко всему восточному.

Брошюра Д. Кафгырева об Иране, опубликованная в 1829 г.,— по существу, краткий справочник для лиц, вообще не знакомых с этой страной[82]. В ней свыше трех десятков тем. Обо всем, естественно, даются самые общие и поверхностные сведения. Это относится и к историческому экскурсу, который ограничивается перечислением царствовавших династий, их приобретений и потерь. Четыре пятых объема брошюры — это систематизированный минимум информации по физической и экономической географии Ирана, о населении и его обычаях, просвещении и торговле, системе административного управления, войске, городах, мерах веса и объема и пр. Общую численность населения страны автор определяет в 9 млн. (Гейденштамм называл 12 млн.). Таблица населения выполнена с учетом этноконфессиональной принадлежности составляющих его групп. Иллюстрацией к тексту служит исполненная самим автором Карта Персии 1829 года.

В 30-х годах иранская тематика заняла свое место и в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, выходившем под редакцией Н. И. Греча. Редактором «Азиатской части» был О. И. Сенковский, подготовкой и переводом статей для нее занимались молодые ориенталисты П. С. Савельев и В. В. Григорьев. В списке оригинальных статей Савельева, помещенных в «Лексиконе» с 1835 по 1841 г., значится 88 наименований. Большей частью они посвящены исторической географии и истории Востока, персоналиям. Иранская тематика занимает в них около одной трети [83].

В середине 30-х годов вышел ряд публикаций о религии древнего Ирана [84]. В 1838 г. была опубликована статья выпускника Петербургского университета Ф. Менцова о царствовании последнего сасанидского шахиншаха Йездигерда III [85].

Даже этот неполный перечень публикаций об Иране в России 20—30-х годов позволяет пересмотреть тезис В. В. Бартольда, который писал, что на рубеже 30—40-х годов XIX в. «в русской литературе... не было ни исследований о прошлом Персии, ни очерков современного состояния страны» [86].

Ценная информация об Иране первой половины XIX в. содержится в мемуарной литературе 40-х годов, которая в России в отличие от подобных сочинений многих европейских путешественников написана авторами, хорошо знавшими Восток: Дюгамелем, Н. Муравьевым, И. Ф. Бларамбергом [87].

Интерес русского общества к странам Востока благоприят-

ствовал развитию не только прикладного, но и академического востоковедения. Лица, стоявшие у истоков академического востоковедения в России, были экциклопедистами в том смысле, что их одновременно можно считать историками и филологами, нумизматами, литературоведами и лингвистами. Классическое образование обеспечивало им ту широту научных интересов, которая позволяла вести исследование по нескольким направлениям ориенталистики, что при нерасчлененном характере востоковедения было тем более возможным: сами направления еще не дифференцировались. Содержание конкретной научной задачи во многом определялось тем материалом, который был под рукой (рукописи, монеты, предметы материальной культуры и т. д.).

Так, в поле научных интересов Френа оказался широкий ареал мусульманской нумизматики — от ранней чеканки арабо-сасанидских монет (вторая половина VII в.) до современных ему иранских эмиссий. Известны и публикации Френа домусульманского (сасанидского) нумизматического материала.

Френ был одним из основателей дешифровки ранних мусульманских монет «сасанидского образца», ставивших многих ориенталистов в тупик [88]. В небольшом исследовании «Хосройские монеты ранних арабских халифов» (1822) он сопоставлял между собой данные (сведения) различных арабоязычных письменных источников (сочинения Макризи, Ибн Кутейбы и др.) о монетном деле арабов при первых халифах и Омейядах, а также приступил к чтению легенд на двуязычных монетах [89]. Френ впервые в европейской и российской науке смог прочесть около десятка монетных куфических легенд с именами арабских наместников в Иране и коранническими формулами. Его идея о содержании куфических легенд на лицевой стороне получила развитие в ряде статей, напечатанных в Париже (1824, 1825), послужив для других европейских исследователей, в том числе Ю. Ольсхаузена, ориентиром для дешифровки пехлевийской части монетных легенд. По сочинению Макризи и трудам Френа уже можно было получить некоторое представление о характере денежной эмиссии в Иране после крушения сасанидской державы.

Френ много занимался чеканом Золотой Орды, топографией единичных находок и кладов восточных монет на территории России, и в этом смысле его нумизматические изыскания опосредованно связывались с историей Русского государства и историей торговых отношений Руси с Востоком.

Роль мусульманских монет как самостоятельного источника для изучения отечественной истории обосновал по публикациям Френа В. В. Григорьев [90]. Но продолжателем исторического направления в нумизматике стал ученик Френа П. С. Савельев (1814—1959). В 1842 г. он перевел на русский язык и дополнил обзор монетных находок в России, составленный Френом по-немецки [91]. Савельев отдал дань теме топографии находок, попол-

нив обзоры Френа по России и Ледебурга по Прибалтике открытиями последних лет. Кроме того, существенной частью книги было освещение вопросов монетного дела в Халифате, выяснение путей проникновения восточных монет на северо-восток Европы, исследование торговли России с Поволжьем и прикаспийскими областями Ирана и Кавказа, анализ причин упадка торговли со странами Востока в XI в. В таком объеме эти проблемы ставились в отечественной и европейской науке впервые.

В иранистическом приложении к своей книге [92], названном «О пеглевийских надписях на монетах Табаристана», Савельев, изложив историю дешифровки пехлевийских легенд на арабо-сасанидских монетах, вносит поправку в предложенную Ольсхаузеном классификацию нумизматического материала и дополнительно выделяет в нем группу «грузино-пеглевийских монет». Кроме того, он предложил новую дату начала специфического летосчисления, распространявшегося на весь табаристанский нумизматический материал. Точкой отсчета так называемой табаристанской эры Савельев считал вторую половину 32 г. х. (653 г.). Эта датировка впоследствии была уточнена немецким ориенталистом А. Мордтманом.

Как и Френ, Савельев был не только исследователем, но и убежденным пропагандистом изучения восточной нумизматики, высоко оценивая ее роль в качестве вспомогательной исторической дисциплины [93].

Долгие годы сотрудничал с петербургским Археологическо-нумизматическим обществом (позднее — Восточное отделение Археологического общества) один из его основателей (вместе с П. С. Савельевым) — И. А. Бартоломей (1813—1870), во время военной службы в Закавказье собравший большую коллекцию парфянских, сасанидских и куфических монет. Его ранние нумизматические публикации относятся к началу 40-х годов. В 1847 г. он дважды выступал с сасанидскими сюжетами на заседаниях Общества. В результате этих выступлений появились две статьи, одна из которых посвящалась разбору палеографии позднесасанидских (после Переза) монет и улучшала чтение имен, предложенное в работах Лонперье и Крафта, а другая — классификации грузинских монет сасанидского образца [94]. В основу классификации Бартоломей положил внешний облик монеты. По существу, его вторая статья представляла собой полемику с кавказоведом М. И. Броссе по поводу датировки и атрибуции грузино-пехлевийских монет. Поскольку, считал Бартоломей, они выполнены по образцу монет Хормузда IV, они не могли быть изготовлены ранее прототипа, в частности во времена Вахтанга Горгасала, на чем настаивал Броссе.

Научные интересы нумизмата Бартоломея не замыкались на атрибуции и палеографии монет. В своих исследованиях он касался также типологической классификации материала, техники чеканки, вопросов организации монетного дела при Сасанидах. Основная часть нумизматических исследований Бартоломея при-

ходится на 50—60-е годы XIX в. Подготовленная им к публикации часть собственной сасанидской коллекции была издана Дорном в 70-х годах, после смерти Бартоломея.

Центром нумизматических изысканий в России в рассматриваемый период, где, в частности, изучались история и культура древнего и средневекового Ирана, был Петербург. Именно здесь были сосредоточены богатые коллекции Азиатского музея и лучшие научные силы. В то же время в Казани Ф. Эрдман продолжал изучение монет разных мусульманских династий в Иране и правителей тюрко-монгольского происхождения на территории Средней Азии [95].

Оставаясь до конца жизни и долгие годы после смерти «князем восточной нумизматики», Френ после вступления в должность директора Азиатского музея стал и блестящим каталогизатором рукописей ближневосточного ареала. В инструкции от 15 ноября 1818 г., адресованной Комитетом правления Императорской Академии наук акад. Френу, ему, как хранителю восточного кабинета, предписывалось принять все восточные древности и представить Комитету их подробный каталог [96]. В течение четверти века Френ проводил разборку и обработку как сложившейся до него рукописной коллекции, так и новых поступлений рукописей из Ирана, османской Турции и Средней Азии. Не менее десяти отчетов о пополнении коллекций Азиатского музея новыми рукописями (чаще в двух, немецком и русском, вариантах) помещено Френом в «Санкт-Петербургских ведомостях». Переводчиком трудов Френа (в том числе и отчетов) на русский язык часто был преподаватель Петербургского университета и хранитель Азиатского музея М. Г. Волков (1800—1846) [97]. Большинство отчетов о приобретении рукописей (в оригинальном немецком варианте) перепечатано и вошло в приложения к книге Дорна об Азиатском музее [98]. Отдельные донесения о приобретении восточных древностей (в том числе и рукописей) адресованы непосредственно Комитету правления Академии наук.

Френ не только выступал как хранитель бесценных сокровищ духовной культуры народов Востока и автор описаний рукописного материала, но и прилагал необходимые усилия, чтобы убедить членов Комитета правления в полезности мусульманских сочинений для изучения истории отечества [99]. Им был составлен также рекомендательный список важнейших сочинений на арабском, персидском и турецком языках, поисками и приобретением которых должны были заняться лица, отбывающие на Восток. Это своеобразное руководство было исполнено в русском (с параллельным восточным текстом названий) и французском вариантах и представляло собой перечень произведений большей частью исторического и географического характера, составленный по хронологическому принципу (начало IX — середина XVIII в.). Первое издание списка вышло в 1834 г. [100]. Примерно две трети из этих сочинений освещали различные эта-

пы истории Ирана, сообщали сведения по исторической географии и культуре этой страны.

В 1841 г. «Хронологический список» Френа был переиздан в Казани без каких-либо изменений распоряжением попечителя Казанского учебного округа по случаю отбытия на Восток В. Ф. Диттеля и И. Н. Березина.

Третье издание, предпринятое в 1845 г., содержало перечень более 200 названий и пространное предисловие к нему.

Френ является также автором хронологического списка армянских историков IV—XVII вв. с краткой характеристикой их литературной деятельности [101]. Труды большинства армянских писателей раннего средневековья (IV—VIII вв.) в значительной степени отражали историю армяно-персидских отношений в домусульманскую эпоху, касались различных аспектов истории сасанидского Ирана.

Закономерным итогом многолетних рукописных изысканий Френа, как и его занятий нумизматикой, было обращение ученого к российской истории и истории прикаспийских областей Ирана. Ему удалось открыть несколько неизвестных табаристанских хроник, которые давали возможность восстановить главнейшие события истории этого края на протяжении столетий.

С изложением истории Табаристана первых двух с половиной веков хиджры — результат его работы над рукописями — Френ выступил на заседании Академии наук 19 августа 1829 г. Немецкий текст доклада остался в рукописи, его сокращенный пересказ был опубликован в «Чтениях» Академии наук два года спустя [102]. Историческое исследование Френа о Табаристане обеспечивало отечественной науке приоритет в изучении этой северной области Ирана.

Профессор Казанского университета Ф. Эрдман (1795—1862), поступивший на русскую службу в 1819 г., опубликовал в 1822 г. небольшую работу — описание персидской рукописи исторической хроники Искандера Мунши. Другие его описания нам неизвестны. В 1840 г. Эрдман опубликовал критический разбор издания «Истории монголов в Иране» по «Сборнику летописей» («Джами ат-таварих») Рашид ад-дина, осуществленного в 1836 г. Катрмером в Париже [103]. Пространная рецензия Эрдмана включала: дополнительные детали к биографии иранского историка (для чего привлекались сведения из других источников); список предшественников Рашид ад-дина, писавших о монголах; высказывания по поводу структуры «Джами ат-таварих» и содержания отдельных его частей; указания на списки сочинения Рашид ад-дина, хранящиеся в России, и наиболее важные конъектуры к печатному тексту издания Катрмера; замечания по переводу и комментариям текста памятника.

Генеалогиям тюрок и монголов по Рашид ад-дину посвящено и отдельное исследование Эрдмана [103а].

Востоковедная деятельность Ф.-Б. Шармуа (1793—1868), со-

стоявшего на русской службе с 1817 по 1835 г. и преподававшего с 1823 г. в Азиатском департаменте персидский и турецкий языки, а в Петербургском университете — персидский, в указанный период была ориентирована преимущественно на изучение истории России с помощью мусульманских источников. В 1829 г. он издал часть текста поэмы «Искандер-наме» Низами Гянджеви, в которой приводится легенда о походе Александра Великого против «русов» [104]. В публикации был помещен помимо персидского текста и французский перевод, выполненный по калькуттскому изданию рано умершим учеником Шармуа Л. Шпицнагелем. Шармуа исправил перевод Шпицнагеля, проделав большую работу по сличению девяти рукописей текста и выявив при этом более 5 тыс. разночтений (так называемых вариантов). В этом издании Шармуа выступает как переводчик, текстолог, историк персидской литературы, наконец, как комментатор поэтического сочинения. Его историко-географический комментарий опирается на работы Сильвестра де Саси, Клапрота, Хаммера, Эрдмана.

Тема русской истории звучала и в университетской речи Шармуа о пользе изучения восточных языков (1833), и в извлечениях сведений о древних славянах из сочинений ал-Мас'уди и других мусульманских авторов (1834).

Имеются указания на то, что в последние годы преподавательской деятельности в России и в середине 40-х годов во Франции Шармуа готовил к изданию французский перевод персидской «Истории Табаристана» Захир ад-дина Мар'аши [105]. Однако замысел его остался неосуществленным. Честь издания этого памятника принадлежит Дорну.

В 1830 г. у Шармуа возник замысел перевести с персидского на французский «Шараф-наме» — сочинение по истории курдов автора второй половины XVI в. Шараф ад-дина Бидлиси. В письме к Френу из Франции от 8 сентября 1845 г. он сообщил, что работа над подготовкой истории курдов значительно продвинулась. В полном объеме завершил ее Шармуа, очевидно, много лет спустя. Перевод и исследование памятника вышли в Петербурге уже после смерти Шармуа [106].

И во Франции Шармуа не терял связей с русской наукой. Он оставался иностранным членом Академии наук, вел переписку с русскими ориенталистами, пользовался рукописями Азиатского музея и Публичной библиотеки. Публикация его перевода и комментариев в Петербурге явилась закономерным дополнением к изданию текста «Шараф-наме», осуществленному В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1860—1862 гг. Для перевода текста Шармуа привлек помимо труда Вельяминова-Зернова, выполненного по двум рукописям, еще четыре рукописи.

Его перевод отличался тщательностью, а комментарии — подробностями (они вдвое превышают объем перевода). Весь первый полутом — это введение в изучение памятника, которое свидетельствует об обширных познаниях переводчика в истории,

географии и этнографии курдов. Тематика «Введения» включает следующие проблемы: происхождение курдов, расселение курдских племен и их подразделений в Османской империи, в Иране и на южных окраинах России; сведения географического характера о провинциях Ирана и Османской империи, где проживает курдское население; историю важнейших событий в Курдистане и Луристане со времен Кира и до XVIII в., а также историко-географический комментарий к «Введению». Шармуа обнаруживает глубокое знание мусульманских источников: помимо «Шараф-наме» он привлек «Фирдаус ат-таварих» (начало XV в.), «Джахан-нума» (сочинение турецкого автора первой трети XVIII в. Хаджи Халифы) и др. Шармуа цитирует также произведения античных авторов и труды европейских ориенталистов первой половины XIX в.

В 30—50-х годах в русских журналах и в изданиях Археологического общества печатались научно-популярные статьи, библиографические справки и рецензии на исследования по истории Древнего Востока, информационные сообщения о находках археологических памятников древности. Авторами этих публикаций были О. И. Сенковский и П. С. Савельев. Из работ, имевших отношение к древнему Ирану, следует назвать четыре статьи Савельева (Ариана, Арсакиды, Атропатена, Бактриана), помещенные в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (1835, т. 3—4) [107].

Научное изучение древнего Ирана в первой половине XIX в. имело случайный характер. Некоторое оживление в этой области наблюдалось лишь в 40-х годах. В это время в России были опубликованы три серьезные статьи, посвященные трем различным сюжетам древней иранской истории. До издания Роулинсоном в 1846 г. клинописных надписей ахеменидских царей единственными источниками по древнему Ирану были противоречивые повествования древнегреческих авторов о персах и сказания об эпических иранских героях в «Шах-наме» Фирдоуси. Эрдман предпринял очередную попытку проследить связь между этими двумя группами источников [108]. Откликом на дешифровку Роулинсоном Бехистунской надписи стала пространная статья О. И. Сенковского [109].

Отдав должное заслугам английского исследователя в прочтении большой надписи Дария, Сенковский полемизировал с Роулинсоном и другими ориенталистами по поводу чтения царских имен в надписи, столь непохожих на транскрипцию тех же имен у Геродота, Ктесия и в Библии. Сенковский полагал, что греческая транскрипция точно передавала знаки клинописи и отвергал идею «длинных» древнеперсидских имен. Доказательства собственной гипотезы с подробным филологическим анализом Сенковский обещал представить во второй статье, но его занятия в этой области не имели продолжения. Этот факт вновь подтверждает замечание, что при несомненных лингвистических дарованиях Сенковского увлечение журналистской деятель-

ностью мешало его профессиональным занятиям в области дешифровки памятников древней истории и письменности.

Выпускник Александровского лицея В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) в трактате «О вступлении на престол Дария-Гистаспа по Геродоту и Фердауси» [110] внешне как бы продолжал линию исследований Эрдмана, касающихся древней истории Ирана, но привлек материалы, изданные Роулинсоном, и некоторые другие дополнительные источники. Автора интересовал порядок престолонаследия в Иране того периода. В трактате, как и в статье Эрдмана, делалась попытка отождествить некоторых героев иранского эпоса с историческими персонажами, поименованными в Бехистунской надписи и у Геродота.

О Вельяминове-Зернове можно сказать то же, что об Эрдмане и Сенковском: его занятия в области изучения древней истории Ирана продолжения не имели. В последующие годы центр его научных интересов переместился на исследование средневековой истории Средней Азии и издание исторических памятников мусульманской эпохи.

Изучение персидской литературы

Изучение истории персидской литературы [111] стало отраслью науки лишь в последней четверти прошлого века.

Начало изучения персидского языка в России — в системе высшей школы и народного образования — можно датировать первым десятилетием XIX в.

В соответствии с первым общим уставом русских университетов от 5 ноября 1804 г. в программы университетов было введено преподавание восточных языков, под которыми понимались в это время прежде всего языки мусульманского Востока: персидский, арабский и турецкий. Поскольку, по замечанию Н. И. Веселовского, в начале XIX в. «у нас совсем не было людей, сведущих основательно в персидском языке» [112], в первые десятилетия для преподавания этого языка учителей приглашали из-за границы.

С 1807 г. (и до 1855 г.) персидский язык стал учебным предметом в Казанском университете (первые учителя, Френ и Эрдман, преподавание вели на латинском языке). С 1811 г. этот язык был введен в программу обучения и Московского университета (первый преподаватель — А. В. Болдырев: преподавание велось до 1837 г. и затем в 1852—1875 гг.). Кафедра персидской словесности была открыта в Петербургском университете в 1819 г. [113] (первые преподаватели — Франц Бернар Шармуа и Мирза Джафар Топчибашев). Ранее всего — в 1805 г. — кафедра восточных языков была открыта в Харьковском университете, но преподавание персидского языка началось здесь лишь с 1829 г. и длилось всего шесть лет, пока в Харькове работал Дорн.

В 1823 г. было открыто Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, где обучали персидскому языку с ориентацией на практическое владение (преподавателями были те же лица, что и в Петербургском университете). В ЛИВЯ, открытом в Москве в 1815 г., проектом 1817 г. предусматривалось преподавание персидского языка (вместе с арабским и тюркским), но фактически обучение персидскому языку началось с 1825 г. (первый преподаватель — Михаил Салатян) [114].

Курс персидского языка вводится также во многих других учебных заведениях: в 1-й Казанской гимназии (с 1822 г.), в Неплюевском военном училище в Оренбурге (с 1824 г.), в Астраханской гимназии (с 1811 г.) [115].

Процесс обучения персидскому языку в России в XIX в. прошел два этапа. Широкая сеть учебных заведений с преподаванием персидского языка, показательная для первой половины XIX в., была к 1855 г. свернута и вместе с востоковедными силами (преподавательским составом, учебными пособиями, книжными фондами) сконцентрирована в столице государства на факультете восточных языков Петербургского университета.

Роль крупного центра востоковедного образования сохранял за собой параллельно с Петербургским университетом Лазаревский институт восточных языков в Москве.

Деятельность двух названных высших учебных заведений во многом определила успешное становление отечественной иранистики.

Во всей системе высшего востоковедного образования с начала XIX в. персидский язык являлся одним из первых по времени и на протяжении десятилетий был в числе основных учебных предметов. При этом в программах преподавания персидский язык стал вскоре пониматься как более общая дисциплина — персидская словесность. Сама организация обучения языку, состоявшая в участии в развитии навыков живой речи учителей-иранцев, отличающихся, как правило, прекрасной памятью на стихи, в обучении языку на литературных текстах, лучших образцах художественной прозы и поэзии, в сопровождении языковых занятий общим курсом географии, истории и экскурсами в историю литературы Ирана, обеспечивала начальное знакомство слушателей с персидской классикой.

Можно составить себе достаточно четкое представление о литературных текстах, на которых традиционно воспитывались в России в начале прошлого века студенты — будущие специалисты по персидскому языку.

Так, сохранились документальные записи Петербургского университета, что студенты разряда восточной словесности, изучающие курс персидского языка, за второе полугодие 1820 г. прочли весь «Гулистан» Саади и гл. 41 «Панд-наме» Фарид аддина Аттара [116]. Мирза Джафар Топчибашев, служивший в Петербургском университете 30 лет (1819—1849), «известнейший

по отличным сведениям в сем языке», как он характеризовался в официальных отзывах [117], разработал следующую программу обучения персидскому языку, рассчитанную на три года: «В первом — правила этого языка и переводить со студентами „Панд-наме" Аттара, „Гулистан" и „Бустан" Саади; во втором — избранные газели Хафиза, некоторые месневи Джалаль ад-дина Руми и отрывки из „Шах-наме" Фирдоуси; в третьем — избранные места из „Тезкире-йи Муким-хани" и „Истории" Вассафа, упражняясь вместе с тем в разговорах и в сочинениях по „Мазхан ул-Инша"» [118].

В Московском университете студенты на занятиях персидским языком читали с ординарным профессором А. В. Болдыревым (с 1814 г.) избранные места из «Тути-наме» и тот же «Гулистан» Саади [119].

Алексей Васильевич Болдырев (1780—1842) — выпускник Московского университета, выходец из разночинной среды (сын штаб-лекаря). Он успешно закончил два факультета (юридический и философский), после чего получил звание «кандидата новейшей литературы» (1805) и «магистра философии и свободных наук» (1806). Болдырев самостоятельно изучал арабский и персидский языки и проявил большие способности в освоении древнееврейского языка. Около 1807 г. ему была предоставлена заграничная командировка для совершенствования знаний восточных языков. Болдырев занимался в школе крупнейшего арабиста и ираниста Сильвестра де Саси в Париже. Он вернулся в Московский университет около 1811 г. и здесь в должности адъюнкта только что открытой кафедры восточных языков приступил к преподаванию арабского и древнееврейского языков [120].

Болдырев оставил заметный след в области преподавания восточных языков в России, составив первые пособия: «Персидскую христоматию» (1826), «Арабскую христоматию» (1824), «Краткую арабскую грамматику в таблицах» (1827).

«Персидская христоматия» А. В. Болдырева была основным пособием по изучению персидского языка на протяжении всего XIX столетия. Нескольким поколениям отечественных востоковедов — а через них и читающей публике России — она давала самый первый круг представлений о персидской художественной литературе. Поэтому остановимся на этом издании более подробно.

Книга была напечатана в типографии Московского университета, полиграфически хорошо выполнена. Крупный ясный персидский шрифт, просторные поля и интервалы между строк, четкая структура в построении книги — расположение текстов по возрастающей сложности, установка на подбор занимательных произведений — все это сделало названное издание удобным и полезным учебным пособием.

«Христоматия» объемом 400 страниц состоит из двух, равных по величине частей.

Часть первая, прозаическая, включает четыре раздела: «По-

вести», «Басни», «Исторические отрывки» и «Смесь». В «Повестях», самом большом разделе, помещено 50 коротких рассказов и анекдотов, занимающих от шести-восьми строк до трех страниц; во втором разделе — девять басен, где персонажами выступают животные. Короткие рассказы и притчи двух первых разделов почерпнуты в основном из «Гулистана» Саади, где прозаическое повествование перемежается стихотворными вставками. В «Исторических отрывках» даны пять фрагментов из средневековых хроник и книг путешествий, представляющих собой рассказы из жизни царей (о смерти Мамуна, о султане Махмуде, о правлении Исмаила Саманида), очерки о жителях Мерва, о Якубе ибн Лейсе. Раздел «Смесь» содержит шесть разнообразных по жанру текстов (образцы средневековых сочинений историографического, страноописательного и дидактического характера) и три заметки из биографической литературы, знакомящие читателей с жизнью крупнейших поэтов: Фирдоуси, Хафиза и Фарид ад-дина Аттара.

Вторая часть «Персидской христоматии» — «пиэсы стихотворные» — включает девять разделов. Если в «пиэсах прозаических» авторы текстов не указаны, то во второй части, за исключением первого раздела, имена поэтов приведены в заголовках. Первый раздел стихотворной части назван «Краткие мысли и отрывки»; в нем — отдельные бейты — пословичные сентенции и изречения, также рубаи, кыт'а в два-три бейта и короткие месневи поучительного характера (всего 24 текста). Второй раздел содержит десять озаглавленных отрывков из «Панд-наме» Саади: о щедрости, о скупости, о красноречии и др. Раздел третий включает восемь озаглавленных фрагментов из «Панд-наме» Аттара: «В объяснение четырех вещей, кои таят опасность», «В объяснение четырех вещей, кои не вернуть», «В описание смирения и терпения», «Назидания» и пр. Раздел четвертый содержит 18 стихотворений из «Бустана» Саади, пятый — 12 коротких отрывков из «Анвар-и Сухайли», шестой — три касыды и три газели Саади, седьмой — большой фрагмент (454 бейта) из поэмы Джами «Юсуф и Зулейха», восьмой — пятьдесят газелей и семь четверостиший Хафиза, раздел девятый включает небольшой отрывок из сатиры Фирдоуси.

В преподавательской практике указанная хрестоматия на старших курсах дополнялась другими текстами художественной, историографической и дидактической классической литературы. Так, в Петербургском университете Топчибашев, например, в 1836/37 учебном году читал со студентами «Шах-наме» Фирдоуси (эпизод о Сохрабе), отрывок из «Хабиб ас-Сийар» Хондемира, «Матла ас-Саадайн» Абд ар-Раззака Самарканди, «Панднаме» Аттара; в речевой практике («разговорах и парафразисе») использовался «Гулистан» Саади [121]. Другой преподаватель Петербургского университета, Л. З. Будагов (род. 1812), в 1844 г. читал со студентами известное зерцало XI в. «Кабус-наме» [122].

Работая с текстами художественной литературы, преподаватели интерпретировали их как памятники классической прозы и поэзии. В. В. Григорьев в своей «исторической записке» высоко оценивает обоих первых преподавателей персидского языка в Петербургском университете: Шармуа и Топчибашева, отмечая, в частности, их «литературное преподавание», называя первого из них одним «из основательнейших в Европе знатоков языка и литературы Персии» [123] и признавая за вторым «отличное владение прозаической и стихотворной персидской речью» [124].

Сочетание преподавательской деятельности этих двух педагогов Григорьев находил необычайно удачным: «Его (т. е. Шармуа.— *Авт.*) грамматическое и литературное преподавание вместе с живой практикою в языке, приобретавшеюся у природного персианина Топчибашева, составляли прекрасное целое, какого не встречалось тогда ни в одном из университетов и специальных учебных заведений Европы, где преподавались восточные языки» [125]. Об этом же пишет и Н. И. Веселовский: «Это было прекрасное совокупление европейской солидной учености с живым и поэтическим знанием, так как Мирза Джафар был поэт, т. е. любил и умел слагать стихи» [126]. И далее: «Шармуа посвящал в знание книжного языка, Мирза Джафар приучал выражаться по-персидски не только правильно, но и изящно» [127]. Характеристика, которую Веселовский дает Топчибашеву как преподавателю, очень показательна: Мирза Джафар обучал студентов в основном на стихотворных текстах по второй части хрестоматии Болдырева, добавляя значительную долю из диванов Хафиза и Джалал ад-дина Руми, от которых «сам был без ума» и «читать которых с его комментарием на персидском языке было наслаждением и для слушателей» [128]. Шармуа же добивался от учеников ясности понимания прозаических текстов: «Анвар-и Сухайли», «История Надир-шаха Мехди-хана», «Вассафова летопись» [129].

В основном на тех же литературных текстах обучались и студенты Казанского университета. Так, Эрдман, преемник Френа, со слушателями старших курсов «толковал» избранные места из «Панд-наме» Аттара, из сочинений Рашид ад-дина, Шераф ад-дина, Абд ар-Раззака, Давлат-шаха, из поэмы «Юсуф и Зулейха» Джами, из стихотворений Низами и Хафиза [130]. Казем-Бек упражнял своих слушателей в переводах из Саади, Хафиза, Хакани, Аттара, читал также «Анвар-и Сухайли» и «Шах-наме» Фирдоуси. И. Ф. Готвальд, сменивший Казем-Бека, использовал для обучения студентов те же тексты, что и его предшественники [131].

Задача преподавания восточных литератур формулировалась в русских высших учебных заведениях, осуществлявших востоковедное образование, с самых ранних этапов их работы. Еще на открытии кафедр арабской и персидской словесности в Главном педагогическом институте в 1818 г. президент Академии наук С. С. Уваров, выступивший с речью, назвал Восток колы-

белью мировой науки, а изучение восточных языков — единственным путем, дающим возможность «созерцать вблизи богатства сего неисчерпаемого рудника ума человеческого». «Познание словесностей Востока», среди которых президент на одно из первых мест поставил литературное наследие персов, послужит, отметил он, обогащению русской литературы [132].

В проекте 1829 г., составленном Сенковским, Шармуа и Френом, предлагалось учредить в Петербургском университете «полный класс восточных языков», или «самостоятельный факультет восточных языков и литератур», равноправный с прочими факультетами; однако проект был найден «неудобоисполнимым» [133]. В 1837 г. В. В. Григорьев представил в Совет Петербургского университета «Записку об учреждении истории Востока в философском факультете», в которой утверждалась необходимость наладить в России изучение восточной словесности с историей восточных литератур в общих чертах [134]. Согласно распределению предметов, утвержденному министром народного образования 11 июня 1843 г. для разряда восточной словесности в Петербургском университете, студенты должны были изучать историю и географию Востока, два новых языка с их литературами и ряд общих гуманитарных предметов: всеобщую историю, русскую историю, русскую словесность и пр. [135].

Вопрос об изучении поэзии мусульманских народов ставился в инструкциях к преподаванию студентам Казанского университета еще в 1820 г. [136].

«Правилами преподавания восточных языков» Лазаревского института, утвержденными в 1830 г., предусматривались лекции, содержащие «общий взгляд на историю, географию и литературу армян, арабов, персов и турок, равно и прочих восточных народов» [137].

Официальное преподавание истории персидской литературы было введено в высших учебных заведениях России, имеющих востоковедные кафедры, в 50—60-х годах XIX в. Однако уже задолго до этого студенты восточных разрядов русских университетов и слушатели ЛИВЯ получали в лекциях некоторые сведения по истории литератур Востока.

Сначала это были общие обзорные курсы. Так, в Петербургском университете О. И. Сенковский, преподававший арабский язык, но хорошо знавший персидский и турецкий, уже в 20-е годы читал «Очерк литературы мусульманских народов и географии Азии». Называя Осипа Ивановича «звездой первой величины» среди современных ему преподавателей-ориенталистов, В. В. Григорьев описывает манеру его занятий со студентами восторженно: «Лекции Сенковского не ограничивались языком и литературой, а были живой энциклопедией науки о Востоке: по поводу слов он объяснял понятия и идеи; вводил слушателя в местный быт, знакомил с историей и топографией, выходил нередко за пределы Востока, чтобы показать параллельные явления в Греции, Риме и Европе; разбирал критически европейские

сочинения о Востоке и указывал путь к самостоятельным изысканиям» [138].

И далее: «Не только с увлекательностью и глубокой основательностью объяснял он свой предмет, но и побуждал слушателей к ученым занятиям, вселяя в них жажду знаний, и содействовал их умственному развитию». Григорьев сожалел, что число слушателей Сенковского, отличавшегося «неистощимой веселостью и сатирическим сгибом ума», ограничивалось буквально единицами: «...крошечным зеленеющим оазисом среди песчаных бесплодных степей была аудитория его, и никто из обитателей этих пустынь не закочевал в этот цветущий оазис» [139].

Первые специальные лекции по истории персидской художественной литературы стали читаться в Казанском университете.

Заслуга разработки первого систематического курса истории персидской литературы, как отмечено в работе, посвященной развитию иранской филологии в Петербургском (Ленинградском) университете, принадлежит А. К. Казем-Беку [140]. Но уже до Казем-Бека один из преподавателей персидского языка в Казанском университете, Эрдман, дополнял свои языковые занятия лекциями по истории персидского государства и истории персидской литературы (всего по четыре часа в неделю) [141].

Александр Касимович (Мухаммед Али) Казем-Бек (1802—1870), по происхождению дагестанский князь, был хорошо образованным человеком, в совершенстве владел арабским, персидским и турецким языками, знал русский и западноевропейские языки. В течение 22 лет (1826—1849) он служил в Казанском университете, занимая кафедру арабо-персидской словесности. Историки науки называют Казем-Бека создателем казанской школы ориенталистики [142].

Курс «литературы новой Персии» Казем-Бек читал в Казанском университете по три часа в неделю [143]. Можно соотнести с деятельностью Казем-Бека в этом университете одобрительное высказывание Герцена, касающееся развития востоковедения в Казани и относящееся к 1836 г. Называя Казань «главным караван-сараем на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу», Герцен особенно подчеркивал роль Казанского университета, отмечая, что «на его кафедрах преподаются в обширном объеме восточные литературы и преподаются часто азиатцами» [144].

После Казем-Бека курс персидской литературы вел Иосиф (Осип) Федорович Готвальд (1813—1897). Как замечает Н. И. Веселовский, эти занятия («по Хаммеру») вместе с языковыми и лекциями по истории составляли от трех до пяти часов в неделю [145].

Григорьев особо подчеркивает преподавательскую деятельность Казем-Бека в Петербургском университете, где он работал более 20 лет, возглавляя после ухода на пенсию Топчибашева кафедру персидского языка. «Как пособиями, пользовался он в лекциях своих всем лучшим,— пишет Григорьев,— что напеча-

тано по части языка и литературы Персии в Европе, налитографировано в самой Персии и находится в рукописях, как собственно ему принадлежащих, так и находящихся в университетской библиотеке» [146]. В основу курса персидской литературы Казем-Бек положил изученную им персидскую антологию Даулатшаха «Тазкира ар-шуара» (1486) и другие персидские сочинения [147].

В. В. Бартольд отмечал, что Казем-Бек придавал своим лекциям преимущественно практический характер [148] и, несмотря на то что слушателей у него было очень мало, он «оказал значительное влияние на ход востоковедения в России» [149].

Практические занятия, которые Казем-Бек вел параллельно с лекциями, значительно расширяли представления студентов о письменной культуре Ирана. Согласно таблице дисциплин Петербургского университета на 1851—1854 гг., Казем-Бек помимо чтения памятников персидской литературы занимался со слушателями «чтением стихов по правилам персидской просодии» [150], а на занятиях по истории и географии Ирана читал не только средневековые хроники, но и «Шах-наме» Фирдоуси.

К сожалению, курс персидской литературы (в Петербургском университете Казем-Бек читал его в 50—60-х годах), творчески разработанный ученым и вобравший в себя как опыт собственного изучения источников, так и труды специалистов, не нашел отражения в печати. Среди многочисленных опубликованных работ Казем-Бека мы находим только одну небольшую статью, посвященную персидской классической литературе и, видимо, отразившую его занятия со студентами по персидской мифологии на основе текста «Шах-наме». Статья эта называется «Мифология персов по Фирдоуси» и была написана еще в Казани [151].

Важно отметить еще одну особенность университетского иранистического образования в рассматриваемые годы. В программе, разработанной Казем-Беком, предусматривалось обучение студентов навыкам (одно занятие в неделю проводил он сам) чтения рукописей и письма — восточной каллиграфии (введено в программы еще Топчибашевым) [152]. Чтение рукописных текстов практиковалось и в Казанском университете. Это обстоятельство особо подчеркивал В. В. Бартольд при характеристике деятельности восточных разрядов Петербургского университета до устава 1863 г.: «На лекциях употреблялись в качестве учебных пособий не только печатные книги, но и рукописи; в донесении библиотекаря Бюша (осенью 1860 г.) на имя ректора о необходимости приобрести для библиотеки рукопись персидского сочинения *Анвар-и сухайли* (за 10 руб.) говорится, что „при помощи этого сочинения, употребляемого на лекциях по разряду арабско-персидской словесности, студенты приучаются к чтению восточных рукописей“» [153].

Таким образом, у истоков научной школы отечественных исследователей персидской литературы мы видим выдающихся

деятелей прошлого века, признанных основателей русского ориентализма. Н. И. Веселовский, излагая историю преподавания восточных языков в России, дает названным ученым следующую оценку: «Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило наконец глубокие корни, то тем обязаны мы прежде всего Сенковскому в Петербурге и Казем-Беку в Казани, которые дали целый ряд замечательных ориенталистов из своих учеников» [154].

История персидской литературы как отдельная дисциплина была введена в официальные программы Петербургского университета только уставом 1863 г. Однако, как можно судить по далеко не полным данным, которыми мы располагаем сегодня, уже лет за 15—20 до этого в восточном образовании университета стала осуществляться определенная специализация студентов-иранистов как литературоведов.

Так, среди медальных сочинений, предложенных студентами в 1848/49 учебном году, значилась тема следующего содержания: «Сделать критический обзор сочинений Саади и Гафиза и, сравнив их, показать отличительный характер направления каждого с краткой биографией этих писателей» [155]. Студент IV курса Иван Галов, представивший сочинение на эту тему, был удостоен золотой медали [156]. А. Н. Болдырев полагает, что эту работу, к сожалению оставшуюся неопубликованной, можно считать первой отечественной работой по истории персидской литературы. И. Галов окончил университет в 1848 г., и дальнейшая судьба его неизвестна.

В 1857—1858 гг. также золотой медалью было отмечено сочинение студента III курса Виктора Максимова «Персия в историческом и литературном отношении с 656 года по 706 год» (т. е. в XIII — начале XIV в.). Работа состояла из собственно исторического обзора, обзора литературы и была, как отмечает В. В. Григорьев, основана на восточных источниках [157].

Студентам была предложена еще одна тема медального сочинения — «Представить критическую оценку Давлат-шаховой биографии персидских поэтов», но такая работа не была написана [158].

С середины XIX в. Петербургский университет начинает готовить научные кадры по иранскому литературоведению. Согласно «Положению» от апреля 1844 г. о присвоении ученых степеней, в «таблицах для испытаний» по разряду восточной словесности для степени доктора арабской, персидской, турецкой или татарской словесности значился помимо экзаменов по языкам, истории, географии и «мухаммедианству» экзамен по истории соответствующей литературы [159].

СТАНОВЛЕНИЕ АФГАНИСТИКИ

В дореволюционном русском востоковедении были как специальные исследования, так и работы, затрагивающие отдель-

ные стороны различных вопросов истории, этнографии, языков и культуры населения Афганистана. При этом нельзя не согласиться с утверждением, что «от отечественной науки прошлого советской афганистике досталось далеко не столь большое по объему наследство, как во многих других областях востоковедения» [160]. Тем не менее с полной уверенностью можно говорить о том, что народы Афганистана не только вызывали интерес русских ученых, но в некоторых отношениях были ими основательно изучены.

То обстоятельство, что в дореволюционном востоковедении исследование Афганистана занимало сравнительно скромное место, «отчасти объясняется скудостью материала, находящегося в распоряжении русских исследователей по сравнению с западноевропейскими, особенно с английскими» [161]. Действительно, политические причины делали Афганистан в рассматриваемое время чрезвычайно труднодоступным для русских путешественников, и накопление фактов о нем отечественной наукой было сильно затруднено. Тем внимательнее и глубже изучали русские ученые все доступные материалы об этой стране, публиковавшиеся главным образом в Англии.

С другой стороны, немногочисленность попыток заняться Афганистаном, предпринятых русскими исследователями, не может быть объяснена только узостью источниковедческой базы. Как представляется, в этом могло сыграть роль позднее образование афганского государства, которое «возникло в середине XVIII в. и распространило свое господство не только на территории, заселенные афганцами, но и на соседние народы» [162]. Не исключено в связи с этим, что отсутствие исторически сложившегося традиционного представления об Афганистане как об определенном государственном образовании несколько ограничивало заинтересованность в его изучении в Европе вообще и в России в частности.

При рассмотрении той или иной работы, написанной в дореволюционной России и касающейся Афганистана или какой-то его части, можно почти всегда отнести ее к одному из двух четко прослеживающихся направлений в изучении страны — практическому или теоретическому.

Практическое изучение Афганистана, результатом которого было накопление фактов об этой стране в отечественной науке, при всей своей вынужденной ограниченности дало известные плоды. Немногочисленные русские путешественники, побывавшие там в рассматриваемое время, собрали немало материала, касающегося в первую очередь северного и отчасти западного Афганистана [163]. Их записи, воспоминания и отчеты служили и продолжают служить фондом информации для исследователей. Можно упомянуть таких путешественников, как И. Ф. Бларамберг, Н. В. Ханыков, И. Л. Яворский, Н. И. Гродеков, Матвеев, Г. А. Арендаренко, Ш. Путята, Б. Л. Громбчевский, Серебренников, А. Е. Снесарев.

Краткая оценка русских источников об Афганистане помещена в уже цитировавшейся статье В. А. Ромодина [164]. Следует добавить, что многие из них были опубликованы в дореволюционных закрытых военных изданиях, таких, как «Сборник Материалов по Азии», «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом» и др., и не были широко доступны ученым того времени. При оценке их надо иметь в виду, что главное внимание этих путешественников было сосредоточено на военно-практических вопросах. Это определяло и достоинства и недостатки собранных ими сведений как источника для изучения Афганистана. Вместе с тем многим авторам был присущ широкий интерес к различным сторонам и особенностям хозяйственного развития, этнографии, культуры, истории народов Афганистана.

Указанная специфика и характер публикации источников об Афганистане привели к тому, что у русских ученых не всегда была возможность работать с отечественными материалами. Поэтому написанные в России исследования об этой стране опирались преимущественно не на русские источники.

Не ставя цели затронуть изучение в России языков Афганистана, отметим лишь, что иранские языки, в их числе и пашто, издавна были предметом занятий русских языковедов [165]. «Первые в русской мировой науке материалы об афганском языке были доставлены русским естествоиспытателем акад. И. А. Гюльденштедтом...» [166]. Пашто был помещен среди иранских языков уже Г.-Ю. Клапротом и Б. А. Дорном. Анализ афганского языка позволил первому «подвергнуть критике широко распространенные в западноевропейской науке XIX в. гипотезы о происхождении афганцев от грузин, армян, албанцев, евреев и отвергнуть все попытки сближения афганского языка с семитскими» [167].

СТАНОВЛЕНИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Из древней истории ближневосточных стран наибольший интерес в России, как и в других европейских государствах, проявлялся к Египту.

Более или менее постоянные связи России с Египтом относятся к XI в. Как правило, это были паломничества в Святую землю, родину Христа, которые почти неизменно сопровождались заходом или заездом в Египет — страну, тесно связанную с его жизнью. Многие «Хожения» издавались еще старым Палестинским обществом. Однако интересной египтологической информации в них мало.

Из всех «Хожений» выделяется сочинение В. Григоровича-Барского [168], во-первых, тем, что это не просто паломничество, а настоящая командировка, а во-вторых, тем, что он сопровождает свой рассказ рисунками, и притом неплохими, и, наконец,

самое главное — в его описании дана первая копия древнеегипетской иероглифической надписи [169]. Копия сделана с одной стороны александрийского обелиска, так называемой «Иглы Клеопатры» (в 1868 г. он был увезен в Нью-Йорк). Для человека, не имевшего навыка в этом деле и не знакомого ни с иероглифами, ни с египетским языком, эта копия — несомненное достижение. Ее дата — 1730 г.

Можно было бы ожидать, что положение России на Ближнем Востоке после падения Константинополя приведет к контактам с «инославной» церковью Египта — коптской; этого, однако, не происходит. Нет интереса ни к коптам (прямым потомкам древних египтян, до сих пор сохраняющим язык, восходящий к тому, на котором говорили основатели первого государства в истории человечества, жившие пять тысяч лет назад), ни к коптским книгам. К ним относились как к схизматикам.

Интерес же к Древнему Египту, стране фараонов, и иероглифическому письму документально засвидетельствован уже для XVII в., когда по дипломатическим каналам была наведена справка о загадочной «азбуке знаками лиц», в которой пытался разобраться монах-иезуит Афанасий Кирхер [170].

В 1799 г., во время экспедиции Бонапарта в Египет, была найдена знаменитая Розеттская надпись — трилингва на средне-, позднеегипетском и на греческом языках [171], впервые давшая реальные надежды на дешифровку иероглифов. С публикацией камня началась интернациональная работа над дешифровкой. Соэга, Окерблад, де Саси, Янг (Юнг) — все внесли свой вклад в дело дешифровки, но полностью этот подвиг удалось совершить все же одному человеку — Ж.-Ф. Шампольону [172].

Ученые России не остались в стороне от вопроса, волновавшего весь культурный мир, однако их выступление было неудачным. Клапрот и И. А. Гульянов (см. ниже) были противниками Шампольона. Конечно, долгое время вопрос о том, действительно ли удалась Шампольону дешифровка или нет, оставался открытым, и самое строгое критическое отношение к его результатам, строго научное sub judice, казалось оправданным, более того, необходимым. Но где-то была перейдена граница, до которой успех (разумеется, вместе с Шампольоном) еще был возможен для каждого. После же все труды Гульянова, Зейфарта [173], Улеманна — уже холостой ход науки. Между тем каждый из них вне дискуссий, где доходило до ругательств (и Шампольон этим грешил), удивительно симпатичен в своей искренности, преданности делу и даже доброте и внимательности ко всем.

> К доброжелательству досель я не привык,
> И странен мне его приветливый язык,—

писал Гульянову Пушкин в «Ответе анониму» [174]. Если бы такой тон сохранял и Шампольон в своих спорах с Гульяновым!

Все же, не оказав влияния на развитие египтологии, труды этих ученых (у Зейфарта, впрочем, имеет значение его работа

над реставрацией Туринского царского папируса) важны для научной истории дешифровки, если таковая когда-нибудь будет написана. До сих пор мы имеем дело лишь с краткими обзорами поверхностно-журналистского характера [175].

Открытие Египта для науки, работа по дешифровке поставили вопрос о создании коллекций в странах Европы и их научном издании. В создании коллекций Россия шла в ногу с Европой. Первая национальная, как мы сказали бы теперь, коллекция была приобретена Россией в 1824 г. [176], примерно в то же время, когда появились соответствующие собрания в Германии, Франции и Италии.

Еще раньше начинается формирование частных коллекций, хотя пока не удалось выявить ни одной коллекции в России, восходящей к XVIII в., и ни одного памятника, о котором было бы точно известно, что он привезен в нашу страну до царствования Александра I. Вместе с тем относительно двух памятников из наших собраний можно, вероятно, сказать, что они были приобретены и привезены в Россию еще в XVIII в. Это статуи сановника Мире (Мери-рау, Мареа) в рижском Музее зарубежного искусства и царя Рамсеса VI в днепропетровском Историческом музее. Последняя (всего лишь вторая в нашей стране целая царская статуя) происходит из коллекции графа де Кэлюс (1692—1765), известного знатока и собирателя древностей.

Интерес к Египту в ту пору был общеевропейским, являлся вопросом европейской культуры. Неудивительно, что он прежде всего проявился в форме коллекционирования, и притом у подданных России из западных провинций (Прибалтика, Польша). Самые первые коллекции были составлены в начале XIX в. И. П. Бларамбергом, О. И. Сенковским, П. Медемом. К сожалению, история этих коллекций (у Сенковского только один папирус) до сих пор не изучена, если вообще может быть реконструирована. Все же кое-что существенное известно.

Так, И. П. Бларамберг, основатель музея в Одессе (так называемый Городской музей) и его первый директор, передал в 1826 г. в этот музей свою коллекцию египетских древностей, всего около двух десятков предметов [177]. Время сбора коллекции приходится, стало быть, на первую четверть века. Неизвестно, где были приобретены эти древности: ездил ли он в Египет (никаких сведений об этом), или это европейские покупки, или же, что тоже возможно, вещи эти связаны с торговыми контактами Одессы с Востоком.

Граф Медем (по последним архивным изысканиям французского египтолога М. Ланга, еще не опубликовавшего их) путешествовал по Египту, и его небольшая коллекция — вся или большей частью — могла быть приобретена там. В 1840 г. она поступила в Губернский музей в Митаве. Среди ранних путешествий в Египет следует упомянуть и «странствия» О. Ф. фон Рихтера, собравшего в Египте ценную коллекцию древностей [178].

Сенковский ездил в Египет в 1821—1822 г., в пору, когда

охота за древностями была в апогее, и притом выражалась в самом уродливом виде. Атмосфера лихорадки очень хорошо им передана в ряде статей [179]. Впрочем, научная ценность его описания весьма невелика, даже несмотря на то что он был первым путешественником из России, посетившим Нубию [180].

Впрочем, в этом случае известную пользу науке он принес, скопировав надпись нубийского царя Силько, которую по его снимку издал Летронн [181]. Вообще, путешествуя, он возил с собой рисовальщика [182], но никаких следов альбома рисунков, который он должен бы был привезти с собой из Египта и Нубии, отыскать не удалось. Справедливо порицая «охотников» за древностями, Сенковский под горячую руку оскорбил и людей, имеющих заслуги перед наукой. Полагая, что русская печать не доходит до культурной Европы, он довольно злобно отозвался о Дж.-Б. Бельцони, знаменитом открывателе пирамид, храмов и гробниц. Но Бельцони приехал в Петербург, и кто-то посчитал своим долгом довести до его сведения отзыв Сенковского. Разразился скандал, Бельцони напечатал апологию в «Сыне Отечества» [183].

Отечественный вклад в египтологию стал принимать своеобразные черты: не только не сумели ничего расшифровать и открыть, но сразу же ухитрились обидеть и оскорбить тех, кто расшифровывал и открывал.

Папирус, вывезенный Сенковским из Египта, интересный экземпляр компиляции из заупокойных книг, был передан им в Краков старейшему университету Польши [184]. Университет сразу же опубликовал этот папирус [185]; факсимиле и дата выпуска (1827) — первая российская публикация египетских древностей. И первая польская, разумеется, с еще большим правом.

Иностранцы легко приезжали в Россию, поступали на службу и так же легко оставляли нашу страну. К собственно истории русской культуры можно отнести, конечно, только период их пребывания в России, но деятельность ученого не так-то легко поддается периодизации. Поэтому не станем обходить молчанием и труды нашего кратковременного соотечественника Г.-Ю. Клапрота, вынужденного покинуть страну в 1812 г. и с 1815 г. обосновавшегося в Париже. В России он выступал как синолог, но в силу распространенного, по крайней мере с XVIII в., мнения о тождестве или сходстве китайской и египетской иероглифических систем он занялся и этой последней, принял самое горячее участие в дискуссии по дешифровке, в которую не внес как будто ничего положительного, но сумел при этом сделать работу, полезную для египтологии, опубликовав коллекции шведского дипломата Н.-Г. Палина и знаменитого итальянского коллекционера Дж. Пассалаквы [186].

Еще ранее, чем перечисленные выше, формируются коллекции коптских рукописей П. П. Дубровского и графа П. К. Сухтелена. Первая, вероятно, восходит еще к XVIII в. Она положила начало египетскому разделу рукописного собрания Публич-

ной библиотеки [187]. Сухтеленовская коллекция — более поздняя. После кончины графа она поступает в основанный в 1818 г. Восточный кабинет (Азиатский музей) [188]. Рукописи обеих коллекций включены в каталоги акад. Дорна и, таким образом, являются первым вкладом нашей науки в коптологию [189].

В 20-х годах начинает образовываться и древнеегипетское собрание рукописей Публичной библиотеки. Первыми поступают туда два гробничных папируса («Книга мертвых» и так называемый «Амдуат») — дар французского консула в Египте Б. Дроветти. Еще раньше эти папирусы находились в руках барона В. Денона (впоследствии доверенного лица Наполеона по памятникам искусства, стекавшимся в Париж в результате многочисленных военных походов из многих стран). После того как папирусы попали во Францию, Денон впервые опубликовал их, и в этой публикации они стали известны Шампольону [190].

Еще при Александре I был сделан ряд работ по египтологии. Сотрудник русского посольства во Флоренции С. И. Коссаковский составил небольшую записку — обзор дешифровки по трудам Шампольона [191]. Мемуар Г. С. Батенькова, опубликованный под литерой «Б», также знакомил с открытиями Шампольона русскую публику [192].

Особое место отведем атласу Рифо [193]. Это — ценная публикация, один из атласов-монументов, которыми ознаменовалась начальная пора нашей науки. Он — один из самых ранних. «Подносной экземпляр» в Публичной библиотеке имеет посвящение русскому императору и вместо выходных данных указание, вероятно, места издания — Rue de pois. Иначе как Гороховая улица его не переведешь. Очевидно, здесь этот атлас был окончательно оформлен. Именно оформлен, поскольку таблицы литографировались у разных литографов, и притом иностранных. Помимо посвящения и упоминания улицы этот атлас к России, конечно, никакого отношения не имеет, но поскольку он важен для египтологии, то существенно, что в нашей стране находится несколько его экземпляров, так как Рифо не изготовил ни одного экземпляра, который был бы тождествен другому: то чего-нибудь не хватает, то литограф не тот, то гравер иной, то художник. Отдельно Рифо напечатал и текст к своему атласу: эта часть посвящена герцогине Беррийской.

В 1824—1826 гг. казна приобретает большую коллекцию древностей для Петербурга. Это — коллекция К. Кастильоне [194], которая легла в основу соответствующего собрания Эрмитажа. Впрочем, в Эрмитаж она поступила только спустя несколько лет после создания Нового Эрмитажа (1861). До этого она хранилась в специальном Египетском музее (музеуме) Академии наук, в Кунсткамере [195].

Нам не удалось установить, кто хранил коллекцию до передачи ее в Эрмитаж, где она оказалась в ведении акад. Л. Стефани, Дёлля и барона Б. Кёне [196].

В 1827 г. Академия наук приобретает ряд саркофагов у

торговца древностями, греческого коммерсанта Анастаса Аверова и получает дарения (например, папирус от Лавизона из Александрии), пополнив таким образом коллекцию Кастильоне [197].

Еще об одной коллекции этого времени надо сказать. Это — собрание А. А. (О.-Р.) Монферрана, строителя Исаакиевского собора. Едва ли он имел средства формировать коллекцию до своего приезда в Петербург, так что приобретения должны были начаться с поступлением Августа Августовича на русскую службу. В некрологе о нем сказано, что приобретения делались в Петербурге и Москве, Риме и Париже [198]. В его коллекцию вошло и собрание герцога Александра Вюртембергского.

На 30-е годы приходится и интересная для египтологов деятельность А. Н. Муравьева, А. С. Норова, капитана И. П. Бутенёва и архитектора Д. Е. Ефимова.

А. Н. Муравьев совершает в 1830 г. поездку на Восток и публикует ее описание [199]. Благодаря ему удается купить для Петербурга пару сфинксов из храма Аменхотепа III на западе Фив, незадолго перед тем раскопанных неким Яни [200].

А. С. Норов в 1830 г. предпринимает такое же путешествие. В результате появляется целый том, посвященный специально Египту и его древностям [201]. Это лучшее из всего написанного русскими путешественниками о Египте и наиболее полезное для египтологов. Кроме того, Норов приобретает и привозит в Россию древности. Немного, правда, но некоторые из них представляют собой исключительную ценность. Впервые в русской науке о Египте мы встречаем попытку фиксации находок — определение места, где найдено, и при каких обстоятельствах. Конечно, не будучи ученым, Норов не проводит этот принцип последовательно, но и то, что сделано им, весьма ценно.

На 30-е годы приходится разграбление некрополя XI династии на западе Фив, причем оно коснулось как царских многоколонных гробниц (так называемых сафф), так и гробниц царских приближенных. Увы, и Норов принимает в этом участие, но до учреждения правильной охраны древностей это было делом обычным. Археологический контекст некрополя в первой половине текущего столетия должен был в 20-х годах XX в. воссоздавать американский ученый Винлок. Практически ежегодно ведя раскопки в Фивах, он собрал почти всю информацию о тех, кто вел раскопки в некрополе XI династии и вывозил оттуда вещи. «Почти», потому что он не знал о деятельности Норова.

Из гробницы одного из приближенных царя Аниотефа (Иниотеф, Антеф) в этом некрополе Норов вывез два блока гробничной стены. В результате опустошенная гробница потеряла идентификацию [202]. Но случайно он оставил на месте уголок блока, который несколько лет тому назад был найден западногерманской археологической экспедицией, восстановившей идентификацию [203].

В Петербурге Норов коллекцию хранил у себя [204], но самое

ценное уступил государственным хранилищам. Папирус из Фив («Книга мертвых») он передал Публичной библиотеке в 1850 г., что вместе с подобной же книгой князя Багратиона, подаренной им библиотеке в 1858 г., завершило формирование библиотечной коллекции древнеегипетских папирусов [205]. Колоссальную статую богини Сахме/Сахмис (Сохмет), также из Фив, он передал в Академию художеств [206], а блоки из гробниц XI династии подарил, как уже говорилось, Румянцевскому музею на Английской набережной [207]. Вообще, за исключением папируса и статуи богини, вся его коллекция поступила в этот музей частью при его жизни, частью от его наследников, когда музей по велению Александра II уже был переведен в Москву [208].

Капитан И. П. Бутенёв способствовал созданию коллекции в Ревеле [209]. В 1832—1833 гг. он дважды посещает Египет (Александрию). Знаменитый коллекционер Анастази дарит ему папирус («Книгу мертвых»), который он, в свою очередь, передает ревельскому коллекционеру д-ру Бурхарду [210].

Д. Е. Ефимов в 1836 г. работает в Египте, делая обмеры, планы и рисунки памятников древнего зодчества. В 1838 г. он издает в Италии брошюру о египетской архитектуре [211]. Выявление и издание планов и рисунков Ефимова представляло бы значительный интерес для науки.

Неизвестны точные даты создания коллекции Лавалей [212], но уже в 1852 г. она поступает от графини Лаваль в только что открытый Новый Эрмитаж [213]. Тогда же Эрмитаж получает и ценнейшие древности, вывезенные герцогом Максимилианом Лейхтенбергским во время его поездки в Египет [214].

В Египте герцог, зять Николая I, производил самостоятельные раскопки «между Сфинксом и Великой пирамидой». Ему удалось найти саркофаги членов семьи царя Амасиса, намеренно поврежденные эмиссарами персидского царя Камбиза (захватил Египет при сыне Амасиса — Псамметихе III), уничтожавшими память об Амасисе и его роде.

Обе коллекции, поступившие в Эрмитаж в 1852 г.,— первые в этом музее, если не считать резных камней и вообще мелких вещей, которые могли быть уже в собрании Екатерины II.

В том же, 1852 г. выходит в свет и первая публикация отечественной коллекции, а именно коллекции упоминавшегося выше Монферрана. Выполнена она Б. Кёне, который, не будучи египтологом, обратился за консультацией к Э. де Руже [215]. Результат этой ученой, как тогда говорили, работы чрезвычайно странен. Кёне дважды публикует свой труд (на французском и русском языках), но в обоих текстах нет ни малейших следов консультации с египтологом. В обеих статьях читателя отсылают к специальному исследованию на основе разъяснений де Руже, которое должно было выйти в свет, но никогда не было напечатано. Письмо де Руже к Кёне не обнаружено.

В 1853 г. из Академии художеств в Эрмитаж переносят, как уже говорилось, колоссальную статую богини Сахме. Несколько

предметов специально для музея приобретают в Египте, в частности, у упомянутого Аверова [216].

Примерно в эти же годы комплектуется коллекция графов Тышкевичей, ставшая базой для музея в Вильно [217].

Период конца 50-х — начала 60-х годов ознаменовался не столько новыми поступлениями, сколько так характерными для старой России реорганизациями, перестройками, перестановками, переименованиями и т. д. Румянцевский музей с ценными предметами из коллекции Норова переводят в Москву. Напротив, Египетский музей Академии наук начинают раскассировать в пользу Эрмитажа. Многое еще оставляют на старом месте. Египетский музей существует и даже делает новые приобретения (из коллекции Монферрана, например), но это продолжается недолго. В 1881 г. его ликвидируют окончательно по ходатайству сотрудника Эрмитажа В. С. Голенищева [218].

Помимо собирания коллекций нельзя говорить о еще какой-нибудь египтологической деятельности. Видимо, сказался неуспех Гульянова (1786—1841), создававший известный психологический барьер [219]. Работал он до последнего дня, убежденный в своей правоте. Почти за полвека своей деятельности он собрал библиотеку в 3 тыс. томов, среди которых в основном, вероятно, были труды по египтологии. Такая библиотека была бы очень полезной и теперь, а в прошлом столетии — просто неоценимой. Хоть книгами он мог оказать услугу России. Но все сложилось не так, как следовало бы.

На курорте в Германии, где лечился Гульянов, он упал. Ему оказал помощь какой-то незнакомец. Оказалось, что это Барятинский, впоследствии фельдмаршал и наместник Кавказа. В благодарность Гульянов обещал завещать ему свою библиотеку. Барятинский настаивал на выплате пожизненной пенсии взамен этого дара. В результате библиотека досталась человеку, весьма далекому от науки, и оказалась в месте, удаленном от тогдашних научных центров страны [220]. В 1860 г. ее видел в Тифлисе немецкий египтолог Г. Бругш, направлявшийся с прусским посольством в Персию. Дальнейшая судьба библиотеки Гульянова египтологам неизвестна.

Надо сказать, однако, что в этот период основные библиотеки научных учреждений Петербурга (Публичная библиотека, Азиатский музей, Эрмитаж, Университет, Академия наук) комплектуются трудами по египтологии, несмотря на то что в этой области в России никто не работает. Когда необходима консультация египтолога, обращаются к иностранным ученым. Так поступил хранитель египетской коллекции Эрмитажа барон Кёне с эрмитажной коллекцией и коллекцией Монферрана, адресовавшись к де Руже. А Публичная библиотека в 1862 г. поручила описание коллекции египетских и коптских рукописей Бругшу [221]. К нему же обратился и Эрмитаж: неловко было эксплуатировать одного де Руже.

Самостоятельно составленные описания коллекций (без по-

мощи зарубежных ученых) сводятся к простой классификации предметов (статуэтка, стела, папирус), в лучшем случае с указанием материала (в общих словах, разумеется: камень, дерево и т. п.) и размеров. Таково выполненное К. Герцем описание собрания московского Публичного и петербургского Румянцевского музеев [222]. Для египтолога, однако, и они драгоценны, так как дают материал по истории памятников.

При необходимости в тексте коснуться египетской тематики составители либо пересказывали западных ученых, либо переводили их труды. Переводы, впрочем, сохраняли значение и в период, когда появилась собственная египтология. Оригинальные (в смысле не перевод, а хотя бы пересказ) труды могли быть только по искусству, на первый взгляд не требующему знания языка.

В 1851 г. видный историк античности М. С. Куторга путешествует по Египту и вывозит оттуда древности [223]. Еще в 40-х годах в Египет был командирован врач-эпидемиолог А. А. Рафалович, напечатавший подробный отчет о своей поездке в Нижний Египет, обыкновенно не посещавшийся туристами [224]. Отчет содержит сведения и о древностях края, но он без рисунков и копий надписей.

И Рафалович собирает небольшую коллекцию древностей, которую передает Одесскому музею. Страсть к реорганизации не обошла и Одессу. С 1839 г. наряду с Городским музеем там существует Музей Общества истории и древностей. С 1858 г. оба музея сливаются в один — Музей Общества [225].

На середину века приходится и деятельность Порфирия Успенского, видного историка церкви, интересовавшегося национальной церковью Египта — коптской. Впрочем, его интересы уже вне рамок темы настоящего издания. Отметим лишь одну сторону деятельности Успенского — собирание египетских древностей и коптских манускриптов. Его коллекции поступили в петербургские музеи и Киев [226].

Собрание коптских рукописей Публичной библиотеки обогатилось дарениями К. Тишендорфа. Профессор Лейпцигского университета, много путешествовавший по Востоку, он главное внимание уделял приобретению греческих и коптских рукописей. За помощь, оказанную им России в деле приобретения для Публичной библиотеки одного из древнейших и наиболее полных списков (открыт Порфирием Успенским) греческого перевода Библии (так называемого Codex Sinaiticus, продан в 1930-х годах в Британский музей), он получил русское дворянство. Часть его коптского собрания поступила в Публичную библиотеку [227]. Египетские предметы из его коллекции были куплены для Египетского музеума Академии наук.

ПРОБЛЕМЫ СЕМИТОЛОГИИ

В первой половине XIX в. наряду с зачатками египтологии можно отметить попытки научного подхода к семитологии, к переводам Библии. Еще во второй половине XVIII в. были предприняты меры с целью поставить семитологическое образование на современную (для того времени) научную основу. Однако они оказались неудачными. В Московской университетской гимназии, где предполагалось начать преподавание еврейского и халдейского (арамейского) языков, не нашлось желающих их изучать. Семинаристы, командированные Екатериной II для изучения семитских языков (прежде всего древнееврейского), получили соответствующую подготовку, но не нашли применения своим знаниям у себя на родине. Эти факты свидетельствуют об отсутствии в обществе того времени серьезной потребности в развитии семитологии.

Фактически разработка семитологической проблематики в России начинается в первой четверти XIX в. Правящие круги Российской империи видели в распространении религиозности и мистицизма надежное средство борьбы с проникавшими в Россию и получавшими широкое распространение революционными идеями, а заодно и с наукой и просвещением вообще. Знаменем этого реакционного по своей природе обскурантистского движения должна была по планам его организаторов стать Библия.

В 1812 г, в тесном контакте с Британским Библейским обществом в России по инициативе тогдашнего главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий С. Н. Голицына было организовано Российское Библейское общество, начавшее свою деятельность в январе 1813 г. Его цель заключалась в переиздании славянской Библии (1-е изд. появилось в 1816 г., 15-е — в 1823 г.), а также в переводе Библии на русский язык. В 1816—1820 гг. был осуществлен и издан русский перевод Нового завета, а с 1820 г. началась работа по переводу Ветхого завета. Переводы делались с еврейского оригинала; так, книга Исход переводилась в Московской духовной академии профессором еврейского языка Тяжеловым, а книга Левит — в Киевской духовной академии специальной комиссией, которую возглавлял бакалавр еврейского языка Максимович. К середине 1821 г. был завершен перевод с еврейского языка книги Псалтирь, а в начале 1822 г. он уже вышел в свет. В 1823—1825 гг. осуществлялось печатание русского перевода Пятикнижия, также сделанного с еврейского оригинала, однако в ноябре 1825 г., незадолго до своей смерти, Александр I запретил впредь до особого распоряжения выпуск и использование уже подготовленных и напечатанных переводов библейских книг.

Деятельность Российского Библейского общества вызывала резкую оппозицию как со стороны прогрессивных и революционных кругов русского общества (хотя библейские сюжеты и мотивы широко использовались в революционно-демократической

поэзии и живописи), так и справа, со стороны кругов, близких к духовенству и Синоду. Объяснялось это прежде всего тем, что Синод, будучи отстраненным от перевода Библии на русский язык и распространения ее, видел в этом умаление своей власти. В распространении Библии усматривали угрозу православию со стороны протестантизма и масонства, поскольку масоном и мистиком, и притом весьма деятельным, был сам С. Н. Голицын. Кроме того, опасались, что распространение и чтение отдельных книг Ветхого завета будет вообще способствовать распространению ереси, в том числе молоканства и субботничества. В конце 1824 — начале 1825 г. отдельные издания Пятикнижия были сожжены на кирпичных заводах. В 1826 г. Российское Библейское общество было закрыто.

Важным этапом в развитии русской семитологии была деятельность Г. П. Павского (1787—1863), неоднократно подвергавшегося репрессиям со стороны церковных властей, но пользовавшегося большим авторитетом в прогрессивных кругах русского общества. А. С. Пушкин отзывался о нем как об «умном, ученом и добром священнике», а его труды по русскому языкознанию были высоко оценены В. Г. Белинским, который писал, что «Г. П. Павский один стоит целой академии».

Павский был сыном дьякона из села Пав Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Он учился сначала в Петербургской духовной семинарии, а затем в академии. С 1814 г. Павский был бакалавром, а с 1818 по 1835 г. — профессором еврейского языка в Петербургской духовной академии. Одновременно, в 1819—1827 гг., Павский был профессором богословия в Петербургском университете, а в 1826—1835 гг. — законоучителем будущего императора Александра II. В 1836 г., обвиненный в вольнодумстве и проповеди еретических воззрений, он был отстранен от воспитания наследника, уволен с должности профессора духовной академии и с тех пор состоял на службе в Таврическом дворце как протоиерей. В 1859 г., за четыре года до смерти, Г. П. Павский был избран действительным членом Академии наук.

В своей научной работе, как и в своей педагогической деятельности, Павский обнаруживал отчетливо выраженное стремление быть на уровне современной ему европейской семитологической науки. В результате преимущественно самостоятельных занятий он стал блестящим знатоком еврейского, арамейского и арабского языков, т. е. семитологом широкого профиля, насколько это было возможно в его время. Он составил «Краткую еврейскую грамматику...» (СПб., 1818; М., 1822), более полувека остававшуюся единственным пособием такого рода на русском языке. Павский, рассматривая различные явления языка, писал: «...в механизме своем он (язык.— *Авт.*) должен сообразовываться с механизмом человеческих мыслей». Он насчитал у глагола в общей сложности 24 формы (из них употребительны первые 7). Окончания перфектных форм глагола, как и преформативы

имперфектных форм, Павский возводит к формам личных изолированных местоимений.

Важным событием в истории русской семитологии стал перевод Библии на русский язык, выполнявшийся Павским как в ходе его преподавательской деятельности в Петербургской духовной академии, так и по поручению уже упоминавшегося Библейского общества. Практически им были переведены все книги Ветхого завета. В основу своего перевода Павский положил масоретский текст; сам перевод отличается большой точностью и художественной выразительностью. Примечательно, что тетраграмму yhwh Павский передавал не обычным Господь, а Иегова. Филологическая точность достигалась в ущерб церковной ортодоксальности.

Труд Павского вызвал поэтому беспокойство в церковных кругах, что обнаружилось в анонимном доносе, посланном известному противнику перевода Библии на русский язык киевскому митрополиту Филарету (Амфитеатрову) в конце 1841 г. Как позже выяснилось, автором доноса был бакалавр Московской духовной академии иеромонах Агафангел (Соловьев), впоследствии сделавший блестящую духовную карьеру и ставший архиепископом Волынским. Доносчик не обнаружил в переводе пророчества об Иисусе Христе (что вполне естественно, поскольку Библия таких пророчеств не содержит); кроме того, он упрекал переводчика в грубости языка, а также в том, что в своем комментарии он выразил сомнение в подлинности отдельных частей пророческих книг. В конце концов переводчик обвинялся в ереси и нечисти.

Перепуганные церковные власти не нашли ничего лучшего, как вообще запретить толкование (т. е. исследование) Библии. Павский вынужден был давать Синоду объяснения по поводу истолкования им отдельных пророчеств текстов, но эти объяснения были признаны неудовлетворительными. Дело тянулось до марта 1844 г., и наконец, после того как Павский согласился, что «допустил в своем переводе ряд неправильностей», решением Синода он был признан невиновным в распространении литографического издания его перевода, но при этом подтверждалось, что как в переводе, так и во введениях к отдельным книгам, оглавлениях и примечаниях имеются места, противоречащие догматике православной церкви. Кроме того, частным лицам без правительственной и синодальной санкции переводить Библию на русский язык вообще было запрещено: постановление Синода подтверждало и обязывало сохранять незыблемым авторитет Септуагинты ([Перевод] семидесяти [толковников], т. е. перевод Пятикнижия на греческий язык, выполненный александрийскими евреями в III в. до н. э.), а также древнеславянского перевода Библии. Переводы Павского были частично опубликованы в 1862—1863 гг. в журнале «Дух христианства» и — позднее — в «Русской старине»; выходили они и отдельными изданиями.

Как писал профессор Петербургской духовной академии И. А. Чистович, «это был первый опыт перевода священных книг Ветхого завета на русский язык, сделанный ученым, владевшим в превосходной степени знанием еврейского и русского языков. Ни до него, ни после него не было ученого, профессора, так счастливо и в такой мере соединявшего знание еврейского языка со знанием языка отечественного» [227а].

Особое место в литературном наследии Павского занимают его труды по библеистике, оставшиеся неопубликованными: магистерская диссертация 1814 г. «Обозрение книги Псалмов», где автор обосновывает мнение, согласно которому значительная часть книги не принадлежит Давиду, а также «Примечания на книгу Иова» — подробный историко-филологический комментарий к ее начальным главам по масоретскому тексту.

Другая попытка перевода ветхозаветных книг с еврейского оригинала на русский язык принадлежит М. Я. Глухареву (1792—1847), алтайскому миссионеру, архимандриту Макарию. Он руководствовался теми соображениями, что отсутствие библейского текста на понятном языке затрудняет миссионерскую проповедь; поэтому уже в 1834 г. он выдвинул проект перевода всей Библии на русский язык и в 1837 г. представил в Комиссию духовных училищ свой перевод книги Иова, а в 1939-м — перевод книги пророка Исайи. Впоследствии Глухарев отредактировал свои переводы с учетом трудов Г. П. Павского.

Попытки Макария были резко отвергнуты церковными властями, как несоответствующие церковной и правительственной позиции по данному вопросу, а сам он был подвергнут епитимье, однако своей деятельности в этом направлении не оставил. Макарий перевел с древнееврейского языка на русский почти все книги Ветхого завета, а Бытие и Исход — с греческого. Переводы были опубликованы в 1860—1867 гг. в «Православном обозрении».

АРАБИСТИКА. ФРЕН

Среди исследователей Ближнего Востока и Западной Азии первой половины XIX в. следует выделить троих: Х. Д. Френа, Б. А. Дорна и В. В. Григорьева. Френ и Дорн, отдавшие российскому востоковедению все силы и знания, стояли у истоков академического востоковедения. В. В. Григорьев, русский востоковед, соединявший академическое и университетское востоковедение с практической деятельностью,— первый автор, которого вполне можно назвать специалистом по истории Востока в современном понимании этого термина.

О Френе в настоящем разделе речь будет идти исключительно как об исследователе-арабисте. Главной сферой его личных интересов была нумизматика.

В значительной мере благодаря Френу в России очень боль-

шое развитие с начала XIX в. получила мусульманская нумизматика, в том числе и арабская.

Уже в 1808 г. на арабском языке вышла из печати первая нумизматическая работа Френа, написанная им в России [228]. С этого времени нумизматика стала одним из основных направлений научной работы Френа. В 1811 г. он напечатал в Казани объявление о том, что покупает «рукописи на арабском языке, особенно исторического содержания, и стихи, древние восточные монеты» [229]. Однако не личная коллекция стала базой для его исследований. В Казани через руки Френа прошли значительные частные собрания: Пото, Ванга, Неелова и Фукса. В 1818 г., возвращаясь из Казани на родину, Френ задержался в Петербурге, где его уговорили разобрать академическую коллекцию монет. Увлекшись богатым материалом, а вслед за тем и предложением организовать Азиатский музей и возглавить его, он остался в России на всю жизнь.

Основание в том же, 1818 г. Азиатского музея при Академии наук и назначение Френа директором этого учреждения имели большое значение для становления научной арабистики в России. Для нумизматики это событие сыграло, пожалуй, еще большую роль.

Разбор монет академического собрания, которое перешло к только что созданному Азиатскому музею, стало на некоторое время главным занятием Френа. Из многотысячной коллекции, в которой было, правда, большое число дублетов, он выбрал для научного описания 2264 экземпляра и в 1826 г. опубликовал его. Это издание стало для тогдашнего востоковедения «энциклопедией нумизматических данных, важных для истории, географии, хронологии и генеалогии» [230].

Продолжая публикацию вновь поступающих в музей монет в особых «Прибавлениях к рецензии», Френ подготовил к концу жизни более полное издание. Оно вышло уже после его смерти [231]. Структура книги и в новом издании осталась, в сущности, той же, что и в 1826 г.; она расширилась благодаря эмиссиям, бывшим неизвестными в первой четверти века.

Значение этой книги для мировой нумизматики видно из того, что схема Френа была принята наукой повсеместно и всегда связывалась с его именем. Например, уже в самом конце XIX в. в предисловии к каталогу восточных монет Британского музея было специально подчеркнуто, что мусульманские династии в каталоге даются так, как это предложил Френ в своей книге.

В справочнике по нумизматике, вышедшем в начале XX в., снова отмечается, что династийные таблицы Френа являются общепринятыми. Автор его, сославшись на то, что петербургское издание уже представляет собой редкость, воспроизводит предложенную Френом схему [232].

Если мы вспомним, что в начале XIX в. хронология мусульманской династийной истории еще не была известна в Европе и что на протяжении первой четверти этого столетия она интен-

сивно восстанавливалась и выверялась именно по данным мусульманской нумизматики [233], то смысл ссылок на схему Френа становится более ясным. Итоговая работа Френа помимо узко нумизматического значения служила еще и справочником по мусульманской хронологии, предвосхищая и подготавливая появление специальных справочников типа «Мусульманских династий» Лэн-Пуля [234].

О роли Френа в развитии мусульманской нумизматики дают представление слова его младшего современника Тизенгаузена: «...нельзя не согласиться, что Френа справедливо называют основателем, главою или князем мухаммеданской нумизматики, сумевшим сделать ее одной из главных вспомогательных наук истории Востока» [235].

Весь этот период Френ оставался центральной фигурой в области палеографии, эпиграфики и нумизматики. Но наряду с ним появились и успешно работали молодые ученые, выпускники Петербургского и Казанского университетов, в том числе ученики О. И. Сенковского, прошедшие дополнительно «школу» и у самого Френа.

В начале 40-х годов из соединения данных, накопленных в нумизматике, с данными русской археологии возникло новое и очень важное по своим результатам направление научных изысканий. Для понимания поворотного значения этого направления приведем отзыв историка того времени об уровне научных исследований в области истории России в ту пору.

«Первые времена народной жизни нашей покрыты густою мглою, в которой глаз историка может различать немногие более или менее светлые точки; но и на этот свет полагаться ненадежно; это не звезды неподвижные, блестящие во мраке ночи; это летучие огоньки над могилами наших предков, беспрестанно переменяющие место... Мы не знаем, кто такие были эти руссы или Русь, которых находим и на Волге, и на Днепре, на берегах Черноморских и на Балтике и на Адриатике, под Балканами и под Карпатами, между поколениями славянскими и между финскими и скандинавскими. Не знаем, что за люди были варяги, играющие столь видную роль в древнейшей летописи нашей (имеется в виду „Повесть временных лет", 1113 г.— *Авт.*), шведы, датчане или славяне поморские. Не знаем основательно ни отношений славян, финнов, Руси и варягов между собой, ни вообще отношений древнейшей России к южным и западным соседям. Не знаем ни степени образованности наших праотцов, ни их быта общественного и семейного, ни их религии языческой, ни того как, когда и откуда пришла к ним первоначальная религия Спасителя. Не знаем, начинать ли нам историю свою со времен Митридата, или с IX, или с XI века по Р. Х. — короче, не знаем почти ничего положительного, неоспоримого, большая часть написанного доселе о древнейшем периоде нашей истории основывается на шатких началах...» [236].

8 октября 1841 г. на заседании Академии наук акад. Френ

зачитал одну из своих наиболее плодотворных для изучения истории России работ — «Топографическое обозрение кладов древних арабских монет в России»[237]. Она была немедленно переведена П. С. Савельевым на русский язык[238], извлечения из нее были опубликованы даже в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (1842, № 235—238) и «Московские ведомости» (1842, № 95—97) под названием «Клады с восточными монетами, находимые в России».

Непосредственным поводом для написания этой работы послужила только что вышедшая за границей книга Ледебура «О находимых в земле Прибалтийских стран доказательствах пути торговых сношений с Востоком...»[239]. Вот что писал об этом сам Френ: «...сочинение господина Ледебура представляет прекрасное обозрение всех, бывших известными автору, местностей северо-восточной Европы, где находимы были арабские деньги. Он расположил их по странам, под рубриками: Норвегия, Швеция, Россия, Пруссия, Польша, Германия и Дания. К книжке приложена карта местонахождений, которая наглядно показывает нам направление замечательного торгового пути между европейским севером и Востоком и те пункты, которые особенно богаты кладами и в то же время известны из истории как знаменитейшие торговые рынки. Автор, однако же, справедливо жалуется, что, между тем как в других странах, именно в Швеции, давно уже начали обращать внимание на местные находки арабских монет и древностей[240], о сделанных в России подобных находках так редко можно найти известия, к большому ущербу для истории и нумизматики[241], что глава о России в этом его сочинении (с. 31—43) заметно должна была уступить в полноте статьям о других северных странах. Чтобы пополнить этот недостаток и не желая откладывать далее, я извлек из моих бумаг немаловажное число более или менее подробных известий о сделанных у нас подобных находках, о которых доселе очень мало или вовсе не было известно, и расположил их по различным губерниям, в которых открыты клады...»[242].

Таким образом, это сочинение Френа является монографической переработкой «русской» главы из книги Ледебура при самостоятельном описании российских кладов куфических монет (в силу этого оно содержало как новый материал, так и уточнения и исправления данных Ледебура). В то же время оно представляет собой вполне самостоятельное исследование, в котором подведены итоги многолетних нумизматических занятий автора. В вводной (теоретической) части сочинения Френ сформулировал несколько важных выводов. Приведем некоторые из них[243]:

1. Мусульманские монеты, находимые в виде кладов «почти от 60 до 40 градуса восточной долготы, по всей европейской России, и далее до 25 градуса, по прибрежным странам Балтийского моря, на островах его и в южной Норвегии», относятся к периоду «от последних годов VII века нашего летоисчисления до

начала XI. Впрочем, по количеству монет перевес принадлежит концу IX и большей части X столетия».

2. Важнейшая услуга, оказанная мусульманской нумизматикой истории, заключается в том, что она «в вырытых на означенном географическом протяжении азиатских арабских монетах доставила ей (истории.— *Авт.*) указатель для определения направления замечательного, долго остававшегося неизвестным и отчасти оспариваемого пути, по которому обращалась некогда, в восьмом, девятом и десятом столетиях нашего летоисчисления, деятельная торговля северной Европы с Среднею Азией, баланс которой должен был оставаться на стороне вывоза товаров Севера в Азию перед ввозом азиатских, так как необъятные массы азиатских денег перешли из Азии в Россию и Прибалтийские страны».

3. Саманидские монеты, составляющие большую часть кладов, «указывают на Великую Бухарию как на страну, с которою эта торговля производилась особенно деятельно». Основными посредниками в торговле мусульманского Востока с европейским Севером были волжские булгары и хазары [244]. «Второстепенными» участниками этой торговли следует признать «руссов, а также мордву, меря, весь» и др.

4. Монеты попадали на север не только в результате торговли, но и вследствие грабительских набегов, «которые не однажды предпринимали руссы в X столетии на южные и западные берега Каспийского моря» [245].

5. Как в России, так и в Прибалтийских странах встречается «еще один род старинных арабских монет» — североафриканские и арабо-испанские. (До Френа нумизматы отрицали этот факт.) «Справедливо спросить,— писал Френ,— каким образом нахождение старинных африкано-арабских монет в северных странах могло оставаться неизвестным между учеными или подлежащим сомнению? Это будет понятно, когда заметим, что нумизматики долгое время не могли разбирать монет, чеканенных халифскими наместниками в области Африки, так же как и монет идриситов из Магреб-эль-Акса, отчасти потому, что куфический шрифт их представляет большею частию нечто разнородное, отчасти оттого, что неверно читали находящиеся на них имена эмиров или, не зная этих имен из истории, неверно объясняли их, и, наконец, потому еще, что городов, в которых выбиты эти монеты, искали в Азии, а не в Африке».

Френ считал, что североафриканские и арабо-испанские монеты были занесены в Прибалтийские страны и в глубь России (до приднепровских областей ее и даже до Владимира) в середине IX в. или несколько позднее варягами (скандинавскими руссами, норманнами). Впервые эта гипотеза была высказана им еще в 1823 г. [246]. Теперь он подкреплял ее собранными из арабских источников известиями о набегах варягов на Испанию и Северную Африку в 229/843-44 и 245/859-60 гг. [247].

Все эти выводы в 1842 г. были вторично, и притом уже для

более широкой аудитории, повторены в сочинении молодого востоковеда, историка и нумизмата В. В. Григорьева «О куфических монетах...» (см. примеч. 90). Идя по следам Френа, Григорьев как бы перепроверил правомерность его выводов и изложил их более подробно, глубже увязывая эти выводы, как видно даже из названия работы, с изучением отдаленного прошлого России.

Итог исследованиям первой половины XIX в. в этом научном направлении подвел П. С. Савельев в своей книге «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории» (см. примеч. 92). Она была высоко оценена современниками и на конкурсе в Академии наук получила половинную Демидовскую премию.

В подробном разборе этой книги говорилось: «Автор пересмотрел все источники, в которых могло находиться что-либо касающееся до торговли северо-востока Европы в VIII—XI столетиях, извлек все, что было дельного об этом предмете в заметках об нем, рассеянных у Френа, Расмуссена, Штюве и других, обо всем этом передумал, все это переработал в своей голове и потом изложил ясно, просто, отчетливо, чистым и правильным языком, каким пишет мало кто из наших ученых; вышла книга о древней торговле России с Востоком и прибалтийскими народами, заменяющая все, что было написано доселе об этом в Европе, и прибавившая к известному прежде множество свежих взглядов, светлых соображений и основательных догадок; книга, приносящая честь нашей литературе...»[248].

Френу принадлежит серьезное исследование «записки» Ибн Фадлана (X в.) о его путешествии на Волгу, опубликованное в 1823 и 1832 гг. (см. примеч. 244). В результате наука обогатилась многочисленными и ценными данными о народах, проживавших на территории нашей страны в X в., т. е. в эпоху, еще мало известную историкам во времена Френа. Через сто лет другой исследователь Ибн Фадлана, А. П. Ковалевский, напишет: «Многочисленные общие историки материальной культуры и верований, археологи и этнографы широко использовали эти данные как в специальных исследованиях, так и в общих курсах, в популярных книгах вплоть до учебников. Немалую роль уже с самого своего открытия сообщения Ибн-Фадлана играли в пресловутой полемике между так называемыми норманистами и антинорманистами, тянувшейся более столетия»[249].

Толчком к подробному изучению «записки» Ибн Фадлана для Френа послужила работа датского ориенталиста Я. Расмуссена «О знакомстве и торговле арабов с Россией и Скандинавией в средние века», которая появилась в 1814 г.[250], вскоре была переведена на шведский и английский языки[251] и положила начало целому направлению в арабистике.

Как цельное произведение «записка» Ибн Фадлана в XIX в. еще не была известна. Само имя Ибн Фадлана входит в арабистику только с упомянутой статьей Я. Расмуссена, основу кото-

рой, как было сказано выше, составлял датский перевод главы о «руссах» из географического словаря Йакута (1179—1229) [252]. В этом словаре Френ и отыскал разрозненные между несколькими словарными статьями части «записки» Ибн Фадлана.

В 1822 г. Френ издал по тому же тексту Йакута сообщение Ибн Фадлана о хазарах [253] и башкирах [254]. Обе публикации имеют предисловие и комментарии, арабский текст и латинский перевод. В комментариях к тексту о хазарах приведены также параллельные арабские тексты из Ибн Хаукала и других авторов, а в особом приложении даны выписки из сообщений Йакута и Ибн Хаукала о городах Хазарии (арабские тексты сопровождаются переводами на латинский язык).

К этому времени было уже готово в рукописи вышедшее в следующем, 1823 г. уже упоминавшееся (см. примеч. 244) капитальное исследование Френа о «руссах» по данным Ибн Фадлана и других арабских авторов. Эта работа представляла собой крупнейший вклад Френа одновременно и в арабистику, и в историю России, поскольку именно она положила начало серьезному изучению арабских источников для истории Древней Руси [255].

Из 362 страниц его работы лишь 22 приходятся на арабский текст Ибн Фадлана с переводом на немецкий язык. Остальное представляет собой «обширное вступление, подробнейший комментарий с привлечением всех доступных в то время данных и три приложения: 1) конъектуры названий племен русов, упомянутых у Ибн Хаукала и у некоторых других арабских авторов, 2) о варягах и варяжском море у арабских географов и 3) опыт о народе „вису". Далее идут тоже обширные дополнения и исправления и к комментариям, и к указанным статьям, далее еще дополнение, сделанное уже во время печатания, о новых, полученных из-за границы выписках из различных арабских авторов и, наконец, три указателя» [256].

В 1832 г. Френ издал еще один отрывок из Ибн Фадлана — о булгарах [257], а также статью, в которой разбираются вопросы о Булгарии, тесно связанные с его изданием Ибн Фадлана [258].

Значение работ Френа, объединяемых общим первоисточником — «запиской» Ибн Фадлана, было весьма важно и сохранялось в полной мере до начала XX в. «Так велико было обаяние Френа,— писал В. Р. Розен в 1902 г.,— настолько ошеломляющим оказалось впечатление, произведенное его, по-видимому, необъятной эрудицией и мощностью его анализа, что все те, которые были в состоянии по справедливости оценить величие совершенного им научного подвига, т. е. ориенталисты, как бы согласились признать результаты, добытые Френом относительно Ибн Фадлана, окончательными и бесповоротными и, следовательно, не подлежащими пересмотру. Я не хочу этим сказать, что не было никаких попыток читать или толковать иначе, чем это делал Френ, отдельные слова арабского текста, объяснять иначе то или другое известие Ибн Фаддана или другого какого-нибудь арабского автора, цитированного у Френа; таких попы-

ток, более или менее удачных, отчасти основанных на не бывших доступными Френу новых рукописных материалах, отчасти обусловленных вообще успехами арабской филологии, на самом деле было сделано довольно много, и с ними, конечно, придется считаться будущему издателю и комментатору Ибн Фадлана, но общего пересмотра всего вопроса об Ибн Фадлане и значении его записки не было сделано ни одним ориенталистом, и как в 1823, так и в 1902 году авторитет исследования Френа остается незыблемым и непоколебимым» [259].

К этому же направлению, ставшему для отечественной арабистики с первых же работ Френа постоянным и остающемуся актуальным до наших дней, принадлежит еще несколько работ, изданных в первой половине XIX в.

Так, в 1834 г. вышло в свет большое монографическое исследование Ф.-Б. Шармуа, которое содержало анализ данных арабского путешественника X в. ал-Мас'уди о славянах, а также соответствующую главу из неизданного в то время труда ал-Мас'уди «Мурудж аз-захаб» с переводом ее на французский [260]. Среди других материалов сочинение ал-Мас'уди дало русским историкам ценные сведения о государстве ад-Дира, в котором видели Киевское княжество с известным Диром, соправителем Аскольда, и информацию о походах «руссов» после 912—913 гг. на Прикаспийские области (ал-Мас'уди был современником этих походов).

Сообщение другого арабского историка, Ибн ал-Асира, о походе «руссов» в те же области в 944 г. было опубликовано Куником [261]. Более позднему отрезку нашей истории посвящена другая публикация Куника — «Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны, с 1220 по 1224 г.» [262].

Публикацию известий мусульманских, в том числе и арабских, авторов о хазарах, извлечение которых из источников начал в 1822 г. Френ, продолжал в 1844 г. Б. Дорн [263].

Наконец, в рассматриваемый период произошло знакомство русской науки с еще одним арабским сочинением, связанным — на этот раз целиком — с русской историей. Речь идет о «Путешествии Макария», патриарха антиохийского, в Россию, памятнике арабской географической литературы и источнике для истории России XVII в. Описание путешествия, проходившего через Турцию, Молдавию, Валахию, Украину и Московию, составлено сыном Макария, архидиаконом Павлом Алеппским (род. ок. 1627).

Изучение этого памятника в России приходится в основном на вторую половину XIX в. и продолжается до сих пор. Но начало было положено еще в 1836 г. Первая рукопись «Путешествия», ставшая известной в Европе, была приобретена в Халебе в 1824 г. (теперь находится в Британском музее). На ней основан перевод, опубликованный Бальфуром в 1829—1836 гг. в Англии [264]. Этот перевод и послужил толчком к изучению «Путе-

шествия» в России, где списки этого сочинения стали появляться только с конца 40-х годов XIX в. В 1836 г., еще до завершения издания Бальфура, довольно значительные выдержки из него опубликовал П. С. Савельев [265]; его вводные замечания и комментарии сделали, как считает И. Ю. Крачковский, статью Савельева «одной из наиболее ценных для раннего периода» изучения «Путешествия» [266].

Не всегда, однако, молодая отечественная арабистика замыкалась на арабских источниках, питающих по преимуществу русскую историографию. Часть работ, выполненных в России, имела для арабистики более широкое значение.

Среди наиболее ранних исследований такого рода следует упомянуть не осуществленный Френом до конца план издания малоизвестной еще в его время космографии ад-Димашки (1256—1327) «Нухба ад-дахр фи аджа'иб ал-барр ва-л-бахр» («Выборка времени о диковинках суши и моря»). Рукопись этого сочинения поступила в Азиатский музей в 1819 г. в составе коллекции Руссо [267]. Френ настолько заинтересовался этим сочинением, что уже в следующем году вошел в Академию с представлением о публикации текста этой рукописи [268].

Печатание арабского текста «Нухба ад-дахр» было уже доведено до страницы 312, когда пожар уничтожил ряд готовых листов. «Это ли обстоятельство,— пишет И. Ю. Крачковский,— или какие-нибудь другие соображения заставили Френа отказаться от его предложения, но только в 1866 г., через 15 лет после его смерти, сохранившиеся листы были сброшюрованы и выпущены на правах рукописи в количестве ста экземпляров с французским титульным листом, без всякого пояснения» [269]. Текст в этой публикации охватывал около двух третей всего произведения.

В том же, 1866 г. вышло издание датского арабиста Мерена, напечатанное в Петербурге в академической типографии; Мерен привлек к этому изданию и подготовленные Френом материалы [270].

Издание арабских текстов целиком, что отвечало бы интересам не только русской историографии, но и самой арабистики, для российских арабистов первой половины XIX в. не характерно [271]. Кроме неудачной попытки Френа мы можем назвать только издание полного текста сочинения Хамзы ал-Исфахани, осуществленное О. Ф. Готвальдом в Петербурге в 1844 г. [272] (по рукописи Бреславльского университета, которой он заинтересовался еще до переезда в Россию в 1838 г.).

В первой половине XIX в. научные публикации выходили в значительной мере на иностранных языках — немецком и французском, а также на мертвой латыни. Однако многие важные работы дублировались переводами их на русский язык, что видно уже по библиографическим ссылкам в настоящей главе. Не подлежит сомнению, что переводы на русский язык осуществлялись не только для внедрения научных открытий в возможно бо-

лее широкую среду ученых [273], но и для ознакомления неспециалистов и просто образованной публики. За пределами узкого круга специалистов, развивавших собственно науку и следивших за новинками в ней, издаваемыми на любом языке, в первую очередь именно благодаря публикациям на русском языке усваивались достижения востоковедения широкой читающей публикой. Таким образом, работы на русском языке несли еще просветительские и даже учебно-педагогические функции. Современники понимали это хорошо.

В подтверждение приведем одно попутное замечание Френа о двух иностранных сочинениях по восточной нумизматике, которое он сделал в своем «Топографическом обозрении местонахождений арабских монет в России»: эти два сочинения «надлежало бы ученому перу перевести на русский язык, чтобы распространить и еще более оживить возрастающую у нас охоту к сохранению любопытных монетных памятников старины, находимых столь необъятными массами в недрах нашего отечества» [274].

Об этом же годом раньше писал В. В. Григорьев в своем первом труде по арабской нумизматике: «Содействовать обращению внимания сих последних (монетособирателей.— *Авт.*) и вообще людей образованных на сохранение подобных описанным здесь монетам, которыми почва России разрешается ежегодно в таком обилии,— было главною целию издания настоящей книжки» и «...настоящее „описание“ назначается мною не столько для знатоков, как вообще для отечественных любителей нумизматики, из которых многие очень мало знакомы с Востоком» [275].

В этой же работе Григорьев специально отмечает в предисловии: «...небольшой труд мой есть первое оригинальное произведение (здесь и ниже подчеркнуто нами.— *Авт.*) по части восточной нумизматики, являющееся на русском языке, потому по новости предмета у нас должен необходимо заключать в себе многие такие основные сведения, которые давным-давно известны ориенталистам-нумизматам, но тем не менее новы для большинства монетособирателей» [276].

Тот же Григорьев пишет в 1847 г. в критическом разборе «Мухаммеданской нумизматики» П. С. Савельева: «В первой главе (стр. IX—XXIII) автор говорит о важности нумизматики для истории вообще, а мухаммеданской в особенности; как началось монетное дело в Халифате; о надписях, штемпеле и весе мусульманских монет. Все это изложено в самых коротких словах, но совершенно удовлетворительно для той цели, для которой назначено это введение, и вполне ясно для величайших профанов. Нового для науки нет тут ничего, но все ново для русских читателей (подчеркнуто нами.— *Авт.*), которые не имели доселе на отечественном языке ни строки о предмете, в таинство которого посвящает их теперь г. Савельев» [277].

Но основные труды на западноевропейских языках все же,

как уже говорилось, переводились на русский язык (Сенковским, Волковым, Савельевым, Ознобишиным и др.). Одним из немногих, но существенных упущений оказалось не переведенное на русский язык важнейшее для истории России исследование Френа об Ибн Фадлане (см. примеч. 244). Но и тут следует оговориться: нужный перевод был сделан Г. Саблуковым в 1848 г. для «Саратовских губернских новостей», редактировавшихся тогда сосланным в Саратов историком Н. И. Костомаровым. Однако саратовский губернатор нашел излишним помещение этого перевода в газете, «по-видимому, считая, что раз немецкий перевод (арабских сообщений) уже имеется, то им и без того „каждый" может воспользоваться» [278].

Заслуживает быть упомянутой статья Френа в области арабской палеографии; она посвящена проблеме так называемого карматского шрифта.

Еще в XVIII в. Г.-Я. Керу (см. гл. 2) удалось дешифровать и определить трудную для чтения разновидность арабского шрифта — «куфи», или «куфический шрифт». Доказав на практической дешифровке куфической надписи, что этот шрифт «происходит от арабского», Кер раздвинул границы арабской палеографии и вывел из тупика специалистов соответствующей области арабистики.

Изображения арабских куфических надписей стали появляться в печатных изданиях в Европе с середины XVI в., но обычно оставались непонятными. Первые слабые попытки читать куфические надгробные надписи восходят к началу XVII в. и принадлежат голландскому арабисту А. Реланду. Но только с расшифровки надписи на мантии сицилийского короля Рожера II, выполненной Кером, началось настоящее изучение арабского шрифта вообще и куфического в частности [279].

В XVIII в. считалось, что арабский шрифт имел два асинхронных почерка: *куфи* (на памятниках I—IV/VII—X вв. х.) и *насх* (последующие века), между которыми, по мнению некоторых ученых, существовала особая разновидность — «карматский» шрифт — в качестве искусственной формы [280].

Этой классификации придерживались и в начале XIX в. Например, в «Арабской палеографии» Ж.-Ж. Марселя (1776—1854), вышедшей в 1828 г., специальный параграф был посвящен определению карматского шрифта как варианта или улучшенного образца синхронного с ним куфи, а также происхождению самого термина [281]. Итальянский эпиграфист и палеограф М. Ланчи предполагал, что куфический шрифт с IV в. х. разделился на две ветви: 1) «карматскую» с подразделением на «украшенную» и 2) шрифт, разработанный известным каллиграфом IV/X в. х. Ибн Муклой [282].

С критикой таких воззрений выступил Френ, опубликовав в 1828 г. статью под названием «О характере арабского почерка, называемого карматским» [283]. Он показал, что ни сам шрифт, ни термин «карматский» не имеют никакого отношения к историче-

ским карматам [284]. Понятие «карматский шрифт» появилось в научной литературе в XVII в. в результате неточного истолкования голландским арабистом Голиусом слов арабских средневековых лексикографов ал-Джаухари и ал-Фирузабади. Неточность Голиуса, зафиксированную популярным в то время его «Арабо-латинским словарем» [285], повторили в своем словаре д'Эрбело, Кер и ряд более поздних авторов — повторили без проверки по источникам и усугубили тем самым объяснение этого термина новыми, уже своими ошибками.

Френ отметил противоречие между распространенным определением карматского шрифта (у Голиуса — «тонкий, сжатый почерк») и теми сложными образцами, к которым оно прилагалось. Отрицая правомерность термина и основанных на нем заключений, Френ сам определял шрифт как «разновидность древнего арабского почерка, или куфического, а именно того, который по своим украшениям и запутанным чертам противополагается сущности куфического шрифта, отличающегося своей вытянутостью и простотой» [286].

Если не считать упомянутую статью Френа, которая носила в известном смысле теоретический характер, то арабская палеография и в его трудах, и в работах других отечественных востоковедов-ближневосточников оставалась целиком эмпирической дисциплиной, постепенно развивающейся в ходе изучения нумизматических, эпиграфических и рукописных арабских, персидских и тюркских источников. Данные палеографических наблюдений были рассеяны в многочисленных публикациях, посвященных этим трем видам источников, а также обогащали личный опыт исследователей.

В области эпиграфики работа шла в двух направлениях: 1) собирались и издавались надписи, накапливая их корпус; 2) из них извлекались исторические факты, накапливая материал для исторических и историко-культурных исследований.

Эпиграфические исследования, однако, не составили ярко выраженного направления в арабистических работах первой половины XIX в. и были, как правило, связаны с более или менее случайными поводами. Тем не менее это была уже вполне осознанная потребность в специфическом историческом материале, в собирание которого втягивались даже чиновники, служившие на периферии и нередко группировавшиеся вокруг обществ любителей старины.

Так, А. О. Мухлинский [287], который в 1832—1835 гг. совершил путешествие по Ближнему Востоку, вывез в Россию из Египта арабское надгробие, которое передал в Азиатский музей Академии наук [288]. 23 февраля 1838 г. акад. Френ сделал доклад об этом приобретении Азиатского музея и демонстрировал при этом оттиск надписи, имеющейся на нем. В этом же году Френ опубликовал статью, посвященную этому надгробию [289].

В 1850 г. в Одессе были опубликованы арабские надписи, обнаруженные в Крыму — в Эски-Крыму [290] и Бахчисарае [291].

Арабские надписи, найденные в Дербенте, издал И. Н. Березин [292]. Эта публикация вызвала отклик у П. С. Савельева, который напечатал к ней свои «Примечания» [293].

Савельев, отдавший много сил археологическим раскопкам, интересовался и отдельными конкретными находками, в том числе и встречавшимися на них надписями. В 1851 г. он опубликовал исследование таких надписей на металлическом зеркале, найденном в Крыму (в Сарае), и на золотом надбровнике из Пермской губернии [294]. В 1852 г. он описал еще два металлических зеркала, найденных на этот раз близ развалин Булгара [295].

В своих «Очерках по истории русской арабистики» И. Ю. Крачковский писал: «...1818 год мы имеем право считать началом новой эры нашей арабистики... С тех пор до настоящего времени [296] в северной столице были обеспечены два необходимых условия развития арабистики: непрерывность научного преподавания арабского языка в высшей школе и постепенное расширение доступных для исследования рукописных материалов. Трудно сказать, что сыграло большую роль в прогрессе нашей науки, но можно с полным правом утверждать, что до середины XIX в., когда умер Френ (1851) и был открыт Факультет восточных языков (1855), во главе научной арабистики стоял Азиатский музей и неотделимый от него Френ» [297].

В Азиатском музее, как уже говорилось в гл. 3, благодаря пожертвованиям частных лиц и содействию государственных учреждений собирались разнообразные материалы о Востоке — монеты, памятники материальной культуры, эпиграфики и письменности Востока, востоковедная литература. Начало изучению этих восточных материалов положил Френ. Обобщенную характеристику его работы в Азиатском музее дал И. Ю. Крачковский:

«В толстых томах своих оставшихся в рукописи трудов он подготовил материалы для описания всех арабских, персидских и турецких манускриптов, при его жизни поступивших в Азиатский музей [298]. В многочисленных печатных статьях он быстро делился своими открытиями, сообщая все сколько-нибудь интересные для его времени данные; его внимание распространялось и на вещественные памятники, особенно если они расширяли эпиграфический материал. Нумизматика оставалась его излюбленной областью; петербургские собрания дали ему едва ли для кого-нибудь доступный опыт и выдвинули на первое место среди всех современных нумизматов. Будничная, каждодневная, всегда аналитическая и часто мелочная работа не заслонила перед ним больших задач и широких обобщений. Он указал пути к изучению арабских источников для истории России и в своем классическом труде об Ибн Фадлане (1823) оставил образец работы в этой области, не превзойденный за весь XIX век...

Не возвращаясь после Казани к университетскому преподаванию, он создал тем не менее в Петербурге центр, к которому тянулась даровитая молодежь и пройдя университет. Его долго-

летним и единственным сотрудником в Музее был с 1826 г. арабист М. Г. Волков (ум. в 1846 г.)... Питомец Университета, кончивший курс в составе первого его выпуска, в 1823 г., он был учеником не столько первого профессора-арабиста француза Деманжа, сколько юного Сенковского, помощником которого в преподавании стал уже в 1824 г. В науке он оставил след лишь переводом на русский сочинений Френа и некоторыми статьями в иностранных востоковедных журналах. Для Азиатского музея он был незаменимым тружеником в течение двадцати лет.

Многие универсанты того времени проходили у Френа как бы неофициально своеобразную научную школу. Его непосредственным учеником в нумизматике был ученик Сенковского и Волкова П. Савельев (1814—1859), продолживший работы Френа в этой области, впоследствии известный ученый, один из основателей Археологического общества. Многим ему был обязан товарищ и друг Савельева В. В. Григорьев (1816—1881), позже первый профессор истории Востока, декан факультета восточных языков. Таких „побочных" учеников можно было бы насчитать не один десяток и в столицах, и в провинции, и за границей.

Ради науки Френ не останавливался перед какими бы то ни было черновыми или техническими работами. Он трудился над усовершенствованием приемов эстампирования надписей, которое только зарождалось в ту эпоху. Он приложил немало усилий к усовершенствованию полиграфической базы для арабских изданий в академической типографии, которая с той поры до наших дней с честью выполняла свою задачу»[299].

Такую же оценку работы Френа и его роли в развитии русской арабистики давали многие его современники и ученики.

Б. А. ДОРН

Преемником Френа на посту директора Азиатского музея стал в 1846 г. акад. И.-А.-Б. Дорн (позднее — Б. А. Дорн; 1805—1881).

Областью собственных научных интересов Дорна были иранистика, афганистика, нумизматика. В 40-х годах в его поле зрения попадает малоизученный сасанидский и арабо-сасанидский нумизматический материал. Первый опыт атрибуции трех монет этого типа оказался неудачным (1842). Позднее основательное знакомство Дорна с богатыми коллекциями Азиатского музея сделало его одним из признанных экспертов по восточной нумизматике. Вместе с Френом Дорн некоторое время участвует в описании новых поступлений в Азиатский музей. Его первый нумизматический отчет о пополнении музейной коллекции мусульманскими монетами с легендами пехлевийским и арабским письмом относится к 1844 г.[300]. В 1848 г. Дорн опубликовал статью с поправками к чтению имен правителей на табаристан-

ских монетах в книге А. Лонперье о сасанидской нумизматике [301]. Эта статья-рецензия была и косвенным откликом российского ориенталиста на открытие Ольсхаузена в области пехлевийской эпиграфики.

Отдельные эпиграфические заметки Дорна тех лет касались и нумизматики современной ему Персии [302], материалы которой регулярно пополняли Азиатский музей.

Дорн продолжил начатое Френом изучение восточных рукописей, и по тем же рукописям он, как и его предшественник, занялся исследованием прикаспийских областей Ирана.

Своеобразным памятником Френу стала написанная Дорном история Азиатского музея со времени основания по 1844 г. (см. примеч. 96). Книга состоит из двух частей. Первая представляет собой погодную хронику формирования коллекций музея, вторая (Приложения) включает разного рода документацию, отчеты и обзоры, связанные с приобретением восточных древностей. Во второй части был напечатан, в частности, доклад Дорна от 30 сентября 1842 г. о поступлении в Азиатский музей пяти персидских рукописей исторического содержания. Это были сочинения Абу-л-Фазла ал-Бейхаки (XI в.), Йахйи б. Абд ал-Латифа ал-Казвини (XVI в.), Закарии б. Мухаммада ал-Казвини (XIII в.), Ахмада б. Мухаммада ал-Казвини (XVI в.), Абу-л-Фазла б. Мубарака (XVI в.) [303]. В докладе указывались названия сочинений, даты переписки рукописей, приводилось их краткое содержание, цитировались колофоны и другие заслуживающие внимания отрывки текста, имелись указания на научную литературу, где сообщались сведения об авторах и их сочинениях. В сущности, это был прообраз кратких научных описаний рукописного материала, которыми так богата ориенталистика XX столетия.

Если попытаться сопоставить вклад Дорна в занятия нумизматикой и в изучение рукописей (два основных направления его востоковедной деятельности), то перевес окажется на стороне рукописей. Заметим, что у Френа при всей его разносторонности главный интерес был сосредоточен в области нумизматики.

Наряду с исполнением административных функций директора Азиатского музея и связанных с ними обязанностей по хранению и пополнению восточных коллекций основной научной задачей в 40—50-х годах Дорн считал издание сочинений по средневековой истории Прикаспийских областей Ирана. Обоснование необходимости обратиться к изучению истории Табаристана он кратко сформулировал в докладе о подготовке к изданию сочинения табаристанского историографа XV в. Захир ад-дина [304].

Интерес отечественных историков к Прикаспийским областям обусловливался, например, тем, что эти области граничили с Россией и играли немаловажную роль в ее политических и торговых отношениях с Ираном, а также тем, что в первой половине XIX в. эти земли оставались еще terra incognita, ибо мусульманские авторы всеобщих историй сообщали о южных Прикас-

пийских областях самые отрывочные сведения. Ценный материал для исследователей давали сочинения писателей — уроженцев Табаристана и Мазендерана. В рукописном собрании Азиатского музея табаристанских хроник было несколько.

Но первым шагом на пути решения важной научной задачи стало издание части сочинения «Хабиб ас-сийар» Хондемира, повествующей об истории Табаристана и движении сербедаров [305]. Сведения о Табаристане Хондемир заимствовал у Захир ад-дина. Издание содержит: 1) небольшое введение, обосновывающее публикацию исторических фактов о Табаристане и сербедарах, 2) персидский наборный текст части сочинения Хондемира и 3) его немецкий перевод с подстрочным комментарием. Основательность комментария подтверждается постоянным обращением Дорна к рукописям других мусульманских сочинений («Лубб ат-Таварих» — «Суть историй» Йахйа ал-Казвини, «Истории курдов» Шараф ад-дина Бидлиси), цитированием европейских исторических исследований о Востоке. Значительная часть повествования о сербедарах наряду с историей этого народного движения в северной и северо-восточной части Ирана содержала рассказ о деятельности дервишского ордена шейхийа (хасанийа). Введение в научный обиход этого ценного материала открывало исследователям путь к изучению идеологических течений внутри ислама. Представляется, что сам Дорн не оценил до конца всей важности опубликованного им материала.

Новым этапом в издательской деятельности Дорна стала публикация целой группы памятников, объединенных в серию «Мусульманские источники по истории земель южного побережья Каспийского моря». Первый том серии — издание текста сочинения Захир ад-дина — появился в конце 1850 г. [306]. Подготовка и публикация последующих четырех томов (три тома содержали тексты, а один, последний,— их немецкий перевод) продолжались в 50-х годах XIX в. В 1870—1873 гг. в Бюллетене Академии наук и выпусках Азиатского сборника Академии печатались извлечения Дорна из 16 мусульманских источников, имевшие отношение к району Каспийского моря и пограничным с ним территориям.

Вернемся к первому тому серии. Он включал наборный персидский текст Захир ад-дина с подстрочными разночтениями и пространное источниковедческое введение. В нем Дорн, прежде чем приступить к рассказу об авторе издаваемого сочинения, дал перечень и краткую аннотацию 12 более ранних источников по истории отдельных Прикаспийских областей и городов. Введение содержит также описание 2 рукописей, по которым было подготовлено издание текста, характеристику стиля Захир ад-дина и подробный перечень 32 рукописей других сочинений, которые Дорн привлекал в процессе работы над текстом.

Дорн по праву считается основоположником научного изучения Афганистана в России [307]. Его разносторонняя исследовательская деятельность развивалась по двум основным направле-

ниям — изучение и преподавание языка пашто [308]; изучение истории афганцев на основе восточных источников, причем, по мнению современных ученых, главной его заслугой в этой области явились переводы источников, написанных на персидском языке [309].

В научном наследии акад. Дорна афгановедческие труды занимают особое место. Это признавал и сам Дорн, отмечая во введении к изданию и переводу «Истории Табаристана» свой интерес к истории и языку афганцев [310]. Первым источником об афганцах, переведенным на европейский язык с восточного, стало сочинение «Тарих-и ханджехани ва махзан-и афгани», написанное в начале XVII в. при дворе Великих Моголов. Рукопись, которая легла в основу перевода Дорна, относится ко второй, или краткой, редакции этого сочинения [311].

В предисловии к переводу источника Дорн наряду с кратким изложением известных в европейской науке первой трети XIX в. сведений по истории Афганистана подчеркивает необходимость комплексного изучения страны. Он считал, что невозможно проникнуть в сущность исторических событий, не разбираясь в особенностях физической географии страны, быта и духа ее народа. Источниковедческая оценка рукописи включает перечисление источников, которыми пользовался автор сочинения Ниматулла при составлении своего труда. При комментировании (а комментарий составляет по объему значительную часть всего издания) Дорн привлек многочисленные восточные источники на языках пашто и персидском, содержащие сведения об афганцах. Он также использовал первую редакцию сочинения, которая стала ему доступна, когда был выполнен перевод второй.

Это сочинение продолжало интересовать Дорна и после его издания. Через несколько лет после выхода в свет перевода Б. А. Дорн прочел доклад о шестом изученном им списке «Истории» Ниматуллы. Он рассказал об известных рукописях сочинения в двух редакциях, что позволило ему сделать ряд наблюдений, в частности такие: сочинение не принадлежит к числу редких, и привлечение шести списков дает возможность составить «полный» текст [312].

Комментарий Дорна к «Истории» направлен на выявление фактов и дат, а также на то, чтобы выделить достоверные сведения. Как отмечалось в научной литературе, ценность исторических трудов ученого об афганцах состоит в их насыщенности фактическим материалом [313]. Вопросы средневековой истории афганцев, отраженные в комментарии, разнообразны и многочисленны; для обоснования своих выводов Дорн включал зачастую весьма обширные отрывки из восточных источников.

Обращает на себя внимание интерес ученого к этнической истории населения Афганистана. Он подвергает научной критике различные теории происхождения афганцев, следуя в этом за Клапротом, и приходит к выводу об автохтонности современных афганцев в районе Сулеймановых гор [314]. Представляет интерес

затронутый им вопрос о населении средневекового Гура, история которого до сих пор составляет одну из наименее изученных сторон истории Афганистана. Дорн не соглашался с мнением авторов большинства изученных им источников, состоящим в том, что жители Гура были афганцами, и привел ряд источников, свидетельствующих в пользу тюркского происхождения гурцев. Сам он с осторожностью высказывался по этому поводу, согласившись, что правящая династия могла быть тюркской [315]. Характерно, что именно Дорн впервые в русской историографии Афганистана обратил внимание на существование в восточных районах страны больших групп населения, не подвергшихся исламизации. Он останавливался на сведениях источников о походах мусульман в языческие земли Лагмана, Дараи Пича и об исламизации «кафиров» [316].

Остальные труды акад. Дорна, посвященные истории афганцев, в той или иной степени также нацелены на выяснение проблем происхождения народов Афганистана, этнической структуры современного его населения. Эти вопросы он снова стремился разъяснить, обращаясь к источникам, в первую очередь историческим [317]. Здесь следует назвать «Тарих-и Хафиз Рахмат-хани», из которой ученый опубликовал обширные выдержки в немецком переводе; «Райаз ал-Мухаббат» и «Хуласат ал-Ансаб», извлеченные из которых данные позволили ему составить алфавитный список 254 подразделений родо-племенной структуры афганцев (Дорн называет их племенами). На основании всей совокупности доступных ему материалов Дорн пытался выяснить правильное написание названий ряда племенных объединений афганцев — дуррани (абдали), лоди, гильзаев, останавливаясь попутно на вопросах их происхождения.

Наконец, перу Дорна принадлежит статья «К истории афганского эмира Ханджехана Лоди» [318], имеющая целью дополнить выпущенный ранее перевод «Махзан-и афгани» сведениями из полной редакции сочинения, относящимися к династии афганских правителей Индии.

Таким образом, работа Дорна над изучением истории афганцев и Афганистана включает введение в научный обиход памятников (полностью или в выдержках) по истории афганцев в переводе с персидского языка, их источниковедческое исследование, а также комментарии и самостоятельные статьи, являющиеся историческими исследованиями.

ИЗУЧЕНИЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. В. В. ГРИГОРЬЕВ

Развитие изучения истории государств и народов Востока как особого направления востоковедения теснейшим образом связано с именем специалиста по истории стран Западной и отчасти

Центральной Азии Василия Васильевича Григорьева (1816—1881) — первого представителя соответствующей кафедры Петербургского университета, созданной лишь в 1863 г.

Следует сразу заметить, что вплоть до середины XIX в. эта дисциплина даже в среде факультетской профессуры считалась вспомогательной для изучающих восточные языки. Преподаватели кафедры восточной словесности (например, О. И. Сенковский, Ф. Ф. Шармуа) при разборе текстов со студентами по необходимости время от времени освещали отдельные моменты истории; к концу указанного периода некоторые из них, в частности В. Ф. Диттель и А. О. Мухлинский, читали и специальные курсы, посвященные историческим и географическим обзорам того или иного региона. При недостаточной разработке предмета курсы, читаемые неспециалистами, были тематически, хронологически и территориально ограниченными. Несколько лет (1835—1843) курс истории стран мусульманского Востока (но не в университете, а в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента) читал Б. А. Дорн, который при всей своей эрудиции мог дать лишь схематическое изложение политических событий [319].

Григорьев рано осознал значение исторической дисциплины в востоковедении и начал всеми доступными ему средствами активно доказывать необходимость создания специальной кафедры в российских университетах. В этом деле проявились основные качества его натуры — целостность, последовательность, настойчивость.

Однако путь Григорьева к званию профессора кафедры истории Востока оказался долгим и тернистым.

В 1831 г. еще 15-летним юношей с «ничтожным запасом положительных сведений», но с огромным осознанным желанием учиться избранной специальности и казавшимся неистощимым запасом жизненных сил он поступил на разряд восточной словесности историко-филологического факультета, позже называвшегося философским.

Много лет спустя он рассказывал, что восточное отделение было особенно трудным. Занятия начинались в 8 часов утра и продолжались до 6 вечера при двухчасовом перерыве на обед. Студенты изучали одновременно три восточных языка, принадлежавшие к совершенно различным языковым группам: персидский, арабский и турецкий. Единственное, что их объединяло,— графика. В остальном же навыки, полученные в одном, не помогали усвоению другого. Каждый день два часа отводилось для языковых занятий с профессором или преподавателем кафедры словесности. На подготовку уходило пять-семь часов домашней работы; на сон отводилось шесть часов в среднем, а на усвоение других предметов обширной университетской программы — только воскресенье. Ученье давалось упорным трудом. О развлечениях не приходилось и думать. Такую нагрузку в течение трех с половиной лет (продолжительность университетского

курса) могли выдержать лишь немногие энтузиасты, которые, по словам Григорьева, «представляли умственную и нравственную аристократию студенчества» [320].

Университетская подготовка создала фундамент для всей дальнейшей жизни и деятельности. И дело здесь не только в сумме полученных знаний и сведений. Гораздо существеннее то, что пребывание на студенческой скамье прививало вкус к постоянной самостоятельной работе, навыки решения различных исследовательских задач, потребность в умственном труде, учило уметь преодолевать трудности при освоении знаний, наконец, как выражался В. В. Григорьев, учило «работать для науки производительно» [321]. Что же касается знания языков, то выпускник университета с равным успехом мог преподавать персидский, арабский и турецкий языки, владел тремя основными западноевропейскими и латинским.

О том, насколько основательной была эта подготовка, говорит примечательный факт: в год окончания университета Григорьев опубликовал часть (объемом примерно 5—6 авторских листов) исторического труда Хондемира «Хуласат ал-ахбар» в виде перевода с персидского языка на русский. Эта работа получила хороший отзыв Ф. Ф. Шармуа, в то время лучшего знатока этого языка, и положительные рецензии таких известных востоковедов, как Н. Я. Бичурин и Дж.-М. Топчибашев [322]. Более того, за нее В. В. Григорьев, едва ли не первый из студентов русских университетов с самого их основания, был награжден золотыми часами от имени Николая I. Год спустя за знание восточных языков он был награжден еще более ценным подарком [323].

К тому же периоду относятся и его переводы с английского и французского языков литературных произведений, публиковавшиеся в солидных журналах («Сын Отечества», «Северный архив», «Русский инвалид»). Григорьев занимался переводами ради приработка, так как с ранних лет должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Для нас же в данном случае важно, что публикация произведений художественной литературы требовала не только совершенного владения тем или иным языком, но и обладания даром словесника, стилиста.

В. В. Григорьев вышел из стен университета с твердо определившимся кругом научных интересов, которым он оставался верен всю жизнь, хотя в дальнейшем отнюдь не всегда имел возможность уделить любимому делу все свое время и силы. Он взялся за разработку важнейших в политическом и научном отношении проблем того периода, касающихся взаимоотношений Киевской и Московской Руси с кочевыми народами. К этой теме тяготеют первые его статьи исследовательского характера — «О древних походах Руссов на Восток». «Обзор политической истории Хазаров» и др. [324]. В этом же русле была и предложенная ему О. И. Сенковским тема будущей диссертации — история Золотой Орды, за которую В. В. Григорьев принялся со свойственными

ему увлеченностью и обстоятельностью. В это время он начал изучать монгольский язык.

С 18 лет и до конца своих дней он продолжал пополнять свои знания, причем по мере увеличения их объема придирчиво выискивал все новые в них пробелы. Он стремился постоянно быть в курсе новинок научной литературы, публикаций источников и иных материалов, живо откликался на труды коллег рецензиями, записками об их вкладе в востоковедение. За первые постуниверситетские годы (1834—1838) он написал 14 рецензий, в том числе обстоятельно осветил заслуги французского ориенталиста Жан-Пьер-Абель Ремюза, петербургского издателя А. Булгакова и др.; особенно показательна его обобщающая статья «Исторические и филологические труды русских ориенталистов» [325]. Велика его роль в деле популяризации востоковедных знаний в широких кругах российской интеллигенции. Достаточно сказать, что для начатого издания «Энциклопедического лексикона» Плюшара им было написано за указанный период более 50 оригинальных и 160 переводных статей! [326].

Для истории востоковедения наиболее важно отметить следующий факт, связанный с деятельностью Григорьева. В середине 1837 г. он подает в совет Петербургского университета программу чтения практически совершенно нового не только для русской, но и для европейской ориенталистики курса — истории Востока. В ней он обосновывает необходимость изучения этого предмета именно в России. Радея о приоритете, он писал, что следует «сделать горизонт наших сведений и соображений шире, чем мыслителей и деятелей Западной Европы» [327]. К сожалению, проект этот не нашел тогда поддержки не только в ректорате университета, но и на факультете. Немалую роль в этом сыграла сила инерции: даже многие солидные ученые привыкли постоянно оглядываться на Запад, где таких кафедр не существовало. Таким образом, начинающий востоковед оказался и более прозорливым, и более чутким к нуждам общества, чем большинство его старших коллег.

Несмотря на то что уже за первые четыре-пять лет самостоятельной работы (сначала в системе МИДа, а затем в Петербургском университете) В. В. Григорьев успел заявить о себе как о многообещающем ориенталисте широкого профиля, осенью 1838 г. в связи с болезнью и своим осложнившимся положением на факультете он решил оставить Петербург и принять предложение заместить вакантную кафедру восточных языков при Ришельевском лицее в Одессе, имевшем права прочих российских университетов.

Одесский период, около шести лет (ноябрь 1838 г. — август 1844 г.), оказался важным этапом не только в жизни самого Григорьева. Он сыграл известную роль и в развитии российского востоковедения в целом. Дело в том, что за десять лет до приезда Григорьева в Одессу здесь, как уже говорилось в гл. 3, по инициативе губернатора Воронцова с практическими целями

был создан специальный институт для подготовки квалифицированных переводчиков с восточных языков. Популярностью он, однако, не пользовался, и все предприятие грозило погибнуть в зародыше. Появление энергичного молодого высокообразованного человека и ученого-востоковеда способствовало росту интереса к занятиям ориенталистикой. Григорьев увлекал слушателей своими лекциями, в которых, в частности, касался вопросов взаимоотношений России со странами Востока. Для занятий арабским языком он составил грамматику. Он обратил внимание на восточный отдел лицейской библиотеки и принял меры к ее пополнению. По его предложению в Париже были заказаны шрифты, чтобы иметь возможность печатать в Одессе книги на персидском, арабском и турецком языках, а в Лондоне через губернатора были приобретены необходимые европейские издания. Григорьев постарался найти людей, для которых изучаемые языки были родными: араба, приехавшего в Одессу для торговли, грека, с детства объяснявшегося по-турецки, и других лиц, которые могли помочь наладить преподавание разговорного языка в восточном институте [328].

Оживлению научной и культурной жизни Одессы способствовало и создание вскоре после приезда Григорьева (в апреле 1839 г.) Одесского общества истории и древностей со своим печатным органом. Григорьев стал активным членом этого общества, неоднократно выступал на страницах его «Записок» и, по утверждению председателя, за три года сделался незаменимым [329].

В эти годы он немало занимался переводами с арабского и турецкого языков [330]. Однако в научном отношении более важны его исследования по нумизматике. Особенно удачной оказалась статья «О куфических монетах...», которая и 50 лет спустя продолжала оставаться авторитетным словом в науке. «По оригинальности приема и самостоятельности метода исследования — заставить говорить самые монеты — труд этот является единственным в своем роде в нашей богатой нумизматической литературе»,— писал о ней рецензент [331].

Совершенные Григорьевым в те годы поездки в Стамбул, Кишинев и Крым духовно обогатили молодого ученого полезными наблюдениями за жизнью населения тех краев и способствовали совершенствованию его знаний в турецком языке. Он вел большую переписку с друзьями и коллегами, причем важно отметить расширение круга его московских корреспондентов. В прямой связи с этим обстоятельством находится тот факт, что статьи, напечатанные в период пребывания Григорьева в Одессе, были помещены в местных, петербургских, но более всего в московских периодических изданиях.

Основываясь на большом и заслуженном научном авторитете Григорьева, попечитель Одесского учебного округа предпринял попытку, поддержанную в Петербурге крупнейшим востоковедом Френом, добиться присвоения В. В. Григорьеву звания про-

фессора Ришельевского лицея без защиты им диссертации. Попытка не увенчалась успехом. По этому поводу Григорьев писал своему ближайшему другу П. С. Савельеву: «Сказать правду, так это еще может быть к лучшему, потому что возбуждает во мне энергию: не хотят дать, так надо взять! Я, знаешь, немножко из числа упрямых» [332]. И действительно, в короткий срок он подготовился к магистерскому экзамену и написал диссертацию на тему «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству». Полемический ее характер объяснялся тем, что подлинность ярлыков, дошедших лишь в переводах, вызывала сомнения, например, у таких крупных историков, как Карамзин.

Главное достоинство диссертации — в методе исследования, удачном синтезе филологического и исторического подхода, начитанности автора в восточных и старорусских текстах документов. Это дало ему возможность прийти к основному выводу о подлинности ярлыков и доказать заинтересованность русского духовенства в сохранении ярлыков из поколения в поколение. Логика рассуждений, вид публикации, пояснения к ярлыкам, т. е. научная основа диссертации В. В. Григорьева, защищенной в Москве 1842 г. и изданной в том же году, была заметным шагом в науке. Недаром немецкий научный ежегодник отозвался на выход в свет этого небольшого по объему, но емкого по содержанию труда высокой похвалой, заявив, что книга «бесспорно принадлежит к лучшим монографиям ученого содержания, какие когда-либо написаны были русскими учеными» [333].

Вряд ли можно при этом согласиться с мнением, правда достаточно осторожным, его биографа Н. И. Веселовского, что за границей диссертация была встречена «с большим, кажется, сочувствием», чем в России. Русские ученые воздали должное работе. Это проявилось не только в отзывах на нее, но и в нескольких приглашениях автору переселиться в Москву и занять должность, соответствующую профессорскому званию. Особенно заманчивым, отвечающим давним чаяниям Григорьева, было предложение попечителя Московского учебного округа создать при университете кафедру истории Востока «вместо восточных языков, тогда только числившихся» [334]. Согласием на него В. В. Григорьев смог ответить только два года спустя, но из-за межведомственных трений воплотить этот проект в жизнь не удалось.

Григорьев не имел иного источника существования, кроме государственной службы. Уехав из Одессы в надежде поступить на кафедру Московского университета, он оказался в затруднительном положении и в конце концов был вынужден принять на себя обязанности, заметно отступавшие от круга его интересов и ученых занятий,— помощника редактора «Журнала Министерства внутренних дел», издававшегося в Петербурге. И все-таки, следуя своему основному житейскому принципу — добросовестно исполнять любую работу, прокладывая себе путь «трудом, а

не протекциею или случаем»[335], он в течение семи лет безукоризненно вникал во все детали ведомственного редакционно-издательского дела, не отказываясь от надежды подыскать место, в большей степени соответствующее его склонностям.

Так, в 1845 г. он хотел заместить временно открывшуюся вакансию профессора турецкого языка в университете, а в 1848 г. вел переговоры с попечителем Кавказского учебного округа относительно членства в Комитете «для начертания учебных пособий». Обе попытки не осуществились по обстоятельствам, от Григорьева не зависевшим. Отметим лишь мимоходом, что в связи с последним предложением он некоторое время занимался составлением учебника истории Востока.

Но и в таких неблагоприятных для творческой деятельности условиях ученый оставался верен своему призванию. В 1845—1851 гг. им было написано и выпущено в свет более 60 статей на самые разные темы. Приведем названия лишь тех немногих, которые указывают на ведущее направление его исследований: «О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды», «Археологические поиски в Керчи», «Монгольская надпись времен Монгке хана, найденная в восточной Сибири», «Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая», «О поддельной арабской надписи на одном кинжале», «Описание клада Золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая», «Куфические монеты, найденные в Псковской губернии», «Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая» и ряд других[336]. Он продолжал внимательно следить за трудами и публикациями коллег и быстро откликался на них[337]. Так, только в 1847 г. им было написано 13 различных рецензий.

Среди перечисленных выше статей следует обратить внимание на обзорные статьи по археологии, ранее не встречавшиеся. Это объясняется заметным явлением в научной жизни страны — повысившимся интересом к археологии, результатом которого стало создание в 1846 г. специального Имп. Русского археологического общества. Григорьев состоял секретарем Восточного отделения этого общества и принимал живейшее участие в его деятельности. Но еще более активно он содействовал работе ИРГО, организованного на год раньше. Достаточно сказать, что в «Записках» и «Известиях» ИРГО, которые Григорьев редактировал, он поместил такое большое число мелких статей и заметок по самым различным вопросам, что, например, в 1849 г. они составили в общем около 133 страниц текста, а в 1850 — более 160, т. е. соответствующие тома этих изданий примерно на треть-четверть были написаны им самим. А для этого было необходимо ознакомиться буквально с «морем» литературы. Но Григорьеву при его неуемной энергии и этого казалось недостаточно: одновременно он принимал участие в издании военного энциклопедического лексикона, а в 1847—1849 гг. редактировал частный журнал «Финский вестник», переименованный тогда же в «Северное обозрение».

Деятельность публициста обусловливалась потребностью поделиться с русскими читателями своими мыслями по общественно-политическим вопросам. Потребность тем более настоятельная, что служебные обязанности только по форме шли параллельно этому виду работы. Практически бескомпромиссный ученый, не принимавший навязываемых ему суждений, из каких бы высоких сфер они ни исходили, выглядел белой вороной в канцелярии Министерства внутренних дел. Позже, уже оставив это поприще, в письме П. С. Савельеву от 17 апреля 1856 г. он достаточно откровенно высказался о типичных представителях чиновничьего сословия и изложил свое к ним отношение: «Если для того, чтобы быть „чиновником", надо родиться дураком и прожить всю жизнь подлецом, так не завидна честь принадлежать „достойно" к этому, нравящемуся властям, сословию»[338].

Как видим, Григорьев не только умом понимал, но и глубоко чувствовал противоречивость своего положения. В 1851 г. он воспользовался представившейся ему возможностью уехать в Оренбург на должность управляющего областью Оренбургских киргизов, как тогда называли казахов. Здесь Григорьев прожил без малого 11 лет, включая и время, проведенное в разъездах и командировках. Занимаемое им положение приравнивалось к генеральскому. Но ни отдаленность от научных центров, ни власть, ни занятость по службе не изменили его жизненных принципов и избранного направления исследовательской работы, к которой он обращался как только для этого представлялась хоть малейшая возможность.

Нужды практического и научного востоковедения постоянно были в центре его внимания. Любым способом он старался пробудить в окружающих интерес к этой отрасли знания, содействуя поискам материалов, комплектованию библиотеки, организации школьного обучения на местах и т. п. Фактически любое дело, за которое брался Григорьев в этот период, так или иначе было сопряжено с востоковедением. Уже при первоначальном знакомстве с краем он занимался местными диалектами; при многомесячном разбирательстве судебного дела в Степи изучал быт, нравы и право казахов, взаимоотношения в орде; в походных условиях не терял времени, изучая местность, и написал интересную статью относительно географии района.

Следить за литературой из Оренбурга было, правда, трудно, но через письма друзей и коллег он получал нужную информацию, хотя иногда и с опозданием. Он завязал новые и укрепил старые научные связи с учеными Казани — ближайшим к Оренбургу востоковедным центром. Количество научных публикаций в связи с занятиями административными делами несколько сократилось, в 1854 г., судя по списку его трудов, составленному Н. И. Веселовским, Григорьев вообще не издал ни одной статьи. Правда, в остальные годы они регулярно появлялись в печати.

Итог периода 1852—1862 гг. достаточно впечатляет — свыше 40 опубликованных работ. Особенно ценными были издания па-

мятников. Уровень публикаций неизвестных ранее источников был достаточно высоким. К ним и по сей день обращаются специалисты: Это: «Записка турецкого посланника Сами эль-Хадж Ахмед-эфенди о посольстве его в Пруссию в 1763-64 году» (Москвитянин. 1856, № 17—18), «Замечания майора Бланкеннагеля в последствии поездки его из Оренбурга в Хиву» (Вестник ИРГО. 1858, № 3), «[Записка] Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах» (ЧОИДР. 1861, кн. 1), «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари» (Ученые записки Казанского ун-та. 1861). В это же время им было опубликовано около десятка статей по нумизматике, археологии, экономике, географии, языку и ряд рецензий, из которых самую насыщенную, «Жизнь и труды П. С. Савельева», он посвятил памяти ближайшего друга, товарища по университету и коллеги по дальнейшей работе.

Признанием научных заслуг Григорьева было присвоение ему в 1853 г. звания члена-корреспондента Академии наук. Здесь мы вынуждены остановиться, поскольку научная биография В. В. Григорьева заходит далеко во вторую половину XIX столетия.

Глава 6

ИЗУЧЕНИЕ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

КИТАИСТИКА

В исследовании Китая рассматриваемого периода особенно сказалось то преимущество, которое китаеведы имели перед востоковедами других специальностей: существование на месте, в столице изучаемой страны, такого постоянного научного центра, каким являлась Пекинская духовная миссия. За столетие сотрудники миссии подготовили немало переводов, в большинстве, правда, остававшихся в рукописи. Среди работающих китаеведов начинала уже намечаться узкая специализация: появились языковеды, литературоведы, историки.

Проживший в Пекине 14 лет крещеный калмык Антон Григорьевич Владыкин (1761—1811) преподавал китайский и маньчжурский языки в школе переводчиков (китайского, маньчжурского, персидского, турецкого и татарского языков), открытой в 1798 г. в Петербурге при Коллегии иностранных дел. Антон Владыкин составил ряд пособий по маньчжурскому языку, в том числе грамматику маньчжурского языка [1]. Его труды остались неопубликованными. Из их числа следует отметить перевод китайского романа «Дзин-Юнь-Циоу» [2] — одного из первых в истории отечественного китаеведения.

Первым российским историком Китая, очевидно, следует считать Софрония Грибовского (ум. 1814), главу VIII Российской духовной миссии в Пекине (1794—1807). Грибовский упорядочил занятия учеников миссии, положил начало ее библиотеке. Не зная ни маньчжурского, ни китайского языков, Грибовский писал труды исследовательского характера, широко используя переводы учеников миссии. Ему принадлежат «Известие о Китайском, ныне Манчжуро-Китайском государстве», а также «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине».

Это второе сочинение представляет собой исследовательскую работу о первых русско-китайских контактах и об образовании русской колонии албазинцев в Пекине. Грибовский приводит сведения о том, что первые русские звероловы, охотники на лисиц и соболей, были пленены цинским отрядом в 1645 г. и доставлены в Пекин. Его описание конфликта при Албазине основывается на переводах маньчжурских и китайских источников и поэтому отражает интерпретацию событий только цинской стороной. Но Грибовский критически оценивает цинскую версию,

ссылаясь на мнение одного из переводчиков, представляющего эту версию как «грубую и открытую ложь манджуров». Пленные албазинцы составили русскую сотню желтого знамени, «сия дивизия обыкновенно состоит из одних манджуров, коих все права и албазинцы получили». Грибовский отмечает, что потомки пленных албазинцев быстро натурализовались в Пекине и что «здешние крещеные албазинцы ни мало от некрещеных китайцев касательно святой религии не различаются»[3]. В «Уведомлении» подробно рассказывается о главах Российской духовной миссии в Пекине, сведения о самом отце Софронии Грибовском, а также имеются списки всех учеников, посылавшихся с миссиями.

Плодом деятельности миссии, руководимой Грибовским, явилась «Китайская география с нужными статистическими примечаниями» — «труд сей произведен в Китайской столице Пекине причетником Василием Троф. Богородицким». О Богородицком известно, что он скончался в Петербурге в 1819 г. Его сочинение — переложение географического описания Цинской империи «Дай Цин и ту чжи», выполненное весьма толково. В. Богородицкий писал: «Переделы Китайского государства суть: к западу тангутская, не совсем принадлежащая Китаю земля и разных наименований мугаметанского исповедания татар земли или княжества, принадлежащие Китаю с Цян-луновых времен, к северу, к северо-западу с мунгальскими княжествами, к северо-востоку частию с Мунгалиею и Манджурией. К востоку с Манджурскою землею, называемою Ляодун, с Корейским заливом и восточным океаном. К юго-востоку, югу и юго-западу с океаном и Аньнаньским Королевством»[4]. В труде содержится описание 18 провинций Китая с официальными данными о получаемых с них доходах, со сведениями о монголах, об ойратах, кочевавших у оз. Куку-Нор, о джунгарских городах, Корее, Японии, Островах Люцю, Вьетнаме и некоторых других государствах Юго-Восточной Азии. Рукопись содержит алфавитный указатель географических названий и иероглифику. Можно только искренне пожалеть, что «Китайская география...» не была своевременно издана.

Одну из первых попыток специализации в области переводов предпринял Павел Иванович Каменский (1765—1845) — сын священника, выпускник духовной семинарии в Нижнем Новгороде. Он был направлен в Китай в 1794 г. в составе VIII духовной миссии под начальством Софрония Грибовского. По возвращении из Китая Павел Каменский работал чиновником Азиатского департамента МИД. В 1820 г. он был пострижен в монахи под именем Петра и возглавил X Российскую духовную миссию в Пекин (1821—1831). Научная деятельность Каменского была особенно плодотворной после его первого возвращения из Китая.

Зная маньчжурский язык лучше, чем китайский, он выбрал целью своих научных изысканий перевод с маньчжурского языка

китайских оригинальных исторических сочинений. Основная линия поиска объектов для перевода была у него та же. Как и других переводчиков XVIII в., его в основном интересовали такие проблемы, как всеобщая история Китая, монголы и маньчжуры в Китае. Каменский перевел «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» (историю до династии Мин) [5], полностью раздел «Бэнь цзи» («Основные хроники») из «Юань-ши» (истории династии Юань) [6], т. е. историю завоевания Китая монголами и правления здесь монгольской династии. Он делает подборку материалов о восстании Ли Цзычэна — крестьянской войне, итогом которой в известной мере явилось падение династии Мин и установление маньчжурского господства в Китае [7]. Кроме того, судя по некоторым сведениям, Каменским был выполнен перевод «Описание Джунгарии» (о войнах Цин с ойратами), пока, однако, не обнаруженный [8]. Из работ Каменского была опубликована только одна — «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария» [9].

Как мы видим, Каменский сделал много переводов, работая в русле традиционно русских интересов к истории Китая, т. е. над темами, которые делались до него и после него. Отсутствие публикаций этого автора удивительно тем, что его заслуги переводчика были официально признаны и отмечены: в 1819 г. П. И. Каменский был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду литератур и древностей Востока. Может быть, сказались наветы: его упрекали в том, что он переводил только с маньчжурского и что переводы его страдали буквализмом. Последнее весьма несправедливо. Как бы там ни было, обо всем наследии Каменского, немалом по объему и полезном по сей день (чего стоит один только перевод всего раздела «Бэнь цзи» из «Юань-ши», до сих пор пользующийся постоянным спросом читателей), можно сказать то, что он сам при жизни написал о своем переводе «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му»: «...сей мой бедный труд остался в забвении» [10].

Каменский вместе со Степаном Липовцовым (см. ниже) опубликовал в 1818 г. аннотированный список китайских книг из библиотеки Академии наук под названием «Каталог Китайским и Японским книгам, в Библиотеке Императорской Академии Наук хранящимся, по поручению Господина Президента оной Академии Сергия Семеновича Уварова вновь сделанный Государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, Коллежскими Асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым» [11]. Книги были распределены тематически: богословские, философские, нравственные, учебные, стихотворения, исторические, географические, астрономические, законные, врачебные, натуральная история, экономические, военные, анекдоты, сказки, китайские планы и карты, китайские картины. По подсчетам З. И. Горбачевой, этот «Каталог» включал 377 китайских сочинений в 2957 бэнях (томах) [12].

Многие годы своей жизни Каменский отдал работе над китайско-русско-латинским словарем. Правительство отпустило средства на это издание, и первый лист словаря был уже даже отпечатан, как автора отправили в Пекин во главе духовной миссии. Словарь так и не вышел в свет; рукопись его как будто не сохранилась, о чем свидетельствует хотя бы перечень материалов Каменского, приведенный П. Е. Скачковым [13]. Представляется, что, судя по воспроизведению первой и единственной страницы этого труда, Каменский не составлял словаря как такового, а думал издать трехъязычный китайский словарь типа «Сань хэ бэнь лань» [14] с переводом на русский и латинский языки и русской транскрипцией. В АВ (ф. 24, оп. 3) находится «Русско-китайский словарь» П. И. Каменского (сохранилась его часть — от С до Я). Китайские иероглифы даются здесь без всякой транскрипции. Однако словарь содержит много цитат и фраз. Последнее обстоятельство делает труд Каменского в настоящее время ценным источником по изучению китайского разговорного языка на рубеже XVIII—XIX вв.

Последние годы своей жизни Каменский провел в монастыре возле г. Городца. За всей научной деятельностью Каменского или стоит неблагоприятное стечение обстоятельств, или кроется какая-то тайна. Сложился миф, что он недостаточно знал китайский язык. Но это именно миф, и не только потому, что Каменский, как никто, долго жил в Китае, но и потому, что он оставил в своем научном наследии русско-китайский словарь и разговорники. Именно миссия П. И. Каменского подготовила самое большое число учеников, способных по возвращении из Китая к практической работе с языками. Непонятно и то, что имел в виду В. П. Васильев, охарактеризовавший Каменского как человека «безукоризненного, но недальновидного» [15].

В трагедии Каменского кажется несомненным одно. Будучи современником Н. Я. Бичурина, он возвратился со своей миссией из Китая тогда, когда Бичурин уже триумфально вошел не только в русскую науку, но и в мировую синологию. Бичурин в известной мере заслонил Каменского, как и двух других своих современников — С. В. Липовцова и З. Ф. Леонтьевского, наследие которых мы также считаем более целесообразным рассматривать до характеристики китаеведного наследия Бичурина. Кое-что, может быть, объясняется в судьбе Каменского и тем обстоятельством, что именно ему принадлежал документ о деятельности Бичурина как главы IX миссии (1807—1821), на основании которого тот был осужден и сослан на о-в Валаам.

Степан Васильевич Липовцов (1770—1841), уроженец Самарской губернии, был взят в Китай в VIII духовную миссию из Казанской духовной семинарии. Затем он служил переводчиком Азиатского департамента МИД. Продолжая работу П. И. Каменского, он вслед за историей Юань по единому плану перевел историю следующей династии — Мин. Липовцов добился отпуска средств на опубликование своего перевода, но этот труд так

и не вышел в свет, хотя было набрано и отпечатано 11 глав объемом 432 страницы [16]. Однако Липовцов оказался удачливее своего друга Каменского. В 1828 г. ему удалось издать перевод официального цинского сборника законов 1818 г. «Лифаньюань цзэ-ли» — «Уложение Китайской палаты внешних сношений». В предисловии Липовцов указывал, что делал перевод, исходя из нужд России изучать Центральную Азию. «Ознакомление сие было весьма важно: ибо из всех европейских народов ни один, кажется, не имеет более нужды в основательных сведениях о состоянии сей части света и более способов к собранию оных, как Россияне. Близкое... соседство, взаимная торговля и другие необходимые сношения их с многочисленными народными племенами, населяющими сию обширную, но доныне не совершенно нам известную страну, очевидно, подтверждают сие мнение» [17].

Липовцов отступил от строгого следования порядку текста оригинала и расположил материал по своей схеме: Уложение гражданское, Устав воинский, Почтовое правление, Уложение уголовное, Постановление о духовенстве Ламского исповедания, Постановление о Тибете, Сношения с Россиею [18]. «Уложение Китайской палаты внешних сношений» — ценный памятник традиционного китайского права, источник первостепенной важности для изучения истории монголов XVIII—XIX вв. и, главное, принципов, положенных в основу управления внешними владениями Цин. В сборнике законов, в частности, подтверждается наличие реальной границы между Китаем и Монголией: «Всем вообще монголам... позволяется въезжать в Китай и выезжать обратно через следующие крепости...». Строго регламентировался въезд и пребывание китайцев в Монголии. «Тех пронырливых китайцев, которые единожды уже были выгнаны из Монголии. за непредъявлением свидетельств и которые по проживании некоторого времени опять там появятся, ловить и сажать в колодки... на два месяца, по прошествии коих сечь плетью по 100 ударов и отправить за препровождением на место их родины с таким подтверждением местному начальству, чтобы оно никогда не давало им позволения на отъезд в Монголию» [19].

С. В. Липовцовым был осуществлен перевод словаря «У фань юань инь», названный «Китайский лексикон по выговорам из Пекина». Словарь содержит списки китайских омонимов и русские переводы значений иероглифов. Он и сейчас может быть полезен для разработки лексики китайского языка.

Липовцов составил «Маньчжурский букварь», маньчжурско-китайско-русский словарь, перевел с маньчжурского большое количество исторических документов. С его именем связаны и переводы некоторых частей Евангелия на маньчжурский язык.

Современником П. И. Каменского и С. В. Липовцова был Захар Федорович Леонтьевский (1799—1874), который также, по характеристике П. Е. Скачкова, «был образованным китаистом, но заслоненным от современников и потомков фигурой

Н. Я. Бичурина»[20]. Студент-математик Леонтьевский добровольно поехал в Китай с миссией Каменского. О его высокой квалификации как китаеведа свидетельствует уже одно то, что он перевел в Пекине с русского на китайский язык три тома «Истории государства Российского» Карамзина, за что получил от цинского правительства титул «государственного наставника» (го ши). В России он служил переводчиком Азиатского департамента МИД. У Леонтьевского мало публикаций. Он поддержал слабо наметившуюся ниточку переводов художественной литературы Китая: в его переводе вышли повесть «Путешественник» (СПб., 1835) и сочинение в стихах под названием «Маньчжурская песнь» (СПб., 1834) в литературной обработке поэта Д. И. Хвостова.

Как и его предшественники, Леонтьевский составил 15-томный «Китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь», взяв за основу китайские иероглифы, расположенные по принятой в Китае «ключевой системе», чем верно нащупал тот способ, по которому китайско-европейские словари стали составляться в последующие полвека, а то и более. В предисловии к своему труду Леонтьевский подробно перечисляет источники словаря, называя множество «китайских лексиконов», в том числе «Кань-сицзы-дянь... Хань-цзыси-и или Китайский с переводом французско-латинским, изданный в Париже в 1813 году де Гинь, Ханьцзы си-и-бу или Прибавление к лексикону китайско-латинскому, изданное в 1819 году в Париже Клапротом», китайский словарь «с российским переводом бывшего Пекинского Архимандрита Иакинфа». «Сверх сих пособий,— пишет Леонтьевский,— я в продолжение десятилетия пребывания в Китае не пропускал без внимания ничего, что нужным мне казалось, и вносил в сей лексикон. Чтение авторов и разговоры были обильными моими источниками, из которых я почерпнул то, чего до сего еще ни в каких лексиконах не было помещено»[21].

Словарь З. Ф. Леонтьевского — ценный источник не только для классического литературного китайского языка, но и для языка разговорного. Этот огромный труд, будь он издан, мог бы быть хорошим подспорьем для китаистов и маньчжуристов, да и сейчас служил бы ценным пособием в работе со старыми китайскими текстами.

Как видим, все русские китаеведы того времени составляли рукописные словари, используя словари китайские толковые и двуязычные (китайско-маньчжурские), трехъязычные (китайско-маньчжурско-монгольские), словари китайско-европейские, а также свой личный опыт чтения текстов и практического общения. Это была огромная работа. Можно только жалеть, что эти словари не были изданы. Причиной были не только типографские трудности, но и узкий круг нуждавшихся в словарях лиц, которые могли удовлетворить свои потребности рукописной книгой. Однако эти словари сохраняют большую научную ценность, и скорее всего для изучения истории китайского языка. Они явно

могут быть полезны и для китайских лингвистов, изучающих разговорный язык.

В рукописи остался и латинско-китайский словарь З. Ф. Леонтьевского [22]. Среди обилия оставшихся в рукописях словарей XVIII—XIX вв. словари Леонтьевского, видимо, были одними из лучших: их, например, высоко оценивал акад. В. М. Алексеев [23].

Студенты и сотрудники Пекинской духовной миссии были первыми, кто познакомил русское общество с историческими и религиозными текстами, переведенными с маньчжурского языка. Как отмечает М. П. Волкова, «работа над первыми переводами маньчжурских сочинений на русский язык, составление первых многоязычных словарей и пособий для изучения маньчжурского языка сопровождались детальной разработкой и освоением политической, административной, лингвистической терминологии этого языка. Тогда же ученые подготовили необходимые источники для последующих научных исследований» [24].

З. Ф. Леонтьевский и П. И. Каменский подбирали в Китае книги для коллекции крупного ученого-изобретателя и страстного собирателя восточных редкостей П. Л. Шиллинга (1786—1837). Благодаря их профессиональному мастерству на средства Шиллинга у последнего была собрана отличная библиотека китайских книг, которая двумя партиями — в 1835 и в 1838 г. (уже после его смерти) — поступила в библиотеку Азиатского музея [25]. В. П. Васильев полагал, что в его время по части китайских книг «Академия Наук обязана всеми своими главными богатствами» Шиллингу [26], а значит — и его просвещенным консультантам.

Каменский и Леонтьевский завершили добичуринский этап развития российского китаеведения. И хотя между их творчеством и творчеством таких выдающихся русских китаеведов, как Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев (в этой главе им посвящены отдельные параграфы) и Палладий Кафаров, нет пропасти, последние выросли из русского китаеведения XVIII — первой четверти XIX в. С 1820-х годов научное исследование, первоначально в форме изложений первоисточников, постепенно сменяет переводы и начинает играть все большую роль. Русское китаеведение приобретает и реальную общеевропейскую значимость.

В середине XIX в. возникла необходимость ввести китайский и маньчжурский языки в университетское преподавание для подготовки квалифицированных специалистов языка, литературы и этнографии цинского Китая. В 1844 г. впервые в России при Казанском университете была открыта кафедра китайского и маньчжурского языков, и Войцеховский стал профессором этой кафедры.

Осип Павлович Войцеховский (1793—1850) прожил в Пекине с 1821 по 1831 г., работая врачом в составе X миссии. Здесь он находил время для занятий китайским и маньчжурским языками. По возвращении из Китая Войцеховский служил врачом

при Азиатском департаменте МИД. Вскоре он был приглашен в Казанский университет на должность заведующего китайско-маньчжурской кафедрой. На занятиях со студентами Войцеховский читал маньчжурские тексты «Цинъвэн кимэнь» («Начальное обучение маньчжурскому языку»), «Амба тацин» («Большое учение»), «Ань и дулимба битхэ» («Обыкновенная золотая середина»), сопровождая их грамматическими комментариями. В это же время он составил «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем не изложенные». Для чтения текстов он предложил китайско-маньчжурско-русский словарь, работу над которым он начал еще в Пекине, продолжил в Петербурге и закончил в Казани. Этот трехтомный словарь при жизни автора был приобретен библиотекой Казанского университета. В настоящее время сохранился только 51 лист этого сочинения [27].

О. П. Войцеховский скончался 7 ноября 1850 г., и в течение года на кафедре китайского и маньчжурского языков не было преподавателя. В 1851 г. на эту должность был назначен только что вернувшийся из Китая В. П. Васильев.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Первые шаги подлинно научного, академического монголоведения были сделаны в Петербурге и связаны с именем Исаака Якоба (Якова Ивановича) Шмидта (1779—1847).

Шмидт родился в Амстердаме в семье немецкого негоцианта и получил хорошее домашнее образование. В результате вторжения наполеоновских войск в Голландию коммерческие дела отца расстроились и юному Исааку пришлось, покинув дом, поступить на службу в торговую контору, по делам которой он в 19-летнем возрасте приехал в Россию. Вся самостоятельная жизнь его с этого момента связана с нашей страной.

Поселившись в Петербурге, Шмидт принялся настойчиво изучать русский язык, на котором он скоро уже мог говорить и писать. Через короткое время по делам фирмы он отправился к калмыкам, кочевавшим в степях меж Волгой и Доном. Проведя три года среди калмыков, Шмидт изучил их язык и близко познакомился с бытом этого народа.

В 1812 г., вернувшись в Петербург, он связывает свою судьбу с деятельностью Библейского общества, по поручению которого приступает к переводу на монгольский язык четырех книг Евангелия. Эта работа позволила ему вскоре оставить свои торговые дела и полностью переключиться на изучение восточных языков, а затем и на научную деятельность в области монголоведения и тибетологии.

Одной из первых научных работ Шмидта стала публикация перевода дипломатических писем ильханов (титул монгольских правителей Ирана из династии Хулагуидов). Эти грамоты были обнаружены в Парижском архиве французским синологом Абе-

лем Ремюза, переведены им и опубликованы. Выход в свет образцов древнего монгольского письма нашел широкий отклик во всей востоковедной печати того времени. Не обошел их своим вниманием и Шмидт. В 1824 г. он опубликовал на немецком языке исправленный перевод Ремюза; в 1825 г. был издан русский перевод писем с примечаниями Шмидта.

Крупным вкладом ученого в изучение монгольской истории и философии явилось издание в 1829 г. полного текста (с немецким переводом и обширным комментарием) монгольской летописи Саган-Сэцэна. Важным событием в истории монголоведения стали публикации первой в России грамматики монгольского языка (в 1831 г. на немецком языке, а в 1832 г. — на русском) и монгольско-немецко-русского словаря (1835) Шмидта. Появилась еще одна значительная его работа, содержащая перевод пекинской ксилографированной версии монгольского эпического сказания о Гэсэре (1839).

Оценивая вклад Шмидта в монголоведение, следует прежде всего учитывать, что он был первым, кто ввел изучение монгольской истории и филологии в число научных, академических дисциплин. Ему же принадлежат первые печатные грамматика и словарь монгольского языка. А его выбор для изучения и издания таких оригинальных сочинений монголов, как летопись Саган-Сэцэна и «Гэсэриада», оказался настолько удачен, что, сумев обратить внимание востоковедов на богатство письменной литературы монгольских народов. Шмидт во многом определил дальнейшее направление научных поисков последующих поколений монголоведов в России. Именно исторические летописи и эпическая «Гэсэриада» на протяжении долгого времени оставались (и остаются поныне) в числе излюбленных тем монголоведных исследований.

После смерти Шмидта монголоведение в Петербургской Академии наук замирает. Центр монгольских исследований переносится в Казанский университет, где уже более десяти лет существовала кафедра монгольского языка. Здесь необходимо сначала упомянуть о трудах по истории монголов, принадлежащих перу Никиты Яковлевича Бичурина.

Являясь, по существу, синологом, Бичурин первым в дореволюционный период развития востоковедения ввел в научный обиход китайские источники по истории монголов. Он подготовил и опубликовал четыре большие монографии, посвященные истории, этнографии и географии Монголии. О Монголии был его первый труд, появившийся в результате поездки по этой стране, после назначения Бичурина главой IX Российской духовной миссии, которую он возглавлял в течение 14 лет.

Готовясь к этой своей поездке, начавшейся в 1807 г., Бичурин, по его собственному выражению, восхищенный перспективой близкого знакомства с Монголией, пересечь которую ему предстояло, приготовился вести (и вел) дневники, с тем чтобы впоследствии составить подробное описание страны. Он высоко

оценивал сведения, полученные из личных наблюдений и из расспросов местного населения. Увлекшись, Бичурин принялся даже за изучение монгольского языка. Впрочем, вскоре по прибытии в Пекин оставил его и приступил к изучению китайского.

Однако мысль о монгольском, по-видимому, не покидала Бичурина: есть сведения о существовании подготовленного им русского перевода одного из монгольско-китайских словарей (который до нас не дошел). Первой опубликованной монголоведной работой Бичурина стали «Записки о Монголии» (1828) в двух томах, четырех частях.

Автор очень серьезно подошел к своей работе, на что указывает хотя бы то, что в основу книги положены дневники обратного путешествия из Китая в Россию, предпринятого им в 1821 г., и совершенно не использованы записи 1807 г., когда полное незнание монгольского языка приводило, по его собственному убеждению, «к поверхностным заключениям» о стране. Наряду со сведениями географического характера в данном труде содержится описание экономического состояния страны, общественного устройства и политического ее положения. Значительная часть «Записок о Монголии» посвящена истории монголов и их этногенезу, причем для исследования этих проблем Бичурин активно использовал китайские письменные источники, дающие обширные сведения о народах Центральной Азии, в том числе и о монголах.

Еще более широко китайские летописи были привлечены им при написании «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова» (1828). Названный труд представляет собой переводы извлечений из уже упоминавшихся китайских исторических сочинений «Юань-ши» и «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му». Из этих обширных летописей Бичурин выбрал лишь те сведения, которые относились к Чингис-хану, Угэдэю, Гуюку и Мункэ. За основу была взята летопись «Юань-ши», как более подробная и достоверная, и по необходимости сведения из нее дополнялись соответствующими отрывками из «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му». А поскольку китайские источники представляют собой расположенные в хронологическом порядке записи о жизни и деяниях указанных великих ханов Монгольской империи, то и публикация Бичурина дает обзор основных событий правления первых четырех монгольских ханов в той же последовательности.

В том же, 1829 г. из печати вышел еще один значительный труд Бичурина — «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии». Это — перевод из китайского историко-географического словаря «Си ю дун вэнь чжи», составленного в 1763 г. В 1834 г. увидело свет «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», подготовленное на основе китайских историографических трактатов. Обе работы тематически связаны, ибо содержат сведения по истории ойратов и географии западных областей Монголии.

Таковы основные труды Бичурина о монголах, доставившие новые интересные сведения об их историческом прошлом, и эти работы навсегда вписали имя ученого в историю не только отечественной китаистики, но и монголоведения. Книги Бичурина были высоко оценены современной ему востоковедной наукой. «Дорогими подарками для любителей и изыскателей географии и истории Азии» назвал их О. М. Ковалевский [28]. И это несомненно так.

Сделаем небольшое отступление, чтобы показать, как опыт обращения Бичурина к китайским письменным источникам для изучения истории монголов был продолжен и развит последующими поколениями российских синологов.

Прежде всего отметим труды Палладия Кафарова, благодаря которым перед востоковедами предстал целый ряд ценнейших памятников по истории монголов. Важнейший среди них — «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание монголов»), написанное в Монголии в 1240 г. Это сочинение дошло до нас в монгольском тексте, переданном китайской транскрипцией, а также в двух китайских переводах — подстрочном и переработанном, связном, хотя и несколько сокращенном. Этот последний был переведен Кафаровым на русский язык и издан в 1866 г.

Большую ценность для изучения истории монголов эпохи Чингис-хана представляют собой выполненные Кафаровым переводы с китайского следующих сочинений: «Си ю цзи» — «Описание путешествия даосского монаха Чан-Чуня на Запад» (1866); «Путевые записки китайца Чжа-дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII ст.» (1867); «Шэн-ву цин-чжэн-лу» — «Описание личных походов священновоинственного [Чингис-хана]» (1877).

Кафаров, так же как Бичурин, на протяжении ряда лет состоял членом Российской духовной миссии в Пекине и тоже вел подробные дневники во время своих путешествий по Монголии. Эти записки, в 1892 г. изданные под названием «Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.», могут и сегодня служить полезным пособием для изучения тогдашнего состояния страны, а также быта и хозяйственной деятельности населявших ее людей.

Упомянув о вкладе отечественных синологов в изучение Монголии и монголов, отметим еще, что им принадлежит и приоритет в исследовании монгольского права, кодифицированного в ряде так называемых «уложений». Первой публикацией (1828), посвященной этой теме, был перевод «Монгольского уложения Палаты внешних сношений Маньчжурской империи», выполненный с маньчжурского С. В. Липовцовым.

Оценивая участие русских китаеведов в публикации, переводе и исследовании китайских источников о монголах (прежде всего об их истории), необходимо признать, что почти все синологи XVIII и XIX вв. в той или иной мере занимались Монголией и монголами и лишь «в XX в. это положение резко изменя-

ется, внимание русских китаистов направляется почти исключительно на Китай» [29].

Кроме синологов существенный вклад в изучение истории монголов древнего периода внесли представители и других востоковедных наук. Прежде всего здесь нужно упомянуть опубликованные И. Н. Березиным тексты и переводы частей обширного труда государственного деятеля, врача и историка при дворе хулагуидских ханов Ирана Рашид ад-дина «Сборник летописей», первый том которого содержал подробную историю монголов. Это сочинение «представляло собою огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе» [30], и потому оно служило неоценимым источником для многих востоковедов-историков, в том числе и для историков Монголии, поскольку Рашид ад-дину, по словам видного советского монголоведа Б. Я. Владимирцова, «удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен» [31].

Однако вернемся к казанскому периоду в истории российского монголоведения. В стенах Казанского университета в 1833 г. была открыта первая в России кафедра монгольского языка. Это событие сыграло большую роль в истории не только монголоведения, но и востоковедения в целом. Действительно, в то время специальных кафедр восточных языков существовало еще очень немного и открытие каждой новой кафедры становилось значительным явлением в развитии востоковедных наук.

Новая кафедра выполняла функции не только учебного учреждения для подготовки специалистов-монголоведов, но и научного центра по изучению истории, культуры и языка хотя соседней, но все еще малоизвестной страны. Кафедра просуществовала 23 года, и за этот период была подготовлена плеяда ученых, составивших впоследствии гордость российской науки. Это, например, Василий Павлович Васильев, Алексей Александрович Бобровников, Константин Федорович Голстунский, Доржи Банзаров. В качестве преподавателей на кафедре работали А. В. Попов и Галсан Гомбоев, также оставившие заметный след в истории отечественного многоловедения.

Организатором и главой кафедры монгольского языка Казанского университета на протяжении всего периода ее существования был один из крупнейших монголоведов XIX в. — Осип Михайлович Ковалевский (1801—1878) [32].

Ковалевский, окончив в 1820 г. Виленский университет по отделению литературы и свободных искусств и получив степень кандидата философии, был назначен преподавателем латинского и польского языков в Виленскую гимназию. Кроме чтения лекций в гимназии он усиленно занимался и научной работой: почти за четыре года (1820—1824) им были опубликованы семь работ по античной литературе.

Казалось бы, жизнь молодого ученого складывалась вполне удачно. Однако произошли события, резко изменившие его судь-

бу. Дело в том, что, будучи еще студентом, Ковалевский стал членом общества филоматов (см. гл. 3). Это тайное общество привлекло столь пристальное внимание царского правительства, что была назначена специальная комиссия для расследования его деятельности. Все участники общества были арестованы, а затем высланы за пределы Литвы.

Так в 1824 г. Ковалевский оказался в Казани, где начался очень долгий, 38-летний период его жизни в ссылке. Все пришлось начинать с нуля. Вместо любимых занятий греческой и латинской филологией Ковалевский вынужден был снова поступить в университет, теперь уже в Казанский, и заняться изучением восточных языков. Он выбрал два языка — арабский и татарский. Прекрасные способности и необычайная работоспособность Ковалевского позволили ему за три года овладеть обоими языками настолько, что он вполне мог самостоятельно вести научные исследования в области татарской и чагатайской филологии. Однако судьба опять распорядилась иначе.

Ко времени окончания Ковалевским Казанского университета у руководства университета возникла мысль начать в нем преподавание еще одного восточного языка — монгольского. Но из-за отсутствия в то время специалистов по монгольскому языку, прежде чем открыть кафедру, решено было направить на три года в Бурятию для изучения языка двух человек из числа окончивших университет. Выбор пал на О. М. Ковалевского и А. В. Попова (см. гл. 3). В качестве преподавателя был выбран А. В. Игумнов, живший в то время в Иркутске и охотно согласившийся заниматься с ними монгольским языком.

Годы, проведенные в Бурятии, оказались весьма плодотворными для Ковалевского. Усовершенствовав свои знания в монгольском разговорном языке, он очень скоро осознал невозможность углубленных занятий языком без грамматик, словарей, вообще без достаточного количества пособий. Вскоре он приступает к составлению грамматики и монгольско-русского словаря.

За три с лишним года, отпущенных для овладения монгольским языком, Ковалевскому удалось посетить Монголию и Китай. Эти поездки оказались чрезвычайно полезными. Продолжая свои занятия монгольским, он в то же время приступил к изучению тибетского и маньчжурского языков. Особенно важно, что кроме языковых занятий Ковалевский большое внимание уделял в Пекине приобретению рукописей и ксилографических изданий на монгольском письме. Собранная им коллекция пекинских изданий, состоявшая преимущественно из буддийских сочинений и словарей, превратила библиотеку Казанского университета в одно из богатейших для своего времени хранилищ монгольской письменной литературы.

По возвращении в Казань в начале 1833 г. Ковалевский и Попов вскоре были вызваны в Петербург для проверки приобретенных знаний и для присвоения ученого звания. Провести экзамен было поручено акад. Шмидту, считавшемуся в то время

лучшим знатоком монгольского языка. Ковалевский представил на рассмотрение Академии наук две рукописи: «Краткую грамматику монгольского языка» и «Краткий монгольско-русский словарь». Обе работы получили отличный отзыв Шмидта.

Прибыв в конце 1833 г. в Казань, Ковалевский приступает непосредственно к организации новой кафедры. И тут опять возникает острая необходимость в учебных пособиях (грамматике, хрестоматии для чтения, словаре), отсутствие которых Ковалевский однажды уже испытал на себе в Иркутске при занятиях с Игумновым. С подготовки таких пособий, работа над которыми была начата еще в Забайкалье, Ковалевский начал свою деятельность на посту главы кафедры монгольского языка Казанского университета.

К решению этой трудной задачи он приступил с подготовки каталога рукописей и ксилографов, хранящихся в библиотеке университета, дав тем самым ключ к знакомству с письменной литературой монголов, что, по его мнению, было необходимым условием для успешных занятий в области монгольской филологии.

В 1834 г. Ковалевский опубликовал пересказ «Улигэрун далай» («Море притч»), одного из популярнейших у народов Центральной Азии сборников сказок и легенд. В следующем, 1835 г. вышла в свет его «Краткая грамматика монгольского языка». Через год появились два тома «Монгольской хрестоматии». Тогда же в «Ученых записках Казанского университета» начала печататься его «Буддийская космология», изданная позже отдельной книгой (см. ниже, примеч. 48). Эта работа Ковалевского и поныне остается единственной в своем роде книгой на русском языке, где очень ясно и подробно изложена система эсхатологических представлений буддистов.

Большим событием стало издание трехтомного «Монгольско-французско-русского словаря» (1844—1849), на подготовку которого, по признанию Ковалевского, он потратил 20 лет. Имевшийся уже к тому времени словарь Шмидта был слишком ограничен по лексическому материалу и не удовлетворял требованиям ученых-монголоведов.

Ковалевский в процессе работы над своим словарем использовал довольно обширный материал: различные ксилографированные словари, приобретенные им в поездках по Монголии и в Пекин, в том числе практически все пекинские издания тибето-монгольских словарей; буддийские сочинения на монгольском языке; эпическое сказание о Гэсэре; летопись Саган-Сэцэна; сборники официальных распоряжений маньчжурского правительства и ряд других письменных источников.

При издании словаря Ковалевский испытал и чисто технические трудности. Из-за отсутствия наборщика монгольского текста ему пришлось даже самому встать за наборную кассу. Труд Ковалевского был высоко оценен в академических научных кругах, в 1845 г. за первый том словаря, представленный комиссии

Академии наук, ему была присуждена Демидовская премия. Словарь этот по-прежнему остается одним из надежнейших пособий для востоковедов, чьи научные интересы лежат в области старописьменной монгольской словесности.

Ковалевский не оставлял словарной работы и позже, о чем свидетельствует его рукопись «Опыт монгольского корнеслова». В этом труде он попытался решить сложную проблему сравнительного языкознания, в том числе исследовать тюрко-монгольские языковые связи. Предполагалось, очевидно, сделать эту работу четвертым томом упомянутого выше словаря. Однако, не сумев изыскать средства на это издание, Ковалевский был вынужден отказаться от своего намерения.

Наряду с научной работой Ковалевский вел в университете курс истории монголов и истории монгольской литературы. В преподавательской работе он проявил те же основательность и последовательность, столь свойственные его научным изысканиям.

За короткий срок Ковалевский подготовил трехтомную «Историю монгольской литературы» и «Историю монголов», к сожалению так и оставшиеся в рукописном виде. Не были изданы и другие труды Ковалевского, такие, например, как «Сравнительная грамматика монголо-тюрко-финская», «Опыт монгольской семантики», «История Востока», «Введение в историю монголов».

Научно-преподавательскую работу Ковалевский сочетал с активной административной деятельностью. Кроме заведования кафедрой монгольского языка он в течение многих лет был деканом историко-филологического факультета. На протяжении пяти лет, начиная с 1855 г., он занимал должность ректора.

Успехи университетского монголоведения много способствовали введению преподавания монгольского языка и в других учебных заведениях Казани. Так, в 1833 г. монгольский язык был включен в программу 1-й Казанской гимназии, а с 1845 г. — Казанской духовной академии.

Преподавали там монгольский и калмыцкий языки А. В. Попов, автор первой «Грамматики калмыцкого языка» (1847), и А. А. Бобровников, составивший «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» (1848). Научные достоинства обеих работ высоко ценились последующими лингвистами-востоковедами.

В качестве преподавателей монгольского языка на кафедре в университете и в Казанской гимназии начинал свою научную деятельность выпускник Казанского университета бурят Галсан Гомбоев (1822—1863). Одновременно с преподаванием языка Гомбоев приступил тогда же и к исследовательской, преимущественно переводческой, работе. Его главные труды: «„Алтан-Тобчи“ — монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами» и «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини» [33].

С казанским периодом становления монголоведения в России связано имя первого бурятского ученого-этнографа — Дорджи (Доржи) Банзарова (ок. 1822—1855), оставившего заметный след в истории отечественного востоковедения. Сын забайкальского казака, он по окончании Троицко-Савской русско-монгольской школы был в 1836 г. принят в Казанскую гимназию. Окончив ее в 1842 г. с золотой медалью, Дорджи в том же году поступил на восточное отделение Казанского университета на кафедру монгольского языка.

Проявив незаурядные способности к языкам, Банзаров успешно изучал кроме основного, монгольского, еще и санскритский, китайский, маньчжурский и турецкий языки. Уже на IV курсе им были переведены с маньчжурского «Путешествие Тулишеня» и с ойратского — «Сказание об Убаши хун-тайджи». Оба перевода остались в виде рукописей.

Первой печатной работой Банзарова стала его диссертация «О черной вере или шаманстве у монголов», успешно защищенная им при окончании университета в 1846 г. и опубликованная в том же году в кн. 3 «Ученых записок Казанского университета». Выход книги в свет сразу принес заслуженную славу ее автору, ибо впервые в востоковедной литературе появился труд, убедительно показывающий на богатом и достоверном материале сущность шаманства как религиозной системы, столь обстоятельно выявивший специфичность этой веры и определивший происхождение ее.

Эта первая публикация Банзарова стала и единственной значительной работой ученого. Позже были изданы еще 13 его небольших статей, посвященных либо монгольским этимологиям (например, «О названии Эргенэ-хои», «О происхождении имени „Монгол“»), либо эпиграфике (перевод надписи на «Чингисовом камне»), но крупных монографических исследований более не появлялось из-под его пера [34]. Преждевременная смерть в 33-летнем возрасте, к сожалению, оборвала его столь успешно и многообещающе начатую научную деятельность.

Еще одним выпускником Казанского университета, с чьим именем связаны успехи начального периода развития научного монголоведения в России, был Василий Павлович Васильев. Посвятив большую часть жизни исследованию китайской литературы, он, однако, начинал свою научную карьеру как монголовед и на протяжении всей жизни неоднократно возвращался к проблемам монголоведения, в решение которых внес значительный и бесспорный вклад.

Поступив в 1834 г. в Казанский университет на восточное отделение филологического факультета, Васильев сразу стал изучать монгольский язык, которым овладел настолько хорошо, что, по свидетельству современников, мог говорить на нем как природный монгол. Одновременно Васильев приступил к изучению буддийской литературы на монгольском языке, многочисленные образцы которой были привезены Ковалевским. Занятия

эти шли успешно, и в 1837 г., по окончании университета, в качестве дипломной работы Васильев смог представить исследование «Дух буддийского сочинения Хутухту Дэгэду Алтан Гэрэлту Судур», а в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Об основах буддийской философии». Оба исследования остались неопубликованными.

Такая же судьба постигла две другие буддологические работы Васильева, в которых применены его монголоведные познания. Речь идет об обширной рукописи санскритско-тибетско-монгольского «Буддийского терминологического лексикона» и тетрадях с «Материалами для обзора буддийской догматической литературы по тибетским и монгольским источникам».

И вообще, говоря о трудах Васильева в области буддийской философии и терминологии, приходится только сожалеть о столь неудачно сложившейся судьбе его завершенных работ. У В. М. Алексеева читаем: «Васильев, потеряв всякую надежду напечатать свои многотомные и первоклассные материалы по исследованию буддизма, сложил их у себя в кабинете, а прислуга без ведома его употребила эти длинные листки на растопку печей. Глупая и страшная трагедия!» [35].

Помимо буддизма Васильев занимался историей монголов. Он успешно продолжал начатый Бичуриным труд по переводу и публикации китайских источников о монголах. Для исследования Васильев выбрал период с X по XIII в., т. е. тот отрезок времени, который был пропущен его именитым предшественником.

Первой опубликованной ученым монографией стала его «История и древности Восточной части Средней Азии» (1857), содержащая новые для европейских ученых сведения о киданях, чжурчжэнях и монголах. Эта работа включает обширные и ценные материалы, не утратившие своего научного значения и поныне.

Позже Васильев еще не раз обращал внимание на китайские источники по истории монголов. Появлялись его небольшие статьи, среди которых можно назвать «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1875), содержащую переводы из «Шен у цзи». Но крупных работ по истории монголов им более опубликовано не было. Большинство же трудов, подготовленных Васильевым к печати во второй период его жизни, связанный уже не с казанским, а петербургским востоковедением, возобновленным в 1855 г. (после закрытия кафедры монгольского языка в Казанском университете), посвящено было решению проблем китаеведения и тибетологии.

Сравнительно непродолжительный казанский этап в развитии научного монголоведения в России оказался очень важным для дальнейшей судьбы этой отрасли ориенталистики. За время существования монгольской кафедры в Казанском университете

были определены основные направления в изучении истории, культуры, литературы монгольских народов. Были созданы монгольские грамматики, хрестоматии, словари, столь необходимые для успешной подготовки специалистов в данной области востоковедных знаний. Само основание кафедры монгольского языка на открытом в августе 1855 г. факультете восточных языков в Петербургском университете было бы невозможно без преподавателей, прошедших подготовку в Казанском университете.

Первым преподавателем монгольского языка и заведующим кафедрой в Петербургском университете был назначен А. В. Попов, ординарный профессор монгольской словесности Казанского университета. Для практических занятий со студентами столичного университета был приглашен и Г. Гомбоев.

ИЗУЧЕНИЕ ТИБЕТА

Становление тибетоведения как научной дисциплины приходится на 20—40-е годы XIX в.

В России в конце XVIII — первой четверти XIX в. в Академию наук продолжали изредка поступать малочисленными группами тибетские рукописи и ксилографы. Позднее, с 1829 г., эти поступления стали регулярными и гораздо более многочисленными, что было связано с деятельностью Исаака Якоба (Якова Ивановича) Шмидта, принятого в Академию наук в качестве адъюнкта в этом же году, а позднее, в 1831-м, избранного ординарным академиком.

Ведя до 1820 г. активную коммерческую деятельность среди калмыков, а затем оставив коммерцию с целью всецело заняться изучением монгольского и тибетского языков с помощью буддистов, т. е. монгольских и тибетских лам (которые тогда встречались среди калмыков и бурят), Яков Иванович Шмидт освоил монгольский, тибетский языки и достаточно глубоко изучил значительное количество исторических, религиозных, литературных памятников на этих языках [36].

Благодаря активной научной деятельности Шмидта в Академии наук российское тибетоведение не только не уступало европейскому уровню развития этой науки, но в ряде случаев заметно опережало его. Ведущим представителем западноевропейского тибетоведения традиционно считают замечательного венгерского путешественника и ученого Александра Чома де Кёрёши (1790—1842), который уже в 1834 г. опубликовал первую действительно научную грамматику тибетского языка и первый большой тибетско-английский словарь [37].

Шмидт, несомненно, глубоко изучил эти две основополагающие работы венгерского ориенталиста, но в своей научной деятельности опирался часто на собственный оригинальный материал, добытый самостоятельными, весьма серьезными изысканиями в тибето-монголоязычных сочинениях, включая грамматики и словари.

В 1839 г., через пять лет после опубликования грамматики своего венгерского коллеги, И.-Я. Шмидт издал на русском и немецком языках собственную грамматику тибетского языка — труд весьма высокого качества, ценность которого не утрачена доныне [38].

Позднее, в 1841 и 1843 гг., Шмидт опубликовал тибетско-немецкий и тибетско-русский словари, значительные по объему и аналогичные по структуре [39]. Обе работы составили эпоху в тибетоведении и сохранили свою ценность (например, практическую пригодность) до сих пор, так как лексика их добыта путем росписи ряда важнейших текстов на тибетском языке, включая тибетско-монгольские словари. При этом ученый широко использовал те тибетские тексты, которые имели калмыцкие и монгольские переводы, что помогало определять истинные значения многих тибетских слов и выражений, которые отсутствовали в словаре венгерского ориенталиста.

В работе по составлению словарей Шмидту принадлежит ряд открытий; в частности, он впервые применил принцип расположения тибетских слов по основному корневому знаку, а не по первому знаку в написании, как это практиковалось до него. С тех пор этот принцип — единственный во всех последующих тибетско-иноязычных словарях.

Научная деятельность Шмидта отнюдь не была ограничена созданием грамматики и словарей. Еще ранее он глубоко интересовался вопросами происхождения тибетской письменности и сравнительного изучения сходства и различия тибетского и индийских языков. Следуя за тибетскими авторами, которые утверждали, что тибетскую письменность изобрел министр Тхонмисамбхота, посланный в северную Индию тибетским царем в первой половине VII в. исключительно для этого, Шмидт сумел весьма основательно показать четкое сходство очертаний знаков тибетского письма и так называемого североиндийского брахми. Таким образом, легендарному сообщению тибетских историков он дал серьезное научное обоснование, заметно не поколебленное до наших дней [40].

Круг интересов Шмидта как тибетоведа был достаточно широк, и по многим вопросам он сказал первое слово. Это касается, например, изучения истории и доктрины буддизма [41]. К числу его несомненных заслуг следует отнести и публикацию тибетского текста и перевода известного сборника «Дзанлун» («Мудрый и глупый») [42]. По просьбе Шмидта П. Л. Шиллинг организовал литографическое издание каталога Ганджур из монастыря Нартан, которое было первой публикацией такого рода, сыгравшей громадную роль в развитии русского и западноевропейского тибетоведения.

Значительная часть рукописей и ксилографов, входивших в середине XIX в. в тибетскую коллекцию Азиатского музея, вошла в каталог, составленный И.-Я. Шмидтом и О. Бётлингком (1815—1904) [43].

Говоря о тибетоведении, следует отдать должное и современнику Шмидта — китаисту Н. Я. Бичурину [44].

Многолетнее пребывание (1807—1821) в Китае в качестве главы IX духовной миссии в Пекине помогло Бичурину прекрасно овладеть не только живым разговорным китайским языком, но и языком старой (классической) китайской литературы. Главная научная заслуга его заключается в блестящем знании именно старых текстов, образцов китайской классики, в первую очередь исторических хроник и географических описаний.

Первая книга Бичурина, «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», которая вышла в Петербурге в 1828 г., была переводом китайского сочинения «Вэй-цзан ту-ши», где давалось подробное историко-географическое описание Тибета. Интерес в Европе к работам русских востоковедов о Тибете был столь велик, что Клапрот сразу перевел книгу Бичурина на французский язык; она была издана в Париже в 1831 г. [45].

Географическое описание Тибета Бичурин вскоре дополнил книгой, в которой собрал переводы глав, посвященных истории Тибета и извлеченных из средневековых китайских исторических хроник [46].

Н. Я. Бичурин получил свои блестящие знания и сформировался как востоковед в Пекине. Уже по этой причине роль духовных миссий в истории русского тибетоведения следует оценить высоко. Однако надо сказать и о других знатоках тибетского языка, которые обучались ему, находясь в Пекине также в составе русских духовных миссий.

Одним из них следует признать Дмитрия Семеновича Честного (в монашестве — о. Аввакум; 1801—1866), выпускника Петербургской духовной академии и члена XI духовной миссии. Во время своего пребывания в Пекине (1830—1840) он хорошо освоил маньчжурский, китайский, монгольский и тибетский языки. В. П. Васильев высоко оценивал Честного как человека и как «знатока восточной учености». Занятия тибетским языком и литературой привели к тому, что Честной составил одну из первых грамматик этого языка, а также небольшой каталог тибетских сочинений, из которых к тому же перевел несколько отрывков [47].

Интересно, что тибетский язык постоянно был предметом изучения членов духовных миссий в Пекине в первой половине XIX в. Для этого здесь была достаточно благоприятная атмосфера. Правда, финансовые возможности миссий были весьма ограниченны. Тем не менее участники миссий временами (вспомним В. П. Васильева, Палладия Кафарова) достигали весьма значительных результатов в этом деле. Примером может служить и о. Аввакум.

Рассматривая историю тибетоведения в России, нельзя не учитывать работы русских монголоведов о буддизме, точнее — о ламаизме, который был общей религией Тибета и Монголии. В Монголию буддизм пришел из Тибета вместе с обширной религиозно-философской литературой на тибетском языке. Поэто-

му многие сочинения на монгольском языке являются переводом с тибетского.

По этой причине исследования, посвященные буддизму в Монголии, не могут не иметь часто самого непосредственного отношения к буддизму тибетскому, к кругу самых различных тибетских сочинений, т. е. в конечном счете к тибетоведению.

К числу таких важных и ценных работ по буддизму следует отнести «Буддийскую космологию» О. М. Ковалевского [48]. Этот труд вызвал большой интерес не только у специалистов, но и у широких кругов русских читателей. Высоко ценил его ученик Ковалевского В. П. Васильев, а декабрист М. А. Бестужев составил подробный конспект этой книги [49].

Неизданными, к сожалению, остались «История буддизма», «Исследования в области буддийской хронологии», «Биография Джонкавы — реформатора буддизма в Тибете», «Биография Джоя-Пандиты» и «Биография Далай-лам Тибетских» [50]. Уже из названий отчетливо видна большая научная ценность для тибетоведения того времени этих неопубликованных трудов. Вполне вероятно, что три названные биографии написаны на основе тибетских (или тибетоязычных) источников, переведенных на монгольский язык. Издание этих работ в свое время могло бы ускорить развитие отечественного и западноевропейского тибетоведения. Надо сказать, что их судьба остается неизвестной. Возможно, они погибли еще в 1863 г. вместе со всем имуществом О. М. Ковалевского в Варшаве, куда ученый переехал в 1862 г., получив долгожданную возможность вернуться на родину [51].

Научная деятельность Я. И. Шмидта, Н. Я. Бичурина и О. М. Ковалевского не только выдвинула тибетоведение, монголистику и буддологию России на передовые позиции в европейской науке, но и заложила прочный фундамент для их последующего развития.

Новых важных рубежей и еще более значительных высот российское тибетоведение достигло в работах В. П. Васильева, А. А. Шифнера, недолго прожившего В. В. Горского.

Владимир Васильевич Горский (1819—1847), до поездки в Китай учившийся в Петербургской духовной академии, находился в Пекине в качестве студента миссии одновременно с В. П. Васильевым. Горский с большим успехом изучал в Китае маньчжурский, китайский, тибетский и монгольский языки. Хорошее знание этих языков позволило ему вести серьезную научную работу в нескольких направлениях. Как и Васильева, Горского прежде всего интересовал северный буддизм (махаяна). Если Васильев работал над созданием буддийского терминологического словаря, используя в качестве источника для комментирования терминов и понятий ряд тибетоязычных религиозно-философских трактатов, то Горский посвятил себя переводу важного сочинения на тибетском языке. Часть этого перевода долго хранилась в архиве Васильева [52]. Как можно судить по

тому, что осталось от этого перевода, Горский переводил сочинение «Сидданта» второго Джанджа-хутухты, весьма важный источник по истории буддийских и необуддийских школ и направлений, который, в свою очередь, послужил одним из источников «Обозрения буддийской литературы по школам» Васильева, хранящегося в его архиве.

Если бы этот перевод был завершен и издан Горским тогда же, примерно 150 лет назад, то тибетоведение продвинулось бы вперед гораздо в большей степени, чем это имеет место сегодня. Ни названный трактат, ни аналогичное произведение первого Джамджан-шадпы до сих пор не переведены с тибетского языка, что не способствует развитию тибетоведения и буддологии. Вероятно, такого рода работа оказалась не по силам всем тем тибетологам в мире, которые были после В. П. Васильева и В. В. Горского. То же можно сказать и о современных ученых.

И с этой точки зрения нельзя не испытывать чувства восхищения и большого уважения перед глубиной понимания и четкостью выделения ряда главных и определяющих задач тибетоведения и буддологии, проявленными В. П. Васильевым и В. В. Горским. Тем более что оба не только выделили это главное и наиболее существенное, но многое успели сделать на пути практического решения очень важных научных проблем.

Современником В. П. Васильева был также акад. Антон Антонович Шифнер (1817—1879), которого следует считать первым российским тибетологом, изучившим тибетский язык и тибетскую литературу (в первую очередь каноническую) исключительно благодаря постоянному самообразованию, длительной и упорной работе с письменными текстами. Многое из того, что он сделал в этой отрасли востоковедения, сохранило научное значение до наших дней.

Изучение тибетского языка Шифнер первым в России поставил на научную основу. Если Шмидт в своей грамматике описывал тибетский язык в целом, преследуя скорее практические цели, чем научные, т. е. создал учебное пособие, а не научное исследование (конечно, и это было очень крупным достижением не только в российском тибетоведении), то Шифнер совершил следующий важный шаг, перейдя к детальному научному анализу (с позиций современного ему языкознания) отдельных языковых явлений.

Шифнер одним из первых приступил к научному изучению фонетики и морфологии тибетского языка. Его заслугой следует считать описание ряда фонетических явлений этого языка, в первую очередь — вокализма и консонантизма. Исследуя морфологическую структуру тибетского слова, он впервые начал анализировать грамматические функции префиксов, высказав ряд интересных предположений об их происхождении, которые сохраняют свое научное значение и поныне [53]. В свете современных ему взглядов Шифнер исследовал различные функции тибетских частиц в качестве грамматических формантов [54].

В 1859 г. ученый издал буддийский санскритско-тибетско-монгольский словарь, который оказывал заметную помощь в изучении религиозно-философской литературы Тибета и Монголии [55].

К числу заслуг Шифнера следует добавить его глубокий интерес к тибетскому буддийскому канону, в первую очередь к сочинениям грамматическим, медицинским и трактатам по логике [56]. Ему принадлежит и первое исследование индийских сказочных сюжетов в буддийской литературе на тибетском языке, входящей в состав буддийского канона, переведенного с санскрита — языка литературы древней Индии [57]. Он занимался также вопросами развития ряда других сюжетов в буддийской канонической литературе [58].

Серьезной научной работой Шифнера следует признать биографию Будды (Шакьямуни), написанную с использованием тибетских источников [59].

Глубокий интерес ученого к тибетоязычной канонической литературе выразился в переводе на немецкий язык одной из сутр Ганджура, представляющей собой основной раздел буддийского канона на тибетском языке [60].

Наконец, Шифнеру принадлежит немецкий перевод «Истории буддизма в Индии» тибетского автора Таранатхи (род. 1575), который вышел в свет одновременно с русским переводом В. П. Васильева [61]. Шифнер был знаком с переводом Васильева и тем самым в определенной степени облегчил свою задачу. Известно также, что Шифнер оказал определенную помощь Васильеву в продвижении издания его русского перевода «Истории буддизма в Индии» [62].

Несомненно, научная деятельность акад. А. А. Шифнера была заметным вкладом в русское и европейское тибетоведение. Кроме того, следует сказать, что Шифнер активно содействовал увеличению числа новых поступлений в собрание тибетских рукописей и ксилографов Азиатского музея Академии наук.

Н. Я. БИЧУРИН

Активизация в 20—40-е годы XIX в. исследований по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока в значительной мере связана с научной деятельностью выдающегося китаеведа Никиты Яковлевича Бичурина, более известного современникам под монашеским именем Иакинф. Его многочисленные статьи, книги и рецензии, основанные на глубоком знании источников на китайском языке, снискали ему славу первого синолога своего времени.

Бичурин (настоящая фамилия — Пичуринский) родился в селе Акулово Свияжской округи (позднее Чебоксарского уезда Казанской губернии) в семье дьякона 29 августа 1777 г. (здесь и далее даты даны по старому стилю). С основами грамоты по-

знакомился в училище нотного пения в Свияжске; дальнейшее образование получил в Казанской духовной семинарии. По окончании учебы в 1799 г. был оставлен учителем в семинарии, где в 1800—1802 гг. преподавал грамматику и риторику.

Безрадостное детство, неопределенное будущее, а возможно, и безответная любовь побудили 22-летнего юношу 18 июля 1800 г. принять монашество, а вместе с ним новое имя — Иакинф. 20 июня 1802 г. Иакинф был возведен в сан архимандрита и вскоре назначен настоятелем Вознесенского монастыря близ Иркутска. По прибытии на новое место службы он одновременно становится ректором Иркутской духовной семинарии. Когда было обнаружено, что под видом послушника в Вознесенском монастыре у Бичурина находится бывшая крепостная, приехавшая с ним из Казани, он был отстранен от занимаемых должностей и переведен в Тобольск учителем семинарии [63].

Казалось, столь блестяще начатой карьере Н. Я. Бичурина пришел конец. Однако пребывание в Тобольске, куда он приехал весной 1806 г., было недолгим. Благодаря знакомству в Иркутске с графом Ю. А. Головкиным, направлявшимся с посольством в Китай в 1805 г., о. Иакинф 5 марта 1807 г. был назначен главой нового состава Российской духовной миссии в Пекине и 10 января 1808 г., пройдя со своими спутниками степи Монголии, прибыл в столицу цинского Китая.

Овладев основами китайского языка и занявшись, согласно инструкции Синода, переводами на китайский язык христианских богослужебных книг, Бичурин вскоре охладел к миссионерской деятельности и целиком посвятил себя научным занятиям. 14 августа 1810 г. он писал директору кяхтинской таможни Н. Д. Вонифатьеву: «Не хваля себя, могу сказать, что живу здесь единственно для отечества, а не для себя. Иначе в два года не мог бы и выучиться так говорить по-китайски, как ныне говорю» [64].

Длительное пребывание в цинской столице позволило Бичурину не только преодолеть многочисленные трудности в изучении вэньяня — письменного китайского языка, выработать навыки работы с китайской классической литературой, но и хорошо разобраться в политических событиях, происходивших в Цинской империи. Когда в октябре 1813 г. в Пекине вспыхнуло восстание против чужеземной маньчжурской династии Цин, организованное тайной религиозной сектой «Тяньлицзяо» («Учение Небесного разума»), молодой ученый, как очевидец событий, составил подробное их описание, дополнив свой очерк краткими сведениями из китайских источников, раскрывающих раннюю деятельность религиозных сект в Китае и их роль в политической жизни страны. Это описание, завершенное в мае 1814 г. (после жестокого подавления восстания местными властями), впоследствии, в 1819 г., было опубликовано в одном петербургском журнале и явилось, по существу, первой печатной научной публикацией Бичурина [65].

Переводы китайских исторических, географических и философских произведений настолько поглотили молодого ученого, что он в 1816 г. подал в Синод просьбу оставить его еще на один десятилетний срок в Пекине для завершения трудов по истории, географии и философии Китая. Сообщая об этом иркутскому губернатору Н. И. Трескину, Бичурин писал: «У меня не достает ни суммы, ни времени. Я перевожу китайскую историю, которая требует очень много посторонних справок. Сверх сего занимаюсь географиею, как древнею, так и новейшею, Китая, Монголии, Зенгории [Джунгарии], Могули, или Малой Бухары [Восточного Туркестана], Тибета... Ныне исполнилось четыре года, как один живописец пишет у меня ландкарты. План Пекина, вновь снятый, занял его более года» [66].

К концу 13-летнего пребывания в цинской столице Бичуриным были переведены сводная история Китая «Цзы-чжи тунцзянь ган-му», географическое описание Цинской империи «Да Цин и тун-чжи», различные сочинения о Монголии, Тибете и Восточном Туркестане.

После приезда в Петербург в январе 1822 г. Бичурин был обвинен в нерадивом исполнении миссионерских обязанностей, предан церковному суду, лишен сана архимандрита и простым монахом навечно сослан в Валаамский монастырь на Ладожском озере [67]. Лишь через три года и два месяца по ходатайству друзей, служивших в МИДе (П. Л. Шиллинга, Е. Ф. Тимковского), русскому востоковеду было разрешено поселиться в Петербурге в Александро-Невской лавре. В соответствии с решением царя по докладу министра иностранных дел К. В. Нессельроде Бичурин был причислен к Азиатскому департаменту МИД для перевода официальных бумаг, приходивших из цинской столицы. С июня 1827 г. ему помимо ежегодного жалованья в размере 1,2 тыс. руб. стали выдавать дополнительно по 300 руб. в год на бумагу и другие письменные принадлежности, необходимые для научной работы.

О необычайной активности ученого в этот период свидетельствуют многочисленные статьи, критические обзоры, заметки и переводы (в том числе с французского языка) в периодических изданиях Петербурга и Москвы. Среди первых статей Бичурина, вышедших в свет после его возвращения из ссылки, следует назвать: «Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая», а также и «Разные известия о Китае» (Северный архив. 1827, № 19—21; 1828, № 2), «Ежедневные упражнения китайского государя» (Московский вестник. 1828, № 1).

Эти статьи сразу привлекли внимание литературных критиков, которые отмечали обстоятельный характер суждений русского востоковеда о Китае и исчерпывающую полноту сообщаемых им сведений об этой стране. Автор рецензии, написанной в связи с появлением брошюры Бичурина «Ответы на вопросы...», отмечал: «Имя отца Иакинфа, жившего много лет в Китае, пре-

восходно знающего Китай, язык и литературу китайскую, уже известно просвещенным читателям. В „Северном архиве" помещено было несколько его статей о Китае. Сии статьи, а между ними особенно дополнения к ответам г-на Крузенштерна, должны почесть истинными драгоценностями». Говоря об огромной «несоразмерности в чтении книг легких и книг касательно различных наук и знаний» в России, автор рецензии полагал, что такими трудами, как статьи Бичурина, можно приобщить широкие слои русских читателей к чтению научной литературы. Приветствуя первые шаги русского востоковеда в распространении точных знаний о Китае, рецензент выражал ему благодарность за то, что он решился издавать свои сочинения о Китае, «следственно, употребить для пользы наук и чести отечества необыкновенные сведения свои о стране замечательной, мало известной и доныне по большей части дурно и неверно описываемой»[68].

Как говорилось выше, в 1828 г. вышли в свет две книги Н. Я. Бичурина: «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» и «Записки о Монголии». Основанные на китайских источниках, а также личных наблюдениях, они были тепло встречены русской литературной критикой.

«Описание Тибета» представляет собой перевод китайского историко-географического сочинения «Вэй-цзан ту-ши» с предисловием, написанным в 57 году правления Цянь-луна (1792) Лу Хуа-чжу. Построенное на разнообразных сведениях, взятых из различных источников, сочинение содержало богатую информацию о регионе, к которому во второй половине XVIII в. было приковано внимание цинского Китая, стремившегося усилить там свой политический контроль.

Принимая во внимание слабую изученность Тибета не только в России, но и в Западной Европе, известный литератор и востоковед О. И. Сенковский в рецензии, опубликованной в «Северной пчеле» (№ 72, с. 75—78), подчеркивал, что труд Бичурина делает честь не только русской, но и мировой литературе. При этом рецензент выражал надежду на издание Бичуриным новых материалов по истории и географии Азии, извлекаемых им из многотрудных китайских источников «с толиким тщанием и разборчивостию».

Важным шагом в становлении Бичурина как монголоведа явилась книга «Записки о Монголии». В основу ее легли как материалы личных наблюдений, так и сведения из китайских источников. О том, как произошло знакомство будущего ученого с Монголией, можно узнать из предисловия к книге. Получив в 1807 г. указ о назначении главой IX Российской духовной миссии в Пекине и желая как можно ближе познакомиться с Монголией и Китаем, куда он отправлялся впервые, Бичурин решил записывать все увиденное и услышанное им во время путешествия. «Согласно предначертанному плану,— рассказывал он,— был составлен мною дневник путешествия в Пекин, но по прошествии нескольких лет, когда я получил уже небольшое сведение в ки-

тайском языке, открыл много погрешностей в сих записках, по сему принужден был исключить замечания, основанные на известиях, не весьма верных, или на предположениях, весьма смелых... В продолжении последних 8 лет моего пребывания в Пекине я приобрел о Монголии довольно сведений, почерпнутых частию из истории китайской, частично из обращения с коренными жителями той страны. Сие самое и побудило меня оставить мой дневник, а вместо онаго по возвращении в Россию изложить означенные сведения в виде сих кратких записок» [69].

Первая часть труда Бичурина о современной Монголии представляла собой подробный дневник его путешествия из Пекина в Кяхту (с 15 мая до 1 августа 1821 г.); во второй — приводились сведения об административном и политическом устройстве этой страны, этническом и социальном составе ее населения, занятиях монголов и роли ламаистского духовенства; третья часть содержала краткий очерк истории монгольского народа, а четвертая — вопросы обычного права и законодательства.

Китайские источники были использованы при написании второй части и особенно — третьей и четвертой. Наиболее сложной оказалась третья часть, поскольку «надлежало прежде составить пространную историю сего народа, дабы, получив ясное и полное сведение о событиях, основательнее изложить оную в сокращенном виде» [70]. С этой целью Бичурин на основе китайских источников, преимущественно «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му», написал «Историю народа монгольского с древнейших времен до 1635 г.» [71]. Судя по архивным данным, первая часть «Записок о Монголии» была подготовлена в Пекине, а вторая — в Валаамском монастыре. Что касается четвертой части, то в ней автор широко использовал материалы из «Лифаньюань цзэ-ли» («Уложения Палаты внешних сношений»), составленного в 1789 г. В этой публикации нашли отражение законодательные акты цинского правительства, принятые им преимущественно после захвата маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства и владений ходжей в Кашгарии в 50-х годах XVIII в. Наибольшее количество правовых актов касалось и Монголии, включенной в состав Цинской империи в 1691 г.

Бичурин включил перевод нескольких статей из «Лифаньюань цзэ-ли» в свою книгу о Монголии. Несмотря на некоторые погрешности, перевод Бичурина давал довольно полное представление о законодательстве Китая относительно Монголии.

В апреле 1828 г. рукопись новой книги Бичурина «Записки о Монголии» была направлена Азиатским департаментом в цензурный комитет, а в октябре опубликована. Почти одновременно с этим стали известны ее отдельные фрагменты. Так, в «Русском зрителе» появились пространные выдержки из этого труда в виде двух статей: первая — «Язык, племена, народонаселение, классы народа в Монголии», вторая — «Образ правления, управление, доходы князей и тайцзиев в Монголии» [72]. «Московский вестник» сначала напечатал статью «Разрешение вопроса:

кто таковы были татары XIII века?», а затем — «О древнем и нынешнем богослужении монголов» [73].

Новая книга Бичурина вызвала большой интерес в читательских и литературных кругах. Уже в октябре Азиатским департаментом были получены положительные отзывы от многих влиятельных лиц, которые смогли ознакомиться с ней раньше широкой публики. В письме к директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину от 28 октября 1828 г. Д. Н. Блудов, в частности, сообщал: «Спешу изъявить Вам, милостивый государь, мою покорнейшую благодарность за доставление мне случая познакомиться с учеными трудами нашего бывшего пекинского миссионера, худого монаха, как сказывают, но хорошего наблюдателя и изыскателя» [74].

Принимая во внимание достаточную полноту и новизну сведений, заключенных в первых двух книгах Бичурина, Российская Академия наук 17 декабря 1828 г. избрала его своим членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока [75]. Это событие еще более укрепило решимость Бичурина целиком посвятить себя служению отечественной науке. 25 мая 1829 г. он писал непременному секретарю Академии наук П. Н. Фусу: «В прошедшем апреле месяце я имел счастье получить диплом Российской Имп. Академии Наук на звание ее корреспондента. Таковое внимание, обращенное ею на мои занятия в китайской литературе, показало мне цену моих трудов. В сем отношении, приемля выбор ее лестным для меня одобрением, я потщусь деятельным продолжением занятий по сей части показать себя достойным ее сочленом. Приложенный у сего план Пекина... с описанием сей столицы на двух языках — российском и французском — прошу Вас, милостивый государь, представить Академии залогом такого моего обета» [76].

К первым книгам Бичурина проявила интерес не только Академия наук, но и широкая российская общественность. О творческом подъеме ученого в тот период свидетельствуют многие современники. Так, в дневниковой записи иркутского купца-библиофила В. Н. Баснина, посетившего с двумя своими земляками русского китаеведа в Петербурге 12 ноября 1828 г., сообщалось: «Мимоходом мы посетили келью известного Иакинфа, бывшего пекинского архимандрита, и, к щастию, на сию пору нашли его дома. Он принял нас ласково... Уединенный кабинет его украшен картою Китайского государства. Библиотеку составляют большею частью китайские книги, и теперь он со свойственными ему деятельностью и познаниями неутомимо занимается изданием разных сочинений и переводов — все касательно Китая, Монголии и других мало известных стран... Как приятно... что Иакинф, сей европейский феномен в наилучшем знании китайского языка, раскрыл, наконец, магазейн долговременных своих наблюдений» [77].

Значительным событием в русском и мировом востоковедении явилась «История первых четырех ханов из дома Чингисова»

Бичурина. Впервые в синологической литературе был представлен полный перевод из раздела «Бэнь-цзи» («Основные анналы»), «Юань-ши», кратких биографий Чингис-хана (1206—1227), Угэдэя (1229—1241), Гуюка (1246—1248) и Мункэ (1251—1259), а также летописей их правления, включая период междуцарствия (1242—1245), когда власть была в руках Торэгэнэ — жены Угэдэя. Краткие сообщения «Бэнь-цзи» Бичурин дополнил обширными ценными сведениями из сводного труда по истории Китая «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му».

Издание Н. Я. Бичуриным в 1829 г. перевода китайской энциклопедии «Сань-цзы-цзин» («Троесловие»), написанной стихами, с параллельным китайским текстом, а также активное сотрудничество в петербургских и московских журналах позволили русскому востоковеду познакомиться со многими известными литераторами, в том числе с представителями прогрессивных кругов русского общества. Известно его знакомство с А. С. Пушкиным, который высоко ценил ученого и посильно содействовал пропаганде его трудов. Бичурин охотно посещал литературные субботы В. Ф. Одоевского, где обсуждались и злободневные общественно-политические темы. М. П. Погодин в 1869 г. так вспоминал об этих субботах: «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге (с 1826 г.— *Авт.*)... открылись у него вечера, однажды в неделю... Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец-барон Шиллинг... и живая миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь...» [78]. И. И. Панаев так описывал Н. Я. Бичурина на собраниях литераторов у В. Ф. Одоевского: он обычно снимал в кабинете князя свою верхнюю одежду, оставаясь в подряснике, имевшего вид семинарского сюртука, и начинал ораторствовать о Китае [79].

В 1831 г. в качестве помощника П. Л. Шиллинга, командированного в Восточную Сибирь для ознакомления с русско-китайской торговлей и отыскания монгольских и тибетских книг по истории буддизма, Н. Я. Бичурин отправился в Кяхту, где для детей кяхтинских купцов и мещан организовал школу с целью обучения их китайскому языку (см. выше, гл. 4). Во время поездок с Шиллингом по Забайкалью он встретился с декабристом Н. А. Бестужевым, который подарил ему четки, сделанные из кандалов, и акварелью написал его портрет. На обратном пути в Петербург Бичурин по поручению заболевшего Шиллинга совершил путешествие из Томска (через Змеиногорск) в Семипалатинск, а оттуда — через Оренбург в Казань. В Москве в его честь был устроен обед, на котором присутствовали многие известные писатели и ученые. За обедом, писалось в московской газете «Молва» (1832, № 22), прозвучал тост «за ученых, которые покоряют Китай русской литературе со всеми его окруж-

ными странами и вступают в благородное соревнование с Европой на высоком поприще науки». «Действительно,— заключал автор газетной статьи,— благодаря неутомимым трудам о. Иакинфа мы теперь смело можем надеяться, что... узнаем Китай, эту неразрешимую доселе загадку истории, психологии и политики».

Известие о возвращении Бичурина в Петербург было с энтузиазмом встречено передовой русской интеллигенцией, проявлявшей интерес к изучению Востока. Н. И. Любимов, служивший в Азиатском департаменте и близко знавший А. С. Пушкина, 9 апреля 1832 г. писал М. П. Погодину: «Вы, верно, уже знаете о приезде к нам... и Шиллинга и о. Иакинфа... Любопытного — куча. Всю Европу обогатим чудными сведениями» [80]. Вслед за этим последовала целая серия статей и книг русского востоковеда по различным вопросам географии, истории и этнографии народов Центральной Азии.

В 1833 г. при содействии Академии наук была опубликована «История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. по 1227 г. по Р. Х.» Бичурина, подготовленная им в период пребывания в Кяхте. Несмотря на благожелательный отзыв акад. Шмидта, опубликованный в 1831 г. [81], а также ценную многообразную научную информацию, эта книга, по замечанию известного китаеведа 60—70-х годов XIX в. К. А. Скачкова, «осталась для его современников почти не замеченной» [82].

Впрочем, О. И. Сенковский в своей рецензии утверждал, что «это очень хорошая книга» и что «она будет в большой моде, по крайней мере у гг. ориенталистов». В этой рецензии содержались и критические замечания, которые сводились к тому, что автор книги дал исторические сведения, в том числе сказания и легенды, «в сырце, без всякой обработки», без «строгой исторической критики». Возражая против «слишком великолепного заглавия» книги, в которой, по мнению Сенковского, были представлены лишь «материалы к истории сношений с Тибетом и Хухунором», рецензент утверждал: «В нынешнем ее виде история Тибета и Хухунора есть только безжизненная, сухая и во многих местах разорванная плетеница бесчисленных фактов». Довольно резкий тон критика лишь отчасти компенсировался пожеланием «побудить почтенного автора к предприятию перевода этой „истории“ на французский язык... под личным своим надзором и к усовершенствованию ее собственною рукою» [83].

В 1834 г. вышла новая книга Бичурина — «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени». Ее отдельные фрагменты появились уже в 1833 г. — сначала в «С.-Петербургских ведомостях», а затем в «Журнале Министерства внутренних дел». Еще до издания книги о. Иакинф предоставил А. С. Пушкину, работавшему над историей восстания Пугачева, свои материалы об ойратах, бежавших сначала из Джунгарии на Волгу, а затем, в 1771 г., ушедших с Волги назад в Джунгарию. Касаясь последнего эпизода истории

ойратов (калмыков), Пушкин особо отмечал: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком. С благодарностию помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках...» [84].

Новый труд Бичурина был положительно оценен русской критикой, причем московская «Молва» (1834, № 46) так характеризовала ученого: «Трудолюбивый о. Иакинф не перестает разрабатывать обширные поля, на которых у нас не только не имеет соперников, но даже людей, которые могли бы ценить его заслуги, любоваться, гордиться ими». Ценный характер сведений, представленных в этой книге, побудил Академию наук присудить ее автору Демидовскую премию.

Вторая поездка о. Иакинфа в Кяхту, в 1835 г., с целью организации там нового учебного заведения по подготовке китаистов ознаменовалась успехами не только в преподавательской, но и в научной деятельности. В течение двухлетнего пребывания там он перевел многотомный свод законов Цинской империи «Да Цин хуэй-дянь», изданный в Пекине на китайском языке в 1821 г. Подготовив статью с краткими статистическими сведениями о Китае, взятыми из этого свода, он в августе 1837 г. посылает ее в Российскую Академию наук. Общее собрание Академии в октябре того же года постановило опубликовать эту работу в газетах. При этом было дано указание о ее переводе на французский язык для издания в академическом бюллетене. Пока статью, полученную из Кяхты, готовили к публикации в академическом издании, она вышла в октябрьской книжке ЖМНП под названием «Статистические сведения о Китае, сообщенные Имп. Академии Наук членом-корреспондентом ее, монахом Иакинфом» [85]. Реакция на нее была оперативной. Уже в декабре 1837 г. «Северная пчела» поместила ее краткое изложение со ссылкой на первую публикацию в ЖМНП [86].

Удачный дебют побудил российского китаеведа, вернувшегося в январе 1838 г. в Петербург, к изданию новых извлечений из своего перевода. В «Сыне отечества» (1838, т. 2) появились «Отрывки из энциклопедического описания Китая, составленного Иакинфом», затем была опубликована большая статья «Взгляд на просвещение в Китае», в основу которой легли сведения цинского свода об экзаменационной системе.

К концу 1840 г. Бичурин на основе ранее изданных статей и новых извлечений из цинского свода подготовил книгу «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». Ее выход в свет был положительно воспринят русской критикой, хотя некоторые рецензенты упрекали автора в пристрастном отношении к Китаю. На это, в частности, указывал Сенковский. В рецензии, опубликованной в декабре 1841 г. в журнале «Библиотека для чтения», он объяснял это следующим образом: «Пристрастие нашего синолога ко всему китайскому, конечно, основывается на весьма

благородных побуждениях, и свойственного ученым увлечения своим специальным предметом, и дружбы к народу, среди которого провел он лучшие лета своей жизни».

В связи с тем что в ряде случаев рецензенты пытались поставить под сомнение некоторые положения и факты в новой книге Бичурина, последний предложил Академии наук запросить мнение у специалистов-китаеведов. Однако этим предложением она воспользовалась лишь после выхода в свет нового труда Иакинфа — «Статистическое описание Китайской империи», основу которого составили материалы цинского свода законов и отчасти «Да Цин и тун-чжи». В связи с выдвижением этой работы на соискание Демидовской премии Академия наук обратилась в Казанский университет с просьбой сообщить о ней свое мнение. Д. П. Сивиллов, преподававший в университете китайский язык, дал новому сочинению Бичурина самую высокую оценку. В его отзыве от 23 февраля 1843 г. отмечалось, что «из всех сочинений о Китае и переводов с китайского на русский, какие сделаны были доселе тем же автором», данное «есть наилучшее и исправнейшее». Сивиллов подчеркивал, что книгой Бичурина «как пробным камнем можно поверить многие сочинения» о Китае и сопредельных с ним странах, особенно труды путешественников. «Дипломаты и юристы,— указывал он,— из сей книги могут извлечь многие полезные сведения для своих соображений, а географы и историки могут иметь ее для себя хорошим руководством» [87].

Всемерно способствуя распространению в России достоверных научных знаний о Китае и других странах Востока, Бичурин решительно выступал против поверхностных суждений, даже если они были основаны на личных впечатлениях. В связи с этим русский ученый советовал осторожно пользоваться журнальной критикой, особенно зарубежной. «Ныне,— указывал он,— пишут критики с различною целью, и нередко такие люди, которые несовершенно знают обсуждаемый предмет, а поэтому часто и самая критика их по большей части ошибочна. О „Путешествиях и новейших наблюдениях в Китае“ г. Добеля все периодические издания в Англии, Франции и Германии, разбиравшие оное, отозвались с отличной похвалой... При полном моем уважении к г. Добелю я советую читать его путешествия только для препровождения времени...» [88].

Бичурин впервые в русской и мировой науке поставил вопрос о самобытности китайской культуры, отбросив модные тогда на Западе теории египетского и вавилонского происхождения китайцев и их цивилизации. Своими работами, основанными на конкретном материале, он немало способствовал распространению достоверных научных знаний о народах Китая, Монголии и других стран Азиатского континента не только в России, но и в Западной Европе, где его труды высоко ценились.

Выступая против попыток некоторых западных авторов, особенно католических миссионеров, представить Китай варварской

страной, Бичурин в 1840 г. писал: «при возможности наблюдать Китай со всех сторон — они слишком озабочены были делами проповедничества и мало имели времени заняться обзором сего государства в целом его составе. Некоторые, желая возвысить святость христианской веры пред язычеством, с намерением представляли Китай с одной дурной стороны, иногда даже с преувеличением. Другие хотели в китайских преданиях найти тождество с древними событиями библейской истории, не имевшими никакой связи с востоком Азии» [89]. Насколько превратно иногда судили западные миссионеры о тогдашнем Китае, говорит пример, приводимый Бичуриным в письме к М. П. Погодину: «Один из католических миссионеров говорил мне, что табак весьма тучно растет от мочи развратных женщин; в Кантоне табак весьма хорошо родится. Следовательно, посудите, каков там разврат должен быть!» [90].

В своем стремлении доказать несостоятельность утверждений некоторых западноевропейских ученых, преимущественно миссионеров, в своей полемике с зарубежными и отечественными востоковедами (Г.-Ю. Клапротом, О. И. Сенковским и др.) Бичурин, не замечая и не желая того, иногда сам допускал ошибки из-за пристрастного отношения к Китаю и всему тому, что связано с ним. Тенденциозный характер его суждений о современном ему Китае особенно наглядно проявился в книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии», вышедшей в 1848 г. Касаясь законодательства и судопроизводства в Цинской империи, автор подчеркивал, что законы этой империи «столь близки к истинным началам народоправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что заимствовать из них» [91].

На это обратил внимание В. Г. Белинский, выступивший с рецензией на новую книгу известного «хинезиста». Опираясь на сведения лиц, бывавших в Китае после Бичурина, русский критик писал: «Все эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только к обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки». Сравнивая книгу Бичурина с серией статей другого русского китаеведа — А. И. Кованько, опубликованных в «Отечественных записках» в 1841—1843 гг. под псевдонимом Дэ-мин, Белинский отмечал: «Почтенный отец Иакинф показывает нам более Китай официальный, в мундире и с церемониями, Дэ-мин показывает нам более Китай в его частной жизни, Китай у себя дома, в халате нараспашку». Подвергнув критике Бичурина за идеализацию политической системы цинского Китая, Белинский признавал, однако, богатство фактического материала в его книге: «Книга почтенного отца Иакинфа — истинное сокровище для ученых по богатству важных фактов» [92].

Это признавали и ученые-востоковеды. О. М. Ковалевский в отзыве, присланном из Казани в Академию наук на книгу Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии», писал: «Излишним считаю указывать здесь на сведения, которыми

о. Иакинф поправил и пополнил чужие и наши понятия о Китае. Богатством содержания покрываются мелочные недосмотры автора» [93].

Последней книгой, над которой Бичурин работал в течение ряда лет, было «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». К сбору материалов он приступил в январе 1846 г., находясь в довольно преклонном возрасте и будучи тяжело больным. За три года вчерне готов был фундаментальный труд по древней и средневековой истории племен и народностей Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. О том, с какими трудностями пришлось при этом столкнуться, Бичурин рассказал О. М. Ковалевскому в письме от 25 февраля 1849 г. «Первоначально я предложил Академии Наук составить историю среднеазиатских народов в продолжении четырех лет. В прошлом году гг. академики отказали мне в полупремии за „Китай" под предлогом, что из 17-ти членов десять человек были на стороне противного мнения, а сим оборотом привели меня в затруднение. Чтобы поправить это дело, Павел Николаевич [Фус] предложил мне сократить работу годом. Я должен был согласиться на его предложение и в продолжении 10 месяцев кончил отделку книги, требовавшую — по меньшей мере — двух лет... Поспешный десятимесячный труд вместо двух годов столько изнурил меня, что я в продолжении следующих четырех месяцев не мог поправить своего здоровья. К концу работы встретилось новое затруднение... В топографической карте к истории оставалась одна Корея без пояснений... Разделение государства на восемь губерний, или дорог, сделанное в половине IV в., даже самые названия губерний доныне остаются без перемен, но пределы или межи губерний и названия городов вовсе не прежние, и я принужден буду руководствоваться картою Кореи, напечатанною в прошедшие годы в Пекине — в атласе Китайской империи, а в китайских картах пунктуальная точность в размере не слишком уважается. В заключение прошу Вас самым откровенным образом указать недостатки, и я с большою благодарностью приму указания Ваши... Мое единственное желание придать своему труду совершенство и чрез то увековечить его для пользы нации» [94].

В другом письме (от 17 марта 1849 г.) Бичурин, касаясь своей работы над новой книгой, сообщал О. М. Ковалевскому: «С первых чисел января по настоящий день я снова просмотрел все три части... рукописи... Географический указатель целою третью умножен; неизвестных мест осталось очень мало, и теперь только ожидаю карты... отправленной к Вам... Что касается до истории, завтра приступлю к работе и предполагаю не менее трех месяцев заняться ею при совершенном уединении, чтобы ни памяти, ни воображения не развлекать». Однако планы ученого были расстроены болезнью. 27 июля 1849 г. Бичурин сообщал Ковалевскому: «Май, июнь и июль отняты у меня болезнью, особенно

тяжелы и опасны были последствия холеры, поразившей меня в половине июня» [95].

В ноябре 1850 г. русский востоковед сообщал М. П. Погодину об окончательной подготовке своего нового труда к печатанию. Он вышел в свет в 1851 г. и был удостоен Демидовской премии. По словам уже упоминавшегося К. А. Скачкова, это был самый капитальный труд о. Иакинфа, который «охватывал огромный исторический период и заключал в себе массу этнографических сведений» [96]. После издания «Собрания сведений» Бичурин еще продолжал писать мелкие заметки и статьи, однако постоянное нездоровье, обусловленное длительным трудом и житейскими невзгодами, все чаще лишало его возможности творческой деятельности. В последние годы жизни ученый настолько потерял зрение, что даже в очках не мог читать журналы, приходившие к нему по подписке.

11 мая 1853 г. в шестом часу утра о. Иакинф, забытый многими друзьями и сослуживцами, скончался в келье Александро-Невской лавры [97]. Он был похоронен в некрополе Александро-Невской лавры, где в 1865 г. его близкие друзья поставили ему памятник с надписью на китайском языке. Все имущество ученого было продано либо роздано монашествующей братии, а книги и рукописи перешли к настоятелю лавры В. Морачевичу, его давнему знакомому по Пекину.

Бичурина не без основания называли «вольнодумцем в рясе». В августе 1831 г. он из Троицкосавска (близ Кяхты) послал прошение в Синод относительно снятия с него монашеского сана. Хотя просьба была поддержана МИДом и формально Синодом, попытавшимся, однако, заставить Н. Я. Бичурина взять свое прошение обратно, Николай I после некоторых колебаний «повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество» [98]. Несмотря на это решение, русский ученый впоследствии вновь намеревался возбудить этот вопрос перед императором и даже подготовил проект нового прошения на высочайшее имя [99]. Об атеизме Бичурина свидетельствует и его стихотворный перевод на русский язык «Генриады» Вольтера, сохранившийся в рукописи (эта работа находится среди книг и рукописей Бичурина, поступивших в 1929 г. из Александра-Невской лавры в ГПБ).

По воспоминаниям его внучатой племянницы Н. С. Моллер, Бичурин был гуманным человеком, остро реагировал на социальную несправедливость и произвол: «Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником перед отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущался до глубины души и приходил в большое негодование» [100]. Негативное отношение Бичурина к крепостному праву в России подтверждается его пометой на полях первого тома «Записок о Монголии», подаренных им в

1847 г. некоему З. П. Петрову: на с. 183 против абзаца, в котором говорится об ограничениях, установленных законодательством относительно числа приданных людей и скота у монгольских князей, сделана карандашная запись: «И нам не дурно начать с оных разг[овор]» [101].

Подобно многим русским ученым, Бичурин решительно боролся против преклонения перед иностранными авторитетами. В одной из статей, опубликованных в 1844 г., он писал: «Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно, нам остается следовать за ними... Если слепо повторять, что напишет француз или немец, то с повторением таких задов всегда будем назади, и рассудок наш вечно будет представлять в себе отражение чужих мыслей, часто странных и нередко нелепых» [102].

Как российского ученого, Бичурина глубоко волновала обстановка в Академии наук в связи с засильем в ней иностранцев. Говоря о М. И. Броссе, приехавшем в Петербург по приглашению Академии наук, Бичурин 17 октября 1844 г. писал М. П. Погодину: «Из Парижа приехал профессор китайского языка и тотчас отказался, когда предложили ему составить опись китайских книг. Теперь этот профессор читает Часослов на языках грузинском и армянском и титулуется членом Академии, между тем как в Петербурге при должностях находятся природные грузины и армяне, образовавшиеся в университетах». В том же письме Бичурин сообщает об отказе петербургской Академии наук воспользоваться услугами видного синолога Д. С. Честного, или о. Аввакума (см. выше), пробывшего в Пекине десять лет, несмотря на ходатайство о нем Азиатского департамента МИД: «Наш Директор [Азиатского департамента] предложил Академии принять о. Аввакума, который знает четыре языка: китайский, маньчжурский, монгольский, тибетский и частью древнеиндийский. Он кончил курс Петербургской духовной академии и вышел магистром. Отказали, потому что — русский, не иностранец» [103].

Огромная эрудиция Бичурина в вопросах китайской филологии привлекала внимание не только коллег-китаистов разных поколений. К нему шли за советом и специалисты смежных дисциплин, и лица, работавшие в других областях востоковедной науки. Как видно из черновых заметок И. А. Гульянова (см. гл. 5), он не раз встречался и Бичуриным, чтобы «удостовериться в особенностях китайской фонетики» [104]. Личность Бичурина как ученого-синолога была настолько популярна, что многие молодые люди мечтали о том, чтобы достичь такой же известности в науке. «О. Иакинф,— писал в 1839 г. В. В. Горский своим родителям,— посредством изучения китайской литературы обессмертил свое имя; сделан почетным членом Лондонского, Парижского Азиатских обществ. Думаете ли Вы, что мне, если я буду усердно заниматься этим предметом, будет отказано в ев-

ропейской известности?» [105]. Пример Бичурина, сына безвестного священника, ставшего знаменитым ученым не только в России, но и в Западной Европе, заражал и вдохновлял многих. Известный санскритолог П. Я. Петров (см. гл. 7), будучи студентом Петербургского университета, в одном из писем высказывал желание выучить китайский язык под руководством о. Иакинфа.

Благодаря энциклопедическим знаниям в области востоковедения Бичурин пользовался заслуженным авторитетом не только у отечественных, но и у зарубежных коллег. Когда у известного французского синолога Станислава Жюльена возник спор с Гийомом Потье по поводу перевода одного трудного места из китайского сочинения об Индии, первый обратился за помощью к Бичурину, который, выступив в качестве арбитра, высказал свое окончательное суждение. В этой связи в 1842 г. «Маяк» (кн. 9, с. 13) писал: «Нельзя не гордиться тем уважением и авторитетом, каким наши синологи пользуются в Западной Европе, несмотря на насмешки русских журналистов, нередко осыпающих их тяжкие и неблагодарные труды язвительными замечаниями».

Принимая во внимание основательность суждений Бичурина о Китае, Академия наук и некоторые солидные журналы не раз поручали ученому рецензирование книг и статей отечественных и зарубежных авторов. В 1843 г. он по поручению Академии написал развернутый отзыв на книгу французского синолога Каллери о фонетической системе китайского языка, изданную в Китае в 1841 г. и присланную автором из Парижа министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову вместе с сопроводительным письмом от 7 октября 1842 г. [106].

Бичурин рецензировал труды не только по китайской филологии, но и по широкому кругу проблем, касающихся истории и культуры Китая и сопредельных с ним стран. К нему на рецензию поступали и рукописи его коллег-китаистов, включая тех, кто находился при Российской духовной миссии в Пекине. Сообщая П. Н. Фусу о просмотре статьи В. В. Горского об У Сань-гуе, китайском военачальнике, обратившемся к маньчжурам за помощью против восставших крестьян, которые в 1644 г. овладели Пекином, Н. Я. Бичурин 7 марта 1845 г. писал: «...статью члена Пекинской миссии г. Горского под заглавием „У Сань-гуй. Биографический очерк" я прочел с должным вниманием и нашел, что биографический очерк его в историческом отношении очень верен. Что касается до собственных взглядов г. Горского как на свойства действующих лиц, так и некоторые обстоятельства описываемых им событий, я не совсем согласен с его суждениями» [107].

Авторитетное, весомое слово, сказанное Бичуриным относительно той или иной рукописи, чаще всего воспринималось как закон, и в этом случае слабые статьи отвергались. Но случалось, когда под огнем его критики оказывались товарищи по перу, полемизировавшие с ним либо отстаивавшие собственную точку

зрения. Если оппонентом выступал китаист, к тому же менее опытный или менее влиятельный (как было, например, в полемике с З. Ф. Леонтьевским), то Бичурину, как правило, удавалось выйти из спора непобежденным. Но когда обсуждались вопросы истории кочевников-монголов, тюрок и др. (как было в полемике с Г.-Ю. Клапротом, И.-Я. Шмидтом и отчасти с О. И. Сенковским), его положение было нелегким, так как оппоненты не только указывали на просчеты и фактические ошибки в его книгах, но и оперировали новым, порой недоступным по своему языку материалом.

Критический анализ трудов Бичурина нередко осложняется тем, что автор, как правило (особенно в статьях и книгах о цинском Китае), не называл использованные им источники, вследствие чего читатель вынужден принимать многое на веру, а исследователь лишается возможности проверить тот или иной сомнительный факт. Если учесть, что сам Бичурин, желая, вероятно, подчеркнуть достоверность приводимых им сведений, в 1849 г. называл своими «сочинениями» только первые две части (из четырех) «Записок о Монголии», «Историческое обозрение ойратов, «Китайскую грамматику», а все остальные книги — почти буквальными переводами «книг, изданных китайским правительством», то станет очевидно, насколько актуален и сейчас вопрос об источниковой базе трудов русского востоковеда [108].

Основанные на достоверной информации, почерпнутой преимущественно из китайских источников, книги о. Иакинфа циркулировали в различных слоях русского общества, способствуя формированию широкого интереса к народам соседнего цинского Китая. Ими интересовались и прогрессивные деятели России, связавшие свою судьбу с революционно-демократическим движением. Одно из свидетельств тому — письмо петрашевца Н. А. Спешнева к матери из Александровского завода в Забайкалье от 24 декабря 1852 г. Прося прислать писчую бумагу и принадлежности для письма, а также книги и словари, Спешнев особо уточнял: «Хотел бы я иметь все сочинения отца Иакинфа Бичурина, и в том числе его китайскую грамматику» [109].

Научное наследие, оставленное Бичуриным, поистине велико. Им опубликовано 14 книг по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Многие его фундаментальные труды дошли до нас лишь в рукописном виде. Среди них — история Китая с древнейших времен до середины XVII в. (в 16 томах), произведения древнекитайских философов, свод законов маньчжурской династии Цин (1644—1912), переводы китайских сочинений по географии и этнографии, статьи по китайской филологии, несколько многотомных разноязычных словарей, перевод с японского работы по истории китайской нумизматики и др.

О жизни и деятельности Бичурина существует довольно значительная литература. О нем написаны даже исторические повести и романы. Тем не менее до настоящего времени не создано

научной биографии этого замечательного ученого. Несмотря на огромный интерес к наследию Бичурина, не составлена полная библиография его печатных трудов, как журнальных статей, так и газетных заметок, рецензий, обзоров. Что касается рукописей Бичурина, которые находятся преимущественно в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда и Казани, то существующие описания не всегда полны и точны. Это отчасти можно объяснить и спецификой самих бичуринских трудов. Достаточно сказать, что работы пекинского периода (1808—1821) написаны на китайской бумаге и не имеют водяного знака, который иногда позволяет говорить не только о приблизительном возрасте бумаги, но и о самой рукописи. Авторство целого ряда рукописей, связанных с изучением китайского или иного восточного языка (маньчжурского, монгольского, тибетского) либо со словарной работой, порой невозможно установить из-за иероглифики или другого восточного письма. Лишь случайные записи либо пометы, оставленные на полях рукописи, позволяют по почерку определить ее принадлежность. Все это серьезно усложняет работу над изучением эпистолярного наследия Бичурина, до сего времени сохраняющего научную и познавательную ценность.

Труды русского востоковеда, благодаря которым, как отмечал В. В. Бартольд в 1923 г., «русская синология еще в 1851 и 1852 годах опередила западноевропейскую» [110], служили важным подспорьем для исследователей многих поколений. Свое непреходящее значение они сохраняют и теперь, открывая перед представителями разных научных дисциплин богатейшие россыпи сведений о материальной и духовной культуре народов Китая, Монголии и других стран Азии.

В. П. ВАСИЛЬЕВ

Другой выдающийся ученый XIX в. в области исследования стран Дальнего Востока, В. П. Васильев, был, как и Н. Я. Бичурин, синологом широкого профиля, вышедшим из Российской духовной миссии в Пекине. До середины XIX столетия Васильев только начинал свою научную деятельность, концентрируясь на проблемах монголистики, буддологии и тибетоведения.

Василий Павлович Васильев родился в 1818 г. в Нижнем Новгороде и был из числа «обер-офицерских» детей. Из-за ранней смерти отца он с детства зарабатывал на жизнь и учебу. Большие способности помогли ему закончить гимназию уже в 14 лет. В Казанском университете он был способнейшим учеником проф. О. М. Ковалевского. Поступив туда в 1834 г., Васильев уже в 1837 г. завершил обучение и успешно защитил диссертацию «Дух буддийского сочинения „Хутухту Декгеди Алтан Герельту Судур-ногодун Эркету Хаган“», получив звание кандидата монгольской словесности. Он был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию [111].

Эта первая научная работа Васильева дает характеристику содержания буддийского канонического трактата «Сутра золотого блеска» (тибетск.: gser-'od; санскр.: Suvarṇa-prbhāsa), необычайно популярного в северном буддизме (т. е. в махаяне). Исследование было выполнено по монгольскому переводу сутры с тибетского языка [112].

О. М. Ковалевский, учитывая блестящие способности своего лучшего ученика, с самого начала ориентировал его на изучение так называемого северного буддизма (т. е. буддизма Тибета, Монголии, Китая, Японии) по монгольским, тибетским и китайским источникам. Прочные навыки чтения и перевода таких религиозно-философских текстов Васильев приобрел уже студентом, дополнив их вскоре отличным владением монгольским разговорным языком.

Нет ничего удивительного в том, что через два года после защиты кандидатской диссертации, в 1839 г., Васильев защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» и стал первым в России магистром монгольской словесности [113].

Вторая научная работа Васильева была посвящена буддийской теории «парамит» (парамит — духовное совершенство), излагаемой в целом ряде соответствующих канонических сочинений, известных под кратким названием «праджняпарамита». Эти сочинения составляют весьма существенную часть буддийского канона (свода произведений) северного буддизма (махаяна, «великая колесница, великий путь»). В диссертации глубоко и обстоятельно разбирается одно из центральных понятий махаяны — понятие «пустоты» («шуньята») в сравнении с учением об Абсолюте в немецкой философии. Текстологическая основа работы — монгольские переводы парамитских произведений.

Блестящие успехи Васильева в учебе и первых научных трудах не могли не обратить на себя внимание. Было решено, что он отправится в составе Российской духовной миссии в Пекин для усовершенствования в тибетском, китайском языках и в санскрите, чтобы по возвращении возглавить новую и первую в Европе кафедру тибетского языка, которую к тому времени предполагалось открыть в Казанском университете [114].

Главнейшей своей задачей в Китае молодой Васильев, полный самых радужных планов и мечтаний, считал всестороннее изучение буддизма в махаянском его варианте по тибетским и китайским источникам с помощью монгольских переводов. Кроме того, его интересовали история и литература (светская и религиозная) Китая и всей Центральной Азии, в том числе и современной Средней Азии. Необычайно широк круг его интересов, исключительно много жаждет он совершить в науке [115]. И это, без сомнения, было ему по силам.

Однако обстановка в духовной миссии была очень тяжелой, так как ее начальник, архимандрит Поликарп, совершенно не соответствовал своей должности. Достаточно сказать, что мис-

сия без серьезных на то оснований жестоко экономила на всем, выбирая, например, преподавателей языков не по степени знания, а по величине просимого ими жалованья, т. е. брали тех, кто запрашивал меньше. По этой причине Васильев первые три года не мог получить сколько-нибудь удовлетворительных преподавателей тибетского и китайского языков. Постоянные притеснения, различные ограничения совершенно не способствовали ни систематическому приобретению знаний, ни даже просто нормальному самочувствию. Они могли вызвать только отчаяние, а прежний восторженный энтузиазм должен был смениться глубоким пессимизмом. «Мне привелось лучшие годы жизни провести вдали от отечества, в таких страшных тисках, что если бы не предаваться мечтам о величии и назначении своего отечества, в котором ведь считаешь себя единицей, то не было бы возможности сохранить жизнь»[116]. В течение всей своей долгой жизни хранил он горечь этих десяти лет в Пекине, полных разочарований и тяжелой тоски по родине.

Как и многие очень талантливые люди, Васильев с раннего детства был человеком резко повышенной чувствительности и эмоциональности. Он писал: «...право же не выдумываю, мне приходило в голову, что весь мир создан исключительно для меня, чтобы меня мучить; что все окружающее обман — вот какой я был самородный буддист»[117].

Несомненно, Васильев с детства был предрасположен к тому, чтобы остро и глубоко реагировать на малейшие несправедливость, обиду, которые не могли не ранить его очень тяжело, вызывая постоянную подавленность и увеличивая состояние депрессии, безысходного пессимизма. Трудные (если не мучительные) условия длительного пребывания в Пекине только способствовали укоренению и усилению этих черт характера Васильева, что не могло не сказаться впоследствии на его научной деятельности, на истинно драматической судьбе выдающегося востоковеда.

Отрицательное влияние на русского ученого, большого патриота своей страны, оказывала и мрачная, реакционная действительность царской России того времени. Человека талантливого и остро чувствительного все это могло привести лишь к драме личной и драме научной. Так и произошло с Васильевым. Уместно напомнить хорошо известные, полные глубочайшей горечи слова С. Ф. Ольденбурга, сказанные в 1918 г. по случаю столетия со дня рождения Васильева: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историею науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд — все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых" томов, „первых" выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, не-

сбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог... Эти горькие мысли невольно напрашиваются сегодня, когда мы вспоминаем жизнь и труды крупного и оригинального русского ученого Василия Павловича Васильева» [118].

Действительно, Васильев совершил в буддологии и тибетоведении значительно меньше, чем мог бы, если учесть количество и качество собранного им в Китае научного материала. Отчасти это объясняется свойствами его характера, который формировался в весьма сложных и трудных условиях. Обилие научных исследований, выполненных Васильевым в Китае и привезенных на родину, поражает. Но безмерно огорчает то, что бóльшая часть этих бесценных материалов и почти законченных трудов безвозвратно погибла в «печке и в мусорной яме» [119]. Нельзя не вспомнить и другие слова Ольденбурга: «Еще молодым студентом видел я у него и получил драгоценное право прочесть сотни листов этих рукописей, жалкие остатки дивного целого, которых к дню его смерти не существовало, ибо он уже их не берег... С Васильевым повторилось то, что составляет драму жизни другого величайшего русского таланта и ученого — Ломоносова: он опередил свое время; среди русских людей не было почвы, на которой могла бы взойти жатва посеянных им семян, не было той русской среды, которая могла бы оценить значение его трудов, а они все были написаны по-русски и составляли целую библиотеку, издать которую было бы чрезвычайно трудно» [120].

Главным во всем этом было, конечно, отсутствие среды, способной оценить высочайший научный потенциал Васильева-буддолога и желающей раскупать тиражи его книг на русском языке. Именно равнодушие окружающих помешало открыть предназначенную для него кафедру тибетской словесности в Казанском университете. Поэтому ему пришлось занять кафедру китайской и маньчжурской словесности, став, таким образом, по роду своей официальной научной и преподавательской деятельности китаистом и маньчжуристом, а не тибетоведом и буддологом.

Именно в этом и следует видеть основную причину научной драмы Васильева, которая помешала ему совершить все то, без сомнения, великое в буддологии и тибетоведении, к чему он был готов по возвращении из Пекина в Казань. Поэтому в истории востоковедения он остается гораздо более китаеведом, чем тибетоведом и буддологом.

Занимаясь преподаванием китайского и маньчжурского языков, включая и обзоры соответствующей литературы, Васильев не мог иметь достаточно свободного времени для завершения целого ряда буддологических и тибетоведческих трудов, выполненных им вчерне еще в Пекине.

Среди них на первое место по научной значимости следует поставить незавершенное многотомное по замыслу исследование

под общим названием «Буддизм. Его догматы, история и литература». Из этого труда было издано лишь две части: первая, которая содержала общее обозрение догматов, истории и литературы буддизма, и третья, включающая перевод тибетского сочинения «История буддизма в Индии» Таранатхи (род. 1575) [121]. Сам Васильев предполагал включить в свой труд следующие части, о чем написал в предисловии к первой из них: «...предполагаемое здесь общее обозрение Буддизма составляет только малую часть всего мной написанного; это только введение к тем трудам, которые служили для него основанием, к трудам, которые имеют целью развитие и оправдание того, о чем здесь сказано коротко и часто в виде предположения. Таковы: 1) Буддийские догматы, изложенные в объяснении на терминологический лексикон Махавъютпатти. 2) Обозрение Буддийской литературы. 3) История Буддизма в Индии, перевод с тибетского сочинения Даранаты (Таранатхи.— *Авт.*). 4) История Буддизма в Тибете. 5) Наконец, Путешествие Сюань-цзана в Индию (перевод с китайского). Все это не лишено внутренней между собой связи и обнимает все, что только можно желать знать о Буддизме» [122].

Неизданные исследования из этого списка сохранились, поэтому можно зримо представить колоссальный объем научных изысканий, выполненных В. П. Васильевым в Пекине.

Из этих работ самой крупной и важной надо признать «Комментарий к Махавъютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон» [123].

Текстологической основой «лексикона» было сочинение «Въютпатти» (Vyutpatti) из комментаторской части буддийского канона на тибетском языке [124]. Традиционно это сочинение известно под названием «Махавъютпатти». Оно представляет собой список буддийских терминов, включающих собственные имена и различные названия. Васильев поставил перед собой необычайно трудную цель — снабдить все 9565 терминов собственных имен и названий комментариями, собранными из наиболее авторитетных тибетских и китайских буддийских сочинений. Вот как о своей работе, характеризуя ее ход, цели и задачи, писал сам ученый:

«Перед всеми пособиями в деле терминологии надобно отдать преимущество находящемуся в Данджуре большому лексикону Махавъютпатти, по-тибетски бье-браг-ту-ртогс-пар-бьед-пачхен-по. Мы имеем, сверх того, две рукописи его, из которых в одной (принадлежавшей Юй-да-жен'ю), кроме подлинного текста ланджа, замененного в издании Даньчжура тибетскими буквами, присоединены китайский и монгольский переводы; но оказывается, что они составлены были также не на основании подлинных выражений, встречаемых в книгах на том или другом языках. Только местами встречаемые поправки (сделанные рукой, как кажется, самого Даженя, потому что, к несчастью, я не смог добиться знакомства с ним и лексикон достался мне после

его смерти) удовлетворяют нашим требованиям; но эти поправки так незначительны, а между тем лексикон составлен в самых обширных размерах. В него входят не только все сколько-нибудь значительные буддийские термины, известные, как повсюду видно, из оригинальных сочинений, так что, может быть, санскритский текст сочинения был даже в Индии, как краткий перечень всего, что нужно знать буддисту, но, кроме того, тут присоединены названия деревьев, птиц, растений и пр. Краткое объяснение на некоторые только из терминов, встречающиеся в этом лексиконе и известные под именем сгра-сбьор-бам-гнис, считается у самих тибетцев классическим и служит главным источником ссылок. Главное назначение этого лексикона (как и составленного впоследствии Чжанжа Хутуктой для руководства к монгольскому переводу с тибетского мкхас-па'и-'бьунг-гнас) было служить указателем при приведении в единство различных переводов одной и той же книги, существовавших в Тибете, и ввести один и тот же язык в составившиеся после сборники Ганьчжур и Даньчжур. В этом случае тибетцы сделали больше, чем их собраты по вере — китайцы; у последних не только поныне мы встречаем в каждом сочинении (если оно различных переводчиков) свой перевод санскритских терминов или своеобразную передачу подлинных звуков, но даже доныне в их сборниках соединены часто по нескольку переводов одного и того же сочинения, так что не знаем, которому верить.

Доставши упомянутую рукопись [Юй-да-жэня] Махавъютпатти под конец моего пребывания в Пекине, я с жаром принялся за ее обработку и покинул неоконченными все мои труды. В самом деле, стоило над чем трудиться, чтобы издать лексикон как свод терминологии на всех языках, перевести его на русский язык и дать краткое объяснение как терминам, так и статьям, на которые они разделены; это, надеюсь, не только заслужило бы одобрение ученых, но и послужило бы им немаловажным пособием, и притом всякому, знающему который-нибудь из четырех языков. Но вскоре открылась передо мной вся неосновательность перевода на китайский и монгольский языки; последний я, впрочем, отыскал в монгольском Даньчжуре (и, сверх того, упомянутый лексикон Чжанжа Хутукты мкхас-па'и-'бьунг-гнас представляет мало вариантов). Но не так легко было справиться с китайским текстом; я думал найти пособие в имеющихся лексиконах, которые вычислены выше, но я упомянул о недостаточности их в деле существенной терминологии. Надо было обратиться к оригинальным сочинениям, а для этого сколько нужно труда и соображения, чтобы напасть на след, из которой тибетской сутры или какого оригинального сочинения извлечен приводимый в лексиконе текст, а потом отыскивать равносильные в китайском переводе. Всякий поймет, какого это стоило труда, а мне не хотелось приниматься за объяснения по одним только тибетским источникам, что было бы гораздо легче. Во многих случаях я был довольно счастлив, и мне часто удается

приводить несколько вариантов на санскритский текст; я не отчаиваюсь добиться возможного успеха, если приступлю впоследствии к продолжению своего труда.

Что же и говорить о комментариях, которых вовсе нет в самом лексиконе? Я включил все, что встретил подходящего к нашим требованиям в вышеприведенных тибетских и китайских терминологических лексиконах: Ра-чжор-ре, Фань-и-мин-и-цзи и Сань-цзан-фа-шу; но один взгляд на толкование уже покажет, что они едва заметны между другими объяснениями, которые я счел нужными, и между тем как еще далеки мои объяснения от желаемой полноты! По мере того как я пустился в обширное море толкований, предо мной стала яснее проглядывать внутренняя жизнь буддизма, его тайные пружины: я изыскивал причины, почему встречается различие, а иногда и видимая противоположность объяснений, доставляемых в том или другом источнике. Часто новые статьи наводили меня к новым заключениям, от которых я еще был далек при составлении предыдущих, так что по окончании всего труда пришлось бы много в них переделывать. Сверх того, принявшись за объяснения терминологического лексикона и расширяя все более и более их границы, я пришел на мысль сделать из них род буддийской энциклопедии, которая служила бы не только комментарием ко всем моим предыдущим трудам, но и руководством для всех последующих ученых. Важность предприятия подкрепляла мое рвение, и я не сомневался в успехе, уверен и теперь еще, что долго не только у нас в отечестве, но и во всей Европе не сыщется человек, который осуществил бы мой план; но время шло быстро, и я выехал в отечество, не окончив моего труда. Впрочем, главная часть уже сделана; пробелы, которые встречаются в обоих томах моего лексикона, не требуют больших пополнений (как, например, части человеческого тела); для других у меня уже много заготовлено материала, а для некоторых составлены указатели, где отыскать их как в китайских, так и в тибетских источниках. Говорю об этих двух языках; я не брался за объяснения санскритских; для меня довольно было того, чтобы передать, как толкуют об этих словах китайские и тибетские источники, а не что они значат, для чего потребовалась бы большая начитанность в санскритской литературе. Сверх того, я надеялся на пособие со стороны наших санскритологов.

Желая прежде, нежели приступлю к окончательной обработке этого лексикона, получить одобрение Академии как касательно плана, так и самой методы, я представляю здесь на ее суждение часть моего труда, прося покорнейше не оставить меня своими учеными замечаниями» [125].

Эта грандиозная по объему и фундаментальная по своей выдающейся научной значимости истинно новаторская работа, будь она благополучно доведена до конца, составила бы эпоху в буддологии и тибетоведении, явилась бы основой для всех последующих сколько-нибудь серьезных исследований северного

буддизма с использованием источников на тибетском языке. Но Академия не откликнулась на призыв о помощи Васильева. Поэтому важнейшая в мировой буддологии работа не была завершена, что не могло не замедлить сам ход развития этой важной части ориенталистики. И необходимо подчеркнуть, что никто из буддологов до наших дней не смог совершить в области буддийской терминологии ничего даже отдаленно схожего с тем, что успел выполнить Васильев в своей неоконченной работе.

Достаточно сказать, что он прокомментировал и объяснил свыше половины всех девяти с лишним тысяч терминов, собственных имен и названий, составляющих его «лексикон». При этом он основывался на наиболее авторитетных (с точки зрения тибетской традиции) комментаторских трактатах тибетских авторов, из которых первыми следует назвать Цзонхаву (1357—1419) и первого Джамджан-шадпу Кунчен Нганбанг-цзондуя (1648—1722). Оба они были крупными деятелями ламаистской секты Гелуг-па и блестящими знатоками буддийской теории и практики. Их основополагающие труды во времена Васильева не были известны европейским ученым. Чуть лучше их работы известны нам, хотя научная ценность этих трудов очевидна уже всем.

Из работ первого Джамджан-шадпы Васильев широко использовал обширное произведение (более 500 л., весь том «пха» — 14-й — его собрания сочинений), известное под кратким названием «Сидданта» (grub-pa'i-mth'a) и посвященное как истории буддийской философии и вероучения в Индии и Тибете, так и подробному разбору доктрин, взглядов, направлений и учений самых различных буддийских школ и сект. Сочинение также кратко излагает доктрины, учения, взгляды небуддийских школ и направлений, что и делает этот труд первого Джамджан-шадпы уникальным, ценным и очень важным.

Васильев широко использовал в своем «лексиконе» целый ряд произведений Цзонхавы, основателя ламаистской секты Гелуг-па, давшего в своих многочисленных сочинениях ту интерпретацию учения махаяны, которая довольно быстро стала в Тибете канонической нормой, обязательной и безоговорочной.

Работа над «лексиконом» была интенсивной, но кратковременной: она длилась лишь два года (1848—1849). Невозможно не восхищаться той энергичностью, с какой вел свои научные исследования в Пекине Васильев.

Драматичность судьбы этой работы состоит не только в том, что она осталась незавершенной и, стало быть, неизданной. Дело в том, что полноценно завершить ее мог только сам автор. До сих пор тибетология и буддология не имели и не имеют во всем мире никого, кто знал бы так же глубоко, как великий русский востоковед, все классические языки дальневосточного региона, места распространения северного буддизма и имел бы столь же глубокую начитанность в «старой» (т. е. в древней и средневековой) буддийской литературе на этих языках.

Несомненную научную ценность и в наши дни сохраняют другие неизданные работы Васильева, находящиеся в его архиве. Таково «Обозрение буддийской литературы по школам», в котором закончено только четыре главы, рассказывающие о четырех крупных направлениях, ветвях или школах буддизма: 1. Хинаяна. 2. Йогочара. 3. Мадхьямика. 4. Винная [126]. Характеристики учений этих школ даются на основе как «Сидданты» первого Джамджан-шадпы, так и «Сидданты» второго Джанджа-хутухты (Ролпаи-дордже) [127]. «Сидданты» обоих авторов подробно рассматривали историю и доктрины этих школ, сообщая много новых и неизвестных данных, использование которых позволило Васильеву создать труд, который во многом не потерял своей научной значимости и новизны до сих пор. К числу непреходящих достоинств этой работы следует отнести то, что она содержит в названных выше четырех главах обширный перечень санскритских трактатов, переведенных на тибетский и китайский языки, включая имена автора, переводчика, число глав и т. д., а также, что наиболее важно, анализ содержания.

В архиве В. П. Васильева хранятся и другие материалы, имеющие прямое отношение к буддологии и тибетоведению. Например: «Этюды по буддийской догматике» (449 л. машинописи); «Обозрение буддийской письменности» (253 л.); «Материалы к тибетской хрестоматии» (335 л.) [128]. Есть ряд небольших работ, в основном черновых, посвященных этой же тематике.

Материалы архива Васильева дают зримое и четкое представление о большом размахе и глубине научных занятий этого замечательного русского ученого. И можно только еще раз выразить сожаление по поводу того, что многие его истинно бесценные труды погибли (как от небрежения его собственного, так и окружающих), а те, что сохранились в его обширном архиве, до сих пор не увидели свет.

Васильевым были в совершенстве изучены тибетский, монгольский, китайский, маньчжурский языки и многие их диалекты. Санскритская литература также была доступна ему. Хорошее знание восточных языков дало возможность Васильеву глубоко изучить историю и географию многих стран Азии, их промышленность и сельское хозяйство, культуру и быт [129].

Для более серьезного и скорейшего изучения Азии им были составлены исторические карты [130]: 1) Древний Китай до династии Цинь, 2) Китай в период династии Цинь, 3) Китай в период двух китайских династий, 4) Китай в период троецарствия (Сань-го), 5) Китай при династии Цзинь, 6) Южный и Северный Китай в период шести династий (Лю-Чао), 7) Династия Суй, 8) Династия Тан, 9) Китай в период У-дай, 10) Династия Сун, 11) Династии Ляо и Цзинь, 12) Китай при династии Юань. Кроме этих карт он составил еще три карты древнего Туркестана (до Танской династии, во времена Танской династии и после нее), а также одну карту древней Маньчжурии. Это были первые исторические карты Китая, Туркестана и Мань-

чжурии. «Все эти карты,— писал он в „Отчете“,— мной переписаны в трех экземплярах, из которых один назначен для университета, а два другие я думаю поднести Академии Наук и Географическому Обществу. Приехавшая к нам на смену миссия также списала для себя один экземпляр» [131].

Для библиотеки Казанского университета Васильевым было приобретено в Пекине ценное собрание восточных книг, рукописей и ксилографов (на китайском, тибетском и маньчжурском языках) — всего насчитывается 849 названий в 2737 томах и 14 447 тетрадях.

Отправляя Васильева в Китай, Казанский университет предполагал открыть тибетскую кафедру, но в 1850 г., незадолго до его приезда, умер Войцеховский, и кафедра китайской и маньчжурской словесности осталась без руководителя. 25 ноября того же года Совет философского факультета принял решение возложить на Васильева «преподавание в университете китайского языка с его литературой и историей Китая в том объеме, в каком оно назначено было проф. Войцеховским» [132].

Васильев с этим предложением согласился, изъявив также желание преподавать и маньчжурскую словесность. Но университет не отказался от введения преподавания тибетского языка. Ректор писал Совету университета: «...что же касается до преподавания тибетского языка, то его можно будет ввести и поручить Васильеву с начала будущего 1851-52 года» [133]. Однако загруженность Васильева и перевод восточного разряда в Петербургский университет не дали возможности выполнить этот план.

10 декабря 1850 г. экстраординарный, а с 3 октября 1854 г. ординарный профессор Васильев начал работу на кафедре китайской и маньчжурской словесности [134].

В своей первой лекции, план и отдельные положения которой им были написаны еще в 1849 г. в Пекине, он стремился показать студентам — «будущим ученым и общественным деятелям необходимость глубокого и всестороннего изучения Китая, который незаслуженно был забыт европейскими учеными, но который играл и будет еще играть колоссальную роль в истории человечества». Васильев предлагал заменить в гимназиях изучение классических языков, по его мнению давно мертвых, восточными языками, знание которых необходимо не только для востоковедения, как науки, но и для торговой и дипломатической деятельности [134а].

«Без знания истории Востока разве мы можем вполне оценить историю человечества?» — писал позже Васильев в своей статье «О преподавании восточных языков в России» [135]. В ней он отмечал неудовлетворительное состояние изучения восточных языков в России, вспомнил хорошую постановку преподавания этих языков в Казанском университете, где студенты получали не только теоретические знания, но и практические навыки разговорной речи благодаря широкому привлечению к работе в уни-

верситете представителей народов Востока. Основные положения этой статьи 1886 г. почти дословно повторяют первую лекцию Васильева, прочитанную в Казанском университете 10 декабря 1850 г.

Программы преподавания китайской и маньчжурской словесности, составленные Васильевым на 1851/52 учебный год, показывают, что он стремился выполнить обещание, данное им во вводной лекции, об энциклопедическом и систематическом изучении Китая.

Китайский и маньчжурский языки он вел по грамматике Бичурина и собственным записям; иногда привлекал грамматику французского синолога Ж.-А. Ремюза. Для чтения пользовался главным образом текстами из четверокнижия Сы-Му. Программа Васильева по истории Китая, его законодательству, науке, литературе и искусству охватывала период от древнейших времен до середины XIX в. Социально-экономическим вопросам он уделял мало времени, касался их главным образом в лекциях, посвященных географии и обзору литературы по промышленности и торговле.

«Неужели эта страна... нация, движущая[ся] самостоятельно столько тысячелетий... не заслуживает нашего внимания... У нас думают,— говорил Васильев,— что, изучив историю Греции, Рима и новейших времен, мы знаем все; нет, мы знаем одну только половину человечества, другая скрыта от нас густой пеленой...» [136].

«Велик труд, который мы на себя принимаем,— подчеркивал Васильев, имея в виду единственную в Казанском университете кафедру китайской словесности,— но мы не имели права от него отказываться, сделавшись представителями единственной в нашем отечестве кафедры» [137].

Изучение Китая необходимо для того, говорил Васильев, чтобы помочь китайцам встать на путь просвещения и прогресса. «Кому неизвестны страдания несчастной Индии,— отмечал ученый,— кто не знает, как англичане высасывают из нее последние капли довольства, подрывая все промыслы жителей, обирая богатых налогами?! Кто не знает, что будет, если они завладеют и Китаем... сколько там богатых материалов для их алчности...»

Агрессивной политике Англии на Востоке Васильев противопоставлял позицию России, которая, по его мнению, не посмотрит «никогда с завоевательными планами на своего мирного соседа»; он явно идеализировал политику царизма в отношении национальных меньшинств России, отмечая, что «наши инородцы пользуются большими льготами, чем сами русские» [138].

Трудность изучения китайской письменности натолкнула Васильева на мысль о создании ускоренного метода запоминания иероглифов с целью огромной экономии сил и времени, что чрезвычайно повысило бы интерес к Китаю во всех частях света. «С некоторого времени меня особенно занимает метод изучения

китайского языка»,— записывал он в своем дневнике в августе 1841 г. В отчете, представленном Совету Казанского университета, Васильев отмечал: «...при изучении китайского языка мы должны были сами создавать для себя методу обучения» [139].

В 1854 г. отделение восточных языков при Петербургском университете было преобразовано в факультет восточных языков, а в 1855 г. Васильев вместе с другими профессорами и преподавателями восточных языков был переведен из Казани в Петербург, где возглавил кафедру китайского языка [140]. С этого времени жизнь и научно-преподавательская деятельность Васильева тесно связаны с Петербургом. В 1856 г. он выступил в печати со своей системой изучения китайской письменности и одновременно передал на рассмотрение Академии наук китайский словарь, составленный по новой системе. Академия одобрила метод Васильева. В 1867 г. им был создан (по графической системе) первый в России китайско-русский словарь [141].

«Система В. П. Васильева... имеет большое практическое значение, значительно облегчая изучение китайской письменности»,— подчеркивалось в речах, произнесенных на торжественном заседании Академии наук, посвященном столетию со дня рождения Васильева [142].

Будучи идеалистом, В. П. Васильев считал причиной отсталости Китая систему образования, в которой преобладали чисто теоретические, бесполезные для жизни знания [143].

«Китай — страна богатая, народ трудолюбив и любознателен, вежлив и скромен, но между тем промышленность и торговля находятся в упадке, финансы расстроены, народ голодает и нищенствует, наука и просвещение приходят в упадок» — такое мнение осталось у Васильева от посещения Китая.

В своих лекциях Васильев сохранил разработанный им метод исторического исследования — идти от географии к истории, а от истории — к другим наукам и словесности [144].

Основной исторической работой Васильева является монография «История и древности восточной части Средней Азии от X до XII вв.», выполненная в основном в Пекине и в Казани [145].

Труд Васильева — это извлечения (касающиеся происхождения, истории, религии, нравов и обычаев народов Центральной Азии X—XII столетий) из китайских официальных историй «Люши», «Цзинь-ши», «Юань-ши» и частных летописей. Чтобы сделать его доступным массовому читателю, Васильев приводит текст не дословно, как это делал Бичурин, а давал пересказ, близкий к подлиннику, снабжая его своими критическими пояснениями и дополнениями [146]. Работа была высоко оценена современниками.

Из географических работ Васильева, опубликованных в казанский период его научной деятельности, следует отметить статью «Центральная Азия и главные хребты гор в Китайских владениях» [147]. В ней он, опираясь на китайские источники и личные наблюдения, впервые в русской географической литера-

туре дал подробное описание центральноазиатских хребтов, водных систем, сделал попытку районирования этой части Азии, а также определил понятие «Центральная Азия».

Что касается работы Васильева в области изучения буддизма, то здесь он не имел себе равных как в России, так и за рубежом. Он был единственным ученым, владеющим почти всеми языками Центральной и Юго-Восточной Азии. И здесь мы вновь упомянем его выдающийся труд «Буддизм. Его догматы, история и литература» [148]. Работа привлекла к себе внимание не только востоковедов, но и общественных деятелей России середины XIX в. Она сразу же была переведена на немецкий язык и явилась, по общему признанию европейских коллег, самым высоким для того времени научным достижением в области буддологии [149].

Академик Ольденбург писал: «Представьте себе, что опубликован был бы весь тот материал, который он привез из Пекина, как результат десятилетнего труда, и опубликован тогда же, в пятидесятых годах прошлого века, и вы должны признать, что все изучение буддизма повернуло бы по другому пути и мы бы давно уже имели настоящее представление о буддизме и его историческом развитии» [150].

В 1852 г. Васильев вместе с проф. О. М. Ковалевским по просьбе факультета занимается составлением подробного каталога книг на китайском, маньчжурском и тибетском языках, находящихся в университетской библиотеке [151], систематизирует огромный материал, собранный им в Пекине, продолжает работать над учебными пособиями по китайскому и маньчжурскому языкам. В ноябре 1853 г. он посылает в Академию наук статью «О некоторых книгах, хранящихся в библиотеке Казанского университета». В январе 1854 г. он совершает двухмесячную поездку в Петербург с целью завершения составления каталога.

Васильев хотел ознакомиться с неизвестными ему сочинениями по этой части в Библиотеке Академии наук и включить их в свой каталог. Поездка дала ему доступ в библиотеку Азиатского департамента, где он надеялся найти материалы о переписке между Китаем и Россией для включения в хрестоматию. Кроме того, он хотел встретиться с учеными-ориенталистами и посоветоваться с ними относительно публикации и окончательной отделки некоторых своих трудов. Однако отсутствие в России китайского шрифта задерживало издание его трудов, в том числе хрестоматии и словарей. Они были изданы 10—20 лет спустя в Петербурге, и то литографским способом.

Глава 7

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДОЛОГИИ В РОССИИ

Изучение Индии и индийских языков в России отставало в первой половине XIX в. от изучения Ближнего Востока и Китая. Индия непосредственно не граничила с Россией, к тому же находилась в колониальной зависимости от Англии. Энтузиасты, пытавшиеся все же овладеть хотя бы частью богатств индийской истории и культуры и познакомить с ними соотечественников в России, оставались в то время одиночками. Гуманистические традиции индология усвоила начиная с самых первых шагов. Первым русским индологом был Г. С. Лебедев.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

В начале XIX в. из Англии на родину в Россию вернулся Герасим Степанович Лебедев, перед тем долгое время (1785—1797) проведший в Индии. Он не имел специальной научной подготовки (закончил только церковно-приходскую школу), тем не менее впервые проявил подлинный интерес к изучению языков и культуры Индии.

Лебедева называют первым «русским индианистом», основоположником русской индологии, индийским просветителем, к тому же еще талантливым артистом и музыкантом. Все эти определения имеют под собой почву, хотя его работы, посвященные индийским языкам и культуре, носят лишь характер практических пособий, описательны и почти не содержат элементов исследования.

Лебедев первым из русских самостоятельно изучил два новоиндийских языка — бенгальский и калькуттскую разговорную форму хиндустани, сделал первые переводы с этих языков на русский и, более того, писал по-бенгальски и переводил на бенгальский с английского и русского так, что бенгальцы воспринимали его переводы как свои подлинные тексты. В этом его отличие от англичан, которые в Индии предпочитали разговаривать по-английски, а изучение индийской культуры начали не с живых индийских языков, а с классического санскрита.

В основе работ Лебедева лежал интерес к культуре проживающего «за тремя морями» народа, у которого столько же оснований на независимое существование и самостоятельность, как

у русского и европейских народов: «Индийцы нимало не похожи на диких и... более имеют справедливость приписывать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери»,— писал Лебедев в самой крупной и важной своей работе об Индии «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов...» [1], имея в виду заявления англичан о диких нецивилизованных варварах, которым они принесли свет и культуру. Гуманизм, доброжелательность, стремление проникнуть в самую сущность индийской культуры— вот черты, делающие фигуру Лебедева особенно привлекательной.

Большинство исследователей сходятся на том, что Лебедев родился в 1749 г. в г. Ярославле в семье священника, который со временем обеднел, переехал в Петербург и устроился певчим в придворную капеллу. Лебедев прибыл к отцу в возрасте 15 лет, в Петербурге научился грамоте и музыке (играл на виолончели) и в 1777 г., как музыкант, выехал из России с посольством графа А. К. Разумовского в Неаполь. В Вене посольство задержалось, и Лебедев отправился путешествовать по Европе самостоятельно, зарабатывая на жизнь концертами. Путешествие его продолжалось около пяти лет, материалов об этом периоде его биографии почти нет, можно только полагать, что у Лебедева действительно были незаурядные музыкальные дарования, ибо избалованная европейская публика благосклонно относилась к русскому музыканту.

Знакомство с А. А. Самборским и Я. И. Смирновым (Линницким), которые жили в Лондоне и в разные периоды служили там в русской посольской церкви, пробудило у Лебедева интерес к Индии, и он стал мечтать о поездке в эту страну и об изучении санскрита. В то время английские ученые как раз делали первые шаги в освоении этого языка. Благодаря помощи русского посла в Англии графа С. Р. Воронцова Лебедеву удалось получить разрешение на въезд в Индию. И вот 12 февраля 1785 г. он сел в Гревсэнде на корабль Ост-Индской компании «Родней» и 15 августа того же года прибыл в Мадрас.

О дальнейшем мы узнаем из «Меморандума», написанного Лебедевым примерно в феврале 1797 г. и посвященного его жизни в Индии [2]. Свою деятельность здесь он начал как музыкант. Градоначальник Мадраса капитан Вильям Сиденгэм, послушав игру Лебедева, заключил с ним договор на два года, по которому музыкант за жалованье 200 ф. ст. в год обязался играть для увеселения английского общества Мадраса. Два года прошли, по словам Лебедева, «гармонично» и «приятно», и он решил переехать в Бенгалию, чтобы увеличить свои заработки и расширить круг знаний. Дело в том, что в Мадрасе Лебедев смог познакомиться только с тамильским языком и, очевидно, малаяламским. Учителя санскрита на юге найти не удалось.

Подгоняемый жаждой изучить санскрит, Лебедев приехал в Калькутту, где в ходу были два разговорных языка: бенгальский

и хиндустани. И здесь долго не удавалось найти учителя санскрита, которым, согласно древним индийским традициям, мог быть только брахман. Помог музыкальный талант: Лебедев был принят во всех салонах местной английской знати, концерты его пользовались большим успехом, слава о новом музыканте быстро распространилась и среди местного населения. В результате нашелся учитель санскрита — бенгалец Голокнат Даш (санскр. Голокнатх Дас), который согласился обучать Лебедева санскритскому, бенгальскому и хиндустани. «Что было особенно удачно,— пишет автор „Меморандума",— так это то, что он не меньше желал обучаться музыке у меня, чем я хиндустанским языкам у него». Прежде всего Голокнатх Дас начал обучать «санскритской азбуке, поскольку это — золотой, все открывающий ключ к неоценимым сокровищам восточных наук и знания» [3].

В течение нескольких лет Лебедев упорно занимался, в ходе обучения он сам создавал учебные пособия, которые заслужили похвалу со стороны индийцев. Брахманы сознательно, в «корыстных целях» «замаскировали» санскрит так, чтобы обучение этому языку было полностью «скрыто от всего мира, кроме них самих». В результате Лебедев составил словарь и несколько диалогов на разные темы на бенгальском языке и на хиндустани, но не научился свободно говорить на этих языках, пока не написал их грамматику и не уяснил разницу между отдельными разговорными диалектами. После этого он смог перевести на бенгальский язык две английские пьесы: «Притворство» (в сокращенном варианте) и «Любовь — лучший врач». Пьесы не просто были переведены, а переделаны в духе бенгальских шуточных спектаклей, разыгрываемых на базарах, с помощью введения в них традиционных бенгальских карикатурных фигур — «стражей (чокидаров), савоярдов (т. е. бродячих музыкантов и фокусников.— *Авт.*)... воров (гхунья), а кроме того, законников и высокочтимой банды мелких грабителей во главе с мелким своекорыстным писцом очень небольшого суда, который нагло осмеливается взять своим девизом Совесть». С помощью своего учителя Лебедев нашел актеров и актрис среди местного населения, построил по собственному проекту «вместительный театр на улице Домтолла № 25 в центре Калькутты» и дал два представления пьесы «Притворство», имевших успех у бенгальской публики [4].

После этого Лебедев получил разрешение ставить спектакли не только на бенгальском, но и на английском языке, чем вызвал сильное недовольство своих конкурентов — артистов английского театра Ост-Индской компании. Доверчивый и недальновидный Лебедев был с большой легкостью доведен до полного разорения, потерял всю труппу, сам театр, запутался в паутине интриг, ложно был обвинен в неуплате жалованья и долгов и попал за решетку. Только ценители его музыкального таланта помогли ему выпутаться из всей этой истории.

Но оставаться в Индии он больше не хотел. Собрав, очевидно с помощью концертов, небольшую сумму денег, Лебедев начал переписку с друзьями в Лондоне — А. А. Самборским и Я. И. Смирновым, а также со своим покровителем графом С. Р. Воронцовым о сборе средств на снаряжение двух больших кораблей и о предоставлении ему паспортов на право вывоза на этих кораблях из Индии различных товаров, которые он обязался купить на собственные деньги и с помощью дружественно к нему расположенных индийских купцов по баснословно дешевой цене, с тем чтобы начать постоянную русско-индийскую торговлю, которая принесет большую выгоду России[5]. Просьба Лебедева удовлетворена не была. В ноябре 1797 г. он отплыл из Калькутты в Лондон.

В Индии Лебедев написал ряд пособий для изучения бенгальского языка, которые опубликовать на месте ему не удалось. В упомянутом выше письме к А. А. Самборскому он перечисляет все, что ему удалось составить в Индии: «Не друзей только российских обществ и человеческого рода позабавить, а больше для пользы возрастающих в обширно цветущей России старался узнать и научиться бенгальскому и общему смешанному гиндостанскому языкам и сколько мог шанскритскому, дабы тем напомянуть и уверить, что без знания оных странствующий, как и я, в разных государствах Гиндостанской земли о многом никогда не допытается... Перевел краткой, но употребительный вообще словарь, написал несколько разговоров, часть календаря... четыре начальныя арехметическия деления. И также перевел из древних книг экстракт героического стихотворства, написанной славным Гиндостанского света писателем... Бгарот-Чондро-Раи... Смысл слов и произношения писал по-русски под бенгальскими словами...»

По приезде в Лондон Лебедев начал публикацию своих исследований по индийским языкам. В 1801 г. вышла в свет его грамматика разговорного хиндустани[6]. К этому времени было уже написано несколько европейских грамматик хиндустани. Две из них Лебедев знал: грамматику Г. Хэдли и грамматику Дж. Фергюссона. Оба эти пособия построены по принципам классических латинских грамматик. Русский исследователь решил пойти по другому пути, объединив европейскую и индийскую грамматические традиции. В истории русской индологии этот опыт был не только первым, но и единственным: русские ученые по такому пути не пошли. Поскольку объектом исследования Лебедева был не общепринятый хиндустани, а его калькуттская разговорная форма, то, естественно, грамматика в нем была проще, а количество вариантов одной и той же грамматической формы — больше, чем в обычном хиндустани. Это был живой, «базарный» язык со множеством диалектизмов и грамматических форм из других индийских языков, употребляющихся, как правило, в их оригинальном произношении. Грамматика Лебедева ценна не системой описания нового языка, а тем,

что в ней зафиксирован один из разговорных языков Северной Индии второй половины XVIII в. В этом состоит ее важное научное значение, которое не утрачено и в наши дни. Материалы грамматики Лебедева использованы в исследованиях советских языковедов-индологов [7].

В том же, 1801 г. Лебедев прибыл в Петербург. 24 октября он подал прошение на имя императора Александра I с описанием своих странствований по Европе, Африке (на обратном пути из Индии Лебедев побывал в Южной Африке) и Индии и с просьбой издать на казенный счет его труды об индийских языках [8]. Прошение было принято благосклонно и спущено по инстанциям: сначала петербургскому генерал-губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову с изъявлением «монаршей воли» помочь Лебедеву, затем статс-секретарю Д. П. Трощинскому, и наконец, оно дошло до президента Академии наук А. Л. Николаи, который ответил, что для напечатания трудов Лебедева необходима типография со специальными шрифтами. Петербургские власти пошли на то, чтобы закупить необходимые индийские шрифты. Лебедев по их просьбе составил смету на типографские расходы по печатанию своих трудов. Эта смета интересна тем, что из нее мы узнаем, какие работы по индийским языкам он приготовил к изданию. Одновременно в смете указан объем работ. В списке, составленном Лебедевым 2 декабря 1801 г., значатся следующие его труды [9]:

1. Санскритский алфавит, употребляемый во всей Восточной Индии, и цифры: «Азбучных и цыфирных букв надлежит вырезать 172... за каждую букву для наборов по 10 рублей, за 172 буквы — 1720 руб.».

2. «Словарь на бенгальском и российском языках и на индийском диалекте (т. е. хиндустани.— *Авт.*). Напечатается на 48 листах в четвертку каждая книга... по 20 рублей за лист».

3. «Бенгальского языка грамматика (и провинциальных диалектов, которыми переписываются по всей Восточной Индии, и особливо по коммерческим целям) на российском, индийском, английском языках напечатается на 73 листах в четвертку... по 30 руб. за лист».

4. «Всенаидревнейшая брагменская хронология на индийском, российском и английском языках... на 24 листах в четвертку каждая книга... по 30 руб. за лист с табелями».

5. «Две комедии, неоднократно представленные в Калкоте... на 60 листах в четвертку. Каждая книга на бенгальском, российском и английском языках... по 30 руб. за лист».

6. «Лирической поэмы перевод одного волюма на бенгальском и российском языках... на 48 листах в четвертку каждая книга... по 15 руб. за лист.».

7. «Сочинителева жизнь и путешествие, на российском языке... на 96 листах в четвертку каждая книга по 15 руб. за лист».

Таким образом, «всего потребуется сумма на 15 522 рубля».

Под «лирической поэмой» (п. 6) Лебедев имеет в виду сочи-

нение, о котором он рассказывает в письме от 16 июля 1797 г. графу С. Р. Воронцову: «Героическая поэма на бракосочетание бордгманского (бордванского) государя дочери, написанная лучшим писателем Шри-Бгарот-Чондро-Раи» [10]. Из всего указанного списка сохранились в рукописях только комедии, переведенные с английского на бенгальский язык, и поэма бенгальского поэта Бхарат Чондро Рая «Бидде Шундор» (переписанный рукой Лебедева бенгальский текст первой части, его транскрипция русскими буквами и подстрочный русский перевод) [11]. Кроме того, сохранилась не указанная в списке рукопись Лебедева, содержащая материалы по грамматике, лексике и фразеологии бенгальского языка и калькуттской формы разговорного хиндустани, по индийской арифметике и др. [12].

Лебедев привез с собой небольшую коллекцию, состоящую из семи индийских рукописей. Они попали в Азиатский музей позднее, в 1835 г., уже после его смерти, в составе первой коллекции Шиллинга фон Канштатт, были описаны русским санскритологом середины XIX в. П. Я. Петровым и в настоящее время хранятся в Рукописном отделе ИВ [13].

В январе 1802 г. Лебедев подал второе письмо-прошение на имя Александра I, где указывалась общая сумма, необходимая для издания его трудов (с оплатой бумаги, типографских расходов и заработной платой наборщикам) — 10 тыс. руб. В том же письме содержится просьба о назначении Лебедева на службу по дипломатическому ведомству. Цель издания трудов по индийским языкам Лебедев формулирует так: «Желание показать свету сокровенную досель мудрость древнейших брагминов, содержащуюся в их хронологии...». Сохранилась также его записка на имя статс-секретаря Д. П. Трощинского, в которой Лебедев просит дать ему профессорский чин: «Причисление к иностранной части с чином профессора [бенгальского языка и индийских диалектов] и жалованье против оклада, профессорам Академии наук определенного, составят мое благополучие» [14].

Наконец, 29 января 1802 г. был издан именной указ Александра I о присуждении Лебедеву звания профессора восточных языков и зачислении его в Академию наук с жалованьем 1800 руб. в год «из почтовых расходов». Однако зачисление Лебедева в Академию наук не состоялось. О причинах мы узнаём из письма президента Академии наук А. Л. Николаи статс-секретарю Трощинскому от 31 января 1802 г. Николаи говорит о необходимости особого высочайшего указа, который разрешил бы президенту Академии наук назначить Лебедева на соответствующую должность и положить ему определенное жалованье, поскольку подобных прецедентов в Академии еще не было: «1. ... правило в подобных случаях во всех учебных обществах и в Академии наук... состоит в том, чтобы человек, желающий удостоен быть звания профессора, показал опыт знания своего сочинениями и чтобы люди, в том же роде учения упражняющиеся, судя по оным, засвидетельствовали о его достоинстве.

А как при Академии нет никого, кто бы судить мог о знании Г. Лебедева, то по сему Академия сама собою, без высочайшего повеления, Г. Лебедева звания профессора восточных языков удостоить не может; 2. ...Регламентом Академии, которым она по сие время управляется... профессора восточных языков не положено... Наконец, не только никто из профессоров, но ниже из академиков, в высших науках упражняющихся, не имеет щастия получать жалованья по 1800 руб. в год» [15].

Формально Николаи был прав: академика по восточным языкам в Академии не было со времен Г.-З. Байера (ум. 1738). Однако случай был исключительный, одна из работ Лебедева была уже издана в Лондоне, остальные были представлены в рукописях, и отзыв на них можно было запросить у зарубежных востоковедов, с которыми было легко установить контакты через того же графа С. Р. Воронцова. Узнав о положении дел, Александр I не пошел на назначение Лебедева профессором Академии наук, и 4 февраля 1802 г. последовал другой именной указ — об определении Г. С. Лебедева на службу в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел с чином коллежского асессора. Назначение состоялось, жалованье из «почтовых расходов» было перечислено. В Азиатском департаменте Лебедев проработал до своей смерти, наступившей 15 июля 1817 г., о чем имеется соответствующий «Рапорт экзекутора Коллегии иностранных дел». Служба Лебедева, очевидно, шла успешно: в 1811 г. он был пожалован в надворные советники, а в 1817 г. получил орден Св. Владимира 4-й степени. Он работал в должности переводчика и был загружен переводами с европейских языков, главным образом с английского [16].

Научная деятельность Лебедева продвигалась довольно медленно. Преподавания индийских языков в России в то время еще не было, поэтому пособия по бенгальскому языку и по хиндустани, которые он готовил к изданию, не могли найти достойный круг читателей и воспринимались не более как забавное чтиво. Тем не менее главный труд жизни Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов...» все же был издан в 1805 г. в типографии, которую он организовал в собственном деревянном доме с помощью наборного бенгальского шрифта, отлитого в Германии на деньги, пожалованные правительством. Это была первая типография в Европе с индийским шрифтом. (В Англии санскритская грамматика Ч. Уилкинса была набрана в 1808 г. В 1816 г. санскритская типография была устроена в Варшаве Валентином Маевским [17].) Сочинение Лебедева в настоящее время является библиографической редкостью. Рукопись его хранится в АВ (ф. 90).

Книга Лебедева — это не только первое русское описание культуры и быта индийцев с экскурсами в индийскую мифологию, философию, историю, географию и экономику. В ней содержатся элементы научного анализа, попытка связать индийские языки с европейскими и русским, а также определить место ин-

дийской культуры в мировой цивилизации. Лебедев пишет в предисловии к своей книге: «Важно: поелику Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть, и целый свет зависными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга разселился и которой национальный шомскритский язык не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение» [18]. Близость с русским языком, которую Лебедев ясно ощущал при изучении санскрита, привела его к выводу о том, что транскрипция латиницей, до сих пор применявшаяся во всех европейских исследованиях по Индии, не точна, что русский алфавит может лучше передать индийские звучания. Поэтому в своих работах он пользовался русской транскрипцией.

Книга Лебедева состоит из трех частей и предисловия, в котором он рассказывает о себе и своем путешествии. Часть I (семь глав) — «О источниках брагменских просвещений, основанных на откровении в век первый лунный, называемый на шомскритском языке Шома Рит Анньо» (автор приводит бенгальское произношение санскритских слов) — посвящена индийской мифологии, религии и космологии. При изложении индийского материала Лебедев прибегает к сравнениям с православием. В части II (пять глав) — «О источниках индийских познаний, почерпаемых из природы в первоначальный век солнечный — по солнечной системе, и по лунной — во второй, именуемый Дуапор Чьуг» — приводятся сведения по индийской астрономии, и главным образом космографии. Подробно объясняется бенгальский календарь.

Наибольший интерес представляет часть III (семь глав) — «О священных брагменских обрядах и народных обычаях», поскольку в ней автор излагает то, что видел сам. Этот материал не утратил своего значения до настоящего времени. В первых трех главах — «О священных брагменских обрядах», «О храмах и украшениях, к оным принадлежащих» и «О главных праздниках Индийских, называемых пороби или пуроби и чудесных торжествах их (имеется в виду праздник полнолуния.— *Авт.*). Праздники первого месяца Войшака (начало года.— *Авт.*)»— содержатся сведения о быте индийского народа и о религиозных верованиях. В четвертой главе «О разности чинов и званий индийского народа» Лебедев описывает социальный строй Бенгалии конца XVIII — начала XIX в., дает первую в истории русской индологии трактовку четырех индийских каст «Чар Чьати» и подробно описывает структуру второй касты — кшатриев, называя 8 разрядов людей, к ней причисляемых, и третьей касты — вайшьев, указывая 36 профессиональных групп, которые в Бенгалии относятся к этой касте. Пятая глава называется «О нравах и обычаях индийцев»; в ней описывается жизнь бенгальского люда. В шестой главе — «О изобилиях Восточной Ин-

дии» — приводятся сведения по географии и экономике страны. Описывая богатства Индии, Лебедев останавливается на доходах Ост-Индской компании. Это один из первых в русской литературе документов о грабеже Индии Великобританией. В седьмой главе — «О торговле Индийской» — Лебедев дает перечень товаров, ввозимых европейцами в Индию, пытаясь обосновать необходимость установления прямых торговых контактов между Индией и Россией. Говоря о ввозе товаров, он начинает с англичан, «которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары... Из чего не трудно усмотреть можете, любезные соотчичи, коликих мы лишаемся выгод, чрез сии толь многими оборотами доставляемые нам иностранцами нужные потребности» [19].

В последние годы жизни Лебедев (ум. 1817) был занят подготовкой к изданию двух других своих работ, которые так и остались неопубликованными:

1. «Арифметические восточных индийцев таблицы», в которых перечислены все числительные на трех языках: санскрите, бенгальском и хиндустани. Особый интерес представляет собой сводка числительных хиндустани XVIII в. Тут же приведены системы мер и весов и способы перевода из одной системы в другие. На трех языках составил Лебедев и таблицу умножения. Рукопись аккуратно переписана и подготовлена к набору [20].

2. «Систематические восточных индийцев начальныя умозрительныя и существенныя основания арифметики». Подготовлен первый раздел, который рассматривает числовую символику индийской мифологии и философии [21].

Из работ Лебедева по бенгальской грамматике среди архивных материалов никаких отрывков пока не обнаружено. Сохранилась только небольшая часть бенгальско-русского словаря [22].

ИНДОЛОГИЯ В 30—50-е ГОДЫ XIX в.

Центром становления индийской филологии в России в 30-х годах явилась Петербургская Академия наук и Петербургский университет. У истоков индийской филологии стоял Роберт Христианович Ленц (1808—1836). С первых же шагов российской индологии не повезло: Ленц скончался в возрасте 28 лет, в начале своей самостоятельной научной деятельности, всего через год после возвращения из заграничной командировки, которая в значительной степени была подготовительным этапом его индологических изысканий. Однако во время этой командировки и за год работы в Петербургской Академии наук Ленц благодаря своим необыкновенным способностям и трудолюбию успел собрать большой материал.

До середины 60-х годов (т. е. до начала научной деятельности И. П. Минаева) главными направлениями в индийской филологии оставались изучение санскрита и перевод с санскрита

памятников древнеиндийской литературы, среди которых почти все санскритологи избирали для себя древнеиндийский эпос «Махабхарата», а также драмы и лирику выдающегося индийского поэта и драматурга V в. Калидасы. В научных планах и материалах, собранных для своих работ Ленцем, индийская филология была представлена гораздо шире: здесь были индийская поэтика и метрика, буддийская литература, пракриты и новоиндийские языки, литература на них, индийская палеография и даже музыка. Но, к сожалению, Ленц не успел оставить после себя учеников, и материалы, привезенные им, при отсутствии постоянной исследовательской работы в области индологии в Академии наук и Петербургском университете лежали неиспользованными в Азиатском музее, откуда перешли в Институт востоковедения АН СССР, где и поныне хранятся в Рукописном отделе в индийском фонде.

Ученые, работавшие в стенах Академии наук после Ленца, строили свои исследования по самостоятельным планам, в индологии не было единой линии преемственности научных идей, не было школы русских индологов.

Р. Х. Ленц родился 23 января 1808 г. в Дерпте (Тарту), окончил богословский факультет Дерптского университета со степенью кандидата, затем около года преподавал в Ревельском (Таллиннском) благородном училище. В 1830 г. он переехал в Петербург, откуда в 1831 г. по собственной инициативе отправился в Берлин для занятий восточной философией. Попав к Францу Боппу, основоположнику сравнительно-исторического метода в языкознании, он начал слушать у него санскрит и сравнительное языкознание. Эти занятия продолжались до 1833 г. Результатом их явилось опубликование в Берлине санскритского текста и перевода на латынь драмы Калидасы «Викраморваши» (с комментариями) [23].

В том же году Ленц вернулся в Петербург и составил краткий каталог санскритских рукописей, принадлежащих Азиатскому музею [24]. Тогда Х. Д. Френ выступил с ходатайством перед Академией наук о предоставлении Ленцу за казенный счет командировки в Англию (в то время — центр индологии) для продолжения индологического образования. В английских библиотеках и хранилищах были сосредоточены рукописи на всех языках Индии, вывезенные из колонии учеными и коллекционерами. В конце 1833 г. Ленц прибыл в Лондон. Лондонский период работы ученого оказался самым плодотворным в его жизни. Здесь он собрал значительные рукописные материалы, сделав копии с различных списков индийских рукописей из хранилищ Англии, и подготовил их описания [25]. О своих работах Ленц посылал в Министерство народного просвещения подробные отчеты, которые были опубликованы в ЖМНП за 1834 и 1835 гг. [26]. В них впервые в русской индологии упоминаются — с краткой характеристикой — многие индийские рукописи и памятники древнеиндийской литературы.

Отправляясь в Англию, Ленц поставил перед собой цель — отыскать среди индийских рукописей источники по древней истории Индии и по истории буддизма. Однако вскоре Ленц установил, что среди рукописей Ост-индской библиотеки таковых источников нет, и, по всей вероятности, исторические хроники как жанр литературы в Индии не существовали. Тогда Ленц обследовал библиотеки Британского музея и Королевского Азиатского общества и окончательно убедился в том, что его поиски напрасны.

Однако он нашел ряд рукописей, которые его заинтересовали. Во-первых, в его руках оказались новые списки драмы Калидасы «Викраморваши» (текст и перевод которой он опубликовал ранее в Берлине по другим рукописям), во-вторых,— комментарий к «Викраморваши» Ранганатхи [27]. Эти материалы были изданы в виде дополнения к первому изданию [28]. Ленц начал собирать сведения о творчестве Калидасы и намеревался в будущем написать работу по истории индийской драмы.

В это же время он увлекся проблемами индийского стихосложения и поэтики. С этой целью он снял копию с одной из глав индийского трактата по музыке «Сангитаратнакара» и подготовил выписки и заметки о ряде сочинений по индийской метрике — чхандас [29]. Выписки показывают, что Ленц предполагал издать большой труд по теории индийского стихосложения.

Во время работы в библиотеках он случайно наткнулся на рукопись индийской эпической поэмы «Притхвирадж-расо» [30], которая привлекла его внимание как одно из немногих исторических сочинений. При подготовке этого сочинения к изданию Ленц встретился со значительными трудностями языкового порядка. Поэма была написана на одном из литературных диалектов старого хинди, который в то время в Европе не был известен,— брадже. Ленц стал изучать хиндустани и хинди и с помощью знаний санскрита пытался составить словарь к языку памятника. В значительной степени ему это удалось, хотя работа продвигалась медленно. Ленц жаловался, что администрация библиотеки Королевского Азиатского общества, которой принадлежала рукопись, отказалась давать ему рукопись по вечерам домой, и за короткий рабочий день в библиотеке он успевал сделать немного. Все же он успел снять копии с ряда глав поэмы по трем рукописным спискам с приведением разночтений. Сам Ленц считал эту работу одной из важнейших из всего того, что ему удалось осуществить за время командировки.

В Ост-индской библиотеке ученый скопировал рукопись «Лалитавистары», относящуюся к числу самых ранних из дошедших до нас памятников буддийской литературы и описывающую жизнь Будды Шакьямуни (школа Сарвастивадинов). Копия занимает три толстые тетради (около 400 л.) [31]. После возвращения в Петербург он издал исследование содержащейся в рукописи версии жизнеописания [32].

Продолжая работу по теории индийской драмы, Ленц собрал

шесть списков «Венисамхара» и подготовил критический текст драмы с разночтениями по всем спискам. Издать эту работу он не успел, а в 1871 г. материалы Ленца были использованы при издании этого сочинения Дж. Гриллем.

За полтора года, проведенные в Англии (помимо Лондона Ленц несколько месяцев работал в Оксфорде под руководством крупного английского индолога проф. Г. Вильсона), он успел сделать чрезвычайно много: познакомился с индийскими энциклопедическими словарями, занимался упанишадами и буддийской литературой, литературой урду и хинди, старыми надписями на пракритах и пали, индийской палеографией, новоиндийскими языками маратхи и телугу и даже успел познакомиться с Авестой и тибетской литературой [33].

Ленц покинул Англию в начале июля 1835 г. и возвратился в Петербург через Париж. Результаты своей поездки — копии рукописей, выписки, заметки — Ленц записал в 20 толстых тетрадях. По возвращении на заседании Академии наук он прочитал подробный доклад с отчетом о своих занятиях. На основании этого доклада по представлению Х. Л. Френа и Я. И. Шмидта в октябре 1835 г. Ленц был избран адъюнктом Академии наук. Ученый был полон планов и сразу же начал активную деятельность: составил список книг, необходимых для пополнения академической библиотеки, заказал шрифт деванагари для типографии Академии наук.

С марта 1836 г. он бесплатно начал читать при Петербургском университете публичный курс санскрита и сравнительной филологии. В. В. Григорьев по поводу начала преподавания санскрита в университете опубликовал в журнале «Северная пчела» специальную статью «Санскритский язык в России». Вот выдержки из нее: Ленц «на нынешней неделе, 3 марта, открыл в здании Университета лекции санскритского языка и сравнительной грамматики... Г. Ленц будет читать санскритскую грамматику не одну, но сравнительно с зендским, греческим, латинским, готическим и славянским (церковным)... лекции его будут особенно новы и занимательны у нас, где филологические понятия еще очень туманны. Чтения происходят на французском, и метода преподавания отличается чрезвычайной ясностью и определенностью» [34]. Лекции читались три раза в неделю. Это был первый опыт преподавания санскрита в России для широкой аудитории и одновременно начало сравнительного изучения индоевропейских языков. Последнее обстоятельство было отмечено в качестве главной заслуги ученого в некрологе, где, в частности, говорилось, что Ленц «развивал идею о сродстве языков и роли, которую должно занимать между ними древнее наречие Брахманов» [35].

Курс читался всего несколько месяцев — с марта по июль. 30 июля 1836 г. Ленц скоропостижно скончался от «нервной горячки».

В числе слушателей Ленца был Павел Яковлевич Петров

(1814—1875), который сыграл значительную роль в становлении российской индологии.

П. Я. Петров родился 25 июня 1814 г. в семье учителя. Отец его Яков Иосифович Петров преподавал сначала в Петербурге, а затем в Москве «новые языки», историю и географию. В 1828 г. Павел Петров был принят на подготовительное отделение Московского университета, а в 1829 г. — переведен на «ординарные лекции по словесному разряду» [36]. Словесный факультет Московского университета он закончил со степенью кандидата в 1832 г. вместе с М. Б. Чистяковым, В. Межевичем, Я. Неверовым, А. Закревским, И. Клюшниковым, К. Лебедевым и Н. А. Аргилландером [37]. Помимо западных языков и церковнославянского Петров в университете начал посещать занятия арабского и персидского языков на открытой здесь в 1811 г. восточной кафедре, где учился у А. В. Болдырева. В Московском университете студент Петров познакомился и подружился с будущим критиком В. Г. Белинским.

Это была не просто дружба — Белинский и Петров были единомышленниками, соратниками по просветительской деятельности, вышли из одной колыбели — стен Московского университета, где были заложены основы их мировоззрения.

Московский университет в эти годы был настоящим очагом вольномыслия. Молодежь увлекалась передовыми философскими и литературными теориями. Жизнь била ключом. Товарищ А. И. Герцена и Н. П. Огарева Н. И. Сазонов, описывая Московский университет 30-х годов, отмечал: «Почитание цивилизации, привязанность к истинно-народным традициям и современные свободолюбивые идеи нашли в этом учреждении последнее пристанище» [38].

В общежитии университета Петров встретился с Белинским. Петров поступил в Московский университет на отделение словесности годом раньше, чем Белинский. В год знакомства первому было всего 15 лет, а второму — 18. За свои 15 лет Петров, занимаясь самостоятельно, так хорошо выучил западные языки, что Белинский не только был поражен талантливым молодым человеком, но под его влиянием сам начал заниматься языками, чтобы читать произведения французских и немецких просветителей в подлиннике. Вот какой отзыв о Петрове мы находим в одном из писем Белинского от 20 декабря 1829 г.:

«Я подружился с П. Я. Петровым. Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями... Вот дружба, которой я могу по справедливости хвалиться... Что за человек! Какие познания! Он превосходно знает по-французски: может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к позна-

нию в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки» [39].

Взаимный интерес молодых людей друг к другу вскоре перешел в сотрудничество и тесную дружбу. Первый литературный труд будущего великого критика был написан именно в эти годы горячей дружбы с Петровым. Это был перевод с итальянского романа итальянского революционера Уго Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса», который вышел в свет отдельной книжкой в 1831 г. Выбор для перевода этого сочинения уже говорит о направлении поисков молодых людей.

Сожителями Белинского и Петрова по «казеннокоштным нумерам» были студенты, страстно воспринимавшие литературные, философские и политические новости. Составлялись небольшие группы университетских друзей, которые, по определению А. И. Герцена, переживали «шиллеровский период» своего политического развития и страстно проповедовали «ненависть ко всякому насилию, ко всякому политическому произволу». На сходках декламировались запрещенные стихи Рылеева и Пушкина, читались книги о французской революции, философские сочинения Шеллинга и Окена. Одним из самых ранних литературно-философских кружков 30-х годов в Московском университете был кружок, организаторами которого являлись В. Г. Белинский, П. Я. Петров и М. Б. Чистяков. Он был создан в начале 1830 г. под названием «Литературное общество 11-го нумера» (по номеру комнаты, в которой проживал в общежитии Белинский) и просуществовал до 1832 г., когда его основные участники закончили университет [40].

Именно в этом литературном обществе Белинский и Петров прошли серьезную философскую и литературную школу.

Третий их соратник, которого они впоследствии неоднократно называли в письмах «другом и братом», Михаил Борисович Чистяков (1809—1885), был сыном сельского священника и шел к образованию обычной дорогой разночинцев. Дружеские связи этих трех людей не оборвались и после их выхода из университета, когда Белинский остался в Москве, Петров был направлен в Петербург для совершенствования знаний восточных языков и затем в Казань на преподавательскую работу, а Чистяков служил старшим учителем в Петербургской гимназии. Об этом свидетельствует их переписка. Из писем Петрова к Белинскому сохранилось и издано всего одиннадцать; девять из них относятся к первому периоду пребывания Петрова в Петербургском университете (1834—1835), одно — от 27 января 1838 г. — написано после возвращения Петрова из зарубежной командировки, и еще одно письмо послано из Москвы в Петербург 12 декабря 1841 г., накануне отъезда Петрова в Казань (Белинский в это время проживал в Петербурге) [41]. Тон писем и отдельные намеки, в них содержащиеся, позволяют установить, что сохранились лишь отдельные письма, на самом деле переписка была более обширной и наверняка не кончилась в 1841 г. Однако архив Белинско-

го после его смерти был рассеян по разным рукам, и до нас дошла лишь небольшая его часть [42].

О том, что занятия в «Литературном обществе 11-го нумера» не прошли даром для Петрова, свидетельствует его письмо к Белинскому из Петербурга от 6 октября 1834 г., из которого ясно видно, что он и к изучению языков подходил с широких философских позиций: «Да, брат, человек может быть счастлив, отринув пустые мирские блага, довольствуясь малым в физических потребностях и ненасытною душою стремясь обнять мир духовный. Глубок этот океан, потонуть в нем — божественно, достойно человека. Даже сухое изучение языков доставляет божественное удовольствие, когда будешь смотреть на него не так, как на механический предмет, но как на живое познание человеческого слова во всех его видах. Что же сказать о науках естественных, этих небесных руководительницах к познанию природы во всех ее многоразличных проявлениях! Я это говорю к тому, что они от меня не уйдут...» [43].

В студенческие годы Петров писал стихи, которые пользовались большой популярностью среди студентов. Некоторые из них позднее Белинский опубликовал в «Молве» — литературном приложении к «Телескопу». Это философски насыщенные стихи, где поэт предстает как борец с «противоречиями мира», устремлен туда, «где нет цепей телесных», жаждет свободы. Известны стихотворения Петрова «Чада солнца», «Пловец» и др. В них возникает тема Прометея, избранника, жертвующего собой во имя блага людей [44]:

В дни юности природы и людей
(Гласит земли чудесное преданье)
Томим тоской безвечного страданья
Огонь с небес похитил Прометей.
И злая казнь страдальца ожидала,
Но он чела пред миром не склонил,
Жизнь новая в несчастном запылала,
И в муках он был полон дивных сил.
То был певец — то солнца сын чудесный!
Земная жизнь в сраженьи с Божеством!
Огонь тоски по родине небесной
Был для него терзающим орлом.
Нужна ль была ему земная слава?
Склонился ли пред нею он челом?
Земная жизнь была певцу отравой:
Он жаждал света, жаждал Божества.

Есть свидетельство, что Петров в студенческие годы переводил с немецкого Гёте. Поэты революционной эпохи «бури и натиска» входили в сознание членов кружка через переводы Петрова. Чистяков переводил с немецкого «Теорию изящных искусств» Бахмана. Свой перевод он посвятил друзьям-студентам, которые в стенах университета «сливаются в одно прекрасное семейство и образуют святой союз братства, одушевляемый чувствами истинной религии и пламенной любви к своему отечеству» [45]. За два года пребывания в «Литературном обществе

11-го нумера» его члены познакомились таким образом с немецкой романтической эстетикой и с революционными традициями русской литературы. Ясно проявилась тяга к освободительным идеям Радищева и Рылеева.

В университетские годы Петров познакомился с санскритом, однако никакие подробности не известны. Особенные способности к языкам, которыми Петров выделялся среди своих товарищей, были замечены, и ему предложили продолжить занятия восточными языками в дерптском Профессорском институте при Петербургском университете (см. гл. 3). Он успешно выдержал вступительные экзамены и в мае 1834 г. был зачислен в число профессорских стипендиатов. Об экзаменах мы узнаём из письма Петрова Белинскому от 9 мая 1834 г.: «Ну вот тебе мои похождения: слушай. Я держал и выдержал экзамены в арабском и персидском у Френа и Шармуа, в санскритском у академика Шмидта. Теперь я принят и нахожусь под особым попечением Френа... Френ и Аделунг доставили мне множество книг и всеми силами одобряют меня. Признаюсь, здешними учеными я не могу довольно нахвалиться...» [46].

Белинский был в курсе всех занятий Петрова и в Петербургском университете. Петров описывал их с такими подробностями, что, как остроумно замечает И. Ю. Крачковский, «и Белинского можно было бы счесть за востоковеда» [47]. В 1834 г. Петров послал Белинскому свой первый опыт стихотворного перевода фрагмента эпической поэмы «Махабхарата» — главу из «Сказания о Нале и Дамаянти». В том же году этот перевод был напечатан в «Телескопе», где Белинский в 1833—1836 гг. вел отдел литературной критики. Где бы ни сотрудничал Белинский — в «Московском наблюдателе» (1838—1839), в «Отечественных записках» (1839—1856) или в «Современнике» (1847—1848), он всегда предоставлял страницы журналов для переводов Петрова и других индологов.

Приведем отрывки из писем Петрова Белинскому, в которых описываются его первые успехи в санскрите и первые переводы.

12 августа 1834 г.: «Вот тебе, Виська, обещанная 1-ая песнь Налы. Прочти ее, а я между тем приготовлю другую. Только Боже тебя сохрани печатать... Пока не буду знать хорошо по-санскритски, до тех пор строки не напечатаю... Ну, друг, о чем мне сперва потолковать с тобой? Ну да хоть о санскритском. Чудный язык! Дивлюсь и его строению, и обширной литературе, и легкости и вместе трудности его изучения...»

22 августа 1834 г.: «В санскритском очень-очень успел. Вчера начал перелагать новую книгу Налы — не знаю, скоро ли кончу... Всего перевели мы из оной вышереченной поэмы 9 песен.— Это знатно» [48].

Под влиянием занятий санскритом Петров в письме от 12 июня 1834 г. советует Белинскому писать общую философскую грамматику.

Именно Петрову Белинский обязан тем, что Индия, страна великой древней культуры, вошла в круг его интересов. Белинский перевел с английского статью «День в Калькутте» (автор неизвестен). Перевод был опубликован в «Молве» за 18 и 20 мая 1833 г.

В Петербургском университете Петров провел четыре года и получил основательную востоковедную подготовку. В программу его образования сначала входили только арабский и персидский языки. В эти годы в университете курс арабского языка вел О. И. Сенковский — барон Брамбеус русской литературы. Сенковский, судя по отзывам Петрова, был прекрасным педагогом, умел заинтересовать своими лекциями студентов[49]. Персидский язык Петров слушал у Шармуа — преподавателя, вышедшего из французской школы Сильвестра де Саси. Помимо языка Петров занимался и персидской литературой, особенно усиленно — суфийской, под руководством Мирзы Джафара Топчибашева. Персидская мистическая поэзия увлекала Петрова, он пытался сам подражать персидским поэтам и делал переводы в стихах газелей Хафиза. Перевод газелей был напечатан у Белинского в «Молве»[50].

О высоком уровне знаний Петрова в этой области востоковедения свидетельствует тот факт, что в иранистике Петрову удалось создать свою школу. Так, его ученики — Ф. Е. Корш (1843—1915) и В. Ф. Миллер (1846—1913) — стали выдающимися российскими учеными-иранистами.

С того же, 1834 г. Петров успешно занимался турецким языком. Знания арабского, персидского и турецкого языков позволили Петрову именно в эти годы впервые в истории русистики подойти к анализу восточной лексики в русском языке. По заданию своего куратора Х. Д. Френа он написал статью «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными»[51]. Тяга к изучению все новых и новых языков у Петрова была поразительна. В Петербурге он занимался также греческим, церковнославянским и даже «чухонским» (финским) языками[52]. Все время пытался начать изучение китайского языка, но из-за недостатка времени так и не смог осуществить свое желание, да и Френ усиленно отговаривал его от этого.

Вскоре главным увлечением и делом всей жизни Петрова стало изучение санскрита. Санскрит в эти годы в Петербургском университете не преподавался. Петров возлагал большие надежды на Р. Х. Ленца, который в это время был в Англии и усиленно занимался индийскими языками и литературой. Не ожидая возвращения Ленца, Петров нашел себе учителя санскрита в Петербурге. Это был немец, получивший образование в Гёттингене, д-р Фридрих Боллензен[53]. В письме к Белинскому от 4 июня 1834 г. Петров пишет о своем учителе: «Он доктор философии Гёттингенского университета, но это не мешает ему быть тружеником в полном смысле этого слова. Он превосходен, когда дело идет о преподавании своих познаний другому, но ка-

жется, что от него, кроме хрестоматии и сравнительных изучений рукописей, ничего не дождешься»[54].

Занятия санскритом двигались успешно. Этот язык казался Петрову очень простым по сравнению с арабским. Первым самостоятельным переводом с санскрита оказался отрывок из «Махабхараты» — эпизод из «Сказания о Нале и Дамаянти», который, как говорилось выше, был опубликован в 1834 г. в «Телескопе» у Белинского. Кстати, это был первый в истории отечественной индологии опубликованный перевод с санскрита, выполненный русским ученым. Именно Петрову, а не В. А. Жуковскому обязан русский читатель первым знакомством с этой древнеиндийской поэмой. Перевод В. А. Жуковского, выполненный с немецкого перевода Рюккерта, увидел свет только в 1844 г.[55].

За «Налем и Дамаянти» последовали переводы из драмы Калидасы «Викраморваши» — «Урвазии», как писал Петров. Очевидно, для перевода Петров пользовался санскритским текстом, изданным в 1833—1834 гг. в Берлине Ленцем (см. выше, примеч. 23 и 28). Перевод Петрова не был опубликован.

Внимание Петрова с самого начала его пребывания в Петербургском университете привлекали санскритские рукописи, которые хранились в Азиатском музее Академии наук. Описание их было уже опубликовано Ленцем в 1833 г. (см. примеч. 24). В 1836 г. Петров издал «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музеуме...»[56]. В «Прибавление» вошло описание четырех санскритских рукописей, привезенных Г. С. Лебедевым. Побывав в начале 1837 г. в Москве, Петров получил разрешение на работу с восточными рукописями, хранящимися в библиотеке Московского университета, и издал описание 11 рукописей на арабском, персидском и турецком языках[57]. По указанию Френа Петров приступил к разбору коллекции Азиатского музея и описал около 200 арабских монет и медалей.

В 1836 г. Ленц, вернувшись из-за границы, начал преподавать санскрит в Петербургском университете, о чем Петров написал М. П. Погодину: «При здешнем Университете открылась кафедра санскритского языка. Ленц, недавно воротившийся из Англии, собирает теперь под свои знамена до тридцати слушателей...»[58]. Занятия у Ленца, как мы знаем, продолжались всего несколько месяцев. О личных контактах Петрова и Ленца и каких-либо индивидуальных занятиях сведений нет.

Все сказанное свидетельствует о том, что санскрит и санскритскую литературу Петров одолел сам. Нет оснований считать его, как это делается в некоторых работах по истории индологии, учеником и последователем Ленца, тем более в Петербургском университете, который Петров вскоре покинул навсегда.

Успехи Петрова были настолько значительны, что еще за год до окончания обучения, 7 декабря 1837 г., был поставлен вопрос

о том, чтобы досрочно принять экзамены у будущего профессора и отправить его на стажировку за границу. Комиссия, созданная для приема экзаменов и включавшая всех преподавателей разряда восточной словесности, оценила знания выпускника как превосходные. В качестве диплома Петров представил Френу работу «Ситахаранам» («Похищение Ситы») — санскритский текст, перевод на русский язык, предисловие, словарь, подробный грамматический разбор. Текст представлял собой отрывок из индийской эпической поэмы «Рамаяна» («Адхьятма Рамаяна»). Поскольку в типографии Академии наук тогда еще не было шрифта деванагари, работа осталась ненапечатанной.

7 мая 1838 г. Петрову была предоставлена командировка в страны Западной Европы, и 6 августа он покинул Петербург [59]. Когда в 1838 г. Петров приехал в Берлин и встретился с Францем Боппом, у которого учился санскриту Ленц, то Бопп вынужден был признать, что молодой Петров (ему в ту пору было 24 года) хорошо знает санскритскую литературу. В письме к акад. Френу Бопп высоко оценил способности Петрова и выразил уверенность, что «он составит честь и славу индийской филологии» [60]. Поскольку знаменитый основатель сравнительной грамматики индоевропейских языков в год приезда Петрова вел начальный курс санскрита, занятия Боппа с ним не состоялись. Между тем Петров еще не стал сложившимся ученым, ему было бы полезно подучиться методологии лингвистических исследований. Этот пробел в подготовке он так и не сумел заполнить в течение всей своей жизни.

За границей Петров провел чуть больше двух лет (1838—1840), побывав помимо Берлина в Лондоне и Париже. Получив возможность сравнить уровень исследований по языкам мусульманского Востока во Франции, в Англии и в России, Петров пришел к выводу, что в России эти языки знают и изучают лучше и глубже, чем на Западе. В 1840 г. он писал из Парижа: «В отношении к языкам мусульманским я смело скажу, что русские кафедры не только ни в чем не уступают французским, но и во многих отношениях их превосходят. Не говоря уже об языках персидском и турецком, которым только у нас можно научиться как должно, даже в отношении к арабскому я не нашел здесь ничего такого, чего бы не доставало в нашем отечестве» [61].

Петров постоянно посылал отчеты о проделанной работе на имя министра народного просвещения. Так, в Париже он познакомился с трудами французских ученых по упанишадам и тотчас же отправил донесение об этом в Россию [62]. В одном из писем-отчетов министру он перечисляет несколько видов своих занятий за определенный промежуток времени, в том числе: исследование санскритских рукописей в библиотеках Западной Европы; подготовка отрывков из этих рукописей для составления хрестоматии (были сделаны, например, выписки из «Падма-пураны» и санскритских драм); изучение истории Кашмира по рукописям сочинения «Раджа-Тарангини», которое в то время еще не было

исследовано (этот ценнейший памятник был опубликован только в 1929 г. А. Стейном); изучение бенгальского и зендского (авестийского) языков; работа над написанием грамматики санскрита; исследование арабских и персидских рукописей и новейшей литературы — грамматик, словарей, переводов [63].

В ноябре 1840 г. Петров вернулся в Петербург и начал хлопотать относительно устройства на работу. Несмотря на блестящие характеристики коллег и наставников, вскоре стало ясно, что в Петербурге Петрова ничего хорошего не ждет. Он пытался поступить на службу в МИД в качестве переводчика, но получил отказ. Формальной причиной явилось правило, согласно которому каждый выпускник Профессорского института сначала должен был в течение 12 лет отслужить на преподавательской работе. Но такой работы тоже не было. Целый год Петров был без денег и без работы, жил в страшной нужде.

Впервые этот период его жизни получил освещение в истории русского востоковедения благодаря находкам А. С. Шофмана, отыскавшего в ГБЛ письма Петрова к М. П. Погодину [64]. Петров писал 1 июня 1841 г.: «Живу Бог знает чем и как, то явится какой-нибудь урок, то напишу статью, то займу и таким образом перебиваюсь довольно неудачно. Места по восточной части в Университете есть два: кафедра санскритского, для которого меня нарочно послали за границу и которой мне теперь не дают, а еще место адъюнкта персидского языка, которое я очень мог бы занять. Я подавал записки и попечителю, и министру, просил через других, но ответа не получил» [65].

Хотя в условиях царской России такое пренебрежительное отношение к ученым само по себе и не вызывает особого удивления, все же возникают некоторые опасения по поводу причин явного нежелания предоставить Петрову работу в Петербурге. Его аналогичные просьбы в Московский университет также оставались без внимания. Хотя в нашем распоряжении нет никаких письменных документов, позволяющих усмотреть в этом подводные камни, однако какая-то тайная причина здесь имеется. Постоянная переписка и дружеские связи с Белинским, завоевавшим к этому времени репутацию неблагонадежного человека, контакты с выпускниками Московского университета, этого рассадника свободомыслия, сотрудничество в журнале «Телескоп», в котором в 30-х годах постоянно печатались переводы Петрова с восточных языков и его стихи, и, наконец, отношения с бывшим наставником, А. В. Болдыревым, заменить которого на кафедре восточных языков в Московском университете Петров должен был со временем и который находился в это время в опале [66],— все это, по всей вероятности, было записано в «досье» Петрова, и Министерство народного просвещения не спешило с определением его на работу. Даже после того как через год ему, наконец, повезло — оказалось место преподавателя санскрита на вновь открытой санскритской кафедре в Казанском университете,— Петров не получил научного звания, которое ему полага-

лось по должности, и в течение десяти лет преподавания в Казани оставался исполняющим обязанности адъюнкта.

Несмотря на бедственное положение, Петров продолжал заниматься переводами с санскрита и исследованием древнеиндийской литературы. Публиковать подготовленные им санскритские тексты в Петербурге по-прежнему не было возможности из-за отсутствия в типографии шрифта деванагари, Петров вернулся к переводам отрывков из «Махабхараты» и издал в журнале «Москвитянин» (1841, ч. 4, № 8) «Сказание о рыбе» и «Сказание о Савитри». Из статей по древнеиндийской литературе наибольший интерес представляет обзор «О священной литературе народов загангесской Индии» [67]. В том же, 1841 г. была опубликована статья «О составе санскритского языка» [68].

В 30—40-х годах XIX в. одним из центров русского востоковедения становится Казанский университет, основанный в 1804 г. (см. гл. 3). К этому времени при университете уже велось преподавание многих восточных языков. Из всех восточных кафедр постепенно был составлен разряд восточной словесности, который входил в состав философского факультета [69]. Разряд воспитал целую плеяду русских востоковедов.

В 1842 г. при Казанском университете была открыта кафедра санскрита. Петрову было предложено место преподавателя на этой кафедре. Его познания в восточных языках получили в кругу ученых, которых ректор Н. И. Лобачевский собрал в Казанском университете в начале 40-х годов, заслуженно высокую оценку. Попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин считал приезд Петрова в Казань крупным событием для университета. Министерство, однако, назначило Петрова, как только что было сказано, лишь исполняющим обязанности адъюнкта по кафедре санскритского языка [70]. С приездом Петрова по предложению Н. И. Лобачевского с января 1842 г. санскрит стал обязательным предметом на монголо-татарской и китайской кафедрах.

Интерес к санскриту в Казанском университете возник не случайно. Еще в 1837 г. профессор Казанского университета М. Лунин опубликовал статью «Индия. Взгляд на жизнь индостанского народа», в которой привел подробные сведения о культуре и науке Индии, об истории, общественном строе и законодательстве страны [71].

Свою деятельность в Казанском университете Петров начал с составления «Программы для преподавания санскритского языка и литературы», которая была напечатана в «Ученых записках Казанского университета» (1842, кн. 2). Она вышла и отдельным изданием [72]. Программа предусматривала подготовку специалистов широкого профиля. Санскрит рассматривался в ней не как подсобная дисциплина для сравнительного языкознания, а как часть древнего культурного наследия Индии. В программе было запланировано чтение курсов по этимологии, диалектам, фонетике, транскрибированию и каллиграфии сан-

скрита, по санскритской литературе, истории Индии, законам Ману, индийской философии и индийским наукам.

Базой для такой постановки преподавания стала библиотека Казанского университета, в которой вопреки опасениям Петрова оказались все последние европейские исследования по индологии и другим восточным дисциплинам. Здесь же были собраны редкие восточные книги и рукописи по различным отраслям восточной филологии и этнографии [73].

Для преподавания Петров в 1846 г. составил первую в истории отечественной индологии обширную «Санскритскую антологию». Она включала различные санскритские тексты: отрывки из эпоса, сказки, басни, фрагменты из философских текстов и исторических памятников (из «Раджа-Тарангини»), а также санскритскую лирику и драмы. Во второй части антологии приводился этимологический словарь к текстам. Чтобы напечатать эту антологию, Казанский университет в октябре 1843 г. с большими трудностями выхлопотал шрифт деванагари, который был закуплен в Берлине [74]. В течение года Петров сам набирал в типографии свою антологию. Чтобы ускорить набор, шрифт брал домой и работал по вечерам. Наконец 200 экз. антологии были готовы: 100 из них поступило в библиотеку, 100 — продано желающим. Это была капля в море, и уже при жизни Петрова антология сделалась библиографической редкостью. Удалось издать только первую часть; словарь так и не увидел свет [75].

В 1844 г. с помощью казанской типографии Петров опубликовал санскритский текст лирической поэмы «Гхата-карпарам» («Разбитый сосуд») с предисловием и грамматическим и метрическим разбором. Издание сохранилось только в библиотеке Московского университета.

В годы преподавания в Казанском университете Петров занимался египетским и монгольским языками, продолжал изучать веды, упанишады, опубликовал статью «О духовной литературе индусов» [76].

В Казани Петров чувствовал себя очень одиноко. Письма к декану историко-филологического факультета Московского университета С. П. Шевыреву, обнаруженные в ГПБ А. С. Шофманом, показывают, что он рвался в Москву, где надеялся встретить старых друзей и вновь обрести опору в жизни, которой в последние годы ему явно не хватало [77]. В конце 40-х годов Петров открыто начал хлопотать о переводе в Москву в связи с ухудшением здоровья из-за местного климата. С. П. Шевырев предложил ему кафедру санскритологии при Московском университете. Предложение было принято. В 1852 г. Петров покинул Казань и перебрался в Москву.

В Казани его место занял уже упоминавшийся Ф. Боллензен [78].

Санскритская кафедра в Казанском университете просуществовала без Петрова недолго, всего два года, и в 1854 г. была закрыта в соответствии с правительственным указом от 22 ок-

тября «О сосредоточении преподавания восточных языков при С.-Петербургском университете»[79].

В Московском университете не было специального восточного разряда, и кафедра санскрита открылась при историко-филологическом факультете. Санскрит был факультативным предметом. Однако лекции Петрова пользовались большой популярностью, у него всегда хватало слушателей. Студенты просили Петрова начать также занятия арабским и персидским языками. Он согласился и вел эти занятия бесплатно в течение 15 лет своей педагогической деятельности в этом университете. Только 17 марта 1856 г. Петров был избран наконец экстраординарным профессором по кафедре санскритского языка. Позднее от Совета Петербургского университета он получил степень доктора санскритской словесности honoris causa, а Московский университет присвоил ему звание ординарного и заслуженного профессора[80].

Из трудов Петрова, опубликованных в годы его пребывания в Московском университете, многие стали библиографической редкостью. Назовем две его работы: «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях» и «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских» (написана к 100-летнему юбилею Московского университета), напечатанные, как и большинство его статей, в «Московских университетских известиях» (1853 и 1855 гг. соответственно). В 1865 г. в Москве вышла его «Санскритская грамматика (деванагарский алфавит и чтения)». Затем были напечатаны четыре статьи Петрова, посвященные новоиндийским языкам бенгали, хиндустани и маратхи и литературе на них[81]. Все время Петров продолжал заниматься кашмирской историей и в 1856 г. опубликовал в «Московских университетских известиях» статью «Раджа-Тарангини. Историческая поэма Кальхана Пандиты», а в 1872 г. — перевод начала первой книги этого памятника — «Из реки царей Кальханы».

Петров интересовался индийской медициной, подготовил для «Московского врачебного журнала» статью «О медицине древних индусов»[82], собрал материал для санскритско-русского словаря, но закончить словарь так и не успел. В августе 1875 г. он ушел в отставку и через две недели, 2 сентября, умер. Семьей он так и не обзавелся, жил со старухой матерью и двумя сестрами. Библиотеку свою, которую он с любовью собирал и считал своим самым дорогим достоянием, он завещал Московскому университету. В ней — более 2 тыс. книг, среди которых представлены исследования более чем на 100 различных языках[83]. Библиотека Петрова и теперь находится в составе библиотеки Московского университета.

Петров был неутомимым тружеником, ни минуты не мог провести без дела, постоянно что-то изучал, как губка впитывал новые языки. Н. В. Берг, который в последние годы жизни Петрова поддерживал с ним дружеские контакты (насколько это было возможно, если принять во внимание замкнутость и нелюди-

мость Петрова в эти годы), в воспоминаниях о нем пишет: «Сколько именно языков было ему известно и в какой степени, этого, мне кажется, определенно никто не знает». И далее: «Он говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков» [84].

И все же приходится признать, что крупных работ Петров за свою жизнь так и не написал. И хотя основным его занятием начиная с 1842 г. было преподавание восточных языков, он не создал индологической школы и не оставил учеников и продолжателей своих научных идей. Академик К. Г. Залеман, которому принадлежит статья о Петрове в «Русском биографическом словаре», дал довольно суровую оценку научной деятельности Петрова, отметив, что он не имел «дальнейшего влияния на успех науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно». С последней частью оценки Залемана нельзя согласиться.

Теперь, когда прошло более 100 лет со дня смерти Петрова, видно, что его труды не пропали бесследно. Он работал в тот начальный период развития индологии в России, когда шел процесс накапливания научных знаний. До Петрова сделано было очень мало. Значение его работ для индологии состоит в том, что они наметили отрыв санскритологии от общего языкознания, проложили путь изучению новоиндийских языков и литератур, содействовали знакомству русского читателя с индийской литературой и наукой. Он не смог оторваться от земли и взлететь, он был черной рабочей силой, по крупинке собирающей знания.

Для больших свершений не хватало и здоровья, и нервная система, изнуряемая тяжким трудом, постоянно давала сбой. Довольно рано у Петрова появился душевный надлом. Об этом свидетельствуют его письма к Белинскому за 1837—1838 гг. [85]. Пессимистические настроения Петрова проистекали от неуверенности в том, что избранный им путь правилен. Окружающие его «мерзости русской жизни», вызывавшие протест со стороны всех лучших людей России, не могли не отразиться на впечатлительной душе молодого ученого. Начало душевного надлома у Петрова по времени совпало с кризисом, который в 1837 г. переживал и его друг В. Г. Белинский, качнувшийся в сторону идеализма и «примирения с действительностью». Однако у Белинского этот кризис скоро прошел, он покончил с примиренчеством и обратился к революционному демократизму. Петров же изменил вольнолюбивым мечтам молодости, все больше и больше отдалялся от идеалов, которыми жили передовые слои русского общества, уходил в себя и в работу.

Вернулся в Москву он только через четыре года после смерти Белинского. Не осталось близких друзей, с которыми он делился и успехами, и научными планами, и душевными невзгода-

ми. Петров отошел от людей, замкнулся. Н. В. Берг в воспоминаниях о Петрове писал, что он «был человек скромный, притом весьма необщительный, бирюк, к которому подойти было довольно трудно. Он никогда ничем не хвалился... в обществе не являлся... Нравственная чистота его была необыкновенная. Это был кристалл самой чистой воды. Он всю жизнь чего-то искал и все шел по „своей" дороге вперед...» [86].

Несмотря на отсутствие линии преемственности в русской индологии, в 30-х годах XIX столетия в Петербурге с некоторыми перерывами преподавание санскрита и подготовка индологических кадров все же продолжалась. Этому способствовали индийские рукописи, постепенно собиравшиеся в стенах Азиатского музея Академии наук и Публичной библиотеки, а также богатые академическая и университетская библиотеки, в которые поступали все новейшие исследования по востоковедению, появлявшиеся на Западе.

Подготовка отечественных востоковедных кадров осуществлялась в двух учебных центрах: на разряде восточной словесности Петербургского университета и в Учебном отделении восточных языков (или Институте восточных языков) при Азиатском департаменте МИД. Постепенно расширился штат ученых-ориенталистов и в Академии наук. Эти три учреждения были тесно взаимосвязаны. Для преподавания в них использовались восточные рукописи всех хранилищ Петербурга; преподаватели одновременно занимались описанием и каталогизацией рукописных фондов. Оба научных центра — разряд восточной словесности и отделение восточных языков — в своем штате имели одних и тех же преподавателей. Отделение восточных языков готовило кадры для работы за рубежом в основном из выпускников разряда восточной словесности. Академики-ориенталисты принимали участие в составлении учебных программ и приглашались на экзамены в качестве членов комиссий. Некоторые преподаватели были членами Академии наук [87].

Мы уже рассказывали о годах учебы П. Я. Петрова в дерптском Профессорском институте при Петербургском университете, о том, что его наставниками и покровителями были директор Азиатского музея Х. Д. Френ и директор Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД Ф. П. Аделунг. Описание системы подготовки востоковедных кадров в Петербурге мы находим в статье, опубликованной в № 10 «Молвы» за 1835 г., автором которой, вероятно, был постоянный корреспондент этого журнала П. Я. Петров. Статья называется «Институт восточных языков в С.-Петербурге» и повествует о том, как «посвятившие себя занятию Востоком наиболее могут найти средств и способов удовлетворить своему стремлению». С Институтом восточных языков связана деятельность Ф. П. Аделунга (1768—1843), который в течение почти 20 лет (1825—1842)

был его директором, оставившим заметный след в санскритологии и изучении древней индийской литературы.

Федор Павлович Аделунг окончил университет в Лейпциге и в 1794 г. приехал в Россию. В 1785—1797 гг. он служил в Митаве. Затем был приглашен в Петербург и состоял при дворе, занимая должности цензора немецких книг и директора немецкого театра. В 1803 г. он стал наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. В 1809 г. Аделунг был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1838 г. — почетным академиком. Аделунг известен как историк, археолог и лингвист.

В 1830 г. он составил выдающийся в истории индологии справочник — библиографический указатель «Опыт литературы на санскритском языке». Эта книга вышла на немецком языке в Петербурге, затем, в 1832 г.,— на английском в Лондоне; повторное — исправленное и дополненное — издание увидело свет в Петербурге в 1837 г.[88]. В книге описано более 350 санскритских памятников литературы, введенных в научный оборот[89]. В свое время она была настольным справочником для всех индологов.

На основе указателя Аделунга Ф. В. Менцов составил обзор памятников литературы, науки и искусства древней Индии и назвал его «Взгляд на литературу, науки и художества гиндусов»[90]. Статья пользовалась большой популярностью у широкого читателя. Вторая ее часть появилась в 1839 г. в журнале «Библиотека для чтения»[91]. Труд Аделунга позволил русскому читателю не только познакомиться с древнеиндийской литературой, но и оценить тот вклад, который внесли индусы в мировую цивилизацию. Менцов заканчивает свою статью выводом: «Итак, большая часть Востока была образованна не только не хуже, но, может быть, даже еще и лучше образованных европейских народов; но из всех их самый просвещенный и самый богатый литературою народ был — гиндусский»[92].

Аделунг работал во многих направлениях русской культуры. Так, он принимал участие в создании Румянцевского музея в Москве, в 1820 г. выпустил «Обозрение всех языков и наречий». Многие его материалы остались неопубликованными и хранятся в архивах Москвы и Ленинграда. Материалы, собранные в АВ (ф. 1), показывают, что Аделунг интересовался Средней и Центральной Азией, в частности Бухарой и Хивой. Сохранились сделанные его рукой выписки из дел Петербургского архива Коллегии иностранных дел, касающиеся сношений России с народами Средней Азии в 1769—1812 гг. В АВ хранятся также материалы, озаглавленные «О путях в Индию, о Бухарии и Хиве». Это — сообщения, записанные в Оренбурге неким Абдуллой Сеитовым в октябре 1750 г. Приведенный перечень дает основания предполагать, что Аделунга интересовали сведения русских землепроходцев и мусульманских паломников о путях проникновения в Индию. Вероятно, Аделунг имел в виду не только торговые, но и культурные контакты с Индией.

Индийская культура всегда притягивала его внимание. Здесь уместно назвать еще одну работу Аделунга, которая по ошибке никогда не указывалась среди его трудов. Речь идет о списке русских слов в сопоставлении с санскритскими, латинскими и греческими, подписанном инициалами Ф. А. и помеченном 1811 г. (машинопись хранится в ГПБ). Очевидно, это черновые заготовки к его широко известной брошюре «О сходстве санскритского и русского языков» (СПб., 1811), которая в том же году была опубликована и на французском языке [93], затем была переведена на английский и вызвала многочисленные отклики в русской прессе [94].

Акад. А. П. Баранников, который обнаружил рукопись в ГПБ, посвятил ей целую статью, объявив о русском анонимном авторе, опередившем Ф. Боппа идеей о родстве индоевропейских языков [95]. Между тем этим анонимным автором, очевидно, был именно Ф. П. Аделунг, подписавший одну из своих ранних научных работ инициалами Ф. А. Что касается самой идеи родства индоевропейских языков, то Аделунг, равно как и «анонимный автор», здесь не были первыми: еще Г. С. Лебедев, как мы уже отмечали, в 1805 г. писал о санскрите как о языке — основе других языков, в том числе и русского. В Европе же эта идея была высказана намного раньше.

Сам Аделунг санскрит не преподавал, но, как вспоминал П. Я. Петров, активно помогал молодому ученому советами и книгами. Преподавание санскрита после смерти Ленца в Петербурге на некоторое время приостановилось.

Второй раз лекции по санскриту в Петербургском университете начал читать в 1838 г. Бернгард Дорн. Эта страница истории санскритологии почему-то во многих обзорных статьях оказалась забытой.

Б. А. Дорн (о нем подробно сказано в отдельном параграфе гл. 5), как и Ф. Аделунг, закончил Лейпцигский университет. Доктор философии, он знал несколько восточных языков и был приглашен в Россию в качестве ординарного профессора Харьковского университета. В 1829—1835 гг. он вел там преподавание арабского, персидского, турецкого, древнееврейского, санскритского и эфиопского языков. Все курсы лекций читал по-латыни. В 1835 г. Дорн переехал в Петербург и предложил бесплатно читать в Петербургском университете курс санскрита. 8 января 1836 г. Министерство народного просвещения дало согласие на начало занятий. Однако в это время вернулся из заграничной командировки Р. Х. Ленц и в марте сам приступил к чтению лекций по санскриту. После смерти Ленца Дорн снова предложил свои услуги. Дело тянулось очень долго, и он смог начать занятия только 4 октября 1838 г.

Лекции по санскриту читались два раза в неделю для студентов и вольнослушателей. Архивные документы сохранили фамилии 11 его постоянных слушателей: девять студентов из разряда восточной словесности и двое юристов [96]. Преподавание

санскрита продолжалось четыре года, до 1842-го, когда Дорн прекратил чтение этого курса. На это были две причины. Во-первых, он был избран экстраординарным академиком и назначен директором Азиатского музея. Работа в Академии требовала много времени и сил. Во-вторых, в 1842 г. в Академию наук адъюнктом был приглашен санскритолог О. Н. Бётлингк (Бётлинг). Очевидно, Дорн счел свою задачу выполненной и оставил санскритологию для вновь появившегося специалиста.

Справедливости ради следует отметить, что Дорн зря поторопился: хотя Бётлингк был выдающимся санскритологом (переводчиком, ученым, автором словарей и пособий для преподавания), курс санскрита в Петербургском университете он не читал, и преподавание этой дисциплины вновь прервалось, теперь уже на более длительный срок. Только в 1854 г. его возобновил К. А. Коссович.

С именем Дорна связана важная страница в истории сравнительного изучения индоевропейских языков. Он был первым, кто опубликовал серьезное научное исследование, посвященное родству славянских языков и санскрита. Его книга «О родстве языка славянского и санскрита» (на латыни), изданная в Харькове в 1833 г., отличалась строгостью научного метода, ввела славянские материалы в сравнительное языкознание и затронула вопросы происхождения славян. По глубине научного исследования ее можно поставить рядом с трудом Ф. Боппа [97].

Отто Николаевич Бётлингк (1815—1904) родился в Петербурге, в 1833 г. поступил в столичный университет, однако весной 1835 г. перебрался в Берлинский университет, а затем в Боннский. В Германии он прошел хорошую школу санскритологии у А.-В. Шлегеля и Х. Лассена, слушал лекции Ф. Боппа. Закончил образование в Гессенском университете, получив степень доктора философии.

Первые самостоятельные исследования Бётлингка были посвящены древнеиндийской грамматике Панини. В освоении языка он видел «единственное надежное средство изучить впоследствии тот сложный и своеобразный мир, ключ к пониманию которого был санскрит» [98]. В 1839—1840 гг. ученый подготовил к публикации и издал текст грамматики Панини с введением, комментарием и указателями. Работу над этим текстом он продолжал в течение всей жизни; окончательное издание грамматики увидело свет только в 1887 г [99].

В 1842 г. Бётлингк был приглашен в Академию наук адъюнктом по санскриту, в 1845 г. избран экстраординарным академиком, а в 1855 г. получил звание ординарного академика. Быстрая карьера ученого объясняется вкладом, который он внес в индийскую филологию изданием (совместно с немецким индологом Р. Ротом) санскритско-немецкого словаря. Это издание составило целую эпоху в изучении древнеиндийской культуры и подвело итог всех индологических исследований предшествующего периода. В словарь была включена полная роспись всех

изданных санскритских текстов. Каждое приведенное в словаре значение санскритского слова было подтверждено всеми контекстами его употребления. Словарь в семи томах издавался Петербургской Академией наук с 1852 по 1875 г.[100]. В 1879—1889 гг. была подготовлена краткая редакция этого словаря, тоже в семи томах. Хотя другое издание названо кратким, сокращение объема было вызвано уменьшением количества отсылок к первоисточникам. Количество же санскритских слов в нем значительно увеличено[101].

Эти труды Бётлингка в индологии получили название Большого и Малого Петербургских словарей. Именно им индийская филология обязана своими быстрыми успехами.

Хотя в списке трудов Бётлингка, опубликованном С. Ф. Ольденбургом и Карлом Залеманом, более 160 названий[102], главная его заслуга — словари. Тем не менее следует отметить и другие направления работы ученого. Одно из них — это издание текстов (как с переводом на немецкий язык, так и без перевода) санскритских грамматик и синонимических словарей. Другое — создание практических пособий для изучения санскрита: составление хрестоматии санскритских текстов, написание грамматики санскрита. Интересы исследователя вывели Бётлингка за рамки санскритологии: его перу принадлежат «Грамматические исследования о русском языке», статья о тюркско-татарской грамматике и не утратившее своего значения до наших дней исследование о языке якутов[103]. Работы Бётлингка в области тюркологии находятся на уровне современных тюркологических исследований[104].

К числу заслуг этого ученого следует отнести также его деятельность по организации типографии Академии наук и обеспечению ее индийскими шрифтами, которые понадобились для напечатания Большого Петербургского словаря. Благодаря его стараниям в 1852 г. типография Академии наук приобрела большой набор деванагари.

Бётлингку принадлежат также переводы с санскрита на немецкий язык ряда памятников древнеиндийской литературы. Среди них — издание текста и перевод драмы Калидасы «Шакунтала», перевод драмы Шудраки «Мриччхакатика» («Глиняная повозка») и публикация текста с переводом одного из важнейших памятников по теории древнеиндийской литературы — «Поэтики» Дандина[105].

В 1868 г. Бётлингк навсегда покинул Петербург и поселился сначала в Йене, а затем в Лейпциге, где он и прожил до конца своих дней. Заслуги этого ученого перед Петербургской Академией наук были столь значительны, что, когда он в 1894 г. вышел в отставку, Академия наук избрала его своим почетным членом[106].

В ноябре 1855 г. Петербургский университет получил разрешение открыть на восточном факультете кафедру санскритского языка. Попечитель Петербургского учебного округа вошел с хо-

датайством в Министерство народного просвещения о перемещении из Московского университета со званием исполняющего обязанности ординарного профессора кафедры санскритского языка адъюнкта П. Я. Петрова в Петербург, но Петров отказался [107]. Тогда в 1858 г. к преподаванию санскрита в Петербургском университете официально был допущен К. А. Коссович, который в это время работал в Императорской Публичной библиотеке и практически уже вел занятия санскритом, как упоминалось выше, с 1854 г., и притом бесплатно.

Каэтан Андреевич Коссович (1814—1883) [108], сын священника, в 1836 г. закончил Московский университет со степенью кандидата 1-го отделения философского факультета. Сохранились теплые отзывы Белинского о Коссовиче [109]. Молодой выпускник университета несколько лет работал преподавателем греческого языка в гимназиях (в Твери, затем в Москве), а в 1845—1847 гг. вел курс греческого в ЛИВЯ. В 1850 г. он переехал в Петербург и был назначен редактором ученых работ Императорской Публичной библиотеки. В 1851 г. он уезжает в командировку за рубеж: во Францию, в Англию и Германию. Основная цель командировки — отбор книг для пополнения Публичной библиотеки и консультации по вопросам определения восточных рукописей из собрания библиотеки, описанием которых он занимался.

Сроки командировки точно установить не удается. Во всяком случае, уже в следующем году Коссович снова в Петербурге. До 1858 г. он продолжал работать в библиотеке, однако уже с 1854 г. начал одновременно преподавать санскритский язык в Петербургском университете, не получая за это жалованья. Его успехи в области преподавания санскрита и переводов санскритской литературы были отмечены присуждением ему в 1857 г. почетного звания члена-корреспондента Харьковского университета. В 1858 г. Коссович окончательно перешел в Петербургский университет для преподавания санскрита.

С его приходом в университет санскрит сделался обязательным предметом для «арабско-персидского, китайско-маньчжурского, монголо-калмыцкого и санскритско-тибетского отделений. Для всех остальных восточных разрядов он объявлялся факультативным» [110]. В 1860 г. успехи Коссовича как преподавателя санскрита были замечены и его назначили исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре санскритской словесности. В 1864—1866 гг. он стажировался за границей, после чего был утвержден ординарным профессором.

Деятельность Коссовича в Петербургском университете следует отметить особо. Если курсы, которые читали Р. Х. Ленц и Б. А. Дорн, в значительной степени были подчинены нуждам сравнительного языкознания и давали слушателям только знание языка, Коссович пытался подойти к преподаванию санскрита как к предмету, необходимому для изучения культуры Индии — и древней и современной. Вместе с В. В. Григорьевым Коссович подал в Министерство народного просвещения записку

о перестройке преподавания на восточном факультете. В этой записке предлагалось перейти от преподавания восточных языков к подготовке специалистов по всем отраслям знаний, связанных с Востоком. По кафедре санскритологии был предложен перечень обязательных предметов для преподавания, включавший 20 курсов, в том числе «санскритскую словесность», «новоиндийские языки», «историю Востока», «религиозные учения Востока», «литературу на новоиндийских языках», «пали». Проект полностью так и не был осуществлен.

Тем не менее Коссович составил программу преподавания ряда дисциплин по индологии, которая была принята на восточном факультете и которую он проводил в жизнь. Он читал курсы по древнеиндийской литературе, по искусству, по индийской архитектуре, по гражданскому и политическому устройству древнеиндийских государств, по греческим источникам об Индии. В 1859—1860 гг. были опубликованы «Вступительная лекция о санскритском языке и литературе» и «Две публичные лекции о санскритском эпосе», которые по сравнению с предыдущими публикациями содержали некоторые обобщения материалов и намечали пути дальнейших исследований [111]. В частности, в них было взято направление на изучение ведийской литературы, «Ригведы» и сопоставление ее с «Авестой» [112]. Это была первая попытка использовать памятники древнеиндийской литературы для описания древних ариев периода индоиранской языковой общности. Важное место в работах ученого занимали также исследования языка древних иранских надписей [113].

В 1855—1856 гг. Коссович начал составление «Санскритско-русского словаря». Он остался незаконченным, из печати вышли только несколько выпусков, составивших один большой том [114].

Работая в Петербургском университете, Коссович не порывал связей с Москвой, находился в постоянном контакте с деканом историко-филологического факультета Московского университета С. Шевыревым, с Д. Языковым и А. Гильфердингом, сотрудничал в славянофильских изданиях. Он писал: «Я же по духу и по сердцу сын Москвы» [115]. В то же время он постоянно печатался в «Современнике». П. А. Плетнев, редактор «Современника» и ректор Петербургского университета, высоко ценил его переводы. Одной из его наиболее серьезных публикаций 40-х годов, бесспорно, является перевод драмы Кришна Мишры «Торжество светлой мысли» — произведения, затрагивающего религиозно-философские проблемы Индии. При переводе Коссовичу пришлось вплотную подойти к решению задачи, которая и по сей день еще не может считаться полностью решенной в отечественной и западноевропейской индологии,— адекватного перевода философской терминологии.

Коссовичу принадлежит значительное количество переводов древнеиндийской литературы на русский язык. Он занимался переводами эпоса, драмы, «Ригведы». Особенно его внимание привлекла «Махабхарата». Он был первым, кто перевел на рус-

ский язык «Сказание о Сунде и Упасунде» [116]. В 1854 г. этот же эпизод был переведен Н. В. Бергом, который пользовался подстрочником П. Я. Петрова, и опубликован в том же «Москвитянине» [117]. Коссовичу принадлежит также перевод на латинский язык «Легенды об охотнике и паре голубей» и «Сказание о Савитри» из «Махабхараты» [118] (впервые «Сказание о Савитри» было переведено П. Я. Петровым).

В последний период своей научной деятельности Коссович отошел от санскритологии. Преподаванию санскрита в стенах Петербургского университета он отдал почти 25 лет жизни. Им много было сделано, впервые были поставлены проблемы выделения в языке философской терминологии, в круг исследований начали вовлекаться пракриты. Преподавание языка и литературы сопровождалось горячими дискуссиями о судьбах индийской литературы. Тем не менее Коссовича можно отнести скорее к энтузиастам-пропагандистам: во всех его начинаниях чувствовалось отсутствие серьезной научной школы и строгого научного метода [119].

В результате переводческой деятельности ученых России в 30—50-х годах русские читатели получили некоторое представление о древнеиндийском эпосе. К перечисленным выше переводам следует также добавить новый перевод «Сказания о Нале», который в 1851 г. был опубликован братом К. А. Коссовича — И. А. Коссовичем [120]. Довольно широко в русских переводах была представлена индийская драма. Отрывок из «Ригведы» в переводе К. А. Коссовича — «Гимн утренней заре» — вошел в антологию Н. В. Берга «Песни разных народов» [121]. В этом сборнике перевод всех персидских и многих башкиро-татарских песен Берг записал со слов П. Я. Петрова, удивительно тонко и поэтично передававшего их. Таким образом, русские индологи в рассматриваемый отрезок времени сделали много для знакомства русских читателей с различными жанрами литературы народов Востока.

В научном же отношении самым важным событием в индологии в этот период явилось составление петербургских санскритских словарей и различных пособий для изучения санскрита — практических грамматик, хрестоматий, антологий, изданий отдельных текстов со словарем и грамматическим комментарием. Эти работы обеспечили возможность индологам следующего поколения продолжить и углубить индологические исследования. С. Ф. Ольденбург, оценивая вклад О. Н. Бётлингка в науку, отметил, что «Большой Петербургский словарь... знаменует собой эру в изучении санскрита. Справедливо можно сказать в этой области о двух периодах: до словаря и после словаря» [122].

Глава 8

ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ О ВОСТОКЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛЕТИЯ

В начале XVIII в. в России обозначился энергичный рост дворянской культуры и науки, связанный с реформаторской деятельностью Петра I. Большое развитие, в частности, получила русская публицистика. 2 января 1703 г. вышел в свет первый номер первой газеты в России «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». И весьма симптоматично, что уже в этом самом первом номере среди прочих важных и интересных известий была помещена краткая заметка следующего содержания: «Из Персиды пишут: Индейский царь послал в дар великому Государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем...» Речь здесь идет о поездке русского купца Семена Маленького в Индию.

В российской публицистике о Востоке постепенно намечалось демократическое направление. Оно связано в первую очередь с именами Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, частично Г. Р. Державина и других представителей русского просветительства. И хотя эти люди не были едины по своим позициям, нравственным и политическим убеждениям, но именно в их деятельности стали ощущаться последствия того исторического процесса, который принято называть реформами Петра Великого. В своих «Исторических замечаниях» Пушкин высказал удивительно точную характеристику этих десятилетий XVIII столетия: «Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе» (XI, 14) [1].

Развитие торговых и дипломатических отношений со странами Востока, стремление России выйти к Черному морю уже в

первой четверти XVIII в. заметно повлияло на изучение, хотя и недостаточно систематическое, таких стран, как Турция и Иран [2]. Напомню, что первые шаги к созданию в России научного востоковедения относятся ко второй четверти XVIII в. Речь идет об организации в Петербурге в 1724 г. Академии наук, о появлении периодических изданий. Несмотря на сложную внутри- и внешнеполитическую обстановку в России в середине XVIII в., здесь продолжался процесс накопления сведений о Средней Азии, о наиболее значительных ее торговых партнерах. Недаром поэт Державин переносит действие своей «Оды к Фелице» в пограничные с Россией Казахские степи, где мирно кочуют «Киргиз-Кайсацкие орды», приписав при этом авторство оды татарскому мурзе, «издавна проживающему в Москве». Разнообразный интерес к ориентальному миру, характерный для русского общества екатерининских времен, сказался и в факте упоминания Державиным в оде таких известных на Руси городов Азии, как Багдад, Смирна, Кашмир, и в намеках на непростые отношения России с Османской империей и Ираном.

В 1783—1784 гг. Н. И. Новиков в своем издании «Прибавление к Московским ведомостям» напечатал более десятка статей, разоблачавших характер английского владычества в Индии [3]. Он писал и о выгодах, какие приносила Британии торговля с Индией. Противник ужасов крепостного права в России, его крайностей и жестокостей, Новиков проявлял также сочувствие народам Индии [4]. В своих статьях и рецензиях он охарактеризовал Ост-Индскую компанию как орудие захвата, раскрыл структуру компании, описал ее штаб-квартиры в Мадрасе, Бомбее и других городах. Публикуя в переводе с немецкого серию статей проф. Биша о тяжелых последствиях колонизаторской деятельности Ост-Индской компании в Бенгалии, Новиков предпослал ей емкое вступление. В частности, он писал: «Новая история не содержит в себе другого столь важного приключения, как покорение Бенгал... тысячу лет никогда не побеждаем был иною нациею столь благоустроенный народ, каковы в самом деле бенгальцы, состоящий из 12 или 15 миллионов человек, находящихся в благосостоянии посредством художеств и земледелия... Сия столь богатая и счастливая нация под новым владением пришла столь скоро в упадок и бедность, что и сему также нет примера в истории. Она нимало не принесла овладевшим ею той прибыли, которой они ожидали и по-видимому весьма должны были надеяться» [5].

Демократическое направление в отечественной литературе, касавшейся проблем Востока, его истории и современности, экономики и религии, по-своему было реализовано и в сочинениях А. Н. Радищева. Начиная с главы «Чудово» знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», писатель включал в свою книгу эпизоды, иллюстрировавшие деспотическую власть индийских князьков-набобов над своими подданными. Радищев соотносил их бесчеловечные поступки с «жестокостью начальников»

в родном отечестве. По собственному признанию, события из истории Индии писатель заимствовал из трудов аббата Рейналя [6]. Известно, что мировоззрение Радищева формировалось и под влиянием французских просветителей.

В главе «Бронницы» из того же «Путешествия» писатель упоминает о китайском философе Конфуции и других вероучителях народов Востока. Будучи сослан в далекую Сибирь, близ Кяхты, где многие десятилетия проходил меновой торг российского купечества с китайским, опальный литератор многие месяцы трудится над «Письмом о китайском торге». Рекомендуя руководству Коммерц-коллегии ряд мер по преобразованию «торга», писатель стремился облегчить судьбы российского крестьянства; он ратовал за более совершенные экономические связи между Россией и Китаем. Гуманиста Радищева интересовал не условный, не декоративный, а реальный мир Востока [7].

В поэме «Песнь историческая» (1801), содержащей обзор важнейших событий всемирной истории, Радищев в следующих строках охарактеризовал бедственное состояние индийского народа в современную ему эпоху [8]:

Се потомки мудрых Брамов,
Узники злодеев наглых,
По чреде хранят священной
Свой закон в Езурведаме (Яджурведе.— *Авт.*)
Буквой древнего Самскрита —
Древней славы их останка
И свидетеля их срама!

Пребывание английских колонизаторов в Индии Радищев считал величайшей несправедливостью: «Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и „Habeas corpus“; он паче всякого Индийского Набоба» [9]. Призывы и рассуждения Радищева поддержали последующие поколения честных людей России, противников крепостного права и самодержавной власти.

Даже умеренные в своих политических взглядах и выводах литературные альманахи и журналы начала XIX в. не скрывали своего осуждения политики англичан в Индии. Так, в «Вестнике Европы», журнале, который редактировал Н. М. Карамзин, появился ряд статей, направленных против насилий и грабежей в Индии. В одной из них говорилось: «Общество английских купцов царствует в Индии, истребляет народ в сих благословенных странах и свергает царей с тронов. Что в Европе показалось бы ужасным беззаконием, то в Индостане кажется весьма законно» [10]. В другой статье, вышедшей под названием «Чем могла бы сделаться Восточная Индия, если бы со временем последовала примеру Северной Америки?», содержался весьма прозрачный намек на вероятность восстания [11].

В то же время в русском обществе заметно возрастал интерес к культуре Индии, ее литературе и искусству [12]. Один из главнейших лозунгов Великой французской революции — равенство людей — был отмечен Карамзиным в предисловии к его

переводу «Шакунталы» Калидасы. «Творческий дух обитает не в одной Европе,— говорилось в предисловии,— он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде он имеет чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде Натура есть его наставница и главный источник его удовольствий». Знаменательно, что гуманистическая идея равенства всех без различия расы людей подчеркнута Карамзиным на страницах русского журнала в 1792 г., т. е. спустя всего два года после расправы над А. Н. Радищевым, и притом в стране, в которой всякое неравенство было нормой и которой почти еще 70 лет предстояло оставаться рабовладельческой. Карамзин очень высоко оценил творение индийского поэта Калидасы: «Калидаса для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук Натуры, и оба изображали — Натуру» [13].

Передовые люди России приветствовали первые шаги в изучении Востока в университетах. Когда в начале 1820-х годов на историко-филологическом факультете Петербургского университета был образован разряд восточной словесности, дипломат, писатель и ученый, член Российской Академии наук, отец будущих декабристов — И. М. Муравьев-Апостол писал: «Удивляюсь я, чтобы мы, живущие на краю Европы, на самом пороге Востока, так долго смотрели равнодушно на успехи посторонних, не желая принимать в них участия, тогда как все способы у нас, так сказать, под рукою. Однако я слышал с несказанным удовольствием, что нынешнее министерство просвещения основало в Санкт-Петербургском университете кафедру восточных языков и выписало для того людей знающих и достойных; нельзя довольно благодарить того, кто первый подал эту прекрасную и полезную мысль» [14].

Наиболее яркое явление общественной жизни России первой половины XIX в. — движение декабристов. Его зарождение — следствие социального развития России, влияния Отечественной войны 1812 г. и буржуазных революций в Европе. Один из организаторов и руководителей тайного общества, П. И. Пестель, писал: «Нынешний [век] ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать» [15].

Тяготея прежде всего к революционным событиям и примеру Европы, декабристы интересовались и Востоком, положением его угнетенных народов, его историей и культурой. Уже после поражения восстания свыше 120 декабристов было сослано в Сибирь, десятки — на Кавказ. Их непосредственное общение с восточными народами наложило свой отпечаток на просветительскую, литературную и педагогическую деятельность этих славных сынов России.

Оказавшись на каторге вблизи русско-китайской границы, общаясь с местным населением, исповедовавшим ламаизм, дворянские революционеры начинают многосторонне исследовать этот район Азии [16], критически оценивать политику царского правительства в отношении сопредельных стран Дальнего Востока [17].

В настоящей работе исследование ориентальных интересов декабристов прослеживается до 14 декабря 1825 г.

Один из виднейших представителей декабристского литературного движения, Кюхельбекер, писал в 1820 г. на страницах «Невского зрителя»: «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей» [18].

Отношение к миру Востока, к кочующим племенам, незадолго перед тем вошедшим в состав России, зафиксировано в проектах «Конституции» Никиты Муравьева. Исходя из положения, что «все люди — братья», что «все рождены *для блага* и все *просто люди*», этот видный деятель первого этапа освободительного движения в России предлагал, однако, ограничить кочующие племена в правах гражданства [19].

История восприятия и оценки Востока революционной мыслью России обусловливалась международными отношениями, известным Восточным вопросом [20]. Последний возник еще в конце XVIII в. в связи с упадком Османской империи, однако в 20-е годы XIX в. он получил новое развитие в результате восстания Греции против власти Порты и непоследовательности действий царского правительства в поддержку восставших.

Составляя программы преобразования своей Родины, члены Северного и Южного обществ не игнорировали факта соседства России в XVIII в. с государствами Дальнего Востока и Средней Азии, равно и перипетии наиболее известной им русско-турецкой войны 1806—1812 гг., носившей затяжной характер.

В первой четверти XIX в. мир Востока представал перед дворянскими революционерами как комплекс внутригосударственных и внешнеполитических, экономических и географических, религиозных и национальных факторов, тесно между собой переплетенных.

Едва ли не главенствующим в тот период выступал *географический* фактор, само расположение России в Европе и Азии, ее территориальная близость к таким странам, как Османская империя, Иран, Афганистан, Монголия, Китай, Япония.

Не случайно в состав «Русской Правды» П. И. Пестеля и в проект «Конституции» Никиты Муравьева были включены главы, продолжающие свидетельствовать о глубоком знании их составителями природных особенностей своего отечества, его климата, хозяйства, быта и обычаев народов, его населявших [21].

В России в 20-е годы XIX в. передовые идеи в географии

истории, философии, этнографии, естествознании начинали только прокладывать себе дорогу в борьбе с «веком минувшим».

Заинтересованность в новых географических сведениях о странах Востока проявляли многие столичные журналы. Примечателен в этом плане прием, оказанный «Путешествию в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковского. Если специальный «Сибирский вестник» в 1823 г. печатал из этого труда значительные по объему отрывки, то добрые отклики о «Путешествии» можно было встретить и в «Северном архиве», и в «Полярной звезде».

В первом из них будущий декабрист, историк «выдающихся дарований» А. О. Корнилович [22] писал: «Россия, прилегая с северной и восточной стороны к Средней Азии, находясь в частых с нею сношениях, имеет более, чем какая-либо другая держава, способов к приобретению точных сведений о сей обширной полосе, и европейские ученые не раз изъявляли надежду, что русские озарят сию темную часть географии. Надежда сия начинает сбываться. Сочинение г. [Николая] Муравьева [Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах... М., 1822], уже переведенное на французский и немецкий языки, дало точнейшее понятие о Туркмении и Хиве. Полковник барон Мейендорф [23], находившийся при нашей миссии в Бухаре в 1820 и 1821 годах, в путешествии своем, которое на днях выйдет из печати в Париже, описал Бухарию и прилежащие к оной ханства».

Останавливаясь далее на описании Тимковским пути в Пекин, Корнилович отметил, что в этом труде содержатся эпизоды, «из коих некоторые отличаются важностью и новостью, другие занимательностью». Таковы, по его мнению, «известия о вере монголов, повесть о Гэсэре». «Слог в сей книге прост как истина, чист и правилен. Она дает полное понятие о Монголии и прилежащих к ней странах, до сих пор почти неизвестных. Одним словом, путешествие г. Тимковского может стать в ряду с лучшими европейскими сочинениями сего рода» [24].

Не обладая возможностями ежемесячника подробно указывать читателю на географические и художественные достоинства «Путешествия в Китай чрез Монголию...», А. Бестужев писал в «Полярной звезде» в годовом обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов», что путешествие Е. Тимковского «по новости сведений, по занимательности предметов и по ясной простоте слога, несомненно, есть книга европейского достоинства» [25].

«Полярная звезда» откликалась практически на все примечательные рассказы русских людей о странах Востока. Так, в книжке на 1823 г. можно было прочитать, что моряк В. М. Головнин «описал свое пребывание в плену японском так искренно, так естественно, что ему нельзя не верить». Издателей «Полярной звезды» интересовал ориентальный мир вне пределов России. Писатели-романтики, они искали в культурах Востока необыкновенное, неизвестное русскому читателю, воспитанному на куль-

туре Запада. Эту традицию «Полярной звезды» подхватил и продолжил альманах А. А. Дельвига и О. М. Сомова «Северные цветы».

Нередко практическая деятельность будущих декабристов была связана с «восточными делами». Так, в 1820—1821 гг., накануне греческого восстания, П. И. Пестель трижды ездил через Молдавию к границе Турции. В рапортах начальству он отмечал и угрозу Османской империи существованию балканских народностей, и слабость турецкого правительства, которое находилось, по его мнению, «в состоянии обморока или совершенной летаргии» [26]. Командир Вятского полка, он настаивал на незамедлительном выступлении против Порты в поддержку восставших греков и славян. Молодые радикалы рассматривали события в Греции как часть возможной общеевропейской революции.

Широкая осведомленность Пестеля в вопросах политики и географии выражена им в обосновании границ России с народами Востока. В первой главе «Русской Правды» он уточняет: поскольку Россия содержит «в своем составе много различных племен, то и определение границ» становится «труднейшим делом». Исходя из принципа, закрепленного в политической платформе организации, Пестель считал, что впредь «пределов [России] не распространять» [27]. Но он видел потребность некоторого изменения границ государства в его южной и юго-восточной части. Несомненно, обосновывая важность обновления границ, Пестель мечтал об ограждении подготовляемых Южным обществом революционных завоеваний от внешних врагов, от их посягательств на территорию России [28].

Говоря о влиянии географического фактора на интерес декабристов к Востоку, целесообразно рассказать о следующем эпизоде. В письмах арестованных декабристов к Николаю I сохранилось одно от С. И. Муравьева-Апостола, в котором он излагал тяжелое положение солдат в царской армии. В конце письма приговоренный к казни просил монарха: «отправьте меня во одну из тех отдаленных и рискованных экспедиций, для которых Ваша обширная империя представляет столько возможностей — либо на юг, к Каспийскому и Аральскому морю, либо к южной границе Сибири, еще столь мало исследованной, либо, наконец, в наши американские колонии» [29].

Большое влияние на появление интереса дворянских революционеров к Востоку оказывало *историческое прошлое* Родины. В сферу внимания будущих декабристов попала не только вольница древнего Новгорода, но и хронология многочисленных столкновений княжеской Руси с половецкой степью, борьба народных масс с татаро-монгольским игом, вхождение в состав Русского государства отдельных народностей Средней Азии и Кавказа, граничивших с Россией и заинтересованных в ее покровительстве. Тема смелых выступлений русских людей против власти татаро-монголов становится одной из ведущих в русской поэзии и исторической науке. Здесь и стихотворение Павла Ка-

тенина «Мстислав Мстиславович» (1819), в основу которого положен летописный рассказ о первом сражении между русскими войсками и ордами Чингис-хана на р. Калке. И такое же большое по объему стихотворение Василия Григорьева «Нашествие Мамая», опубликованное в декабристском альманахе «Полярная звезда на 1825 год»:

Не туча над Русью всходила востоком,
Не буря готовила гибель земли.
Не воды с Кавказа срывались потоком —
Под знамя Мамая ордынцы текли.
Стеклися и хлынули в Русское царство!

Стремление изобразить захватчиков, пришедших из стран Востока, и борьбу за свою землю русских патриотов присутствует и в думе К. Ф. Рылеева «Дмитрий Донской» (1822), и в популярном в те годы стихотворении В. К. Кюхельбекера «Рогдаевы псы» (1824), и в «Михаиле Тверском» — стихотворении А. А. Бестужева-Марлинского 1824 г. о замученном в Золотой Орде в 1318 г. русском князе... Лет через десять тот же Бестужев-Марлинский в развернутой рецензии на сочинение Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века» представит более объективную картину взаимоотношений русских князей с золотоордынскими ханами. Там же он выскажет и свое отношение к таким памятникам, как «Шах-наме» и «Махабхарата». Но это будет позднее, а в 1820 г. на страницах «Сына Отечества» (№ 12) А. Бестужев отметил только фактическую неточность в опубликованной здесь рецензии под названием «Песня о первом сражении русских с татарами на реке Калке» на упомянутое стихотворение Катенина. В 1830 г. Бестужев создает повесть «Амалат-бек», посвященную трагическим событиям, разыгравшимся в Дагестане в 1823 г.

Революционный патриотизм передовой молодежи в течение целого десятилетия формирования тайных обществ побуждал ее к углубленному постижению прошлого страны. Многие тогда усиленно изучали и собирали летописи. По словам Кюхельбекера, в отечественных летописях заключены были и «вера праотцев», и «песни и сказания народные», в них он видел «лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [30].

В 1823 г. А. О. Корнилович, «издавна убежденный в важности наших сношений с Азиею», полемизировал с видным таможенным чиновником из Иркутска, печатно именовавшим себя «любителем отечественной истории», П. Наумовым, в частности, с его рассуждениями «Об отношении российских князей с монгольскими и татарскими ханами с 1224 по 1480 год», опубликованными в первом российском востоковедном журнале «Сибирский вестник» (1823, ч. 1, кн. 3). Придерживаясь мнения, что «из всех народов, соседственных с азиатскою половиною России, преимущественное внимание заслуживают монголы», Наумов обратился к текстам «междукняжеских договоров» с ордынскими ханами. Трактуя их содержание весьма формально, превра-

щая историю в прикладную политику, Наумов утверждал, что в межкняжеских договорах «было более любви, согласия и братского дружелюбия, нежели домогательств».

Возражая этому любителю отечественной истории, Корнилович писал: «Во всех почти договорах между разными государями и разными народами изображены любовь, согласие и братское дружелюбие, но всегда ли следовало заключать из того, что они существовали в самом деле?» Основываясь на социально-историческом опыте, Корнилович разъяснял смысл своего спора с Наумовым о трагической роли в отечественной истории монголо-татарского нашествия: «Я же думаю, что почти все политическое и гражданское состояние России в XVI и даже в XVII веках носит на себе некоторый отпечаток монгольского владычества... Мне кажется, что монголы посредственным образом способствовали великим князьям московским в утверждении единодержавия в России. Во время их владычества мелкие владельцы начали постепенно исчезать» [31]. Декабрист-историк справедливо полагал, что российское самодержавие было результатом покорения Руси монголами, следствием перерыва в органическом ходе национального развития, что татаро-монгольское иго уничтожило высокий уровень демократизма и культуры, достигнутый в доудельный период в Киевском государстве.

Этой же мысли придерживался и Никита Муравьев, считавший, что эпоха тирании в Московском государстве выступает «историческим последствием монголо-татарского порабощения» [32].

История сделалась любимой наукой всей патриотически настроенной молодежи, однако деятели тайных обществ не замыкались на прошлом только своего отечества. По справедливому замечанию Пушкина, «умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас» (XII, 72) Если под этим углом просмотреть многочисленные пометы Никиты Муравьева на страницах сочинений Монтескье из его библиотеки, то становится очевидным, что дворянский революционер спорит со знаменитым просветителем. Он возмущался его прославлением монархии. Н. Муравьев не верил в животворные силы азиатского деспотизма. Цитируя сочинение Вольнея «Развалины», он считает одним из пороков азиатских народов разделение на касты, которое вредит государству наряду «с деспотизмом отца и произволом правителя» [33].

Важно подчеркнуть два обстоятельства. Первое: в среде будущих декабристов сложилось справедливое мнение, что историю России нельзя представить без сложных отношений ее с Востоком, его народностями и государствами. Второе: в своих оценках члены тайных обществ России опирались на сочинения авторитетных деятелей эпохи Просвещения (хотя и не во всем соглашались с ними). И то и другое характеризует суждения декабристов о Востоке как наиболее прогрессивные для своего времени.

Важным фактором, стимулировавшим у членов Северного и Южного обществ интерес к ориентальному миру, выступала *христианская религия*. Для ряда будущих декабристов было широко типичным знакомство в детские и юношеские годы с преданиями о многочисленных «хождениях» русских людей в Иерусалим ко гробу Господню, восходящими к «Хождению Даниила, Русской земли игумена, в Палестину», замечательному памятнику начала XII в. Уже в библейской легенде о разделе мира после потопа между сыновьями Ноя содержались сведения о многих странах и провинциях Малой Азии [34].

Воспитанные с детства в религиозном духе, русские радикалы постоянно интересовались Палестиной как родиной христианства, «землей обетованной» — местом возникновения трех знаменитых вероучений, оказавших огромное влияние на развитие духовно-эстетического сознания мира [35]. К знакомым с детства образам из Ветхого и Нового заветов поэты обращались для выражения героического пафоса, для передачи своих вольнолюбивых настроений. Это и образ Давида в одноименном стихотворении А. С. Грибоедова (1823), это и героические персонажи трагедии А. А. Шаховского «Дебора, или Торжество веры» (1810).

«Библия, известная русскому читателю в церковно-славянском тексте, стала образцом восточной народной героики, поэзии восточного народа» [36]. Специально разрабатывал ветхозаветную тематику поэт-декабрист Федор Глинка: «восточный стиль в его библейском изводе окончательно созрел как декабристский стиль» [37]. Так, в стихотворении Глинки «Сила имяни Божияго» псалмопевец Давид произносил буквально декабристский монолог:

Не бойтесь, други, ярой мести!
Не унижайтесь пред судьбой:
За дело правды мы и чести
И за отчизну держим бой.

Образ певца-пророка, который ассоциировался с поэтом-гражданином, был особенно дорог русским стихотворцам. Ему отдали свое вдохновение и Пушкин и Кюхельбекер. Восточная поэзия последнего была особо щедра на библейские темы. Она увлекала его воображение и в годы ссылки. Одну за другой создает он в далекой Сибири поэмы «Давид» (1829), «Зоровавель» (1831), «Семь спящих отроков» (1831), «Агасфер» (1842). Разработанные Кюхельбекером библейские сюжеты говорили читателю, что и в далекие времена движение истории определялось политическими выступлениями.

Библейская тема, как и историческая — о борьбе русских людей против восточных завоевателей, приобретала в творчестве декабристских поэтов злободневное политическое звучание. Таким образом, библейская символика декабристов, связанная с миром древнего Востока, подразумевала земную действительность.

Наряду с географическим, историческим, религиозным факторами, формировавшими интерес русских радикалов первой четверти XIX в. к Востоку, выступают и *экономические* проблемы.

Члены тайных обществ, будучи владельцами крепостных душ, больших и малых поместий, не могли не замечать, что в России идет одновременно развитие двух антагонистических типов хозяйства: крепостного и капиталистического. Симпатии передового дворянства были на стороне вольного труда, однако на практике их отличала определенная умеренность в преобразовательских планах. В науке отмечалось, что для декабризма было характерно опережающее революционное сознание над экономическими и социальными процессами [38].

Существование Российско-Американской компании (одним из руководителей ее был Рылеев) и Ост-Индской компании побуждало дворянские круги обратить внимание на Восток с целью создания там аналогичных торговых обществ. Таким, к примеру, предстает «Проект учреждения Российской Закавказской компании», который был задуман А. С. Грибоедовым в 1823 г. Из дошедших до нас документов и свидетельств современников видно, в каких широких масштабах предполагал автор «Горя от ума» осуществить свою идею развития хозяйственной жизни в Закавказье. По существу, речь шла о передаче обширного края в полное и автономное управление директора будущей компании. Заботясь, в частности, «о внутреннем улучшении края», Грибоедов в первую очередь предлагал «устроение пароходов из Астрахани в Баку, из Одессы в Редут-Кале» [39].

Справедливо видя в торговле со странами Востока источник внутреннего роста России, будущие декабристы намечали пути к расширению ее экономических связей с восточными соседями. Одним из таких коммерческих центров, по их мнению, являлся Кавказ.

П. И. Пестель писал в «Русской Правде»: «Положение сего края, сопредельного Персии и Малой Азии, могло бы доставить России самые значительные способы к установлению деятельнейших и выгоднейших торговых сношений с Южною Азиею и, следовательно, к обогащению государства». Как сын своего класса и своего времени, он ради благоприятного решения экономических связей России будущего со странами Ближнего и Среднего Востока предлагал «буйные» кавказские народы «переселить во внутренность России» [40].

П. И. Пестель обосновывал необходимость географического уточнения и частичного изменения российских границ как оборонными, так и экономическими интересами. В случае исполнения его рекомендаций, о которых говорилось выше, России, по его словам, достались бы «выгоды и преимущества для ее торговли, а равно и для устроения флота на Восточном океане» [41].

О необходимости упрочения русско-кавказских связей сообщил в 1820 г. генерал М. Ф. Орлов, который позднее привлекал-

ся по делу декабристов. Не соглашаясь с военными методами покорения Кавказа и усмирения его народностей, он писал А. Н. Раевскому: «Известия о Грузии и подвигах Ермолова весьма важны, но мне кажется, что со всем его умом он довершить общего успокоения той страны не в состоянии. Так же трудно поработить и другие народы того края, как сгладить Кавказ. Это дело исполнится не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас не избыточно...» [42].

Нельзя не видеть, что интерес декабристов к ориентальному миру был обусловлен внутригосударственными и внешнеполитическими, экономическими и географическими, религиозными и национальными факторами.

Выявляя грани интереса к Востоку участников тайных обществ, нельзя обойти молчанием служебное положение некоторых из них. Не только полковник П. И. Пестель по роду и месту службы изучал обстановку на Ближнем Востоке, но и штатские, например А. С. Грибоедов [43] и Г. С. Батеньков [44], оказались причастными к службе в Азии. Если первый почти три года (1818—1821) провел в Тебризе на дипломатической должности, то второй, находясь после войны 1812—1814 гг. в Иркутске, занимался изучением мест расселения и состава народностей Сибири, совершив при этом несколько поездок к южному берегу Байкала, в Кяхту и Селенгу. В 1822—1823 гг. Батеньков опубликовал в столичном «Сыне Отечества» серию статей «Общий взгляд на Сибирь». Будущий декабрист разрабатывал преобразовательные планы подъема общественной и культурной жизни сибирских народностей по облегчению перехода их от кочевого образа жизни к оседлому, к занятию земледелием. Предложения Батенькова находились в полном согласии с «Русской Правдой» Пестеля, с ее гуманизмом и вниманием к судьбам малых народов. Благодаря выступлениям в журналах и газетах Батенькова, а также устным рассказам Грибоедова отдельные стороны их деятельности в восточных регионах, как и личные мнения, становились известны современникам, расширяли их представления о Востоке.

Отметим, что Батеньков (как, впрочем, и многие другие декабристы) в течение всей своей жизни много работал над переводами научных трудов, интересных и близких ему по мыслям и идеям. Среди них были книги и по ориенталистике, например «О египетских письменах», появившаяся анонимно в русской столице незадолго перед декабрьским восстанием. Батеньков пересказал труд знаменитого французского египтолога Ж.-Ф. Шампольона «О египетском иероглифическом алфавите», вышедший в Париже в апреле 1824 г. [45].

Еще одним фактором, усиливавшим внимание сравнительно широких слоев России к Востоку, выступала *литература*: и западноевропейская, и отечественная, и немногие произведения классиков Востока, доходившие до русского читателя в переводах с европейских языков. Гражданский романтизм поэтов-декабристов, богатый образами из библейской тематики, был лишь

одним крылом русской ориентальной поэзии 15—20-х годов XIX в. Другим — интерес европейских и отечественных романтиков к самобытным восточным культурам. О чем так тоскует Александр Чацкий:

Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев!

Еще в XVIII в. петербургские журналы печатали стихи и притчи Саади, а в переводах с французского неоднократно приходили к читателю сказки из «Тысячи и одной ночи», но только в середине 20-х годов XIX в. русская литература серьезно заинтересовалась фольклором Востока. Однако использование восточного источника часто выглядело как имитация народной песни, как плач воображаемого азиата или африканца, что нередко заимствовалось из западноевропейской ориенталистики [46]. Достаточно указать на стихотворный перевод В. А. Жуковского «Песнь араба над могилою коня» (1810).

В эпоху романтизма поэтика восточного стиля предполагала прежде всего метафоры и уподобления, изысканную образность, отчасти имитировавшую классическую арабскую и персидскую поэзию. Таким представляется «Язык и зубы. Восточный аполог» П. А. Вяземского, напечатанный в 1823 г.

В те годы в отечественной словесности росло количество переложений из Саади, Хафиза, Фирдоуси. Одно время в центре стихов русских поэтов на ориентальные темы оказались картины кровавых столкновений христиан с мусульманами. Это было в пору выступления греческого населения в начале 20-х годов XIX в. против турецкого ига. Показательна в этом плане романтическая «Песнь грека» молодого Д. В. Веневитинова:

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор, как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, что припомню в час ужасный;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
За все мой меч вам отомстит!

В интересующую нас эпоху на страницах российских альманахов и ежемесячников можно было встретить и подлинные произведения арабской литературы. Например, переводы из нее О. И. Сенковского печатались в «Полярной звезде». Они вызывали большой интерес у публики. Вспомним отзыв Пушкина [47], который к тому времени сам ярко воссоздал в стихах и поэмах облик воинственных народов Кавказа и Крыма. Хотя молодой поэт организационно не принадлежал ни к Северному ни к Южному обществу, однако он первым поплатился за свои политические взгляды ссылкой к границам Османской империи. И если повышенный интерес Пушкина к Востоку был обусловлен прež-

де всего судьбой прадеда, африканца Ибрагима Ганнибала, то поэта-декабриста Кюхельбекера мир Востока заинтересовал благодаря его раннему знакомству с «Западно-восточным диваном» Гёте [48].

Художественная привлекательность пушкинского цикла «Подражания Корану» вызвала у поэтов-современников заметный интерес к Священной книге мусульман, пробудив у них желание испробовать свои силы в передаче художественных образов Корана. Правда, циклы стихов А. Ротчева, Л. Якубовича, П. Манасеина, уступавшие поэзии Пушкина и постижением образной системы, и авторским отношением к знаменитому памятнику мусульманской культуры, пришли к российскому читателю после 1825 г.

В произведениях литераторов, близких к декабристским кругам, проступает новое качество, какого не знала предшествующая русская словесность: интерес к образу жизни народов России, беспокойство об их грядущих судьбах, сочувствие трагической участи женщины-мусульманки. Не случайно и сам Пушкин, и его современники считали наиболее удавшейся частью поэмы «Кавказский пленник» картины жизни горцев.

О своей симпатии к «смеси одежд и лиц, племен, наречий, состояний» молодой Пушкин вновь заявляет во вступлении к поэме 1821—1822 гг. «Братья разбойники». Для каждого из «братьев», находившихся вне закона, он отбирает яркие национальные и социальные черты:

Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!

Поэт представляет своих героев, слетевшихся «за Волгой», наделенными живым человеческим чувством и противопоставляет их господствовавшему обществу. Чем пристальнее всматривался сосланный в Бессарабию Пушкин в окружающую его действительность, тем полнее раскрывался перед ним образ жизни других народностей, населявших южную часть России. Так, в поэме «Бахчисарайский фонтан» он воссоздает облик людей разных вероисповеданий, далеких от европейской цивилизации. Если в образе хана Гирея показано в духе романтизма облагораживающее воздействие любви, то в образе Заремы, как и Черкешенки из «Кавказского пленника», Пушкиным раскрыта цельность и сила характера восточной женщины. Он первый среди писателей-современников запечатлел в стихах, а позднее и в прозе образ жизни многих народностей, населявших в его время пределы «Руси великой». Пушкинской Музе был близок и доступен «всяк сущий в ней язык». Зерна «художественного интернационализма» (термин Д. Д. Благого) [49], внесенные Пушкиным

в родную словесность, дали богатые всходы. Великая русская литература XIX в. имеет «гуманистическую тенденцию... по отношению к нерусским народам» [50].

Восток поразил воображение Пушкина еще в раннем детстве, когда он вместе с сестрой прочитал в изложении Гамильтона сказки «Тысячи и одной ночи», с той поры, как услышал от бабушки о полуфантастической судьбе своего прадеда-африканца Ибрагима Ганнибала.

Интерес к ориентальному миру поэт проявлял на протяжении всей жизни. Восточные образы встречаются едва ли не в каждом из его этапных произведений: «Руслане и Людмиле», «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Евгении Онегине» (дневнике героя). Богата ими и проза. За пушкинской новизной изображения Востока стоит интерес к восточной культуре. Этот интерес даже и в раннем творчестве поэта не был односторонним. Не случайно в письмах П. А. Вяземскому соседствуют строки глубокого сочувствия судьбе «моей братьи негров» и желания их скорого «освобождения от рабства нестерпимого» (XIII, 99).

В умах передовых русских людей первой четверти XIX в. колониальное рабство ассоциировалось с крепостничеством в России. Освобождение народов Азии от колониализма рассматривалось как продолжение общей задачи — уничтожения крепостного гнета в России. Лицейский друг Пушкина, единомышленник декабристов Ф. Ф. Матюшкин писал: «Мало изгнать из своей земли рабство, чтоб доставить подданным счастье, безопасность, богатство, но надобно изгнать его из колоний для блага всего человечества» [51].

Формированию у Пушкина концепции Востока содействовало прежде всего его тесное общение с замечательным мыслителем-гуманистом П. Я. Чаадаевым, знакомство с его философскими рассуждениями о роли религии в общественном прогрессе народов, о соотношении культур Востока и Запада, а также с его воззрениями на проблему единства человечества. «Источник всех человеческих знаний один... отправная точка для всех человеческих семей едина... Именно в этом я всегда видел ценность изучения Востока, этого великого музея традиций человечества»,— писал Чаадаев известному европейскому ученому и публицисту, деятелю католического движения д'Экштейну [52].

В этом же плане определенное влияние на поэта оказали также встречи и беседы с людьми, побывавшими в разных странах Азии. События, развернувшиеся в 1820-х годах на Кавказе в связи с войнами с Ираном и Османской империей, обострили интерес к Востоку во всех слоях общества. Одним из авторитетнейших знатоков персидских событий предстал в ту эпоху А. С. Грибоедов. 14 марта 1828 г. он приехал в Петербург с текстом Туркманчайского мирного договора. Сохранились свидетельства современников о частых встречах в марте — мае 1828 г. Пушкина и Грибоедова, знакомых еще с 1817 г. И надо пола-

гать, что Грибоедов рассказал много интересного, как очевидец и знаток, и о Персии, и о Востоке вообще.

В 1828 г. Пушкин общался с выдающимся китаистом Н. Я. Бичуриным, принял от него книги о Китае с теплыми дарственными надписями.

К весне и лету 1829 г. относится путешествие поэта на Кавказ, поездка на место расположения войск во время русско-турецкой войны. Никогда в жизни он не бывал за границей, и это его путешествие во время похода в Арзрум 1829 г. русских войск, когда он волей случая оказался в соседней Турции, было единственным. Рассказ об увиденном по своим путевым записям Пушкин опубликовал в 1836 г. в первой книжке «Современника» под названием «Путешествие в Арзрум». От главы к главе, от эпизода к эпизоду, погружает он русского читателя в мир Востока. Хотя «Путешествия» в 20—30-х годах XIX в. были очень распространенным жанром, однако они постоянно обновлялись. Так, в пушкинском «Путешествии» обновление жанра состоит в том, что отдельные элементы, на первый взгляд разрозненные, оказываются связанными в единое целое: писатель смыкает грани художественного и исторического.

Поэт не выступает летописцем военных действий и не поет гимны «славным победам» русского оружия, как многие ожидали от него. В предисловии к «Путешествию» он пишет: «*Искать вдохновения* всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело» (VIII, 443). Тем не менее, бесспорно, пушкинское описание происходящего крайне интересно. На войне поэт оказался свидетелем многих событий, но для «Путешествия» он отобрал наиболее значительные, характерные, интересные из них.

Не забывает Пушкин и о декабристах, участвующих в мирных и немирных отношениях с народностями Кавказа; на многих страницах упоминает он о встречах с ними; откровенно продолжает жалеть о гибели на войне и русских, и турок.

В 1830 г. поэт просил у властей разрешения отправиться в Китай в составе XI Российской духовной миссии, но получил отказ.

Большое место занимает Восток в труде Пушкина «История Петра», например выделенные параграфы «Прутская кампания» (из раздела 1711) и «Дела персидские» (1722). В процессе работы он сумел воспользоваться многими историческими документами. Внимательно и вдумчиво изучал он труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (изд. Н. И. Новикова 1788—1797 гг.). Поэту-историку, продолжавшему усиленно размышлять о просвещении как наиболее вероятном средстве сближения народов, рассказ, например, о последнем походе русского царя к берегам Каспия представлял

прекрасную возможность сопоставить Россию 20-х годов XVIII в. с другими народами и государствами.

Сопоставление пушкинских записей с трудами Голикова показывает, что для воссоздания атмосферы восточного мира Пушкин отнюдь не механически отбирал наиболее характерные, наиболее разительные примеры. Он переосмысливал исходные идеи, выявлял наиболее важные черты нравственного облика исторических персонажей.

Упомянутыми здесь произведениями, конечно, не исчерпывается восточная тематика в творчестве великого русского поэта. Многочисленной и разнохарактерной была пушкинская галерея восточных образов. Такой и сохранилась она для новых поколений. Перед сегодняшними читателями предстают и «черкешенка младая» с чашей кумыса для пленника; и стыдливый юноша, придерживающийся «десятой заповеди»; и «жертвы роковые» из бахчисарайского гарема; и «любезная калмычка»; и турецкий янычар Амин-Оглу, опасающийся «лукавого Запада»; и, наконец, царский арап, «молодой негр» Ибрагим Ганнибал, встречающийся в Париже на званых ужинах с Вольтером и Монтескье... [53].

Рассматривая факторы, по-своему влиявшие на восприятие и оценку ориентального мира русскими радикалами, следует остановиться, как минимум, еще на одном, который формировался в России практически одновременно с деятельностью тайных обществ. Имеется в виду научное изучение в России истории и религии, культуры Азии, ее народностей, их языков и памятников духовной культуры. Оно началось еще в XVIII в., но целеустремленный характер приобрело в первые десятилетия XIX в. Явление это связывают с активизацией политики царского правительства на Ближнем и Среднем Востоке в связи с развитием капиталистических отношений внутри феодально-крепостнического государства, с противодействием влиянию европейских держав в пограничных с Россией азиатских государствах, с открытием в стране высших учебных заведений, где имелись кафедры восточных языков. Многие общественные и государственные деятели России того времени чувствовали необходимость в серьезном изучении стран Востока.

И петербургские и московские журналы охотно знакомили читателей с историей Индии, с ее культурой — древней архитектурой, литературой, живописью. Именно в указанный период в Московском, Казанском и Петербургском университетах, где преподавание вели профессора А. В. Болдырев, А. К. Казем-Бек и О. И. Сенковский, закладывалась школа русского востоковедения. Перед Отечественной войной 1812 г. в Московском университете учился А. С. Грибоедов, и не подлежит сомнению, что его знакомство с Востоком и восточными языками могло начаться на кафедре у А. В. Болдырева. Относясь с большим чувством ответственности к исполнению служебных дел, Грибоедов огорчался недостаточностью своих знаний об Иране, сетовал на свою

неподготовленность: «Скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу»[54]. Об усердных занятиях Грибоедова персидским и арабским языками и о его блестящих успехах на этом поприще не раз упоминают в своих записках современники[55].

Первые десятилетия XIX в., годы формирования декабристской идеологии, декабристских организаций, известны также как начало нового этапа в развитии русского китаеведения[56]. На память прежде всего приходит имя Н. Я. Бичурина. Много интересного о научных разысканиях и судьбе этого человека дворянские революционеры успели прочитать на страницах «Сибирского вестника». Почти четыре года его издатель Г. И. Спасский смело выступал за освобождение из валаамского заточения этого ученого-«хинезиста», столь необходимого отечественному востоковедению.

О научных интересах дворянских революционеров к ориентальному миру свидетельствуют не только опубликованные, но и архивные материалы. Никиту Муравьева, например, интересовали хронология арабского завоевания Средней Азии, история Арабского Востока[57]. Кстати, арабская культура привлекала к себе декабристов и в Сибири.

К сожалению, далеко не все труды деятелей тайных обществ, касавшиеся проблем восточных стран, дошли до нас. Однако, исходя из всего сохранившегося и рассмотренного, несложно сделать и некоторые выводы. В своих политических и экономических программах деятели Южного и Северного обществ отразили тесную связь России с миром Востока, начавшуюся в далеком прошлом, еще до монголо-татарского ига, и важную для будущего русского государства, включившему к XIX в. в свой состав ряд народностей Азии.

Наконец, стремление дворянских революционеров «в просвещении стать с веком наравне» позволило им и после восстания 14 декабря 1825 г. в неблагоприятных условиях сохранить интерес к Востоку, заняться изучением образа жизни нерусского населения Сибири, Кавказа и Дальнего Востока. Благодаря своим познаниям декабристы сумели в годы каторги и ссылки сделать многое для просвещения восточных окраин России.

Знания о Востоке, его народах, культуре, традициях, вероисповеданиях, проявили себя как в художественных творениях русских радикалов, так и в их политических трактатах и в оценке ими трудов европейских просветителей на восточные темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К середине XIX столетия российское востоковедение сложилось в самостоятельную, представленную крупными учеными отрасль науки. Оно прошло большой и сложный путь от дневниковых записей любознательных путешественников до создания нескольких значительных научных центров, от первых легендарных, сказочных сведений до появления глубоких исследований.

Зарождение и становление отечественного востоковедения отвечало насущным задачам развития государства. Для России, находившейся на стыке Европы и Азии и имевшей традиционные связи с их народами, всестороннее изучение восточных стран имело важнейшее практическое значение. Продвижение России на Восток стимулировало изучение ориентальных дисциплин. В свою очередь, востоковедение, будучи классовой наукой, обслуживало восточную политику царской империи. Особенное развитие получило практическое востоковедение, связанное с проведением политики правящих кругов в отношении стран Азии. Значительной была связь ориенталистики с господствовавшей церковной идеологией, особенно с православной церковью, но отчасти и с исламом и иудаизмом.

Но уже в конце XVIII — первой четверти XIX в. в российской общественной мысли обозначается дворянско-просветительское течение, связанное с именами А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и с декабристами. В их публицистике проявляется сочувствие к народам Востока. Восточные мотивы широко вошли и в русскую художественную литературу первой половины века, в первую очередь в творчество А. С. Пушкина.

Хотя востоковедение, развиваясь в классовом обществе, обслуживало интересы его правящих кругов, оно несло и широкое гуманистическое содержание, содействуя взаимному обогащению, взаимопроникновению культур, материальному и духовному обмену и в конечном счете сближению народов. В этой высокой миссии особенно велика роль научного востоковедения. Следует отметить, что донаучное востоковедение, хотя и содержало определенные сведения о странах Азии, в целом оставляло Восток экзотической книгой за семью печатями.

Российское научное востоковедение имело три основных источника своего формирования:

1. Практическое востоковедение, обслуживавшее нужды в первую очередь внешней политики и торговли. Его составной частью также была деятельность миссионеров в странах Азии.

2. Традиционные школы восточных народов, вошедших в состав России, в том числе феодально-религиозные учебные заведения, где изучались история, религия и культура как своей страны, так и сопредельных государств.

3. Западная ориенталистика; речь идет о приглашении европейских ученых-востоковедов для научной работы в Россию, а также о переводе на русский язык трудов, изданных в европейских центрах ориенталистики.

Становление российского научного востоковедения следует отнести ко второй половине XVIII — первой четверти XIX в. Важно подчеркнуть, что оно развивалось на ярком фоне мощного расцвета всей российской науки, культуры, литературы и искусства первой половины XIX столетия.

В этот период образуются три главных центра ориенталистики: петербургский, московский и казанский. В Петербурге оплотом академического востоковедения был Азиатский музей. В Москве, в Московском университете и ЛИВЯ, востоковеды в первую очередь специализировались в практическом овладении восточными языками, главным образом ближневосточными. В Казани, служившей воротами не только в мир Ближнего и Среднего Востока, но и в Сибирь и на Дальний Восток, крупные специалисты по разным отраслям ориентальных знаний были сосредоточены в университете. В рассматриваемое время формируются и востоковедные заведения, обслуживавшие государственные учреждения и ведомства: Азиатский департамент МИД (1819) и Учебное отделение восточных языков при этом департаменте (1823). В военном министерстве изучение Востока связано отчасти с деятельностью Генерального штаба, Корпуса военных топографов и таких военно-учебных заведений, как, например, Неплюевское военное училище в Оренбурге (1824), Сибирский (Омский) кадетский корпус (1836). Министерству финансов подчинялось кяхтинское училище китайского языка (1834). Деятельность всех этих учреждений, несомненно, оставила след в истории изучения Востока в России.

К середине XIX столетия географический охват исследуемых российским востоковедением стран Азии был относительно ограничен. Главное внимание уделялось непосредственным соседям России, таким громадным конгломератам различных народностей, какими тогда являлись Османская империя, Иран, Цинская империя. В изучении языков, историй и современного положения этих стран российские ученые добились успеха, поставившего отечественное востоковедение на один уровень с достижениями ученых передовых стран мира (Франции, Англии, Германии).

В изучении стран Ближнего и Среднего Востока можно выделить следующие основные направления научного поиска. Это прежде всего ознакомление с историей, географией, экономикой и бытом населения наших южных соседей. Наибольшую информацию дали практические работники — члены различных дип-

ломатических посольств, консулы, военные и торговцы. Были популярны описания путешествий в Иран и Османскую империю, идеологическую нагрузку несли путешествия в Святую землю (Иерусалим). К середине XIX в. Россия располагала и научными описаниями Ближнего и Среднего Востока.

Войны России с Османской империей и Ираном породили довольно большое количество военно-исторической литературы, военных мемуаров, а также описаний присоединенных к России территорий. Немалое развитие в это время получило кавказоведение.

Несмотря на изучение ближневосточных языков в практических целях, научное восточное языкознание развивалось медленно. Однако были созданы первые грамматики и хрестоматии (оригинальные или на основе западноевропейских) арабского, еврейского, турецкого, татарского и персидского языков; составлены тематические словари, сделаны первые описания некоторых тюркских языков. Заметим, что российские востоковеды были знакомы с выдвигаемыми лингвистическими теориями западноевропейских ученых и применяли их в своих исследованиях.

Ориентальное литературоведение делало только первые шаги: появились переводы из классиков персидской и арабской литературы, биографические сведения о средневековых поэтах, полученные главным образом из западноевропейских работ.

Впервые ближневосточники обратились к сбору, научному описанию, каталогизированию «мусульманских» рукописей. Были сделаны переводы из этих восточных источников. Исторические очерки включали самостоятельные наблюдения, вкрапления из вспомогательных источников и исследований западных авторов. Появились первые описания исламской религии и шариата.

В рассматриваемое время было положено начало археологическим исследованиям мест, связанных с историей Золотой Орды, народов Кавказа, Ближнего Востока. Несомненным вкладом в ориенталистику было изучение нумизматического материала.

Заметных успехов достигла российская китаистика. Центрами синологических исследований в XVIII — первой половине XIX в. являлись Петербург и Казань. Китаеведение находилось в благоприятных условиях, имея собственную базу для сбора источников и подготовки кадров (исследователей) на месте, в Китае, а именно Российскую духовную миссию в Пекине. К середине XIX в. на этой базе выросли такие крупнейшие мировые китаеведы, как Н. Я. Бичурин, П. Кафаров, В. П. Васильев. В исследованиях российских синологов этого периода наметилось преимущественное внимание к связям с Россией и Китаем народов, обитавших между обеими гигантскими империями либо на окраинах Китая (труды российских китаеведов по Монголии, Маньчжурии, Тибету, Синьцзяну). Меньше был удельный вес исследований по внутренней истории Китая.

В изучении Южной и Юго-Восточной Азии успехи российского востоковедения были значительно скромнее, чем в исследовании стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Это объясняется тем, что, во-первых, Россия не граничила со странами этого региона и имела ограниченные экономические, политические и культурные связи с ними и, во-вторых, они (в первую очередь Индия) переживали драматический период их колонизации европейскими капиталистическими государствами.

Отдельные ученые-энтузиасты начали изучение Индии. В начале XIX в. Г. С. Лебедев составил первый в России словарь и грамматику бенгальского языка, а также дал первое описание обрядов, культуры и быта индийцев. Р. Х. Ленц, П. Я. Петров, Ф. П. Аделунг, О. Н. Бётлингк и К. Коссович заложили основу изучения в России санскрита, а также приступили к переводам памятников древней индийской литературы. Изучение санскрита сосредоточилось в Петербургской Академии наук, Петербургском и Казанском университетах. Но российская школа индологии в первой половине XIX в. еще не сложилась. Изучение других стран Южной и Юго-Восточной Азии фактически не началось.

К середине XIX столетия востсковедение являлось конгломератом наук, в которых внутренняя специализация (в наиболее развитых страноведческих отраслях) только намечалась. Востоковед этого времени обычно был и политологом, и историком, и лингвистом, и литературоведом — все это объединялось основательным знанием языка изучаемой страны. «Комплексное» востоковедение при определенных преимуществах предполагаемого им широкого охвата не позволяло углубиться ни в одну из составляющих его отраслей, не оставляло возможности овладеть методикой, специфической для каждой из названных выше дисциплин. Уровень ориенталистики был таков, что размежевание составлявших ее дисциплин еще состояться не могло — она находилась в состоянии «нерасчлененного» развития. Главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источника. Монографическое исследование отдельных проблем было редкостью. Актуальными и политическими вопросами восточных стран ориенталисты, как правило, не занимались. Тематический масштаб изучения Востока был еще достаточно узок.

Итак, рассматриваемый период в истории отечественного востоковедения был периодом становления, периодом накопления материала и первых шагов в изучении источников, периодом собирания сил и организационного оформления. Создание крупных востоковедных научных школ России начнется во второй половине XIX столетия, когда и в ней самой, и в странах Азии произойдут значительные перемены.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Конрад Н. И.* Запад и Восток. Статьи. М., 1972, с. 9.
[2] Там же, с. 13—14.
[3] Всемирная история. Т. 4. М., 1965, с. 466.
[4] *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов далеких морей. М., 1979, с. 39.
[5] История Академии наук СССР. Т. 1. М., 1958, с. 64.
[6] Там же, с. 431.

Глава 1

[1] *Бартольд В. В.* Восток и русская наука.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 534.
[2] Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., 1985, с. 34.
[3] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.
[4] *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1890, с. 203.
[5] Повесть временных лет. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 9.
[6] *Шохин В. К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.). М., 1988.
[7] *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978, с. 29.
[8] Памятники литературы древней Руси (XI — начало XII в.) М., 1978, с. 501, 525—527.
[9] См.: *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889, с. IX и сл.
[10] См.: *Халпахчьян О. Х.* Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977; *Лелеков Л. А.* Искусство Древней Руси и Востока. М., 1978.
[11] См.: *Райнов Т.* Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, с. 71—72 и др.
[12] См.: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. А.-А., 1976.
[13] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 59.
[14] См.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 8, 12—14.
[15] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 14—15.
[16] *Вигасин А. А.* Представления об Индии в древней Руси.— Индия 1981—1982. Ежегодник. М., 1983, с. 276—277.
[17] См.: *Старокадомская М. К.* Русское торговое население генуэзской Каффы.— История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
[18] *Сперанский М. Н.* Сказание об Индейском царстве.— Известия АН СССР по Отделению русского языка и словесности. М., 1930, т. 3, с. 433.
[19] *Ковтун Л. С.* Древнерусские словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977, с. 85 и др.
[20] См.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 243—244.
[21] См.: *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 157—158 и др.

[22] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений. М., 1980, с. 171.

[23] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9, с. 365.

[24] Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981, с. 231.

[25] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982, с. 217—267; *Скрипиль М. О.* «История взятия Царьграда турками» Нестора Искандера.— Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1954, т. 10.

[26] *Семенов Л. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.

[27] Хожение Афанасия Никитина. М.—Л., 1948, с. 58.

[28] *Лазарев В. Н.* Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 113—114; см. также: *Белоброва О. А.* Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии.— Византийский временник. 1960, т. 17, с. 114—123.

[29] *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932, с. 46.

[30] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. 1. М., 1967.

[31] *Полиевктов М. А.* Новые данные о московских художниках XVI—XVIIвв. в Грузии. Тб., 1941.

[32] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией во второй половине XVI — 30-е гг. XVII в. М., 1963.

[33] *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976, с 95; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1—3. СПб., 1890—1898.

[34] Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 1965, с. 65.

[35] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, с. 47.

[36] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I. М., 1946, с. 81, 87; *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в.— Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 367—369.

[37] Россия в царствование Алексея Михайловича. Из сочинения Григория Котошихина. СПб., 1884, с. 41.

[38] *Данциг Б. М.* Русские путешествия на Ближнем Востоке. М., 1965, с. 26.

[39] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988.

[40] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России и православного Востока в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, с. 110, 276 и др.

[41] *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 132, 147.

[42] *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 115 и др.

[43] *Седельников А. Д.* Арабская книга в царской казне.— Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 165—167.

[44] *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 77—78.

[45] *Карпов А.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей. Казань, 1878.

[46] «Книга Большого Чертежа» («Книга Большому Чертежу»)— объяснительный текст к карте России XVII в., составленный в 1627 г. Этот ценный исторический источник содержит подробное описание утраченной карты Руси, включающее все бывшие на ней надписи и изобразительные материалы. См.: *Языков Д. И.* Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства... СПб., 1838; Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

[47] *Данциг Б. М.* Из истории русских путешествий и изучение Ближнего Востока в допетровской Руси.— ОИРВ. [Вып. 1]. 1953, с. 220.

[48] См.: *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. М., 1891, с. 234—235.

[49] *Крачковский И. Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского...— Избранные сочинения. Т. 1. М.—Л., 1955, с. 265.

[50] См.: Русско-армянские отношения в XVIIв. Сб. документов. Ер., 1953, с. 66; ср.: *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 372.

[51] См.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., с. 22.

[52] См.: *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906, с. 54—55. Есть сведения и о специальном изучении восточных языков русскими людьми. Известно, например, что подьячий Полуэкт Зверев в 1644 г. в Астрахани учился «татарскому, арапскому и фарсовскому языкам».

[53] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958, с. 22.

[54] *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тб., 1968, с. 259.

[55] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М., 1954, с. 320.

[56] *Полиевктов М. А.* Экономическая и политическая разведка Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

[57] См.: Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Тб., 1937, с. XIV; *Пайчадзе Г.* К истории грузинской колонии в Москве в XVI—XVIII вв. Тб., 1982, с. 11.

[58] Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

[59] *Уляницкий В. А.* Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. М, 1889; *Байкова Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Таш., 1964.

[60] *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 370.

[61] Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958, с. 194—204.

[62] См.: Русско-монгольские отношения 1607—1636 гг. Сб. документов. М., 1959.

[63] *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. М., 1958, с. 27.

[64] Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1. М., 1969, с. 67.

[65] *Демидова Н. Ф., Мясников В. С.* Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966.

[66] Там же, с. 90.

[67] Русско-монгольские отношения 1636—1654 гг. Сб. документов. М., 1975, с. 93.

[68] См.: *Титов А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890, с 175; *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России. М., 1901, с. 143.

[69] *Гальперин А. Л.* Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII — середине XIX в. (краткий обзор).— ОИРВ. Вып. 2, 1956, с. 8—10.

[70] *Курц Б. Г.* Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929, с. 12.

[71] *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 88.

[72] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, с. 53, 71 и др.

[73] Космография 1670 года. СПб., 1878—1881, с. 369.

[74] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862, с. 131.

[75] *Боднарский М. С.* Очерки по истории русского землеведения. Ч. 1. М., 1947, с 35.

[76] Книга Большому Чертежу, с. 29.

[77] *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965, с. 455.

Глава 2

[1] ПСЗРИ. Собр. 1-е.* Т. 3, № 1532.

* Далее при ссылке на этот источник данная часть описания (Собр. 1-е) для краткости опускается.

[2] См. также: *Мирзоев В. Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960, с. 154—164.

[3] *Оглоблин Н. Н.* Две «скаски» Владимира Атласова об открытии Камчатки.— ЧОИДР. 1891, кн. 3, с. 1—18.

[4] Русский перевод описания поездки Э.-И. Избранта был опубликован Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» в 1789 г. (т. 8).

[5] *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России в первой четверти XVIII века.— ОИРВ. Вып. 2. М., 1956, с. 382—384.

[6] *Арунова М. Р., Орешкова С. Ф.* Османская империя в начале XVIII в. и ее описание П. А. Толстым.— Русский посол в Стамбуле. М., 1985, с. 17—18.

[7] *Воловников В. Г.* По дорогам Востока и времени (Введение).— Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986, с. 12—16.

[8] *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, с. 178.

[9] ПСЗРИ. Т. 4, № 1800.

[10] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Т. 1 (1586—1742). М., 1838, с. 358; *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. СПб., 1904, с. 167—168, 194.

[11] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 388.

[12] *Шафрановская Т. К.* Сведения о Сибири и Монголии в дневниках Лоренца Ланга.— Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969, с 40—52.

[13] Путешествие в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1710—1711. М., 1862.

[13а] *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. (По русским архивам). М., 1978, с. 23—24.

[14] Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720). Варшава, 1875.

[15] Подлинник указа от 16 апреля 1702 г. неизвестен. Содержание его приведено в другом, более позднем указе. См.: *Иванов П.* Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку.— Вестник ИРГО. 1853, ч. 8, отд. 8, с. 4—5.

[16] ПСЗРИ. Т. 7, № 4492.

[17] *Шестаков П.* Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков.— ЖМНП. 1869, ч. 145, с. 123—143.

[18] *Лебедев В. И.* Посольство Артемия Волынского в Персию.— Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1948, т. 5, № 6, с. 532; *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского...

[19] ПСЗРИ. Т. 5, № 2978.

[20] Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам.— ЖМНП. 1853, ч. 80, с. 29.

[21] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862, с. 126—128, 131.

[22] ПСЗРИ. Т. 5, № 2809.

[23] Там же, № 2993—2994.

[24] *Perri* und *Wartis*. Der allertneuste staat von Casan, Astracan, Georgien. Nuremberg, 1723.

[25] Цит. по: История дипломатии. Т. 1. М., 1959, с 346.

[26] *Шмурло Е. Ф.* П. В. Постников: Несколько данных для его биографии.— Ученые записки Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1894, № 1, с. 77, 91—92, 96—97 и др.; *Богословский М. М.* Русское общество и наука при Петре Великом. Л., 1926, с. 17—18.

[27] *Ефремов П.* Новооткрытая библиографическая редкость.— Русский архив. М., 1888, кн. 4, с. 644—646; *Смирнов Н. А.* Очерки истории изучения ислама в СССР. Л., 1954, с. 25—27.

[28] География или краткое земнаго круга описание. М., 1716. Автор и переводчик не указаны.

[29] *Варений Бернгард.* География генеральная. Перевод с латинского языка справщика Печатного Двора Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова. М., 1718.

[30] *Иоганн (Яган) Гибнер.* Земноводнаго круга краткое описание. Перевод с немецкаго языка. М., 1719.

[31] Указ Петра I от 13 апреля 1711 г. о принятии Д. Кантемира «со всем его княжеством» в вечное подданство России.— ПСЗРИ. Т. 4, № 2347.

[32] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.—Л., 1945, № 286.

[33] Ранее, в 1703—1713 гг., в Москве работала частная типография с грузинским шрифтом. В 1711 г. при Правительствующем Сенате открылась типография, но вначале восточных шрифтов в ней не было.

[34] Экземпляр манифеста Петра I от 15 июля 1722 г. на турецком языке с переводом на немецкий см.: АВ, разр. I, оп. 7, ед. хр. 23.

[35] О стене Кавказской.— Краткое описание Комментариев Академии наук. СПб., 1728, ч. I, с. 167—207 (пер. И. Ильинский).

[36] *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 8; *Гольденберг А. А. Федор Иванович Соймонов* (1692—1780). М., 1966, с. 223—224. Интересно отметить, что ровно через 45 лет, в июне 1767 г., эти же развалины посетила Екатерина II. По ее свидетельству, там в это время находились «остатки» двух минаретов. В письме Н. И. Панину она сообщала, что казанский епископ Лука использовал древние камни в качестве строительного материала и в результате «много разломал, хотя Петра I указ есть, чтоб не вредить и не ломать сию древность». См.: *Катанов Н. Ф.* Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа. См.: Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1907, т. 23, вып. 3, с. 243—244.

[37] Копии надписей были оставлены в казанской губернской канцелярии. Подлинники надписей в большинстве своем уже к середине XIX в. исчезли.

[38] *Березин И.* Булгар на Волге. Казань. 1853, с. 29.

[39] *Савельев П. С.* Восточные литературы и русские ориенталисты.— Русский вестник. СПб., 1856, т. 2, кн. 2, с. 119.

[40] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I, № 142, 145.

[41] Третья рукописная работа Кантемира, «История магометанская со времен ложнаго пророка Магомета до перваго императора Турецкаго», погибла вместе с фрегатом на Каспийском море во время Персидского похода 1722 г. См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 3. М.. 1836, с. 34—42.

[42] Подробнее о нем см.: *Гольденберг Л. А.* Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М., 1966.

[43] Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами... губернатора Сибири... Федора Ивановича Соймонова...— Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763, январь—ноябрь. То же см. в: Samlung russischer Geschichte. ZPb., 1762—1763, T. 7.

[44] *Коган И. И.* Рукописи Ф. И. Соймонова в собрании Государственного исторического музея.— Проблемы источниковедения. М., 1959, вып. 8, с. 228—238.

[45] ПСЗРИ. Т. 5, № 3266.

[46] *Пекарский П.* Наука и литература в России..., с. 348.

[47] *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л.,1976, с. 239—240. Позднее, в 1730-е годы, Д.-Г. Мессершмидт изучал также грузинский, арабский и новоиндийский языки.

[48] *Пекарский П.* Наука и литература в России..., с. 359.

[49] *Катанов Н.* Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири (начало XVIII века.)— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1903, т. 19, вып. 2, с. 173—174; *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.—Л., 1966.

[50] *Гербер И.-Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курою, народах и землях и о их состоянии в 1728 г.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служа-

щие. СПб., 1760, июль, с. 3—48; август, с. 99—140; сентябрь, с. 195—232; октябрь, с. 291—308.

[51] ПСЗРИ. Т. 7, с. 4644; *Бер К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Записки ИРГО. 1849, кн. 3, с. 236.

[52] См. рус. изд. сочинения Ж-Б. Дюгальда: Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайския, снабженное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное Ж.-Б. Дюгальдом, а с французского переведенное Игнатием де Теильсом. Ч. 1—2. СПб., 1774—1777; о Витусе Беринге см.: *Пасецкий В. М.* Витус Беринг: 1681—1741. М., 1982; *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. М.— Пг., 1924, с. 69—74. Подробнее о поездках в петровское время в Османскую империю, Египет, Иерусалим и другие области Ближнего Востока см.: *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России..., с. 394—411.

[53] *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России XVIII—I пол. XIX в.— Народы Азии и Африки. М., 1970, № 4, с 133.

[54] ПСЗРИ. Т. 7, № 4443.

[55] Примером могут служить две рукописные «истории» (о «разорении последнем св. града Иерусалима» и «о взятии Константинополя» турками), «повелением» Петра I изданные в Петербурге в 1723 г.

[56] *Куликова А. М.* К вопросу о периодизации истории востоковедения в России до 1917 года.— Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ. Май 1969. Л., 1969, с. 48.

[57] Позднее, с 1783 г. (по 1841 г.), наряду с Императорской Академией наук в Петербурге существовала еще одна — Императорская Российская академия, члены которой занимались преимущественно изучением русского языка и словесности.

[58] ПСЗРИ. Т. 12, № 9425.

[59] *Ломоносов М. В.* План регламента, проект штата, перечень привилегий...— Сочинения. Т. 9. М.—Л., 1955, с. 537, 538, 557; *он же.* Проект *регламента* Академии наук— Сочинения. Т. 10. 1957, с. 150; *Ченакал В. Л.* М. В. Ломоносов о странах Востока.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961, с. 190—194; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России..., с 134.

[60] О нем см.: *Таранович В. П.* Академик Т. З. Байер и его труды по востоковедению.— АВ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 2, 111 л.; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1 СПб., 1870, с. 180—196; Энциклопедический лексикон (Плюшара). Т. 4. СПб., 1835, с. 103—105. Автобиографию Г.-З. Байера см.: ЦГАДА, ф. 199 (Портфелли Миллера), оп. 2, портф. 421. ед. хр. 10.

[61] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885, с. 150.

[62] 7 марта 1735 г. эта новая должность была официально включена в штат Академии наук. См.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук..., с. 53.

[63] *Щебеньков В. Г.* Первые инструкции Российской Академии наук об изучении культуры Китая.— Сообщения Дальневосточного филиала АН СССР. Владивосток, 1960, вып. 13, с. 98.

[64] *Dorn B.* Das Asiatische Museum der KeiserlichenAkademie der Wissenschaften zu St.-Petersbourg. SPb., 1846, с. 119.

[65] *Кулябко Е. С., Перельмутер И. А.* Из научной переписки петербургских ученых XVIII в. (обзор архивных материалов).— Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969, с. 137—141.

[66] *Радовский М И.* Посещение Петербургской Академии наук китайскими гостями в 1732 г.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 85—87. Об этом визите появилась заметка в «С.-Петербургских ведомостях» за 8 июня 1732 г.

[67] *Bayer Th.-S.* Elementa Litteraturae Brahmanicae, Tangutanae, Mungali-

cae.— CASIP. 1728 (1732), t. 3, с. 389—422; *он же*. Elementa Brahmanicae, Tangutanae, Mungalicae.— CASIP. 1729 (1735), t. 4, с. 289—301.

[68] ЦГАДА, ф 199, оп. 1, портф. 150, ч. 14, ед. хр. 14, л. 1—2.

[69] А. И. Богданов — автор записки о японцах, живших в Петербурге. Она помещена в кн.: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Ч. 2. СПб., 1818, с. 222—225.

[70] Подробнее о первой школе японского языка в России см.: *Куликова А. М.* Начало изучения японского языка в России.— Народы Азии и Африки. М., 1979, № 1, с. 134—145.

[71] *Бакмейстер И.-Ф.* Опыт о Библиотеке в Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенный Василием Костыговым. СПб., 1779.

[72] *Штелин Я. Я.* О Черкасской или Кабардинской земле.— Календарь, или Месяцеслов, географический на 1772 г (66 с.); *он же*. Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге.— Календарь, или Месяцеслов, географический на 1774 г. (32 с.) и др.

[73] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.— Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. Т. 1. Под ред. В. В. Григорьева. СПб., 1879—1880, с. 106.

[74] См.: *Пасецкий В. М.* Витус Беринг...

[75] О нем см.: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 771—811, ед. хр. 773, л. 1—3; *Миллер Г.-Ф.* История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937, с. 147—155; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук..., с. 308—430.

[76] Второе издание вышло в 1787 г., последнее — в 1937 г. (см. примеч. 75). Рукопись этой работы хранится в ЛО ААН.

[77] ЦГАДА, ф. 199. Описание фонда см.: *Голицын Н. В.* Портфелли Миллера. М., 1899.

[78] О нем см.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук..., с. 617—636.

[79] *Fischer J. E.* Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die russischen Waffe in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen. T. 1—2. SPb., 1768. Это же сочинение в переводе И. Голубцова было издано на русском языке в Петербурге в 1774 г.

[80] *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям (местам) Российского государства. Ч. 1—3. СПб., 1771—1776.

[81] *Pallas P. S.* Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Volkerschaften. T. 1—2. SPb., 1776—1801. См. также: *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв.— Азиатский сборник из Известий Российской Академии наук. Новая серия. Пг., 1919, с. 792—794, 797 и др.

[82] *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschatten des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. T. 1—2. Lpz., 1799—1801.

[83] Собранные И. Иеригом материалы поступили в фонды Академии наук. См.: АВ, ф. 21; Рукописный отдел ЛО ИВ (Коллекция монгольских рукописей).

[84] *Гмелин С.-Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1—3. СПб., 1771—1777—1785.

[85] Об экспедиции С.-Г. Гмелина см.: *Соколова В. С., Грюнберг А. Л.* История изучения бесписьменных иранских языков.— Очерки истории изучения иранских языков. М., 1962, с. 132—133.

[86] Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. B., 23.05.1773, с. 173—176.

[87] *Güldenstädt I. A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. T. 1—2. SPb., 1787—1791. Сокращенный рус. пер., выполненный К. Германом, см.: Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из-

путешествия г. ак. И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.

[88] Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. Ч. 1—2. СПб., 1772.

[89] Примером сбора и предварительного оформления языкового материала на местах может служить Русско-арабско-персидско-мещеряцко-киргизско-хивинско-бухарский глоссарий, подготовленный толмачом губернской канцелярии в Оренбурге Мендиером Бекчуриным (Бещериным).

[90] Сравнительные словари... Ч. 1—2. СПб., 1787—1789.

[91] Сравнительный словарь... Ч. 1—4. СПб., 1791.

[92] Подробнее о Кунсткамере см.: *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953.

[93] Musei Imperialis Petropolitani. T. 2, pt. 1. SPb., 1741. Подробнее о деятельности Г.-Я. Кера говорится в разделе, посвященном Коллегии иностранных дел.

[94] Подробнее см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum. SPb., 1846; *он же.* Азиатский музей.— Записки Императорской Академии наук. СПб., 1864, т. 5, вып. 2, с. 163—174; *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий середины XVII — середины XVIII в. Л., 1974.

[95] *Bacmeister I.* Essay sur la Bibliotheque et le Cabinet de Curiosites et d'histoire naturelle de l'Academie das Sciences de Saint Petersbourg. SPb., 1776. См. также примеч. 71.

[96] В это же время в Петербурге работала другая типография, находившаяся в ведомстве Правительствующего Сената. О типографии Академии наук см.: *Петров А. Н., Царт И. Д.* Первая академическая. К 250-летию 1-й типографии издательства «Наука». Л., 1977.

[97] Там же, с. 12, 17, 23; *Луппов С. П.* Книга в России..., с. 41.

[98] ПСЗРИ. Т. 14, № 10346. В литературе датой основания Московского университета иногда считают 12 января 1755 г.— день, когда был подготовлен текст указа.

[99] *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. М., 1953, с. 151—160.

[100] Х. Проект богословского факультета при Екатерине II. 1773 год.— Вестник Европы. 1873, ноябрь, с. 300—317; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России..., с 134.

[101] *Позднеева И. В.* Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50—70-е гг. XVIII в.— Вестник древней истории. М., 1962, № 3, с 16.

[102] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958, с. 52.

[103] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года. Ч. 2. М., 1855, с. 560.

[104] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М., 1960, с. 116.

[105] *Шевырев С.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755—1855. М., 1855, с. 190.

[106] Подробнее о казанских гимназиях см.: *Владимиров В.* Историческая записка о 1 Казанской гимназии: XVIII столетие. Ч. 1. Казань, 1867; *Артемьев А.* Казанския гимназии в XVIII столетии.— ЖМНП. 1874, ч. 424, отд. 2, с. 1—52.

[107] *Ковалевский О. М.* Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842, с. 3; *Куликова А. М.* Новый документ о Сагите Хальфине.— XIII годичная научная сессия ЛО ИВ (Краткие сообщения). Октябрь 1977 г. М., 1977, с. 90—93.

[108] Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная Казанских гимназий учителем и Адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казане слобод муллами в

оных гимназиях рассмотренная и одобренная. Печатана при Императорском Московском Университете, 1778 года.

[109] АВ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 14—15.

[110] ПСЗРИ. Т. 25, № 18539; Т. 24, № 18228.

[111] *Лиховицкий А.* Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия.— ЖМНП. 1905, ч. 360, с. 25—29.

[112] ПСЗРИ. Т. 8, № 5960.

[113] ПСЗРИ. Т. 9, № 6695.

[114] *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 405—406, 423.

[115] ПСЗРИ. Т. 11, № 8394.

[116] *Куликова А. М.* Указ Екатерины II о первой в России школе с преподаванием языков народов Северного Кавказа.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ (Доклады и сообщения). Февраль 1981 г. Ч. 1. М., 1982, с. 36—39.

[117] По поводу мысли Лейбница об учреждении университета в Астрахани.— ЖМНП. 1859, ч. 102, с. 207—209.

[118] ПСЗРИ. Т. 16, № 12012.

[119] ПСЗРИ. Т. 19, № 13489 и 14000.

[120] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков.... с. 153, 156; *Булич С. К.* Очерк истории языкознания.... с. 382, 399.

[121] В 1799 г. народные училища были переименованы в школы. См.: ПСЗРИ. Т. 25, № 19046.

[122] *Воронов А.* Федор Иванович Янкович де Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858.

[123] ПСЗРИ. Т. 21, № 15523.

[124] *Булич С. К.* Очерк истории языкознания..., с. 382, 420; *Миллер И.* Краткое историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии.— Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. СПб., 1810, ч. 27, с. 416—428; Астрахань.— Москвитянин. М., 1854, № 3—4, кн. 1—2, отд. 7, с. 134—135; ПСЗРИ. Т. 23, № 17075 и др.

[125] *Куликова А. М.* План коллежского советника Янковича де Мириево о заведении училища восточных языков.— XIV годичная научная сессия ЛО ИВ (Доклады и сообщения). Декабрь 1978 г. М., 1979, с. 33—38; *она же.* Проекты востоковедного образования в России..., с 134—135.

[126] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.—Л., 1945, с. 521.

[127] См.: *Шувалов М. П.* Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера.— Сборник Московского Главного архива МИД. [М.], 1893, вып. 5, с. 89—110.

[128] ЦГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 1—3.

[129] Рукопись проекта Кера см.: ЦГАДА, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 4. О публикациях этого проекта см.: *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982, с. 48—53; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России..., с. 133—134.

[130] См.: *Савельев П.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, с. XIII.

[131] ЦГАДА, ф. 191. Здесь же хранится опись работ Кера, составленная в 1859 г.

[132] Рукопись этой работы см.: ЦГА ТАССР, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 870, 220 л. Публикацию ее см.: Красный архив. 1939, № 3.

[133] Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. 1. Орджоникидзе, 1933, с. 31—34.

[134] ПСЗРИ. Т. 21, № 15633. Указ от 14 января 1783 г.

[135] ПСЗРИ. Т. 24, № 17844.

[136] ПСЗРИ. Т. 25, № 18599.

[137] См.: Новые ежемесячные сочинения, издаваемые Императорской Академией Наук. СПб., 1790, ч. 43—45, 48, 50, 52, 53, 56—58, 60—62.

[138] Neue Nordische Beiträge. 1796, Т. 7.

[139] *Reinegs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha—SPb., 1796.

[140] Журнал или дневныя записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. Кн. 1—3. СПб., 1770—1772.

[141] Дневныя записки путешествия из архипелагского, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся, с краткой историей Алибеевых завоеваний. СПб., 1773.

[142] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики..., с. 56.

[143] *Коковцов М. Г.* Описание Архипелага и Варварийского берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их, с присовокуплением древней истории и с тремя чертежами. СПб., 1786; *он же.* Достоверные известия о Алжире; о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов, о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежем. Сочинение российского офицера, все то на месте обозревшего. СПб., 1787.

[144] *Куликова А. М.* История одной малайской рукописи.— Краткие сообщения и автоаннотации. VI годичная научная сессия ЛО ИВ, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель 1970 г. М., 1970, с. 51—53.

[145] Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Изд. 3-е. Казань, 1811. Первое издание было осуществлено в Петербурге в 1786 г.

[146] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики..., с. 29.

[147] *Луппов С. П.* Книга в России..., с 266, 271.

[148] *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, с. 348—349.

[149] *Булгаков М.* История Киевской академии. СПб., 1843, с. 156—157.

[150] *Смирнов С.* История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867, с. 347.

[151] Основанное в 1687 г. в Москве первое высшее общеобразовательное заведение. Первоначальное название — Эллино-греческая академия; в 1701—1775— Славяно-греко-латинская академия; с 1814 г.— Московская духовная академия, переведенная в Троице-Сергиеву лавру (Загорск).

[152] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков..., с. 138—139, 212—213.

[153] ПСЗРИ. Т. 24, № 18273.

[154] Пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествия к святым местам, в Европе, Азии и Африке находившимся, предпринятое в 1723 году и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб., 1778.

[155] ПСЗРИ. Т. 10, № 7228; т. 11, № 8090, 8004, 8236 и др.

[156] *Иориш И. И.* Монголоведение.— Азиатский музей. М., 1972, с. 209; *Булич С. К.* Очерк истории языкознания..., с. 434—436; *Иеромонах Макарий.* История Нижегородской семинарии. Нижний Новгород, 1849, с. 12—13; *Абрамов Н.* Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времен покорения ея в 1581 году до начала XIX столетия.— ЖМНП. 1854, ч. 81, отд. 5, с. 15—56.

[157] *Благовещенский А.* История старой Казанской духовной академии: 1797—1818. Казань, 1875, с. 35, 75.

[158] *Можаровский А.* Старая Казанская академия. М., 1877, с. 17—18.

[159] ПСЗРИ. Т. 10, № 7411.

[160] *Луппов С. П.* Книга в России..., с. 46—47.

[161] ПСЗРИ. Т. 25, № 18455.

[162] См., например: Военное состояние Оттоманской империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильи, члена Парижския Королевския Академии наук и Монпельерския, также Лондонского Королевского социэттета и основателя Болонского института. Ч. 1. СПб., 1737 (перевел на рус. яз. В. К. Тредьяковский); История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Пале-

стине, Сирии и Турецком государстве, а також о путешествиях из Алеппа в Бальзору. М., 1789 (перевел на рус. яз. Н. И. Новиков).

[163] Турецкая грамматика, или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка с собранием имян, глаголов, нужнейших к познанию речей и многих дружеских разговоров. СПб., 1776.

[164] ПСЗРИ. Т. 24, № 18287.

[165] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 24.

[166] Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги сочинения Абулгази-Баядур-хана. Т. I—2. СПб., 1768.

[167] Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайския, снабденное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное Ж. Б. Дюгальдом, а с французского переведенное Игнатием де Теильсом. Ч. I—2. СПб., 1774—1777.

[168] *Брюн В. де* История о завоевании Китая манжурскими татарами, состоящая в 5 книгах. М., 1788 (перевел А. Р.).

[169] Подлинные известия о японцах, читанные в Королевской Шведской академии г. Тунбергом, профессором ботаники и врачебной науки в Упсале.— Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1787, ноябрь, ч. 17, с. 32—35 (перевел на рус. яз. В. Ф. Зуев); Описание о Японе, содержащее в себе три части, то есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан, историю о гонении христиан в Японе и последование странствия Генрика Гагенара. СПб., [1768].

[170] См., например: Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского, с французского переведены Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1762; Экономия жизни человеческой, или сокращенное индийское нравоучение, сочиненное некоторым древним брамином и обнародованное через одного славного бонза пекинского на китайском языке, с которого во-первых, на латинский, а потом на французский, ныне же на российский язык переведено Егором и Павлом Гициановыми. Изд. 4-е. М., 1791.

[171] Выписка из путешествия г. Соннерата в Восточную Индию.— Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1788, ч. 25, с. 3—23 (перевел на рус. яз. В. Ф. Зуев).

[172] См., например: Зели, или трудность быть щастливым. Индейский роман с приобщением повести Зими. СПб., 1780.

[173] См., например: Багуат-гета, или Беседа Кришны с Аржуном, с примечаниями. М., 1788; [Отрывок из Махабхараты].— Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 16. М., 1791, с. 231—232; Сцены из индийской драмы Шакунталы (Саконталы).— Московский журнал. 1792, ч. 6, с. 125—156, 294—323. Подробнее см.: *Западов А. В.* Индия в русской литературе и журналистике XVIII столетия.— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956, т. 15, вып. 2, с. 110—121.

[174] Годы первых двух изданий неизвестны, третье — было осуществлено в Москве в 1784 г.

[175] Издан в Петербурге в 1788 г.

[176] Издан в Петербурге в 1789 г.

[177] *Барышников Н.* Кох — дипломат русского двора в XVIII столетии.— Русская старина. СПб., 1871, т. 4, с. 171—173; *Мачинский А. В.* Переписка Ж.-Ф. Шампольона с А. Н. Олениным.— Письменные источники докапиталистических обществ. М.— Л., 1934, № 4, с. 72—89.

[178] *И. Х.* (Иван Михайлович Холодковский). Нумизмат XVIII века.— Старая монета. СПб., 1910, № 2, с. 8.

[179] *Лившиц М. Г.* Дешифровка египетских иероглифов.— *Шампольон Ж.-Ф.* О египетском иероглифическом алфавите. М.— Л., 1950, с. 229.

[180] *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 81.

[181] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 37.

[182] Русско-китайские отношения в XVIII в., с. 527.

[183] Русско-китайские отношения, 1689—1916: Официальные документы. М., 1958, с. 19—20.

[184] *Радовский М. И.* Русский китаевед И. К. Россохин.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961, с. 89.

[185] *Волкова М. П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся.— КСИНА. 1963, № 61, с. 154—157.

[186] ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 113.

[187] Материалы для истории Академии наук. Т. 7, с. 496.

[188] *Скачков П. Е.* Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России.— Проблемы востоковедения. 1960, № 3, с. 200.

[189] Перечень сохранившихся в архивах переводов И. К. Россохина см.: *Таранович В. П.* Илларион Россохин и его труды по китаеведению.— Советское востоковедение. 1945, т. 3, с. 230—238.

[190] *Радовский М. И.* Русский китаевед И. К. Россохин, с. 91.

[191] Отдел рукописей Государственного исторического музея, ф. 17, № 114—118, 202—206, 1328—1332.

[192] ЛО ААН, ф. 21, оп. 5, № 1—3.

[193] *Шастина Н. П.* Перевод И. Россохиным источника по истории монголов конца XVII в.— Ученые записки ИВ. 1953, т. 6, с 202.

[194] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964.

[195] *Леонтьев Ал.* Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб., 1777.

[196] Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875, с. 283.

[197] ЛО ААН, разр. IV, оп. 1, № 322.

[198] Примечания на все манджурские и китайские слова, имена, звания, титулы хана китайскаго, также на все чины и достоинства знатных и простых людей, которые в *Обстоятельном описании происхождения и состояния Манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего*, находятся, с обстоятельным изъяснением по алфавиту, сочиненныя подпорутчиком Ларионом Рассохиным. СПб., 1784, с. 13—14.

[199] Там же, с. 208.

[200] *Стренина А. В.* У истоков русского и мирового китаеведения (Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»).— Советская этнография. 1950, № 1, с. 170—177.

[201] Там же, с. 177.

[202] *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974; *он же.* Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980.

[203] ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 114.

[204] *Стариков В. С.* Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 100—125.

[205] См.: *Ченакал В. Л.* М. В. Ломоносов о странах Востока.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 193.

[206] Там же.

[207] *Stählin C. J. von,* Atlas von China... aus der Chinesischen Sprache zu St. Peterburg 1756 von Rossochin in dierussische... übersetz.— Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg, 1769, Teil 3; Beschreibung des altaischen Gebürges aus dem Chinesischen Buche Daizyn-itun Dschi übersetz... Translateur Rossochin.— Neue Nordische Beiträgeur phiysikalischen und geographischen Erd und Völkerbeschreibung... 1781, Bd 1, с. 223—230.

[208] О рукописном наследии И. К. Россохина см.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения, с. 389—395.

[209] *Пекарский П.* История Императорской Академии наук. 1870, с. 185.

[210] АВ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 2, с. 7.

[211] *Радовский М. И.* Первая веха в истории русско-китайских научных связей.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 97.

[212] См. примеч. 210 (с. 13).

[213] Там же, с. 19.

[214] *Горбачева З. И.* Китайские ксилографы и старопечатные книги собра-

ния Института востоковедения Академии наук СССР (Общий обзор).— Ученые записки ИВ. 1958, т. 16, с. 311.

[215] Русско-китайские отношения в XVIII в., с. 496—497.

[216] *Шафрановская Т. К.* Путешествие Лоренца Ланга в Пекин в 1715—1716 гг. и его дневник.— Страны и народы Востока. Вып. 2. М., 1961, с. 200—205.

[217] *Шафрановская Т. К.* Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (поездка Ф.-Л. Елачича в Китай в 1753—1756 гг.).— Культура народов зарубежной Азии и Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 25. Л., 1969, с. 6—8.

[218] Русско-китайские отношения в XVIII в., с. 522—523.

[219] Там же, с. 583—584.

[220] Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского, а ныне манчжурского правительства. Перевел с манчжурского на российский язык Алексей Леонтьев. Т. 2. СПб., 1782.

[221] Сы шу геы, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуция. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык надворный советник Алексей Леонтьев. СПб., 1780.

[222] Джун юнъ, то есть закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык Алексей Леонтьев. СПб., 1784.

[223] Тайцин гурунь..., с 301.

[224] Там же, с. 305.

[225] Да Хио, то есть учение великое.— Сы шу геы..., с. 10.

[226] Там же, с. 22.

[227] Джун юнъ..., с. 72.

[228] Там же, с. 95—96.

[229] Там же, с. 110.

[230] Сань дзы гин, то есть Книга Троесловия. Букварь китайской, состоящий из двух китайских книжек, служит у китайцев для начального обучения детей основанием. Перевел с китайского и манчжурского на российский язык прозою надворный советник Алексей Леонтьев. СПб., 1779.

[231] Там же, с. 22.

[232] Там же, с. 9—10, 22.

[233] Китайские поучения, изданные от хана Юнджена для воинов и простого народа во 2 году царствования (в 1724). Перевел с китайского на российский язык секретарь Леонтьев. СПб., 1778, с. 11.

[234] *Депей китаец* переведена с китайского на российский язык Алексеем Леонтьевым Коллегии иностранных дел секретарем. СПб., 1771.

[235] Китайские мысли. Перевел с маньчжурского и с китайского на российский язык Коллегии иностранных дел Канцелярии советник Алексей Леонтьев. СПб., 1786 (Предисловие).

[236] Там же, с. 13—16.

[237] Там же, с. 193—206.

[238] У Южных ворот Пекина.

[239] Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства... СПб., 1778, с. 12.

[240] Там же, с. 286—287.

[241] Там же, с. 293.

[242] Там же, с. 301. См. также: *Горбачева З. И.* Первые сведения китайцев о России.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 80—84.

[243] Chinesische Gedanken nach der von Alexei Leontieff aus der mandschurischen Sprache verfertigen russischen Uebersetzung. Ins Deutsche ubersetzt. Weimar, 1778; Pensées morales des divers auteurs chinois recueilies de traduit du latin et du russe (de Leontieff) par Levesque. Dresden, 1807.

[244] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения, с. 76.

[245] Museum Imperiale Petropolitanum. SPb., 1741.

[246] Ueber die bei der hiesigen akademischen Bibliothek angesammelten Bücher in Sinesischer, manschurischer, mongolischer und japanischer Sprache.— Journal von Russland. 1796, Bd 2, с. 128—134, 216—221, 277—286.

[247] *Шафрановская Т. К.* Из истории китайских коллекций Кунсткамеры..., с. 15.

[248] Там же, с. 17.

[249] Там же, с. 21—22.

[250] Там же, с. 27.

[251] *Шафрановская Т. К.* Поездка пекаря Франса Елачича в 1753—1756 гг. в Пекин для пополнения китайской коллекции Кунсткамеры.— Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2, с. 131.

[252] АВ., разр. 1, оп. 1, ед. хр. 140 (Catalogus librorum Sinicorum, Manshuricorum, Japonicorum, nec non Mongolicorum, Tübeticorum que in Academiae imp. Petropolitanae bibliotheka qui assevantur. Petropoli, Sept. 1798).

[253] *Шафрановский К. И., Шафрановская Т. К.* Сведения о китайских книгах в Библиотеке Академии наук в XVIII в.— Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока. М.— Л., 1957, с. 2.

[254] Там же, с. 10—16.

[255] Джунгин, или книга о верности, переведенная с манжурского и китайского языка на российский Государственной Коллегии иностранных дел переводчиком Алексеем Агафоновым в Иркутске 1784 года по открытии того Наместничества. М., 1788, с. 12, 15, 23.

[256] Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги Всеобщего зерцала с показанием летосчисления китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 год, переведенное коллежским переводчиком Алексеем Агафоновым в Иркутске 1786 года. М., 1788, с. 4.

[257] АВ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6/2, л. 222б.

Глава 3

[1] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков.— Сочинения. Т. 9. М., 1976, с. 42.

[2] В 1893—1918 гг. назывался Юрьевским (по христианскому имени Ярослава Мудрого, основателя города); ныне — Тартуский университет Эстонской ССР.

[3] Университет в г. Вильно просуществовал до 1832 г.

[4] *Стариков А. А.* Восточная филология в Московском университете.— ОИРВ. Сб. 3. М., 1960, с. 149.

[5] Матвей Гаврилович Гаврилов (1759—1829) — студент Московского университета и с 1811 г. его профессор; видный деятель Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских; знаток Святого писания (*Стариков А. А.* Восточная филология...).

[6] Там же, с. 152. О Болдыреве подробнее см. в гл. 5.

[7] *Данциг Б. М.* Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968, с. 46.

[8] Лазарь Захарович Будагов (1812—1878) завершил образование в Казанском университете. Преподавал в ЛИВЯ, Петербургском университете, служил в МИДе; автор двухтомного «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий...» (СПб., 1869—1871).

Николай Гаврилович Коноплев (1800—1855) с 1832 г. преподавал в Московском университете арабский язык.

Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858) специализировался по истории и археологии. Был избран в академики по Отделению русского языка и словесности.

[9] Цит. по: *Стариков А. А.* Восточная филология..., с. 156.

[10] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, с. 19.

[11] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 5. М.— Л., 1958, с. 105.

[12] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973, с. 134.

[13] *Арешян С. Г.* Армянская печать и царская цензура. Ер., 1957, с. 126.

[14] *Zukowski S. P.* Poczatki jezyka hebrajskie. Wilno, 1809; *он же.* Wypisy hebrajskie. Wilno, 1811.

[15] *Piročkinas A., Šidlaukas A.* Mokslas senajame Vilniaus universitete. Vilnae, 1984, c. 292.

[16] *Reychman J.* Orient w kulturze polskiego Oswiecienia. Wroclaw—Krakow, 1964, c. 263.

[17] *Palionis J.* Vilniaus «Franklinas».— Mokslas ir gyvenimas. 1976, № 9, c. 19.

[18] *Pigon S.* Raport prof. Tomaza Hussarzewskiego o kursie historii starożytnej w r.akad. 1802/03.— Ateneum Wilenskie. 1929, rocz. 6, t. 1/4, c. 590—592.

[19] *Lelewel J.* Listy Joachima Lelewela, odz. J. Listy do rodzenstwa pisane. T. 1. Poznan, 1878, c. 94.

[20] Prospectus lectionum publicarum in Alma Universitate Vilnensi. Vilnae, 1797.

[21] Цит. по: *Chodynicki K.* Lata universyteckie J. Lelewela.— Ksiega pamiatkowa ku uczczeniu CCCL rocznicy założenia i x wskrzenzenia Uniwersytetu Wilenskiego. T. 1. Wilno, 1929.

[22] См.: *Serejski M. H.* Koncepcja historii powszechnej Joachima Lelewela. Warszawa, 1958.

[23] *Lelewel J.* Badania tarożytnosci w wzgladzie geograficzny. Wilno — Warszawa, 1818; *он же.* Dzieje starożytne: Ot poczatku czasow historyczych do drugey polowy wieku szostego, ery chrzescianskiey. Wilno — Warszawa, 1818; *он же.* Dzieje starożytne Indii za szegolnym zastanowieniem sie nad wplywiem, jaki mieć mogla na starożytnym zachodzie. [Wilno] — Warszawa, 1820.

[24] *Sniadecki J.* Jeografija, czyli opisanie matematyczno-fizyczne Ziemi. Warszawa, 1804.

[25] *Lelewel J.* Pisma pomniejsze geograficzno-historyczne. Warszawa, 1814; *он же.* Geographie de Moyen-Age. T. 1—5. Bruxella, 1849—1857.

[26] Librorum Academiae Caesareae Vilnensis Indices. 1—4. Vilnae, 1831.

[27] См., например: *Berhard V.* Geographia generalis... Amsterdam, 1650; *Livus Titus.* Historium libri... Leiden, 1634; *Laet Johames.* De imperio Magni Mogolis, Siva India vera comentarius. Amsterdam, 1631; *Lajet J.* Persia, en regni Persi Status. Amsterdam, 1633; *Gohl J.* Lexicon arabico-latinum. Amsterdam, 1653; *Cuinti C. R.* Historia Alekxandri Magni. Amsterdam, 1673; *Hasen ibn Muchamad al Wazzan.* Africal descriptiko. Amsterdam, 1632.

[28] *Merkys V.* Lietuvos poligrafijos imones (1795—1915).— Spauda ir spaustuves. Vilnae, 1972.

[29] *Batura R.* Lietuva tautu kovoje prieš Aukso orda. Vilnae, 1975, c. 9—93.

[30] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 13.

[31] *Ковалевский А. П.* Описание путешествия Павла Алеппского как источник по истории Украины в эпоху ее воссоединения с Россией.— Збірник наукових робіт, присвячених 300-річчю возз'єднання України з Росією. Харків, 1954, с. 260—265.

[32] История Киева. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. Киев, 1984, с. 22—23; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, с. 6, 17, 69, 71.

[33] Всемирная история. Т. 3. М., 1957, с. 798; *Шаститко П. М.* События и судьбы: Из истории становления советского востоковедения. М., 1985, с. 4; *Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965, с. 21—24, 26—28, 50—52; *Никитин А.* Хожение за три моря. М., 1960; *Білоус П. В.* Давньоукраїнські «хоженія» і західноєвропейський роман-подорож XVII—XVIII ст.— Українська література XVI—XVIII ст. та інші слов'янськ літератури. Київ, 1984, с. 210—214.

[34] Предки его были жителями г. Бар Подольской губернии на Украине. Подробнее см.: *Данциг Б. М.* Русские путешественники..., с. 66—73; *Семенчук М. Д.* В. Г. Григорович-Барський.— Український историчий журнал. Київ, 1960, № 4, с. 73—80; Странствования Василья Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под редакциею Николая Барсукова. Ч. 1. СПб., 1885, с. II.

[35] Странствования... Барского... Ч. 1, с. XXIX—XXXI.

[36] Там же, с. XXXIV.

[37] Там же, с. 285, 350, 408; ч. 2. 1887, с. 81, 92—93.

[38] История Киева. Т. 2, с. 34, 41—43; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с 24; *Хижняк З. І.* Києво-могилянська академія. Київ, 1970, с. 60—61.

[39] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 37; *Хижняк З. І.* Києво-могилянська академія, с. 74—76.

[40] *Хижняк З. І.* Києво-могилянська академія, с. 65, 94, 165.

[41] История Киева. Т. 2, с. 95, 97, 100—101; Херсону — 200 лет (1778—1978): Сборник документов и материалов. Киев, 1978, с. 5.

[42] ГАГК, ф. 16, оп. 465, д. 143, л. 4, 13, 68, оп. 473, д. 147, 192, оп. 471, д. 596; История Имп. университета Св. Владимира. Составил ординарный проф. М. Ф. Владимирский-Буданов. Т. 1. Киев, 1884, с. 38—39; Історія Київського університету. 1834—1959. Київ, 1959, с. 35; Университет: Документы и материалы. 1834—1984. Киев, 1984, с. 3—4, 5; *Марков П. Г.* Общественно-политические и исторические взгляды М. А. Максимовича. Киев, 1986, с. 200—202.

[43] ГАГК, ф. 16, оп. 465, д. 912, л. 8, 9, 11, 26.

[44] См.: *Шевченко Т.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1955, с. 113, 152, 165, 281—286, 413; т. 2. 1955, с. 295, 330—331, 345; Государственный музей Т. Г. Шевченко. Путеводитель. Киев, 1971, с. 39—41.

[45] *Шевченко Т.* Повне зібрання творів в десяти томах. Т. 8. Київ, 1963; *Данилов В.* Т. Г. Шевченко и «Морской сборник». К 125-летию со дня рождения великого украинского поэта.— Морской сборник. 1939, № 7, с. 37—39.

[46] *Ковалівський А.* Вивчення Сходу в Харьківському університету та Харькові у XVIII—XX віках.— Антологія літератур Сходу. Переклади з адигейської, азербайджанської, арабської, асурської, бенгальської, вірменської, гінді, грузинської, грапара (старовірменської), індонезійської, китайської, корейської, меотійско-грецької, осетинської, палі, перської, санскритської, таджицької, турецької, японьскої та інших мов. зроблені або видані в Харькові. Харків, 1961, с. 11—15.

[47] *Иваньо И. В., Шанкарук В. И.* Философское наследие Григория Сковороды.— *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1973, с. 5, 13, 22.

[48] *Сковорода Г.* Трактаты. Диалоги. Притчи.— *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. Т. 2, с. 10; *он же.* Письмо достопочтеннейшему во Христе отцу Гервасию.— Там же, с. 298.

[49] Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955, с. 15, 17.

[50] В Московском университете предусматривалась еще и седьмая кафедра: теории изящных искусств и археологии. См.: *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков.

[51] Там же, с. 43.

[52] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 54; *Ковалівський А.* Вивчення Сходу..., с. 24, 26.

[53] *Ковалівський А.* Вивчення Сходу..., с. 27—30.

[54] См.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 54.

[55] Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет, с. 28, 32; *Ковалівський А.* Вивчення Сходу..., с. 32—37.

[56] *Дранов Б. А.* Черноморские проливы: Международно-правовой режим. М., 1948, с. 58; Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 8. М., 1972, с. 62—64.

[57] ХОГА, ф. 14, оп. 1, д. 1268, л. 47, 58, ф. 207, оп. 1, д. 1008, л. 7; ГАНО, ф. 414, оп. 1, д. 36, л. 1, ф. 230, оп. 1, д. 1635, л. 1—4; *Осипов А. Н.* Русские сельскохозяйственные продукты на рынках Турции и Египта. СПб., 1891, с. 17—20, 29; *Хромов В. П.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках (1800—1917). М., 1950, с. 95; *Гуржій І. О.* Україна в системі всеросійського ринку 60—90 рок в XIX ст. Київ, 1968, с. 144, 147.

[58] ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 35, л. 21, 49, 70, 86.

[59] Там же, оп. 3, д. 11, л. 60—62, 68, 197, 222—223, 230—231; оп. 2, д. 59, л. 119.

[60] Там же, оп. 1, д. 78, л. 1, 5, 6—7, 10—11.

[61] Там же, оп. 2, д. 59, л. 1, 2, 18, 60—67, 107.

[62] Там же, оп. 1, д. 16, л. 1.

[63] *Данциг Б. М.* Русские путешественники..., с. 180—186; *Желтяков А. Д., Петросян Ю. А.* История просвещения в Турции. М., 1965, с. 19—20; *Tchernikov I. F.* On the Significance of Istanbul for the Development of the Russo-Turkish Cultural Contacts from the XVI-th to the Beginning of the XX-th Centuries.— Association Internationale l'Études du Sud-Est Européen. Bulletin. Bucares, 1974, XII, № 2, с. 223.

[64] Цит. по: *Данциг Б. М.* Русские путешественники..., с. 182, 184.

[65] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 85.

[66] ГАОО, ф. 44, оп. 3, д. 102, л. 1, 3; оп. 1, д. 13, л. 5, 7, 13, 14, 21, 25.

[67] См.: Государственный архив Одесской области: Путеводитель. Одесса, 1969, с. 66—67.

[68] Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. V, № 2, 794, 641, 1069—1122, 1068, 795, 1123, 939, 1586.

[69] Там же, № 1586.

[70] Херсону — 200 лет, с. 6; Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790—1890). Николаев, 1890, с. 23; *Владимиров Р.* Город корабелов.— Морской сборник. 1974, № 5, с. 125; Музей судостроения и флота: Путеводитель. 2-е изд., перераб. и доп. Одесса, 1986, с. 20—21.

[71] См.: *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05—1929/30). Казань, 1930, с. 7.

[72] *Ковалевский О. М.* Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Имп. Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842, с. 3; см.: *Владимиров В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии: XVIII столетие. Казань, 1867, с. 45.

[73] ЦГА ТАССР, ф. 22, оп. 2, ед. хр. 289, л. 1 (Материалы татарской ратуши).

[74] *Кононов А. Н.* Из истории отечественной тюркологии.— Ученые записки ИВ. М.— Л., 1953, т. 6, с. 275.

[75] *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования: 1804—1904. Т. 1. Казань, 1902, с. 219.

[76] *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая пол. XIX века). Казань, 1972, с. 34. Студенты — слушатели Френа —плохо понимали профессора. Он мог вести занятия только на иностранных языках (латинском, немецком), которыми его подопечные, мягко говоря, владели недостаточно хорошо.

[77] Казанские известия. 1811, № 32, с. 7.

[78] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 5.

[79] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 40, ед. хр. 159, л. 1.

[80] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, с. 24.

[81] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ИФФ, ед. хр. 15, л. 1.

[82] Там же, л. 1.

[83] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 489, л. 7.

[84] Там же.

[85] Гимназистам, проявляющим успехи в овладении восточными языками, было предоставлено право поступать в университет без экзамена, и притом на казенное содержание.

[86] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5357, л. 18.

[87] См.: Отчет о состоянии Казанского университета за 1854/55 уч. г. Казань, 1855, с. 11.

[88] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 41, ед. хр. 86, л. 12—13.

[89] См.: Отчет Казанского университета за 17 лет. Казань, 1844, с. 10—11.

[90] См.: *Фойгт К.* Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852, с. 28.

[91] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5357, л. 41.

[92] *Фойгт К.* Обозрение..., с. 16.

[93] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4599, л. 9.

[94] *Фойгт К.* Обозрение..., с. 14.
[95] Рукопись хранится в: ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4599, л. 14—25.
[96] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5570, л. 3.
[97] Там же, л. 10.
[98] *Фойгт К.* Обозрение..., с. 24.
[99] См.: *Назарианц С.* Беглый взгляд на историю Гайканской литературы до конца XIII в.— Ученые записки Казанского имп. ун-та. 1844, 1, с. 46—95. В том же году в Казани вышло отдельное издание этой статьи.
[100] *Назарианц С.* Обозрение истории Гайканской письменности в новейшия времена. Казань, 1846.
[101] *Назарианц С.* Абу-Касем Фердауси Тусский, творец книги царей, известной под названием Шах-намэ. Кн. первая. Казань, 1849; кн. вторая. 1851.
[102] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5181, л. 34.
[103] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, ед. хр. 5059, л. 1.
[104] *Ковалевский О. М.* Обозрение..., с. 15.
[105] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 5059, л. 53, 55, 61.
[106] *Ковалевский О.* Извлечение из дневных записок, веденных...— Казанский вестник. 1830, ч. 28, кн. 1, с. 61—88.
[107] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 5059, л. 16.
[108] Там же, л. 42.
[109] Там же, л. 98.
[110] Там же, л. 141. Дневник О. Ковалевского хранится в Рукописном отделе ГПБ (ф. 356, ед. хр. 412).
[111] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4251, л. 1—13.
[112] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, ед. хр. 5059, л. 141.
[113] *Ковалевский О. М.* Обозрение..., с. 28.
[114] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 2237, л. 247.
[115] См.: Краткие замечания о приволжских калмыках.— ЖМНП. 1839, ч. 22, отд. 2.
[116] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4195, л. 161.
[117] Там же, ед. хр. 5210, л. 79.
[118] Там же.
[119] *Казем-Бек А.* План ученого путешествия по Востоку магистров Диттеля и Березина.— ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 8610, л. 38. План научного путешествия объемом 38 страниц был издан в 1841 г. в Казани.
[120] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Ректора, ед. хр. 455, л. 2.
[121] Там же, оп. 1, ед. хр. 8610, л. 17.
[122] Там же, л. 35.
[123] Там же, л. 25.
[124] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, ед. хр. 8610, л. 45, 46, 50.
[125] В делах попечителя находятся шесть донесений от Диттеля и семь от Березина, полный годичный отчет Березина, подробные записки, полугодичное и трехлетнее донесения, очерки путешествия и 18 писем, присланных из Дербента, Баку, Тебриза, Тегерана, Исфахана, Бендер-Бушира, Бейрута, Каира, Александрии, Смирны, Стамбула, с о-ва Сир (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 8610), а также путевые заметки (дневник путешествия) о Константинополе. Палестине, Каире и др. и рисунки из путешествий по Востоку (см.: АВ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 32, 33).
[126] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ИФФ, ед. хр. 388, л. 15.
[127] Там же, л. 16.
[128] Отчеты Березина и Диттеля см.: ЖМНП. 1847, ч. 55, отд. 4, с. 1—30.
[129] Курдский язык относится к группе иранских языков, но изучением языка, религии и истории курдов, основная часть которых жила на территории Османской империи, занимались на турецко-татарской кафедре.
[130] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, ед. хр. 8610, л. 86.
[131] Там же, л. 77.
[132] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ИФФ, ед. хр. 388, л. 27.
[133] *Березин И. Н.* Путешествия по Востоку. Т. 1. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850; т. 2. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852.

[134] О нем см. гл. 5.
[135] Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, с. 535.
[136] ЖМНП. 1846, ч. 2, с. 128.
[137] См.: Десятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым премий. 1841. СПб., 1841.
[138] *Казем-Бек А. К.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
[139] *Zencker.* Allgemeine grammatik der Türkisch-tatarischer Sprache. Lpz., 1848.
[140] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 41, ед. хр. 195, л. 37.
[141] О нем подробнее см.: *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань, 1972, с. 150—223.
[142] *Мельников П. И.* Первый магистр монгольской словесности.— Отечественные записки. 1840, т. 9. Эта статья написана по поводу защиты диссертации выдающимся русским востоковедом В. П. Васильевым.
[143] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 193.
[143а] ЖМНП. 1846, ч. 50, отд. 3, с. 33—48; *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока..., с. 132—133.
[144] *Березин И. Н.* Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань, 1857; т. 2. Вып. 1. Казань, 1862; т. 3. Казань, 1876; т. 2, вып. 2. СПб., 1890.
[145] Предложенные Казанским университетом изменения в учебном плане и расписании для восточного разряда были одобрены и утверждены Министерством народного просвещения в 1842 г.
[146] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. Совета, ед. хр. 5272, л. 1—3.
[147] Отдел рукописей научной библиотеки, ед. хр. 4043, л. 1—4.
[148] *Казем-Бек А. К.* Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в 1-й Казанской гимназии. Казань, 1836.
[149] ЦГА ТАССР, ф. 92, ед. хр. 4599, л. 17—25.
[150] Ученые записки Казанского имп. ун-та. 1842, кн. 2, с. 77—95.
[151] ЦГА ТАССР, ф. 977, ед. хр. 8344, л. 18—20.
[152] Там же.
[153] Там же, оп. ИФФ, ед. хр. 652, л. 1—9.
[154] Там же.
[155] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5272, л. 10.
[156] К а н д и д а т — выпускник, окончивший высшее учебное заведение с представлением диссертации, как называли в те годы дипломную работу.
[157] *Фойгт К.* Обозрение..., с. 57.
[158] *Романов Я. С.* Краткий очерк истории Народной библиотеки Татарской республики при Казанском университете. 1809—1939. Казань, 1940, с. 12; *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока..., с. 56—57.
[159] *Ковалевский О. М.* Обозрение..., с. 36; *Фойгт К.* Обозрение..., с. 57.
[159а] *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока..., с. 219, 10.
[160] Цит. по: *Лаврский К. В., Пономарев П. А.* К. Ф. Фукс и его время.— Казанский литературный сборник. Казань, 1878, с. 451—452.
[161] *Григорьев В. В.* С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 123.
[162] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6902, л. 1.
[163] Там же, л. 86.
[164] Там же, л. 239. Первым деканом факультета восточных языков Петербургского университета стал проф. А. К. Казем-Бек.
[165] Материалы для изучения факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Т. 1. СПб., 1905, с. 45—66.
[166] Там же, с. 66—69.
[167] *Казем-Бек А. К.* Записка о Восточном факультете С.-Петербургского университета. СПб., 1863, с. 29.
[168] Отчет о состоянии Имп. Казанского университета за 1854—55 г. Казань, 1855, с. 40.
[169] В гимназии вслед за татарским, арабским и персидским вводятся монгольский, китайский, армянский и маньчжурский языки.
[170] Уставы Академии наук СССР. М., 1975, с. 68—69.

[171] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. М., 1977, с. 196.

[172] Сергей Семенович Уваров (1786—1855) — министр народного просвещения (1833—1849), президент Академии наук (январь 1818 — сентябрь 1855 г.) — вошел в русскую историю как реакционная фигура. Однако в первый период своей деятельности, до восстания декабристов, он не был чужд либеральных помыслов и положительных практических начинаний.

[173] С основания в 1837 г. при Академии наук Этнографического музея сюда перешла часть этнографических материалов.

[174] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории арабистики, с. 87.

[175] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 27.

[176] Там же, с. 28.

[177] Уроженец Гянджи Топчибашев (1790—1869) получил образование в медресе Тифлиса; владел азербайджанским, арабским, персидским, турецким и знал разговорный армянский и грузинский языки. А. М. Куликова считает Топчибашева по национальности персом, А. Н. Кононов — азербайджанцем. На наш взгляд, прав Кононов. Недаром место рождения Топчибашева находится в центральной части Азербайджана, а его имя содержит исконно тюркские элементы. О нем см. также гл. 4 и 5.

[178] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 37—39.

[179] *Кононов А. Н.* История изучения персидских языков в России (Дооктябрьский период). Л., 1982, с. 226.

[180] Предложение о создании Профессорского института было принято правительством с некоторыми коррективами. Подготовку преподавателей восточных языков и словесности было решено организовать при Петербургском университете.

[181] Чаще встречается как Георг Фридрих Паррот или Егор Иванович Паррот. Он был специалистом по физике и математике.

[182] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 65.

[183] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 89.

[184] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 70.

Глава 4

[1] Хотя сам термин «Восточный вопрос» впервые был употреблен лишь на Веронском конгрессе (1822) Священного союза во время обсуждения положения, возникшего на Балканах в результате греческого национально-освободительного восстания против Турции, он охватывает и обозначает международные противоречия в конце XVIII — начале XX в., связанные с наметившимся распадом Османской империи, а также усилением на Ближнем Востоке колониальной экспансии европейских держав с развитием в них капитализма. Первый период Восточного вопроса (конец XVIII в.— Крымская война) характеризуется преимущественной ролью России на Ближнем Востоке. Об этом подробнее см.: *Георгиев В. А., Киняпина Н. С., Панченкова М. Т., Шеремет В. И.* Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.

[2] ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24, № 17 844.

[3] О С. Л. Лашкареве см.: *Лашкарев С. С.* Биография тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева. СПб., 1858; *Кессельбреннер Г. Л.* Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время). М., 1987.

[4] Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902, с. 89.

[5] Директорами (или управляющими) Азиатским департаментом в первой половине XIX в. кроме К. К. Родофиникина являлись Л. Г. Сенявин (1837—1848), Я. А. Дашков (1848—1852), Н. И. Любимов (1852—1856).

[6] О трудах Н. Я. Бичурина см.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения): Материалы конференции. Ч. 1—2. М., 1977; *Мясников В. С.* Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность.— Проблемы Дальнего Востока. М, 1977, № 3; *Хохлов А. Н.* Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае.— Вопросы истории. 1979, № 1, а также гл. 6 наст. изд.

[7] См., например: *Ковалевский Е. П.* Странствователь по суше и морям. Кн. 1—4. СПб., 1843—1849; *он же.* Собрание сочинений. Т. 1—5. СПб., 1871—1872.

[8] Подробнее об этих проектах см., например: *Базиянц А. П., Гринкруг И. М.* Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII—XIX столетиях.— Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984, с. 33—52; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII — 1-я половина XIX в.).— Народы Азии и Африки. 1970, № 4, с. 133—139.

[9] АВПР, ф. Учебное отделение, оп. 688 *, д. 94, л. 1—4. Проект Я. О. Потоцкого опубликован на русском языке в 1973 г. См.: Проект Я. О. Потоцкого относительно создания Азиатской Академии в России (Публикация подготовлена И. В. Таировой).— Народы Азии и Африки. 1973, № 2, с. 202—207.

[10] Текст русского перевода проекта С. С. Уварова см.: Ж. [*Жуковский В. А.*]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской.— Вестник Европы. 1811, ч. 55, № 1, с. 27—52; № 2, с. 96—120.

[11] АВПР, д. 94, л. 7—21.

[12] Там же, л. 8—9.

[13] Там же, л. 37—45 (Plan d'organisation d'une école spéciale de langues orientales attachée au Ministère des affaires étrangères...). Этот план, как и большинство других материалов, связанных с историей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте, не был известен до сих пор и не упоминался в работах историков-востоковедов.

[14] Там же, л. 64—69. Эта записка опубликована: Материалы по истории факультета восточных языков. Т. 1. СПб., 1905, с. 529—533.

[15] ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 38, № 29487.

[16] АВПР, д. 98, л. 15—16.

[17] Там же, л. 19—19об.

[18] Там же, д. 99, л. 1—4об.

[19] Там же, д. 98, л. 67—79.

[20] *Крачковский И. Ю.* Шейх Тантави, профессор Санкт-Петербургского университета. 1810—1861.— Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958, с. 229—299.

[21] Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича. М., 1983.

[22] АВПР, д. 102(V), л. 82.

[23] Там же, л. 17.

[24] Там же, д. 112, л. 18.

[25] Там же, д. 98, л. 36.

[26] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 471—472.

[27] АВПР, д. 102(V).

[28] Там же, д. 112, л. 2, 4.

[29] Там же, л. 5.

[30] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков.— Сочинения. Т. 9, с. 83—93.

[31] [*Казем-Бек*]. По поводу двух вопросов, сделанных ныне господином министром народного просвещения, а именно: а). О затруднительном положении многих молодых людей, оканчивающих с успехом курс в Восточном факультете здешнего университета и не имеющих случая применить к делу приобретенные ими познания; б). Об отношении к нашему факультету состоящего при Азиатском департаменте Учебного отделения Восточных языков.—

* Далее при ссылках на этот фонд архива название фонда и номер описи опускаются.

Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 1. СПб., 1905, с. 456—498.

[32] Там же, с. 484.

[33] [*Мухлинский*]. Мнение факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете.— Там же, с. 498—510.

[34] АВПР, д. 101, л. 25—28об.

[35] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 10, № 8594.

[36] АВПР, д. 101, л. 76—77.

[37] *Греч Н.* Барон Павел Львович Шиллинг фон Канштат.— Северная пчела. 1853, № 142; о Шиллинге см. также: *Яроцкий А. В.* О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда.— ОИРВ. Сб. 6. 1963; *Чугуевский Л. И.* Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX в.— Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971, с. 280—294; О изображении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга.— Азиатский вестник. 1825, май, с. 367—373 (пер. из парижского «Journal Asiatique» за 1824 г.— без подписи). О Шиллинге-китаисте см. гл. 6 наст. изд.

[38] АВПР, ф. СПб. Главный архив, II-26, оп. 71, 1833—1836 гг., д. 1; о Д. Борро см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1982, с. 574—656. О С. В. Липовцеве см.: *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях... Т. 2. Берлин, 1880, с. 241; *Конаков А. П.* Маньчжуристика в России и СССР.— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947, т. 6, с. 417—418; *Скачков П. Е.* Очерки по истории русского китаеведения. М., 1977, с. 405; а также гл. 6 наст. изд.

[39] О Грибоедове-дипломате см.: *Пашуто В. Т.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова.— Исторические записки. Т. 24. М., 1947; *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960; *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа. М., 1990.

[40] Воспоминания полномочного министра: 1832—1838 гг. Пер. с франц. И. Г. Мягковой и Е. Ф. Рассадиной. М., 1967.

[41] См. примеч. 21.

[42] Более подробно об этом см.: *Халфин Н. А.* Драма в номерах «Париж».— Вопросы истории. 1966, № 10; *он же.* Провал британской агрессии в Афганистане: XIX — начало XX в. М., 1959.

[43] О Базили см.: *Смилянская И. М.* К. М. Базили — российский дипломат и историк Сирии.— ОИРВ. Сб. 4, 1959, с. 52—78. Среди написанных Базили книг следует упомянуть: Очерки Константинополя. Ч. 1—2. СПб., 1835; Босфор и новые очерки Константинополя. Ч. 1—2. СПб., 1836; Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции и политическом кризисе на Востоке. СПб., 1854; и особенно: Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Ч. 1—2. СПб., 1862 (этот обстоятельный труд переиздан под ред. И. М. Смилянской, Э. Г. Аствацатурян и Е. К. Голубовской в Москве в 1962 г.; в нем помещен список работ Базили).

[44] См., например: *Ермолов А. П.* Журнал посольства в Персию. М., 1863; *Бороздна В. П.* Краткое описание путешествия Российского Императорского Посольства в Персию в 1817 году. СПб., 1821; *Соколов А. Е.* Дневные записки о путешествии Российского Императорского Посольства в Персию в 1817—1818 гг. М., 1910.

[45] См., например: *Ханыков Н. В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1842; ряд статей К. Ф. Бутенева в «Горном журнале» (1842, ч. 4, кн. 11, с. 137—183); о посольстве см.: АВПР, ф. СПб. Главный архив, I-5, 1840 г., д. 3; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии: первая половина XIX в. М., 1974, с. 294—311.

[46] Материалы, связанные с поездками М. Рафаилова см.: Российские путешественники в Индии в XIX — начале XX в. Документы и материалы. М., 1990; Внешняя политика России XIX — начала XX в. (Документы Российского министерства иностранных дел). Сер. II. Т. 3 (11). М., 1979, с. 234—235.

[47] Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815; Путешествия Рафаила Данибегашвили в Бирму и другие страны Азии. 1795—1827. М., 1969.

[48] Корпус офицеров генерального штаба был создан в России в 1763 г.; для управления им 6 октября того же года возникла Секретная экспедиция Военной коллегии. 13 ноября 1797 г. Генеральный штаб был ликвидирован, функции его частично перешли к Свите его императорского величества по квартирмейстерской части, экспедиция была переименована в Воинскую и утратила свое прежнее значение. Генеральный штаб был восстановлен в 1827 г.

[49] *Краснов П.* Поход казаков в Индию в 1801 году.— Русский инвалид. СПб., 1900, № 22—23; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906, с. 42—43.

[50] ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 1.

[51] Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965, с 414—419.

[52] Там же, с. 17.

[53] ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 1об.

[54] Там же, л. 3.

[55] *Краснов П.* Поход казаков в Индию...

[56] ЦГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 679.

[57] Там же, ф. 846, оп. 16, д. 4270.

[58] *Игамбердыев М.* Русско-иранская война 1804—1813 гг.— Труды Узбекского гос. университета. Новая серия. Самарканд, 1952, вып. 51, с. 131, 136.

[59] ЦГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 162.

[60] *Липранди И. П.* Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1854, с. I—II.

[61] Там же, с. V.

[62] *Глиноецкий Н. П.* История русского Генерального штаба. Т. 1. СПб., 1883, с. 186—187.

[63] В 1802 г. было образовано Министерство военных сухопутных сил, переименованное в 1808 г. в Военное министерство. Одновременно до 1812 г. продолжала существовать Военная коллегия.

[64] ЦГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 259.

[65] Там же, д. 225.

[66] Там же, ф. 450, оп. 1, д. 559.

[67] Там же, д. 526.

[68] Там же, ф. 446, оп. 1, д. 168.

[69] Там же, д. 169, л. 2.

[70] Там же, д. 5 и 6.

[71] *Глиноецкий Н. П.* История..., с. 358.

[72] ЦГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 1.

[73] Впервые обмен военными агентами имел место между Россией и Францией в 1810 г. В 20—30-х годах XIX в. русские военные агенты уже существовали во многих европейских и некоторых азиатских странах.

[74] *Глиноецкий Н. П.* История..., с. 359.

[75] ЦГВИА, ф. 450, оп. 1, д. 4, л. 1.

[76] Там же, л. 1об.—2.

[77] Там же, д. 5, 7.

[78] Там же, ф. 446, оп. 1, д. 3, 82.

[79] Гвардейский генеральный штаб существовал с 1814 г. в составе квартирмейстерской части. Туда зачислялись лучшие офицеры-квартирмейстеры.

[80] ЦГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 1, л. 26.

[81] Там же, л. 27. Училище было названо в память И. И. Неплюева (1693—1773) — наместника Оренбургского края в 1742—1758 гг.

[82] К началу XIX в. в Сибири существовала Омская азиатская школа для подготовки переводчиков с татарского, но она не являлась военно-учебным заведением.

[83] ЦГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 1, л. 28об.

[84] В § 7 «Постановления» предусматривалось, что, в случае равного количества учащихся обоих вероисповеданий, обучение по всем предметам будет раздельное. Практически это положение в первые годы в жизнь не проводилось.

[85] ЦГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 1, л. 27об.— 28.

[86] Под грамматикой в «Постановлении», очевидно, имелась в виду орфография.
[87] ЦГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 1, л. 13.
[88] Там же, д. 2, л. 7—8.
[89] Там же, л. 23—24.
[90] Там же, л. 30—43. Позднее, в 1831—1836 гг., старшим учителем арабского и персидского языков в училище служил П. И. Демезон (см. примеч. 21).
[91] Там же, д. 20.
[92] Там же, д. 76, л. 46.
[93] Краткий исторический очерк 1-го Сибирского кадетского корпуса. М., 1915, с. 33.
[94] Там же, с. 37.
[95] Там же, с. 38.
[96] Там же, с. 56.
[97] Там же, с. 58—62.
[98] В Петербурге с 1798 г. существовала Медико-хирургическая академия, готовившая военных врачей, но ее принадлежность к военному ведомству в этот период была номинальной.
[99] *Милютин Д. А.* Воспоминания. Т. 1. Томск, 1919, с. 119—120.
[100] ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 321.
[101] Там же, ф. 846, оп. 16, д. 4292, 4294.
[102] Там же, д. 4311, л. 1—4.
[103] Там же, д. 4338, 4481.
[104] Там же, ф. 446, оп. 1, д. 172.
[105] Там же, д. 173.
[106] Там же, д. 32, л. 1—10.
[107] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 7, № 5255, 5318.
[108] История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Ч. 1. 2-е изд. Варшава, 1843, с. XI—XII.
[109] *Лукьянович.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб., 1844, с. XI—XIV.
[110] *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание турецкой войны с 1806 до 1812 г. Ч. 1—2. СПб., 1843.
[111] ЦГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 222, л. 28.
[112] Там же, ф. 444, оп. 1, д. 49—51; ф. 450, оп. 1, д. 405, 406.
[113] Там же, ф. 444, оп. 1, д. 55.
[114] См. примеч. 21, 41 и 42.
[115] ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1144.
[116] О нем см.: *Халфин Н. А.* Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга.— *Бларамберг И.* Воспоминания. М., 1978, с. 5—24.
[117] ЦГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 25.
[118] Там же, ф. 38, оп. 5, д. 292.
[119] АВПР, ф. СПб. Главный архив. IV-6, 1830—1836 гг., д. 1, л. 20.
[120] Там же, л. 31.
[121] Русская старина. 1871, декабрь, с. 680.
[122] АВПР, ф. СПб. Главный архив. II-12, 1831—1830 гг., д. 1, л. 3—5.
[123] Там же, л. 8.
[124] Там же, л. 10.
[125] Там же, л. 34—35.
[126] Там же, л. 33, 35.
[127] ГАЧО, ф. 68, оп. 1, д. 35, л. 158 (копия).
[128] Там же, д. 25, л. 28—29.
[129] Там же, д. 35, л. 109.
[130] Там же, д. 25, л. 6.
[131] Там же, л. 28—29.
[132] Там же, д. 28, л. 21.
[133] *Хохлов А. Н.* П. И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (Краткий биографический очерк).— П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 1. М., 1979, с. 43 (Материалы конференции). Следует заметить, что китайские старопечатные книги со штам-

пом кяхтинской таможни, принадлежавшие училищу китайского языка в Кяхте, можно найти в библиотеках Москвы, например во Всесоюзной гос. библиотеке иностранной литературы.

[134] ГАЧО, ф. 68, оп. 1, д. 31, л. 10.

[135] Там же, д. 29, л. 20, 22.

[136] Там же, д. 33, л. 6.

[137] Там же, л. 72.

[138] ЦГА БАССР, ф. 92, оп. 4, д. 48, л. 26.

[139] ЦГИАМ, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 979—981.

[140] См.: *Хохлов А. Н.* Кяхтинское училище китайского языка и его роль в подготовке китаистов.— XVII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1986.

Глава 5

[1] *Максимович Л. М., Щекатов А.* Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде. Ч. 1—7. М., 1801—1809.

[2] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1—2. М., 1823.

[3] *Дебу И. Л.* О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные с 1816 по 1826 год. СПб., 1829.

[4] *Новицкий Г. В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народами Адехе.— Тифлисские ведомости. 1829, № 22—25.

[5] АКАК. VII. 1878, с. 904—907.

[6] Там же, с. 347—352.

[7] Краткое военно-статистическое описание Чечни, составленное генерального штаба капитаном Норденштаммом в 1834 г. из собранных им сведений во время экспедиции 1832 года.— Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махач-Кала, 1940, с. 298—329.

[8] *Радожицкий И. Т.* Законы и обычаи кабардинцев.— Литературная газета. СПб., 1846, № 1, 2.

[9] Обозрение Российских владений на Кавказе в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч. 1—4. СПб., 1836.

[10] *Гордеев Г. С.* Вероисповедания, суеверия, обряды, правление и нравы осетин.— Тифлисские ведомости. 1830, № 28, 29; *он же.* Письма из Осетии.— Тифлисские ведомости. 1830, № 72—74, 77, 78, 84, 87.

[11] Об экспедиции Ренненкампфа см.: АКАК. VII, 1878, с. 259—365.

[12] *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии. Нальчик, 1978.

[13] См. ниже, примеч. 34.

[14] См.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке.— Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1955, т. 26, с. 327.

[15] *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958.

[16] *Колюбакин Н. П.* Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских — Кавказ. Тифлис. 1846, № 11.

[17] *Хозров И.* Остатки христианства между закубанскими племенами: Прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев.— Кавказ. 1846, № 40 и 42.

[18] Выписка из путевого журнала генерального штаба штабс-капитана Прушановского: Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката), учения о нравственном элементе человека в Дагестане, с 1823 по 1843 год.— Кавказский сборник. Т. 23. Тифлис, 1902; *Неверовский А. А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847; *Березин И. Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью, с картами, планами и видами замечательных мест. М., 1849; *Лобанов-Ростовский М. Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы.— Кавказ. 1846, № 37—38; *Шихалиев Д.-М. М.* Рассказ кумыка о кумыках.— Кавказ. 1848, № 39—51.

[16д] *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении, с объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных горцев Кавказа. М., 1846.

[19] *Бартольд В. В.* Иран. Исторический обзор.— Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 331.

[20] См.: *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч и указатели проф. А. А. Семенова. Таш., 1956.

[21] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 439.

[22] О нем см. гл. 3 наст. изд., а также: [*Кононов*]. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. и с введением А. Н. Кононова. М., 1974, с. 281—282.

[23] *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965, с. 79—82.

[24] *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, с. 11.

[25] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 5. М.— Л., 1958, с. 101.

[26] О нем см.: *Бартольд В. В.* И. Н. Березин как историк.— Сочинения. Т. 9, с. 737—756; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 127—128; [*Кононов*]. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов..., с. 123—126.

[27] *Бартольд В. В.* Н. И. Березин..., с. 746, 756.

[28] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 120; [*Кононов*]. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов..., с. 265.

[29] *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа СССР. А.-А., 1966.

[30] О русских путешествиях и экспедициях в Среднюю Азию и Казахстан в первой половине XIX в. см.: *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 439—440, 442—445; *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие.— Труды Общества русских ориенталистов. Пг., № 2, 1915; *Маслова О. В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию (1715—1886). Ч. 1—4. Таш., 1955—1971; *Токарев С. А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 2.

[31] *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 439.

[32] *Арапов Д. Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981, с. 24—42; *Масанов Э. А.* Очерки..., с. 112—124, 127—138.

[33] См.: *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Н. В Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.

[34] *Лёвшин А. И.* Описание Киргиз-казачьих, или Киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832 (ч. 1. Известия географические; ч. 2. Исторические известия; ч. 3. Этнографические известия). Книга А. И. Лёвшина — итог всех предшествующих исследований о казахах; она сохранила большое значение и поныне.

[35] См.: *Алиева Л. Г.* О. И. Сенковский — путешественник и востоковед. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 9, 11—12.

[36] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского.— Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1. СПб., 1858, с. XXIII.

[37] *Алиева Л. Г.* О. И. Сенковский..., с. 13—14.

[38] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXV—XXVI, XXXIII.

[39] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков.— Сочинения. Т. 9, с. 56.

[40] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXVII, XXXII.

[41] Там же, с. XL.

[42] Там же; *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 48—49.

[43] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XLII—XLIII, XLVII.

[44] Сборник был опубликован в 1824—1825 гг. в Варшаве на польском языке.

[45] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. CXIII—CXIV. Одно из этих сочинений было переведено на русский язык учеником Сенковского В. В. Григорьевым (*Григорьев В. В.* Записка турецкого посланника Сами эль-Хадж Ахмед-эфенди о посольстве его в Пруссию в 1763-4 году.— Москвитянин. 1855, № 17—18).

[46] Сок достопримечательного: Записки Ресми-Ахмед-Эфендия, турецкого министра иностранных дел, о сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год гиджры (1768—1776).— Собрание сочинений Сенковского... Т. 6. 1859, с. 234—343.

[47] Там же, с. 234 (см. примеч., отмеченное звездочкой).

[48] *Григорьев В. В.* Записка турецкого посланника..., с. 97—98.

[49] Там же, с. 98.

[50] Сок достопримечательного..., с. 234 (примеч.).

[51] Там же, с. 235 (примеч.).

[52] Кроме переводов Григорьева и Сенковского (примеч. 45 и 46) см., например: *Смирнов В. Д.* Кучибей Гомурджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873; *он же.* Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 гг.— Русская старина 1894, № 3, с. 113—134; № 4, с. 179—208; № 5, с. 144—169.

[53] Сок достопримечательного..., с. 236 (примеч.).

[54] *Сенковский О. И.* Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1. СПб., 1828; ч. 2. 1829.

[55] *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. 2-е изд. Л., 1982, с. 226—227.

[56] Собрание сочинений Сенковского... Т. 8. 1859, с. 110.

[57] Способности и мнения новейших путешественников по Востоку.— Собрание сочинений Сенковского... Т. 6, с. 72.

[58] Там же, с. 79—80. О газете «Moniteur Ottoman» см.: *Желтяков А. Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 57—58.

[59] Способности и мнения..., с. 73.

[60] Там же.

[61] Там же, с. 74.

[62] Там же, с. 75.

[63] Там же.

[64] Мехмед-Али. По поводу «Путешествия по Египту и Нубии» Авраама Норова. 1840.— Собрание сочинений Сенковского... Т. 6. с. 199—214.

[65] О преподавании восточных дисциплин в данный период в Петербургском университете см.: *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 82 и сл.

[66] См. примеч. 45.

[67] Выбор турецких статей для начального перевода с грамматическим разбором, с присовокуплением facsimile исторических документов для упражнения в чтении официальных бумаг. Издал А. Мухлинский. СПб., 1858; *он же.* Османская хрестоматия для университетского образованяи. Ч. 1—2. СПб., 1858—1859.

[68] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973, с. 245. Об А. О. Мухлинском см. также гл. 3 наст. изд. и ниже, примеч. 287.

[69] *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России..., с. 228—231. Перу Казем-Бека принадлежит и другой труд, изданный в Петербурге в 1854 г. литографским способом,— «Учебные пособия для временного курса турецкого языка».

[70] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе, с. 116.

[71] Там же, с. 119.

[72] Об истории ЛИВЯ см.: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк). М., 1959. См. также примеч. 114.

[73] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе, с. 148.

[74] См. там же, с. 171—172.

[75] О П. А. Чихачеве и его трудах см.: *Цыбульский В. В.* Чихачев — исследователь и путешественник. М., 1961. В. В. Цыбульский перевел на русский язык многие работы П. А. Чихачева, в том числе туркологические (см.: *Чихачев П. А.* Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970; *он же.* Страница о Востоке. М., 1982, с. 19—114).

[76] Подробно об ирано-русских отношениях см.: *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

[77] Этой теме и первым результатам преподавательской деятельности посвящены вторая и третья главы книги А. М. Куликовой, на которую мы уже неоднократно ссылались,— «Становление университетского востоковедения в Петербурге».

[78] Инициалы лиц, приглашенных на русскую службу, здесь намеренно опускаются, так как они имеют не один вариант. В указателе приводятся оба варианта.

[79] Азиятский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения; издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1825—1827.

[80] [*Гейденштамм*]. Картина западной Персии.— Северный архив. 1826, № 2. с. 155—179; № 3, с. 253—276.

[81] *В.С———————ч.* Нечто о Персии.— Сын Отечества. 1826, № 17, с. 82—100.

[82] *Кафтырев Д.* Исторические, географические и статистические сведения о Персии. С картою Персии. СПб., 1829.

[83] *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861, с. 16—19, 175—176 (библиогр.).

[84] *Дьяконович Лога К.* Несколько замечаний о религии древних персов. Статья первая. М., 1836. В этой статье содержится критика статьи Н. И. Надеждина, напечатанной в № 8 журнала «Телескоп» за 1836 г., и статьи Шевырева в № 4 журнала «Наблюдатель» за тот же год.

[85] *Менцов Ф.* Иездеджер III, последний государь Персии, до покорения ее аравитянами.— ЖМНП. 1838, ч. 17, март, с. 628—646.

[86] *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 468.

[87] Характеристики их сочинений мы здесь не касаемся. В статье-рецензии О. И. Сенковского «Способности и мнения новейших путешественников по Востоку», написанной в 1835 г., содержится отрицательный отзыв о мемуарах современных ему европейских путешественников (Собрание сочинений Сенковского... Т. 6, с. 69—114).

[88] Более подробно этот сюжет рассмотрен в подготовленной А. И. Колесниковым к печати ст. «Изучение среднеиранской нумизматики в Европе и России в XIX веке».

[89] *Frähn.* Die Chosrõen-Münzen der frühern arabischen Chalifen. Eine Ehrenrettung des Arabers Makrisy. Mitau, 1822.

[90] *Григорьев В. В.* О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и в при-Балтийских странах, как источнике для древнейшей отечественной истории. Одесса, 1842.

[91] О восточных монетах, находимых в России. Исследования академика Френа. Перевод П. Савельева, с примечаниями и дополнениями переводчика.— Сын Отечества. 1842, кн. 7, отд. 5, с. 51—100. См. также примеч. 238.

[92] *Савельев П.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и Прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения Русского государства. СПб., 1846.

[93] *Савельев П. С.* О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России: Речь произнесенная в заседании Археологическо-нумизматического общества. СПб., 1847 (Отд. оттиск); *то же.*— ЖМНП. 1847, № 3. Французский оригинал речи Савельева был напечатан в «Записках» Общества (Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg. 1847. Vol. 1, с. 191—200).

[94] *Bartholomaei J.* Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firouz.— Extrait du Compterendu de la 9me séance de la Soc. d'archéol. et numismatique de St.-Pétersbourg. SPb., 1847; *он же.* Classement de medailles géorgiennes au type sassanide du point de vue de l'art.— Там же.

[95] Lettres de M. François de Erdmann à M. Reinaud...— Journal Asiatique. 1843, nov., c. 277—298.

[96] *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846. Прил. № 7 (с. 198).

[97] *Данциг Б. М.* Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968, с. 61—62. о М. Г. Волкове см. гл. 3 наст. изд.

[98] *Dorn B.* Das Asiatische Museum... Приложения: № 8 (с. 201—216), № 40 (с. 279—294), № 57а (с. 346—369, 370—384), № 119 (с. 539—543), № 133 (с. 601—603), № 138 (с. 659—661), Дополнение к № 119 (с. 745—750).

[99] Например, в докладе для Академии от 11 февраля 1824 г. Френ называет исторические и географические сочинения ал-Балазури, ал-Мас'уди, Ибн Хаукала, Казвини полезными для изучения отечественной истории, поскольку они содержат сведения о древних «русах» и их соседях на Волге и на Кавказе (См.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum..., с. 271—273).

[100] [*Френ*]. Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке. СПб., 1834. [*Fren*]. Notice chronologique d'une centaine d'ouvrages pour la plupart historiques et géographiques, tant arabes que persans et turcs, qui manquent en grande partie aux defférentes bibliothèques de l'Europe, et dont il serait à propos, que les personnes qui séjournent dans le Levant, cherchassent dans l'interêt des sciences à se procurer les originaux ou des copies fidèles. SPb., 1834.

[101] [*Френ*]. Хронологический список некоторых армянских историков, рукописные творения коих следовало бы отыскать и купить. СПб., 1834; 2-е изд. Казань, 1841.

[102] *Френ.* Розыскание о истории Табаристана в продолжении первых веков Геджры до появления Даев из дома Алиева.— Чтения Имп. Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отд-ние наук исторических, филологических и политических. Кн. 1. СПб., 1831, с. 24—32.

[103] *Erdmann F.* Kritische Beurtheilung des Werkes: Histoire des Mongols de la Perse écrite en Persan par Raschid-el-din, publiée, traduite en Français, accompagnée de notes et d'une mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère... T. 1. P., 1836.— Ученые записки Казанского ун-та. 1840, с. 35—92.

[103а] *Frdmann F.* Vollstandige Uebersicht der aeltesten tuerkischen, tatarischen und mongolischen Voelkerstaemme nach Raschid-ud-Din's. Kasan, 1841.

[104] [*Charmoy F. B.*] Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: extrait de l'Alexandréide ou Iskender-namé de Nizami, traduite, en grande partie, d'après l'édition de Calcutta, par L. Spitznagel... Traduction entièrement refondue... SPb., 1829.

[105] *Савельев П. С.* О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа. СПб., 1845, с. 10, 14—15.

[106] *Charmoy F. B.* Chèref-nâmeh ou Fastes de la nation kourde par Chèref-ou'ddîne, prince de Bidlîs, dans l'Iialèt d'Arzeroûme. Traduite du Persan et commentés. T. 1, pt. 1—2. SPb., 1868—1870; t. 2, pt. 1—2. 1873—1875.

[107] *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева..., с. 175—176 (библиогр.).

[108] *Эрдман.* Доказательства, что Иродот заимствовал свое повествование о персидской истории из персидских источников.— ЖМНП. 1840, № 4, с. 1—30.

[109] *Сенковский О.* Манифест Дария, сына Истаспова, и прочие каменописные памятники древних царей Персии. Статья первая.— Библиотека для чтения. 1848, т. 86, с. 59—94.

[110] *Вельяминов-Зернов В.* О вступлении на престол Дария-Гистаспа по Геродоту и Фердауси. СПб., 1850.

[111] Под термином «персидская литература» (новоперсидская литература), принятом в рассматриваемое нами время, понимается персоязычная (иначе — фарсиязычная), или персидско-таджикская, классическая литература.

[112] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.— Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. Т. 1. СПб., 1879—1880, с. 244.

[113] В Главном педагогическом институте, на базе которого был создан Петербургский университет, эта кафедра существовала с марта 1828 г. и входила в состав историко-филологического факультета. См.: *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 28—33. О преподавании персидского и других иранских языков в Петербургском университете, о развитии иранской филологии см.: *Оранский И. М.* Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете.— ОИРВ. Вып. 4. 1959, с. 137—152; *Боголюбов М. Н., Болдырев А. Н.* Кафедра иранской филологии.— Востоковедение в Ленинградском университете.— Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия востоковедных наук. 1960, вып. 13, № 296, с. 111—124.

[114] Деятельности ЛИВЯ посвящена монография: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

[115] О востоковедных учебных заведениях подробнее см.: *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании... с. 109—118, 119—124, 131—136, 154—155, 243—251 (специальный раздел о преподавании персидского языка).

[116] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 38.

[117] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 52.

[118] Там же.

[119] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 50.

[120] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 245.

[121] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. 129.

[122] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 245.

[123] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. 75—77.

[124] Там же, с. 77.

[125] Там же.

[126] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 247.

[127] Там же.

[128] Там же, с. 248.

[129] Там же.

[130] Там же, с. 244.

[131] Там же.

[132] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 29.

[133] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 59—607.

[134] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 95—96.

[135] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 85.

[136] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 111.

[137] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт..., с. 32.

[138] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. 75.

[139] Там же, с. 75—76.

[140] *Боголюбов М. Н., Болдырев А. Н.* Кафедра иранской филологии, с. 120.

[141] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 244.

[142] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе, с. 110; см. также: *Рзаев А. К.* Мухаммед Али М. Казем-Бек. М., 1989.

[143] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. 257; *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 244.

[144] *Герцен А. И.* Письмо из провинции.— Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 1. М., 1954, с. 123.

[145] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 244. Имеется в виду кн.: *Hammer-Purgschtal.* Geschichte der Schönen Rede Kunste Persiens. Wien, 1818.

[146] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет, с. 257.

[147] Там же, с. 257.

[148] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 149.

[149] Там же, с. 56—57.

[150] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 129.

[151] *Казем-Бек Мирза.* Мифология персов по Фирдоуси.— Северное обозрение. 1848, т. 3, с. 1—12.

[152] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 130.

[153] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 135.

[154] *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании..., с. 110.

[155] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. 256.

[156] *Боголюбов М. Н., Болдырев А. Н.* Кафедра иранской филологии, с. 119.

[157] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет..., с. I—IV.

[158] Там же, с. XI.

[159] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 106—107.

[160] *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев и Афганистана в России.— ОИРВ. [Вып. 1]. М., 1953, с. 149.

[161] *Бартольд В. В.* История изучения Востока..., с. 467.

[162] *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, с. 3.

[163] *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев..., с. 153.

[164] Там же, с. 150—154.

[165] См.: *Лившиц В. А., Оранский И. М.* Изучение афганского языка (пашто) в отечественной науке.— Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962; *Соколова В. С., Грюнберг А. Л.* История изучения бесписьменных иранских языков.— Там же; *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.

[166] *Лившиц В. А., Оранский И. М.* Изучение афганского языка..., с. 67.

[167] Там же, с. 69; *Klaproth J.* Über die Sprache und den Ursprung der Aghuan oder Afghanen. SPb., 1810.

[168] *Григорович-Барский В.* Странствования по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. I—4. СПб., 1885—1887. О нем см. в предыдущих главах. наст. изд.

[169] Там же. Ч. 2, с 162—163 (табл.).

[170] *Wauch D. Cl.* Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive.— Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977, vol. 10, с. 46—50.

[171] На русском языке наиболее полный обзор обстоятельств находки и ее исследований дан И. Г. Лившицем. См. сл. примеч. (с. 98).

[172] См.: *Лившиц И. Г.* Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном.— *Шампольон Ж.-Фр.* О египетском иероглифическом алфавите. [Л.], 1950.

[173] О Зейфарте см.: *Blumenthal E.* Altes Ägypten in Leipzig: Zur Geschichte des Ägyptischen Museums und des Ägyptologischen Instituts an der Universität Leipzig. Lpz., 1981.

[174] В своем послании Пушкину Гульянов выражал беспокойство по поводу предстоящей женитьбы поэта. Среди сохранившихся свидетельств дружеского знакомства Гульянова и Пушкина есть рисунок, изображающий египетскую пирамиду, с надписью рукой Гульянова: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня ут-

ром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва 13/25 декабря 1831» (Временник Пушкинской комиссии. М.— Л., 1965, с. 14—19).

[175] Исключение составляют только что названная работа (см. примеч. 173) и сл. ст.: *Куликова А. М.* И. А. Гульянов и его научно-литературные связи.— Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. Но эти работы написаны в плане биографий ученых и не имеют целью реконструкции хода дешифровки.

[176] Ни обстоятельства покупки, ни даже точный состав ее до сих пор не ясны. См.: *Golénischeff W.* L'Ermitage imperial, la collection égyptienne, Leipzig W. Drugulin, 1891, с. V (примеч. 1 и 2). См. также первый отклик в русской периодической печати на приобретение коллекции: Египетские древности в С.-Петербурге.— Северная пчела. 1825, № 9.

[177] См.: *Доконт Н. Г.* Древнеегипетские памятники в Одесском государственном археологическом музее.— Вестник древней истории. 1965, № 2, с. 208.

[178] *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях.— ЗВОРАО. 1899, 11, с. 151; *Stadnikov S.* Otto Friedrich von Richter ia Egiptus.— Looming. Tallinn, 1985, № 1, с. 109—114.

[179] Собрание сочинений Сенковского... Т. 1, 1858, с. 1—187.

[180] Там же, с. 24.

[181] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXXVII.

[182] Собрание сочинений Сенковского... Т. 1, с. 127.

[183] *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XXXVII и сл.

[184] *Andrzejewski T.* Papirus Senkowskiego.— Przegląd Orientalistyczny. Warszawa, 1954, № 4 (12), с. 393—494.

[185] *Senkowski J.* Exemplum papyri Aegyptiacae quam in peregrinatione sua repertam Universitati Cracoviensi dono dedit socius eius. Cracoviae, 1827.

[186] *Dorow W., Klaproth J.* Collection d'antiquités égyptiennes recueillies par le chevalier de Palin... avec les plus beaux scarabées de la collection de M. Passalacqua. P., 1823.

[187] О деятельности П. П. Дубровского как коллекционера см.: Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1962. О коптской части его собрания см.: *Еланская А. И.* Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Палестинский сборник. Л., 1969, 20.

[188] *Еланская А. И.* Коптология.— Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 516—517.

[189] *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imperiale Publique de St.-Pétersbourg. Académie des sciences, 1852, с. X—XI, 565—567; *он же.* Das Asiatische Museum..., с. 17, № 114.

[190] *Евгенова В. И.* О древнеегипетских папирусах собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Труды ГПБ. 1957, 2(6), с. 78.

[191] См.: *Лившиц И. Г.* Из истории русской египтологии: Коссаковский. Доклад о иероглифической системе Шампольона.— Палестинский сборник, 1958, 3, с. 156—170.

[192] *Б.* О египетских письменах. СПб., 1824. Об авторстве Батенькова см.: *Кацнельсон И. С.* Материалы для истории египтологии в России. I. Декабрист Г. С. Батеньков — автор первой русской книги о дешифровке иероглифов.— ОИРВ. Вып. 2. 1956, с. 207—231. См. примеч. 45 к гл. 8.

[193] *Rifeaud J. J.* Voyage en Egypte, en Nubie et lieux circonvoisins, depuis 1805 jusqu'en 1828. [P., 1830].

[194] О нем см.: *Dawson W. R., Uphill E. R.* Who was Who in Egyptology: A Biographical Index of Egyptologists... L., 1972, с. 55.

[195] О расположении экспонатов Египетского музея см.: *Лапис И. А., Матье М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969, с. 7. Возникавшие в 20-х годах так называемые Египетские музеи сохранились до сего дня во Флоренции, Турине и Берлине. В Лондоне, Париже и Вене с самого начала египетские коллекции стали комплекто-

вать универсальные музеи искусств. В Петербурге Египетский музей просуществовал с 1826 по 1881 г., когда был упразднен по ходатайству В. С. Голенищева и поглощен Эрмитажем.

[196] Сведения об этом см. в примеч. 213.

[197] См. примеч. 216.

[198] *Кёне Б.* Собрание г. Монферрана В. Предметы египетского искусства.— Пропилеи. 1852, кн. 3, отд. 1, с. 418—420; то же на фр. яз.: *Koehne B. de.* Musée de sculpture antique de Mr. de Montferrand B. Objects etrangers. I. Egyptiens.— Mémoires de la Société impériale d'archéologie. 1852, 6, с. 88—97. О его коллекции см. также: Монферран А. А. Некролог.— Известия Русского археологического общества. 1859, 1, с. 319.

[199] *Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам в 1830 году. 3-е изд. СПб., 1835.

[200] См.: *Струве В. В.* Петербургские сфинксы.— ЗКОРАО. 1913, 7, с. 20—51; *Черезов Е. В.* Надписи на ленинградских сфинксах.— Вестник древней истории. 1949, № 3, с. 92—100.

[201] *Норов А. С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. 2-е изд. СПб., 1853.

[202] Речь идет о знаменитых блоках дворцового служителя, которые Норов передал в музей графа Румянцева на Английской набережной. См. также примеч. 207.

[203] Уголок впервые опубликован в 1973 г. (см.: *Arnold D.* Bericht über die vom Deutschen Archäologischen Institut, Kairo im Winter 1971/1972 in El-Târif durchgeführten Arbeiten.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1973, 29, с. 142, tabl. 67), и тогда автору этих строк сразу же стала ясна атрибуция гробницы. При окончательном издании раскопок эту идентификацию произвел Шенкель (*Arnold D.* Gräber des alten und mittleren Reiches in El-Târif.— Archäologische Veröffentlichungen, 1976, 17, с. 32, 56 и сл.), которому, естественно, и принадлежит приоритет. О. Берлев сумел напечатать свои выводы лишь много позднее, в 1982 г. См.: *Hodjash S., Berlev O.* The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow—Leningrad, 1982, с. 64.

[204] Он жил на Пантелеймоновской улице, у Цепного моста.

[205] *Евгенова В. И.* О древнеегипетских папирусах..., с. 8.

[206] А. О. Смирнова-Россет описывает эту «передачу» в далеко не лестных для Норова тонах. Когда статую привезли на Пантелеймоновскую, он отказался ее принять и уж, конечно, отказался оплатить большие накладные расходы. Заплатило государство, а не нужную никому статую поставили пылиться под лестницу в Академии художеств, где она и простояла до 1852 г., когда ее купили для Эрмитажа. См.: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки.— Дневник. Воспоминания. М., 1989, с. 212—213. См. также работу, указанную в примеч. 195 (с. 7, 94—96).

[207] Блоки были описаны К. Герцем (уже в Москве).

[208] Наиболее полный обзор о Московском музее см.: Московский Публичный и Румянцевский музеи: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве 1862—1912. М., 1913.

[209] О его деятельности см.: *Петровский Н. С.* Из истории египтологии в России: «Папирус Бутенева».— Палестинский сборник. 1959, 4, с. 175. Для истории ревельской коллекции большое значение имеет письмо И. П. Бутенева к одному из ревельских коллекционеров, подготавливаемое к публикации Х. А. Кинк.

[210] Папирус хранится в настоящее время в ЛО ИВ, куда он поступил стараниями Н. С. Петровского. Правильнее было бы его назвать «папирус Анастази» — по первому владельцу (о нем см.: *Dawson W. R., Uphill E. R.* Who was Who in Egyptology..., с. 8), но название «папирус Бутенёва» уже вошло в обиход.

[211] *Efimoff D. E.* Brevi cenni sull' architettura egiziana. Roma, 1838. См. также: *Струйский Д.* О египетской архитектуре и трудах архитектора Д. Ефимова.— Отечественные записки. 1840, т. 2. Смесь, с. 31—34.

[212] О коллекции см.: *Koehne B.*— Le musée imperial de l'Ermitage. SPb., 1861, с. 320—327; *Colénischeff W.* L'Ermitage imperial..., с. VI.

[213] Дом Лавалей стоял на Английской набережной, рядом с Сенатом. В первую половину века на Английской набережной размещались две египетские коллекции — графов Румянцевых и Лавалей. В 70-х годах на этой набережной находился музей Голенищева, начинавший соперничать с соответствующим собранием Эрмитажа.

[214] См. обе работы, указанные в примеч. 212, а также: *Treu G.* Über ägyptische Sammlung der Ermitage mit Bezugnahme auf die Todtengebräuche der alten Ägypter (Sehenswürdigkeiten von St. Petersburg, 3). SPb., 1871, с. 16.

[215] Опубликован на двух языках; см. примеч. 198.

[216] См.: *Golénischeff W.* L'Ermitage imperial..., с. V.

[217] См. *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников..., с. 179.

[218] *Лапис И. А., Матье М. Э.* Древнеегипетская скульптура..., с. 8.

[219] Неуспех, впрочем, не признавали или, вернее, старались не признавать. На последний обобщающий труд Гульянова (Archéologie égyptienne, ou recherches sur l'expression des signes hiéroglyphiques et sur les éléments de la langue sacrée des Egyptiens par M. de Goulianoff... T. 1—3. Leipsic — Dresde, 1939) вполне положительная рецензия была помещена в журн.: Отечественные записки. 1840, № 7/8, отд. VI. Библиографическая хроника, разд. II. Иностранная литература, с. 11, 28. Ученик Сенковского П. С. Савельев пишет даже своего рода апологию Гульянову (*Савельев П. С.* Иероглифы.—Северное обозрение. 1849, № 5, с. 461—487). Но совершенное незнание предмета делает Савельева, конечно, плохим судьей.

[220] Об этом см.: *Brugsch H.* Reise der kgl. Preussischen Gesandschaft nach Persien, 1860—1861. Bd. 1. Lpz., 1862, с. 86.

[221] *Brugsch H.* Catalogue des manuscrits égyptiens de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. Manuscrits hiératiques. Manuscrits coptes. B., 1862.

[222] *Герц К.* Каталог скульптурного отделения Московского публичного музея. М., 1866.

[223] *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников..., с. 132—133.

[224] *Рафалович А. А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.

[225] См.: *Доконт Н. Г.* Древнеегипетские памятники..., с. 208.

[226] *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников..., с. 191.

[227] Различают лейпцигскую и петербургскую коллекции.

[227а] *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873, с. 207. Об истории перевода Библии в России см. также: *Астафьев Н. А.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889; *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916; *Рижский М. И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

[228] Китаб сифат ба'д ад-дарахим аллати дарабуха бану Сасан ва бану Бувайх ад-Дайлами в му'зимуха гайр ма'лум лизи ахл ал-'илм ила хаза-л-йаум. Казань, 1808. В 1816 г. эта работа была переведена проф. Эрдманом на латинский язык и издана в Геттингене. Специально нумизматические работы Френа перечислены в кн.: *Mayer L. A.* Bibliography of Moslem Numismatics. L., 1939, с. 37.

[229] Казанские известия. 1811, № 32.

[230] *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа, с. 11.

[231] *Fraehnii Ch. M.* Nova supplementa ad Recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imp. scient. Petropolitanae...— *Frachnii Ch. M.* Opuscullorum postumorum. Pars 1. Ed. Bernh. Dorn. Petropoli, 1855, с. I—XX, 1—404.

[232] *Codringto O.* A Manuel of Musulman Numismatics. L., 1904, с. 47.

[233] Другим источником были, конечно, арабские средневековые летописи, но их научное изучение тоже еще только начиналось.

[234] *Lane-Poole S.* The Mohammadan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions. L., 1894.

[235] *Тизенгаузен В.* Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1878, с. 9.

[236] *Григорьев В. В.* О куфических монетах..., с. 4.

[237] *Fraehn Ch. M.* Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem

arabischen Gelde in Russland...— Bulletin scientifique. 1842, t. 9, № 20/21. col. 301—332.

[238] См. примеч. 91. См.: отдельный оттиск этого изд.: Топографическое обозрение местонахождений арабских монет в России. Сочинение академика Х.-М. Френа. Перевод с немецкого, с некоторыми дополнениями П. С. Савельева. СПб., 1842.

[239] *Ledebur L.* Uber die in den Baltische Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse... B., 1840.

[240] Например, Лилиегрен составил хронологический указатель 705 кладов старых монет и других предметов восточного происхождения, найденных в Швеции с 1547 по 1749 г.

[241] Недостаточная изученность ощущалась уже давно. Еще канцлер Н. П. Румянцев предлагал Тихсену (из Ростока) исследовать находящиеся в России монеты, и тот «изъявил желание, чтобы тщательно занялись собиранием известий обо всех вырытах в России арабских монетах, битых до XII столетия нашей эры». (*Hartmann A. Th.* Oluf Gerhard Tychsen. Bd 2, Abt. 2. Bremen, 1818, c. 113).

[242] [*Френ*]. Топографическое обозрение..., с. 13—14.

[243] Там же, с. 3—9.

[244] Об их торговле см.: *Frähn Ch. M.* Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit. Text und Uebersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern. SPb., 1823, c. 227; *он же.* Die aeltesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte. Der Text kritisch berichtigt, mit treuer Uebersetzung begleitet und den nöthigen Erläuterungen versehen.— MAIS. VI série. 1832, t. 1, c. 541.

[245] Френ указывает, в частности, на походы 301/913-14 и 332/943—44 гг., известные из арабских источников.

[246] *Frähn Ch. M.* Ibn-Foszlan's und anderer Araber..., с. 249 и сл.

[247] [*Френ*]. Топографическое обозрение..., с. 11—13. См. также: *Fraehn.* Ein neuer Beleg, dass die Grunder des Russisches Staats Nordmannen waren.— Bulletin scientifique. 1838, t. 4, № 9/10, col. 131—147; *Савельев П. С.* Известие арабского писателя Ахмед-эль-Катаба о взятии руссами города Севиллы в 844 году, служащее новым доводом в пользу скандинавского происхождения руссов. СПб., 1838.

[248] Финский вестник. 1847, № 14, с. 18—39 (цит. по: *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева..., с. 232).

[249] [*Ковалевский*]. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939, с. 9.

[250] *Rasmussen J. K.* Om Arabernes og Persernes Bekiendtskab og Handel i Middelalderen med Rusland og Skandinavien.— Athene. Kjøbenhavn, 1814, Bd. 2, c. 177—225, 297—321, 440—470. Здесь (с. 305—318) был дан датский перевод всей главы о «руссах» из географического словаря Якута (XIII в.). Латинский перевод этой главы Расмуссен сделал и опубликовал в 1825 г., приняв уже во внимание вышедшую в 1823 г. капитальную работу Френа о «руссах» по данным Ибн Фадлана. Это исследование было переведено с латинского языка на русский Д. П. Зонобишиным: *Расмуссен.* Исторический и географический опыт о торговле и сношениях арабов и персов с Россиею и Скандинавиею в средние века.— Русский зритель. М., 1828, ч. 2, № 7/8, с. 137—180.

[251] *Rasmussen J. K.* Om Arabernes och Persernes Behanntskap och Handel under Medeltiden med Russland och Shandinavien. Stochholm, 1817; *он же.* A Historical and Geographical Essay on the Trade and Communication of the Arabians and Persians with Russia and Shandinavia during the Middle Age. Transl. by Nicoll.— Blackwood's Edingburgh Magazine. 1818—1819, vol. 4.

[252] Его словарь (Иршад ал-ариб ила ма'рифат ал-адиб) был в то время еще совершенно неизученным памятником арабской письменности. Более или менее полная рукопись находилась в Петербурге, в Азиатском музее (приобретена в 1819 г. в составе коллекции Руссо); кроме нее в Европе (в Копенгагене и Оксфорде) имелись лишь две дефектные.

[253] *Frachnius C. M.* De Chasaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Parti-

cula 1. Petropoli, 1822. Работа была написана по-латыни, т. е. была предназначена для очень узкого круга специалистов. Лишь через десять с лишним лет появились две работы Григорьева о хазарах, адресованные более широкому читателю и учитывающие, разумеется, сочинение Френа (*Григорьев В. В.* О образе правления у хазаров.— ЖМНП. 1834, август, с. 1—17; *он же.* Обзор политической истории хазаров. СПб., 1835).

[254] *Fraehn C. M.* De Baschkiris, guae memorial prodita sunt ab Ibn-Foszlano et Jakuto.— MAIS. 1822, t. 8, c. 621—628.

[255] *Крачковский И. Ю.* Новое издание записки Ибрахима ибн Йакуба о славянах.— Избранные сочинения. Т. I. М.— Л., 1955, с. 252.

[256] [*Ковалевский*]. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 12.

[257] *Frähn.* Die ältesten arab. Nachrichten..., c. 527—577.

[258] *Frähn.* Drei Minzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert.— MAIS. VI série. 1832, т. 1, c. 171—204.

[259] *Розен В. Р.* Пролегомена к новому изданию Ибн Фадлана.— ЗВОРАО. 1902, т. 15, с. 40—41.

[260] *Charmoy F. B.* Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens slaves.— MAIS. VI série. 1834, t. 2, c. 297—408. В этом издании использованы три рукописи из собрания А. Я. Италинского, поступившие в 1829 г. в Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИД в Петербурге.

[261] *Kunik E. E.* Sur l'expédition des russes normandes en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizami, Ibn al-Athir et Ainy.— BHAIS. 1847, t. 4, № 12/13, col. 182—202.

[262] *Куник А. А.* Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны, с 1220 по 1224 год.— Ученые записки Имп. Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1854, т. 2, вып. 4, с. 636—668; вып. 5, с. 795.

[263] *Dorn B.* Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Aasem-el-Kufy u. a.— MAIS. VI série. 1844, t. 6, c. 455—601.

[264] The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch written by his attendant archdeacon Paul of Aleppo. Transl. by F. C. Belfour. Vol. 1—2. L., 1829—1836 (Oriental translation fund, 3).

[265] *Савельев П.* Странствование арабского патриарха Макария из Алеппо в Москву.— Библиотека для чтения. 1836, № 14, с. 1—25, 60—112.

[266] *Крачковский И. Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в.— Избранные сочинения. Т. 1, с. 269.

[267] См.: *Бертельс Д. Е.* Из истории создания коллекции арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР (по архивным документам).— ППиПИКНВ. М., 1979, 15, ч. 2, с. 116—122.

[268] *Dorn B.* Das Asiatische Museum..., c. 36.

[269] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. 4. М.— Л., 1957, с. 384.

[270] Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn et d'après les manuscrits de St.-Pétersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M. A. F. Mehren. SPb., 1866.

[271] По-видимому, главной причиной была крайняя малочисленность специалистов в России. Любопытно в этой связи воспоминание В. В. Григорьева: «Покойный канцлер граф Румянцов препоручил бывшему иенскому, а ныне грейфсвальдскому профессору Козегартену издание огромного творения Табари (род. 310/922-3 г.), известного под именем „Та'рих ал-мулук" („Летописи государей"), и один том этой летописи... уже вышел в свет в 1833 году» (*Григорьев В. В.* Обзор политической истории хазаров, с. 29, примеч. 12).

[272] Hamsae Ispahanensis Annalium libri X. T. 1. Textus arabicus. Ed. J. M. E. Gottwaldt. Petropoli, 1844.

[273] Особенно плохо в русской ученой среде знали латынь — тогда еще международный язык востоковедения; О. И. Сенковский, сам прошедший западную университетскую школу и потому превосходно владевший латынью, нередко зло напоминал российским ученым об их неумении читать на латин-

ском. Русский историк Н. М. Карамзин сочинения Френа о хазарах и башкирах, написанные по-латыни, отдавал переводить для себя К. С. Сербиновичу (см.: Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича.— Русская старина. 1874, т. 11, с. 61).

[274] [*Френ*] Топографическое обозрение..., с. 45.

[275] *Григорьев В. В.* Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 г. СПб., 1841. Предисл.

[276] Там же.

[277] Цит. по: *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева..., с. 224.

[278] Об этом см.: Русский биографический словарь А. Половцова. Т. 20, с. 12 (ст. о Саблукове Г. С.). Ср.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 127: «...местный губернатор воспретил печатать... перевод, „как уродливую и глупую статью"».

[279] *Крачковская В. А.* Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг.— Советское востоковедение. 1949, № 5, с. 273.

[280] Там же, с. 287.

[281] *Marcel J. J.* Paléographie arabe, ou recueil de mémoires sur différens monumens lapidaires, numismatiques, gliptiques et manuscrits, présentant des inscriptions koufiques et karmatiques, dans tous les genres de caratères employés par les anciens arabes. P., 1828.

[282] Lettera dell Abate Michele Angelo Lanci sul cufico sepolcrale monumento portato d'Egitto in Roma. Roma, 1819, с. 7—11.

[283] *Fraehn Ch. M.* Du caractère d'ecriture arabe nommé carmatique.— Nouveau Journal Asiatique. 1828, t. 1, с. 379—391.

[284] О карматах см.: Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 71—72.

[285] *Jacobi Golii.* Lexicon Arabico-Latinum. Lugduni Batavorum, 1653.

[286] *Fraehn Ch. M.* Du caractère d'ecriture arabe nommé carmatique, с. 379.

[287] Напомним, что в 1828 г. он окончил Виленский университет, после чего был послан для усовершенствования в восточных языках в Петербургский университет; одновременно прослушал курс Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД.

[288] Теперь хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

[289] *Fraehn Ch. M.* Sur une pierre tumulaire rapportée de l'Egypte par M. Moukhlincky.— Bullettin scientifique. 1838, t. 4, № 2/74, с. 31—32.

[290] *Мурзакевич Н.* Эски-крымская арабская надпись.— Записки Одесского общества истории и древностей. 1850, т. 2, № 2, с. 529—531.

[291] Там же, с. 489—528.

[292] *Березин И. Н.* Арабские надписи в Дербенде.— Записки С.-Петербургского археологическо-нумизматического общества. 1850, т. 2, с. 64—68.

[293] *Савельев П. С.* Примечания к статье И. Н. Березина об арабских надписях в Дербенте.— Там же, с. 68—71.

[294] *Савельев П. С.* Арабские надписи на металлическом зеркале, найденном в Сарае, и на золотом надбровнике в Пермской губернии.— Записки Имп. Археологического общества. 1851, т. 3, с. 33—34.

[295] *Савельев П. С.* Описание двух металлических зеркал с арабскими надписями, найденных близ развалин Булгара.— Там же. 1852, т. 4, с. 72—78. К теме металлических зеркал обращались также А. Ф. Лихачев, Н. Ф. Катанов и др.

[296] «Очерки по истории русской арабистики» И. Ю. Крачковского впервые были опубликованы в 1950 г.

[297] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики, с. 70—71.

[298] Основные статьи, в которых Х. Д. Френ давал печатную информацию о поступлениях материалов в фонды музея, см.: Библиография арабских рукописей. Сост. И. Б. Михайловой при участии А. Б. Халидова. М., 1982, с. 232—233.

[299] *Крачковский И. Ю* Очерки по истории русской арабистики, с. 72—74.

[300] *Dorn B.* Ueber eine neue Bereicherung des Asiatischen Museums (lu le 16août 1844).— *Dorn B.* Das Asiatische Museum... Прил. № 148 (с. 696—700).

[301] *Dorn B.* Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde.— Extrait du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1848, t. 5, № 15, с. 1—12.

[302] См., например: *Dorn B.* Noch ein Paar Worte über eine Münze des jetzigen Schahs von Persien (lu le 15 juin 1849).— Mélanges asiatiques. SPb., 1852, t. I, livr. 1, c. 153—154.

[303] *Dorn B.* Ueber eine neue Bereicherung... Прил. № 141 (с. 668—679).

[304] *Dorn B.* Rapport sur la publication de l'Histoire du Mazandaran et du Tabaristan de Szehir-Eddin (lu le 17 janvier 1845).— BCHAIS. 1845, t. 2, № 13. Текст доклада, несмотря на французский титул, составлен по-немецки.

[305] Die Geschichte Tabaristan's und der Serbedare nach Chondemir. Persisch und Deutsch von Dr. B. Dorn. SPb., 1850.

[306] Sehir-Eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masandaran. Persischer Text, herausgegeben von Dr. B. Dorn. SPb., 1850 (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, 1).

[307] Библиографию афгановедческих работ Б. А. Дорна см.: *Dugat G.* Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle. P., 1868, с. 76—78.

[308] О роли Дорна в изучении пашто см.: *Лившиц В. А., Оранский И. М.* Изучение афганского языка..., с. 70—72. О преподавании им афганского языка в Петербургском университете см.: *Куликова А. М.* Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России.— Народы Азии и Африки. 1975, № 2, с. 220—228.

[309] *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев..., с. 156, См.: *Dorn B.* History of the Afghans of Neamet Ullah. Transl. from the Persian by B. Dorn. Vol., 1—2. L., 1829—1839; *он же.* Beitrag zur Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey. SPb., 1838.

[310] Die Geschichte Tabaristans..., с. 4.

[311] О нем см.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975, с. 346—348; *Стори Ч. А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. В трех частях. Ч. 2 (о переводе Б. А. Дорна см. с. 1213).

[312] Ueber eine Sechste von mir benutzte Handschrift von Ni'met-ullah's geschichte der Afghanen, von B. Dorn (lu le 17 sèptembre 1841).— BSPAIS. 1842, t. 9.

[313] *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев..., с. 157.

[314] *Dorn B.* Beitrag zur der Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey.— BSPAIS. 1840, т. 6, № 1—2, *он же.* Verzeichniss Afghanischer Stämme.— BSPAIS. 1837, т. 2, № 17.

[315] Die Geschichte des Afghanischen Emires Chandschehan Lodi nach Ni'met-ullah, von B. Dorn.— MAIS. VI série. 1849, t. 8.

[316] *Dorn B.* History of the Afghans... Vol. 2, с. 65.

[317] Там же, с. 92—93; ср.: *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев..., с. 158.

[318] *Dorn B.* History of the Afghans... Vol. 2, с. 81.

[319] *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков, с. 121; *Желтяков А. Д.* Изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока на факультете ЛГИА.— Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1977, вып. 20. Востоковедение, 4. Исторические исследования, с. 62—63. Ср.: *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 90—96.

[320] *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816—1881. СПб., 1887, с. 11 (далее: *Веселовский*).

[321] Там же, с. 14.

[322] Рецензии см. в журналах «Русский вестник» и «Телескоп» за 1884 г. в отделах критики.

[323] Бриллиантовым перстнем. См.: *Веселовский*, с. 19, 15.

[324] Опубликованы в: ЖМНП. 1835, ч. V; Северный архив. 1835, ч. X, XIII. Впоследствии обе названные статьи вошли в сборник трудов В. В. Григорьева «Россия и Азия» (СПб., 1876, с. 1—44 и 45—65 соответственно).

[325] Статью о труде Ремюза см.: ЖМНП. 1835, ч. V; об А. Булгакове см.: С.-Петербургские академические ведомости. 1837, № 8; о трудах ориенталистов см.: Московский наблюдатель. 1835, ч. 2, с. 413—420.

[326] Список статей «Энциклопедического лексикона» Плюшара, хотя и далеко не полный, так как многие статьи не были подписаны В. В. Григорье-

вым, был составлен Н. И. Веселовским и помещен в качестве приложения в его книге о Григорьеве.

[327] *Веселовский*, с. 33.

[328] Там же, с. 42—43 и 37.

[329] См. письмо попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича, председателя этого общества, приведенное Веселовским в его книге о Григорьеве (с. 79—80).

[330] См.: Сказки сорока визирей и царицы. Пер. с тур. (В. В. Григорьева).— Москвитянин. 1844, № 1, с. 94—122. О его переводах с арабского языка см.: *Веселовский*, с. 47.

[331] Статью Григорьева см.: Записки ИООИД. 1844, т. 1, с. 115—166. Нумизматические работы этих лет см.: Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии. СПб., 1841; Монеты Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове.— Записки ИООИД, с. 301—304.

[332] *Веселовский*, с. 83—84.

[333] Цит. по: *Веселовский*, с. 80.

[334] Там же, с. 79—80.

[335] Там же, с. 93.

[336] Первые три статьи были помещены в «Журнале Министерства внутренних дел» (1845, № 2—4 и 12; 1846, № 12); статья об археологических поисках в Сарае — в «Финском вестнике» (1847, отдел Библиограф. хроники); статья о поддельной надписи — в «Записках С.-Петербургского археолого-нумизматического общества» (1848, т. 1); остальные три статьи — в тех же «Записках» (1848, т. 2).

[337] Особенно основательными были рецензии на работу П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории» («Финский вестник») и на труд проф. Березина «Библиотека восточных историков...» (Москвитянин. 1847, № 22, с. 67—80).

[338] Цит. по: *Веселовский*, с. 145.

Глава 6

[1] Отдел рукописей ГПБ. Дорн, № 691, л. 12—34 (Манджурская грамматика. Для российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным).

[2] АВ, разр. I, ф. 24, оп. 1, № 41, с. 2.

[3] Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры. Составлено пекинским архимандритом Софронием Грибовским. Служил в Пекине в 1794 по 1808 год.— Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. СПб., 1905, с. 3, 6, 11, 40.

[4] АВ, разр. I, ф. 24, оп. 1, № 23, с. 16.

[5] Там же, № 24.

[6] Там же, № 25.

[7] Отдел рукописей ГПБ, ф. 550 XVII. 24/3 (Падение Минской, а начало Манчжурской в Китае царских династий, или жизнь изменника Лидзичина).

[8] Сибирский вестник. СПб., 1823, ч. 3, с. 29—100.

[9] *Адоратский Н.* История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности. Казань, 1887, с. 363.

[10] АВ, разр. I, ф. 24, оп. 1, № 24, с. 1.

[11] *Каменский П., Липовцов С.* Каталог Китайским и Японским книгам, в Библиотеке Императорской Академии Наук хранящимся... [Б. м.], 1818, с. 28.

[12] *Горбачева З. И.* Китайские ксилографы и старопечатные книги. Собрания ИВ (Общий обзор).— Ученые записки ИВ. 1958, т. 16, с. 314.

[13] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 401—406 (далее: *Скачков*).

[14] Там же.

[15] Там же, с. 129—132.

[16] ЛО ААН, разд. II, оп. 1, ед. хр. 39, 41 (Китайская история династии Даймин).

[17] Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1. Перевел с маньчжурского Степан Липовцов. СПб., 1828, с. IV—V.

[18] Там же, с. XVII.

[19] Там же, т. 2, с. 64, 73.

[20] *Скачков*, с. 137.

[21] АВ, разр. I, оп. 1, № 73 (Китайский лексикон, составленный Захаром Леонтьевским. Фразеологический китайско-маньчжурско-русский словарь. По ключевой системе).

[22] АВ, разр. I, оп. I, № 90 (Латино-чжунгоский словарь).

[23] *Алексеев В. М.* О роли русской китаистики в лексикографии.— Краткие сообщения ИВ. 1956, т. 18, с. 79.

[24] *Волкова М. П.* Маньчжуроведение.— В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 143.

[25] *Горбачева З. И.* Китайские ксилографы..., с. 316—317.

[26] Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В. П. Васильева.— Русский вестник. 1857, т 9, кн. 2, с 322.

[27] *Скачков*, с. 419.

[28] Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1849, с. 94 (отзыв О. М. Ковалевского).

[29] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с 32.

[30] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. I. М., 1963, с. 94

[31] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов..., с. 6.

[32] О Ковалевском и его деятельности, связанной с Казанским университетом, уже говорилось в гл. 3. Современные польские историки науки с полным основанием считают Ковалевского одновременно и выдающимся польским ориенталистом. О нем см.: *Шамов Г. Ф.* Научная деятельность О. М. Ковалевского.— ОИРВ. Вып. 2. 1956, с. 118—180.

[33] Соответственно: ТВОРАО. 1858, № 6; 1859, 4.

[34] См.: *Банзаров Дорджи.* Собрание сочинений. М., 1955.

[35] *Алексеев В. М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1807 г. М., 1958, с. 288.

[36] *Востриков А. И.* С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета.— Записки ИВ. 1935, т. 4, с. 67—68; *Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение.— В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с. 151.

[37] *Csoma de Körös Al.* Grammar of the Tibetan Language in English. Calcutta, 1834; *он же.* Essay Towards a Dictionary: Tibetan and English. Calcutta, 1834.

[38] *Schmidt I. J.* Grammatik der tibetischen Sprache. SPb., 1839.

[39] *Schmidt I. J.* Tibetisch-Deutsches Wörterbuch nebst deutschen Wörterregister. SPb., 1841; *Шмидт Я. И.* Тибетско-русский словарь. СПб., 1843.

[40] *Schmidt I. J.* Über den Ursprung der tibetischen Schrift.— MAIS. VI série. 1832, t. 1, c. 41—54; *он же.* Über einige Eigentämichkeiten der tibetischen Sprache und Schrift.— BSPAIS. 1838, t. 3, стб. 225—231. Более полную библиографию работ Шмидта см.: *Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение, с. 151—152.

[41] *Schmidt I. J.* Über einige Grund Lehren des Buddhismus.— MAIS. VI série. 1832, t. 1, c. 89—120, 221—262.

[42] Dzanglung oder der Weise und der Thor. T. 1—2. SPb.— Lpz., 1843.

[43] *Schmidt I. J.* und *Boehtlingk O.* Verzeichniss der tibetischen Handschriften.— BCHAIS. 1847, t. 4, № 6—8, стб. 81—125.

[44] Подробнее о Бичурине см.: *Хохлов А. Н.* Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. (некоторые вопросы источниковедения).— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское китаеведение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 1. М., 1977; *Шастина Н. П.* Значение трудов Н. Я. Бичурина— ОИРВ. Сб. 2, с. 194—197.

[45] Description du Tibet, traduite parliellement du chinois en russe par le p. Hyacinthe Bitchourine et du russe en francais par... Klaproth. P., 1831.

[46] *Бичурин И.* История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до

1227 года по Р. Х., с картою на разные периоды сей истории. Переведено с китайского монахом Иакинфом Бичуриным. Ч. I—2. СПб., 1833.

[47] *Скачков*, с. 143—144. Архив Честного находится в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 273, 178).

[48] *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань, 1837. См. также примеч. 32.

[49] *Шамов Г. Ф.* Научная деятельность О. М. Ковалевского, с. 176.

[50] Там же.

[51] Там же, с. 180.

[52] *Тубянский М. И.* Предварительное сообщение о буддологическом наследии В. П. Васильева и В. В. Горского— Доклады АН СССР. Л., 1927, с. 64. Видимо, именно эта часть перевода Горского находится теперь в АВ (разр. I, оп. 1, д. 25/1), составляя 249 листов. П. Е. Скачков называет еще одну работу Горского, хранящуюся ныне в АВПР (ф. 152, оп. 505, д. 86/3389, 154 л.), переводом тибетского сочинения «Сидданта», автором которого ошибочно считает некоего Джанджа-хутухту, современника Горского (*Скачков*, с. 425). На самом деле это, разумеется, еще одна часть того же перевода второго Джанджа-хутухты (1717—1786), который хранится в АВ.

[53] *Schiefner A.* Tibetische Studien.— BCHAIS 1851, t. 8, стб. 212—222, 259—272, 292—304, 333—334, 337—352; *он же.* Über eine eigentumliche Art tibetischer Composita.— Там же. 1857, t. 14, стб. 125—128.

[54] *Schiefner A.* Tibetische Studien.— BCHAIS. 1851, t. 8; *он же.* Über Pluralbezeichungen im Tibetischen. SPb., 1877.

[55] Buddhistische Triglotte d. h. sanskrit-tibetisch-mongolisches Wörterverzeichniss, gedruckt mit den sus dem Nachlass des Baron Schilling stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner. SPb., 1859.

[56] *Schiefner A.* Über die logischen und grammatische Werke im Tanjur.— BCHAIS. 1847, t. 4, стб. 284—288.

[57] *Schiefner A.* Tibetan Tales Derived from Indian Sources. L., 1882, 2nd ed. 1906.

[58] *Schiefner A.* Mahākātjājana und König Tshanda-Pradjota. Ein Cyklus Buddhistischer Erzählungen. SPb., 1875.

[59] Eine tibetische Lebensbeschreibung Cakjamuni's, des Begründers des Buddhathums, im Auszuge deutsch mitgetheilt von A. Schiefner.— Mémoires presentes a l'Academie impériale des Sciences de St.-Petersbourg par divers savants. SPb., 1851, t. 6.

[60] *Schiefner A.* Das buddhistische Sutra der zwei und vierzig Sätze.— BCHAIS. 1852, t. 9, стб. 65—78.

[61] *Schiefner A.* Tāranātha's Geschichte des Buddhismus in Indien. SPb., 1869.

[62] См. примеч. 121.

[63] ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 26, л. 95—96.

[64] АВПР, ф. Главный архив IV-4, 1810—1823, д. 1, папка 1, л. 99.

[65] АВПР, ф. Биб-ка Аз. деп-та, оп. 505, д. 46; [Бичурин]. Описание бунта, бывшего в Китае в 1813 г.— Дух журналов. 1819, кн. 10, с. 527—558.

[66] АВПР, ф. Главный архив IV-4, 1810—1823, д. 1, папка, 1, л. 27—29.

[67] ЦГИА, ф. 796, оп. 99, д. 877 (1818 г.), л. 274; ЛГИА, ф. 19, оп. 120, 1822 г., д. 413, л. 703.

[68] Московский телеграф. 1828, ч. 21, № 9, с. 115—118.

[69] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1 (ч. 1 и 2). СПб., 1828, с. V—VI.

[70] Там же, с. VII.

[71] Описание этой рукописи см.: *Чугуевский Л. И.* Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина.— Народы Азии и Африки. 1966, № 3, с. 127—130.

[72] См.: Русский зритель. 1828, № 9—10, с. 115—120, 121—126.

[73] Московский вестник. 1828, № 14, с. 197—202; № 16, с. 349—367.

[74] АВПР, ф. Главный архив I-9, 1824—1829, д. 7, л. 50.

[75] ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а, ед. хр. 39, § 628, л. 147.

[76] Там же, оп. 2 (1829), § 296.

[77] ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 35, л. 35.

[78] В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869, с. 56—57.
[79] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988, с. 119.
[80] ГБЛ, ф. 231, разр. II, картон 50, ед. хр. 39.
[81] См.: Чтения Имп. Академии наук за 1829 и 1830 годы. СПб., 1831, кн. 1/5, с. 33—39; С.-Петербургские ведомости. 1830, № 42—43.
[82] ГБЛ, ф. 273, картон 10, ед. хр. 9.
[83] Северная пчела. 1833, № 21 (27 января).
[84] *Пушкин А. С.* История Пугачева.— Полное собрание сочинений. Т. 9. М.— Л., 1950, с. 95.
[85] ЖМНП. 1837, ч. 16, № 10.
[86] Северная пчела. 1837, № 294 (28 декабря).
[87] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совет, д. 8720, л. 4—6.
[88] [*Бичурин Н. Я.*]. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842, с. XI—XII.
[89] Там же, с VIII—IX.
[90] Ср.: Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину. Публ., вступит, ст. и примеч. П. Е. Скачкова.— Сов. китаеведение. 1958, № 3, с. 146; ГБЛ, ф. 231, разр. II, картон 13, ед. хр. 43, л. 14.
[91] Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырех частях с рисунками. СПб., 1848.
[92] Современник. 1848, т. 7, № 1, отд. III, с. 44—49.
[93] ЛО ААН, ф. 2, 1847, ед. хр. 1, л. 215—216.
[94] Научная библиотека ЛГУ им. М. Горького. Отдел редкой книги, ф. О. М. Ковалевского, № 101, л. 162—163.
[95] Там же.
[96] ГБЛ, ф. 273, картон 10, ед. хр. 9.
[97] ЦГИА, ф. 815, оп. 3, д. 98 (1853 г.), л. 1; АВПР, ф. Главный архив I-7, 1826—1853, д. 2, л. 38.
[98] АВПР, ф. Главный архив IV-6, 1830—1836, д. 1, л. 311; ЦГИА, ф. 796, оп. 112, д. 837 (1831 г.), л. 1, 11, 12.
[99] АВ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 89 (автограф Н. Я. Бичурина).
[100] Русская старина. 1888, август, с. 286.
[101] Экземпляр этой книги находится в Отделе редких книг ГБЛ.
[102] Москвитянин. 1844, т. 2, с. 170.
[103] ГБЛ, ф. 231, разр. II, картон 13, ед. хр. 44.
[104] ОПИ ГИМ, ф. 390, ед. хр. 5, л. 79—80.
[105] Богословский вестник. 1897, № 10, с. 104.
[106] ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 391 (1843), л. 3—39; ЦГА ТАССР, ф. 847, оп. 5, д. 10, л. 1—95.
[107] ЛО ААН, ф. 1, оп. 2 (1845), ед. хр. 36, § 57 ИФ.
[108] См.: *Хохлов А. Н.* Об источниковедческой базе работ Н. Я. Бичурина о цинском Китае.— Народы Азии и Африки. 1978, № 1, с. 129—137.
[109] ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 6, л. 18.
[110] *Бартольд В. В.* Анналы.— Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 418. Дополнительные материалы о Н. Я. Бичурине, выявленные в центральных и местных архивах, а также в библиотеках СССР, можно найти в сл. изд.: *Хохлов А. Н.* Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае.— Вопросы истории. 1978, № 1, с. 53—72; *он же.* Н. Я. Бичурин и Российская Академия наук.— Вестник АН СССР. 1978, № 6, с. 115—124; *он же.* Новые материалы к биографии Н. Я. Бичурина.— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское китаеведение... Ч. 2, с. 111—132.
[111] *Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф. Панкратов Б. И.* Русский китаевед Василий Павлович Васильев (1818—1900).— ОИРВ. Вып. 2, с. 234—236 (далее: Русский китаевед Васильев). Эту работу следует признать наиболее обширной и полной, особо выделяя широту библиографии.
[112] *Тубянский М. И.* Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского.— Доклады АН СССР. Л., 1927, с. 62.
[113] Там же, с. 62—63; Русский китаевед Васильев, с. 236. Обе диссертации Васильева сохранились (ЛО ААН, ф. 775, ед. хр. 1, 2). Ольденбург (*Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах

по буддизму. 1818—1918.— Известия Российской Академии наук. Сер. VI. 1918, т. 12, № 7, с. 532—533) ошибается, когда сообщает, что Васильев стал магистром в 1840 г.

[114] Русский китаевед Васильев, с. 237—238.

[115] ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2 (Пекинские дневники, запись от 3 сентября 1840 г.).

[116] *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева..., с. 538.

[117] Там же, с. 531.

[118] Там же.

[119] Там же, с. 536.

[120] Там же, с. 536—537.

[121] *Васильев В. П.* Буддизм. Его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. СПб., 1857; ч. 3. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Перевод с тибетского. СПб., 1869.

[122] *Васильев В. П.* Буддизм... Ч. 1, с IV.

[123] ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 9 (т. 1, 615 л.) и 10 (т. 2, 417 л.).

[124] Тибетский фонд ЛО ИВ, Танджур пекинского издания, разд. «mdo-'grel», инв. № С-14242, том «go», л. $204б_7$—$310а_8$; The Tibetan Tripitaka. Peking ed. Catalogue and Index. Tokyo, 1962, с. 827, № 5832. Тибетское название сочинения в каноне — «bye-brag-tu-rtogs-par-bued-pa», что не полностью соответствует названию, приводимому Васильевым (см. далее цит. из его ст. «О некоторых книгах...»): «bye-brag-tu-rtogs-par-byed-pa-chen-po». Разница заключается в слове chen-po» («большой», «великий»; санскр. mahā), которого нет в экземпляре этого сочинения из тибетского буддийского канона.

[125] *Васильев В. П.* О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма в библиотеке Казанского университета.— Ученые записки Академии наук по I и II отделениям. СПб., 1855, т. 3, вып. 1, с. 30—33. См. также: *Семичов Б. В.* Буддийский терминологический лексикон ак. В. П. Васильева.— Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970, вып. 4, с. 18—19.

[126] ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 5 (1840—1850 гг.), 112 л.

[127] «Сиддханта» (grub-pa'i-mth'a) второго Джанджа-хутухты находится в томах «чха» (6-м) и «джа» (7-м) его собрания сочинений. В своих работах Васильев не называет имен Джанджа-хутухты и Джамджан-шадпы. Он говорит только, что эти сочинения — очень большие по объему и что сочинение Джамджан-шадпы написано после сочинения Джанджа-хутухты (см.: *Васильев В. П.* Буддизм... Ч. 3, с. 260). Но обширные сочинения по сиддантам есть только в собраниях сочинений первого Джамджан-шадпы (1648—1722) и второго Джанджа-хутухты (1717—1786). Второй Джамджан-шадпа (1728—1791) посвятил сиддантам сочинение объемом 26 л., а у первого Джанджа-хутухты (1642—1714) такого сочинения нет вообще. Мы полагаем, что Васильев говорит о сочинениях первого Джамджан-шадпы и второго Джанджа-хутухты. И он ошибается во времени написания трактатов, так как первый Джамджан-шадпа жил гораздо раньше второго Джанджа-хутухты.

[128] ЛО ААН, ф. 775, ед. хр. 6, 20 (соответственно).

[129] Выполняя инструкцию, он собрал образцы почти всех сортов китайского шелка, лака, чая, зерновых культур, большое количество семян цветов и кормовых трав. См.: ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4814, л. 168 и 171.

[130] «Сами китайцы,— писал Васильев,— не имеют ничего подобного в этом роде». См.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, ед. хр. 8453, л. 77.

[131] Там же, л. 78. Некоторые из этих карт в настоящее время находятся в ЦГА ТАССР.

[132] Там же, л. 46.

[133] ЦГА ТАССР, ф. 92. оп. 1, ед. хр. 4814, л. 257.

[134] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ИФФ, ед. хр. 590, л. 21—22; ед. хр. 726, л. 28.

[134а] ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 179, л. 2.

[135] *Васильев В. П.* О преподавании восточных языков в России.— Восточное обозрение. СПб., 1886, № 7, с. 7—8.

[136] ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 32, л. 15.

[137] Там же, л. 1, 2.

[138] Там же, л. 32.

[139] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совет, ед. хр. 8453, л. 63.

[140] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 144—149.

[141] *Васильев В. П.* Графическая система китайских иероглифов.— ЖМНП. 1856, ч. 92, с. 333—358; *он же.* Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., 1867 (Литография).

[142] *Иванов А. И.* Васильев В. П. как «синолог».— Известия Российской Академии наук. Сер. VI. 1918, т. 12, № 7, с. 564.

[143] *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 13.

[144] См.: Обозрение преподаваний в Имп. Казанском университете на 1852-53 уч. г. Казань, 1852, с. 9—10.

[145] *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., 1857. Работа была им задумана как продолжение знаменитого труда Бичурина «Сведения о народах, обитающих в Средней Азии». Основоположник русской китаистики довел свою работу только до конца Танской династии (IX в.), а его последователи продолжили этот труд, завершив его периодом образования державы Чингис-хана и монгольских нашествий. «Образовался пропуск на пространстве трех столетий...— писал Васильев,— и оттого самое выступление на историческом поприще монголов представляется в каком-то полумраке» (с. 2).

[146] *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии..., с. 3.

[147] *Васильев В. П.* Центральная Азия и главные хребты гор в Китайских владениях.— ЖМНП. 1852, ч. 73, с. 116—132.

[148] См. примеч. 121.

[149] *Завадская Е. В.* В. П. Васильев — родоначальник буддологии в России.— История и культура Китая. Памяти В. П. Васильева. М., 1974, с. 106.

[150] *Ольденбург С. Ф.* Памяти В. П. Васильева..., с. 543—544.

[151] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6747, л. 3.

Глава 7

[1] *Лебедев Г. С.* Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов и их народных обычаев. СПб., 1805.

[2] К истории русско-индийских культурных связей. Публ. К. А. Антоновой.— Исторический архив. М., 1965, № 1, с. 160—168.

[3] Там же, с. 165.

[4] Там же, с. 165—166.

[5] Там же, соответственно: письмо от 8 мая 1797 г., с. 168—174; письмо от 23 июля 1797 г., с. 178; письмо от 23 июля 1797 г., с. 175.

[6] *Lebedeff H.* Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects with Dialogues Affixed Spoken in all Eastern Countries... and Several Specimens of Oriental Poetry, publ. in the Asiatic researches. L., 1801.

[7] *Зограф Г. А.* Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г. С. Лебедева.— КСИНА. 1963, № 61, с. 142—153.

[8] Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965, № 253, с. 492—495.

[9] Там же, № 259, с. 498—499.

[10] Там же, № 247, с. 459.

[11] Рукопись поэмы хранится в ЦГИА, ф. 1151 (А. Е. Шишкова), оп. 1, отд. Л. Ф., ед. хр. 102, л. 7—85 (л. 1—78 по нумерации Лебедева). См.: *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Г. С. Лебедев (1749—1817).— ОИРВ. Сб. 2. М., 1956, с. 57.

[12] *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Г. С. Лебедев..., с. 57.

[13] *Миронов Н. Д.* Каталог индийских рукописей. Catalogi Mussei Asiatici. I. Пг., 1914, № 140, 242, 314—318, 462.

[14] Русско-индийские отношения..., № 259, с. 502; № 260, с. 503.

[15] Там же, № 263, с. 505—506; № 267, с. 507—508.

[16] Там же, № 274, с. 513.

[17] См.: *А. В. Западов, Е. П. Прохоров.* Глазами друзей. Русские об Индии. М., 1957, с. 17.

[18] Русско-индийские отношения.., с. 540.

[19] Там же, с. 561—562.

[20] АВ, ф. 90, № 1/1226/1. См.: *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Г. С. Лебедев..., с. 68.

[21] Рукопись хранится в АВ, ф. 90, № 2/1336/2, 35 с.

[22] Хранится в ЦГИА, ф. 1151, оп. 1, отд. Л. Ф., ед. хр. 102, л. 3—5. См.: *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Г. С. Лебедев..., с. 66.

[23] *Lenz R.* Urwasia fabula Calidasi. Textum sanscritum edidit... B., 1833.

[24] *Lenz R.* Bericht über eine im Asiatischen Museum... deponierte Sammlung Sanskrit—Manuskripte.—С.-Петербургские ведомости. 1833, № 219—223. Отдельной брошюрой эта работа вышла в 1833 г. в Лейпциге и Петербурге.

[25] *Зограф Г. А.* Роберт Христианович Ленц (1808—1836).— Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедных наук. 1960, вып. 9, № 279, с. 32.

[26] *Ленц Р. Х.* [Отчет о деятельности за 1834 и 1835 гг.].— ЖМНП. 1834, ч. 1, с. 255—262; ч. 2, с 277—283; ч. 4, с. 279—291; 1835, ч. 7, с. 537—538.

[27] *Миронов Н. Д.* Каталог индийских рукописей..., № 175.

[28] *Lenz R.* Apparatus criticus ad Urwasiam... B., 1834.

[29] *Миронов Н. Д.* Каталог индийских рукописей..., № 290, 188 и 189.

[30] *Зограф Г. А.* Роберт Христианович Ленц..., с. 34—35.

[31] *Миронов Н. Д.* Каталог индийских рукописей..., № 419.

[32] *Lenz R.* Analyse du Lalita—Vistara—Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophete, et écrit en sanscrit.— BSPAIS. 1836, t. 1, № 7—13.

[33] *Зограф Г. А.* Роберт Христианович Ленц..., с. 37.

[34] *Григорьев В. В.* Санскритский язык в России.— Северная пчела. 1836, № 56, с. 224.

[35] [*Фус П. Н.*]. Некролог Р. Х. Ленца.— С.-Петербургские ведомости. 1837, № 4, с. 15—16.

[36] *Вигасин А. А.* Изучение индийской культуры в России в первой трети XIX в.— Индия 1984. Ежегодник. М., 1986, с. 276; см. также: *Bongard-Levin G., Vigasin A.* The Image of India. The Study of Ancient India Civilisation in the USSR. Moscow, 1984, с. 67—70.

[37] *Поляков М.* Белинский в Московском университете. М., 1974, с. 11.

[38] Литературное наследство. № 41—42, с. 196.

[39] Цит. по: *Крачковский И. Ю.* Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому.— ОИРВ. [Сб. 1]. 1953, с. 8 (далее: *Крачковский*).

[40] *Поляков М.* Белинский в Московском университете. М., 1947, с. 15—18.

[41] В. Г. Белинский и его корреспонденты. Сб. под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948.

[42] *Крачковский*, с. 9.

[43] Там же, с. 21.

[44] Молва. 1833, № 31, с. 522.

[45] Всеобщее начертание теории искусств Бахмана. Ч. 1. Пер. с нем. М. Чистякова. М., 1832.

[46] В. Г. Белинский и его корреспонденты, с. 223; *Крачковский*, с. 9—10.

[47] *Крачковский*, с. 9.

[48] Там же.

[49] Там же, с. 13—14.

[50] Молва. 1835, № 24—26, с. 387—389. Ср.: *Крачковский*, с. 15.

[51] *Петров П.* Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными.— Известия Академии наук по Отделению русского языка. СПб., 1852, т. 1, Прибавление, тетрадь 1, стб. 81—92. См. также: *Крачковский*, с. 11.

[52] *Крачковский*, с. 10.

[53] *Вигасин А. А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 277.

[54] В. Г. Белинский и его корреспонденты, с. 240; *Крачковский*, с. 18.

[55] *Жуковский В. А.* Наль и Дамаянти. Индийская повесть. СПб., 1844.

[56] *Петров П.* Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находя-

щихся в Азиатском Музеуме Санкт-Петербургской Академии наук.— ЖМНП. 1836, т. 2, ч. 12, с. 184—198.

[57] *Петров П.* Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Имп. Московского университета.— ЖМНП. 1837, т. 13, с. 549—555.

[58] Цит. по: *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 89.

[59] Там же, с. 77.

[60] См. примеч. 53.

[61] Петров. Донесение г. Министру народного просвещения от 16 (28) февраля 1840 г.— ЖМНП. 1840, ч. 26, отд. 4, с. 9—16.

[62] Об упанишадах, изданных в Париже Г. Полеем. Донесение, представленное г. Министру народного просвещения Павлом Петровым. СПб., 1837.

[63] Письмо г. Министру народного просвещения Павла Петрова, 14 (26) апреля 1839 г.— ЖМНП. 1839, ч. 23, с. 39—44.

[64] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., [б. г.].

[65] *Шофман А. С.* Русский санскритолог П. Я. Петров.— ОИРВ. Вып. 3. 1960, с. 128 (примеч. 12), с. 134—135.

[66] Напомним, что карьера А. В. Болдырева (о нем см. гл. 3) поначалу сложилась очень удачно. Он хорошо продвигался по службе: с 1815 г. был экстраординарным профессором кафедры восточных языков Московского университета, с 1818 г.— ординарным профессором и, наконец, с 1832 г. (год, когда Петров закончил университет) — деканом словесного отделения и ректором университета. Именно с его помощью Петров для продолжения образования был принят в Профессорский институт при Петербургском университете. Как ректор, Болдырев должен был исполнять обязанности цензора периодических изданий Московского университетского округа. Именно эти обязанности и погубили профессора. В 1836 г. в № 15 «Телескопа» появилось знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Болдырев тут же был арестован за отсутствие бдительности и попустительство вольнодумию, в течение года содержался в тюрьме, а в 1837 г. был исключен из числа преподавателей Московского университета с «волчьим билетом», уволен в отставку без пенсии и в 1842 г. скончался в страшной нищете. Дело Болдырева могло отразиться и на его ученике — Петрове. Во всяком случае, безусловно, оно его очень напугало, и именно в начале 40-х годов, очевидно, произошел у Петрова серьезный душевный надлом.

[67] *Петров П.* О священной литературе народов загангесской Индии.— ЖМНП. 1841, ч. 31, № 7, с. 27—36.

[68] *Петров П.* О составе санскритского языка.— ЖМНП. 1841, ч. 33, с. 184—208.

[69] *Шофман А. С., Шамов Г. В.* Восточный разряд Казанского университета (Краткий очерк).— ОИРВ. Сб. 2. 1956, с. 427.

[70] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 135.

[71] *Лунин М.* Индия. Взгляд на жизнь индостанского народа.— ЖМНП. 1837, ч. 15, № 7, с. 1—86.

[72] Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Имп. Казанском университете Павла Петрова. Казань, 1842, с. 21.

[73] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 136.

[74] Там же, с. 138.

[75] Санскритская антология. Издание Павла Петрова. Отделение 1. Изречения, отрывки эпические, сказки, басни, отрывки описательные и лирические. Казань, 1846.

[76] *Петров.* О духовной литературе индусов.— ЖМНП. 1845, ч. 48, № 11, с. 133—148.

[77] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 139.

[78] Там же, с. 140.

[79] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 144—146.

[80] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 141.

[81] *Петров П. Я.* О главных наречиях северной Индии. [Ст.] 1—4.— Московские университетские известия. 1867, № 12; 1868, № 6; 1869, № 5, 1870, № 5.

[82] *Петров П. Я.* О медицине древних индусов. [М.], 1857; *то же.*— Московский врачебный журнал. 1858, кн. 3 и 4, с. 1—12.

[83] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 145.

[84] *Берг Н. В.* Павел Яковлевич Петров, профессор-ориенталист.— Русская старина. 1876, 17, № 10, с. 394—399.

[85] *Крачковский*, с. 21—22.

[86] Русская старина. 1876, 17, № 10, с. 394.

[87] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 81.

[88] *Adelung F.* Literatur der Sanskrit-Sprache. SPb., 1837.

[89] См.: *Эрман В. Г.* Очерк истории ведийской литературы. М., 1980, с. 27; *Вигасин А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 271.

[90] *Менцов Ф. В.* Взгляд на литературу, науки и художества гиндусов.— ЖМНП. 1838, ч. 18, № 4.

[91] *Менцов Ф. В.* Науки и художества древней Индии.— Библиотека для чтения. 1839, т. 32, с. 229—266. Ср.: *Западов А. В., Прохоров Е. П.* Глазами друзей..., с. 20.

[92] *Менцов Ф. В.* Взгляд на литературу..., с. 266.

[93] *Adelung F.* Repports entre la langue sanscrit et la langue russe. Présentes à l'Académie Imp. russe. SPb., 1811.

[94] *Вигасин А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 271.

[95] *Баранников А. П.* Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции.— Вопросы языкознания. 1952, № 2, с. 44—61.

[96] *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге, с. 94.

[97] См. примеч. 94.

[98] *Ольденбург С. Ф.* Памяти Оттона Николаевича Бётлингка [Некролог].— ЖМНП. 1904, ч. 353, № 5, отд. 4, с. 42.

[99] Pāṇini's Grammatik. Hrsg., übers., ertäutert und mit verschiedenen Indices versechen von Otto Böhtlingk. Lpz., 1887.

[100] *Böhtlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. Hrsg. von Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. T. 1—7. SPb., 1852—1875.

[101] *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. T. 1—7. SPb., 1879—1889.

[102] *Salemann C., Oldenburg S. Th.* Bohtlingk's Druckschriften.— Mélange Asiatique. 1892, t. 10, livr. 2, с. 247—256; *то же.*—BSPAIS. Neue Série. 1894, 3 (35), с. 97—106.

[103] *Бётлинг О.* Грамматические исследования о русском языке.— Ученые записки Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1851, т. 1, вып. 1, с. 58—124; *Böhtlingk O.* Zur turkisch-tatarischen Grammatik.— BCHAIS. 1849, t. 6; *он же.* Über die Sprache der Iakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851.

[104] *Петров Н. Е.* О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках.— Советская тюркология. 1972, № 4, с. 62—71.

[105] *Böhtlingk O.* Abhijñānaçākuntalam. Kalidāsa's Ring-Çakuntala. Bonn, 1842; *он же.* Mṛk'k'hakatika, d. i. das irdene Wägelchen. SPb., 1877; *он же* Dandin's Poetik (kāvyādarça). Lpz., 1890.

[106] *Ольденбург С. Ф.* Памяти Оттона Николаевича Бётлингка, с. 47.

[107] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 141.

[108] О датах жизни см.: *Вигасин А. А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 278.

[109] *Шофман А. С.* Русский санскритолог..., с. 141.

[110] Там же.

[111] См.: *Эрман В. Г.* Очерк истории ведийской литературы, с. 23.

[112] *Коссович К. А.* Четыре статьи из Зендавесты с присовокуплением транскрипции русского и латинского переводов, объяснений критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб., 1861.

[113] *Kossowicz K.* Inscriptiones Palaeo Persical... Petropoli, 1872.

[114] *Коссович К. А.* Санскритско-русский словарь. Изд. II отделения Имп. Академии наук. СПб., 1854, 655 с.

[115] См.: *Вигасин А. А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 279.
[116] Сундас и Упасундас. Эпизод из Махабхараты. Пер. К. Коссовича.— Москвитянин. 1844, ч. 1, № 2, с. 311—329.
[117] См.: *Эрман В. Г.* Очерк истории ведийской литературы, с. 193, примеч. 32.
[118] Легенда об охотнике и паре голубей. Сказание о Савитри. Пер. К. Коссовича. СПб., 1859.
[119] *Вигасин А. А.* Изучение индийской культуры в России..., с. 280—281.
[120] *Коссович И. А.* Наль и Дамаянти. Эпизод из Махабхараты, поэмы мудреца Вьяса. М., 1851.
[121] *Берг Н. В.* Песни разных народов. М., 1854.
[122] *Ольденбург С. Ф.* Памяти Оттона Николаевича Бётлингка, с. 41.

Глава 8

Все ссылки на Пушкина здесь и далее даются по изд.: *Пушкин.* Полное собрание сочинений. Т. I—XVI. М.— Л., 1937—1949; т. XVII («Справочный»). 1959. Римская цифра указывает том, арабская — страницу.
[2] Подробнее об этом см.: *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973.
[3] Именно в типографии Н. И. Новикова в Москве в 1788 г. был напечатан памятник индийской литературы «Бхагавадгита» (в транскрипции того времени — «Багаут-Гета»).
[4] Подробнее см.: Россия и Индия. М., 1986, с. 83 и сл.
[5] Цит. по: Глазами друзей. Русские об Индии. М., 1957, с. 53.
[6] Подробнее об этом см.: *Моряков В. И.* Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. Рейналь и Радищев. М., 1981.
[7] Подробнее об этом см.: *Белкин Д. И.* «Письмо о китайском торге» А. Н. Радищева.— Проблемы Дальнего Востока. М., 1987, № 2, с. 97—108.
[8] *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.— Л., 1938, с. 76.
[9] *Радищев А. Н.* О человеке, его смертности и бессмертии.— Полное собрание сочинений... Т. 2, с. 64.
[10] Подробнее об этом см.: *Западов А., Прохоров Е.* Вступительная статья.— Глазами друзей..., с. 18.
[11] Там же, с. 19.
[12] Там же, с. 13—48.
[13] *Карамзин Н. М.* От издателя. Сцены из Саконталы, индийской драмы.— Московской журнал. 1792, ч. 6, кн. 2, с. 125, 126.
[14] *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823, с. 51—52.
[15] Цит. по: Всемирная история. Т. 6. М., 1959, с. 162.
[16] *Чуковская Л.* Декабрист Николай Бестужев — исследователь Бурятии. М., 1950; Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977; *Бахаев В. Б.* Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980.
[17] *Даревская Е. М.* Декабристы в Забайкалье и соседние страны. Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975; *она же.* Письма М. К. Юшневской из Кяхты.— Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978, с. 168—183.
[18] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 458.
[19] Конституция Никиты Муравьева (из бумаг И. И. Пущина).— *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Т. 1. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, с. 270, 269.
[20] Подробнее см.: *Георгиев В. А.* и др. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XIX в. М., 1978, с. 68—84.
[21] В. М. Пасецкий, например, характеризует первую главу «Русской Правды», названную Пестелем «О земельном пространстве государства», и четвертую главу, «О России», из проекта Конституции Никиты Муравьева не

только как важнейшие памятники революционного наследия декабристов, но и как «выдающиеся географические исследования». К этой оценке присоединился и акад. А. П. Окладников. См.: *Пасецкий В. М.* Географические исследования декабристов. М., 1977, с. 22.

[22] *Нечкина М. В.* А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 377.

[23] Полностью на русском языке книга Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» была издана в Москве в 1975 г. в серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века». Кстати, в путешествии в Хиву активное участие принимал близкий к декабристским кругам член «Союза благоденствия» В. Д. Вольховский.

[24] Северный архив. СПб., 1824, ч. 1, № 12, с. 316, 332, 333.

[25] «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.— Л., 1960, с. 27, 493.

[26] *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 277. Обращает на себя внимание идентичность пушкинской оценки («Стамбул заснул перед бедой»), которая внесена поэтом в «Путешествие в Арзрум», в начало мистифицированной сатирической поэмы мистифицированного янычара Амина-Оглу.

[27] Восстание декабристов. Документы. Т. 17. М., 1958, с. 121, 125.

[28] Подробнее об этом см.: *Орлик О. В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984, с. 136.

[29] Исторические записки. Т. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975, с. 268.

[30] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие..., с. 458.

[31] Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 148—149.

[32] *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев.— Избранные труд Т. 1, с. 89.

[33] Там же, с. 65, 82, 86.

[34] Подробнее о названиях этих стран см.: *Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965, с. 9.

[35] В качестве примера сошлемся на Никиту Муравьева, который, перейдя на позиции политического либерализма, не отрывался от религиозной основы своего воспитания. См.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев, с. 85.

[36] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 267.

[37] Там же, с. 268.

[38] Подробнее см.: *Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Проблемы декабристского движения.— Вопросы философии. 1985, № 12, с. 96—102.

[39] Подробнее см.: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1953, с. 616, 722—723.

[40] См.: Восстание декабристов..., Т. 7, с. 144.

[41] Там же, с. 125.

[42] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 228.

[43] *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964; *Еникополов И. К.* Грибоедов и Восток. Ер., 1974.

[44] *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965.

[45] *Кацнельсон И. С.* Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова.— Декабристы. Новые материалы. М., 1955 (Труды отдела рукописей ГБЛ). См. примеч. 192 к гл. 5.

[46] *Тартаковский П. И.* Русская советская поэзия 20-х — начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. Таш., 1977, с. 207—208.

[47] Поэт в письме из Одессы А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. советовал ему, как издателю «Полярной звезды», «держать за ворот этого Сенковского», т. е. постоянно печатать на страницах альманаха, поскольку его «арабская сказка прелесть» (XIII, 87).

[48] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие..., с. 377, 466.

[49] *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина: 1826—1830. М., 1967, с. 516.

[50] *Мухина С. Л.* Литература декабризма о нерусских народах России. Фрунзе, 1972, с. 8.

[51] *Давыдов Ю.* В морях и странствиях. М., 1956, с. 71.

[52] Письмо П. Я. Чаадаева об индийской философии. Пер. с франц. и вступл. М. И. Чемерисской.— Народы Азии и Африки. 1986, № 5, с. 103—108;

Рашковский Е. Б. К публикации письма П. Я. Чаадаева.— Там же, с. 109—118. См. также: *Рашковский Е. Б., Хорос В. Г.* Проблема «Запад — Россия — Восток» в философском наследии П. Я. Чаадаева.— Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988, с. 110—142.

[53] О Пушкине и Востоке см., например: *Тынянов Ю. Н.* «Путешествие в Арзрум».— *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968, с. 192—208; Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. М., 1979; *Лобикова Н. М.* Пушкин и Восток. М., 1974; *Белкин Д. И.* Тема зарубежного Востока в творчестве А. С. Пушкина.— Народы Азии и Африки. 1965, № 4; *он же.* Пушкинские строки о Персии.— Пушкин в странах зарубежного Востока, с. 156—214; *он же.* Русские литераторы 20-х — начала 40-х годов XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин.— Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984, с. 53—99.

[54] Цит. по: *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат, с. 21.

[55] Н. Н. Муравьев-Карский оставил в своем тифлисском дневнике от 2 февраля 1822 г. следующую запись о Грибоедове: «Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было, поражают. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским» (Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 47, 48, 50).

[56] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 10, 89—104.

[57] *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов, с. 211.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
АВ	— Архив востоковедов ЛО ИВ
АВПР	— Архив внешней политики России
АКАК	— Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 1—12. Тифлис, 1866—1904
БАССР	— Бурятская АССР
ГАГК	— Государственный архив города Киева
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАНО	— Государственный архив Николаевской области
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
е. и. в.	— Его Императорское Величество
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
ЗКОРАО	— Записки Классического отделения (Имп.) Русского археологического общества
ИВ	— Институт востоковедения АН СССР
ИООИД	— Императорское Одесское общество истории и древностей
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
ИФФ	— Историко-филологический факультет Казанского университета
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
ЛГИА	— Ленинградский государственный исторический архив
ЛИВЯ	— Лазаревский институт восточных языков
ЛО	— Ленинградское отделение
МИД	— Министерство иностранных дел России
ОИРВ	— Очерки по истории русского востоковедения (Сборник). М.
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ППиПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ТАССР	— Татарская АССР
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
ХОГА	— Херсонский областной государственный архив
ЦГА	— Центральный государственный архив
ЦГАДА	— Центральный государственый архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦНБ	— Центральная научная библиотека
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
AIS	— Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg
BCHAIS	— Bulletin de la Classe historico-philologique de l'AIS. SPb.
BGA	— Bibliotheca geographorum arabicorum. Bd. M. J. de Goeja. P. 1—8. Lugduni Batavorum
BSPAIS	— Bulletin scientifique, publié par l'AIS. SPb.
CASIP	— Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. SPb.
MAIS	— Mémoires de l'AIS. SPb.

Аббас Мирза 177, 212
Абд ар-Раззак Самарканди 19, 222, 223
Абделькаримов И. 138
Абдрахманов М. 46, 63
Абдул Маджид 207
Абдуррахман 113
Абдусалямов Х. 179
Аблай-таши 35
Абу-л-Гази 32, 48, 53, 66, 73, 143, 200
Абу-л-Фазл ал-Бейхаки 255
Абу-л-Фазл б. Мубарак 255
Абовян 101
Аверов А. 236
Аврамов С. 43
Авриль Ф. 36
Агафангел (Соловьев) 240
Агафонов А. С. 65, 75, 92, 93
Агрефений 16
Аделунг Ф. П. 54, 156, 159, 160, 333, 342, 343, 371
Айвазовский Г. 117
Айгони 197
Айжинь Гиоро 79
Александр, князь 19
Александр I 155, 177, 231, 237, 322—324
Александр II 30, 239
Александр Македонский (Александр Великий) 10, 12, 13, 22, 130, 217
Алексеев В. М. 7, 273
Алексеев В. П. 282
Алексеев И. Ф. 73, 74
Алексеев Ф. 5
Алексей Михайлович 25, 37
Алеппский П. см. Павел Алеппский
Алкеев П. 61
Алтын-хан 34, 35
Амартола Г. 11
Амасис 235
Аменхотеп III 234
Амиди О. 159
Амиров Г. 210
Ампер 166
Амфитеатров см. Филарет Анастази 235
Андреев П. С. 73
Андронов М. 193
Анна 16
Аниотеф (Антеф) 234
Арарий 95
Арберг 160
Аргилландер Н. А. 330
Арендаренко Г. А. 228
Арсланов И. 61
Арчил 31
Асад М. 207
Аскольд 248
Асламов 192
Атажукин М. 67
Атласов В. 5, 39
Аттар Фарид ад-дин 220—223
Ахмед-хан 26
Ахмед ибн Хусейн 138
Аюк 80

Бабур 5, 24, 25
Багратион 235
Бажанов В. 126
Базили К. М. 168, 393
Базиянц А. П. 8
Байер Г.-З. 46, 51—54, 59, 81, 82, 95, 142, 324
Байков Ф. И. 34—36
Байрон 208, 341
Бакар 72
Бакмейстер Г.-Л.-Х. 57
Бакмейстер И.-Ф. 6, 54
Бакунин В. М. 65, 66
Бакшеев Ф. 92, 93
ал-Балазури 400
Балдуин 14
Бальфур 248, 249
Банзаров Дорджи (Доржи) 122, 123, 141, 282
Бантыш-Каменский Н. Н. 68
Баранович Л. 109
Баранников А. П. 344
Барклай-де-Толли М. Б. 172
Барский В. Г. см. Григорович В. Г.
Бартоломей И. А. 214, 215
Бартольд В. В. 10, 41, 113, 149, 161, 199, 200, 214, 215, 226, 305
Барятинский 34, 236
Баснин В. Н. 294
Барендт И.-Г. 112, 113
Батеньков Г. С. 233, 361, 403
Баязид 5
Бгарот-Чондро-Раи 321, 323
Бебутов В. 176
Безстужев Я. 43
Бекович-Черкасский А. А. 44, 184
Бекович-Черкасский Ф. А. 195
Бекчурин (Бещерин) М. 379

Белинский В. Г. 96, 99, 239, 299, 330—335, 341, 347
Белл Д. 41, 76, 83
Белкин Д. И. 8
Бельский М. см. Марцин Бельский
Бельцони Дж.-Б. 232
Беневени Ф. 40, 44
Бенкендорф А. Х. 197
Берг Н. В. 340, 342, 349
Берг Ф. Ф. 176, 177
Березин И. Н. 47, 123, 130—138, 199, 200, 207, 216, 253, 273, 389
Берлинский М. 110
Беринг В. 49, 377
Берлев О. Д. 8
Бероев Н. Л. 148, 157, 161, 163
Бестужев А. 355, 420
Бестужев М. А. 287
Бестужев Н. А. 295
Бестужев Я. 63
Бестужев-Марлинский А. А. 357
Бётлингк (Бетлинг) О. Н. 285, 345, 346, 349, 371
Бещерин см. Бекчурин М.
Бибиков Д. Г. 188
Биньон 6
Бичурин И. Я. (Иакинф) 82, 90, 123, 126, 141, 148, 152, 166, 167, 187—191, 193, 194, 260, 270, 272, 273, 275—277, 283, 286, 289—305, 316, 366, 370, 392, 411, 413, 415
Благой Д. Д. 363
Бларамберг И. П. 231
Бларамберг И. Ф. 185, 212, 228
Блоницкий И. 70
Блудов Д. Н. 294
Бобровников А. А. 278, 281
Бобровский М. К. 102, 105
Богданов А. И. 53, 54, 378
Богданов С. 157
Богородицкий В. Т. 268
Болдырев А. В. 98, 99, 113, 115, 209, 219, 223, 227, 330, 337, 366, 385, 417
Боллензен Ф. 334, 339
Бонапарт см. Наполеон I
Борисов И. И. 77
Борро Д. 167, 393
Борщевский Ю. Е. 8
Бопп Ф. 327, 336, 345
Ботеро Д. 36
Ботьянов И. 157, 159, 161
Братищев В. 65
Бриссоний В. 74
Броневский С. М. 195, 197
Броссе М. И. 140, 141, 148, 214, 302
Бругш Г. 236
Брюн В. де 74
Бузескул В. П. 114
Будагов Л. З. 98, 149, 222, 385
Будда 289, 328
Буйдин Н. 67
Булгаков А. 261, 409
Булыгин В. Л. 126
ал-Бурган 116
Бурнашев С. 68
Бурхард 235
Буссе И. Г. 91
Бутаков А. И. 111
Бутенев И. П. 234, 235, 404
Бутенев К. Ф. 169, 201
Бухари Мерза Шемса 266
Бухаров 31
Бухгольц И. Д. 39
Бюрнуф 129
Бюш 226

Ваза Г. 23
Валиханов Ч. Ч. 181
Валь 211
Ванг 242
Варлаам 11
Варлаам, игумен 70
Варсонофий 19
Вартис 44
Василий III 5, 24
Василий Великий 10
Васильев А. 84
Васильев В. Л. 90
Васильев В. П. 123, 136, 138, 273, 274, 278, 282, 283, 286—289, 305—309, 312—317, 370, 414, 415
Васильев И. 46
Васильчиков Г. 26
Васифи 116
Вассаф 221
Васыф-эфенди 204
Вахтанг VI 72
Великие Моголы 6, 33, 113, 257
Вельяминов А. 173
Вельяминов И. А. 173, 180
Вельяминов-Зернов В. В. 217, 219
Веневитинов Д. В. 362
Вениамин 13
Веревкин М. И. 61, 62, 73
Веселовский Н. И. 40, 121, 219, 223, 225, 227, 263
Вехби-эфенди 159
Вешняков А. А. 108
Вигасин А. А. 8
Вигье 205
Вильнёв К. де 117
Вильсон Г. 329
Винлок 234
Вирст 291
Виткевич И. В. 168, 185
Владимир Мономах 10, 14
Владимир Святославич 10, 17
Владимирцов Б. Я. 278
Владиславич-Рагузинский С. Л. 40, 83
Владыкин А. Г. 65, 143, 194, 267
Влангали Г. М. 155, 156, 158, 161

Войцеховский О. П. 123, 124, 273, 274, 314
Волков Б. 73
Волков М. Г. 141, 146, 147, 149, 215, 251, 254, 273, 400
Волков Я. 77
Волконский П. М. 153, 174, 176
Воловников В. Г. 8
Вольтер 301, 306
Вольф 6
Вольховский В. Д. 419
Волынский А. П. 42, 43
Вонифатьев Н. Д. 290
Воробьева-Десятовская М. И. 8
Ворожейкина З. И. 8
Воронин П. 65
Воронцов А. Р. 151
Воронцов М. С. 162, 199, 261
Воронцов С. Р. 319, 321, 323, 324
Вронченко М. П. 208, 209
Вышенский И. 107
Вышеславцев П. 196
Вюртембергский А. 234
Вяземский П. А. 295, 362

Габлицль Р. 61
Гаврилов М. Г. 98, 385
Гагара В. 29
Гагарин Г. Г. 160
Гагенар Г. 74
Гадзаловский С. 70
ал-Газали 28
Гази Малик 15
Галдан 79
Галов И. 227
Галятовский И. 70, 109
Гамазов М. А. 163—165
Ганнибал И. 363, 364, 366
Гантимур 35
Гассель 211
Гафиз (Гафис) см. Хафиз
Гаффаров М. А. 99
Гейденштамм 211
Геннадий 26
Генс Г. Ф. 179
Генци С.-Г. 100
Георги И. 56
Гербер И.-Г. 48
Герберштейн С. 26
Герман К. 378
Геродот 211, 218, 219
Герц К. 237
Герцен А. И. 96, 225, 330, 331, 404
Гесс 295
Гете 332, 363
Гецель В.-Ф. 100
Гизель И. 109
Гильфердинг А. 348
Гиляксанов А. 67
Гинтила И. К. 102
Гладышев Г. 123, 124
Глинг 295
Глинка Ф. Н. 359
Глухарев М. Я. см. Макарий, архимандрит
Глюк Э. 43
Гмелин С.-Г. 50, 56, 57
Гобиль А. 54
Гоголь Н. В. 295
Годунов Б. Ф. 23, 26, 27
Годунов П. И. 33, 37
Голенищев В. С. 236, 404, 405
Голенищев-Кутузов М. И. 322
Голиков И. И. 366
Голиус 252
Голицын С. Н. 238, 239
Головин 184
Головин В. М. 355
Головин Ф. А. 89
Головкин Г. И. 44
Головкин М. Г. 53
Головкин Ю. А. 161, 174
Голокнат Даш (Голокнатх Дас) 320
Гольдерман И.-Б. 61
Голстунский К. Ф. 138, 278
Гомбоев Г. 138, 278, 281, 284
Гомер 353
Гонза (Поморцев) 53, 54
Горбачева З. И. 269
Горгасал В. 214
Гордеев Г. С. 196
Гордлевский В. А. 7
Горский В. В. 287, 288, 302, 303, 412
Горчаков П. Д. 181
Горяев Я. 192
Готвальд И. (О.)-Ф. 136, 138, 223, 225, 249
Грек Максим см. Максим Грек
Грек Феофан см. Феофан Грек
Греч Н. И. 166, 212
Грибов А. 32
Грибовский С. 267, 268
Грибоедов А. С. 7, 162, 168, 196, 359—361, 364—366, 393, 421
Григорович В. Г. (Барский, Плака, Альбов) 71, 107, 108, 110, 229
Григорьев В. 357
Григорьев В. В. 116, 147, 148, 163, 198, 200, 204, 205, 207, 212, 213, 224, 225, 227, 241, 246, 250, 254, 258—266, 329, 347, 398, 407, 409, 410
Григорьев М. 19
Грилль Дж. 329
Гродексов Н. И. 228
Гроддек Г. 105, 202
Грозный см. Иван IV
Громбчевский Б. Л. 228
Гулак-Артемовский П. П. 113
Гульянов И. А. 230, 236, 302, 402, 405
Гундофар 17

Гурамишвили Х. 72
Гуриновский П. 71
Гурьев Д. А. 153
Гусев А. Н. 147
Гуюк 276, 295
Гюльденштедт И.-А. 56, 59, 229

Давлат-шах 223
Давыдов О. (Дьяконов) 76
Дажень 309
Дай-мин 90
Дайнези И. Ф. 185
Дамаскин И. см. Иоанн Дамаскин
Дандин 346
Данибегов (Данибегашвили) Р. 169
Даниил (Сивиллов) 123—125, 136, 298
Даниил 14
Данилевский Н. 199
Данцзан Гаван 126
Данциг Б. М. 98
Дарий 218
Дас Г. 320
Даудов В. А. 30, 33
Даулат-шах 226
Дашков Я. А. 392
Дебу И. Л. 195, 197
Делиль Ж.-Н. 52
Дёлль 233
Дельвиг А. А. 356
Деманж Ж.-Ф. (И. Ф.) 145, 155, 158
Демезон П. И. 158, 159, 395
Денбей 39, 42
Денежников 171
Денон В. 233
Депей 87
Державин Г. Р. 350, 351
Деревенский И. 33
Деспот-Зенович А. И. 192—194
Джами 222, 354
ал-Джаухари 252
Джевдет ал-Абрар 116
Джихан Нюм 116
Джога Ф. (Чжугэ, Чжоу Гэ, Петров Ф.) 77
Джучиды 15, 120
Дибич И. И. 182
Дивов П. Г. 161
Диез Д. 143
Динара 28
Диодор 36
Дир 248
Диттель В. Ф. 130—133, 149, 216, 259, 389
Диянов И. 193
Добель 298
Добровский И. 102
Додохян 101
Долгопятов 171
Донатский А. 71
Дорн Б. (Б. А.) 113, 114, 134, 141, 144, 160, 209, 215, 217, 229, 233, 241, 254—259, 344, 347, 409
Досифей 31
Дост Мухаммед-хан 185
Дроветти 233
Дубровский П. П. 232, 403
Дю Риер 45, 73
Дюгальд Ж.-Б. 49, 74, 377
Дюгамель 212

Евреинов И. 47—49
Екатерина II 57, 60, 62—64, 73, 75, 89, 118, 235, 238, 376
Елачич Ф.-Л. 59, 90, 91
Елизавета 26
Елчин Ф. 31
Епифаний 16, 21
Ермолов А. П. 156, 167, 168, 175, 361
Ермолов П. 176
Ефимов Д. Е. 234, 235
Ефремов Ф. С. 70

Жаба А. 157
Жобер 211
Жуков И. 123
Жуковский В. А. 159, 161, 335, 362
Жуковский С. Ф. 102, 105, 295
Журавлев А. И. 193
Жюльен С. 129, 303

Завадовский П. В. 154, 155
Закария б. Мухаммад ал-Казвини 255
Закревский А. 330
Залеман К. Г. 341, 346
Зан Т. 105, 106
Захарьев П. 31
Захир ад-дин Мар'аши 217, 255, 256
Зверев П. 374
Зейфарт 230
Зёммеринг 166
Златкин И. Я. 79
Зосима 16
Зубарев Д. 196
Зуев В. Ф. 56, 73

Иакинф, о. см. Бичурин Н. Я.
Ибн ал-Асир 248
Ибн Баттута 15
Ибн Кутейба 213
Ибн Мукла 251
Ибн Фадлан 10, 246—248, 251, 253, 406
Ибн Хаукал 247, 400
Ибн Хордадбех 9
Иван III 18
Иван IV 5, 22—24, 27
Иванов И. 123
Игнатий Смолянин 16
Игумнов А. В. 72, 125, 279—280

Игумнов Н. М. 188—190
Иериг И. 56, 57, 95, 143
Ижбулатов Ю. 46
Избрант Э.-И. 39, 40
Иззет 116
Измайлов Л. 41, 76, 83
Иисус Христос см. Христос
Ильинский И. Ю. 47
Индикоплов К. 11, 12
Иоанн Болгарский 10
Иоанн Дамаскин 10
Иоанн Малала 11
Инзов И. Н. 117
Иосиф 72
Исаак 19
Исуф Хорасани см. **Никитин А.**
ал-Исфахани Х. 249
Италинский А. Я. 110, 160

Йакут 247, 406
Йездигерд III 212

Кадыралибек 200
ал-Казвини Ахмад б. Мухаммад 255
ал-Казвини Йахйа б. Абд ал-Латиф 255, 400
Казем-Бек А. К. (М.-А.) 125, 129—134, 138, 139, 149, 158, 164, 209, 255, 256, 366
Калидаса 74, 327, 328, 346, 353
Каллери 303
Камбиз 235
Каменский В. И. 87, 167
Каменский П. И. 167, 189, 268—273
Канаев А. 77
Канси 79, 82, 90
Кантемир Д. К. 46, 47, 53, 68, 111, 143, 376
Кан-хи 90
Каподистрия И. 155
Капонеров Я. 71
Карамзин Н. М. 7, 74, 98, 159, 161, 198, 263, 272, 278, 352, 353, 408
Картмер 216
Касимов М.-Ю. 33, 35
Кастильоне К.-О. 233
Кастрен М.-А. 138
Катанов Н. Ф. 408
Катенин П. А. 356, 357
Катрмер 216
Кафаров П. 90, 273, 277, 286, 370
Кафтырев Д. 212
Квашнин-Самарин А. Н. 62
Кейль К.-Ф. 101
Кемпфер 61
Кен Б. 233, 235, 236
Кеппен К.-Ф. 75
Кер Г.-Я. 58, 65—68, 73, 93, 142, 251, 252, 379
Кёрёши А.-Ч. де 284
Кильбургер 36
Кинк Х. А. 404
Киприан 161
Кирхер А. 230
Клапрот Г.-Ю. 47, 140, 143, 166, 210, 211, 230, 232, 257, 286, 299, 304
Клейнерт А.-Ф. 101
Ключарев Я. 56
Клюшников И. 330
Кнорре Г. 116
Княжевич Д. М. 410
Ковалевский А. П. 246
Ковалевский Е. П. 152
Ковалевский О. М. 107, 123, 125—130, 138, 277—282, 287, 299, 300, 305, 306, 317, 389, 411
Кованько А. И. 299
Кожин А. 44
Козегартен И.-Г.-Л. 211, 407
Коковцев М. Г. 69
Колесников А. И. 8, 399
Колмаков А. 73
Колушкин 43
Колюбакин Н. П. 198
Конисский Г. 70
Кононов А. Н. 7, 57, 118, 146, 391
Коноплев Н. Г. 98, 147, 385
Конрад Н. И. 3, 4, 7
Константинов 151
Контарини А. 19
Контримас К. 102, 104, 105
Конфуций 78
Кончак 10
Копитар И. 102
Коридал Ф. 109
Коркунов М. А. 98, 385
Корнилович А. О. 355, 358
Коробейников Т. 26, 37
Коробов В. А. 24, 26
Корсаков М. С. 193
Корш Ф. Е. 99, 334
Коссаковский С. И. 233
Коссович К. А. 345, 347—349, 371
Костомаров Н. И. 110, 251
Котов Ф. 32
Кох И. И. 75
Коцебу М. Е. 210
Кочубей В. П. 153
Крафт Г.-Ф. 50, 214
Крачковский И. Ю. 7, 69, 99, 107, 117, 120, 249, 253, 333
Крашенинников С. П. 50, 52
Крашенников Н. 56
Крижанич Ю. 35, 37
Кришна Мишра 348
Крузенштерн И. Ф. 69, 144, 163, 174, 291, 292
Крыжановский К. 109
Крылов И. А. 159, 295
Крымский А. Е. 7, 190—194
Ктесий Книдский 17, 218
Кузьмин Г. 116

Кукольник П. 104
Куликова А. М. 8, 145, 147, 391, 399
Кульчицкий У. 62
Куник А. А. 248
Кунчен Нганбанг-цзондуй 312
Куприянов 184
Куторга М. С. 237
Кычанов Е. И. 8
Кэлюс де 231
Кюхельбекер В. К. 354, 357, 359, 363
Кяфие 116

Лаваль 235, 405
Ланг Л. 41, 52, 59, 82, 83
Ланг М. 231
Ланчи М. 251
Лассен Х. 345
Лашевский В. 109
Лашкарев С. Л. 151, 391
Лебедев Г. С. 74, 318—326, 335, 344, 371
Левашов П. А. 65, 67
Лёвшин А. И. 201, 202, 397
Легкобытов В. 196
Ледебург (Ледебур) 214, 244
Лежайский И. 40, 75
Лейбниц Г.-В. 6, 49
Лелевель И. 103—105, 202
Леман А. И. 169
Ленц Р. Х. 148, 329, 334—336, 344, 347, 371
Леонтьев А. Л. 65, 75, 77, 79, 84—93, 95, 194
Леонтьевский З. Ф. 167, 270, 272, 273, 304
Лепехин И. И. 47, 56, 57
Лермонтов М. Ю. 295
Лерхе И.-Я. 68
Летронн 232
Ли Цзычэн 269
Ливен К. А. 161
Лившиц М. Г. 75
Линкевич Н. 43
Линницкий см. Смирнов Я. И.
Линцевский Г. 111
Липовцов (Липовцев) С. В. 167, 269—272, 277, 393
Липранди И. П. 172, 184
Лихарев И. М. 39
Лихачев А. Ф. 408
Лобанов-Ростовский М. Б. 199
Лобачевский Н. И. 122, 124—126, 129, 136, 338
Логофет см. Пахомий Серб
Ломоносов М. В. 50, 51, 80, 110
Лонперье А. 214, 255
Лопатинский Ф. Л. 70
Лоренц Г. 59
Лу Хуачжу 292
Лужецкая Н. Л. 8
Лужин Ф. 47, 49
Лука 376
Лукьянов И. 41, 42
Лукьянович 184
Лунин М. М. 114, 338
Лызлов А. И. 36, 37
Львов П. П. 185
Лэн-Пуль 243
Любимов Н. И. 392
Ляо 313
Ляхов И. 43
Ляшевский В. 70

Ма Жун 92
Магеллан 28
Магмет-Салтан см. Мехмет-султан
Маевский В. 324
Мазитова Н. А. 8
Майя де 78
Макарий, архимандрит 241
Макарий, монах 107
Макарий Антиохийский 30
Макарий Римский 17
Макризи 213
Максимилиан Трансильван 28
Максимов В. 227
Максимович Л. М. 195
Максимович М. А. 110
Малала И. см. Иоанн Малала
Маленький С. 33, 38, 210, 350
Малик Гази см. Гази Малик
Малья О. 74
Манасеин П. 363
Манзини 160
Марк 19
Марсель Ж.-Ж. 251
Марцин Бельский 29
ал-Мас'уди 248, 400
Матвеев 228
Матвеев А. С. 33, 35
Матвеев Я. 70
Матренинский В. И. 193
Матье 160
Матюшкин Ф. Ф. 364
Медведев Н. 32
Медем П. 234
Межевич В. 330
Мейендорф Е. К. 355, 420
Мела Помпоний 36
Менгли-Гирей 19
Менд 184
Менцов Ф. В. 212, 343
Меншиков А. С. 177
Мерен 249
Меркатор Г. 36
Меррик Д.-У. (Ульянов И.) 32, 34
Мессершмидт Д.-Г. 48, 59, 82, 143
Метастасий 95
Мефодий 70
Мефодий Патарский 13, 20
Мехмет-султан (Магмет-Салтан, Магмет-салтан) 19, 29

Мехмет Юсуф 33
Микулин Г. И. 26
Миллер Г.-Ф. (Ф. И.) 6, 50, 52, 54, 55, 57, 59, 68, 143
Мильтон Д. 34
Милютин Д. А. 182
Минаев И. П. 326
Мире (Мери-рау, Мареа) 231
Митридат 243
Михаил Павлович 343
Михаил Федорович Романов 29, 31, 34
Михайлов И. 56
Михайловский-Данилевский А. И. 184
Михаэлис Г. 109
Мицкевич А. 105, 208
Моголы см. Великие Моголы
Моллер Н. С. 301
Монтескье 366
Монферран О.-Р. де (А. А.) 234, 236
Марачевич В. 301
Мордтман А. 214
Мубарак Абу-л-Фазл 255
Муллофар 33
Мункэ 276, 295
Мунши И. 216
Муравьев А. Н. 234
Муравьев Н. М. 354, 358, 367, 419, 420
Муравьев Н. Н. (Муравьев-Карский) 184, 212, 355, 421
Муравьев-Апостол И. М. 353, 356
Мурзокевич Н. 117
Мусин-Пушкин М. Н. 125, 126, 133, 338
Мусин-Пушкин Н. Н. 421
Мухаммед Али 206
Мухаммед Анди-бек 24
Мухлинский А. О. 107, 147, 149, 163—165, 207, 252
Мюних В. 102

Навроцкий М. Т. 123, 138
Навуходоносор 20
Нагой А. 25
Назарянц С. И. 101, 124, 125, 136, 147
Наим-эфенди (Наима) 116, 204
Наполеон I 171, 230
Наумов И. 70, 71
Наумов П. 357, 358
Нащокин 26
Невёров Я. 330
Неверовский А. А. 199
Негри А. Ф. 161, 169
Неелов 242
Неймантес Р. П. 8
Неплюев И. И. 108, 394
Нерпин И. А. 193
Нессельроде К. В. 151, 153, 156, 162, 182, 190, 291
Нестор Искандер 20, 22, 29
Нечаев М. Г. 42
Нечаев Н. И. 191
Низами 223
Нийаметулаг 113
Никитин А. (Исуф Хорасани) 4, 20—23
Никитин В. 60, 70
Никифоров В. Н. 8
Николаи А. Л. 322—324
Николай I 166, 184, 190, 197, 235, 260, 301, 343, 356
Никольский Я. Д. 70
Ниматулла 257
Новиков Д. 60
Новиков Н. И. 7, 73, 74, 96, 350, 351, 365, 368, 419
Новицкий Г. В. 195
Новосильцев 24
Ногмов Ш. Б. 198
Норденштамм И. И. 196
Норов А. С. 138, 234, 236, 404
Носков И. Ф. 177
Нурмекунд П. П. 8

Обольянинов П. Х. 170
Огарев Н. П. 330
Огарков М. 27
Одоевский В. Ф. 295
Ознобишин 251, 406
Окерблад 230
Окладников А. П. 420
Олеарий А. 32
Олег Ингваревич 15
Оленин А. Н. 161
Ольденбург С. Ф. 7, 307, 308, 317, 346, 349
Ольсхаузен Ю. 213, 255
Ольшевский М. Я. 199
Омейяды 213
Орлов В. П. 170, 171
Орлов М. Ф. 360
Ортис Я. 331
Осман II 30
Осокин М. О. 193
д'Оссон М. 203
Остерман А. И. 52, 67, 83

Павел Алеппский 107, 248
Павел I 62, 73, 97, 150, 170
Павский Г. П. 239—241
Падухин И. А. 138
Пазухины 32
Пак Т. А. 8
Палеолог И. 16
Палин Н.-Г. 232
Паллас П.-С. 41, 50, 57, 58, 143
Панаев И. И. 295
Панеш Э. Х. 8
Панин В. 19, 20
Панин Н. И. 376

Панини 345
Парро Ж.(Г.)-Ф. (Паррот Е. И.) 147, 391
Парфений 31
Пасецкий В. М. 419
Паскевич-Эриванский И. Ф. 158, 162
Пассалаква Дж. 232
Патарский М. см. Мефодий Патарский
Патканов (Патканян) К. П. 101, 141
Патканян Р. 101
Пахомий Серб 16
Пересветов И. 28, 29
Пероз 214
Перри Д. 44
Песталоцци И.-Г. 119
Пестель П. И. 353, 354, 356, 419
Петлин И. 34
Петр I 6, 38—40, 42—50, 57, 59, 64, 73, 75, 91, 96, 111, 143, 144, 152, 350, 376
Петрашевский И. Б. 147, 149, 163
Петров З. П. 302
Петров П. Я. 98, 124, 125, 136, 147, 303, 329—342, 344, 347, 349, 371, 417
Петров Ф. см. Джога Ф.
Петросян И. Е. 8
Печерский Ф. см. Феодосий Печорский
Писарев С. 83
Плано Карпини 281
Платковский А. 62
Плетнев П. А. 348
Плещеев М. А. 5, 19
Плещеев С. 69
Плиний 36
Плюшар А. 212, 218, 261
Погодин М. П. 295, 296, 299, 301, 302, 335, 337
Подчашинский К. 105
Пожье Г. 303
Позняков В. 26, 27
Полевой Н. А. 188, 357
Поликарп 306
Полосин В. В. 8
Поморцев Д. см. Гонза
Попов А. В. 125—128, 278, 279, 281, 288
Попов В. И. 123
Попов М. 41
Постников П. В. 45, 73
Потанин Г. Н. 181
Потемкин П. С. 69
Пото 241
Потоцкий Я. О. 154, 155
Почаский С. 109
Поярков 5
Прокопович Ф. 52
Прушановский К. И. 199
Псамметих III 235
Псевдо-Каллисфен 17
Пугачев Е. 296
Путята Ш. П. 228
Пушкин А. С. 6, 7, 166, 167, 230, 239, 295—297, 331, 350, 358, 359, 362—365, 368, 400, 421
Пушников Р. 33
Пьерро 167
Радзивилл М. 104
Радищев А. Н. 7, 96, 350—353, 368
Радожицкий И. Т. 196
Раевский А. Н. 361
Разумовский А. К. 319
Райнегс Я. 69
Рамсес VI 231
Ранганатхи 328
Расмуссен Я. 246, 406
Рафаилов М. 169, 393
Рафалович А. А. 116, 117, 237
Рахманов П. А. 173
Рашид ад-дин 216, 223
Резанов Н. 143
Рейналь 74, 352
Рейхель И.-Г. 61
Реланд А. 251
Ремезов С. Е. (С. У.) 37, 39
Ремюза Ж.-П.-А. 261, 274, 275, 315, 409
Ранненкампф 175, 196
Ресми Ахмед-эфенди 204
Рехт И. 98
Рибопьер А. И. 161
Риер см. Дю Риер А.
Римский М. см. Макарий Римский
Рифе 160
Рифо 233
Рихтер О. Ф. фон 231
Родофиникин К. К. 151, 153, 294, 392
Рожер II 251
Розен В. Р. 247
Роллан Ш. 74
Романов М. Ф. см. Михаил Федорович
Ромодин В. А. 229
Рославский-Петровский А. П. 114
Россохин И. К. 54, 55, 59, 62, 75—81, 89, 90, 194
Ростопчин 295
Рот Р. 345
Ротчев А. Г. 363
Роулинсон Г. С. 218, 219
Руднев Д. С. 104
Руже Э. де 235, 236
Руми 221, 223
Румянцев А. И. 43
Румянцев Н. П. 211, 404, 406, 407
Рунич Д. П. 145
Руссо 249, 406
Рустем И. 105
Руткевич М. 106

Рыженков М. Р. 8
Рылеев К. Ф. 331, 357, 360
Рычков Н. П. 51, 56, 69

Саад ад-дин 204
Саади (Сади) 221, 222, 227, 354
Саблуков Г. 251
Савельев П. С. 163, 200, 203, 212—214, 218, 244, 246, 249—251, 253, 254, 263, 265, 266, 405
Сазонов Н. И. 330
Сазыкин А. Г. 8
Салатян М. 220
Саманид И. 222
Самарканди см. Абд ар-Раззак Самарканди
Самборский А. А. 319, 321
Самебели И. 72
Сардаков А.-Г. 179
Сасаниды 214
Саси С. де 98, 100, 144, 209, 217, 221, 230, 334
Сафонович Ф. 109
Сахаров 295
Свиньин П. П. 210
Селивестр 107
Селим-паша 117
Селим-султан 24
Семен Дмитриевич 15
Семенов А. 38
Семенов Д. 60
Сенковский О. И. 107, 146, 147, 149, 161, 182, 199, 202—206, 209, 212, 218, 219, 224, 225, 227, 231, 232, 243, 251, 254, 259, 292, 296, 297, 299, 304, 334, 368, 398, 399, 405, 407, 419
Сенюков Ф. 67
Сенявин Л. Г. 392
Сербинович К. С. 408
Серебренников 228
Сивиллов см. Даниил
Симонич И. О. 185
Синнер 160
Скачков К. А. 296, 301
Скачков П. Е. 90, 271, 412
Сковорода Г. С. 110, 112
Смирнов А. 123
Смирнов Я. И. (Линницкий) 319, 321
Смирнова-Россет А. О. 404
Смолянин И. см. Игнатий Смолянин
Смотрицкий 77
Снесарев А. Е. 228
Снядецкий Я. 104, 202
Соболев Л. Н. 171
Соза (Козьма Шульц) 53
Созонович В. 211
Соймонов Ф. И. 47
Соколов А. 56
Соловьев-Протасьев 29
Сомов О. М. 356
Сонин Н. Д. 138
Сонхбар 52
Соэга 230
Спасский Г. И. 200, 209, 210, 367
Спафарий Н. Г. 35, 36, 269
Сперанский М. М. 153
Спешнев Н. А. 304
Срезневский И. И. 114
Ставровский А. И. 111
Стариков А. А. 80, 98
Стейн А. 337
Стефан Новгородец 16, 21
Стефани Л. 233
Страленберг (Табберт) Ф.-И. 48
Стренина А. В. 80
Строганов Г. А. 161, 203
Субхи 116
Суй 313
Сулешовы 25
Сулейман 27
Султанов Т. И. 8
Сун 88, 313
Суханов А. 30, 37
Сухтелен П. К. 174, 232
Сухтелен П. П. 177, 179, 183
Сырейщиков Е. 75
Сыроежин Н. 33
Сюань-цзан 309
Сюнгалеев К. 46

ат-Табари 211
Табберт см. Страленберг
Тайшин П. 43
Тамара 28
Тамерлан (Тимур) 19, 20
Тами 160
Тан 88, 313
Тантави М.-А. 149, 158
Таранатхи 289, 309
Татаринов А. 143
Татаров 68
Татищев 23
Татищев А. И. 177
Татищев В. Н. 45, 46, 59, 63
Тауберт И. К. 53
Тайлс И. де 74
Теймураз 31
Темир-Аксак 15, 20
Темрюк 198
Тизенгаузен В. Г. 200
Тимковский Е. Ф. 151, 152, 291, 355
Тимур см. Тамерлан
Титов П. 157
Тихсен О.-Г. 119, 209, 406
Тишендорф К. 237
Тодорский С. 70, 109
Толстой П. А. 39, 40
Толь К. Ф. 176
Топчибашев М.-Дж. 145—148, 158, 159, 203, 219, 220, 222, 225, 226, 260, 334, 391

Тормасов А. П. 172
Торэгэнэ 295
Тредиаковский В. К. 73, 74, 330
Трескин Н. И. 291
Троянский А. А. 72
Туглак Мухаммад 15
Туманович Н. Н. 8
Туманский Ф. О. 69
Тунберг 74
Туровский К. 12
Тухачевский Я. 34
Тушканов В. 33
Тхонмисамбхота 285
Тышкевич 236
Тюменец В. 34
Тяжелов 238

У Сань-гу 303
Убаши 93
Убаши-Хунтайджи 281
Уваров С. С. 140, 154, 161, 269, 303, 391
Угримов И. 39, 77
Угэдэй 276, 295
Узбек 15
Узун-Хасан 19
Уилкинс Ч. 324
Украинцев Е. И. 29, 39
Улугбек 66
Ульянов И. см. Меррик Д.-У.
Унковский И. 39
Унферцагт И. 83
Уруслан Залазарович 28
Урусов 44
Успенский П. 237
Устюжанинов А. 192
Ушаков Н. И. 183, 184

Фаррух-Ясар 19
Федорович В. М. 192, 193
Фенев А. 53, 54
Феодосий Печерский 14
Феофан Грек 16, 21
Фергюссон Дж. 321
Ферист М.-Х. 74
Филарет (Амфитеатров) 240
Фирдоуси 218, 221—223, 226, 354
ал-Фирузабади 252
Фишер И.-Э. 55, 57, 59
Флавий И. 10
Флейшер Г.-Л. 140
Флоровский Н. 196
Фойгт К. 131, 137
Фома 17
Фонвизин Д. И. 98
Фонтанель 6
Фонтон А. А. 155, 161
Фортунатов Ф. Ф. 99
Фосколо У. 331
Фрейганг 211
Френ Х.-М. (Х. Д.) 113, 119—121, 129, 137, 138, 140, 141, 143, 144, 162, 156, 158, 161, 209, 216—219, 223, 224, 241—255, 327, 329, 333—335, 342, 388, 400, 405, 408
Фукс А. 137, 242
Фус Н. П. 294, 300, 303

Хабаров Е. П. 5
Хаджа Халиф 218
Хакани 223
Хальфин Ибрагим 62, 118—120, 136, 138, 199
Хальфин Исмаил 118
Хальфин Исхак 62, 118
Хальфин С. 62, 118, 119, 143
Хамзин А. 67
Хаммер (Хаммер-Пургшталь И.) 102, 211, 217
Хан-Гирей 197, 198
Ханыков Н. В. 169, 201, 202, 228
Хань 88, 90, 92
Хафиз (Гафиз, Гафис) 159, 222, 223, 227, 353
Хвостов Д. И. 272
Ходжа Хусейн (Хозяусейн) 24
Ходзько А. 157
Хозров И. 198
Хондемир 222, 256
Хормузд IV 214
Хохлов А. Н. 8
Хохлов И. 32
Христос Иисус 12, 70, 229, 240
Худобашев А. М. 167
Хулагуиды 274
Хусажевский Т. 103
Хусейн Урус 19
Хэдли Г. 321

Цагарели А. А. 141
Ценкер 133
Цзинь 79, 313
Цзонхава 312
Цин (Цинь) 79, 80—89, 93, 269, 304, 313
Цискаров В. 197
Цискаров И. 197
Цых В. Ф. 110
Цянь-лун 292

Чаадаев П. Я. 99, 364, 417
Чарторыский А. Е. 103
Чарыева Н. К. 8
Чекалевский П. 65
Чентурионе П. 23
Черепанов Ф. 193
Черников И. Д. 8
Черницын Ф. 65
Чиляев (Чиладзе) 195
Честной Д. С. 286, 302
Чингис-хан 276, 277, 295
Чжоу Гэ (Чжугэ) см. Джога Ф.

Чистович И. А. 241
Чистяков М. Б. 331, 332
Чичагов П. В. 112
Чихачев П. А. 208, 399
Чихачев Пл. А. 171
Чорбаджи-оглу 159
Чубинов (Чубинашвили) Д. И. 141 148
Чубовский А. 43

Шаден И.-М. 61, 98
Шампольон Ж.-Ф. 230, 361
Шараф ад-дин Бидлиси 217, 256
Шармуа Ф.-Б. (Ф. Ф.) 140, 145, 155, 156, 158, 161, 209, 216—219, 223, 224, 248, 259, 260, 333, 334
Шастина Н. П. 7, 79
Шаститко П. М. 8
Шафиров П. П. 44
Шах-Джахан 33
Шаховской А. А. 359
Шахрух 19
Шевелев М. Г. 193
Шевченко Т. Г. 110, 111
Шевырев С. П. 339, 348
Шегран 198
Шези 100
Шекспир У. 208
Шеллинг 331
Шенанькин П. 53, 54
Шенкель 404
Шенстрем 73
Шераф ад-дин 223
Шеркунов П. 193
Шиллинг фон Канштадт П. Л. 166, 167, 187, 188, 273, 285, 291, 295, 296, 323, 393
Ширинский-Шахматов А. 132
Шифман И. Ш. 8
Шифнер А. А. 287—289
Шихалиев Д.-М. 199
Шишмарев Я. П. 193
Шлегель А.-В. 345
Шмидт Г. 166
Шмидт И.-Я. (Я. И.) 140, 274, 275, 279, 280, 284, 286—288, 304, 329, 333, 411
Шорин В. 33
Шофман А. С. 337, 339
Шпанберг М. 54
Шпицнагель Л. 157, 159, 161, 217
Штедер Л. Л. 68
Штелин Я. Я. 54
Штюве 246
Шуберт Ф.-И. 69
Шуйский В. 33, 34
Шульц Козьма см. Соза
Шутов А. 116

Щеглов 73
Щекатов А. 195
Щукин 65

д'Экштейн 364
Эмин Ф. А. 65, 67
Энгельгард Е. А. 144
Энегольм Г. 175, 176, 183
д'Эрбело 252
Эрдман Ф.-И. 119—121, 124, 129, 131, 179, 211, 215—219, 223, 225, 405—407
Эссен П. К. 179

Юань 76, 312
Юдин Л. 25
Юнг см. Янг
Юн-чжен 87, 88

Яворский И. Л. 228
Яворский С. 109
Ядринцев Н. М. 181
Языков Д. 348
Якоби И. В. 92
Яковлев С. 30, 65
Якуб ибн Лейс 222
Якубович 363
Янг (Юнг) 230
Яни 234
Янкович де Мириево Ф. И. (Т. И.) 58, 64
Яновский А. 196
Ярослав Мудрый 11, 385
Ярцов Я. О. 167, 200

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. Источники и характер сведений о Востоке в древней и феодальной Руси 9

Глава 2. Востоковедение в России в XVIII столетии 38

Петровские реформы и востоковедение 38
Востоковедение в Императорской Академии наук 50
Попытки наладить регулярное преподавание восточных языков . 60
Вклад в востоковедение сотрудников дипломатического и военного ведомств 64
Вклад учреждений синодального ведомства: восточные языки в программах духовных учебных заведений 70
Переводы книг западноевропейских востоковедов 72
Российская духовная миссия в Пекине. И. Россохин, А. Леонтьев, А. Агафонов . 75

Глава 3. Востоковедные центры России в первой половине XIX века 96

Становление и развитие востоковедения в Москве. Московский университет 98
Востоковедение в Дерптском университете 100
Востоковедение в Виленском университете 101
Востоковедение на Украине . 107
Киево-могилянская академия 109
Киевский университет . 110
Харьковский университет . 111
Ришельевский лицей в Одессе . 115
Казанский центр востоковедения 118
Азиатский музей Петербургской Академии наук 140
Азиатский архив 142
Петербургский университет 144

Глава 4. Вклад в изучение Востока департаментов дипломатического, военного и финансового ведомств России в первой половине XIX столетия 150

Азиатский департамент Министерства иностранных дел 150
Дипломатические представительства на Востоке 167
Военное ведомство 169
Кяхтинское училище китайского языка 186

Глава 5. Изучение стран Ближнего и Среднего Востока в России в первой половине XIX столетия . . 195

Кавказоведение 195
Изучение Средней Азии и Казахстана 199
Османистика 202
Иранистика 209
Изучение персидской литературы 219
Становление афганистики . . 227
Становление египтологии 229
Проблемы семитологии . 238
Арабистика. Френ . . . 241
Б. А. Дорн 254
Изучение стран Западной и Центральной Азии. В. В. Григорьев 258

Глава 6. Изучение стран Дальнего Востока в России в первой половине XIX века 267
Китаистика . 267
Монголоведение 274
Изучение Тибета 284
Н. Я. Бичурин 289
В. П. Васильев 305
Глава 7. Становление индологии в России 318
Г. С. Лебедев 318
Индология в 30—50-е годы XIX в. 326
Глава 8. Зарождение демократического направления в русской литературе и публицистике о Востоке в XVIII — первой четверти XIX столетия 350
Заключение 368
Примечания 372
Список сокращений 422
Указатель имен 423

Научное издание

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
до середины XIX века

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Б. Г. Дударев*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гущина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 16547

Сдано в набор 29.03.90. Подписано к печати 11.10.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 27,5. Усл. кр.-отт. 27,5. Уч.-изд. л. 32,77. Тираж 3150 экз. Изд. № 6621. Зак. 136. Цена 4 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Б. С. Ерасов. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). 15 л.

В книге рассматриваются культуроведение и его место среди других востоковедных дисциплин. Анализируется соотношение культуры с экономикой, политикой, идеологией, религией, показаны особенности культуры в прошлом и в современный период. Анализ цивилизационного уровня культуры раскрывает принципы и закономерности формирования духовной жизни стран Востока в классический период и специфику ее развития в новейшее время.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкниги», а также по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкниги».